

ДЪЛО БЕЙЛІСА.

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ.

ТОМЪ III.

ПРЕНІЯ СТОРОНЪ.

(ЗАСЪДАНІЯ 29—34).

КІЕВЪ.

1918.

ДѢЛО БЕЙЛИСА.

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ.

Томъ III.

Пренія сторонъ.

Рѣчи прокурора, гражданскихъ истцовъ, защитниковъ и резюме
предсѣдателя.

Съ приложеніемъ алфавитнаго поименнаго указателя.

КІЕВЪ.

Типографія Р. К. Лубковскаго, Фундуклеевская № 19. Телефонъ № 5.
1913.

Двадцать девятый день.

23 октября 1913 г.

ПРЕНІЯ СТОРОНЪ.

Засѣданіе 23-го октября открывається въ 1 ч. 30 м. дня.

Предс. Возобновляю судебное засѣданіе. Судъ приступаетъ къ пренію сторонъ. Г. прокуроръ, вамъ принадлежитъ слово.

Рѣчь прокурора.

Господа присяжные засѣдатели. Выступая обвинителемъ по настоящему дѣлу, я хорошо сознаю всю трудность предстоящей мнѣ задачи и ту огромную отвѣтственность, которую я несу въ качествѣ представителя государства. Но мнѣ кажется, что на вашу долю выпалъ еще гораздо болѣе тяжелый, гораздо болѣе отвѣтственный трудъ, чѣмъ на мою. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца вы были лишены свободы, вы были оторваны отъ вашихъ семействъ, отъ вашихъ обычныхъ занятій, вы проводили здѣсь все время, здѣсь, въ душномъ залѣ судебного засѣданія, въ непривычной для васъ обстановкѣ, напрягали неизмѣримымъ усиленіемъ вашу память, чтобы охватить этотъ сложный громадный матеріалъ, который былъ представленъ на ваше усмотрѣніе. Но, г.г. присяжные засѣдатели, я думаю, что страна оцѣнитъ вашъ безкорыстный подвигъ. Вы потерпите утѣшеніе въ томъ, что вы служили великому дѣлу правосудія, что вы исполняли вашъ гражданскій долгъ и, что, наконецъ, вашими устами будетъ произнесено то слово, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ вся Россія, — слово правды.

Господа присяжные засѣдатели. Настоящее дѣло, какъ вы сами видите, дѣло неслыханное, дѣло небывалое, какъ небыва-

ло-неслыханно это злодѣяніе, которое составляетъ содержаніе настоящаго дѣла. Г.г. присяжные засѣдатели. Мы еще недавно пережили тяжелую эпоху революціи, эпоху, отмѣченную кровью. Кровь лилась въ Россіи повсюду, убивали должностныхъ лицъ, бросали бомбы какъ въ должностныхъ лицъ, такъ и въ другихъ, — истребляли народъ. Злодѣянія изъ года въ годъ становились все ужаснѣе, все болѣе и болѣе возмущали нашу совѣсть. Но даже на этомъ кровавомъ фонѣ той эпохи, которую мы только что пережили, убійство Андрюши Юшинскаго выдѣляется какимъ-то особеннымъ кровавымъ, ужаснымъ пятномъ. Въ самомъ дѣлѣ, среди бѣла дня въ большомъ древнемъ русскомъ городѣ, украшенномъ многочисленными святынями, въ городѣ, куда со всѣхъ сторонъ стекается многострадальная, сермяжная, бѣдная Русь, вдругъ хватаютъ ни въ чемъ неповиннаго мальчика, добраго, общаго любимца, никому не сдѣлавшаго никакого зла и этого мальчика подвергаютъ невѣроятнымъ мученіямъ, и евѣроятнымъ истязаніямъ, его закалываютъ въ жертву, источаютъ изъ него кровь. И, наконецъ, наглумившись надъ его тѣломъ, надъ его душой, душой мученика, бросаютъ въ пещеру, гдѣ онъ и находится. Г.г. присяжные засѣдатели, кто бы ни совершилъ это дѣяніе, Бейлисъ, или его соучастники, или какой-нибудь злодѣй, спокойно относиться къ этому злодѣянію, хотя Андрюша намъ всѣмъ чужой, но въ настоящее время онъ всѣмъ родной, мы, если мы сохранили въ себѣ сердце, не можемъ. При одномъ воспоминаніи объ

этомъ злодѣяніи холодѣетъ сердце. Безжалостность жестокость, настолько велика, что—я боюсь,—спокойно къ этому относиться мы ни въ коемъ случаѣ не сможемъ. И я понималъ бы, если бы это дѣло назвали міровымъ именно съ точки зрѣнія такого утонченнаго звѣрства, этихъ утонченныхъ мученій, которымъ подвергли несчастнаго Андрюшу. Въ этомъ смыслѣ весь міръ, не только христіанскій, но весь міръ, который вѣрить въ Бога, долженъ былъ бы содрогнуться, и этотъ процессъ съ этой точки зрѣнія долженъ былъ быть названъ міровымъ.

Но міръ занять своими дѣлами, міръ занять своими конституціями, своими правленіями и для міра Андрюша Ющинскій чужой, забытый. Два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ убитъ. Вспомнилъ-ли кто-нибудь за это время объ Андрѣ Ющинскомъ? Что для міра Ющинскій? Для міра гораздо важнѣе Бейлисъ и то обвиненіе, которое предъявляется къ Бейлису. Міровымъ процессомъ онъ дѣлается потому, что на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ Бейлисъ и мы имѣемъ смѣлость съ точки зрѣнія общественной обвинять его и его соучастниковъ въ томъ, что они изъ побужденій изувѣрства совершили это злодѣяніе. И стоило привлечь на скамью подсудимыхъ Бейлиса, какъ весь міръ заволновался и настоящее дѣло приобрѣло характеръ дѣла мірового.

Къ счастью, гг. присяжные засѣдатели, вы изолированы отъ того вліянія, которое происходитъ тамъ за стѣнами этого судебного засѣданія. Объ этомъ вліяніи я говорить не буду. Вы только здѣсь обсуждаете этотъ вопросъ. Но вы хорошо знаете, какое волненіе вызывается со всѣхъ сторонъ и какое значеніе придаетъ этому процессу пресса. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Я понимаю, если мнѣ скажутъ, что вы предъявляете такое серьезное обвиненіе евреямъ, еврейству. Нисколько. Мы обвиняемъ только отдѣльнаго изувѣра. мы нисколько не думаемъ обвинять еврейство, оно можетъ быть чуждо этому изувѣрству, но намъ хотѣть сказать,—вы хотите обвинить еврейство и это для васъ орудіе политической борьбы. Вы посадили не Бейлиса на скамью подсудимыхъ, а все еврейство. Вотъ почему на этихъ скамьяхъ сидятъ выдающіеся адвокатскія свѣтила, вотъ почему на другой сторонѣ сидятъ эксперты,

украшенные орденами и медалями. Не потому, что обвиняется Бейлисъ, а потому что обвиняется все еврейство. Вы обвиненіемъ Бейлиса хотите добиться ограниченія правъ евреевъ, вы преслѣдуете какія то политическія цѣли.

Я долженъ разъ навсегда сказать—ничего подобнаго. Все движеніе вызвано только тѣмъ, что обвиняется Бейлисъ. Это движеніе для васъ понятно. Достаточно вспомнить о знаменитомъ процессѣ Дрейфуса, достаточно вспомнить, какъ поднялся, какъ волновался изъ-за одного человѣка весь міръ, изъ-за человѣка, обвинявшася въ государственной измѣнѣ только потому, что онъ былъ еврей. И теперь только потому, что еврей обвиняется въ такомъ кровавомъ преступленіи, въ такомъ изувѣрскомъ преступленіи, міръ долженъ волноваться. Я не отрицаю, что можетъ быть еврейству очень неприятно, очень тяжело, что одинъ изъ ихъ соплеменниковъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, я не отрицаю, что можетъ быть ему тяжело. Но что мы возбуждаемъ кровавыя навіѣты,—эти слова здѣсь совершенно непримѣнимы, потому что мы могли бы обвинить и русскихъ, скопцовъ, въ такомъ же преступленіи, которое они могли бы совершить.

Но евреи боятся, они боятся можетъ быть въ силу того, что, если онъ будетъ осужденъ, то несомнѣнно падетъ тѣнь на все еврейство, можетъ быть, произойдутъ эксцессы, ненужные, возмутительные. Но вы знаете, гг. присяжные засѣдатели, что правительство оберегаетъ всѣхъ своихъ подданныхъ одинаково, правительство принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не было ненужныхъ эксцессовъ, чтобы не было погрома. О погромѣ даже представитель еврейства Марголинъ намъ заявилъ, что онъ въ погромѣ не вѣритъ и не допускаетъ возможности. Слѣдовательно не оттого происходитъ волненіе, что въ еврейской націи опасаются погромовъ. И если эти погромы происходили, то они имѣли мѣсто среди еврейской бѣдности, непричастной совершенно къ этому. А заправили еврейскаго народа, тѣ люди, которые руководятъ еврейскимъ народомъ, которые возмущаютъ насъ своими приемами,—они подводятъ подъ это свой несчастный народъ. Вотъ что я могу сказать о тѣхъ, которые шумятъ вокругъ этого дѣла, дѣлаютъ его міровымъ и возбуждаютъ еще большую ненависть по

отношенію къ евреямъ, чѣмъ та, которая существуетъ во многихъ кругахъ русскаго общества.

Но вы должны, гг. присяжные засѣдатели, забыть объ этомъ движеніи, вы должны помнить только объ этомъ дѣлѣ и больше ни о чемъ. Вѣдь если бы обвинялся въ этомъ преступленіи не еврей, а русскій, развѣ было бы такое движеніе, развѣ было бы такое волненіе. Если бы мы обвиняли въ какомъ нибудь суевѣрномъ преступленіи, а такія преступленія бываютъ, если бы здѣсь былъ обычный убійца, который убилъ-бы кого-нибудь, чтобы добыть крови съ суевѣрной цѣлью, было-бы такое движеніе? Никогда. Говорили-бы о кровавомъ навѣтѣ? Ничего подобнаго... Суевѣрія, которыя были въ древнія вѣка, они остаются по прежнему и сейчасъ, но только потому, что на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ Бейлисъ, поѣтому намъ нужно волноваться и возмущаться. Нѣтъ, забудемъ объ этомъ и будемъ только думать объ одномъ, о настоящемъ дѣлѣ.

Уже съ того самаго момента, когда возникло дѣло, когда только что былъ найденъ трупъ, исколотый трупъ Андрюши Юшинскаго, уже съ того момента началась агитация. Уже со стороны евреевъ—не Бейлиса конечно, потому что онъ человекъ немущій,—а со стороны евреевъ принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы запутать, затемнить это дѣло. И глубоко правъ экспертъ Сикорскій, когда онъ указывалъ здѣсь, какъ происходитъ подобнаго рода движеніе. Именно съ этого обычно начинается,—стараятся всѣ мѣры употребить на то, чтобы слѣдственную власть свести съ истиннаго пути, навести на ложный путь,—заподозрить другихъ лицъ въ этомъ убійствѣ. Запутывается дѣло насколько возможно и какая-то чужая невидимая рука, вѣроятно сыпляющая многочисленное золото, распоряжается всѣмъ этимъ и запутываетъ дѣло настолько, что въ теченіе двухъ лѣтъ судебный слѣдователь не въ состояніи былъ распутать тѣ версіи, которыя они предлагали. И въ концѣ-концовъ намъ приходится цѣлый мѣсяць сидѣть здѣсь, чтобы распутывать это дѣло.

Но что же въ концѣ-концовъ сдѣлали они? Запутывали его всячески, предлагали тѣ и другія версіи, возбуждали обвиненіе сначала противъ родственниковъ, потомъ противъ воровъ, снова противъ род-

ственниковъ и снова противъ воровъ. Они сами хлопочутъ за него, хлопочутъ, чтобы онъ не попалъ на скамью подсудимыхъ. И всетаки они привели насъ неизбежно къ этой усадьбѣ зайцевскаго завода, гдѣ это преступленіе и было совершено.

И мнѣ, какъ обвинителю, придется не только доказывать виновность подсудимаго Бейлиса, нѣтъ. Трудъ мой гораздо значительнѣй. Мнѣ придется доказывать, что тѣ лица, которыя проходили передъ нами здѣсь въ качествѣ свидѣтелей, которыя были въ сущности подозрѣваемы и обвиняемы, ихъ въ газетахъ даже беззастѣнчиво называли убійцами,—мнѣ нужно снять съ нихъ сначала это обвиненіе въ убійствѣ. И послѣ того, какъ я сниму это обвиненіе въ убійствѣ съ цѣлаго ряда лицъ, которыя назывались убійцами, только тогда мнѣ останется приступить къ моему обвиненію. Гг. присяжные засѣдатели, не посѣтуйте на меня, что можетъ быть моя рѣчь будетъ длиннѣе, чѣмъ вы ожидаете, но мнѣ необходимо снять обвиненіе съ тѣхъ лицъ, которыя прошли передъ нами. Только послѣ этого я буду въ состояніи доказывать виновность Бейлиса и его соучастниковъ. Гг. присяжные засѣдатели, вы не можете не отмѣтить, быть можетъ, излишнюю страстность тона моей рѣчи, вы не могли не замѣтить, что во время судебного засѣданія, какъ я, такъ и мои противники внесли много страстности,—я этого не отрицаю, я слишкомъ хорошо сознаю свои обязанности, какъ прокурора. Прокурору государственной законъ вмѣняетъ въ обязанность быть безпристрастнымъ и спокойнымъ. Я обязанъ не преувеличивать имѣющихся по дѣлу доказательствъ, не собирать только улики, выясняющіяся на судѣ, нѣтъ, я долженъ быть спокойнымъ и объективнымъ.

Но кромѣ того законъ требуетъ отъ меня, чтобы я домогался раскрытія правды всѣми путями, доступными мнѣ и этому основному велѣнію закона я всегда слѣдовалъ въ теченіе своей многолѣтней служебной дѣятельности. Я бы хотѣлъ слѣдовать ему и сейчасъ въ этомъ процессѣ. Я хотѣлъ бы быть спокойнымъ, потому что правосудіе и вы въ то же время должны обсуждать это дѣло въ спокойномъ состояніи и не поддаваться страсти. Но какъ трудно быть спокойнымъ и объективнымъ въ дѣлѣ, которое возмущаетъ совѣсть, какъ трудно быть спокойнымъ и объективнымъ, когда

мои противники—это сама страстность, как трудно добиваться правды, когда все в этом дѣлѣ одна сплошная ложь, когда мнѣ придется разбить и разсѣять цѣлый ряд хитросплетеній. Но все же я буду стараться насколько возможно быть спокойнымъ. Но прежде чѣмъ я приступлю къ изложенію тѣхъ обстоятельствъ, которыя по моему мнѣнію опровергаютъ взведенное противъ цѣлаго ряда лицъ обвиненіе, я позволю себѣ вкратцѣ напомнить вамъ жизнь и смерть Андрюши Ющинскаго. Вообще моя задача будетъ сводиться къ тому, чтобы облегчить вашу задачу, напомнить вамъ послѣдовательный хронологическій ходъ всей исторіи этого дѣла, всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ и какъ, въ какомъ видѣ, складывались ихъ дѣйствія.

Гг. присяжные засѣдатели, вы конечно припомните, кто былъ покойный Андрюша Ющинскій. Онъ родился въ бѣдной мѣщанской семьѣ. Отецъ его Феодосій Чирковъ рано бросилъ свою семью. Андрюша былъ незаконный сынъ, первый сынъ Феодосія Чиркова и Александры, тогда еще не Приходько. Семья была бѣдная, Александра Приходько зарабатывала кусокъ хлѣба своимъ ежедневнымъ трудомъ и едва ли она была въ состояніи (Феодосій Чирковъ, какъ я уже сказалъ, рано бросилъ незаконную семью), едва ли она была въ состояніи дать Андрюшѣ какое-нибудь воспитаніе. Но вы помните, что у Андрюши была добродѣтельная бабушка Олимпіада Нѣжинская и тетка Наталья Ющинская, которая принимала большое участіе въ судьбѣ маленькаго Андрюши, такъ какъ тетка сама была незамужняя, бездѣтная, всей душой привязалась въ Андрюшѣ и пожелала вывести его въ люди. Сначала онъ учился въ учительской семинаріи, потомъ его помѣстили въ дѣтскій пріютъ, наконецъ отдали къ псаломщику Мачуговскому. Платила тетка изъ своихъ средствъ, небольшихъ, такъ какъ она зарабатывала своимъ трудомъ, клеила коробочки, платила 10 рублей въ мѣсяцъ; для бѣдной женщины это достаточно много. Андрюша, какъ говорилъ намъ здѣсь Мачуговскій, былъ мальчикъ впечатлительный, послушный и мечталъ о священствѣ. Гг. присяжные засѣдатели, я думаю, что въ Мачуговскомъ никто не заподозритъ человѣка, который желалъ бы показать что-нибудь особенно въ пользу Андрюши. Но этотъ маленькій фактъ, ма-

ленькій штрихъ, что покойный мечталъ о священствѣ, рисуетъ передо мной весь его общій обликъ. Послушный, хороший мальчикъ, мечтающій о священствѣ. Надо думать, что это былъ мальчикъ особенно хороший и во всѣхъ отношеніяхъ высокихъ нравственныхъ качествъ. И я понимаю ту любовь, которой онъ пользовался среди своихъ семейныхъ.

Жить имъ было довольно трудно. Сначала, какъ вы знаете, они жили на Лукьяновкѣ, почти всѣ вмѣстѣ, семья была дружная. Затѣмъ Александра, его мать, вышла замужъ за Луку Приходько, который служилъ въ переплетной и получалъ 26 рублей въ мѣсяцъ, тоже немного. Затѣмъ они переѣхали на Предместную Слободку—произошло это въ маѣ мѣсяцѣ 1910 года. Я не буду, конечно, послѣдовательно излагать вамъ день излагать жизнь Андрюши Ющинскаго, скажу только, что его жизнь складывалась самымъ обычнымъ образомъ. По утрамъ онъ рано вставалъ и уходилъ въ Софійское духовное училище, куда его помѣстили въ августѣ 1910 года. Какіе у него были друзья на Слободкѣ, объ этомъ я скажу впоследствии. Сейчасъ мнѣ важно только напомнить вамъ въ самыхъ краткихъ чертахъ послѣдніе три дня жизни Андрюши Ющинскаго.

10 марта онъ долженъ былъ купить своей теткѣ какіе-то пистоны, ему былъ данъ кошелекъ и въ немъ 25 копеекъ. Онъ купилъ пистоновъ на 20 коп. и пять коп. у него осталось. На слѣдующій день, 11-го марта, онъ принесъ эти пистоны и сдачу съ денегъ, которыя были ему даны накануне. Я позволю себѣ обратиться на это ваше особенное вниманіе, чтобы запечатлѣть въ вашей памяти, что 11 марта, накануне своей смерти, въ два часа дня, онъ вернулся домой, а въ три часа дня былъ у своей бабушки Олимпіады Нѣжинской и у тетки Наталіи Ющинской и принесъ эти пистоны. Вечеръ онъ провелъ, какъ вы знаете, у себя, т. е. у своей матери Александры Приходько.

Я не могу въ то-же время не напомнить вамъ, гг. присяжные засѣдатели, что послѣ того, какъ Чирковъ бросилъ семью, у него и у его брата былъ какой-то домикъ, который они продали за 4 тысячи рублей и раздѣлили эти деньги пополамъ. Василий Чирковъ очень быстро прокутилъ эти 2 тысячи, а другой братъ Феодосій, который

удалился на Дальний Восток, изъ этихъ денегъ отдалъ подъ вексель 300 рублей Симаку и, какъ вы знаете, изъ этихъ денегъ, которыя онъ нарочно оставилъ, Симакъ впоследствии посылалъ Феодосію Чиркову. Изъ этихъ денегъ мать Андрюши—Александра Приходько взяла 50 рублей, одинъ разъ 25 рублей и еще разъ 25 рублей на воспитаніе Андрюши. Затѣмъ она продъявила какой-то искъ, думая, что имѣетъ право на этотъ вексель, но ей въ этомъ было отказано. Затѣмъ, между Симакомъ и Феодосіемъ Чирковымъ всѣ денежные счета были окончены и такимъ образомъ, никакихъ денегъ у Александры Приходько для Андрюши не осталось, все было исчерпано.

Итакъ, 11-го марта Андрюша пришелъ домой въ 2 часа дня, потомъ въ три часа былъ у тетки и вечеръ провелъ дома. Раньше онъ проводилъ очень часто ночи у Натальи Юшинской, но въ послѣднюю недѣлю, такъ какъ она занималась клѣйкой корбочекъ и такъ какъ тамъ работали Захаръ Рубанъ и Федоръ Нѣжинскій, то помѣстить Андрюшу не представлялось возможности. Такимъ образомъ, Андрюша долженъ былъ жить у своей матери. 12 марта, утромъ, какъ вы знаете (объ этомъ я буду еще говорить, а теперь напомнимъ только въ общихъ чертахъ), Андрюша вышелъ около шести часовъ въ училище. Въ этотъ день Александра Приходько должна была обязательно быть въ Кіевѣ. Въ часъ или въ два часа 12 марта она отвела своихъ маленькихъ дѣтей, прижитыхъ отъ Луки Приходько, къ своей матери Олимпіадѣ Нѣжинской и потомъ должна была поѣхать или пойти въ Кіевъ къ своему мужу, чтобы вмѣстѣ заказать ботинки. Всѣ давнымъ давно знали, что въ субботу Александра Приходько должна пойти за этими ботинками; это было большимъ событіемъ въ маленькой мѣщанской жизни. Въ тотъ-же день, въ субботу тетка Наталья Юшинская тоже должна была быть въ Кіевѣ, и Андрюша долженъ былъ встрѣтиться съ ней около магазина Мандля, куда она ѣхала съ этими коробками. Наталья Юшинская пріѣхала своевременно съ коробками, но Андрюши не было. Александра Приходько, уйдя въ часъ изъ Слободки, отправилась въ Кіевъ и, придя вечеромъ къ мужу Лукѣ, съ нимъ вмѣстѣ отправилась къ саложнику Иванову, заказали ботинки, а послѣ они съ Лукой пѣшкомъ отправились въ Пред-

мостную Слободку, и въ 10 часовъ веч. были у себя дома. Когда Александра Приходько пришла домой и не замѣтила Андрюши, она этому обстоятельству не придавала особеннаго значенія, думала, что вѣроятно Андрюша пошелъ къ теткѣ. А Наталья Юшинская, не встрѣтивши Андрюши, тоже не придавала этому значенія, думая, что онъ пошелъ къ сестрѣ Прасковѣ или вернулся домой. Но Олимпіада Нѣжинская, бабушка, которая страшно любила Андрюшу, безпокоилась больше всѣхъ и утромъ на разсвѣтѣ, 13 марта, спѣшить къ дочери Александрѣ, чтобы узнать, гдѣ Андрюша. Впервые ночью, 13 марта, на разсвѣтѣ они узнаютъ, что Андрюши нѣтъ, онъ не приходилъ къ бабушкѣ, не пришелъ къ матери—Андрюша исчезъ. Ихъ горе, по видимому, не поддавалось описанію, особенно бабушки, которая страшно любила своего перваго внука. Въ тотъ-же день, 13 марта, въ воскресенье, всѣ женщины отправились на поиски, кромѣ старушки Нѣжинской. Наталья Юшинская, женщина больная, чахоточная, страшно привязанная къ своему племяннику, спѣшить съ Александрой Приходько въ городъ. Онѣ являются въ училище, узнаютъ, что онъ въ субботу не былъ, отправляются въ полицейскій участокъ, потомъ къ сестрѣ Прасковѣ, производятъ дальше поиски. Всѣ поиски тщетны. На слѣдующій день поиски продолжаютъ. Онѣ отправляются въ анатомическій театръ, въ Александровскую больницу, думая, что случилось несчастье, можетъ быть, онъ попалъ подъ трамвай. Нѣтъ Андрюши, онъ исчезъ. Поиски этимъ не ограничились. Александра идетъ вмѣстѣ съ Лукой въ редакцію „Кіевской Мысли“. Кто надумилъ ихъ идти въ редакцію, я не знаю, но дорого стоило имъ посѣщеніе этой редакціи „Кіевской Мысли“. Они отправились туда, чтобы напечатать объявленіе о пропажѣ Юшинскаго и ихъ встрѣтилъ тамъ г. Барщевскій, еврей, и этотъ г. Барщевскій обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на поведеніе этихъ двухъ лицъ, Луки Приходько и Александры Приходько. Но о г. Барщевскомъ я скажу впоследствии. Въ настоящую минуту позволю себѣ напомнить вамъ, что это было 16 марта въ среду. Съ тѣхъ поръ, какъ они объявили о пропажѣ Андрюши въ „Кіевской Мысли“, дальнѣйшіе поиски казались имъ съ ихъ точки зрѣнія совершенно бесполезными: въ уча-

стокъ заявили, въ больницу ходили, въ редакціи объявили, куда-же дальше идти— все, что было возможно сдѣлать, сдѣлано. Такъ продолжалось до 20 марта, воскресенья, когда, какъ вы знаете, былъ совершенно случайно обнаруженъ трупъ Андриуши со связанными руками въ пещерѣ, куда забѣжалъ одинъ изъ гимназистовъ, нѣкій Элланскій. Когда, 20 марта, былъ найденъ трупъ Юшинскаго въ пещерѣ, на слѣдующій день 21 марта, объ этомъ уже было извѣстно Александрѣ Приходько. Ей сообщила объ этомъ Захаръ Рубанъ, который работалъ вмѣстѣ съ ея братомъ Федоромъ Нѣжинскимъ. По словамъ Захара Рубана, —если вы не помните, то я вамъ напомню,— всѣ женщины, узнавъ объ этомъ, чуть не попадали въ обморокъ, Александра Приходько почернѣла. Горе ихъ было велико, это несомнѣнно, потому что и мать, и тетка, и бабушка, всѣ, можетъ быть, не одинаково, но всѣ любили Андриушу. И вотъ онѣ отпраивались къ этой пещерѣ посмотреть, что тамъ происходитъ. Волнение не только у родственниковъ, но у всѣхъ, было ужасное. Александра Приходько говорила намъ сама, —и какъ удостовѣрять свидѣтель, эта простодушная женщина, которая здѣсь не рисуется, говорила совершенно искренно, —она плакать не могла, когда увидѣла исколотый трупъ своего мальчика въ пещерѣ. Въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ, конечно, и никто бы не заподозрилъ мать, если она не плачетъ, что она радуется смерти своего ребенка. Но заподозрили ее тѣ господа, которымъ это было нужно и, скажу прямо, что еще 21 марта, не успѣли обмытъ тѣла Юшинскаго (онъ былъ похороненъ 27 марта), какъ уже г. Барщевскій, сотрудникъ редакціи „Кіевской Мысли“, которая въ этомъ дѣлѣ играетъ роль какого-то филиальнаго отдѣленія тайной сыскной полиціи, уже г. Барщевскій спѣшитъ къ судебному слѣдователю, чтобы объявить о тѣхъ таинственныхъ улыбкахъ, съ которыми Александра Приходько и ея супругъ, отчимъ покойнаго, заявляли объ исчезновеніи Андриуши. Это заявленіе Барщевскаго произошло 22 марта.

Исслѣдованіе этого дѣла было поручено начальнику сыскной полиціи, нынѣ лишенному всѣхъ особыхъ правъ, Мищуку, и замѣчательно, что между Мищукомъ и г. Барщевскимъ устанавливается трогательное согласіе въ дѣлѣ расслѣдованія.

Г. Мищуку идеологъ, онъ повидимому юдофилъ, онъ не вѣритъ, чтобы въ ХХ вѣкѣ, въ этомъ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда существуютъ аэропланы, трамваи и проч., чтобы въ этомъ вѣкѣ существовало ритуальное убійство. Просто, какъ просвѣщенный человѣкъ, онъ не допускаетъ возможности ритуальнаго убійства. Онъ заподозриваетъ въ этомъ убійствѣ родственниковъ. Г.г. присяжные засѣдатели, если когда-нибудь происходило большее глумленіе надъ людьми, какъ въ настоящемъ процессѣ, то пусть мнѣ укажутъ. Если когда-нибудь мать заподозривали въ такомъ ужасномъ преступленіи и лишали возможности хоронить своего сына, если когда-нибудь издѣвались надъ материнскимъ сердцемъ такъ, какъ въ настоящемъ процессѣ, то вѣроятно существовали такіе Мищуки и въ другихъ процессахъ, но я такого процесса не знаю. Мищуку немедленно же арестуетъ Александру Приходько, кстати и Луку Приходько, и держитъ ровно 16 дней одну и 13 дней другого и не даетъ возможности присутствовать имъ при похоронахъ сына. Г.г. присяжные засѣдатели, пусть они будутъ даже убійцы, но все-таки дайте имъ возможность присутствовать на похоронахъ родственника. Но надъ ними издѣваются, не даютъ имъ этой возможности. Мищуку ничего не стоило добыть тѣ свѣдѣнія, о которыхъ я только что сказала, и установить, какъ провела Александра Приходько время и какія отношенія были у нея съ сыномъ. Но только онъ ничего этого не устанавливалъ, онъ вѣритъ Барщевскому, что надо засадить ее подъ стражу. Но мнѣ скажутъ, Мищуку, можетъ быть, введенъ въ заблужденіе, ему казалось подозрительнымъ, что она не плачетъ? Нѣтъ, заблужденія тутъ не было. Я позволю себѣ напомнить вамъ, что тогда Мищуку, взявъ сыщиковъ, явился въ Слободку и сталъ допрашивать мальчика Павла Пушку. Когда Павелъ Пушка сказалъ, что утромъ въ субботу 12 марта онъ видѣлъ, какъ Андриуша съ книжечкой пошелъ изъ Слободки въ Кіевъ, что говорили сыщики? Они сказали: „Ты врешь, его зарѣзали наканунѣ вечеромъ, положили въ мѣшокъ и понесли въ Кіевъ. (Обратите на это вниманіе!). А ты врешь, что его видѣлъ, если будешь такъ указывать, мы засадимъ тебя на Пасху“. А дѣвочки тоже говорили—ты врешь. Это не заблу-

ждение, это умысел, но Мишукъ не дѣйствуетъ изъ любви къ искусству, если онъ засаживаетъ подъ стражу Александру Приходько. Вѣдь онъ должностное лицо, надо думать, что соображенія, которыми онъ руководствуется, вѣроятно серьезны и вѣроятно выгоднѣе для него арестовать родственниковъ, чѣмъ идти по пути слѣдствія и посмотреть, что это за пещера и не вблизи ли она завода Зайцева, нѣтъ, родственники повезутъ мальчика въ какомъ-то мѣшкѣ въ пещеру. Вотъ это фантазія, совершенно невѣроятная вещь, но Мишукъ въ нее вѣритъ, онъ не вѣритъ въ ритуальное убійство, а вѣритъ въ возможность убійства матерью и собираетъ противъ нея данныя. Господа присяжные засѣдатели, я понимаю, что судебная палата судила Мишука за другую исторію, за то, что онъ подсунулъ вещи на Юрковской горѣ, и признала въ его дѣйствіяхъ явный умыселъ, явную тенденцію, явное желаніе скрыть слѣды преступленія, явный подлогъ. Но отъ этого не легче Приходько! Я слышала возраженія со стороны защиты. Мишукъ, начальникъ сыскной полиціи, а что дѣлала въ это время слѣдственная власть, слѣдователь, почему же онъ не шелъ по надлежащему пути. Да, г.г. присяжные засѣдатели, я былъ откровеннымъ и буду откровеннымъ и въ этомъ процессѣ, я не буду осуждать слѣдственную власть. Одинъ человѣкъ бываетъ даровитый, способный, энергичный, другой не обладаетъ такими дарованіями, одинъ хорошо записываетъ показанія свидѣтелей, превосходный работникъ, чиновникъ, пользующійся всевозможнымъ покровительствомъ, но сыскныхъ способностей у него нѣтъ, а для того, чтобы вести такое дѣло, нужно быть способнымъ по сыскной части, какъ бываютъ начальники сыскной полиціи и ихъ агенты. Слѣдовательно, вначалѣ, дѣло было поручено обыкновенному судебному слѣдователю, а затѣмъ было передано судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ Фененго, который распорядился пригласить выдающихся экспертовъ Оболенскаго и Туфанова для осмотра трупа. Принялъ мѣры, чтобы освѣтить это дѣло, но сыскная часть не входила въ его сферу. Онъ не можетъ ходить въ усадьбу Зайцева и производить обыски, это дѣло серьезное и требуетъ слѣдственныхъ агентовъ. Онъ довѣрялъ Мишуку, и какія основанія не довѣрятъ

начальнику сыскной полиціи? Однако, онъ былъ лишенъ въ концѣ концовъ правъ, когда убѣдились, что онъ дѣлаетъ подлоги. Войдите въ положеніе слѣдователя, который не можетъ работать съ такимъ человекомъ. Мы слышали свидѣтеля, хотя бы члена „Двуглаваго Орла“. Но мы видѣли этого человека, это благородный человекъ, онъ говоритъ: „со стороны полиціи мы встрѣчали противодѣйствіе“, Красовскій казался не достаточно энергичнымъ, вялымъ, вотъ что онъ сказалъ слѣдователю. Пусть кто-нибудь кинетъ комъ грязи въ этого человека. Мишукъ подвергся аресту, судебный слѣдователь не могъ привлечь въ качествѣ обвиняемыхъ А. и Л. Приходько, и въ концѣ концовъ, они должны быть выпущены, и дѣйствительно, они въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были выпущены, послѣ того, какъ убѣдилась слѣдственная власть и прокуратура, что опираться на Мишука не представляется возможнымъ, потому что онъ арестовалъ людей невинныхъ. Свидѣтели показывали, что въ этомъ домѣ и курицы нельзя зарѣзать, чтобы всѣ не слышали объ этомъ, всѣ знали, что А. Приходько добрая мать. Когда она была выпущена, тогда рѣшили, что Мишукъ дѣйствовалъ неправильно, что нужно пригласить другого сыскаго дѣятеля, что на него опираться нельзя. Тогда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выписали изъ Петербурга (такъ, правительство отлично понимало, какъ серьезно это дѣло и какъ возмутительно это убійство и какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ, когда читали въ газетахъ), выписали знаменитаго сыщика Кунцевича. Кунцевичъ призывается, остаавливается въ „Грандъ-Отель“, о немъ повѣствуютъ въ газетахъ, что онъ пріѣхалъ. Съ такими сыщиками нечего дѣлать ни мѣстной прокуратурѣ, ни слѣдственной власти. Вотъ то невозможное положеніе, въ которомъ очутилась слѣдственная власть и прокуратура на первыхъ порахъ. Я не говорю, г.г. присяжные засѣдатели, можно было принять экстренныя мѣры, но тѣ мѣры, которыя прокуратура считала нужнымъ принять, она принимала, она не виновата, что эти мѣры во многихъ случаяхъ оказались неудачными. Такъ происходитъ дѣло до мая мѣсяца, а что происходитъ въ маѣ, вспомните, г.г. присяжные засѣдатели; не успѣли выпустить Луку и Александру Приходько, 11 мая, является сотрудникъ „Кіевской Мы-

сли“ (опять та-же „Кіевская Мысль“) и опять наводитъ слѣдствие на ложный путь. Этотъ сотрудникъ Ордынскій, тотъ самый, который разбѣзжаетъ по ресторанамъ съ В. Чеберяковой. Онъ свидѣтельствуесть: я былъ знакомъ съ Клейманъ, у ней была знакомая прачка, а онъ долженъ былъ подслушать какой-то разговоръ, какую-то сплетню, которую рассказывала прачка. Вотъ этотъ самый Ордынскій, подслушавшій разговоръ, (занятіе очень прискорбное, хотя бы и со стороны сотрудника „Кіевской Мысли“), появляется и говоритъ, что прачкѣ достовѣрно извѣстно, что мать и отчимъ везли мальчика въ мѣшкѣ. Обратите вниманіе на то, что этотъ мѣшокъ тоже у Мищука фигурируетъ. Они везли его изъ Слободки на Кирилловскую улицу, и отправились въ пещеру. Еще дня черезъ два Ордынскій появляется у судебного слѣдователя и говоритъ: вѣроятно участвовалъ мужъ А. Приходько. Онъ очень хорошо знаетъ усадьбу Зайцева и вѣроятно лазилъ въ пещеру, чтобы положить туда трупъ. Вотъ что сообщилъ г. Ордынскій. Если сопоставить его сообщеніе съ сообщеніемъ г. Барщевскаго изъ „Кіевской Мысли“, то мы увидимъ опредѣленный планъ. Но судебный слѣдователь долженъ былъ, конечно, выслушать его и пригласить г-жу Клейманъ. По ея словамъ, родственники Юшинскаго хотѣли овладѣть его имуществомъ, котораго, между прочимъ, не было. Затѣмъ со словъ прачки, она рассказываетъ, какъ они везли его, какъ-бы по предписанію доктора на извозчикѣ, какъ извозчика объялъ какой-то панической ужасъ. Онъ не хотѣлъ везти его, и они несли его на рукахъ. Все это кажется нелѣпостью, но какъ эта нелѣпость отражается на участи заподозрѣнныхъ. Мы не знаемъ источника этой базарной сплетни, можетъ быть сыщики распространили ее сами на базарѣ, и она ходила по Кіеву, а сотрудники „Кіевской Мысли“ этой базарной сплетней затемнили слѣдственной власти слѣды преступленія. Какое вліяніе могла оказать эта сплетня? Очень большое.

О КРАСОВСКОМЪ.

Одновременно съ появленіемъ Ордынскаго на горизонтѣ появляется Красовскій, на него возлагаютъ большія надежды, онъ человѣкъ очень способный, выдающійся въ сыскомъ дѣлѣ и мое мнѣніе, что онъ не

только могъ раскрыть преступленіе, но что онъ раскрылъ его. Я скажу вамъ только то, что 7-го мая появился г. Красовскій. Онъ передъ этимъ раскрылъ серьезное преступленіе, на него надѣются, даютъ ему необыкновенныя полномочія. Мищуку еще не устраненъ отъ дѣлъ, но Красовскому говорятъ: „вы будете изслѣдовать дѣло совершенно самостоятельно, вамъ никто не можетъ помѣшать—дѣлайте, что хотите, все къ вашимъ услугамъ“. Я понимаю, когда обращаются въ силу исключительныхъ обстоятельствъ къ тѣмъ или другимъ лицамъ. Красовскій былъ извѣстенъ, какъ лицо выдающееся по своимъ сыскимъ способностямъ. Что же онъ дѣлаесть на первыхъ порахъ? Онъ арестуетъ Федора Нѣжинскаго. Противъ него нѣтъ никакихъ уликъ, кромѣ свидѣтельства Добжанскаго, содержателя пивной. Противъ него единственная улика та, что 19 марта онъ находился въ Загоровщинѣ, то, что пальто его выпачкано въ какой-то глинѣ, изъ чего заключали, что онъ принималъ участіе въ убійствѣ. И вотъ, на основаніи этихъ данныхъ его арестовываютъ и держатъ подъ стражей 20 дней, а когда его выпускаютъ, то Красовскій, ранѣе обѣщавшій этому Федору Нѣжинскому устроить его на мѣсто, говоритъ: „Ты долженъ быть у меня агентомъ и показывай противъ Луки Приходько“. Тамъ гдѣ-то на Загоровщинѣ, гдѣ было совершено убійство Юшинскаго, какой-то печникъ Яценко, засѣдая въ канавѣ, видѣлъ какого-то человѣка около 7 час. утра и вотъ изъ этого дѣлаесть какое-то сопоставленіе: человѣкъ этотъ—Лука Приходько. Федоръ Нѣжинскій, боясь, что его опять посадятъ подъ стражу, отправляется туда, узнаесть кто это такой Яценко, и начинаетъ говорить на Луку Приходько, все, что ему говорятъ: что онъ ненавидѣлъ мальчика, билъ его, хотѣлъ его убить. Когда я читалъ слѣдственный актъ, я самъ приходилъ въ волненіе, думая: какой это дурной человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, если онъ показываетъ такъ явно неправильно противъ Луки Приходько. Но когда я увидѣлъ его здѣсь, я понялъ, что Федоръ Нѣжинскій жалкій человѣкъ, его запугали, запугали такъ-же, какъ и Олимпиаду Нѣжинскую, которая говорила сыщикамъ: „Чего вы здѣсь шукаете? Шукайте тамъ, гдѣ совершено убійство“. Вотъ, когда Нѣжинскаго истерзали, измучили, онъ начинаесть

оговаривать Луку. И что же дѣлають съ Лукой? Я не буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ. Его везуть утромъ за городъ,—везеть Красовскій, и чтобы онъ походилъ на того человѣка, который былъ около пещеры, его гримируютъ, выстригаютъ ему волосы, подкрашиваютъ усы,—всячески издѣваются надъ человекомъ. Онъ плачетъ, когда говоритъ объ этомъ, онъ не можетъ вспомнить объ этихъ издѣвательствахъ. Вечеромъ Яценко призналъ Луку Приходько за того человѣка, который былъ около пещеры—вѣдь его выкрасили, нарядили въ пальто соответственнымъ образомъ. Мнѣ скажутъ, что сдѣлалъ судебный слѣдователь? Лука Приходько въ этотъ день нѣсколько разъ плакалъ, можетъ быть и гримъ у него нѣсколько сошелъ, но когда его предъявили Яценко—онъ въ него не вematривался, а сразу призналъ его за того человѣка. Судебный слѣдователь объ этомъ гримѣ ничего не зналъ. Вѣдь если бы онъ зналъ, то неужели этотъ честный человѣкъ (въ честности, котораго никто въ этомъ судебномъ залѣ не сомнѣвается), позволилъ бы такъ издѣваться надъ Лукой?

Когда мы спросили его: что же вы не сказали? то онъ отвѣтилъ, если бы у меня спросили мое имя, то я не сумѣлъ бы отвѣтить, такъ я былъ взволнованъ и этотъ человѣкъ, котораго такъ терзали, онъ противъ этихъ господъ не находитъ дурного слова и говорить: „они столько же понимаютъ въ сыскомъ дѣлѣ, сколько и я“. Нѣтъ, они понимаютъ гораздо больше, но они дѣйствуютъ для своихъ цѣлей. Приходько терзали напрасно. Достаточно было спросить его хозяина, гдѣ онъ провелъ время, чтобы установить, что онъ былъ у него во время убійства. Но это не дѣлается — Красовскій глумится, издѣвается надъ Лукой, отбирая отъ него какія-то незначашія ничего бумажки. Гг. присяжные засѣдатели, въ этомъ дѣлѣ издѣвательство надъ русскимъ обывателемъ проходитъ красной нитью!. Мы говоримъ во всеулышаніе: Предъ лицомъ нашимъ происходитъ невѣроятный процессъ. И хотя съ точки зрѣнія радикальныхъ журналистовъ мы представители насилія, но мы сами всякими насиліями возмущаемся. Я не позволилъ бы такъ глумиться надо мной, но русский обыватель, бѣдный, простой народъ привыкъ къ этому издѣвательству.

Онъ только плачетъ и даже не клеймитъ своихъ мучителей. Для чего все это дѣлается и что нужно Красовскому? Ему нужно во что бы то ни стало взять подъ стражу Луку Приходько, и онъ забираетъ его отца, забираетъ его братьевъ. Онъ готовъ былъ-бы привлечь всѣхъ людей до 7-го колѣна Луки Приходько. Почему? Здѣсь дѣйствуетъ опредѣленный планъ, цѣль запутать дѣло. Одинъ изъ защитниковъ, человѣкъ въ высшей степени благородный, заявилъ здѣсь торжественно, что они чисты. Конечно, они всѣ невиновны, но вспомните, что было раньше? Ихъ называли убійцами. Какъ слагалось общественное мнѣніе въ Кіевѣ: тамъ прямо говорили, что всѣмъ извѣстно, что Ющинскаго убили его родственники. Но г.г., причемъ тутъ Бейлисъ, не причемъ. Тѣ, которые запутываютъ дѣло, которые ведутъ агентовъ и полицію на ложный путь (ихъ соображенія для меня понятны) — они стремятся къ этой цѣли, и только они. Я, господа присяжные засѣдатели, радъ, что одна версія, версія о родственникахъ покойнаго Ющинскаго окончательно рухнула. На нихъ теперь уже никто не покажетъ, какъ на лицѣ виновныхъ. Я радъ, что это случилось передъ гласнымъ судомъ, въ гласномъ процессѣ, иначе все это могло бы остаться тайнымъ. Но мы не можемъ оставаться спокойными, мы видимъ, что творится въ нашей странѣ, мы первые говоримъ, что такое насиліе не должно остаться безнаказаннымъ для тѣхъ, кто его допускаетъ.

Объявляется перерывъ на 10 минутъ. Послѣ перерыва прокуроръ продолжаетъ свою рѣчь.

Прокур. Гг. присяжные засѣдатели, я избралъ тотъ хронологическій путь, на который я обратилъ ваше вниманіе, прежде всего съ тою цѣлью, чтобы возстановить въ вашей памяти весь послѣдовательный ходъ событій и путь изслѣдованія по настоящему дѣлу. Кромѣ того, мнѣ необходимо, какъ я уже имѣлъ честь вамъ заявить, указать на тѣ приемы, къ которымъ прибѣгали лица, разслѣдовавшія настоящее дѣло, и затѣмъ доказать, что всѣ версіи или всѣ предположенія о тѣхъ или иныхъ виновныхъ лицахъ разбивались, какъ совершенно несостоятельныя. Послѣ того, какъ мнѣ удастся это доказать самымъ точнымъ образомъ, только послѣ этого я перейду къ усадьбѣ Зайцева

и скажу, что только здѣсь, на этой усадьбѣ и могло быть совершенно это дѣло. Г.г. присяжные засѣдатели, въ настоящее время, идя послѣдовательно, я долженъ указать на ту дѣятельность, которую проявилъ Красовскій въ полѣ мѣсяцѣ 1911 г. Какъ вы знаете, Красовскій впервые появился на горизонтѣ 7 мая. Онъ, какъ я уже сказалъ, былъ уполномоченъ производить изслѣдованіе самостоятельно, но Красовскій въ официальномъ отношеніи, формально былъ подчиненъ подполк. жандармскаго управленія Иванову, фактически же, какъ я уже упомянулъ, онъ дѣйствовалъ самостоятельно. Онъ вѣроятно докладывалъ подп. Иванову о всѣхъ тѣхъ обыскахъ, осмотрахъ, которые предполагалъ дѣлать, но въ сущности дѣйствовалъ самостоятельно. Онъ, конечно, говорилъ и судебному слѣдователю обо всемъ томъ, что дѣлалъ, но дѣлалъ помимо слѣдователя и, конечно, могъ не докладывать судебному слѣдователю о многихъ обстоятельствахъ. Тутъ я долженъ указать на одну маленькую подробность, которая, съ моей точки зрѣнія, до нѣкоторой степени пренятствовала выясненію этого дѣла. Прежде всего, кромѣ Красовскаго въ маѣ мѣсяцѣ продолжалъ дѣйствовать еще не устраненный тогда Мишукъ, дѣйствовалъ подп. Ивановъ, словомъ три лица завѣдывали сыскной частью въ одно время.

УЧАСТІЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Кромѣ того, въ этомъ же дѣлѣ принимали участіе и постороннія лица. Послѣднихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни посторонніе, о которыхъ я уже говорилъ, главнымъ образомъ, сотрудники „Кіевской Мысли“, большею частью изъ евреевъ, проводившіе опредѣленную цѣль — навести подозрѣніе на родственниковъ Юшинскаго и другихъ лицъ и тѣмъ самымъ отвести слѣдственный путь отъ усадьбы Зайцева. Они дѣйствовали совершенно опредѣленно и ясно. И что они стремились къ тому, чтобы запугать это дѣло, видно изъ того, что они заподозрѣвали ни въ чемъ неповинныхъ родственниковъ и другихъ лицъ. Но я долженъ сказать, что въ средѣ кіевской молодежи оказались лица глубоко патристически настроенныя и глубоко возмущившіяся убійствомъ Юшинскаго. Они не могли спокойно относиться къ этому дѣлу. Долгъ

гражданина, сказалъ намъ здѣсь студентъ Голубевъ, повелѣвалъ изслѣдовать это дѣло. И я всѣмъ сердцемъ, всею душою присоединяюсь къ этому заявленію и скажу, что не много найдется людей, которые, подобно студенту Голубеву, подвергая себя нападкамъ, издѣвательствамъ надъ собою, быть можетъ оскорбленіямъ, даже болѣе скажу, подвергая иногда жизнь свою опасности, рѣшились бы на это. Онъ дѣйствовалъ, какъ молодой человѣкъ, желавшій только вслѣдствіе сердечнаго влеченія раскрыть это дѣло. Онъ осматривалъ пещеру, осматривалъ заборъ, разспрашивалъ дѣтей, узнавалъ какъ проводилъ послѣдніе часы Андруша Ющинскій. Дѣйствовалъ онъ совершенно безкорыстно, не преслѣдуя другихъ цѣлей, кромѣ раскрытія настоящаго дѣла. Были еще и другія лица, помѣщикъ Акацатовъ, который, какъ русскій помѣщикъ, принималъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ, тоже осматривалъ усадьбу и пещеру, возмущался этимъ дѣломъ и, не смотря на то, что жена ему говорила „брось это дѣло, ты подвергаешь свою жизнь опасности“, продолжалъ дѣйствовать. Г.г. присяжные засѣдатели, мѣшали ли всѣ эти лица судебному слѣдователю или не мѣшали, вопросъ этотъ для меня остается до сихъ поръ открытымъ. Думаю, что скорѣе мѣшали, потому, что суд. слѣдователь при такомъ положеніи дѣла былъ поставленъ въ необходимость вслушивать цѣлый рядъ указаній, версій; въ его камеру входили, какъ въ собственный кабинетъ, отвлекали его отъ дѣла, и судебный слѣдователь былъ въ сильнѣйшей степени задерганъ, онъ спѣшилъ опросить всѣхъ, на кого ему указывали, раскрыть всѣ версіи, обнаружить тѣ или иныя обстоятельства, такъ что онъ самостоятельно почти пересталъ дѣйствовать. Кромѣ этихъ лицъ, добровольно производившихъ разслѣдованіе и принимавшихъ горячее участіе въ розыскахъ, со стороны должностныхъ лицъ судебный слѣдователь не встрѣчалъ никакой опредѣленной поддержки. Въ данномъ случаѣ я долженъ сказать нѣсколько словъ о лицахъ, производившихъ разслѣдованіе. Когда Красовскій вступилъ въ дѣйствія и дѣйствовалъ совместно съ полк. Ивановымъ, то онъ придерживался всевозможныхъ версій, и вотъ на одну изъ этихъ версій я считаю необходимымъ указать. Какой-то

Григорій Брейтманъ, редакторъ или издатель „Послѣднихъ Новостей“, еврей, хотя и крещеный, между прочимъ указаль на то, что можетъ быть это преступленіе совершено какими-нибудь цыганами, у которыхъ будто-бы существуетъ суевѣріе, что кровь имѣетъ цѣлебное свойство. Обязательство многознаменательное. Въдн не русскій человекъ отправляется къ начальнику сысской полиціи, не русскій человекъ говорить, что вотъ такіа то суевѣрія существуютъ у цыганъ. А кто же говорить? Говорить бывшій еврей. Въ этомъ отношеніи производится разслѣдованіе, какъ это установилъ здѣсь подп. Ивановъ. Но, разумѣется, цыгане оказались совершенно не причемъ. Они, правда, живутъ гдѣ то здѣсь неподалеку, но вся эта версія рухнула съ самаго начала, какъ совершенно несостоятельная. И вотъ, когда насъ упрекаютъ въ томъ, что мы такъ наивны, такъ непонятливы, что вѣримъ въ возможность ритуальныхъ убійствъ, вѣримъ въ подобныя суевѣрія въ 20 вѣкѣ, и когда въ то же время крещеный еврей говорить, что у цыганъ существуетъ такое суевѣріе, то мы въ правѣ спросить: чѣмъ же цыгане отличаются отъ всѣхъ остальныхъ, даже отъ евреевъ? Они такіе же номады, такіе же кочевники, какъ и еврей. Если у нихъ могутъ быть суевѣрія, то почему же ихъ не можетъ быть у евреевъ? Г.г. присяжные засѣдатели, я обращаю ваше вниманіе на эту подробность, ибо эта подробность въ моихъ глазахъ весьма знаменательна.

„ПРУТИКИ“.

Затѣмъ далѣе, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда производится разслѣдованіе Красовскій, возникаетъ легенда о прутикахъ. Я не могу иначе назвать это, какъ легендой. Я не остановилъ бы вашего вниманія на этой легендѣ, не желая вовсе васъ утомлять, но я долженъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ, потому, что сюда были приглашены со стороны защиты свидѣтели, и, слѣдовательно, этой легендѣ придавалось или, можетъ быть, придается и теперь, какое-то значеніе. Поэтому позвольте мнѣ вкратцѣ напомнить вамъ, въ чемъ заключается эта изумительная легенда. Оказывается, эта легенда создана была начальникомъ сысской полиціи Мищукомъ, у котораго тоже, очевидно, цѣлью было запу-

тать, елико возможно, это дѣло. Красовскій дѣйствовалъ сначала въ этомъ же направленіи, въ направленіи запугиванія этого дѣла. Легенда же возникла самымъ простымъ образомъ. Существуетъ какая-то г-жа Лепецкая или Репецкая, та самая, о которой вы слышали при открытіи судебного засѣданія. Такъ вотъ эта Лепецкая слышитъ гдѣ-то на базарѣ, или гдѣ-то на улицѣ отъ какой-то подвыпившей женщины рассказъ о какомъ-то неизвѣстномъ мальчикѣ, — замѣчательно, что и подвыпившая женщина и мальчикъ остались неизвѣстными. Такъ вотъ, этотъ неизвѣстный, таинственный мальчикъ, — а такихъ быть на Лукьяновкѣ не могло, потому, что тамъ всѣ наперечетъ, — будто бы былъ очевидцемъ такого разговора между покойными Андрюшей и Женей: они вырѣзали прутики, у одного оказался лучше, у другого хуже — прямо какая-то библейская легенда, — и вотъ по поводу этихъ прутиковъ произошла ссора. Женя отнималъ, а Андрюша сказалъ ему: „я вотъ донесу, что у твоей матери краденое покупаютъ“, на что Женя сказалъ: „а я донесу, что ты въ школу не ходишь“. Вотъ они изъ-за этого поспорили. Послѣ этого спора, Андрюша, по словамъ этой подвыпившей женщины, со словъ неизвѣстнаго мальчика, пошелъ почевать къ Чеберякъ, но мы знаемъ, что тамъ онъ никогда не почеваль, а тѣмъ болѣе наканунѣ убійства. За что же его убили? За то, что онъ хотѣлъ донести на воровъ. Не говоря уже о совершенной несостоятельности легенды, о томъ, что рассказывала подвыпившая баба со словъ какого-то неизвѣстнаго мальчика, я только обращаю ваше вниманіе, гг. присяжные засѣдатели, на первоначальный источникъ этой легенды. Мы имѣли удовольствіе, или скорѣе неудовольствіе, видѣть здѣсь эту г-жу Лепецкую, или Репецкую. Вотъ отъ этой-то Репецкой дѣло переходитъ къ Пилаеву. Пилаевъ здѣсь не фигурировалъ, но сынокъ его, мальчикъ Пилаевъ, давалъ здѣсь показанія. Онъ очень хорошо затвердилъ эту легенду о прутикахъ и эту самую легенду онъ рассказалъ сыщику, въ присутствіи водопроводчика Мазченко. Какая феноменальная память! Я долженъ былъ, конечно, все помнить, такъ какъ мнѣ нужно вывести всю эту ложь наружу, поэтому, я долженъ помнить и этого водопроводчика Мазченко, чтобы не впасть въ непра-

вильность. Такъ вотъ этотъ мальчикъ въ присутствіи Мазченко рассказываетъ сыщику всю эту легенду, которую Мазченко передаетъ сторожу, а сторожъ г-жѣ Пимоненко, которую защита не замедлила пригласить сюда. Она рассказываетъ намъ объ этой легендѣ, приукрашивая ее, какъ это всегда дѣлается, знаете, при сплетняхъ. Оказывается, по словамъ г-жи Пимоненко, послѣ этой ссоры, когда Андрюша зашелъ въ квартиру Чеберякъ, то туда вошли два какихъ-то господина и сказали: „нужно покончить съ нимъ“, и, очевидно, покончили. Всему этому вздору, всѣмъ этимъ бабьимъ, скажу, сплетнямъ придавалось значеніе! Вотъ здѣсь эта госпожа Пимоненко должна была подтвердить эту легенду, она ее и подтвердила, но здѣсь интересны подробности, на которыя я и хочу обратить ваше вниманіе. Какой-то еврей предлагалъ Пимоненко 1,000 руб., что, кажется, потомъ не было исполнено, однимъ словомъ, у нея были какіе-то счеты съ евреями и она выражала неудовольствіе противъ евреевъ. Затѣмъ, она показала относительно Ульяны Шаховской, что та была запугана, что ее грозилъ кто-то избить. Однимъ словомъ, Пимоненко показала противъ защиты. Это, очевидно, было какое-то недоразумѣніе. Мы отсюда видимъ, какъ эта легенда, которая была пущена въ ходъ сыщиками, дѣлается достояніемъ мѣстныхъ обывательницъ, какъ онѣ судачать, затѣмъ передаютъ ее тѣмъ же сыщикамъ, и получается дѣлая картина. Вотъ такъ представляется эта картина съ прутиками, которая съ начала до конца есть явный, никуда негодный вымыселъ.

ЕЩЕ О КРАСОВСКОМЪ.

Такимъ образомъ, оставивъ въ сторонѣ легенду съ пытанями и легенду о прутикахъ, переходя къ дальнѣйшей дѣятельности Красовскаго, я долженъ сказать въ его защиту, что послѣ того, какъ легенда о прутикахъ рухнула, и послѣ того, какъ легенда о Лукѣ Приходько тоже рухнула, г. Красовскій, наконецъ, попалъ на усадьбу Зайцева и сталъ тамъ дѣйствовать. Правда, на связь между Слободкой и Лукьяновкой онъ не обращаетъ вниманія, но на усадьбу онъ все таки попалъ и сталъ бесѣдовать съ управляющимъ завода Дубовикомъ. Кромѣ того, сталъ производить разные обыски, произвелъ обыскъ и у Бейлиса, правда, тамъ онъ ничего особеннаго не нашелъ, но,

тѣмъ не менѣе, Бейлисъ былъ арестованъ въ 20 числахъ іюля. Я позволю себѣ сейчасъ напомнить вамъ то показаніе, которое далъ у судебного слѣдователя Красовскій первый разъ. Это было 29 іюля, а Бейлисъ былъ допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ 3-го августа, такъ какъ сначала онъ сидѣлъ въ порядкѣ охраны. Я обращаю ваше вниманіе на эти даты, такъ какъ по моему мнѣнію, онѣ имѣютъ значеніе для тѣхъ выводовъ, которые я сейчасъ сдѣлаю. Г. Красовскій 29-го іюля показалъ совсѣмъ не то, что показалъ здѣсь. Вы, можетъ быть, это забыли, это могло изгладиться изъ вашей памяти, но я просилъ бы васъ возстановить это по тѣмъ запискамъ, которыя нѣкоторые изъ васъ дѣлали. Я даже просилъ напомнить вамъ это показаніе г. Красовскаго для того, чтобы вы видѣли, какую двойственную роль онъ игралъ. По словамъ Голубева, онъ однимъ говорилъ одно, другимъ другое, третьимъ третье. Сначала о ритуалѣ, о возможности добыванія крови евреямъ онъ высказался неопредѣленно, потомъ какъ бы повѣрилъ въ ритуалъ, потомъ пересталъ вѣрить. Однимъ словомъ, это человѣкъ очень тонкій, въ настоящемъ смыслѣ слова агентъ сыскной полиціи, отъ котораго ничего нельзя опредѣленнаго добиться. Но, тѣмъ не менѣе, въ іюлѣ мѣсяцѣ г. Красовскій представилъ весьма вѣскія соображенія, которыя послужили основаніемъ для привлеченія Бейлиса. Въ этомъ отношеніи г. Красовскій сыгралъ огромную историческую роль. Можетъ быть, если бы не было г. Красовскаго, не былъ бы привлеченъ и Бейлисъ, несмотря на то, что Бейлисъ былъ весьма причастенъ. Г. Красовскій представилъ слѣдующую картину. Онъ сказалъ опредѣленно, что убійство совершено не въ пещерѣ, затѣмъ, что убійство не могло быть совершено въ домѣ Приходько на Слободкѣ, что это немислимо, затѣмъ установилъ, что мальчикъ Андрюша послѣдній разъ былъ на Лукьяновкѣ въ 8 час. съ Женей Чеберякъ, что мальчики, по словамъ Шаховскаго,—этого Шаховскаго открылъ г. Красовскій—играли на мялѣ, что ихъ спугнули съ этого мяла, и что Бейлисъ принималъ участіе въ этомъ спугиваніи, что онъ схватилъ за руку Андрюшу и потащилъ къ гофманской печи, которую мы видѣли. По предположенію г. Красовскаго убійство могло быть совершено въ этой печи, въ чемъ я съ нимъ со-

вершено не согласенъ; я выскажу потомъ мои соображенія о томъ, гдѣ было совершено убійство. Затѣмъ г. Красовскій сказалъ, что Чеберякъ находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ Бейлисомъ. Такимъ образомъ, онъ установилъ какую-то невидимую связь между Чеберякъ и Бейлисомъ въ своемъ показаніи. Затѣмъ указанія г. Красовскаго на заявленіе Пинки о томъ, что онъ первый разъ слышитъ о Женѣ и Андрюшѣ, такъ, несомнѣнно, было ложно, свидѣтельствуешь, что мнѣніе г. Красовскаго складывалось не въ пользу Бейлиса. По мнѣнію г. Красовскаго, повидимому, Бейлисъ и другіе принимали участіе въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, на основаніи этихъ данныхъ, прокуратура нашла возможнымъ привлечь Бейлиса. Но, оказывается, что это не вошло въ планы и соображенія г. Красовскаго. Мнѣ лично думается, это только мое предположеніе, но я имѣю право его высказать, что г. Красовскій, разобравъ въ чемъ дѣло, установивъ, кто проживалъ на этой усадьбѣ, кто могъ принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, все-таки не пожелалъ, чтобы виновные были на скамьѣ подсудимыхъ, не пожелалъ, чтобы все было раскрыто. Онъ находилъ для себя по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, которыхъ я не знаю, болѣе выгоднымъ поступить какъ-нибудь иначе. И дѣйствительно, когда въ силу его показаній Бейлисъ былъ привлеченъ, что онъ дѣлаетъ? Онъ является къ Бразулю, къ тому Бразулю, о которомъ я буду сейчасъ говорить и который сыгралъ такую огромную и такую печальную роль въ этомъ дѣлѣ. Такъ вотъ г. Красовскій, по словамъ Бразуля, срываетъ португезу и говоритъ: „чортъ знаетъ, арестовали ни въ чемъ неповиннаго человѣка“. Вотъ здѣсь-то и проявилась двойственность г. Красовскаго: тамъ у судебного слѣдователя онъ приводитъ всѣ соображенія въ пользу того, что Бейлисъ, если не убивалъ, то во всякомъ случаѣ участвовалъ въ этомъ убійствѣ, потому что онъ схватилъ Андрюшу за руку и потащилъ, а здѣсь, передъ Бразулемъ, онъ разыгрываетъ возмущеннаго человѣка и говоритъ, что невиннаго арестовали, и что онъ больше дѣйствовать не можетъ. Такъ вотъ что такое представляетъ изъ себя г. Красовскій, и вы видите, какъ надо относиться ко всѣмъ его хитроумнымъ дѣйствіямъ. Замѣчательное совпаденіе: арестуютъ Бейлиса и почти одновременно арестовывается и Чеберякъ.

Чеберякъ хотѣтъ связать съ этимъ дѣломъ. Она арестовывается въ концѣ іюля, а 1-го августа, въ ея отсутствіи, заболѣваютъ ея единственный сынъ Женя и обѣ дѣвочки, заболѣваютъ настолько серьезно, что ихъ приходится отправить въ больницу, а затѣмъ, какъ вамъ извѣстно, Женя и Валя умираютъ.

СМЕРТЬ ДѢТЕЙ ЧЕБЕРЯКОВОЙ.

Гг. засѣдатели, не мое дѣло раскрыть вамъ это событіе, тѣмъ болѣе, что дѣло, возникшее по этому поводу, прекращено за отсутствіемъ виновныхъ, за отсутствіемъ состава преступленія. Но такъ какъ здѣсь по этому поводу много говорилось, изслѣдовалось, какъ, при какихъ обстоятельствахъ заболѣли дѣти, то я позволю себѣ на этомъ остановиться. Мнѣ можетъ защита сказать, что у меня нѣтъ данныхъ предположить, что дѣти были отравлены. Можетъ быть, медицинскихъ данныхъ у меня и нѣтъ, но мы слышали здѣсь самого г. Красовскаго, который распространялъ инсинуацію по адресу В. Чеберякъ, что это она, извольте ли видѣть, отравила дѣтей, она, сидѣвшая подѣ стражей, она, очень горевавшая, когда умерли ея сынъ и дочь, — третью дочь ей все таки удалось спасти, — которыхъ она, несомнѣнно, очень любила. Вотъ это инсинуація со стороны лица, производившаго разслѣдованіе, и заставляютъ меня немного долѣе остановиться на вопросѣ, отчего же умерли эти дѣти. Намъ рассказывалось тутъ, что пріѣзжали сыщики во время отсутствія Чеберякъ, что они что-то хотѣли отъ дѣтей узнать, что дѣти боялись этихъ сыщиковъ, потому, что они ихъ запугивали, хотя и давали имъ какія то конфеты, послѣ которыхъ дѣти заболѣли дизентеріей. Здѣсь врачей спрашивали, могутъ ли быть привиты дизентерійныя палочки, отвѣтъ ими былъ данъ неопредѣленный, и вопросъ этотъ остался открытымъ. Такъ что въ сущности вопросъ о томъ, были-ли отравлены дѣти, остается въ высшей степени подѣ сомнѣніемъ. Но я оставлю этотъ вопросъ въ сторонѣ, пусть они не были отравлены, но мы знаемъ, что отъ дѣтей хотѣли узнать, такъ какъ они были очевидцами этого событія, но они страшно запуганы, какъ были запуганы и другіе свидѣтели, они боятся всего, и, дѣйствительно, они имѣли основаніе бояться, потому что вѣдь въ концѣ то концовъ они по-

гибли; отчего произошла эта смерть, — мы не знаем, но фактъ несомнѣнный, что всѣ трое могли очутиться въ могилѣ. Вѣдь странно, эпидемія дизентеріи нѣтъ, а они заболѣваютъ ею въ самой острой формѣ. Я потомъ скажу, почему Чеберякъ боялась рассказать о томъ, чему были очевидцами ея дѣти, почему и сами дѣти боялись. Здѣсь же для меня интересно выяснить роль г. Красовскаго, роль тѣхъ лицъ, которые были ближайшими его помощниками, которые угощали конфектами дѣтей. Насколько дѣти ихъ боялись, видно изъ того, что здѣсь на судѣ дѣвочка Чеберякъ, смѣшавъ несомнѣнно Полищука, который совсѣмъ не въ пользу Бейлиса извлекалъ отъ нея свѣдѣнія, какъ это дѣлали Выграновъ и другіе, смѣшавъ и убоявшись, не могла не расплакаться. Она, видимо, вспомнила, какимъ пыткамъ подвергали ихъ, хотя и угощали конфектами, чтобы добыть отъ нихъ свѣдѣнія, которыя они изъ боязни не хотѣли рассказывать. Это одна изъ наиболѣе печальныхъ и глубоко трагическихъ страницъ въ этомъ дѣлѣ. Удивительно, куда ни оглянись въ этомъ дѣлѣ: или свидѣтель умираетъ, или свидѣтель настолько запуганъ, что отвѣчаетъ только „ничего не знаю“, или свидѣтель отрывается отъ своихъ прежнихъ показаній въ силу того, что предъ лицомъ всего судилища онъ не можетъ дать опредѣленныхъ показаній. Въ августѣ мѣсяцѣ, когда совершилось это происшествіе, когда умерли дѣти Чеберякъ, когда Чеберякъ, присутствуя при послѣднихъ часахъ жизни Жени, будто бы говорила: „да скажи же имъ, сыщикамъ, что твоя мама въ этомъ дѣлѣ не виновата“, когда къ Женѣ пригласили, по его желанію, священника Синькевича, чтобы напутствовать его, когда Женя хотѣлъ что то такое сказать, очевидно, то, чему онъ былъ очевидецъ, и что онъ унесъ, — въ этомъ я не сомнѣваюсь, — въ могилу, то, что было на мѣлѣ въ усадьбѣ Зайцева, когда все это случилось, тогда постарались перенести всю вину на Чеберякъ Говорили, что это она не желала, чтобы Женя раскрылъ правду. Но, однако же, вѣдь въ концѣ то концовъ она нашла возможнымъ придти сюда съ дочерью Людмилой. Людмила и рассказала здѣсь все, какъ было. Тутъ Чеберякъ перестала бояться, тутъ она пошла открыто. Что же было ей дѣлать, когда ее залучивали въ это дѣло. Пусть дочь ска-

жетъ всю правду, хотя бы это грозило ей неприятностями. Но вотъ, когда происходитъ эта смерть дѣтей, въ которой быть можетъ, не виноваты ни г. Красовскій, ни его сподвижники, смерть, которая является слѣдствіемъ простаго случая, дѣти умерли отъ того, что съѣли груши, вотъ тогда г. Красовскій начинаетъ инсинуировать на Чеберякъ. Онъ говоритъ, что ихъ отравила мать. Мать — преступница, вотъ что проходитъ красной нитью черезъ все это дѣло. Во всемъ родственники виноваты, а не тѣ лица, которыя дѣйствуютъ такимъ преступнымъ путемъ. Гг. прис. зас., какъ только былъ допрошенъ Бейлисъ, г. Красовскій немедленно перемѣнилъ свой фронтъ, онъ сказалъ, что онъ болѣе въ этомъ дѣлѣ участвовать не намѣренъ, что онъ спѣшитъ выйти изъ этого дѣла. Что же? Онъ сдѣлалъ все возможное, онъ показывалъ угрозу гг. евреямъ, онъ показывалъ имъ, что такое онъ, онъ показывалъ, что онъ можетъ раскрыть все дѣло, что онъ добрался до Бейлиса, добрался до усадьбы Зайцева, а можетъ быть, добрался и до чего-нибудь гораздо большаго. Вотъ, трепещите О, тогда они поняли, что съ Красовскимъ нужно дѣйствовать иначе, и Красовскій выпелъ изъ дѣла. Въ августѣ мѣсяцѣ, незадолго до пріѣзда Государя Императора, 25 августа Мищукъ, который въ сущности былъ уже устраненъ отъ дѣла и никакого участія не принималъ, ибо несостоятельность его была очевидна, придумываетъ такую исторію. Онъ узнаетъ, будто бы отъ агента Падалко, который отъ какого то подсѣвайла — подсѣвайломъ у преступниковъ называется челвѣкъ, выдающій преступниковъ — получилъ свѣдѣнія, что въ убійствѣ принимала участіе Чеберякъ и какіе то еще другіе преступники.

ПОДДѢЛКА ВЕЩЕСТВЕННЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

И вотъ, изволите видѣть, преступники вмѣстѣ съ Чеберякъ совершили это ужасное дѣло „подъ евреевъ“, или, какъ онъ выразился, „подъ жидовъ“, для того, чтобы вызвать погромъ, а во время погрома поживиться. Свѣдѣнія эти были получены имъ отъ Падалки, а послѣдній получилъ ихъ отъ какого то преступника. Въ концѣ концовъ, Мищукъ произвелъ надлежащее разслѣдованіе. Имъ получена была телеграмма, а затѣмъ письмо отъ какого-

то неизвѣстнаго, который впоследствии оказался нѣкимъ Купныремъ, занимающимся покупкой краденнаго. Такъ вотъ въ этомъ письмѣ совершенно точно указывалось, что такими-то лицами совершенно преступленіе, а вещи зарыты на Юрковской горѣ, гдѣ ихъ и можно найти. Мишукъ, быть можетъ, введенный въ заблужденіе, или самъ дѣйствующій по этому плану, желая снова запутать дѣло, сообщилъ объ этомъ слѣдователю. И вотъ слѣдователь и прокуроръ палаты ѣдутъ на эту Юрковскую гору. Въ сущности, это сплошной смѣхъ. Воображаю, какъ полиція вокругъ хохотала: хотѣтъ найти вещи, которыя зарыты рукою, быть можетъ, тѣхъ лицъ, которыя дѣйствовали по указанію Мишукъ. Когда открылось это мѣсто, которое, кстати сказать, нашли очень скоро, то оттуда вынули какой-то хламъ, лежавшій въ какомъ-то мѣшкѣ, повидимому, не долго; во всякомъ случаѣ, съ 12 марта не могъ бы сохраниться въ такомъ сухомъ видѣ. Тамъ нашли обгорѣвшія части одежды, какія то пуговицы, пряжки, якобы остатки отъ тѣхъ брюкъ, которые были на покойномъ, затѣмъ нашли два заржавленныхъ стержня, которыми, очевидно, нельзя было причинить раненій. Но тутъ ужъ все равно: стержни заржавѣли подъ влияніемъ времени. Можетъ быть, эксперты и найдутъ возможнымъ признать, что такими заржавленными стержнями можно причинить раненія. Здѣсь я не могу не напомнить слѣдующаго случая.

ПОВЕДЕНІЕ МИЩУКА.

Когда къ Мишукъ явился студентъ Голубевъ и заявилъ ему о ритуальномъ характерѣ убійства, то Мишукъ сказалъ: „вы вѣрите въ ритуаль, да бросьте вѣрить въ эти глупости, вотъ я и орудіе нашель, которымъ было совершено убійство“. При этомъ онъ открылъ ящикъ письменнаго стола и досталъ оттуда какую-то швайку, сказавъ: „вотъ орудіе, которымъ могло быть совершено преступленіе“. Когда мы сопоставимъ всѣ эти дѣйствія Мишукъ со словами: „бросьте не вѣрите въ ритуаль и въ то, что кровь нужна евреямъ, а вотъ орудіе убійства“, — а орудіе это было найдено на Юрковской горѣ при обстоятельствахъ, о которыхъ я вамъ только что говорилъ, можно ли сказать, что Мишукъ дѣйствовалъ въ

силу заблужденія, а не въ силу опредѣленнаго плана. Но такъ или иначе то письмо, которое получилъ Мишукъ и въ которомъ указывалось, что Чеберякъ вмѣстѣ съ другими лицами совершила это преступленіе, въ которомъ говорилось, что какой-то Романюкъ вмѣстѣ съ Чеберякъ у Цѣпнаго моста застигъ Андриюшу и куда-то повезъ, гдѣ его и убили, письмо, въ которомъ говорилось, гдѣ могутъ быть найдены вещи, и назывались Чеберякъ и цѣпный рядъ опредѣленныхъ лицъ, письмо это оказалось сушею ложью отъ начала до конца, ибо часть преступниковъ находилась подъ стражей, часть не могла принимать участія, а самъ Мишукъ въ концѣ концовъ долженъ былъ признать, что все это сочинено, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе. Вы знаете, что Мишукъ по этому дѣлу привлекался и былъ признанъ виновнымъ, осужденъ за подлогъ, и судебная палата признала, что онъ совершилъ его умышленно. Все это обвиненіе воровъ, которые должны были совершить преступленіе „подъ жидовъ“ оказалось совершенно несостоятельнымъ, и никому въ голову не пришло привлечь этихъ воровъ къ отвѣтственности. Но для меня здѣсь чрезвычайно важно отмѣтить этотъ приемъ. Для того чтобы уличить Чеберякъ и какихъ-то воровъ, которые не причастны къ этому дѣлу придумывается такая подкидка вещей: подкидываются вещи и стержни для того, чтобы уличить. Насъ съ вами трудно уличить, потому, что не повѣрятъ, чтобы мы могли совершить преступленіе. А воръ? Вору, который занимается кражами, ему ничего нѣтъ легче, какъ подкинуть эти вещи и сказать: „вотъ ты убійца, вотъ видишь вещи!“ Я вовсе не запишаю воровъ, напротивъ, я всегда ихъ обвиняю, но въ данномъ случаѣ я беру ихъ подъ свою защиту. Вълѣзъ въ права, его гораздо легче обработать, обойти, чѣмъ насъ. Относительно насъ не повѣрятъ, что мы совершили злодѣяніе, а относительно вора скорѣй повѣрятъ. Вотъ этотъ приемъ я прошу васъ удержатъ, г.г. прис. зас., въ вашей памяти и придать ему огромное значеніе въ своемъ рѣшеніи. Такимъ образомъ 25 августа и эта версія о ворахъ вмѣстѣ съ Чеберякъ рухнула.

О ЕВРЕЙСКИХЪ КРУГАХЪ.

Но съ того момента, когда привлеченъ былъ Бейлисъ, заволновались еврейскіе

круги. Они никакъ не ожидали, чтобы правительство, или вѣрнѣе слѣдственная власть и прокуратура осмѣлялись привлечь евреевъ. Я настаиваю на этомъ, что они этого не ожидали. Вы спросите меня, почему я подчеркиваю это, почему я настаиваю. Да потому, что какъ ни трудно положеніе евреевъ, я прямо скажу, что въ томъ отношеніи, что не пользуются всѣми правами жительства, не имѣютъ права жительства во всѣхъ городахъ, хотя проникаютъ фактически всюду, во всѣ города, какъ ни тяжело это положеніе, и даже до нѣкоторой степени трагично, — хотя мой противникъ называлъ его комедіей, а не трагедіей, но я признаю это не комедіей, потому, что, хотя въ силу дѣйствія монетъ они и живутъ, но все-таки нельзя отрицать, что это положеніе трагическое. Я бы лично не видѣлъ въ этомъ ничего трагичнаго, ибо если бы мнѣ не было предоставлено право жительства въ Америкѣ, положимъ, я бы особенно не горевалъ, какъ бы ни было мнѣ тяжело, что не удалось посмотрѣть Америку. Такъ что, въ общемъ, конечно, это положеніе тяжелое и никто отрицать этого не будетъ, но несмотря на это, скажу открыто, пусть за это меня будутъ судить, — конечно, не судъ, а то общество, передъ которымъ я стою, — что я лично чувствую себя подъ властью евреевъ, подъ властью еврейской мысли, подъ властью еврейской прессы.

РУССКАЯ ПРЕССА.

Вѣдь русская пресса, только кажущаяся русская, въ дѣйствительности же, почти всѣ органы печати въ рукахъ евреевъ. Я ничего не хочу говорить противъ еврейства, но, когда читаешь еврейскія газеты, еврейскія мысли, еврейскую защиту, то, дѣйствительно, выступать противъ евреевъ, значить вызывать упрекъ, что вы, или черносотенецъ, или мракобѣсъ, или реакціонеръ, что не вѣрите въ прогрессъ, и т. д. Евреи до такой степени увѣрены, что захватили въ свои руки главный рычагъ общестственности — прессу, что думаютъ, что никто уже не посмѣетъ возбудить противъ нихъ такое обвиненіе не только въ Россіи, но даже и въ другихъ странахъ. И до нѣкоторой степени они правы, въ ихъ рукахъ, главнымъ образомъ, капиталъ, и хотя юридически они безправны, но фактически они владѣютъ нашимъ міромъ, и въ этомъ отношеніи пророчество Библіи поч-

ти на нашихъ глазахъ сбывается: тяжело ихъ положеніе, но въ то же время мы чувствуемъ себя подъ ихъ игомъ. На это я обращаю ваше вниманіе потому, что, какъ я уже сказалъ, никто не думалъ, что правительство поставитъ когда-нибудь это дѣло на судъ, всѣмъ казалось — не рискъ ли это со стороны правительства, многомилліонный русскій народъ думаетъ объ этомъ рискѣ. Да развѣ мы можемъ закрыть глаза на то преступленіе, которое совершилось въ Кіевѣ, хотя бы это и грозило намъ неприятностями, мы должны раскрыть; но съ точки зрѣнія евреевъ, мы не имѣемъ права на это, иначе мы черносотенцы, мракобѣсы, реакціонеры, и желаемъ крови. Это, вѣдь, обвиненіе почти звучитъ. Вѣдь въ сущности насъ станутъ даже обвинять, что мы поставили процессъ, что мы возбуждаемъ народъ противъ евреевъ. Отнюдь нѣтъ. Меня даже удивляетъ слѣдующее. Если бы евреи желали защитить Бейлиса, если бы они спокойно отнеслись къ этому процессу, то сказали бы — пусть правосудіе рѣшитъ это дѣло, уликъ было немного, кромѣ соображеній Красовскаго, которыя я привелъ, и судъ присяжныхъ, которому они вѣрятъ, могъ бы увидѣть, что уликъ мало и можно оправдать, но евреи сами, сознавая, что Бейлисъ, дѣйствительно виновенъ. вмѣсто того, чтобы сказать — пусть правосудіе дѣлаетъ свое дѣло, они старались запугать это дѣло, помѣшать правосудію. И поэтому, когда Бейлисъ былъ привлеченъ, они были изумлены: что такое сдѣлали съ Бейлисомъ, какъ смѣли въ ту эпоху, когда существуетъ государственная дума, когда начнутся разговоры, и когда могутъ привлечь къ отвѣтственности цѣлый рядъ правительственныхъ лицъ. Но правительство посмѣло, и Бейлисъ былъ привлеченъ.

БРАЗУЛЬ-БРУШКОВСКІЙ.

Съ того момента какъ онъ былъ привлеченъ, заволновались всѣ: прежде всего Бразуль-Брушковскій изъ редакціи „Кіевской Мысли“, затѣмъ Марголинъ — представитель еврейскихъ обществъ, который ведетъ всѣ крупныя процессы; всѣ они въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ зашумѣли и стали выступать на сцену. Я перейду къ ихъ дѣятельности. Она замѣчательна и конечно, также будетъ отмѣчена въ анналахъ нашего процесса. Мнѣ будетъ сказано, что

и раньше по другим процессам сотрудники разных газет выступали в качестве лиц, добровольно принявших расследование, миѣ указывали, что и Короленко выступалъ по мултанскому дѣлу и т. д., я этого не отрицаю, и тутъ мы видимъ добровольныхъ лицъ—Голубева и др., которые добровольно производятъ расследованіе, но кто бросить имъ упрекъ? Развѣ они занимались подкидкой, развѣ они создавали ложныя доказательства? Ничего подобного. А когда обратимся къ дѣятельности Марголиныхъ и Бразуль-Брушковскихъ, тогда увидимъ, что тутъ дѣло другое. Короленко и др. лица дѣйствовали безкорыстно, въ силу можетъ быть своихъ убѣжденій въ невиновности тѣхъ или другихъ лицъ, здѣсь же о безкорыстїи говорить трудно. Мы имѣемъ факты, доказывающіе корыстное отношеніе къ этому дѣлу. Я не сомнѣваюсь, что Марголинъ дѣйствовалъ въ качествѣ представителя еврейскаго народа. Вѣдь онъ даже тутъ гордо заявлялъ—я еврей, я представитель еврейскаго народа. Но Бразуль-Брушковскій не еврей, а женатъ на еврейкѣ и сотрудникъ „Кіевской Мысли“ и выступаетъ на арену въ качествѣ добровольнаго сыщика. Что же они дѣлали? Бразуль-Брушковскій знакомится съ Красовскимъ, знакомится съ Выграновымъ и создается планъ какъ бы запутать это дѣло, какъ бы задержать его. Я скажу прямо, что планъ заключается въ запутываніи этого дѣла. Чеберякова имъ кажется подозрительной, у нея умерли дѣти, чего-то она боится, чего-то не досказываетъ, очевидно, что-то знаетъ, и чѣмъ-то замѣшана въ этомъ дѣлѣ. Чѣмъ, объ этомъ рѣчь будетъ впоследствии. Слѣдовательно нужно, чтобы эта Чеберякова, такъ какъ вину она на себя не принимаетъ, чтобы она сдѣлалась свидѣтельницей какого-нибудь событія, свидѣтельницей какой-нибудь новой версіи. И вотъ за Чеберяковой начинаютъ усиленно ухаживать; такъ продолжается сентябрь, октябрь и ноябрь. Ее посѣщаетъ Бразуль-Брушковскій, онъ не гнушается обществомъ особы, у которой собираются лица нелегальныя, занимающіяся кражами, но Бразуль-Брушковскій во имя правды, какъ онъ говоритъ, во имя справедливости,—а по моему во имя матеріальныхъ интересовъ,—ведетъ свою линію добровольнаго сыщика и съ Выграновымъ неоднократно посѣщаютъ Чеберякову. И вотъ

въ ноябрѣ мѣсяцѣ, 10-го числа, я пропу запомнить эту дату, надъ Чеберяковой повисъ, если можно такъ выразиться, Дамокловъ мечъ, повисло какое-то подозрѣніе въ преступленіи. Вы скажете, что же произошло 10-го ноября? Я напомнимъ. Вы помните даму, про которую кто-то сказалъ, что это дама съ бѣйкомъ,—это именно Малицкая, живущая подъ Чеберяковой, которую мы видѣли тутъ и которая вызывала на устахъ многихъ легкую усмѣшку своимъ поведеніемъ, своими показаніями. Эта самая особа, которую допрашивалъ въ августѣ судебный слѣдователь и которая ничего существеннаго по дѣлу не показала, говоря, что ничего не знаетъ, ничего не слышала, и которая 10-го ноября при посредствѣ нѣкоего Кириченко дала жандармскому подполковнику Иванову показаніе, изъ котораго оказывается, что она знаетъ гораздо больше. Она знаетъ, что въ то время, когда она сидѣла въ своей казенной винной лавкѣ, наверху совершалось, повидимому, убійство Ющинскаго, тамъ шли какіе-то разговоры, слышались крики, она даже различала шаги Чеберяковой, однимъ словомъ нарисовала картину преступленія. Конечно, это былъ сплошной вымыселъ, но такъ или иначе, она дала такое показаніе подполковнику Иванову, она подтвердила это судебному слѣдователю и слѣдовательно, Чеберяковой это могло показаться опаснымъ, ее такъ или иначе замѣшиваютъ въ это дѣло, она уже является какъ бы убійцей, потому что Малицкая прямо говоритъ, что Ющинскій убитъ тамъ наверху, значитъ, Чеберякова принимала участіе. Гг. присяжные засѣдатели, представьте себѣ положеніе не Чеберяковой, а самой обыкновенной женщины, не занимающейся кражами, какой-нибудь Ивановой, ходившей къ Ющинскимъ, и вдругъ внизу живущій жилецъ говорить,—я слышалъ, что наверху происходитъ. Всякій испугается, повѣрять или нѣтъ, но вѣдь жилецъ удостовѣряетъ, что это фактъ. Этими положеніемъ и воспользовались Бразуль-Брушковскій и другія лица, которымъ нужно было это дѣло запутать. Они все выдумали и Малицкую кто-то научилъ. Вспомните, Малицкая писала Бразуль-Брушковскому открытое письмо, въ которомъ хотѣла дать ему откровенное показаніе, и я увѣренъ, что Чеберякову стали уже терроризировать, стали стращать. Ей сказали Бразуль-Брушков-

ский и Выграновъ—вотъ что Вѣра Владиміровна, вы будете какъ свидѣтельница опредѣленной версіи или возьмите вину на себя. Вину она не хотѣла принять на себя, хотя ей сулили за это опредѣленные деньги и хотя ей говорили, что вамъ все равно не повѣрятъ, а Бейлиса освободятъ. Чеберякова на это не пошла, тогда ее стали ссорить съ ея любовникомъ, слѣпымъ жалкимъ человѣкомъ Мифле; она поссорилась съ нимъ, онъ ее избилъ. И вотъ воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ Бразуль-Брушковскій, Выграновъ и др. придумали версію, о которой я буду говорить. Они придумали, что убійство совершенно никѣмъ инымъ, какъ Мифле, при участіи того же Федора Нѣжинскаго и Луки Приходько, которыхъ казалось бы не слѣдовало и трогать. Но они не могутъ отъ нихъ отказаться, такъ прицѣпились къ нимъ, такъ кажется удачнымъ, что Лука Приходько вмѣстѣ съ Мифле и еще кѣмъ-то убили. Изъ-за чего убили, это другой фактъ, я скажу потомъ, но для меня важно установить фактъ, что Чеберякову и Петрова, ея знакомаго, они подговариваютъ подтвердить эту версію у судебного слѣдователя. Тѣ неохотно на это соглашались, хотя за это имъ дають опредѣленные деньги, и въ концѣ-концовъ, рѣшено, что Чеберякова можетъ быть приметъ всю вину на себя.

ПОѢЗДКА ВЪ ХАРЬКОВЪ.

И вотъ въ декабрѣ мѣсяцѣ состоялась знаменитая въ своемъ родѣ и очень таинственная, очень конспиративная поѣздка въ г. Харьковъ. Гг. присяжные засѣдатели, на этой поѣздкѣ стоятъ остановиться, чтобы возстановить въ вашей памяти, какъ это произошло. Для какой цѣли везли Чеберякову въ Харьковъ, это осталось для насъ какъ-бы непонятнымъ. Чеберякова говорить совершенно опредѣленно, что она поѣхала туда не зная даже о цѣли. Когда же явились въ Харьковъ, ее повели въ „Грандъ-Отель“, гдѣ ее встрѣтилъ важный господинъ, нынѣ оказавшійся Марголинымъ. Этотъ важный господинъ, не подавая руки и возсѣдая на креслѣ въ бархатной тужуркѣ, не подавая руки даже Бразуль-Брушковскому, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, разыгралъ изъ себя, и повидимому блистательно, члена государственной думы, — одни назвали членомъ харьковской думы, но онъ, можетъ быть, назвалъ себя членомъ государственной ду-

мы. И когда Чеберякову ввели въ этотъ номеръ, который занималъ важный господинъ, выслушавъ ея версію о Мифле, въ которой она является въ качествѣ мстительницы, сказала---это меня не интересуетъ, кого подозрѣваютъ, а вотъ, не возьмете ли на себя вину; или эту фразу произнесъ кто то другой, но во всякомъ случаѣ былъ такой разговоръ. Мнѣ скажутъ --- да развѣ Чеберяковой можно вѣрить, она солгала, какъ и во многихъ случаяхъ, вѣдь про нее и сотрудникъ „Кіевской Мысли“ Яблоновскій говоритъ, что она вретъ, когда говоритъ правду, и говорить правду, когда вретъ. Это, быть можетъ, очень остроумно, но я этого не понимаю. Несомнѣнно, она не такая женщина, каждому слову которой можно вѣрить, но во многомъ показанія ея подтверждаются, и если вспомнить показанія Бразуль-Брушковскаго и другихъ лицъ, то мы должны придти къ заключенію, что въ этой части показанія ея подтверждаются. Относительно предлагаемой ей суммы въ 40 тысячъ я сомнѣваюсь. Правда, я не знаю совершенно, сколько дають за такія важныя услуги, но мнѣ кажется, что для Чеберяковой это, пожалуй, слишкомъ дорогая расцѣнка, хотя, кто знаетъ, сколько, вообще, платилось по этому процессу. Вспомните, Марголинъ на мой вопросъ отрицалъ того, что если-бы она оказала какія-нибудь услуги, если-бы что-нибудь провела въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть приняла-бы вину на себя, то вѣдь за всякій трудъ платятъ; такъ сказалъ Марголинъ на мой вопросъ. Такъ, что онъ не отрицалъ, что въ случаѣ чего-либо ей-бы заплатили. Затѣмъ Бразуль-Брушковскій расходуетъ на эту поѣздку цѣлыхъ 100 р. изъ своего кармана. Для чего онъ это дѣлаетъ, для чего везетъ Чеберякову? Чтобы достать какія-то свѣдѣнія объ арестантѣ Лисуновѣ. Но вѣдь Лисуновъ не содержимъ въ, его тамъ нѣтъ, никакихъ свѣдѣній о немъ почерпнуть нельзя. Ее везутъ конспиративно, за нею слѣдить какой-то Перехристъ, хотя и не сотрудникъ, но тоже служащій въ „Кіевской Мысли“, и ѣдетъ съшикомъ Выграновъ. Сышиковъ Чеберякова боится, боится, что ее отравятъ. Эту поѣздку они обставляютъ такъ, что Марголинъ не прописывается въ гостиницѣ, только впоследствии находятъ запись въ

ВѢРА ЧЕБЕРЯКЪ.

книгѣ, а раньше ее не было и только случайно достаютъ ее въ буфетной книжкѣ. Загѣмъ Марголинъ утверждаетъ, что онъ былъ съ 7-го по 8-ое декабря вечеромъ, а тамъ значится, что 8 ноября онъ выѣхалъ въ Москву, вмѣсто Кіева, значить и запись невѣрная. Я нисколько не сомнѣваюсь, что Марголинъ зналъ, что онъ будущій защитникъ Бейлиса, --- онъ въ этомъ самъ сознался, что тогда онъ зналъ, что будетъ защищать Бейлиса. И онъ ѣдетъ въ качествѣ адвоката тайнственно, чтобы никто не зналъ, что онъ Марголинъ, и хотя онъ важный видъ имѣетъ и въ Кіевѣ его знаютъ, но Чеберякова могла его не знать; теперь, когда все это раскрылось, ему ничего не остается, какъ разыграть роль благороднаго человѣка: я, молъ, нисколько не скрывался. Нѣтъ, вы скрывались, вы умышленно скрывали свою личность, свое званіе и свою прикосновенность къ дѣлу. И это гг. присяжные засѣдатели, до того ярко, до того опредѣленно, что въ данномъ случаѣ я больше вѣрю Чеберяковой, чѣмъ Марголину, Бразуль-Брушковскому и другимъ. Они несомнѣнно везли ее въ Харьковъ, чтобы уломать, уговорить принять на себя вину. Они говорили --- васъ будутъ защищать лучшіе адвокаты, мы дадимъ вамъ чистый документъ, васъ днемъ съ огнемъ не найдутъ, берите на себя это дѣло. Но Чеберякова на это не поддалась. Она чувствовала, что разъ въ ней нуждаются, она еще извлечь можетъ быть выгоды, а разъ она сознается въ томъ, чего она не дѣлала, ее выдадутъ съ головой, будутъ надъ ней смѣяться, Бейлиса выпустятъ, а ее посадятъ и денегъ не дадутъ, и она отказалась. Какъ не гремѣлъ звонъ металла, о которомъ говорилъ Бразуль-Брушковскій, какъ не гремятъ эти серебрянники все время на этомъ процессѣ, всетаки не всѣ поддаются на эти серебрянники, когда дѣло идетъ о собственной участи; когда дѣло идетъ о выгодѣ, то охотно принимаютъ серебрянники, но когда дѣло идетъ о каторгѣ, то раздумываютъ. Раздумала и Чеберякова и вину на себя не приняла. Когда она вернулась изъ Харькова, то Бразуль-Брушковскій сказалъ ей --- знаете, Вѣра Владиміровна, теперь ахнемъ на Мифле, --- это подлинныя слова, которыя сказалъ Бразуль-Брушковскій. Что значить „ахнемъ“. Значить, будемъ развертывать эту версію на Мифле.

И вотъ въ декабрѣ мѣс. возятъ Вѣру Владиміровну по ресторанамъ. Ордынскій, Яблоновскій, --- тотъ, который, вѣроятно, очень интересно пишетъ въ „Кіевской Мысли“, --- и всѣ они интересуются личностью Чеберяковой. Она относится къ нимъ весьма скептически. Распивая съ ними не одну сельтерскую воду, а можетъ быть и другіе напитки, она всегда приглашаетъ съ собою Выгранова, какъ-бы не подсыпали чего-нибудь и не подсунули-бы послѣ шампанскаго чистый бланкъ для подписи и какъ-бы не заставили послѣ шампанскаго сознаться въ преступленіи. Вы скажете, что это мои предположенія. Нѣтъ, это не мои предположенія, я черпаю это изъ обстоятельности дѣла и вамъ достаточно только вспомнить, что Чеберякова говорила, какъ ей подсовывали чистый бланкъ, который она должна была подписать и въ который потомъ впишутъ ея показанія. Они не оставляли мысли о версіи, хотя она казалась и явно невѣроятной, и вотъ 22 декабря Бразуль-Брушковскій является къ судебн. слѣдователю Фененко и тайнственно сообщаетъ, --- а надо сказать, что въ то время дѣло близилось къ концу и должно было быть направлено въ камеру прокурора, --- у меня есть существенныя данныя, проливающія свѣтъ на это дѣло. Что же, пожалуйста. Тогда слѣдователь пригласилъ его въ свой кабинетъ, не въ камеру, а на квартиру, и сообщилъ объ этомъ прокурору и товарищу прокурора.

СОВѢЩАНІЕ.

И вотъ, вечеромъ Бразуль-Брушковскій, котораго раньше судебный слѣдователь не зналъ, является вмѣстѣ съ кѣмъ --- вмѣстѣ съ Выграновымъ. Ихъ принимаютъ, они ведутъ разговоръ, причемъ, фактовъ Бразуль-Брушковскій не сообщаетъ, онъ говоритъ только, что у него есть важныя данныя, которыя онъ только тогда сообщитъ прокурору, если онъ согласится арестовать двухъ братьевъ Мифле, Павла и Евгенія. На это послѣдовалъ отвѣтъ, и справедливый, прокурора --- „я по темному слѣду не пойду, ваша версія о Мифлѣ никакой критики не выдерживаетъ“. На этомъ и кончился весь разговоръ. Бразуль-Брушковскій ни слова не говорилъ прокурору и тов. прокурора, что ѣздилъ съ Чеберяковой въ Харьковъ. А 4-го января

тотъ же Бразуль-Брушковскій является къ тов. прокурора Лашкареву, и будго бы товарищ прокурора Лашкаревъ сказалъ Бразулю: „вы не безпокойтесь, обвинительный актъ еще не составленъ и составленъ не будетъ“. Мы же знаемъ, что обвинительный актъ составленъ 5-го января, и утвержденъ судебной палатой 20-го января, значить, это вымыселъ со стороны Бразуль-Брушковскаго, и онъ говорить неправду на товарища прокурора, который не могъ ему сказать ничего подобнаго, потому, что онъ приступилъ уже къ составленію акта. Но, что меня поражаетъ, не только поражаетъ, но и возмущаетъ, — хотя и весь процессъ сплошное возмущеніе, и это возмущеніе меня такъ утомляетъ, что я спокойно говорить не могу, — это то, что, если 8-го числа ему было сказано опредѣленно — уходите съ вашей версіей и подавайте кому угодно заявленіе, онъ не отказался отъ заявленія и, несмотря на очевидную несостоятельность заявленія, онъ 18-го января, слѣдовательно, за два дня до утвержденія обвинительнаго акта по дѣлу Вейлиса, преслѣдуя только одну цѣль, разсѣять работу прокурора и освободить Вейлиса во что бы то не стало, подаетъ ложное заявленіе, чтобы запутать дѣло и добиться, чтобы оно было немедленно возвращено къ дослѣдованію. Этотъ сотрудникъ „Кіевской Мысли“ г. Бразуль-Брушковскій, получающій 3,000 руб. на побѣдки, и расходующій до 50 руб. на разныхъ лицъ, въ то время, какъ адвокаты Виленскій и Марголинъ распоряжаются суммами свыше 50 рублей, этотъ Бразуль-Брушковскій подаетъ завѣдомо ложное заявленіе прокурору суда. Вотъ его содержаніе: „Состоя сотрудникомъ „Русскаго Слова“, я, по порученію редакціи слѣдилъ съ самаго начала, и у меня сложилось убѣжденіе, что убійство есть дѣло шайки преступниковъ, все остальное, раны и пр., свидѣтельствуютъ о томъ, что имѣлось въ виду инсценированіе, т. е. подражаніе—ригуальнаго убійства для сокрытія слѣдовъ преступленія и для направленія слѣдственныхъ властей въ другую сторону. Убѣжденіе мое укрѣплялось“... И вотъ, онъ говорить со словъ Чеберяковой и Петрова о томъ, что у него получилось такое впечатлѣніе, что Петровъ, о которомъ Чеберякова вамъ говорила, сообщалъ, что, живя у Мифле до октября 1911 года, онъ былъ

свидѣтелемъ, какъ Мифле, незадолго до убійства, набивалъ рукоятку на шило, а впослѣдствіи, послѣ убійства, Чеберякова ему говорила, что Женья и мальчикъ Зарудскій нашли окровавленное шило. Вы знаете, что всему этому они учили Чеберякову, и она почерпнула отъ нихъ. Тотъ же Петровъ сообщалъ, что въ пивной Добжанскаго, котораго вы здѣсь видѣли, и знаете, что представляетъ изъ себя этотъ г. Добжанскій, Федоръ Нѣжинскій, Мифле, Лука Приходько и Федоръ Назаренко, который, какъ вы знаете изъ оглашенной справки, не могъ принимать участія, ибо съ 30-го марта по 30-е января находился подъ арестомъ, и еще какой-то неизвѣстный, они тайно клялись, что будутъ участвовать въ этомъ преступленіи, и затѣмъ совершили это преступленіе, причѣмъ Ющинскаго привелъ на мѣсто преступленія Назаренко, а первый ударъ нанесъ Федоръ Нѣжинскій. Такъ писалось въ этомъ заявленіи. Гг. присяжные засѣдатели, теперь то мы знаемъ, что все это ложь, что Федоръ Назаренко не могъ участвовать, потому, что сидѣлъ въ это время подъ арестомъ, что Федоръ Нѣжинскій и Лука Приходько не причастны къ этому дѣлу, что убійство не могло быть совершено въ пещерѣ, что клятвъ не было, что все это сплошной вымыселъ. А между тѣмъ, Бразуль-Брушковскій въ официальномъ заявленіи на имя прокурора суда все это пишетъ. Когда его спрашивали, онъ говорить: — я самъ не вѣрилъ въ то, что писалъ, это былъ тактический приемъ вызвать броженіе между преступниками, я въ симуляцію не вѣрю, убійство не симулировано. Онъ признаетъ себя виновнымъ въ ложномъ доносѣ, а за ложный доносъ по статьѣ 540 полагается опредѣленная кара. Но Бразуль-Брушковскій не стѣняется, и почему? — Потому, что Лука Приходько и Федоръ Нѣжинскій такіе люди, которые не отвѣчаютъ, они воры, они безответные, на нихъ можно писать что угодно. Сознывая неправдоподобность версій на слѣпного Павла Мифле, такъ какъ слѣпой, очевидно, не могъ совершить пораненій, которыя были найдены у Ющинскаго, они учатъ сказать, что у Мифле отецъ былъ медикъ, а мать служила въ еврейской больницѣ. Но, вѣдь, никакихъ мотивовъ у Павла Мифле совершить убійство не было, и Бразуль-Брушковскій понималъ

это, но ему важно было запутать это дѣло и возвратить его къ дослѣдованію. Но этого не случилось, потому, что надъ этой версіей смѣялся и прокуроръ, и слѣдственная власть, и дѣло къ дослѣдованію обращено не было. Разстроенный и обиженный Бразуль-Брушковскій, этотъ служащій правдѣ человѣкъ, сказалъ: — больше я дѣйствовать не могу, меня называютъ всѣ еврейскимъ наймитомъ, я усталъ. Онъ усталъ отъ всего этого дѣла. Если вы поставите этого Бразуля съ его прекрасными, — прекрасными относительно, — манерами, съ его умѣньемъ говорить передъ судомъ, на первый взглядъ можно подумать, какой благородный человѣкъ, дѣйствуетъ во имя правды, если поставите на одну доску съ Петровымъ, съ этимъ жалкимъ, блѣднымъ, замученнымъ человѣкомъ, который, можетъ быть, занимается и воровствомъ, и спросите, кто же говорить изъ нихъ правду, то, конечно, надо думать, что Бразуль. Но вспомните тотъ моментъ, когда Бразуля спрашивали, давалъ ли онъ деньги Петрову. — Нѣтъ, не давалъ. — Пожалуйте, Петровъ, сюда. Обратите вниманіе, что не самъ Петровъ вызвался, а его спросилъ уражаемый членъ суда, получалъ ли онъ что-нибудь отъ Бразуля. — Да, онъ заплатилъ за револьверъ 25 рублей, даже 50 рублей долженъ былъ заплатить. Бразуль смѣшался, — да, дѣйствительно, платилъ, а раньше утверждалъ, что не платилъ, платилъ по мелочамъ. Онъ давалъ маленькія суммы Петрову и Чеберякову угощалъ только для того, чтобы обставить эту версію о Мифле, чтобы запутать это дѣло и снова повести слѣдственную власть по ложному пути. И тутъ сорвалось, и тутъ версія рухнула, и ничего не осталось сказать Бразуль-Брушковскому, какъ только то, что: „я еврейскій наймитъ“. Къ сожалѣнію, много у насъ Бразуль-Брушковскихъ, и много людей, которые готовы пользоваться еврейскимъ капиталомъ. Прощу перерыва.

Объявляется перерывъ.

Послѣ перерыва прокуроръ продолжаетъ: Г.г. присяжные засѣдатели, въ мою задачу не входитъ утомлять ваше вниманіе, наоборотъ моя цѣль, которую я преслѣдую, — это прояснить ваше вниманіе. Но вы видите сами, что дѣло избилуетъ такими подробностями и такими деталями, что обвинителю прихо-

дится на нихъ останавливаться и если бы я на нихъ не сталъ останавливаться, то вы могли бы меня упрекнуть въ томъ, что я не восстановилъ въ вашей памяти всю послѣдовательную картину того изслѣдованія, которое здѣсь происходило. 15 января Бразуль-Брушковскій подалъ заявленіе прокурору объ этой версіи, о томъ, что въ убійствѣ участвовали Назаренко, Мифле, Лука Приходько и Федоръ Нѣжинскій, но прокуроръ суда не придалъ никакого значенія этой версіи и не нашелъ нужнымъ возвращать дѣло къ дослѣдованію. Такимъ образомъ, партіи Бразуля-Брушковскаго нанесенъ былъ ударъ. Бразуль-Брушковскій, Марголинъ и другіе отстаиваютъ интересы Бейлиса очевидно по какимъ то своимъ соображеніямъ. Они находили, очевидно, что интересы Бейлиса и ихъ интересы,—это одно и то же, потому, что за Иванова, за Сидорова Марголины и Бразуль-Брушковскіе не вступятся. Если бы здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ не Бейлисъ, а Ивановъ, то вѣроятно, мы прослушали бы весь этотъ процессъ въ одинъ день, а не сидѣли бы цѣлый мѣсяцъ, не выслушивали бы цѣлыя лекціи профессоровъ, не были бы приглашены такія свѣтила для защиты. Но такъ какъ обвиняется Бейлисъ и такъ какъ онъ обвиняется въ такомъ специфическомъ убійствѣ, то разумѣется прилагаются всѣ силы къ тому, чтобы процессъ былъ обставленъ какъ можно лучше. И вотъ когда эта версія не подтвердилась и дѣло не было возвращено къ дослѣдованію, тогда они нашли нужнымъ мобилизовать всѣ силы. Бразуль-Брушковскій, признавъ свою несостоятельность, находитъ себѣ помощника Выгранова, ученика Красовскаго. Марголинъ тоже признаетъ, что они дѣйствовали нѣсколько экспансивно и что побѣдка въ Харьковѣ была нѣсколько неосторожна. Это такія дѣйствія, за которыя онъ могъ пострадать даже въ уголовномъ порядкѣ. Бразуль вѣздитъ со свидѣтельницами по этому дѣлу, объ чемъ-то бесѣдуетъ съ ней, они встрѣчаются въ номерахъ и даже дважды встрѣчаются. Они поняли, что нужно пригласить кого-то новаго и снова на сцену выступаетъ,—я иначе не могу его назвать, какъ оберъ по сыскной части, оберъ-сыщикъ, тотъ же г. Красовскій. Удалившійся отъ дѣла еще въ сентябрѣ 1911 года, онъ тѣмъ не

менѣе продолжалъ слѣдить за этимъ дѣломъ, онъ отправился на мѣсто, гдѣ было совершено преступленіе для разслѣдованія, но затѣмъ онъ былъ удаленъ въ январѣ мѣсяцѣ и былъ устраненъ отъ должности. И вотъ его пригласили, или онъ самъ пожелалъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Г. Красовскій говоритъ, что онъ хотѣлъ реабилитировать свое имя, которое нѣсколько пострадало послѣ инсинуаций, распушенных по его адресу со стороны Мишука. Но онъ хотѣлъ не только реабилитировать свое имя, онъ хотѣлъ дѣйствовать во имя правды и потому рѣшилъ выступить въ качествѣ активнаго дѣателя. Это произошло приблизительно въ февралѣ, когда онъ былъ выписанъ изъ узда. Когда онъ прибылъ, то помимо Красовскаго нашли необходимымъ пригласить ему въ помощь двухъ въ своемъ родѣ выдающихся дѣателей. Этими дѣателями явились г. Караевъ, повидимому изъ армянъ или грузинъ, и г. Махалинъ. Позвольте на минуту остановить вниманіе на характеристикѣ этихъ двухъ господъ, если къ нимъ примѣнно это слово — господа. Господа присяжные засѣдатели, среди васъ я вижу лицъ, принадлежащихъ къ сельскому словію. Эти лица живутъ той нормальной, здоровой и честной жизнью, которой къ счастью для Россіи живутъ 60 или можетъ быть 70 милл. крестьянъ. Конечно и среди крестьянъ есть отрицательныя явленія въ настоящее время въ виду пьянства и т. д., потому что деревня заражается такъ же, какъ и столица, но до крестьянъ еще не докатились многія въ высшей степени отрицательныя и возмутительныя явленія нашей русской жизни. Во время освободительнаго движенія, о которомъ я говорилъ, и до него на сцену выступили разные политическіе дѣатели и, главнымъ образомъ, такъ называемые провокаторы. Это слово получило теперь право гражданства и даже крестьяне вѣроятно хорошо знаютъ, что обозначаетъ это слово. Провокаторъ — это совершенно новое явленіе, которое не было извѣстно въ Россіи. Нарипательнымъ именемъ такого провокатора въ настоящее время, безусловно признаннымъ почти всѣми политическими партіями, является знаменитый Азефъ, о которомъ вы вѣроятно уже слышали. Азефъ по какому то странному совпаденію происходитъ тоже изъ евреевъ.

Пред. Г. прокуроръ, вы объ Азефѣ не говорите.

Прок. Я не хочу говорить объ Азефѣ, о томъ къ кому онъ принадлежитъ, я только хочу остановить ваше вниманіе на томъ, что такое провокаторъ? Это одно изъ тѣхъ лицъ, которыя подъ видомъ сочувствія къ той или иной политической организаціи, какъ с.-д. или с.-р., входятъ въ ихъ среду, подъ видомъ сочувствующихъ лицъ, преслѣдующихъ тѣ же цѣли, какъ и они, затѣмъ узнаютъ отъ нихъ всѣ подробности, намѣченнаго дѣла и выдаютъ ихъ правительству. Такимъ образомъ, они служатъ и нашимъ и вашимъ. У с.-р. онъ получаетъ опредѣленную субсидію, потому что организуетъ разныя убійства, а отъ полиціи за то, что выдаетъ с.-р. тоже получаетъ извѣстную субсидію. Вотъ типъ провокатора. Это слово сдѣлалось до такой степени презрѣннымъ въ настоящее время, что даже трудно найти явленіе болѣе возмутительное, но вѣдь есть много возмутительныхъ явленій, съ которыми приходится считаться. Съ этими провокаторами всѣ живутъ и признаютъ наличность этого явленія, потому что оказывается, что иначе нельзя раскрыть многихъ преступленій. Какъ среди сыщиковъ числятся многіе воры, потому что они отлично знаютъ воровскую жизнь и могутъ открывать преступленія, такъ и среди политическихъ организацій приходится выбирать такихъ людей и прибѣгать къ ихъ услугамъ, чтобы получать отъ нихъ свѣдѣнія. И вотъ въ качествѣ такихъ провокаторовъ въ данномъ случаѣ были приглашены два лица Караевъ, несомнѣнно, политическій дѣатель, и Махалинъ. Что мы знаемъ объ этихъ двухъ лицахъ? Мы знаемъ, что Караевъ судился по дѣлу о какихъ-то взрывчатыхъ веществахъ, очевидно, за политическое дѣло, былъ присужденъ къ арестантскимъ отдѣленіямъ. Ему удалось этого избѣжать, потому онъ былъ еще разъ посаженъ подъ стражу и за то, что какой-то околоточный надзиратель отнесся къ нему иронически во время его зубной боли, онъ его закололъ. Но и за это преступленіе онъ пострадалъ очень мало. Если не ошибаюсь, отдѣлался пустякомъ и, если память мнѣ не измѣняетъ, его чуть ли не оправдали; очевидно, это человѣкъ очень энергичный. Онъ закалывалъ человѣка только за то, что тотъ надъ нимъ смѣется. Другое лицо—Махалинъ, другъ Караева. Это молодой чело-

вѣкъ, который предсталъ передъ нами здѣсь въ превосходной визиткѣ, въ чудныхъ воротничкахъ, въ великолѣпномъ галстухѣ, съ чудными манерами, прекраснымъ голосомъ, человекъ, который 4 года готовится къ оперной карьерѣ, но не объясняетъ, откуда онъ добываетъ средства, на которыя онъ готовится къ этой карьерѣ. Его политическая дѣятельность началась очень рано. Онъ не получилъ опредѣленнаго воспитанія, два года провель въ сельско-хозяйственномъ училищѣ и былъ исключенъ. Несмотря на это онъ имѣетъ прекрасныя манеры, владѣетъ языкомъ, какъ дай Богъ всякому, и съ перваго взгляда, можетъ быть, производитъ чарующее впечатлѣнiе на нѣкоторыхъ изъ господъ, которые къ нему подходятъ безъ всякаго скептицизма. Онъ даже подкупаетъ своимъ прекраснымъ голосомъ, манерой держаться, искренностью интонаціи, и я не сомнѣваюсь, что этотъ человекъ можетъ быть очень ловкій и выдающийся, но дѣятельность его провокаторская. Онъ за какую-то экспроприацію былъ посаженъ въ тюрьму, но его быстро выпускаютъ, еще за какое-то преступленіе судится и тоже не сидитъ въ тюрьмѣ,—однимъ словомъ онъ представляетъ собой что-то загадочное, онъ говоритъ, что развиваетъ въ юношествѣ сознательный элементъ, отрицаетъ ритуаль, какъ человекъ просвѣщенный и готовъ дѣйствовать во имя правды и только во имя правды, а мы знаемъ отъ полковника Иванова, что онъ получаетъ опредѣленную мзду за это дѣло, два раза по 50 рублей. И этотъ человекъ приглашенъ Бразулемъ-Брушковскимъ для того, чтобы оказывать услуги по созданію, такъ сказать, новой версіи, которая должна освободить Бейлиса отъ взведеннаго на него обвиненія и посадить на скамью подсудимыхъ намѣченныхъ жертвы, которыя никакого участія въ убійствѣ Ющинскаго не принимали и принимать не могли. Итакъ, Махалинъ, конечно, во имя правды, считаетъ необходимымъ пригласить Караева, такъ какъ это его другъ и безъ Караева онъ дѣйствовать не намѣренъ. Караевъ пользуется огромнымъ вторитетомъ въ преступной средѣ, всѣ его боятся, даже начальникъ тюрьмы трепещетъ передъ этимъ Караевымъ, онъ наводитъ на всѣхъ панику. Приглашается этотъ Караевъ письмомъ и онъ появляется здѣсь,

если не ошибаюсь, въ началѣ апрѣля. Здѣсь по словамъ Махалина происходитъ, якобы такая сцена: Караевъ не знаетъ, зачѣмъ его пригласили къ Махалину, и когда Махалинъ говоритъ ему, что надо принять участіе въ раскрытіи дѣла Бейлиса и заняться провокаціей, то Караевъ негодуетъ, готовъ взять револьверъ и покончить съ собой и съ Махалинымъ. Но по словамъ Караева эта сцена совершенно иная: является Махалинъ подъ псевдонимомъ и предлагаетъ ему принять участіе. На это Караевъ говоритъ: я подумаю, надо посоветоваться съ друзьями,—и потомъ выражаетъ свое согласіе принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Если вы вспомните письмо Феоктистова, то изъ него явствуетъ, что въ этомъ дѣлѣ въ раскрытіи истины должны были принять участіе Мара, онъ-же Виленскій, адвокатъ Бейлиса, и зачѣмъ Марголинъ, причѣмъ прямо указывается, что будетъ гонораръ въ размѣрѣ 5.000 руб. изъ чего вы заключаете, что эти господа дѣйствовали вовсе не безкорыстно, не во имя одной правды, далеко не такъ, какъ они хотѣтъ это изобразить здѣсь на судѣ.

МАХАЛИНЪ.

Весьма возможно, г.г. присяжные заседатели, что вы, какъ люди довѣрчивые можете быть вслушиваясь въ слова Махалина, могли подумать, что это прекрасный молодой человекъ, который пошелъ на это, возмущенный угнетеніемъ евреевъ, возмущенный погромами, очевидцемъ которыхъ онъ былъ. Онъ долженъ былъ опуститься на дно къ преступникамъ, чтобы ихъ уличить. Вотъ какое впечатлѣнiе могло быть у васъ, но когда ближе познакомишься съ этимъ дѣломъ, то думаешь: какой прекрасный актеръ и какъ много такихъ актеровъ появилось теперь у насъ. Какъ они могутъ хорошо провести разныхъ простоватыхъ Сингаевскихъ, какъ этимъ послѣднимъ легко попасть на удочку такихъ джентльменовъ. Кравовскій, Махалинъ и Караевъ, вотъ три кита, на которыхъ базировался г. Бразуль-Брушковскій. При дальнѣйшемъ слѣдствіи Бразуль-Брушковскій отошелъ въ сторону, такъ какъ его находятъ непригоднымъ, находятъ, что онъ всегда путаетъ, (впрочемъ я не буду говорить о г. Бразуль-Брушковскомъ), все дирижерство переходитъ въ

руки Красовскаго, а Махалинъ и Караевъ должны только обслуживать.

ПЛАНЪ.

Конечно создается общій планъ, общія дѣйствія. Цѣль этихъ господъ та же, которую преслѣдуетъ Бразуль-Брушковскій: собрать новыхъ преступниковъ, но настолько удачно и хорошо оборудовать это, чтобы слѣдственная власть обязана была возвратить дѣло къ дослѣдованію въ виду того, что въ маѣ мѣсяцъ дѣло было уже назначено къ слушанію. Итакъ, оставались—февраль, мартъ, апрѣль и имъ надо было сплѣснуть, чтобы до мая мѣсяца приготовить и обработать новую версію. Но они знали, какъ обработать, въ особености г. Красовскій, который не терялъ связи съ прежними дѣятелями и былъ знакомъ съ полковникомъ Ивановымъ и съ Кириченко. Относительно Кириченко Красовскій говорилъ: я вполне ему довѣряю, онъ человѣкъ простой и вы можете на него положиться. Кириченко помимо полковника Иванова сообщаетъ Красовскому чрезвычайно важныя свѣдѣнія. Планъ такой: Чеберякъ въ это дѣло какъ-то замѣшана, дѣти ея были очевидцами смерти Андрюши, но они боятся объ этомъ показывать, мать ихъ убѣждаетъ не показывать, чтобы не путаться въ это дѣло. Чеберякъ жила поблизости отъ усадьбы Зайцева, а въдѣ только при этомъ условіи можно было совершить это убійство, въ которомъ виновенъ, я убѣжденъ, Бейлисъ и другіе. Чеберякъ женщина сомнительная. Если бы жили тамъ скромныя мѣщанки со своими дѣтьми, то это было бы другое дѣло, но такъ какъ Чеберякъ женщина подозрительная, то планъ былъ таковъ: надо найти такихъ друзей ея, которые занимаются кражами, преступленіями, узнать какіе изъ нихъ были налицо 12-го марта и создать вокругъ нихъ такую обстановку: заставить одного изъ нихъ, на примѣръ, Сингаевскаго, признаться, обработать его, а затѣмъ найти какихъ-нибудь свидѣтелей, которые сказали бы, что вотъ, придя утромъ, они нашли въ квартирѣ Чеберякъ безпорядокъ. Затѣмъ, надо было найти свидѣтельницу вродѣ Малицкой, которая подтвердила бы явно ложные свѣдѣнія. Надо запутать все такъ, что непременно надо будетъ назначить новое слѣдствіе и тогда дѣло будетъ кончено

Богъ знаетъ когда. Вотъ планъ, а теперь я позволю себѣ привести вамъ, какъ этотъ планъ выработывался, какъ онъ былъ разработанъ.

СИНГАЕВСКІЙ и др.

Мною установлено, что 12 марта были налицо, здѣсь въ Кіевѣ Рудзинскій, Сингаевскій и Латышевъ, которые всѣ занимались кражами. Въ этотъ день они совершили какую-то кражу изъ магазина биноклей на Крещатику, но не были задержаны и всѣ поѣхали въ Москву, гдѣ 16 марта были задержаны потому, что кутили и бросали деньгами. Какъ могли они совершить это убійство, когда въ тотъ-же день 11 марта они совершаютъ кражу и уѣзжаютъ? Кто же относитъ трупъ? Не сама же Чеберякъ со своими дѣтьми... Планъ не совсѣмъ удачный. Но въдѣ у Чеберякъ бывали и другіе воры, Мандзелевскій и Мосякъ, и можно сказать, что они-то и относили трупъ. Но съ 10-го по 14 марта они сидѣли подъ стражей, такъ что трудно предположить, что это они относили и надо было придумать, что трупъ лежалъ въ мѣшкѣ. Конечно, онъ долженъ былъ разложиться, но и съ этимъ не стѣснялись и рѣшили ихъ обработать. Я не буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ; скажу только, что сначала былъ планъ войти въ довѣріе къ Чеберякъ и какъ нибудь замѣшать ее. Но всѣ знали, что Чеберякъ тоже агентъ и даетъ свѣдѣнія, такъ что рѣшили подойти къ брату ея Сингаевскому. Сингаевскій — тупой человѣкъ. Его даже не могли обучить грамотѣ, онъ долженъ былъ заняться кражами. Вы, г.г. присяжные засѣдатели, видѣли его и видѣли, что не надо быть особеннымъ психологомъ, чтобы сразу сказать, что такое Сингаевскій. Это человѣкъ тупой, онъ воръ, отлично выламываетъ замки. Онъ знаетъ, что его всегда могутъ замѣшать въ это дѣло, онъ встревоженъ. Караевъ подошелъ къ нему подъ видомъ выдающагося анархиста и сталъ говорить ему: у меня планъ ограбить кассы. Такъ какъ Сингаевскій занимался кражами, то конечно, онъ могъ имѣть довѣріе къ Караеву. Махалинъ подошелъ къ нему подъ видомъ студента, угощалъ виномъ, а въ концѣ концовъ они стали угрожать ему тѣмъ, что они имѣютъ знакомства въ жандармскомъ управленіи, что

тамъ противъ Сингаевского что-то есть, что его посадятъ на скамью подсудимыхъ. Естественно, что это могло дѣйствовать на Сингаевского и то же самое можно сказать про Чеберякъ: если показываетъ Малицкая, то Чеберякъ должна быть встревожена. Сингаевскому скажутъ: „выкради дѣло“. Можетъ быть такъ и не говорили, но можетъ быть, если бы Сингаевскій думалъ по глупости, что вотъ его пришиваютъ къ дѣлу, то онъ сказалъ бы себѣ, что надо выкрасть. Это была бы улика. Представьте себѣ, что ему говорили: „подкинь вещи какому-нибудь еврею-цадику, и тогда противъ Бейлиса будетъ новая улика, а ты освободишься“. Представьте себѣ, что Сингаевскій пошелъ бы по этому пути. Тогда они сказали бы: подбрасываетъ, значить боится, значить виновенъ. Вотъ какіе были приемы, приемы провокаціи. Но Сингаевскій на это не пошелъ, онъ не подбросилъ вещей. Затѣмъ, относительно записки. Если бы Рудзинскій передалъ Сингаевскому записку, то сказали бы: вотъ переписываются, боится, волнуются. Но они не пошли на эту удочку. И тогда Караевъ и Махалинъ придумали, что Сингаевскій имъ сознался: „да, это мое дѣло было, его убили за то, что онъ предавалъ насъ“. Самъ Махалинъ сказалъ: „я зналъ, что намъ не повѣрятъ“ и я думаю, что дѣйствительно, не только я не вѣрю, но и вы не повѣрите? Здѣсь Сингаевскій въ очной ставкѣ съ Махалинымъ: сказалъ: да, я васъ помню. А Махалинъ поблѣднѣлъ, когда я его спросилъ: „какія же слова были произнесены Сингаевскимъ, не говорилъ ли онъ: министерская голова Рудзинскаго все придумала“. Махалинъ смутился и сказалъ: да, это было сказано. Сингаевскій сказалъ, что онъ не знаетъ что это такое, такой человѣкъ не можетъ такое остроумное выраженіе придумать, какъ министерская голова, онъ знаетъ отдѣльныя слова, политика, провокаторъ, онъ знаетъ, что такое мокрое дѣло, но министерская голова это уже остроуміе Махалина и Караева, это ихъ изобрѣтеніе. Кто повѣритъ этому, самый довѣрчивый человѣкъ не повѣритъ и это сознание должно быть выброшено.

ШМАРЫ.

Что же остается? Красовскій обрабатываетъ двухъ шмаръ, сестеръ Дьяконовыхъ.

Когда я ихъ допрашивалъ, я не сомнѣвался, что передо мной двѣ лжесвидѣтельницы. Я допрашивалъ ихъ съ извѣстной мягкостью и даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Все, что онѣ рассказывали — фантазія и бредъ, которымъ мы занимались нѣсколько часовъ. Дьяконовы съ точки зрѣнія моихъ противниковъ, обыкновенныя скромныя женщины, заслуживающія сочувствія, но когда я ихъ увидѣлъ, я понималъ, что онѣ плохія ученицы, въ особенноти Ксенія. Съ Екатериной Красовскій занимался больше, она рассказала намъ интересныя подробности. Не забудьте, что Екатерина давала показанія Иванову, такъ какъ она подруга Чеберяковой. Никакихъ сенсационныхъ разоблаченій Дьяконова Иванову не представляла, она ничего не рассказывала, впервые ея показанія начались у Красовскаго. Красовскій, этотъ опытный сыщикъ, отлично понималъ, что дѣлалъ, разбѣжая по разнымъ ресторанамъ и театрамъ вмѣстѣ съ Выграновымъ, человѣкомъ, укoннющимся явиться сюда. Сестры Дьяконовы очень веселились. Красовскій ихъ пропагандировалъ, и если можно такъ выразиться, пичкалъ разными свѣдѣніями, которыя онѣ должны были дать. Дьяконовы рассказали намъ о какихъ-то таинственныхъ встрѣчахъ съ человѣкомъ въ маскѣ. Господа присяжные засѣдатели, если бы это не былъ процессъ объ убійствѣ Ющинскаго, если бы передъ моимъ мысленнымъ взоромъ не стоялъ образъ загубленнаго мальчика, то весь этотъ рассказъ могъ вызвать только смѣхъ, потому что кромѣ смѣха онъ не вызываетъ ничего. Но образъ Ющинскаго все болѣе блѣднѣетъ. Передъ нами проходитъ столько лжи и неправды, я не могу подобрать настоящаго слова. Кромѣ негодованія у меня ничего другого нѣтъ. Надо имѣть большое самообладаніе, чтобы подходить къ этому спокойно. Я не отрицаю, что внесъ много страстности, но когда нужно доказать, что это ложь, спокойнымъ оставаться нельзя. Я по крайней мѣрѣ не принадлежу къ такимъ счастливымъ натурамъ, я улыбаюсь не могу. Когда мы слышали рассказъ Дьяконовой о маскѣ, мы должны были бы смѣяться. Какая такая маска? Въ восемь часовъ на улицѣ Кіева она три часа бесѣдуетъ съ этимъ человѣкомъ, проходятъ люди и видятъ этотъ маскарадъ. Какой-то вздоръ! Какой человѣкъ появлялся, можетъ быть

это был Красовскій, котораго она не могла признать. Вотъ этотъ человѣкъ говорить въ первый разъ чуть-ли не о погодѣ, а второй разъ говорить, что надо убить Иванова, Красовскаго и Фененко. Знаете, такое совпаденіе не выдерживаетъ никакой критики. Фененко не играетъ никакой роли, Ивановъ и Красовскій шли раньше другимъ путемъ, зачѣмъ же ихъ убивать, а въ третьемъ свиданіи маска повѣдала все то, что нужно Красовскому. Маска сказала: я знаю кто убилъ. Рудзинскій и Сингаевскій убивали, кололи швейками, вымачивали кровь, а Чеберякова разорвала наволочку. Эта маска сообщаетъ удивительныя свѣдѣнія, но развѣ можно кому-нибудь изъ насъ повѣрить этому вымыслу --- это придумалъ Красовскій. И онъ сказалъ, что Сингаевскаго, Латышева и Рудзинскаго надо замѣшать въ это дѣло. Дьяконова намъ еще рассказывала, что кололи швейками, колола швейками и В. Чеберякова, а здѣсь Дьяконова отъ этого отрекалась, а говорила, что Вѣра не колола, а мужъ ея кололъ швейками. Мы занимались этимъ вздоромъ, мы относились, какъ будто къ серьезному дѣлу, но этого мало, Дьяконова должна была не только рассказать о человѣкѣ въ маскѣ, но и о томъ, что она была наканунѣ убійства Ющинскаго у Вѣры Чеберякъ --- и тутъ ложь на каждомъ шагу! 11 марта, говоритъ Дьяконова, я зашла къ Чеберякъ, Ющинскій былъ на-лицо. а мы знаемъ, что 11 марта Андрюша Ющинскій былъ у своихъ въ 2 часа, а въ три у тетки, слѣдовательно, это ложь. Во-вторыхъ, 12 марта она говоритъ, зашла около 11 часовъ и видѣла какой-то коверъ, четырехъ хлопцевъ, которые бѣжали въ сосѣднюю комнату, называетъ Сингаевскаго, Латышева и Рудзинскаго (прошу обратить на это вниманіе) и называетъ еще Лисунова. Потомъ оказывается, что Лисуновъ не могъ быть, потому что состоялъ подъ стражей. Настоящее свѣдѣніе о Латышевѣ, Сингаевскомъ и Рудзинскомъ собиралъ Махалинъ. По словамъ Махалина Сингаевскій говорилъ, что, когда онъ былъ у Чеберякъ, вошли двѣ шмары, а была только одна Дьяконова, далѣе Дьяконова говоритъ, что 12 мая Чеберякъ пришла, а на слѣдующій день она пошла къ Чеберякъ, и на нихъ напалъ паническій ужасъ, и онѣ бѣжали. Чеберякъ относить это къ Рождеству --- кому-нибудь изъ нихъ нужно вѣрить. Послѣ этого Дья-

конова приходитъ 14 марта и спитъ на одной постели съ Чеберякъ и одной ногой касается трупа въ мѣшкѣ. Вѣдь это невѣроятно, это ложь. Невозможно, чтобы трупъ держали тамъ, вѣдь онъ разлагается. Но все-таки мы слушаемъ эту ложь. Вспомните, что 14 марта Василій Чеберякъ не былъ на дежурствѣ и онъ долженъ былъ спать въ этой же комнатѣ, для чего же это придумано? Затѣмъ, въ пещерѣ найдены были какія-то бумажки, какъ объяснить эти бумажки? А вотъ приходили незадолго до этого играть въ почту знакомые Чеберякъ. Когда судебный слѣдователь предложилъ имъ изобразить бумажку (онъ поступилъ совершенно правильно, если бы онъ предъявилъ имъ бумажку, то онѣ сказали бы, что это она), то онѣ изобразили каждая по своему, одна четвертушку, а другая совсѣмъ въ другомъ видѣ. Такимъ образомъ оказалась и тутъ ложь. Затѣмъ Красовскій научилъ ихъ говорить, что Чеберякъ наволочку снимала свою. Судебный слѣдователь сказалъ, изобразите какіе узоры? Онѣ сказали --- красными нитками шитые. А потомъ оказывается, что красными съ черными. Изобразите узоры --- оказались узоры, не соответствующіе. Когда судебный слѣдователь предложилъ имъ тряпки, она сказала, вотъ это одна изъ нихъ! Это произвело движеніе въ залѣ, какъ пишется въ прессѣ, но съ моей точки зрѣнія смѣшное, это движеніе нужно не тѣмъ, кто преслѣдуетъ истину, потому что здѣсь мы видимъ только ложь, ложь и ложь!... Вспомните показаніе Гаевской, она сказала, что у Чеберякъ наволочки были простыя, безъ узоровъ. Какъ наволочки очутились въ карманѣ тужурки Андрея Ющинскаго? Что это за наволочки?

ОБВИНЕНІЕ ПОЛИЦІИ.

Не могу не обратить вашего вниманія, что съ самаго начала, при осмотрѣ пещеры, по какому-то роковому совпаденію, было слѣдано все, чтобы не дать возможности раскрыться преступленію какъ слѣдуетъ. Въ часъ дня обнаруженъ трупъ, сейчасъ дано знать полиціи, приходитъ полиція, но другого участка, расчищаютъ снѣгъ, уничтожаютъ слѣды, часть вещей отправляютъ въ участокъ, вмѣсто того, чтобы дожидаться судебного слѣдователя, составляется протоколъ не приставомъ, а околочнымъ надзирателемъ. Затѣмъ, когда спрашиваютъ

пристава, гдѣ была наволочка, онъ говорить, я не помню, въ протоколъ она не значилась. Значить ошибка. Неизвѣстно, что тамъ происходило; можетъ быть эта тряпка къ убійству отношенія не имѣетъ, а на эту наволочку Красовскій возлагаетъ большія надежды, --- „вотъ этой наволочкой мы убьемъ В. Чеберякъ“. Они не смотрѣли какіе узоры, а здѣсь подъ присягой, давая показаніе, они имѣютъ смѣлость это утверждать человѣку, который только преслѣдуетъ правду. Тутъ еще есть сонъ, который одна изъ Дьяконовыхъ видѣла, что трупъ былъ завернуть въ коврѣ. Если мы сопоставимъ это свидѣніе съ тѣмъ, что показаль свидѣльница Вышемирскій, неожиданно представившій чрезвычайно важный фактъ, что онъ слышалъ отъ Равичъ, что она, прійдя въ квартиру В. Чеберякъ, наткнулась на трупъ, который лежалъ не то въ ваннѣ, не то въ коврѣ. Мы знаемъ, свидѣльницѣ Равичъ ея знакомая говорила, что она думаетъ, что это дѣло рукъ еврейскихъ. Все это ложь! Вотъ какими свидѣніями, коврами и масками стараются подрѣзать обвиненіе противъ Рудзинскаго, Сингаевского и Латышева! Еще выдвигаютъ Малицкую.

МАЛИЦКАЯ.

Послѣ показаній этой Малицкой вѣдь ничего не осталось, и тоже смѣялись, когда она рассказывала здѣсь, какъ она слышала совершенно ясно до звуковъ „гмм“ и когда произносили „мм“, тоже было слышно. Когда мы провѣрили слышно или нѣтъ, слышно ли передвижаніе мебели, мы должны сказать, что это „гмм“ не было слышно, а словъ разобрать было нельзя, а Малицкій говорилъ, что слышно было какъ говорилъ Женя и мало того, онъ являлся наверхъ къ Чеберяковой просилъ: „не шумите а то вы намъ мѣшаете“. Если такъ все было слышно, то тѣмъ болѣе странно, что Чеберякова рѣшила совершить убійство, зная что наверху такъ все слышно, какъ они хотятъ подтвердить; она не рѣшилась бы совершить преступленіе. А если не слышно, значитъ они лгутъ. Думаю что такого вывода мы не можемъ сдѣлать! Это ложь. Свидѣтели не стѣсняются во лжи и какъ видите, даже заносятся въ протоколъ ихъ показанія. Какъ преслѣдовать ихъ за ложь, какъ судить за ложныя показанія?—мы не знаемъ, это трудно. Они говорятъ: „мы видѣли, мы слышали“, а какъ же

установить что онъ не слышалъ. Вотъ достоинство гласнаго процесса, когда всѣ свидѣтели проходятъ передъ нами, мы cadaго изъ нихъ видимъ, чувствуемъ и понимаемъ, и такимъ свидѣтелямъ какъ Малицкіе, мы говоримъ: „ваше показаніе сплошное сочиненіе, и если вы въ августѣ ничего не знали, а затѣмъ разговорились и раньше говорили, что слышали вечеромъ, а теперь говорите, что слышали утромъ и только десятого ноября стали рассказывать, когда васъ пригласили въ жандармское отдѣленіе,—такъ можемъ ли мы вамъ повѣрить? Раньше она говорила, что она боялась, а потомъ говоритъ—не боится и пишетъ письмо Бразуль-Брушковскому, развѣ мы въ состояніи повѣрить такой свидѣтельницѣ. Думаю, что этой свидѣтельницѣ вы откажете въ довѣрїи, а также ея мужу.

ЕЩЕ О СИНГАЕВСКОМЪ И Ко.

Что же остается кромѣ Махалина и Караева, которымъ вѣрить не можемъ? Дьяконовы, которые видятъ свидѣнія, ведутъ бесѣды съ маской, Малицкая, которая повидимому, поссорилась съ Чеберяковой и готова ей насолить. Можемъ ли мы на нихъ покоить свои обвиненія, противъ Рудзинскаго, Сингаевского и Латышева, можемъ ли сказать, что они виновны въ этомъ дѣлѣ. Вы помните Рудзинскаго, онъ пришелъ изъ Сибири, онъ дѣйствительно не пострадалъ, но наказанъ за кражу со взломомъ, его послали на каторгу—вы его видѣли. Что же, передъ нами былъ злодѣй который могъ совершить такое ужасное преступленіе—убить Андриюшу Юшинскаго? Зачѣмъ, съ какой стати? Зачѣмъ ему нужна была кровь, какимъ образомъ мальчикъ могъ выдавать ихъ преступленіе, когда преступленіе имъ удалось и они вечеромъ уѣхали въ Москву. Это фантазія. Я очень радъ, что они здѣсь были и что мы ихъ видѣли. Они не производили впечатлѣнія злодѣевъ, и защита это учла. Дѣйствительно, если бы тутъ было два человѣка, какихъ-то загадочныхъ злодѣевъ, которые чувствуются, тогда положеніе было бы другое. Да я бы прежде всего не стоялъ на этой кафедрѣ, если бы не былъ увѣренъ въ томъ, что они неповинны, а повиненъ тотъ, который сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Чѣмъ еще хотятъ обставить обвиненіе противъ Рудзинскаго, Сингаевского и Латышева, какими еще показаніями? Вы, вѣроятно, забыли объ этомъ. Нѣтъ, вы должны

вспомнить, вы должны все вспомнить! Къ сожалѣнію вамъ трудно все вспомнить и я обязанъ напомнить вамъ. Явился сюда парикмахеръ Швечко, молодой человекъ, въ красной шелковой сорочкѣ. Этотъ человекъ намъ здѣсь подтвердилъ, что въ іюнѣ 1911 года онъ сидѣлъ подъ арестомъ и слышалъ ночью (онъ какъ будто специально проснулся для этого) разговоръ между двумя арестантами, а черезъ годъ онъ призналъ по карточкѣ, что одинъ изъ арестантовъ похожъ на Рудзинскаго. Карточка эта помѣшалась въ газетѣ „Кіевская Мысль“, и въ другихъ газетахъ. Этотъ Швечко, вы его помните, рассказалъ о какомъ-то разговорѣ, который будто бы имѣлъ мѣсто въ камерѣ: одинъ спросилъ „а какъ же байстрюкъ?“ — „Мы его пришили“. Вотъ весь разговоръ. Онъ его специально повѣдалъ Бразулю, а потомъ Красовскому, но они отъ себя добавили такую подробность, которая сразу роняетъ показанія Швечко и говорить—и этотъ лжесвидѣтель! Кстати и вы лжесвидѣтель, г. Красовскій! Онъ здѣсь не постѣснялся сказать, что отъ Бразуля онъ узналъ объ этомъ разговорѣ, что кромѣ этого разговора о томъ, что они пришили Юшинскаго, этого мальчика, который говѣлъ на первой недѣлѣ великаго поста со своей теткой въ Кіево-печерской лаврѣ. Юшинскій, который мечталъ быть священникомъ, мальчикъ — общій любимецъ всѣхъ, мальчикъ, который снискалъ къ себѣ всеобщее расположеніе, мальчикъ чуждый воровской среды, который только къ несчастью, былъ знакомъ съ Чеберяковой, потому что у нея былъ сынъ, съ которымъ онъ дружилъ—этотъ господинъ сказалъ: вы не думайте, что Юшинскій былъ такой, онъ былъ нечистоплотный.

„Не подходите къ этой могилѣ, отойдите отъ нея!“ Вотъ, что хочется сказать этому человеку, который говоритъ, что этотъ самый мальчикъ долженъ былъ участвовать въ ограбленіи Софійскаго собора! Вамъ все можно сказать, вы говорите неправду, вы его оставьте! Вы хотите окончательно запутать это дѣло! Да, они запутали его, но запутывая, они его распутываютъ, они приводятъ насъ неизбежно къ той усадьбѣ, о которой я говорю. Когда эта версія объ участіи Рудзинскаго, Сингаевскаго и Латышева, покончившаго самоубійствомъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, можетъ быть потому, что онъ боялся, что его при-

пьютъ къ этому дѣлу, и что все равно его жизнь не легка,—„все равно — брошусь“, и бросился! Можетъ быть это былъ козырь въ рукахъ запиты,—видите, совѣсть замучила и бросился. Я думаю, что если совѣсть замучила, онъ можетъ быть признался бы (мы не знаемъ, что тамъ было), онъ снялъ бы этотъ кровавый навѣтъ съ еврейства, но я не думаю, чтобы совѣсть замучила! Гг. присяжные засѣдатели, когда здѣсь г. Красовскій говорилъ о нечистоплотности, когда говорилъ, что этотъ мальчикъ убитый самымъ варварскимъ способомъ, долженъ былъ участвовать въ ограбленіи Софійскаго собора, мнѣ хочется сказать: гдѣ же честность? Гдѣ же правда? Гдѣ она? Между тѣмъ, подавая заявленіе не прокурору, а начальнику жантармскаго управленія о томъ, что виновные Рудзинскій, Сингаевскій и Латышевъ, печатая объ этомъ въ газетахъ, эти господа были увѣрены, что они достигнуть своей цѣли. Мы, я самъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Я самъ считалъ, что нужно возвратить дѣло къ дослѣдованію. Я тогда Швечко въ глаза не видалъ и Дьяконовыхъ не видалъ. Дѣло было возвращено къ дослѣдованію въ маѣ, но желая запутать это дѣло и исполнѣ увѣренныя, что дѣло на судъ поставлено не будетъ—они ошиблись въ своихъ расчетахъ: дѣло было возвращено къ дослѣдованію. Судебный слѣдователь с.-петербургскаго окружнаго суда, по особо важнымъ дѣламъ Машкевичъ, дополнилъ эти свѣдѣнія и произвелъ все то, что нужно было произвести съ самаго начала и только благодаря его энергіи и его дѣятельности удалось дѣйствительно привести насъ въ усадьбу, гдѣ мы и были. Мы должны сказать, что ни Рудзинскій, ни Сингаевскій, ни Латышевъ, не виновны, въ ихъ невиновности я не сомнѣваюсь. Правительство не хочетъ скрывать ничего и оно посадило бы ихъ на скамью подсудимыхъ, если бы они были виновны. Да согласитесь сами, если бы они сидѣли здѣсь на скамьѣ съ Малицкой и Дьяконовыми, что бы вы сказали, что вы вѣрите сами этимъ же свидѣтелямъ. Нѣтъ, мы не станемъ говорить, что эта версія правдива, мы не станемъ говорить, что вѣры совершили это преступленіе и держали трупъ гдѣ-нибудь въ погребѣ. Я скажу, что это не вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Тамъ въ квартирѣ не могло быть совершено преступленіе, въ квартирѣ обруженной со-

всѣхъ сторонъ строеніями, гдѣ масса глазъ со всѣхъ сторонъ. А цѣль? А мотивы? Только въ томъ, что мальчикъ подозрѣвался. Но вѣдь онъ никакихъ сношеній съ сызнымъ отдѣленіемъ не имѣлъ. Мальчикъ, который никогда не бывалъ на Лукьяновкѣ, онъ жилъ на Слободкѣ. Этотъ мальчикъ, какую опасность онъ могъ представить? Да никакой. Да развѣ воръ, преступникъ, злодѣй подвергается такимъ истязаніямъ, мученіямъ дѣтей? Они могутъ совершить убійство, злодѣйское убійство и дѣтей убиваютъ, когда они стоятъ на дорогѣ при ограбленіи, но никогда не подвергаютъ такому утонченному, звѣрскому истязанію!.. Поэтому, гг. присяжные засѣдатели, что бы ни говорили противъ нихъ, запомните, запечатлѣйте въ своей памяти то, въ чемъ я глубоко убѣжденъ, что Сингаевскій, Рудзинскій и Латышевъ невиновны, что руки ихъ не въ крови Андрюши Ющинскаго и что кровь эта на другихъ рукахъ.

Я прошу сдѣлать перерывъ.

Объявляется перерывъ.

Послѣ перерыва засѣданіе возобновляется въ 7½ час. веч. Прокуроръ продолжаетъ свою рѣчь.

УСАДЬБА ЗАВОДА ЗАЙЦЕВА.

Гг. присяжные засѣдатели, резюмируя, сводя во-едино все то, что было мною сказано, я прихожу къ тому выводу, что всѣ усилія извѣстной части еврейскаго общества, во главѣ которой стоялъ Марголинъ, несомнѣнно руководившій частнымъ разслѣдованіемъ по дѣлу Ющинскаго, всѣ эти усилія, направленные къ тому, чтобы дѣло опять получило неправильный путь, не увѣнчались успѣхомъ, ибо кривая, которую описали всѣ, производя это дополнительное разслѣдованіе, и вводя эти версіи, эта кривая привела къ тому же самому мѣсту, съ котораго нужно было начать разслѣдованіе, т. е. къ усадьбѣ завода Зайцева. И послѣ того, какъ версія о родственникахъ, версія о какихъ-то цыганахъ, которымъ нужна была кровь для цѣлебныхъ цѣлей, версія о ворахъ, которые могли убить Андрюшу или изъ мести за то, что онъ ихъ предавалъ, чего въ дѣйствительности не было, или для того, чтобы устроить погромъ, хотя никакого погрома не было, такъ какъ тѣ самыя лица, которыя обвинялись, въ тотъ же день выбыли изъ Кіева и, слѣдовательно, никакого участія въ погромѣ принимать не могли, послѣ то-

го, какъ всѣ эти версіи рухнули, пали, остается только одна версія, о которой, впрочемъ, ни Марголинъ, ни Бразуль, ни другія лица, защищавшія интересы Бейлиса, и въ связи съ этимъ интересы всего еврейства, никто слѣдственной власти не говорилъ. Но мнѣ скажутъ, почему же непременно на усадьбѣ завода Зайцева, можетъ быть, кто-нибудь другой могъ убить? Да, могъ. Но кто же, при какихъ обстоятельствахъ, кому нужна была жизнь Андрюши, кому нужна была его кровь?

Гг. присяжные засѣдатели, вы выслушали экспертовъ, профессоровъ Бехтерева, Сикорскаго и др. Всѣ они категорически отвергли мысль, что подобнаго рода злодѣяніе могло быть совершенно умалишеннымъ, или совершено, такъ называемымъ, половымъ психопатомъ, который для возбужденія своей половой похоти, иногда прибѣгаетъ къ такого рода истязаніямъ. Эксперты отвергли это предположеніе. Да, и дѣйствительно, трудно допустить, чтобы умалишенный могъ совершить такое планомѣрное злодѣяніе. Невозможно допустить, чтобы умалишенный утромъ, въ Кіевѣ, на Лукьяновкѣ (несомнѣнно совершено это убійство на Лукьяновкѣ), могъ совершить это кровавое дѣло. Какъ, когда, зачѣмъ? Такимъ образомъ, эксперты категорически отвергли совершеніе этого убійства психопатомъ, а, между тѣмъ, на Лукьяновкѣ, гдѣ произошло несомнѣнно это убійство, всѣ жители наперечетъ. Каждый знаетъ, кто тамъ живетъ. Кто же эти жители, кто эти обитатели Лукьяновки? Все это скромные мѣшане, люди, занятые своимъ дѣломъ. Зачѣмъ имъ жизнь Ющинскаго, зачѣмъ имъ нужна эта кровь? Вотъ естественный вопросъ, который встаетъ передъ нами. И вотъ, когда мы обратимся къ той Предмостной Слободкѣ, гдѣ жилъ несчастный мальчикъ, и вспомнимъ, что раньше снѣ жилъ на Лукьяновкѣ, неподалеку отъ усадьбы Зайцева, отъ этой еврейской усадьбы, когда мы вспомнимъ, что между этой Предмостной Слободкой и Лукьяновкой существуетъ какая-то таинственная связь, о которой я буду сейчасъ говорить, когда мы сдѣлаемъ предположеніе, что это убійство планомѣрное, съ ранѣе обдуманымъ намѣреніемъ, что тутъ строго взвѣшены всѣ обстоятельства, какъ за, такъ и противъ, что тутъ взвѣшены всѣ обстоятельства, которыми можно оправ-

дать себя преступнику, когда мы обратимъ вниманіе, на то, что это убійство рѣдкое, именно потому, что тутъ съ такимъ тонкимъ чутьемъ обдуманъ всѣ малѣйшія детали, тогда мы скажемъ, что это убійство не случайное, совершенное не по внезапному побужденію тѣхъ или другихъ лицъ, а строго обдуманное.

ДРУЗЬЯ ЮЩИНСКАГО.

Гг. присяжные засѣдатели, если мы вспомнимъ жизнь Андрюши, протекавшую въ Предмостной Слободкѣ, то изъ этой жизни я попрошу васъ запомнить только немногія обстоятельства. Андрюша Ющинскій, несмотря на то, что былъ общительный, какъ говорили его педагоги, его преподаватели и другія лица, былъ въ то же время мальчикомъ очень самолюбивымъ и очень сосредоточеннымъ. Онъ никогда ни на кого не жаловался, никогда не сплетничалъ. Нѣтъ, этого не было, онъ былъ общимъ любимцемъ. И не потому здѣсь давались о немъ такіе отзывы, что онъ погибъ такой мученической смертью, а потому, что этотъ мальчикъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій. Друзей у него было много. Были у него друзья и на Лукьяновкѣ, были друзья и въ Предмостной Слободкѣ. На Лукьяновкѣ лучшимъ его другомъ былъ Женя Чеберякъ, о которомъ такъ много говорилось, и который умеръ при самыхъ загадочныхъ обстоятельствахъ, затѣмъ другомъ его былъ Иванъ Майстренко, Назарій Заруцкій и другіе мальчики, съ которыми онъ гулялъ по Лукьяновкѣ. Былъ онъ знакомъ и съ сыновьями Бейлиса, хотя они это обстоятельство и отрицаютъ. Конечно, старшій сынъ Бейлиса Пинка его зналъ, какъ зналъ его и самъ Бейлисъ, и Шнеерсонъ, который столовался у Бейлиса. Бабушка Андрюши, Олимпиада Нѣжинская, здѣсь при вторичномъ допросѣ сказала: „Какъ же вы, Шнеерсонъ, не знали его, вѣдь я посылала Андрюшу къ вамъ за сѣномъ“. Но здѣсь Шнеерсонъ отрицалъ это, да и Бейлисъ утверждалъ, что онъ никогда не зналъ Андрюшу. Такимъ образомъ, онъ былъ знакомъ со многими мальчиками на Лукьяновкѣ. Въ Предмостной же Слободкѣ онъ былъ знакомъ съ Гершкой Арендаремъ. Я позволю себѣ обратить вниманіе на то, что, познакомясь съ Гершкой Арендаремъ, мальчикъ, котораго вы навѣрно не забы-

ли, онъ съ нимъ почти ежедневно видѣлся, какъ говорилъ это самъ Гершко. Но вотъ что странно, Гершко у судебного слѣдователя на допросѣ показалъ, что онъ съ Новаго года до дня исчезновенія Андрюши больше его не видѣлъ. Въ томъ же смыслѣ показалъ и отецъ Гершки. Но вотъ какая странность. Эти самые Арендари живутъ чуть ли не въ разстояніи пяти домовъ отъ дома, гдѣ жилъ Андрюша, Андрюша постоянно гулялъ съ мальчиками на улицѣ, и для меня представляется загадочнымъ, какъ это случилось, что Гершка съ Новаго года не видѣлся съ Андрюшей. Всегда такъ бываетъ: когда свидѣтели говорятъ неправду, боясь чѣмъ-нибудь себя изобличить, они сами подрываютъ довѣріе къ своимъ показаніямъ. Гершка Арендарь, говоря, что не видалъ Андрюши, конечно, кривилъ душой. Но вы, быть можетъ, вспомните показаніе Калиновскаго, который утверждалъ, что онъ съ Андрюшей и Арендаремъ видѣлся до самаго послѣдняго момента, т. е. незадолго до смерти. Такимъ образомъ, Гершка Арендарь игралъ съ Андрюшей незадолго до смерти. Затѣмъ, еще обстоятельство, на которое я особенно прошу обратить ваше вниманіе. Маленькая подробность, но чрезвычайно характерная для показанія маленькаго свидѣтеля. По словамъ Гершки, онъ подарилъ Андрюшѣ ружьецо, вѣрнѣе не подарилъ, а вымѣнялъ на какую-то птичку, которую, въ свою очередь, перепродалъ. И вотъ, бесѣдуя съ Андрюшей, Арендарь узналъ, что Андрюша живетъ на проценты съ 600 руб. Замѣчательная подробность, стоитъ только появиться еврею, и уже идетъ рѣчь о процентахъ. Не говоря уже о томъ, что это явно сочинено, потому что никакихъ 600 руб. не было, да и навѣрное Андрюша не имѣлъ понятія о процентахъ, мальчику всего было 13 лѣтъ, мы знаемъ, что послѣдніе 300 руб., которые выдалъ Θεодосій Чирковъ подъ вексель Симаку, были исчерпаны, и что изъ этихъ 300 руб. мать и бабушка Ющинскаго получили только 75 руб., и что тогда всѣ расчеты были ликвидированы, покончены, такъ какъ Симакъ производилъ расчеты уже съ самимъ Θεодосіемъ Чирковымъ. Никакихъ же 600 руб. на Андрюшу положено не было. Такимъ образомъ, всѣ свѣдѣнія, которыя давались Арендаремъ судебному слѣдователю, представля-

ются совершеннѣйшимъ вымысломъ. Но для меня гораздо важнѣе то обстоятельство, что Герника утверждаетъ фактъ передачи Андрюшей ружья. Это ружьецо сыграло, по моему мнѣнію, роковую роль въ жизни Андрюши.

ШНЕЕРСОНЪ.

Когда при производствѣ разслѣдованія Полищукъ, одинъ изъ агентовъ сыскной полиціи, обратилъ болѣе бдительное вниманіе на Слободку и на связь ея съ Лукьяновкой, и когда къ Полищуку примкнулъ одинъ изъ членовъ „Двуглаваго Орла“, нѣкій Галкинъ, и когда они занялись изслѣдованіемъ вопроса о томъ, съ кѣмъ дружилъ Андрюша тамъ, въ Слободкѣ, за Днѣпромъ, съ кѣмъ онъ гулялъ, то выяснилось слѣдующее. Какой-то еврей, тайнословно скрывшійся, прѣзжалъ и слѣдилъ за Андрюшей. Хотѣли его отыскать. Говорили, что онъ живетъ тамъ-то, но оказалось, что тамъ подворная книжка уничтожена, и еврей этотъ безслѣдно исчезъ. Затѣмъ, было установлено, что Файвелъ Шнеерсонъ, тотъ самый, семья котораго живетъ на Татарской улицѣ, и который столовался у Бейлиса, фигуру котораго вы хорошо, вѣроятно, запомнили, когда онъ предсталъ предъ нами, тотъ самый Шнеерсонъ, который отпирается отъ того, что онъ зналъ Андрюшу, хотя онъ былъ участивъ Олимпіадою Нѣжинской, этотъ Шнеерсонъ бывалъ въ Слободкѣ, гдѣ жилъ Андрюша. Правда, отъ дѣтей, дававшихъ здѣсь показанія мы этого не слышали, потому что они были очень запуганы, такъ вотъ этотъ Файвелъ Шнеерсонъ, онъ же Павелъ Шнеерсонъ, бывшій солдатъ на Дальнемъ-Востокѣ, куда, кстати сказать, ухалъ отецъ Андрюши Чирковъ и безслѣдно исчезъ, такъ вотъ этотъ Шнеерсонъ, бывая на этой Слободкѣ, увлекалъ Андрюшу разсказами, что онъ можетъ показать ему отца. Гг. присяжные засѣдатели, вы помните, что Андрюша былъ незаконнымъ сыномъ, его звали байстрюкомъ. Имя это, вѣроятно, было глубоко оскорбительно для самолюбиваго мальчика, а что онъ былъ самолюбивъ это показывали всѣ. Одна же свидѣтельница даже установила такой фактъ, что когда мальчикъ голодалъ, то онъ и тогда ни отъ кого не бралъ пищи, а ему часто приходилось голодать, потому что семья его была бѣдная. Такія незаконныя дѣти обыкновенно бываютъ самолюбивыя,

впечатлительныя, они страдаютъ, когда дѣти съ безжалостностью, свойственной ихъ возрасту, смѣются надъ ними, глумятся, что они не могутъ назвать своего отца. Такія незаконныя дѣти обыкновенно жаждутъ увидѣть своего отца, жаждутъ сказать своимъ маленькимъ врагамъ, смѣющимся надъ ними, что отецъ у нихъ есть, что они могутъ его показать. Такихъ самолюбивыхъ дѣтей легко можно поймать на этомъ чувствѣ. Конечно, если Файвелъ Шнеерсонъ сказалъ ему, что покажетъ ему его отца, то Андрюша могъ заинтересоваться этимъ, такъ какъ жаждалъ повидать своего отца, котораго не зналъ, который ухалъ на Дальній-Востокъ и бросилъ свою семью.

СВЯЗЬ СЛОБОДКИ СЪ ЛУКЪЯНОВКОЙ.

Вотъ я и говорю, что связь, установленная между Слободкой и Лукьяновкой при производствѣ, не могла не обратить на себя вниманія. У Арендаря жилъ старикъ Тартаковский, еврей, который очень любилъ Андрюшу, и послѣ смерти Андрюши старикъ этотъ сильно затосковалъ, былъ страшно огорченъ. Боялись, что онъ проговорится, скажетъ что-нибудь лишнее, боялись, что онъ заблудится, и въ концѣ концовъ старикъ этотъ умираетъ при довольно загадочныхъ обстоятельствахъ, онъ подавился костью въ домѣ этого самаго Арендаря. Было ли это совпаденіе, или что-нибудь другое — я на этомъ останавливаться не буду, но тѣмъ не менѣе этотъ фактъ отмѣчался здѣсь, на судебномъ слѣдствіи. Такимъ образомъ, было установлено, что за Андрюшей была слѣжка. Мы знаемъ, что Шнеерсонъ и братъ Менделя Бейлиса, Ааронъ Бейлисъ, этотъ господинъ въ синихъ очкахъ, появлялись въ Предместной Слободкѣ. Вы, конечно, понимаете, что, когда обвиняютъ въ такомъ преступленіи евреевъ, или даннаго еврея, то мы не можемъ пройти мимо вопроса о томъ, знали ли еврей Андрюшу. Мы должны остановить вниманіе на этомъ фактѣ.

ПОИСКИ ПОРОХА.

Андрюша получилъ ружье, Андрюша очень любилъ стрѣлять, онъ до такой степени былъ смѣтливъ, что бабушка его, которая относилась къ нему съ большой любовью, какъ къ внуку, и можетъ быть, увеличивая нѣсколько его способности, говорила, что онъ поправлялъ ружье, и чуть ли даже не самъ его сдѣлалъ. Во всякомъ случаѣ, мы знаемъ, что онъ любилъ стрѣ-

лять и стрѣлялъ и на Лукьяновкѣ и въ Предместной Слободкѣ. Порохъ ему приходило доставать съ трудомъ, денегъ ему не давали, если и давали иногда, то только на то, чтобы онъ могъ скорѣе прѣѣхать домой, или на что-нибудь другое, но, во всякомъ случаѣ, его не баловали и на порохъ денегъ не давали. Тѣмъ не менѣе, ему удавалось у кого-то его приобретать. Мы знаемъ, что передъ самымъ исчезновеніемъ его, 12-го марта, т. е. наканунѣ, онъ сказалъ своей бабушкѣ и теткѣ Наталіи Нѣжинской, вотъ его подлинныя слова: „Завтра пойду и достану пороха, и безъ денегъ достану, добуду отъ добрыхъ людей“. Бабушка говорить, что она убѣждена, что Андриуша 12-го марта утромъ пошелъ за порохомъ къ этимъ добрымъ людямъ. И дѣйствительно, гг. присяжные засѣдатели, я имѣю право сказать, что у Андриуши это была страсть роковая. Можетъ быть, эти добрые люди оказались злыми людьми, которые, зная эту его страсть, заманили его въ свою засаду и уничтожили. Я думаю, что обстоятельство, что онъ идетъ за порохомъ, было всѣмъ извѣстно, и бабушкѣ, и теткѣ, повидимому, было извѣстно и его маленькимъ друзьямъ. Если же это было такъ, если онъ пошелъ за порохомъ, и это было извѣстно его друзьямъ, то мы имѣемъ полное право сдѣлать предположеніе, что это могло быть извѣстно и на Лукьяновкѣ, что день этотъ былъ заранѣе намѣченъ, назначенъ былъ приходъ Андриуши за порохомъ. Андриушѣ сказали: „мы тебѣ доставимъ пороха“, и Андриуша, который безъ этого ружья и жить не могъ, которому доставляло такое удовольствіе производить выстрѣлы, который мечталъ объ этомъ порохѣ, спѣшно утромъ отправляется за этимъ порохомъ.

ИСЧЕЗНОВЕНІЕ ЮЩИНСКАГО.

Гг. присяжные засѣдатели, 12-го марта, въ 6, или вѣрнѣе половина 6-го Андриуша, похлебавъ борщъ съ бурачками, приготовленный его матерью еще наканунѣ, взявъ книжечки въ ремешки и вышелъ изъ дому, съ книжками онъ никогда не разставался, потому что боялся, что испортятъ ихъ его братья. Онъ вышелъ рано изъ Слободки. Кто же его видѣлъ? Его видѣлъ Павелъ Пушка, видѣлъ какъ онъ прошелъ за заборомъ съ книжками, видѣлъ онъ его случайно, такъ какъ въ это время вышелъ по своей надобности. Затѣмъ у Цѣпного моста

видитъ его Марія Пушка. Стѣдовательно, этими двумя лицами установленъ фактъ, что Андриуша 12-го марта въ половинѣ шестого утра вышелъ изъ дому и направился тѣмъ или другимъ путемъ въ городъ. Повидимому, онъ шелъ пѣшкомъ, хотя у него и оставалось 5 коп. изъ тѣхъ 25 коп., которыя ему дала Наталія Нѣжинская на покупку пистоновъ. Можетъ быть, онъ дошелъ пѣшкомъ, можетъ быть доѣхалъ—я не берусь дѣлать никакихъ предположеній, но фактъ тотъ, что около 8-ми часовъ Андриуша, который всегда аккуратно посѣщалъ кіево-софійское духовное училище, не пропускалъ уроковъ даже когда бывали морозы, не опаздывалъ почти никогда на уроки, и который если не бывалъ, то не бывалъ только по болѣзни, и тогда требовались свѣдѣнія отъ его матери или тетки, которыя сообщали по какой причинѣ онъ не пришелъ въ училище,—въ 8 ч. утра, находится не въ кіево-софійскомъ духовномъ училищѣ, а находится, несомнѣнно, на этой Лукьяновкѣ. Очевидно, въ этотъ день мысль о приобретеніи пороха, можетъ быть въ большомъ количествѣ, настолько увлекла мальчика, что онъ пожертвовалъ даже уроками. Это мое предположеніе, но фактъ, что его въ 8 ч. утра видали на Лукьяновкѣ, представляется совершенно точно установленнымъ цѣлымъ рядомъ свидѣтелей.

СВИДѢТЕЛИ ШАХОВСКІЕ.

Прежде всего, кто его видитъ? Его видитъ Ульяна Шаховская. Я знаю, что по поводу Шаховской мнѣ будетъ сдѣлано указаніе, что этой свидѣтельница нельзя вѣрить, но достовѣрность въ этой части ея показаній признана была и Красовскимъ. Она не отклоняется отъ правды, она говоритъ что хорошо помнитъ этотъ день потому, что мужъ ея, фонарщикъ по профессіи, отправился въ этотъ день получить въ счетъ жалованія рубль отъ Балашова. И, дѣйствительно, Балашовъ подтверждаетъ, что въ этотъ день, въ субботу, онъ выдалъ рубль Шаховскому. Такъ что документально подтверждается, почему помнить она этотъ день. И вотъ эта женщина отправляется въ бакалейную лавочку. Вы помните эту лавочку, она недалеко отъ того дома, гдѣ жила Чеберякъ, на углу Половецкой и Верхне-Юрковской улицъ. И вотъ Шаховская видитъ Андриушу вмѣстѣ съ Женей на углу улицы, они ѣдятъ конфеты и о чемъ-то бесѣдуютъ. Когда она возвращалась изъ

этой бакалейной лавочки, она видѣла ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Когда она пришла домой, она застала своего мужа, который позвптракавъ, вышелъ изъ дому. Онъ занимался ловлей щегловъ, отправился половить ихъ. Такъ вотъ, когда онъ вышелъ, то опять засталъ Женю и Андриюшу, причѣмъ они бесѣдовали около дома Чеберякъ. При этомъ я не допускаю возможности, чтобы свидѣтельница уклонялась отъ истины, въ этомъ нѣтъ надобности, ибо она просто установила тотъ фактъ, что Андриюша былъ на В.-Юрковской улицѣ около 8 час. утра, когда онъ зашелъ въ казенную винную лавку и былъ въ обществѣ Жени. Онъ ударилъ Шаховскаго по плечу, Шаховской очень разсердился и выругался, Андриюша просилъ взять его на ловлю птицъ, можетъ быть Шаховской прибавляетъ это отъ себя, а можетъ быть такъ и было, но изъ этого можно сдѣлать выводъ, что Андриюша хотѣлъ погулять и въ училище не пошелъ, такъ какъ въ 12 час. встрѣтился съ Наталіей Ющинской и Шаховской, и рассказалъ, что онъ Андриюшу на ловлю птицъ не взялъ и ушелъ одинъ. Такимъ образомъ, куда дѣвались Андриюша и Женя въ этотъ день, Шаховскому не было извѣстно. Но прошло нѣсколько дней, во вторникъ, а это было въ субботу, Шаховской, встрѣтивъ Женю, между прочимъ, сказалъ: —ну, что же, хорошо ли погуляли, или нѣтъ? Такъ рассказывалъ Шаховскій. Я не говорю, что мы Шаховскому придавали значеніе полной довѣренности, мы видѣли, что этотъ свидѣтель давалъ у слѣдователя то одно показаніе, то другое, но въ концѣ концовъ онъ заявилъ, что „свѣтъ мнѣ милѣ“, и тогда мы окончателно поняли, что отъ этого свидѣтеля, руководяшагося такими правилами, добиться истины трудно. Но фактъ тотъ, что онъ удостовѣрилъ у судебного слѣдователя и здѣсь, что когда онъ спросилъ Женю Чеберякова, —ну что, какъ погуляли?—Женя отвѣтилъ: „Нѣтъ, не удалось погулять, насъ спугнулъ мужчина съ черной бородой“. Такъ рассказывалъ Шаховскій, на этомъ, собственно говоря, можно было и покончить. Но имѣется другая свидѣтельница Шаховская. Конечно, я не отрицаю того обстоятельства, что эти свидѣтели, Шаховскій и Шаховская, повидимому много знающіе, но не желаютъ много открывать изъ боязни, что ихъ побьютъ или подколоять. Послѣ того, какъ агентъ

сыскной полиціи, Полищукъ, а можетъ быть и другіе, умѣли съ ними поговорить, можетъ быть они и разговорились о томъ, что было на Лукьяновкѣ, а потомъ пугались и отрекались отъ показаній.

СВИДѢТЕЛЬНИЦА ВОЛКИВНА.

Шаховская говорила что мужъ много знаетъ объ этомъ дѣлѣ, что она сама знаетъ отъ нищенки Анны Захаровой, по прозвищу Волкивны, что та забрела съ Кирилловской ул. на этотъ заводъ и видѣла, какъ Бейлисъ, или мужчина съ черной бородой, тащилъ Андриюшу по направленію къ печи. Волкивна отрекалась отъ всего, конечно, ее подколоть имъ легче, чѣмъ кого другого. Возможно, что эта бродячая женщина, безъ постоянного пристанища, случайно и забрела на Кирилловскую ул. и вела этотъ разговоръ, гдѣ то на полянкѣ въ присутствіи мальчика Калюжнаго, но здѣсь она заявила, что знаетъ не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, мое дѣло сторона, я не говорила, не рассказывала. Въ концѣ концовъ на вопросъ, обращенный къ Ульянѣ Шаховской, она сказала, что Волкивна шла съ Кирилловской улицы, и тутъ я понялъ, что въ этомъ отношеніи Ульяну Шаховскую сыщики не подучивали, потому что подучить, откуда шла Волкивна, они не могли, а Шаховская черезъ годъ объ этомъ вспомнила и сказала, хотя судебный слѣдователь объ этомъ не спрашивалъ.

СВИДѢТЕЛИ - ДѢТИ.

Но какъ бы вы ни отнеслись къ показаніямъ Шаховскихъ, какъ къ малодостовернымъ, выбросимъ ли ихъ изъ даннаго дѣла, сущность дѣла отъ этого не мѣняется, и вотъ почему. Помимо этихъ Шаховскихъ, помимо Волкивны, которая отъ всего отрекается, мы имѣемъ показанія дѣтей. Какъ это ни странно, гг. присяжи. засѣдатели, но въ этомъ дѣлѣ произошло, что очевидцами послѣдняго момента жизни Андриюши были дѣти: двое дѣтей находятся уже въ могилѣ, Женя и его сестра, одна дѣвочка была здѣсь передъ нами, это Людмила Чеберякова, мальчикъ Назаръ Зарудскій и дѣвочка, дочь Наконечнаго по прозвищу „лягушка“, фигуры памятной въ этомъ процессѣ, --- это былъ третій ребенокъ, если можно назвать ребенкомъ эту почти взрослою дѣвочку. Вотъ всѣ дѣти, которыя были очевидцами послѣднихъ ми-

нута Андрюши. Вѣдь дѣтей, г.г. присяжные засѣдатели, нужно расспрашивать умѣло, не многимъ дано это дарованіе подойти къ ребенку такъ, чтобы ребенокъ самъ протянулъ къ нему ручки, чтобы онъ самъ все рассказалъ, что онъ знаетъ, чтобы онъ васъ не боялся, а видѣлъ въ васъ такого же ребенка, какъ онъ самъ, а не взрослого чело-вѣка, который можетъ прикрикнуть, притроизить и говорить ему: „Г. свидѣтель, что имѣете сказать по настоящему дѣлу?“ Такому лицу, конечно, ребенокъ не скажетъ, онъ не пойметъ такого вопроса. Съ ребенкомъ надо говорить не по-дѣтски, не привариваясь къ нему, а говорить просто, довѣрчиво. Когда судебный слѣдователь Фененко допрашивалъ Женю Чеберякова, то видимо онъ къ этой душѣ не подошелъ и не сумѣлъ извлечь изъ нея того, что могъ бы извлечь слѣдователь, обладающій этой способностью. Женя давалъ три раза показанія и всѣ показанія были уклончивы. Первый разъ онъ сказалъ, что Андрюшу видѣлъ, но это было 10-го числа, въ 2 часа. Второй разъ говорилъ, что ничего не знаетъ, а потомъ уже сказалъ, что вспомнилъ о порохѣ, но боялся сказать, а въ третій разъ сказалъ, что Шаховскаго не видалъ и Андрюши не видалъ, и совершенно запутался. А этотъ же самый Женя, когда къ нему подошелъ Голубевъ, являвшійся иногда въ обыкновенной рубашкѣ рабочаго чело-вѣка, и умѣвшій снискавать къ себѣ расположеніе дѣтей, рассказалъ ему, что видѣлъ Андрюшу какъ разъ въ субботу, что они гуляли на заводѣ, что заходили въ лавочку покупать сала. Но послѣ этого Женя тогда не нашелъ возможности рассказывать Голубеву дальше и, какъ рассказывалъ Голубеву, видно было, что онъ дальше рассказывать не хочетъ. Но затѣмъ агентъ сыскной полиціи Полищукъ, интересовавшійся чрезвычайно этимъ дѣломъ и ведшій его совсѣмъ не по тому пути, по которому велъ Красовскій, если вѣрять словамъ этого свидѣтеля, добылъ отъ дѣтей болѣе серьезныя свѣдѣнія. Ему удалось установить, что эти дѣти 12 марта утромъ, когда пришелъ Андрюша, пошли кататься на мялѣ, — это было любимое ихъ занятіе, — и когда катались на мялѣ, то погнался за ними Менделъ Бейлисъ, они убѣжали, а Андрюшу онъ схватилъ и съ тѣхъ поръ они не знаютъ, куда дѣлся Андрюша. Возмож-

но, что дѣти при производствѣ разслѣдованія и давали такія показанія, но потому они оказались совершенно запуганными и даютъ показанія въ этой части очень не охотно.

Если кто далъ показаніе подробное, то это единственно дѣвочка Людмила Чеберякова, и въ этомъ отношеніи ея показаніе представляется яркой страницей въ этомъ дѣлѣ. Но почему — же она даетъ такое опредѣленное, яркое показаніе? Прежде всего надо замѣтить, что Людмила Чеберякова не была допрошена судебнымъ слѣдователемъ Фененко, онъ не успѣлъ допросить и Валю, которая умерла, онъ не допрашивалъ Назара Зарудскаго, не допрашивалъ дочь Наконечнаго Дюню, вѣдь допросы этихъ лицъ были произведены судебнымъ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ с.-петербургскаго окружнаго суда Машкевичемъ, произведены черезъ годъ. Когда Машкевичъ опросилъ Людмилу, и вѣроятно, опросилъ безъ предупрежденія, когда онъ тѣмъ или инымъ путемъ подошелъ къ дѣтской душѣ, ему удалось установить обстоятельства чрезвычайно важныя. Прежде, чѣмъ перейти къ этимъ показаніямъ, я долженъ сказать, что ни Вѣра Чеберякова, ни главнымъ образомъ мужъ ея Василій Чеберяковъ не скрывали тѣхъ обстоятельствъ, которыя установила дочь ихъ Людмила. Василій Чеберяковъ и у судебного слѣдователя и здѣсь рассказывалъ, и повидимому не уклонялся отъ истины, что утромъ 12 марта, какъ она припоминаетъ, часа не помнитъ, но до 9 час., такъ какъ 12 марта онъ былъ въ 9 час. на дежурствѣ, а идти надо было до службы минутъ 25, прибѣжалъ, запыхавшись, Женя и сказалъ: „Мы играли на мялѣ, насъ погналъ Бейлисъ, мы убѣжали, Андрюша тамъ остался“. Василій Чеберякъ рассказывалъ намъ, что то же самое онъ показывалъ и раньше, но его не хотѣли слушать, потому что не въ этомъ направленіи велось разслѣдованіе, о Бейлисѣ не хотѣли и говорить и отклоняли все то, что касалось Бейлиса. Въ этомъ отношеніи имъ все казалось недостовернымъ и только одни Шаховскіе подтверждали этотъ фактъ, а затѣмъ Красовскому, при помощи Полищука и Выгранова, удалось возстановить показанія Шаховскихъ и на основаніи этихъ показаній

Красовскій представилъ свои соображенія о Бейлисѣ.

СВИДѢТЕЛЬ ДОБЖАНСКІЙ.

Но потомъ все было смазано, и Шаховскіе превратились въ добровольныхъ сыщиковъ, ихъ стали злупчивать, и кто-же? Добжанскій, этотъ содержатель пивной лавочки, о которомъ говорили намъ здѣсь два свидѣтеля, Голубевъ и Поздняковъ. Они рассказывали исторію, которая вѣроятно запечатлѣлась въ вашей памяти, что за нѣсколько дней до начала процесса, 22-го сентября, они случайно отправились къ пещерѣ и случайно застали Добжанскаго, который выпивалъ съ своей компаніей. Добжанскій, не предполагая, что это лица отъ „Двуглаваго Орла“, которые интересуются дѣломъ Ющинскаго, въ опьянѣніи разболтался, расхвастался и сталъ говорить:—„Бейлисъ мой другъ, я знаю, что его не осудятъ, и Марголинъ сказалъ, что его не засудятъ“. Вы г.г. присяжные, конечно, помните этого свидѣтеля. Когда поставили его на очную ставку съ двумя молодыми людьми, которые не уклонялись отъ истины, а говорили только правду, то Добжанскій, хотя и расхорохорился, но не могъ представить возраженій противъ ихъ показаній, потому что они говорили правду, а онъ говорилъ завѣдомую ложь. Этотъ же Добжанскій говорилъ имъ, что Шаховской ничего не покажетъ, потому что его побила наша компанія, и онъ дѣйствительно былъ избитъ. Такъ вотъ послѣ этого, можно ли ожидать отъ Шаховскаго, чтобы онъ говорилъ по этому дѣлу правду, вѣдь его дѣйствительно могутъ подколотъ. Я указываю вамъ на эти обстоятельства, чрезвычайно важныя въ этомъ дѣлѣ, потому что все, что касается Бейлиса и евреевъ, все это подвергается или террору или какому-либо другимъ воздѣйствіямъ, другимъ нажимамъ.

ЛЮДМИЛА ЧЕБЕРЯКЪ.

Такимъ образомъ, когда впервые была допрошена Людмила Чеберякъ, то она, эта смышленная дѣвочка, развитая не по лѣтамъ, какъ у судебного слѣдователя на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь представила намъ совершенно ясную картину. Вы скажете, мнѣ, что ее подучили. Но можно ли подучить ребенка въ 11 лѣтъ, и какой смыслъ Чеберяковой, которая въ

этомъ дѣлѣ не привлечена въ качествѣ обвиняемой, подучивать Людмилу. Если она не подучивала Женю показывать противъ Бейлиса, если не подучивала дочь Валю, если она умирающаго Женю просила только, чтобы онъ сказалъ, чтобы ее не мучили сыщички, съ какой стати она стала бы подучивать Людмилу, не проще ли было въ такомъ случаѣ подучить Людмилу ничего не говорить, а сказать что ничего не знаю. Гг. присяжные засѣдатели, вѣдь Чеберякова въ концѣ концовъ пострадавшее лицо, у нея отняты двое дѣтей и она является не въ роли мстительницы, а въ роли особы, которая до нѣкоторой степени причастна къ дѣлу,—объ этой роли рѣчь у меня будетъ впереди. Чеберякова сказала дочери:—ты скажи, какъ все было, какъ играли, какъ васъ гнали Бейлисъ, и Людмила Чеберякова рѣшила рассказать, какъ все было. Науки въ ея показаніяхъ я не видѣлъ. Эта дѣвочка не сбивалась. Она знаетъ такія слова, какъ „интеллигентъ“, „типъ“, и для ребенка, воспитаннаго въ мѣщанской средѣ, это конечно, удивительно. Но не надо забывать, что Чеберякова ея мать, что тамъ бывали люди, которые, хотя и занимались кражами и преступными дѣлами, но были одѣты прилично,—вѣдь никто не подумаетъ видѣть въ Мандзевскомъ преступника,—да и сама Чеберякова любить жизнь и одѣвается прилично, слѣдовательно, естественно, что и дѣвочка, присутствуя при всѣхъ разговорахъ, много знаетъ и понимаетъ. Она представила вамъ чрезвычайно опредѣленный рассказъ и по моему рассказъ искренній. Она говоритъ, что 12-го марта ея мать была на базарѣ, значитъ, дома былъ, повидимому, отецъ, Андруша вызвалъ Женю съ улицы, позвалъ его гулять, и они отправились. Людмила Чеберякова, ея сестра Валя, затѣмъ, онѣ взяли Дуню Наконечную, взяли мальчика, повидимому, Назара Заруцкаго, можетъ быть, была еще какая-нибудь дѣвочка, она точно не помнить, и всѣ отправились на мяло, выбрали то мяло, которое подалше отъ дома Бейлиса, потому что онѣ боялись его. онъ ихъ постоянно гналъ. Что они были на мялѣ, удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Но надо думать, что разъ убійцы рѣшили совершить это преступленіе въ опредѣленный день, у нихъ были тѣ, или другія надежды, что дѣти неуремѣнно пойдутъ на

мяло. Въ этомъ отношеніи, конечно, остается загадкой случайно ли дѣти пошли на мяло, или былъ какой-либо опредѣленный планъ.

ЧЕБЕРЯКОВА И БЕЙЛИСЪ.

Не надо забывать и это обстоятельство, я прошу запомнить, что Чеберякова была знакома, и даже, повидимому, хорошо, съ Бейлисомъ, цѣлый рядъ свидѣтелей устанавливаетъ ихъ взаимоотношенія, самъ Красовскій даже допускалъ близкія отношенія между Бейлисомъ и Чеберяковой. Насколько это достоверно, я судить не берусь, Красовскому во многомъ можно не вѣрять, но, во всякомъ случаѣ, это зафиксировано у судебного слѣдователя. Затѣмъ Гаевская, эта прислуга, или компаньонка Чеберяковой, устанавливала тотъ фактъ, что Чеберякова была должна Бейлису 100 руб. Затѣмъ, Степанъ Васильевъ, дворникъ, который умеръ и показанія котораго читались здѣсь, онъ хотя и очень рѣзко отозвался обо всѣхъ и даже говорилъ, что это дѣло не миновало рукъ Чеберяковой, но онъ удостовѣряетъ, что Чеберякова часто заходила къ Бейлису. Она покупала у него молоко, какъ она и сама не отрицала, и посылала къ Бейлису за молокомъ Женю и Люду. Такимъ образомъ, связь между Чеберяковой и Бейлисомъ въ томъ смыслѣ, что они были знакомы, что у нихъ были денежные отношенія, что дѣти постоянно ходили за молокомъ, представляется для меня въ высшей степени многознаменательной.

КОРОВА БЕЙЛИСА.

Когда поднимался здѣсь вопросъ о коровѣ, то я ему придавалъ, какъ впрочемъ и до сихъ поръ, весьма существенное значеніе. Бейлисъ и другія лица, пытавшіяся его, повидимому, оправдать, доказываютъ, что, хотя корова и была въ 1910 году, но въ 1911 г., какъ разъ коровы не было и, слѣдовательно, всѣ показанія Чеберяковой и дѣтей, что они ходили за молокомъ къ Бейлису, представляются вымысломъ, имъ вѣрять нельзя. Когда стали спрашивать Бейлиса, онъ запутался, вышло, что корова у него была, а потомъ не то убились, а въ результатѣ, сломала ногу, и Бейлисъ ее продалъ. Когда стали спрашивать свидѣтеля Вышемирскаго, то оказалось, что корова была, но не то убились, не то разбилась въ оврагъ, а, можетъ быть, потомъ

и продалъ. А когда вызвали свидѣльницу по просьбѣ защиты Маслашъ, по прозвищу „Перепелица“, то хотя защита предвзвѣстно и отказалась, но я не нашель возможнымъ отказаться, и вотъ почему. Эта свидѣльница у судебного слѣдователя опредѣленно показала, что въ 1911 г. весной, значить къ тому времени, о которомъ я теперь говорю, корова была у Бейлиса, и она, „Перепелица“, лично покупала молоко у Бейлиса. Эта свидѣльница была вызвана защитой для подтвержденія другого обстоятельства, именно, что Бейлисъ милостиво относился къ дѣтямъ Маслашъ, въ чемъ впрочемъ я ни минуты не сомнѣваюсь, но защита, убѣдившись, что Маслашъ показываетъ о коровѣ, т. е., какъ разъ то, что надо знать обвинителю, отказалась отъ нея. А когда выяснился вопросъ и я просилъ напомнить показаніе Маслашъ о коровѣ, защита сказала, что вопросъ о коровѣ давно уже выясненъ. Но вопросъ этотъ и выяснился только изъ показаній этой свидѣльницы, удостовѣрившей этотъ фактъ, потому, что иначе возможно было допускать, что дѣти уклонялись отъ истины. Слѣдовательно, корова у Бейлиса была, дѣти несомнѣнно за молокомъ ходили, и между Бейлисомъ и Чеберяковой существовали тѣ или другія отношенія. Что же стоило при такихъ условіяхъ Бейлису скрывать накануне — Авдрюша придетъ завтра за пороховъ, порохъ дадимъ. и можешь идти играть на мяло сколько угодно. Это, конечно, мое предположеніе, но я обязанъ дѣлать предположенія, потому что обвиняемый не сознается въ приписываемомъ дѣяніи, а свидѣтели, конечно, намъ всего не расскажутъ. Такимъ образомъ Людя Чеберякова установила фактъ, что всѣ дѣти отправились играть и катались на мялѣ. Но мнѣ могутъ сказать, что она вѣдь дочь Чеберяковой и что Чеберякова изъ мести, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, могла подучить ее показывать. Тогда обратимся къ Дуни Наконечной. Г.г. присяжные засѣдатели, здѣсь я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой запомнить рѣшительно все, на что я обращаю ваше вниманіе, ибо здѣсь подробности имѣютъ огромное значеніе. Дуня Наконечная играетъ серьезную роль въ этомъ процессѣ и вотъ почему. Не забудьте, что Дуня Наконечная есть дочь Наконечнаго „лягушки“.

АРЕСТАНТЪ КОЗАЧЕНКО.

Вы скажете—что-же въ этомъ особеннаго? А вотъ что. Когда Бейлисъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и когда рядомъ съ нимъ въ камерѣ сидѣлъ арестантъ Козаченко, который вошелъ въ довѣрiе къ Бейлису и Бейлисъ вѣрилъ въ него, какъ въ самого себя, что видно изъ приписки, которую онъ сдѣлалъ на письмѣ къ своей женѣ: „не беспокойся, на этого человѣка можешь надѣяться, какъ я самъ“, это подлинныя слова Бейлиса, изъ этого можно видѣть, что онъ вѣрилъ Козаченко. И вотъ въ письмѣ, которое Козаченко долженъ былъ передать женѣ Бейлиса, и которое было написано Пухальскимъ подъ диктовку Бейлиса, пишется слѣдующее: „Дорогая жена, человѣкъ, который отдастъ тебѣ эту записку, сидѣлъ со мной вмѣстѣ въ тюрьмѣ; сегодня онъ по суду оправданъ. Прошу тебя, дорогая жена, прими его, какъ своего человѣка, если бы не онъ, я бы давно въ тюрьмѣ пропалъ. Этого человѣка не бойся, онъ можетъ помочь очень въ дѣлѣ моемъ. Скажи ему, кто на меня еще показываетъ ложно, иди съ этимъ господиномъ къ господину Дубовику. Почему никто не хлопочетъ?“ Эти слова „скажи ему, кто на меня показываетъ ложно“, я прошу васъ запомнить. Далѣе идетъ разговоръ о томъ, что прiѣхалъ адвокатъ Виленскiй, хочетъ защищать его бесплатно. Потомъ слѣдуетъ: „невинно страдаю... чувствую, что не выдержу въ тюрьмѣ... Если попросить этого человѣка у тебя денегъ, ты дай на расходъ сколько нужно“. Дальше идетъ: „вѣрь въ него, какъ я самъ“. Этотъ Козаченко, у котораго было найдено это письмо, по поводу тѣхъ свидѣтелей, о которыхъ говорить въ письмѣ Бейлисъ, „скажи ему, кто на меня показываетъ ложно“, рассказываетъ, что Бейлиса интересовали два лица—фонарщикъ и „лягушка“, и что онъ просилъ Козаченко, нельзя-ли отправить ихъ на тотъ свѣтъ, нельзя-ли ихъ отравить. Были эти разговоры, или нѣтъ, конечно, мы не знаемъ, но представляется страннымъ: можно понять, что фонарщика нужно уничтожить, такъ какъ онъ устанавливаетъ нежелательный фактъ о томъ, что Бейлисъ тащилъ мальчика къ печкѣ и что онъ это знаетъ со словъ Жени, ну, а „лягушку“ то зачѣмъ уничтожать?

СВИДѢТЕЛЬ НАКОНЕЧНЫЙ.

Вѣдь вы помните, Наконечный, представъ предъ нами, произнесъ защитительную рѣчь въ пользу Бейлиса. Онъ говорилъ — какъ-же, если-бы было совершено убiйство въ усадьбѣ, объ этомъ всѣ бы знали, всѣ бы говорили, что-же въ томъ особеннаго, если онъ погнался за Андрюшей, гнался вѣдь—не убилъ. Я спросилъ его—а если-бы убiйство было совершено у Чеберяковой, вы бы знали?—Да, конечно, зналъ-бы, тамъ еще труднѣе совершить убiйство. Такъ этотъ Наконечный, который представилъ защитительныя соображенiя въ пользу Бейлиса, который даже чуть не проследился въ одномъ мѣстѣ, производилъ на меня впечатлѣнiе человѣка, который явился со спеціальною цѣлью защищать Бейлиса. Зачѣмъ-же было отравлять такого благороднаго свидѣтеля. Но мы не знаемъ, что было раньше, какую опасность раньше представлялъ Наконечный. Теперь онъ благосклонно относится къ Бейлису, можетъ быть перемѣнилъ свое отношенiе къ нему,—мало-ли почему мѣняются люди, но вотъ что важно. У Наконечнаго есть дочь, которая является свидѣтельницей очень важной. Она повидимому точно также была на мялѣ въ послѣднiй день жизни Андрюши Юшинскаго, слѣдовательно надо задобрить Наконечнаго или, наоборотъ, изъять его изъ дѣла. Это для Бейлиса представляется существенно важнымъ и вотъ онъ счелъ за лучшее задобрить его и повидимому задобрилъ. Наконечный прiшелъ сюда и перестарался, а когда свидѣтель перестарается, то ясно, что тутъ что-то не выполнѣе достовѣрно.

ДУНЯ НАКОНЕЧНАЯ.

Что собственно показала Дуня Наконечная? Она сказала, что Андрюшу Юшинскаго она видѣла два раза съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился въ Слободку: одинъ разъ видѣла на Рождествѣ въ 1910 году, а второй разъ видѣла его передъ Пасхой, Великимъ постомъ. А Великiй постъ начался въ концѣ февраля, убiйство же было 12 марта на третей недѣлѣ Великаго поста. Теперь мы знаемъ, что Андрюша рѣдко являлся на Лукьяновку и никто изъ друзей его не видалъ, кромѣ Жени Чеберякова. Сопоставляя всѣ эти обстоятельства, можно смѣло сказать, что это и былъ послѣднiй день жизни Андрюши, и она видѣла его на

мялѣ. Но она не говоритъ, что ихъ гнали, она говоритъ, что они сами разошлись. Но вѣдь она дочь Наконечнаго, а Наконечный произнесъ здѣсь защитительную рѣчь, очевидно, что и дочь Наконечнаго не можетъ показать всего.

Остается только свидѣтель мальчижъ Заруцкій, но онъ путался: то онъ видѣлъ Андриюшу за нѣдлю, то видѣлъ его въ бордовой сорочкѣ, то совсѣмъ не видѣлъ, то катался на мялѣ, то не катался, въ концѣ-концовъ сталъ говорить, что въ свидѣтельской комнатѣ Чеберякова ему говорила— какъ не катались? Вѣдь ты тоже былъ съ дѣтьми.

ЛЮДМИЛА ЧЕБЕРЯКОВА.

Остается одна только Людмила Чеберякова, которая показала то, что въ дѣйствительности было. Она и рассказываетъ эту картину съ достаточной ясностью: когда катались на мялѣ, дѣвочки были ближе, а мальчишки дальше, выбѣжали Мендель Бейлисъ, за нимъ еще какой-то человекъ и третій старикъ и погнались за дѣтьми, а дѣти Бейлиса въ это время смѣялись. Бейлисъ схватилъ Женю и Андриюшу, но Женя вырвался, я побѣжала, Валя стала плакать, я взяла ее за руку и побѣжала къ оградѣ, такъ что не видѣла, что Бейлисъ дѣлалъ съ Андриюшей. Они убѣжали испугавшись.

Вы спросите, почему же это дѣти, видѣвъ, что Андриюшу схватилъ кто-то, почему они не повѣдали объ этомъ своимъ родителямъ, почему сейчасъ же не стало извѣстно всей Лукьяновкѣ, что кто-то схватилъ Андриюшу, что ему грозитъ опасность, почему? На этотъ вопросъ, гг. присяжные засѣдатели, я отвѣта дать не могу, какъ не могу отвѣчать за дѣйствія свидѣтелей, которымъ „свѣтъ милѣе“ и которые не рассказываютъ правды, какъ не могу отвѣчать и за дѣйствія дѣтей, которые такъ напуганы, что ничего не могутъ показать. Да вѣдь мы не знаемъ, дѣти то въ тотъ моментъ понимали ли, какая опасность грозитъ Андриюшѣ, знали ли, какая участь его ожидаетъ. Можетъ быть они боялись, боялись, что ихъ поколотятъ. Что и раньше Бейлисъ гналъ ихъ, этого онъ и самъ не отрицаетъ, но что послѣдніе три года гнали рабочіе. На вопросъ— какіе рабочіе, Бейлисъ сказалъ, что не знаетъ, что по подворной книгѣ можно узнать.

ЗАРАНѢ ОБДУМАННОЕ НАМѢРЕНІЕ.

И вотъ это удостовѣреніе Бейлиса, что онъ не видѣлъ никогда Андриюши, что онъ его не знаетъ, что онъ въ послѣднее время не гналъ дѣтей, это удостовѣреніе Наконечнаго, что заборъ былъ прочный, а въ концѣ-концовъ оказалось, что были лазейки, и сторожъ Степанъ Васильевъ утверждаетъ, что были лазейки, вотъ это утвержденіе Дуни Наконечной, что не катались на мялѣ, вотъ это желаніе доказать, что коровы не было, развѣ не свидѣтельствуютъ о томъ, что обвиняемый не хочетъ сказать правды. Казалось бы, что эти факты не представляли для него ничего особенно опаснаго: ну видѣлъ Андриюшу, ну гналъ, какъ и раньше гнали, но когда онъ совершилъ преступленіе, когда онъ знаетъ, что дальше произошло, конечно онъ будетъ отрицать рѣшительно все. Вотъ почему онъ находитъ нужнымъ отрицать и эти обстоятельства. Да, гг. присяжные засѣдатели, одно только важное обстоятельство въ этомъ дѣлѣ покрыто мракомъ неизвѣстности: были ли Бейлисъ и его соучастники,—о которыхъ я буду еще говорить,—убѣждены въ томъ, что Андриюша появится на этомъ мялѣ, что имъ удастся согнать дѣтей, а Андриюшу схватить и заколотъ для той цѣли, которую они преслѣдовали. Если они не были убѣждены, то конечно падаетъ обвиненіе въ томъ, что у нихъ было заранѣе обдуманы намѣренія преступленія. Но вѣдь у нихъ были другіе способы завлечь Андриюшу. Напримѣръ, тотъ же самый Шнеерсонъ, о которомъ приходится говорить, потому что онъ близко соприкасается съ этимъ преступленіемъ, давно преслѣдовалъ Андриюшу, говорилъ ему, что покажетъ его отца; были и другіе способы, разъ Андриюша оказался на Лукьяновкѣ за порохомъ, завлечь его въ засаду. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, Андриюша былъ во влечень въ засаду.

СИНГАЕВСКІЙ И РУДЗИНСКІЙ.

Я говорилъ уже, что нельзя же предположить, чтобы Андриюшу ожидали злоумышленники—Сингаевскій и Рудзинскій, которые обдумывали въ это время, какъ совершить это преступленіе, чтобы они ожидали въ квартирѣ Чеберяковой и прибѣгли къ такому ужасному способу убійства, какъ выпусканіе крови въ теченіе 7 минутъ. Надо предположить безуміе, если бы они

это преступление задумали совершить въ квартирѣ, гдѣ все могло быть забрызгано кровью, гдѣ трудно было совершить злодѣяніе. А, между тѣмъ, на коврѣ Чеберяковой не оказалось крови, кромѣ какихъ-то пятенъ, и на стѣнѣхъ пятна совсѣмъ не кровавыя. Что же, господа присяжные засѣдатели, развѣ возможно допустить, чтобы въ этой квартирѣ было совершено преступленіе, не говоря уже о томъ, что я достаточно долго останавливался на вопросѣ, съ какой цѣлью нужно было совершить такое злодѣяніе и убѣхатъ, не дождавшись погрома, гдѣ же больше данныхъ за то, что шреступленіе было совершено—въ этой ли квартирѣ или на территоріи завода, на территоріи этой усадьбы, гдѣ, мы знаемъ, что, существуютъ навѣсы и прикритія, гдѣ почти не видно, что дѣлается, а если тамъ и было нѣсколько рабочихъ, они могли не обратить вниманія, что гонять мальчика, а, залгавъ мальчика въ извѣстное помѣщеніе, его легко было предать тамъ той казни, которая надъ нимъ и была совершена.

РОЛЬ ЧЕБЕРЯКОВОЙ.

Когда одного изъ мальчиковъ я спросилъ: гналъ ли его когда-нибудь съ мяла Бейлиса, то онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, не гналъ“. А кто-же гналъ?—Рабочій.—А какой рабочій?—Немножко старый. Когда я съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ дѣвочкѣ: Гналъ ли съ мяла васъ Бейлиса?—Нѣтъ,—отвѣчала она.—Какой же гналъ рабочій?—Немножко старый, немножко молодой. Ясно, что дѣти не хотѣли назвать Бейлиса. Та же дѣвочка у судебного слѣдователя обмолвилась однимъ словомъ, это слово вылетѣло и его, какъ говорить пословица,—не поймашь. „На Лукьяновкѣ всѣ знаютъ, что Чеберякъ продала Андрюшу жидамъ“. Есть любимая поговорка, которая говоритъ, что гласъ народа—гласъ Божій. Не всегда такъ бываетъ, конечно, но, повторяю, что, вѣдь, дѣвочка сказала судебному слѣдователю, такъ или иначе это слово было сказано. Какое оно произвело на васъ впечатлѣніе я не знаю, знаю, что эта молва совершенно не вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла и, вѣроятно, основана на томъ, что Чеберякъ путешествовала съ разными лицами, которыя принимали участіе въ разслѣдованіи этого дѣла, можетъ быть, потому, что дѣти ея играли съ Андрюшей Ющинскимъ. Останавливаться на ея уча-

стіи въ этомъ дѣлѣ я не намѣренъ, такъ какъ здѣсь она является свидѣтельницей, такъ-же какъ и другіе свидѣтели, которые могли бы, можетъ быть, занять эту скамью подсудимыхъ.

УСАДЬБА ЗАЙЦЕВА.

Теперь позвольте обратить ваше вниманіе на усадьбу, гдѣ произошла эта драма. Говорятъ, что центръ драмы—это квартира Чеберякъ, но я въ это не вѣрю: центръ драмы это усадьба Зайцева, которая представляетъ нѣкоторыя особенности, на которыя я прошу обратить васъ свое вниманіе. Кирпичный заводъ Зайцева, доходы съ котораго старикомъ отцомъ его, евреемъ чрезвычайной набожности, принадлежащимъ къ такъ называемымъ хасидамъ. Эту лечебницу питаетъ заводъ, т. е. доходъ съ него, и построена она была въ память бракосочетанія нынѣ царствующаго Государя Императора. Казалось бы благая цѣль — лечебница, въ память бракосочетанія Государя Императора — исключала возможность того, что именно на этой территоріи произошла драма. Но мы знаемъ, что учреждаютъ какое-нибудь благотворительное учрежденіе въ память рожденія Наслѣдника или бракосочетанія, а затѣмъ на этой самой усадьбѣ строится новая богадѣльня въ увѣковѣченіе памяти самого основателя этого завода —Зайцева покойнаго хасида, котораго всѣ уважали. Дѣти старика Зайцева строятъ богадѣльню и въ то же время столовая превращается въ молельню, рассчитанную на 100 человекъ.

МОЛЕЛЬНЯ.

Затѣмъ я попрошу обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: столовая обратилась въ молельню; и фундаментъ особый, и фасадъ особый и ниша со свитками Торы и печать Соломона. Однимъ словомъ, все это носило характеръ синагоги... Одинъ изъ Зайцевыхъ сказалъ: кабая это синагога, это молельня. Но вѣдь призрѣваемыхъ было 20 человекъ, а между тѣмъ, молельня была рассчитана на большее число. Для призрѣваемыхъ особая столовая не была нужна, потому что эти призрѣваемые, разные бѣдняки, обѣдали въ какомъ-то корридорѣ. Для персонала больницы она тоже нужна не была и очевидно, что эта молельня была для хасидовъ, которые уважали память Зайцева. Удивительное совпаденіе: заклад-

ка этой моленной произошла какъ-разъ въ мартѣ мѣсяцѣ, при чемъ есть справка, что это было 7 марта, но это не установлено, такъ какъ на закладку русской людей почти не пускали. Одинъ человекъ, по этому поводу допрашивался и говорилъ, что онъ смотрѣлъ издали и видѣлъ раввиновъ въ длинныхъ одеждахъ. По показанію свидѣтеля Мердера, оказалось, что незавѣстно когда была эта закладка—была ли она 7 марта, или позже, но во всякомъ случаѣ въ мартѣ мѣсяцѣ. Совпаденіе, такъ или иначе, странное.

ОБИТАТЕЛИ ЗАВОДА.

Кто жилъ вообще на территоріи этого завода? Я укажу вамъ всѣхъ — тамъ жили очень немногіе. Богдановскій-Криворучка, поселился тамъ давно, живетъ чуть-ли не 40 лѣтъ, онъ владѣетъ этой землей и ему предоставлено жить въ этой хаткѣ. Затѣмъ, внизу у забора живетъ Юзикъ Юхриковъ, со своими падчерицами, (положеніе его на заводѣ не совѣмъ понятно). Это всего два русскихъ. Кто же еще живетъ на заводѣ? Самъ Бейлисъ, приказчикъ со своей женой и дѣтьми. Въ этой же самой конторѣ живетъ старикъ Чернобыльскій, человекъ преданный Зайцевымъ. Затѣмъ, Менделя Бейлиса постоянно посѣщала Шнеерсонъ, сынъ рѣзника. Самъ Шнеерсонъ изъ мѣстечка Любавичи — мѣста хасидизма — живетъ совершенно не прописываясь и не имѣетъ опредѣленныхъ занятій—торгуетъ какимъ-то сѣномъ. Онъ прописывается почему то 12 марта въ день убійства Ющинскаго, является въ Слободку, интересуется личною Андрюши Ющинскаго Далѣе, — у Бейлиса находятъ молитвенникъ, который принадлежит не то Чернобыльскому, не то Шнеерсону, но, къ сожалѣнію, мы его не видѣли, такъ какъ судебный слѣдователь не придавалъ ему значенія. Это былъ обыкновенный еврейскій молитвенникъ, но онъ заключалъ въ себѣ важныя свѣдѣнія. Тамъ карандашемъ были написаны разныя фамиліи, была и фамилія Шнеерсонъ, изъ чего можно заключить, что они другъ друга знали. Здѣсь же они отрицали это знакомство. Вотъ вамъ три еврея, Бейлисъ, Шнеерсонъ и Чернобыльскій. Еще живетъ Хаимъ Дубовикъ и его братъ М. Дубовикъ, и, кромѣ того, еврей Заславскій. Такимъ образомъ, шесть евреевъ живутъ на этой территоріи, а, можетъ быть, и еще кто-нибудь

живетъ. Красовскій говорить, что еще тамъ проживалъ Юдко Прицкеръ. Они всѣ называли его у судебного слѣдователя, говорили, что онъ жилъ въ помѣщеніи у конюшни, а онъ самъ подтверждаетъ, что еще въ февралѣ онъ уѣхалъ со всей семьей. Здѣсь эти свидѣтели отказались отъ этого—они поняли, что невозможно доказывать, что онъ тамъ жилъ, но дѣло въ томъ, что если онъ тамъ жилъ, то это дѣлаетъ невозможнымъ совершеніе убійства въ конюшнѣ, а если Прицкеръ выбылъ 5 февраля, и помѣщеніе было пустое, то преступленіе могло быть въ немъ совершено. Кромѣ перечисленныхъ евреевъ, жилъ еще Берко Гулько, который не могъ никакъ сказать, когда бываетъ праздникъ „Гамана-Уха“. Онъ имѣлъ шорную мастерскую на Кирилловской ул. внизу, а въ мартѣ мѣсяцѣ перенесъ ее въ это самое помѣщеніе. Когда я его спрашивалъ, онъ сказалъ, что онъ въ мартѣ мѣсяцѣ не былъ тамъ, а пошелъ къ другому лицу, а когда я его спрашивалъ о помѣщеніи, то онъ сказалъ, что въ комнату не входилъ. Но о Беркѣ Гулько я скажу потомъ.

РАБОТЫ НА ЗАВОДѢ.

Такимъ образомъ вы видите, г.г. присяжные засѣдатели, что 12 марта, въ день убійства Андрея Ющинскаго на территоріи завода Зайцева изъ русскихъ были только Богдановскій и Юзикъ Юхриковъ со своими падчерицами. Былъ еще одинъ рабочій—сторожъ, который давалъ въ высшей степени уклончивые отвѣты—незавѣстно былъ ли онъ 12 мар. Мы скажутъ, что вѣдь производились работы на этомъ заводѣ? Объ этомъ намъ много здѣсь говорилось и на этомъ я позволю себѣ остановиться. Если бы работы производились, то рабочіе все бы съ точностью возстановили. Они были бы у верхней печи и тогда бы это преступленіе не могло совершиться. Тутъ вообще большая путаница, но мы въ ней разберемся, я укажу, въ чемъ тутъ уклоненіе отъ истины и почему отъ нея уклоняются. Прежде всего обратимъ вниманіе на рабочаго, который утверждаетъ, что онъ 7 марта былъ еще на заводѣ, что 12 марта производились работы. Но подъ перекрестнымъ допросомъ онъ долженъ былъ сознаться, что онъ уѣхалъ за рабочими. Когда его спросили, производились-ли работы?—онъ отвѣчалъ: да, онъ производи-

... и явно впадалъ въ противорѣчіе, при чемъ ясно было, что у него желаніе было доказать, что 12 марта были серьезныя работы. Мы же убѣдились, что 12 марта этого рабочаго не было. Далѣе слѣдующее: Ювъ Зеленскій прибылъ въ субботу вечеромъ 12 марта (онъ допрошенъ былъ тогда, когда онъ былъ въ Фастовѣ, а не здѣсь). Онъ говоритъ, я отлично помню, что это былъ праздникъ Сорока Мучениковъ (9 марта). Послѣ этого мы уѣхали въ пятницу и пріѣхали на слѣдующій день вечеромъ, а съ Ювомъ Зеленскимъ ѣхали гребенковскіе мужики. Когда они пріѣхали, еще никого изъ рабочихъ не было. Мало того, ему сказали, что Давидка говорилъ ему, чтобы именно 12 марта они пріѣхали, а Бейлисъ говорить Андрею Ермаку, чтобы онъ сталъ на работу 12 марта. Если мы сопоставимъ всѣ эти показанія свидѣтелей, то мы видимъ, что эти свидѣтели уклоняются умышленно отъ истины, что желательно, чтобы они показали, что они 10-го, 11-го были, тогда какъ, въ дѣйствительности, они пріѣхали только въ субботу, а работы начались съ понедельника. Убийство совершено 12-го марта утромъ, какъ мы полагали, черезъ четыре часа послѣ принятія пиши Юшинскимъ, а Андрей Ермакъ утверждаетъ, что они пріѣхали послѣ 12-го марта; такимъ образомъ, если производились такія работы на заводѣ, то только поденными рабочими Заславскаго, которые возили кирпичъ. Возможно, что возили 12 марта. Одинъ изъ свидѣтелей говорилъ, что 13, 14 и 15 доставки кирпича не было, а 12 была. Въ подтвержденіе того обстоятельства, что кирпичъ возился, представлялись накладныя. Мы ихъ видѣли. Нельзя забывать, что заводъ Гинзбурга и заводъ Зайцева имѣютъ конторы. Одинъ свидѣтель служить тамъ 12 лѣтъ, и на мой вопросъ онъ отвѣтилъ, что совсѣмъ не знаетъ Бейлиса, а знаетъ его подпись, но его самого не видалъ, а между тѣмъ, на корешкѣ книги у Бейлиса онъ писалъ квитанцію, на корешкѣ значится 7 и 8 марта. Они пріѣхали 12 марта, какъ установлено самымъ точнымъ образомъ. И насъ этими накладными хотятъ увѣрить, что были рабочіе. Работали поденные рабочіе, которыхъ Чернобыльскій могъ отправить и въ то время можно было сдѣлать, что хотите, и рабочіе никакого вниманія не обратили бы, что гонятся за мальчи-

комъ. А вотъ важное обстоятельство: защита желала, чтобы было установлено судебнымъ слѣдователемъ, что работы производились. Прибывъ въ 1912 году на заводъ и осмотрѣвъ куски глины, судебный слѣдователь, Машкевичъ, заглянулъ въ конюшню и убѣдился, что въ конюшнѣ съ 14 марта никакой лошади нѣтъ и никакихъ работъ не производится. Защита говорила, что это не имѣетъ значенія, но приписка отлажена, 14 марта работы не было, въ то время земля сырая, къ работамъ приступаютъ, снѣгъ еще не стаялъ. Они хотятъ сказать, что работы были. Многіе свидѣтели прямо рассказываютъ, что работъ въ мартъ не было и не могло быть. И, такимъ образомъ, я думаю, что если 2—3 рабочихъ возили кирпичи, то это не мѣшало совершиться преступленію. Этими рабочими завѣдывалъ Чернобыльскій. Если работы были, то въ нижней печи, а отъ нижней печи до верхней—бугры, ничего не видно, что дѣлается на верхней печи.

УЧАСТНИКИ УБИЙСТВА.

Кто же совершилъ это преступленіе? Оно совершено Бейлисомъ, онъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, но я знаю, что въ этомъ процессѣ главный недостатокъ въ томъ, что одинъ Бейлисъ здѣсь совершить преступленіе не могъ, онъ одинъ изъ участниковъ, другихъ участниковъ установить не удалось, можно догадываться. Но Бейлисъ,—онъ погнался за Андрюшей, онъ схватилъ его, слѣдовательно, онъ участвовалъ, безусловно, въ лишеніи жизни. Что касается до другихъ, которые живутъ, связанные между собой единаыми взглядами, идеями, они также поклоняются Зайцеву, какъ поклоняется Бейлисъ. Мы о нихъ можемъ говорить, какъ о свидѣтеляхъ, я не могу говорить о нихъ въ томъ смыслѣ, что они принимали участіе. Я могу остановить ваше вниманіе на нихъ, гг. присяжные засѣдатели, нельзя забывать, что въ концѣ февраля видѣли рѣзника, который пріѣзжалъ. Если вы сопоставите это съ показаніемъ Людмилы, что незадолго до убійства она ходила къ Бейлису за молокомъ и встрѣтила двухъ евреевъ въ колпакахъ, которые молились, она испугалась и убѣжала.—Что же это—воображеніе тревожное этой Людмилы? Вѣдь, въ то время закладывалась молельня и пріѣзжали раввины, можетъ быть, она застигла ихъ у Бейлиса. Вотъ новое подтвержденіе того обстоятель-

ства, что эти дѣти не уклоняются отъ истины. Затѣмъ я говорилъ относительно Шнерсона, относительно его роли, о томъ, что онъ прописывается 12 марта, онъ друженъ съ Бейлисомъ.

О БЕЙЛИСЪ.

Что же представляетъ самъ Бейлисъ, объ этомъ мало говорится. Кто виноватъ? Одинъ изъ защитниковъ сказалъ, что въ теченіе цѣлаго дня о Бейлисѣ не было произнесено ни одного слова. Теперь я буду сосредоточивать на немъ все вниманіе. Почему мы сидимъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ, почему намъ приходится выслушивать свѣтлыя науки, почему я говорю здѣсь 5 часовъ подрядъ? Потому что не хотять, чтобы Бейлисъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Хотять посадить невинныхъ лицъ, начиная отъ матери, тетки и дяди и кончая ничѣмъ неповинными ворами, которые совершали только кражу. Намъ кидаютъ упрекъ, что мы не произносимъ ни слова о Бейлисѣ. Кто совершилъ убійство. Бейлисъ принималъ участіе. Я не сказалъ, кто наносилъ удары, но что Бейлисъ дѣйствовалъ съ ними сообща, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Относительно мѣста, гдѣ совершено преступленіе, я лично считаю, что оно совершено не въ гофманской печи, такъ какъ тамъ могли остаться слѣды. Оно совершено въ томъ помѣщеніи, рядомъ съ конюшней, которое сгорѣло 10 октября, затри дня до того, какъ судебный слѣдователь поѣхалъ осматривать это помѣщеніе. Была осмотрѣна и квартира Бейлиса, но къ сожалѣнію слѣдственная власть не была поставлена въ извѣстность, что производится обыскъ.

ШВАЙКИ.

Мы знаемъ, какъ онъ обслѣдовалъ. Въ этомъ помѣщеніи осталась какъ будто спеціально для него швайка Берко Гулько. Берко Гулько ушелъ съ завода, и какъ вамъ извѣстно шорника, не было, и эту должность исполнялъ какой-то Горбатко, а затѣмъ въ апрѣлѣ снова появляется Берко Гулько и оставляетъ швайки, какъ будто нарочно для Красовскаго. Гг. присяжные засѣдатели, неужели вы не видите въ одномъ этомъ обстоятельстве ту же самую ловку. Очень возможно, что одной изъ шваекъ, принадлежащихъ Берко Гулько (можетъ быть онъ и былъ на заводѣ, нѣсколько свидѣтелей даже говорили, что помнятъ, что видѣли его на заводѣ, нѣко-

торые свидѣтели, напр. Панчукъ прямо говорилъ, что онъ принесъ ихъ въ мастерскую), одной изъ этихъ шваекъ было совершенно убійство Андриюши Юпинскаго. Но онъ ушелъ, эту швайку унесъ и, конечно, ее бросилъ, уничтожилъ, а принесъ совершенно новыя швайки, конечно, не участвующія въ этомъ преступленіи и оставилъ ихъ Красовскому. Красовскій посмотрѣлъ.—да, онѣ не могли служить орудіемъ преступленія. И разумѣется онъ не оставилъ бы ихъ, если бы онѣ были орудіемъ преступленія—это было бы наивно.

ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ.

А тотъ фактъ, что онъ уходитъ неизвѣстно для чего и приходитъ снова и что въ этомъ помѣщеніи существуетъ какое то помѣщеніе—контора, въ которой никто не живетъ и Ю. Прицкеръ выбрался со своими дѣтми, Берко Гулько не приходитъ, а можетъ быть и заходить на заводъ и затѣмъ работаетъ въ этой мастерской въ апрѣлѣ мѣсяцѣ русскій рабочий, все это даетъ мнѣ право сказать, что это помѣщеніе въ высшей степени подозрительное. Но этого мало. Когда арестованъ Бейлисъ, въ это помѣщеніе спѣшить перейти его жена и когда прибываетъ Красовскій, то помѣщеніе вымазывается краской, всѣ слѣды уничтожаются. Но этимъ не удовлетворяются. Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ 7 часовъ вечера, безъ всякаго видимаго основанія, огонь уничтожаетъ это помѣщеніе. Всѣ выбѣгаютъ, лошадей спасаютъ, ихъ выводятъ, тамъ никто не курилъ, пожаръ начался изнутри съ чердака. Слѣдствие не производилось—это обычное явленіе, извѣстное всѣмъ поджигателямъ, которые гуляютъ на свободѣ. Загорѣлось на чердакѣ, можетъ быть папирску кто нибудь бросилъ, но оказывается, никто туда не заходилъ. Нѣсколько свидѣтелей выражали сомнѣніе, говоря, что это былъ поджогъ. Я лично думаю, что сначала замазывали всѣ стѣны, а когда поселилась семья Бейлиса, все прятали, все уничтожали, всѣ слѣды сгладили.

ГЛИНА.

Такимъ образомъ я думаю, что когда Андриюшу потащили къ этой печкѣ, его легко можно было втолкнуть въ это помѣщеніе, рядомъ съ конюшней. Это находить себѣ подтвержденіе еще въ одномъ обстоятельстве. На курткѣ Андриюши была найде-

на глина, пропитанная кровью, следовательно, когда кровь была еще не сухая, кровь сочилась на куртку, куртка была сброшена на полъ, гдѣ была глина, было сыро, ходили по этому полу и куртка пропиталась кровью, и кровь впиталась въ эту глину. Когда производилось изслѣдованіе этой глины, то какъ разъ № 3 глины, взятой у крыльца этого помѣщенія, оказался очень схожей. Правда, въ томъ была приишь извести, но если взять на протяжении нѣсколькихъ аршинъ глину, то каждая глина отличается отъ другой глины. Глина имѣть такое свойство, а тутъ оказалась егъ разъ глина наиболѣе сходная съ глиной пропитавшейся кровью. Г.г. присяжные засѣдатели, не дають-ли это мнѣ право сказать, что именно тутъ или въ конюшнѣ, гдѣ не было лошадей, потому, что не было работы, или въ этомъ помѣщеніи было совершено убійство именно въ виду того, что на курткѣ оказалась глина пропитанная кровью.

ПСИХОЛОГІЯ ПРОКУРОРА.

Я лично думаю, что такія убійства по везашному умыслу совершаться не могутъ и вотъ почему. Я позволю себѣ обратиться къ наиболѣе важной части судебного слѣдствія. Я утомленъ, господа, я измученъ такъ, какъ никогда въ жизни не былъ измученъ. Если-бы вы могли проникнуться моей психологіей, если бы вы могли понять, что долженъ испытывать представитель государственнаго обвиненія, въ такомъ дѣлѣ, въ теченіе мѣсяца выдержавши борьбу, которую мнѣ пришлось вести, то вы поняли бы, что человѣкъ не можетъ оставаться спокойнымъ. Я сокращу свою рѣчь, но я не могу не остановить вашего вниманія на самомъ главномъ въ этомъ процессѣ. Если-бы этого главнаго не было, то можетъ быть и Бейлисъ не сидѣлъ бы на скамьѣ подсудимыхъ.

ЭКСПЕРТИЗА.

Это главное—экспертиза. Мы имѣли трехъ выдающихся экспертовъ, профессоровъ, пользующихся огромнымъ уваженіемъ, или вѣрнѣе двухъ, потому, что одинъ изъ нихъ покойникъ, это проф. Оболонскій, относительно котораго профессоръ не менѣе уважаемый, не менѣе извѣстный—Косоротовъ выразился, что это имя извѣстно всей Россіи. Проф. Оболонскій вмѣстѣ съ проф. Туфановымъ, производили вторич-

ное вскрытіе трупа Андруши Юшинскаго и между мнѣніемъ проф. Косоротова и мнѣніемъ проф. Оболонскаго никакихъ противорѣчій не оказалось, можетъ быть за многими деталями.

ПРОФ. СИКОРСКІЙ.

Но кромѣ этихъ профессоровъ выступилъ въ этомъ дѣлѣ не менѣе извѣстный своими научными трудами проф. Сикорскій. Я знаю, какіе громы обрушатся на этого профессора, не побоявшагося явиться, несмотря на свой преклонный возрастъ, несмотря на болѣзнь, несмотря на то, что ему было страшно тяжело, онъ нашель долгомъ явиться сюда и устно передъ нами подкрѣпить свое глубокое убѣжденіе, что это убійство дѣло рукъ изувѣровъ, преслѣдовавшихъ добычу крови и что такими изувѣрами были не кто иной, какъ евреи. Имя Сикорскаго дѣлается ненавистнымъ не только для Бейлиса, но можетъ быть для всего еврейства, которое, когда одинъ еврей обвиняется, защищаетъ его—все еврейство, чего мы не усматриваемъ среди ни одной національности. Что касается меня, сколько-бы во мнѣ нѣмецкой крови ни текло, если, напр., обвиняется нѣмецъ преступникъ это не значить, что я преступникъ: если русскій преступникъ—это не значить, что всѣ русскіе преступники. Стоитъ одному еврею обвиняться, такъ это касается всего еврейства. Если Сикорскому нужно было высказать свой взглядъ, онъ дѣлается ненавистникомъ всего еврейства. Человѣкъ этотъ ничего не ищетъ, онъ безкорыстенъ, его пригласили и онъ сказалъ, что думаетъ. Можетъ быть онъ сказалъ много лишняго, т. е. лишняго съ точки зрѣнія защиты, но для меня не было ничего лишняго. Это былъ взглядъ человѣка глубоко продумавшаго и глубоко изучившаго этотъ вопросъ, человѣкъ скорбящаго, человѣка, который не можетъ не возмущаться, потому что онъ человѣкъ, а не автоматъ, которому безразлично то, что дѣлается у него на родинѣ, которому все равно лишь-бы онъ былъ счастливъ и его домъ не трогали, а что дѣлается вокругъ, какая кровь проливается, какое отношеніе имѣютъ евреи къ этому вопросу,—ему все равно, лишь-бы я былъ цѣлъ и мой домъ. Нѣтъ, этотъ профессоръ явился сюда сказать, то, что онъ знаетъ. Но помимо этого профессора, высказался еще проф. Косоротовъ, человѣкъ высоко ученый и конечно

опытный. Я на нихъ еще остановлю ваше вниманіе для того, чтобы пояснить, какъ совершалось это убійство и кто могъ принимать въ немъ участіе, а теперь я коснусь тѣхъ экспертовъ, которые были вызваны защитой. Здѣсь были психіатры Бехтеревъ и проф. Карпинскій, мы слышали проф. Кадьяна, который давалъ очень осторожныя и вдумчивыя показанія, и очень интересныя. Со многими положеніями проф. Кадьяна я не согласенъ, тѣмъ болѣе что они расходятся съ мнѣніями другихъ профессоровъ. Все это были научныя авторитеты, дававшіе свои показанія, къ ихъ мнѣнію всѣ прислушивались съ большимъ вниманіемъ.

ЛЕЙБЪ-ХИРУРГЪ ПАВЛОВЪ.

Но одна экспертиза не прошла здѣсь незамѣченной и не могла не возбудить негодованія въ нѣкоторой части общества, не потому, что эта экспертиза клонилась явно въ пользу обвиняемаго, но она не представляетъ изъ себя съ моей точки зрѣнія...

Предс. Я прошу васъ не касаться.

Прокур. Я ничего и не касаюсь. Это экспертиза лейбъ-хирурга Павлова. Онъ началъ, прежде всего, съ того, что подвергъ критикѣ судебного слѣдователя, онъ во всемъ, вообще, сомнѣвался, ему предъявлялись фотографическіе снимки, а онъ говоритъ—нѣтъ, мнѣ нуженъ негативъ, всегда ему предъявляютъ дерево съ надписью, такъ г. экспертъ, которому совершенно безразлично это дерево, потому что его пригласили дать заключеніе по хирургіи, возбудитъ сомнѣніе,—можетъ быть, это слѣдовалъ самый обыкновенный садовникъ, а сказалось, что слѣдовалъ извѣстный ботаникъ. Однимъ словомъ, лейбъ-хирургъ Павловъ все подвергалъ критикѣ, даже и то, что его не касалось. Онъ представлялъ какого-то адвоката отъ хирургіи, а, во всякомъ случаѣ, не эксперта. Затѣмъ, проф. Павловъ нашелъ прежде всего, что никакихъ особенныхъ мученій у Андрюши Юпинскаго не было, что онъ самъ такой искусный хирургъ, онъ дѣлаетъ такія искусныя трепаначіи черепа, что больные даже не жалуются, но я не думаю, чтобы они не испытывали извѣстныхъ мученій. Затѣмъ проф. Павловъ разошелся положительно со всѣми по всѣмъ 25 пунктамъ, и когда его стали спрашивать—да, вѣдь, вы раньше соглашались по 14 пунктамъ, то

онъ сказалъ,—я могу имѣть сегодня одно мнѣніе, а завтра другое, я подумалъ и пришелъ къ другимъ выводамъ, къ другимъ заключеніямъ. И когда его спросили: „Какъ-же вы мнѣяете взгляды“?—онъ сказалъ: „И вы измѣните“. Это не могло не оскорбить гражданскаго истца. Не всѣ такъ охотно мнѣяютъ свое мнѣніе, особенно профессора, научныя авторитеты. Поэтому я имѣю право и смѣлость сказать проф. Павлову, украсившему свою грудь всевозможными орденами, когда другіе эксперты явились сюда въ скромныхъ сюртукахъ, хотя они такіе же дѣйствительные статскіе и тайные совѣтники, имѣютъ такіе-же знаки отличія, какъ и хирургъ Павловъ...

Предс. Это совершенно неумѣстно.

Прокур. Затѣмъ, я долженъ сказать, что по отношенію къ этой экспертизѣ Павлова одинъ изъ почтеннѣйшихъ защитниковъ сказалъ, что изъ всего того, что говорить Павловъ относительно отсутствія мученій у Андрюши Юпинскаго, это nonsense, по-русски это значить безсмыслица. Я думаю, что та характеристика, которая была дана проф. Кадьяномъ, совершенно правильна. Но довольно говорить объ этой экспертизѣ, я не могу спокойно относиться, вообще, ко всякаго рода уклоненіямъ отъ истины, здѣсь не было уклоненія отъ истины, но экспертиза на меня не произвела впечатлѣнія научной. Я думаю, что отцѣнку лейбъ-хирурга Павлова сдѣлаю не я одинъ, а общество.

УБИЙСТВО ПО СИКОРСКОМУ.

Я перейду къ экспертизѣ другихъ лицъ. Профессоръ Косоротовъ нашелъ, что лейбъ-хирургъ Павловъ хорошо знаетъ хирургію, какъ дѣлать операцію трепаначіи черепа, но въ дѣлѣ судебной медицины онъ ничего не знаетъ, тѣмъ болѣе, что его перестали спрашивать, не ожидая отъ него удовлетворительныхъ отвѣтовъ, потому что проф. Павловъ распространялся, главнымъ образомъ, въ критикѣ. Я перейду къ экспертизѣ Сикорскаго, Косоротова и Оболонскаго. Всѣ они приходятъ къ одному: убійцъ было не менѣе двухъ, а по мнѣнію проф. Сикорскаго ихъ было четверо, а скорѣе всего 5—6. Двое держали Андрюшу за руки, одинъ держалъ за голову, потому что тамъ остались слѣды ногтей, и загибалъ ему ротъ, а четвертый наносилъ удары. Но профессоръ Сикорскій говоритъ, что по его мнѣнію было больше убійцъ, потому

что нужно было обезпечить совершение этого убійства. Какъ совершенно это убійство? Гг. присяжные засѣдатели, возстаивать эту картину до такой степени тяжело, что я бы хотѣлъ пройти мимо. Но такъ какъ это главная основа, я мимо него пройти не могу. Мальчикъ Андрюша Юшинскій, совершенно не ожидавшій этого нападенія, втолкнутый, какъ говоритъ Сикорскій, въ это помѣщеніе, получилъ первый ударъ повидимому въ голову, черезъ фуражку въ которой онъ былъ. Говорятъ, что вѣжливость требуетъ снять фуражку, но когда человѣка втолкнуть, тутъ уже не о вѣжливости идетъ рѣчь. Ударъ былъ въ этотъ самый синусъ, ударъ швайкой, съотточеннымъ концомъ, нанесенъ въ этотъ синусъ. Мальчикъ долженъ былъ потерять сознание. По мнѣнію нѣкоторыхъ экспертовъ, пораненія были прижизненныя. Но проф. Косороговъ не склоняется какъ Сикорскій.—Нѣтъ. Мальчикъ сознания не потерялъ, потому что этотъ ударъ не проникъ въ глубину мозга, это случайный ударъ попавшій въ синусъ, хотя сознание не было потеряно. Затѣмъ начинается буквальное истязаніе. Истязаніе небывалое, такое, которое не совершается обыкновенными злодѣями, такого злодѣянія я не знаю. Послѣ этого удара въ голову мальчику наносятся удары въ другія мѣста, по головѣ удары проникли черезъ околышъ фуражки, изъ слѣдующихъ одинъ былъ въ лѣвый високъ съ котораго потекла кровь струей довольно большой. Послѣ этого, при жизни мальчика, онъ еще живой, сердце его бьется, ему наносятся 7 ранъ въ шею. Оттуда должна течь обильная кровь. Кровь по мнѣнію экспертовъ вытекаетъ (по словамъ Кадьяна), въ теченіе 5—6—7 минутъ, но по мнѣнію проф. Косорогова и проф. Сикорскаго, вся эта операція должна продолжаться 15—20—25 минутъ. Что же дѣлаютъ преступники въ это время нанеся эти удары въ голову, високъ, шею? Они ждутъ когда вытекаетъ кровь. они отдыхаютъ. Это невозможное предположеніе. Обыкновенно преступникъ, закалывающій свою жертву, спѣшить покончить, они не знаютъ ритуала, не знаютъ, что кровь нужна. Нѣтъ, протекаетъ значительное время и послѣ этого наносятся послѣдующіе удары, удары убойные, это ударъ въ печень, затѣмъ въ легкія, спину, въ подмышечную область и въ сердце. Ударъ послѣдній, мо-

жетъ быть при послѣднемъ издыханіи, при агоніи. Гг. присяжные засѣдатели, когда вы нарисуете себѣ эту картину, чувство негодованія не можетъ не закрасться въ сердце, если вы дѣйствительно люди съ сердцемъ. Объ этомъ спокойно говорить нельзя и Андрюша Юшинскій, хотя онъ давно не существуетъ, въ сущности онъ близокъ именно своимъ страданіями и когда г. экспертъ, одинъ изъ тѣхъ экспертовъ о которыхъ я говорилъ, упомянулъ объ Андрюшѣ Юшинскомъ „г. Юшинскій, этотъ молодой человѣкъ, ему нанесенъ какой то забавный уколъ, въ поясничную область“, то безъ чувства негодованія не могло быть встрѣчено такое заключеніе, потому что ни одинъ другой экспертъ не позволилъ бы себѣ такъ говорить о жертвѣ злодѣянія, а онъ говорилъ объ Юшинскомъ, что онъ дрыгалъ, что онъ никакихъ мученій не испытывалъ, что какъ будто это было для него сплошное удовольствіе. Андрюша Юшинскій подвергается злодѣями такой невѣроятной пыткѣ, мальчикъ, ребенокъ,—чувство вѣдь должно быть у эксперта, вѣдь онъ не только ученый, онъ человѣкъ. Вотъ почему я спокойно не могу говорить объ этой экспертизѣ. Преступленіе это длилось долго, преступленіе, по мнѣнію проф. Сикорскаго, было совершено людьми, планомерно, обдуманно, хладнокровно. Преступленіе было совершено человѣкомъ, можетъ быть, привыкшимъ и способнымъ къ убіенію скота. Здѣсь выяснялся вопросъ, знаетъ-ли убійца медицину и знакомы ли они съ анатоміей. По этому предмету проф. Кадьянъ сказалъ: они совершили это преступленіе грубо, но, вѣдь, и скопецъ, который совершаетъ преступленіе надъ своими жертвами, достигаетъ своей цѣли и эти преступники достигли своей цѣли, они обезкровили жертву, добыли кровь и проф. Сикорскій, Косороговъ, вмѣстѣ съ проф. Оболенскимъ настаиваютъ на томъ, что цѣлью преступленія было не мучительство, а цѣлью было добыть, какъ можно больше крови. Куда дѣлась эта кровь мы не знаемъ. Но если представить обыкновенныхъ убійцъ, зачѣмъ имъ нужна кровь, что: имъ нужно окровавлять себя, окрывать все помѣщеніе, гдѣ совершалось это ужасное дѣло. Мы должны задаться вопросомъ, что это преступленіе особенное, что въ этомъ преступленіи цѣль не только лишить

жизни мальчика, но и добыть кровь. После добытия крови, после глумления над телом мальчика мученика, ему связывают руки, несут в ту пещеру и оставляют его тоже странно: под ноги ему кладут кругом пояс, свертывают тетрадки и закладывают их над головой, из которых явствует, что это Андриша Юшинский. Они как-будто глумятся: „смотрите, мы совершили преступление, но мы не боимся, мы не будем на скамье подсудимых, нас никто не посмеет привлечь за это злодеяние; а вот вам христианин, вот 13-летний мальчик, загубленный нами, смотрите, вот наша власть, наша сила“.

ГЛАСНОСТЬ ВЪ ДѢЛѢ.

Г.г. присяжные заседатели, после такой экспертизы проф. Сикорского, после мнения проф. Оболонского, Косорогова и др. выдающихся профессоров, имѣете ли вы право не поставить это дѣло на судъ и не обвинять именно его или ихъ, потому что по предшествовавшимъ процессамъ мы знали о существованіи такого вида убійствъ. И разъ такая экспертиза была дана, разъ авторитетнѣйшіе ученые находили, что это дѣло рукъ евреевъ, еврейской мстительности, еврейской ненависти къ христианамъ, опредѣленныхъ изувѣровъ, не всего еврейства, развѣ мы могли пройти мимо этого дѣла, развѣ мы не должны были предать его гласности. Я думаю, что мы обязаны это сдѣлать и никто насъ за это не осудитъ, чѣмъ бы этотъ процессъ ни кончился. Я увѣренъ, я глубоко убѣжденъ, я вѣдь не знаю насколько я васъ убѣдилъ, очень возможно, что вы слушаете меня только по обязанности, потому что вы только присяжные заседатели, а не знаю тотъ приговоръ, который вы произнесете, — что процессъ долженъ быть гласнымъ и пусть насъ судятъ за этотъ процессъ, но мы обязаны были такъ сдѣлать, мы обязаны раскрыть все то, что раскрылось передъ нами и намъ никто въ упрекъ этого, я думаю, не поставитъ.

РИТУАЛЬНЫЯ УБИЙСТВА.

Сейчасъ я кончаю свою рѣчь и утомлю ваше вниманіе еще можетъ быть на полчаса. Я долженъ теперь остановиться на этомъ печальномъ и тяжеломъ для еврейства вопросѣ, не неизбѣжномъ въ этомъ процессѣ, вопросѣ о такъ-называемыхъ ри-

туальныхъ убійствахъ, вопросѣ объ убійствахъ, совершаемыхъ евреями по отношенію къ христианскимъ дѣтямъ, для добычя крови, для тѣхъ или иныхъ цѣлей. Мнѣ будетъ несомнѣнно тяжело это говорить, потому что, если бы я самъ былъ еврей, если бы я такъ горячо принималъ къ сердцу, какъ, повидимому, принимаетъ это все еврейство, а это несомнѣнно такъ, иначе процессъ былъ бы не мировой, — то разумѣется, выслушивать, хотя бы и отъ представителя государственнаго обвиненія, по этому предмету разные взгляды, выслушивать взгляды непріятные, въ высокой степени тяжело, но моя обязанность такова и я думаю, что былъ бы пробѣлъ въ слѣдствіи, если бы мы не коснулись этого вопроса. Разрѣшать этотъ вѣковой вопросъ, который тянется испоконъ вѣковъ, разрѣшить его трудно, его не желаютъ разрѣшить сами евреи, но освѣтить его хотя бы немного, показать въ какомъ видѣ можетъ быть этотъ вопросъ освѣщенъ — намъ необходимо. Въ окончательной части своей рѣчи я остановлюсь на этомъ, такъ-называемомъ догматѣ крови. Теперь я прошу сдѣлать перерывъ.

Послѣ небольшого перерыва прокуроръ продолжаетъ:

ОБВИНЕНІЕ БЕЙЛИСА.

Г.г. прис. засѣд., въ чемъ обвиняется Мендель Тевіевъ Бейлисъ? Обвинительный пунктъ гласитъ такъ (я его позволю себѣ возстановить). Онъ обвиняется въ томъ, что по предварительному соглашенію съ другими необнаруженными слѣдствіемъ лицами, съ обдуманнѣмъ заранее намѣреніемъ, изъ побужденій религіознаго изувѣрства, для обрядовыхъ цѣлей лишить жизни мальчика Андрея Юпинскаго, 12 лѣтъ, 12 марта 1911 года, въ городѣ Киевѣ, въ расположенной по Верхне-Юрковской улицѣ усадьбѣ кирпичнаго завода Зайцева, схватилъ играващаго тамъ съ другими дѣтьми названнаго Юпинскаго и увлекъ его въ помѣщеніе завода, гдѣ затѣмъ сообщники его, Бейлиса, съ вѣдомъ его и согласія, связавъ Юпинскому руки и зажимая ему ротъ, умертвили его, нанеся ему колющимъ орудіемъ 47 ранъ на головѣ, шеѣ и туловищѣ, причинивъ пораненіе мозговой вены, шейныхъ венъ и артерій у лѣваго виска, а также пораненія твердой мозговой оболочки, печени, правой

почки, легких и сердца, каковыя поврежденія, сопровождаясь тяжкими и продолжительными страданіями, вызвали почти полное обезкровленіе тѣла Юпинскаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13 и 2 п. 1,453 ст. улож. о наказ.

ОБЕЗКРОВЛЕНІЕ.

Что касается фактическихъ признаковъ этого преступленія, то здѣсь едва-ли можетъ возникнуть какой-либо споръ, 47 ранъ нанесено, онъ на-лицо, обезкровленіе тѣла мальчика несомнѣнно имѣло мѣсто, хотя эксперты по этому предмету имѣли разногласіе, но оно настолько несущественно, что на немъ останавливаться я не намѣренъ. Экспертъ проф. Оболонскій нашель, что изъ мальчика вытекло пять съ половиной стакановъ крови, т. е. почти двѣ трети всей крови, находившейся въ тѣлѣ. Къ этому мнѣнію присоединился и проф. Сикорскій, и проф. Косоротовъ, но другіе эксперты находятъ, что это уже не такъ много. Въ сущности особеннаго значенія не имѣетъ, какое количество крови, но количество крови было добыто, и мальчикъ былъ обезкровленъ.

МУЧИТЕЛЬСТВО.

Загѣмъ по вопросу о томъ, что эти мученія сопровождались мучительствомъ. Если исключить показаніе проф. Павлова, который заявилъ, что онъ пріѣхалъ сюда, чтобы раскрыть здѣсь истину и удивлялся, для чего его тянутъ сюда какъ хирурга—очевидно, тянутъ его для раскрытія истины,—то всѣ эксперты признали, что мучительство имѣло мѣсто. Можетъ быть, специфическихъ мученій и не было, потому что мальчикъ могъ терять сознаніе, и тогда нанесеніе остальныхъ ранъ при такомъ состояніи не было для него особенно чувствительнымъ. Въ этомъ отношеніи экспертъ Павловъ нашель возможнымъ сравнить несчастнаго мальчика съ тѣмъ человѣкомъ, который идетъ въ битву и въ пылу сраженія не замѣчаетъ боли отъ нанесенныхъ ранъ, кровь льется у него, а ему кажется, что онъ совершенно не раненъ. Параллель между воинствомъ и мальчикомъ, застигнутымъ врасплохъ, внезапно попавшимъ въ засаду, провести нельзя, она неудачна. Вотъ почему, по моему мнѣнію, экспертиза проф. Сикорскаго является гораздо болѣе достовѣрною. Онъ говоритъ, что мальчикъ отъ страха

потерялъ волю, онъ сдѣлался тихимъ, послушнымъ, онъ чувствовалъ безнадежность своего положенія: злодѣи нанесли раны, значить, далѣе пойдетъ истязаніе. Этотъ мальчикъ, по мнѣнію проф. Сикорскаго, кажется, если не ошибаюсь, къ этому присоединился и проф. Кадьянъ, покорно отдался въ руки злодѣевъ подъ ножъ: только бы поскорѣе это кончилось, рѣжьте меня, только кончите мои мученія. Сознаніе этой полной безнадежности подкрѣпляется проф. Сикорскимъ. Останавливаясь на этихъ истязаніяхъ и обезкровленіи нужно сказать, что это имѣетъ особое значеніе. Дѣло въ томъ, что главный пунктъ обвиненій заключается въ томъ, что лица изъ побужденія религіознаго изувѣрства для обрядовыхъ цѣлей совершили убійство. Защища съ своей стороны будетъ настаивать, чтобы этотъ признакъ былъ исключенъ. Дѣйствительно нашъ законъ изувѣрскихъ преступленій не знаетъ. Это специфическія преступленія. Можетъ быть, они совершаются и русскими сектами съ какими-либо цѣлями, но я этого не знаю. Но такія секты, которыя выгачивали-бы кровь, существуютъ у другихъ народовъ и у евреевъ въ особенности, въ послѣднемъ, съ моей точки зрѣнія, сомнѣваться не приходится. Конечно, защита будетъ возражать, что такихъ убійствъ въ законѣ не существуетъ, что существуютъ убійства посредствомъ истязанія, съ цѣлью грабежа и т. д. Да, такого убійства въ законѣ нѣтъ.

СЛѢДСТВІЕ МАШКЕВИЧА.

Гг. присяжные засѣдатели, прежде всего,—что представляетъ изъ себя обвиняемый? Отчего о немъ очень мало было сказано во всемъ процессѣ? Я сейчасъ буду имѣть честь указать, чья это вина. Судебное слѣдствіе очень мало добыло свѣдѣній о Бейлисъ и всѣ свѣдѣнія, которыя пролили свѣтъ на эту личность, добыты судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ Машкевичемъ. Я все время обращаю вниманіе на этого судебного слѣдователя, потому что откровенно и прямо заявляю здѣсь, что дополнительное слѣдствіе раскрыло много подробностей, которыя въ этомъ дѣлѣ освѣтили, подтвердили его во всѣхъ отношеніяхъ и создалось еще болѣе убѣжденіе въ томъ,—хотя я въ этомъ былъ и ранѣе убѣжденъ,—что въ этомъ

дѣлъ не обошлось безъ участія Бейлиса.

ПЕЧЕНИЕ МАЦЫ.

Что такое мы знаемъ о Бейлисѣ? Мы знаемъ, что у него есть братъ Аронъ. Онъ рассказываетъ, что отецъ у нихъ былъ человѣкъ набожный, ѣздилъ къ цадикамъ, а мы знаемъ, что такое цадики. Я никогда не занимался исторіей еврейства, въ чертѣ еврейской осѣдлости никогда не жилъ и собственно объ евреяхъ,—я долженъ соизнаться въ своемъ невѣжествѣ, — узналъ только тогда, когда долженъ былъ знакомиться съ этимъ дѣломъ. Со всѣми ветхозавѣтными священными книгами я былъ совершенно незнакомъ, мнѣ пришлось впервые съ ними знакомиться. Бейлисъ, по словамъ его брата Арона, былъ не настолько набоженъ, какъ ихъ отецъ. Другіе по крайней мѣрѣ, свидѣтели говорили о немъ, что онъ даже не соблюдалъ субботы, такъ какъ писалъ квитанціи, но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что Бейлисъ пользуется большимъ уваженіемъ старика Зайцева, Бейлису старикъ Зайцевъ поручалъ печь мацу, т. е. пасхальные опрѣсоки. Печеніе мацы производилось специально въ имѣніи, Григоровка, Зайцева. Зайцевъ несомнѣнно былъ религиозный человѣкъ, онъ былъ хасидъ, какъ удостоверялъ намъ здѣсь тотъ-же Аронъ Бейлисъ. Я полагаю, что, если старикъ Зайцевъ, который относился къ мацѣ, какъ къ священной пицѣ, поручалъ печь мацу Бейлису, слѣдовательно, онъ избралъ его, какъ человѣка набожнаго и религиознаго, потому что печеніе мацы обставлено извѣстнымъ ритуаломъ. Мы слышали отъ самого Менделя Бейлиса, что при этомъ печеніи присутствуетъ раввинъ, затѣмъ еще какой-то родственникъ Зайцева и самъ Мендель Бейлисъ. Сыновья Зайцева, представшіе передъ нами, или его ближайшіе прѣпотки, Борухъ Зайцевъ и другой Зайцевъ, я забылъ его имя, повидимому, относятся къ мацѣ не такъ, какъ старикъ, но вѣдь и вообще молодежь не такъ религіозна, какъ старые люди. По словамъ одного изъ этихъ Зайцевыхъ оказывается, что старикъ отецъ относился къ мацѣ, какъ къ соленнымъ огурцамъ. Думаю, что это было оскорбительно для памяти старика и что такъ онъ не относился. Можетъ быть, современные Зайцевы такъ и относятся или, быть можетъ, не желаютъ показать своей религіозности по

тѣмъ или инымъ соображеніямъ, что, между прочимъ, возмутило одного изъ защитниковъ, къ чему я впрочемъ вполне присоединяюсь, потому что, если религіозенъ, то и говори, что религіозенъ, а если не религіозенъ, то умалчивай о томъ, вѣришь или не вѣришь. Но такъ или иначе Зайцевы нашли возможнымъ высказаться въ томъ отношеніи, что отецъ былъ религіозенъ, но одѣлялъ мацой такъ-же, какъ огурцами и фруктами. А когда я спросилъ, гдѣ вы покупаете мацу, онъ отвѣтилъ, что вѣроятно жена покупаетъ на Подолѣ, и вообще не придавалъ большого значенія этому. Я думаю, что старикъ Зайцевъ относился ко всѣмъ не такъ, иначе онъ не пекъ бы мацу при посредствѣ Бейлиса въ своемъ имѣніи Григоровка. Кромѣ того, мы знаемъ отъ свидѣтельницы Маслашъ, которая слышала отъ Бейлиса, что онъ пекъ мацу и это печеніе продолжалось до 1907 года.

СЛЕЗЫ БЕЙЛИСА.

Весьма возможно, что Мендель Бейлисъ отличный семьянинъ, очень добродѣтельный человѣкъ, исправный, какъ и всякій еврей, работникъ, живетъ въ скромной обстановкѣ, человѣкъ несомнѣнно религіозный. Но развѣ это мѣшаетъ совершенно преступленію, развѣ Мендель Бейлисъ съ его точки зрѣнія, совершилъ преступленіе? Отнюдь нѣтъ, изувѣры преступленій не совершаютъ, они смотрятъ на себя, какъ на героев, какъ на искупительную жертву. Единовѣрцы смотрятъ на него, какъ на человѣка извѣстнаго всему міру, даже дѣло называется не дѣломъ объ убійствѣ Юшинскаго, а называется „дѣломъ Бейлиса“. Слѣдовательно, онъ имѣетъ право. На вопросъ предсѣдателя, кто онъ такой, онъ отвѣчалъ торжественно—я еврей. И въ его тонѣ чувствовалось то-же самое, что чувствовалось въ интонаціи Марголина, когда тотъ сказалъ—„Я еврей, этого не скрываю и не хочу скрывать“. Но Марголинъ это сказалъ по другимъ соображеніямъ, а у Бейлиса, мнѣ кажется, это чувствовалось въ силу того, что онъ былъ убѣжденъ въ своей невинности, что онъ совершилъ ботоугодное дѣло. Я-то, конечно, убѣжденъ въ его виновности, иначе не обвинялъ бы его, но Бейлисъ считаетъ, что по лжетолкованію, онъ сдѣлалъ то, что нужно, онъ совершилъ закланіе жертвы. Отчего-же ему волноваться?

Правда, я долженъ сказать въ его за-
щиту, было нѣсколько моментовъ, когда
онъ плакалъ, это былъ моментъ, когда
явился Эттингеръ, ближайшій родствен-
никъ Зайцева, который десять лѣтъ не
былъ въ Кіевѣ и живетъ въ Австріи. Онъ
докторъ химіи, появился здѣсь въ дека-
брѣ мѣсяцѣ, якобы выбылъ въ январѣ,
представилъ даже заграничный паспортъ
и въ подворной книгѣ былъ прописанъ
проживающимъ съ 20 по 23, хотя дѣй-
ствительно проживалъ около мѣсяца, а
свидѣтель Миллеръ, который дѣлалъ за-
писи, помнить, что въ мартѣ мѣсяцѣ Эт-
тингеръ выбылъ изъ Кіева. Я не знаю,
зачѣмъ онъ пріѣзжалъ сюда, какое значе-
ніе имѣеть въ этомъ дѣлѣ его пріѣздъ, но
свидѣтели на предварительномъ слѣдствіи
и здѣсь показываютъ, что ходятъ толки,
что онъ былъ прописанъ въ участкѣ по Ки-
рилловской улицѣ и что все его появленіе
связано съ этимъ дѣломъ; затѣмъ, вопросъ
о выбытіи его точно также остался не-
выясненнымъ, и хотя онъ предъявилъ
намъ паспортъ, но мы знаемъ, что и съ
чужими паспортами проѣзжаютъ границу.
Такъ или иначе, но во время его допроса
Бейлисъ зарыдалъ. Можетъ быть, мнѣ ска-
жутъ—мало-ли почему онъ зарыдалъ, ры-
дають и на другихъ процессахъ, но тѣмъ
не менѣе, почему-же не обратить вниманія
на то, что не ускользнуло отъ меня.

Второй моментъ былъ, когда Бейлисъ
обратилъ на себя мое вниманіе, это когда
профессоръ Кадьянъ, съ точностью чело-
вѣка, предававшася научной дѣятельно-
сти, описывалъ картину преступленія, ко-
гда рассказывалъ, какъ ударъ былъ снача-
ла нанесенъ въ високъ, въ то время, когда
была надѣта фуражка, затѣмъ въ голову,
затѣмъ. Андруша склонился и послѣ этого
ему стали наносить 13 загадочныхъ ранъ,
и т. д. Послѣ того, что мы слышали, по-
слѣ той крови, которая красной нитью про-
ходитъ черезъ весь процессъ, мы уже не
волновались, мы уже привыкли къ тому,
что черепъ маленькаго мальчика, трупъ
котораго находится въ могилѣ, переходить
изъ рукъ въ руки, мы смотрѣли, мы демон-
стрировали и не задумывались о томъ, что
онъ принадлежитъ мученику. Но въ тотъ
моментъ, когда проф. Кадьянъ описалъ эту
картину, Бейлисъ не выдержалъ, поблѣд-
нѣлъ и ему сдѣлалось дурно. Это фактъ,
прошедшій передъ нами. Я не буду больше

останавливаться на характеристикѣ Бей-
лиса и его поведеніи въ этомъ процессѣ,
но тѣмъ не менѣе, когда обвиняемый не
сознается и не желаетъ, разумѣется, со-
знаться, то приходится отмѣчать тѣ или
иныя явленія, которыя мы видимъ.

Я повторяю, что этотъ человѣкъ можетъ
быть во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ,
можетъ быть хорошимъ семьяниномъ, мо-
жетъ очень любить мать и отца, и всетаки
можетъ совершать преступленія. Мы зна-
емъ, что нѣкоторые злодѣи страшно любятъ
своихъ дѣтей. Я могу быть порядочнымъ
человѣкомъ и быть суевѣрнымъ, вѣрить въ
13-ое число, такъ что одно другому не мѣ-
шаетъ. Та позиція, которую занимаетъ
тутъ Бейлисъ, его спокойствіе, кромѣ
исключительныхъ моментовъ, о которыхъ
я говорилъ, доказываетъ, что передъ на-
ми.—я, конечно, защищаю свою точку
зрѣнія,—сидитъ фанатикъ, изувѣръ, вѣ-
рившій въ справедливость того дѣянія, ко-
торое онъ совершилъ и иного поведенія
отъ него ожидать невозможно.

ПРОЦЕССЪ ГЮЛЬЗНЕРА.

Господа присяжные засѣдатели, я пе-
рейду теперь къ тому вопросу, котораго
такъ или иначе долженъ коснуться, къ во-
просу о томъ, существуютъ-ли какія-нибудь
секты, допускающія употребленіе крови,
какія это секты и если нѣтъ секты, то су-
ществуютъ-ли отдѣльные изувѣры, которые
могутъ совершать преступленія. Можетъ
быть, слѣдственной власти совсѣмъ не
слѣдовало бы даже касаться этого вопроса,
настолько этотъ вопросъ труденъ, сложенъ
и, можетъ быть, даже неразрѣшимъ. Попро-
шедшимъ дѣламъ, хотя бы по саратовско-
му и по цѣлому ряду процессовъ, которые
велись за границей, по такимъ-же, соб-
ственно, обвиненіямъ евреевъ въ лобыва-
ніи крови, видно, что обрядовыя пѣли
какъ бы исключаются, поеднолагалось
только, что они истязаютъ тѣмъ или инымъ
путемъ дѣтей, путемъ обрѣзанія, и т. д., а
мотивы, которые руководили ими, остава-
лись, какъ бы неясными. И только въ по-
слѣднее время въ Германіи.—я имѣю пра-
во это говорить, потому что это прошло на
слѣдствіи, — сравнительно недавно, въ
1899 году, въ Богеміи, еврей Гюльзнеръ
обвинялся въ убійствѣ Агнесы Груши,
какъ разъ въ томъ-же самомъ преступле-
ніи, въ которомъ обвиняли Бейлиса, въ
ритуальномъ, причѣмъ, присяжные засѣда-

тели вынесли обвинительный вердиктъ и ритуаль признали. Правда, это дѣло восходило въ сенатъ, высшее учрежденіе, было затѣмъ кассировано и въ слѣдующій разъ ритуаль былъ исключенъ, но Гюльперъ былъ снова обвиненъ въ этомъ убійствѣ съ тѣми-же обстоятельствами и приговоренъ къ смертной казни. Но смертная казнь была замѣнена каторжными работами.

РОССІЯ И ЗАГРАНИЦА.

Я на это обращаю ваше вниманіе, потому что обыкновенно на нашу Россію ссылаются заграничныя газеты, не всѣ, конечно, а нѣкоторыя, какъ на страну варварскую, гдѣ допускаются подобныя обвиненія, гдѣ допускаются жестокіе, кровавые навіты. Россія—это страна насилія. Но вотъ, оказывается, и за границей происходятъ такія-же преступленія и ставятся такія-же обвиненія. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія нападки на Россію представляются съ моей точки зрѣнія неправильными и неосновательными. На это я указываю потому, что обыкновенно отрицаютъ существованіе такихъ процессовъ за границей, а вотъ, въ 1899 г., именно такой процессъ былъ.

УПОТРЕБЛЕНІЕ КРОВИ.

Вопросъ о томъ, употребляется ли евреями кровь христіанскихъ младенцевъ и для какой цѣли, вопросъ этотъ, какъ я уже сказалъ, нѣсколько вѣковъ занимаетъ человечество, и не только Россію, но и западную Европу. Начиная съ XII вѣка появляются эти преступленія, причемъ, какъ отмѣтилъ проф. Сикорскій, съ которымъ я совершенно согласенъ, насколько изучалъ этотъ вопросъ и насколько мнѣ это извѣстно изъ мнѣнія экспертовъ, они совершаются единообразно. Правда, время года выбирается не всегда передъ Пасхой, но въ большинствѣ случаевъ въ это время выбираются обыкновенно младенцы 4—6—13 лѣтъ; бываютъ преступленія съ болѣе взрослыми, но это гораздо рѣже, затѣмъ закалываютъ жертву, наносятъ много уколовъ, вытаскиваютъ кровь; идетъ рѣчь о томъ, что эта кровь куда-то поступаетъ, кто-то приобретаетъ для какихъ-то надобностей, затѣмъ трупъ не погребается, его находятъ брошеннымъ, но такъ, что всякій можетъ скоро найти; происходятъ эти убійства всегда въ той

средѣ, гдѣ живетъ еврейство, причемъ еврейскіе мальчики никогда не дѣлаются жертвами этого рода преступленій. Вотъ всѣ эти данныя наводили всегда на мысль, что евреи къ этимъ преступленіямъ причастны. О процессахъ, которые велись и кончались обвинительными вердиктами, я скажу послѣдствіи. Но несмотря на то, что они кончались обвиненіями и казалось-бы что этотъ вопросъ долженъ считаться давнымъ давно разрѣшеннымъ, онъ все-таки и по сіе время остается вопросомъ. Я увѣренъ, что даже и послѣ этого приговора, если вы вынесете обвинительный приговоръ Бейлису, если вы признаете, что это ритуальное убійство, все равно это останется вопросомъ и евреи опять будутъ говорить, это этотъ судъ ничего не доказываетъ, что все это не такъ и пройдутъ годы, а вопросъ все будетъ вопросомъ и очевидно, никогда не разрѣшится.

СЕКТЫ У ЕВРЕЕВЪ.

Евреи не желаютъ раскрыть, — я не скажу секты, такъ какъ не знаю, существуетъ ли подобная секта, — но евреи не желаютъ придти на помощь правительству. Я думаю, что если бы среди православныхъ, католиковъ или лютеранъ существовали-бы какія-либо секты изуверовъ, то вы всѣ не только-бы не защищали ихъ, но старались-бы придти на помощь въ раскрытіи этихъ изуверовъ, чтобы покончить съ ними. Ничего подобного здѣсь не происходитъ: евреи не только не стараются помочь, а принимаютъ всѣ мѣры, чтобы не допустить раскрытія этихъ тайныхъ сектъ. Г. присяжные засѣдатели, я ихъ не виню, не виню потому, что они можетъ быть, боятся, что когда хоть одинъ изуверъ будетъ изобличенъ, то можетъ быть это коснется всего еврейства. И безъ того много накопилось противъ нихъ негодованій по тѣмъ или другимъ даннымъ, и вотъ они можетъ быть боятся. Но эта боязнь какая-то странная для меня, какаютъ загадочная. Неужели оттого, что будетъ изобличенъ изуверъ, это коснется всего еврейскаго народа. Вѣдь русскій народъ милостивъ и великодушенъ — онъ жестокъ только во время бунта; да, тогда онъ готовъ совершить какое угодно преступленіе, его надо удерживать. Я имѣю право это говорить, потому что я самъ не русскій, но родился въ Россіи, какъ и мой отецъ, я

любилъ свою родину и могу сказать, что болѣе великодушнаго, довѣрчиваго и милостиваго народа, какъ русскій, трудно найти. Казалось-бы, если эти изувѣры существуютъ, то выдайте ихъ. Евреи говорятъ, что они живутъ подъ стекляннымъ колпакомъ и ми видимъ, какъ они живутъ, такъ почему же такой кровавый навѣтъ на нихъ. Позвольте, противъ каждаго изувѣра можетъ быть такой навѣтъ, разъ онъ совершаетъ такія преступленія. А относительно стекляннаго колпака — простите, мы не знаемъ, какъ евреи живутъ, у нихъ свой особый міръ, въ который они очень неохотно посвящаютъ, у нихъ своя обособленная исторія.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ЖЕРТВЫ.

И вотъ, изучая вопросъ о ритуальныхъ убійствахъ, я прихожу къ слѣдующему. Мы вовсе не судили еврейскую религію, потому что мы отлично знаемъ, что религія ихъ въ извѣстной части религіи наша. Ветхій Завѣтъ и Библия, это наши священные книги, только Новый Завѣтъ не признается ими. Эта связь безусловно существуетъ, и я не думаю, чтобы въ Библии находились точныя указанія на то, что человѣческія жертвы вообще допускаются. Но я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на тѣхъ священныхъ еврейскихъ книгахъ, которыя вытекали изъ нихъ. Гг. присяжные засѣдатели, здѣсь была произведена сложная экспертиза, мы выслушали очень интересныя лекціи и многому, если хотите, здѣсь научились, и весьма интересному, хотя и неизмѣющему близкаго отношенія къ дѣлу. Но мы хотѣли такъ или иначе освѣтить этотъ вопросъ, мы хотѣли уяснить себѣ, въ чемъ заключаются эти священные книги, и возможно-ли для правовѣрнаго еврея изъ текстовъ этихъ книгъ, изъ того или иного толкованія ихъ, вывести заключеніе, что человѣческое жертвоприношеніе угодно Богу. Если мы обратимся къ Библии, то какъ это ни странно, мы увидимъ, что тамъ кровавыя жертвы проходятъ красной нитью черезъ всю Библию. Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву своего первенца Исаака. Очевидно, что эта жертва считалась угодною Богу. Правда, это толкуется такъ, что Богъ хотѣлъ испытать вѣру Авраама, но такъ или иначе, онъ хотѣлъ заколотъ своего сына, и былъ остановленъ рукою Бога. Затѣмъ относительно кровавыхъ жертвъ, во всей Библии мы по-

стоянно встрѣчаемъ уклоненіе евреевъ отъ ихъ закона, они приносятъ въ жертву своихъ дѣтей богу Молоху, уклоняясь отъ заповѣдей Моисея. Гг. присяжные засѣдатели, я прошу запомнить, что человѣческія жертвы замѣнены были, ввиду гуманности почти у всѣхъ народовъ, жертвами животныхъ—невинныхъ агнцевъ. Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія древнихъ людей, кровь есть душа жизни, на крови все построено, отъ крови, отъ кровавой жертвы очищаются всѣ грѣхи и по вѣрованію евреевъ, по мнѣнію одного профессора, человѣкъ долженъ былъ самъ себя приносить въ жертву Богу, если онъ нарушитъ завѣтъ. Но, такъ какъ приносить себя въ жертву и закалывать было непріятно, то предполагалось, что этотъ грѣхъ будетъ искупленъ принесеніемъ въ жертву невиннаго агнца. Но въ основѣ этого лежитъ несомнѣнно человѣческое жертвоприношеніе.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ ЖИВОТНЫХЪ.

Затѣмъ стали приносить въ жертву агнцевъ при особомъ ритуалѣ: его закалывали, кровь выливали на жертвенникъ, отсюда затѣмъ пасхальный агнецъ, который съѣдался, другіе агнцы продавались. Вы знаете, что въ 70 году послѣ Рождества Христова былъ разрушенъ Иерусалимскій храмъ, а жертвы евреи приносили только въ Иерусалимскомъ храмѣ. И вотъ, послѣ того, какъ онъ былъ разрушенъ, кровавыя жертвы животныхъ не могли быть приносимы, потому что жертвъ безъ храма по религіи евреевъ не могло быть Гг. присяжные засѣдатели, возьмите обыкновеннаго правовѣрнаго еврея, который вѣритъ, что кровавыя жертвы искупаютъ его грѣхи и что кровавыя жертвы главный культъ его религіи, могъ-ли онъ примириться съ разрушеніемъ храма, что было сдѣлано римлянами, принявшими впоследствии христіанство, могъ-ли онъ примириться съ тѣмъ, что кровавыя жертвы прекратились. Я думаю, что фанатикъ еврей, хотя въ Талмудѣ жертвы замѣнены дѣлами благотворенія въ милости, съ этимъ положеніемъ не мирился. Во-второмъ вѣкѣ нѣкій Ребби Исаакъ, — о немъ я узналъ тутъ впервые, — сказалъ, что онъ слышалъ, что жертвы приносятся, когда храма нѣтъ, и возліанія совершаются, хотя жертвенникъ разрушенъ. Отсюда мы можемъ сдѣлать выводъ, что жертвы и послѣ раз-

рушенія Іерусалимскаго храма приносились и возліянія совершались. Но мнѣ могутъ сдѣлать возраженіе, что послѣ разрушенія Іерусалимскаго храма такихъ убійствъ не было и они начались только съ 12 вѣка. Убійства были, но рѣдко, потому, что ненависть къ христіанамъ была сильнѣе, чѣмъ къ евреямъ и къ христіанамъ въ то время предьявлялись обвиненія въ употребленіи крови, но это исторія темная и не мѣсто здѣсь раскрывать.

КНИГА ЗОГАРЬ.

Но вотъ обстоятельство, на которое я прошу васъ обратить вниманіе. Въ 12 вѣкѣ, въ 1200 г., когда начались крестовые походы, одновременно съ ними появилась у евреевъ священная книга Зогарь. Я не буду утомлять вашего вниманія и скажу о ней только въ двухъ словахъ. Мы знаемъ, что кромѣ Библии, у евреевъ есть Талмудъ, который былъ законченъ въ VI вѣкѣ. По мнѣнію одного изъ профессоровъ это есть море, гдѣ можно найти все, также можно въ немъ найти и ненавистныя формы противъ христіанъ: „лучшаго изъ гоевъ умертви“, „гой, изучающій законъ, повиненъ смерти“. Тамъ можно найти какъ нужно колоть, чтобы добыть кровь, какимъ способомъ добывать кровь, если прокалывать сосуды, а если нужно рѣзать по способу „Шехита“, то нужно кровь покрывать, потому что они не могутъ видѣть крови, однимъ словомъ, тамъ можно найти все, включая и употребленіе крови по мнѣнію эксп. Тихомірова, въ чемъ онъ совершенно расходится съ эксп. Мазе, который говоритъ, что этого найти нельзя. Въ XIII вѣкѣ появляется Зогарь, священная книга. Тутъ много говорилось о кабалистикѣ и мистическомъ ученіи, о томъ основномъ теоретическомъ ученіи чисель, на основаніи которыхъ они выводятъ Библию, т. е., изъ буквъ Библии дѣлаютъ числа и сопоставляя эти числа догадываются о внутреннемъ смыслѣ Библии. Зогарь основанъ на этой кабалистикѣ. Онъ появляется впервые въ XIII вѣкѣ. Тамъ есть значительные тексты, которые служатъ предметомъ спора, занявшаго у насъ много времени, относительно 13 уколовъ, или вѣрнѣе о томъ, что 12 испытаній ножа и ножомъ заклать жертву, причемъ такое закланіе жертвы проводится параллельно со смертью „амгаарець“; затѣмъ возникъ споръ относительно того, какъ пони-

мать слово „амгаарець“, одни говорили, что это значить „не-еврей“, другіе, что это значить еврей „невѣжда“, одни говорятъ, что тутъ говорится о смерти, другіе—о бѣдности, однимъ словомъ, эти тексты вызываютъ разныя сомнѣнія, толкуется такъ или иначе. А такъ какъ число 13 играетъ большую роль въ данномъ дѣлѣ, ибо у Андруши на правомъ вискѣ выдолблено было 13 уколовъ, противъ чего защита протестовала, говоря, что не 13, а 14 или 12, а большинство экспертовъ склонилось къ тому, что на фотографии ясно видно 13 уколовъ и только одинъ уколъ можетъ считаться спорнымъ, то естественно, что этотъ текстъ Зогара, гдѣ говорится о закланіи животныхъ и сравнивается со смертью „амгаареца“, какъ это толкуетъ патеръ Пранайтисъ, вызывалъ большое вниманіе, тѣмъ болѣе, что на него обратилъ вниманіе и патеръ Пранайтисъ, о немъ было много споровъ и этотъ вопросъ остался открытымъ. Но для меня важно, что Зогарь, основанный на кабалистикѣ, появляется въ XIII вѣкѣ и, что съ этого вѣка эти преступленія не сходятъ съ страницъ исторіи. Много объ этомъ написано, много процессовъ приводится, правда, процессовъ съ пытками, но несомнѣнно, что подъ пытками это подтверждалось, но для насъ важнѣе, что со времени появленія книги Зогара начинаютъ появляться эти преступленія. Можетъ быть, дѣйствительно, изъ того или иного толкованія его текстовъ изувѣры прибѣгаютъ къ человѣческимъ жертвамъ,—можетъ быть, я не знаю, но для меня важно, что это движеніе, это кабалистическое ученіе начинается съ этого времени. Равинъ Мазе, который не раздѣляетъ хасидскаго вѣроученія, доказываетъ, что къ Зогару всѣ евреи относились съ большой неприязнью, евреи находили, что изучать Зогарь не слѣдуетъ ранѣе 30 лѣтъ, потому что онъ заключаетъ въ себѣ много вреднаго. Да, онъ вредный, потому что изъ него тѣ или другія лица выводили то или другое ученіе.

ХАСИДИЗМЪ.

Я не буду говорить, что вслѣдъ за движеніемъ, вызваннымъ этой книгой, явился сначала Лжемессія, затѣмъ явился Франкъ и его послѣдователи франкисты, франкисты обвиняли послѣдователей Талмуда въ томъ, что они употребляютъ кровь младенцевъ; объ этомъ былъ диспутъ во Львовѣ,

причем талмудисты были побѣждены, т. е. было доказано, что они употребляютъ чело-вѣческую кровь. Изъ этого хассидизма вы-текъ неохассидизмъ, въ XVIII вѣкѣ осно-вателемъ котораго былъ Балшемъ-Товъ и Шнеерсонъ. Мы можемъ сказать, что все это одно и то же ученіе. Среди хассидовъ не всѣ, конечно, а можетъ быть существу-ютъ отдѣльныя секты, отдѣльные изувѣры, которые признають, что кровавая жертва угодно Богу. Но когда же нужно заклать эту жертву? Съ точки зрѣнія изувѣра безъ храма нельзя принести жертвы той, которая установлена Библией и съ точки зрѣнія изувѣровъ можно принести эти жертвы только путемъ источенія крови изъ христіанскихъ младенцевъ.

КРЕЩЕННЫЕ ЕВРЕИ.

Г.г. присяжные засѣдатели, вспомните въ этомъ отношеніи мнѣніе намѣстника кіево-печерской лавры Амвросія, который, изучая этотъ вопросъ, пришелъ къ заклю-ченію, что евреи считаютъ себя господами, а насъ рабами. Они убивали младенцевъ, изливаютьъ кровь, приносятъ ихъ въ жерт-ву и считаютъ, что становятся господами положенія. Затѣмъ г.г. присяжные засѣда-тели, вспомните показаніе о. Автонома. Онъ самъ еврей, но крещеный. Онъ при-шелъ сюда и сказалъ—зачѣмъ я буду го-ворить неправду, я уже старъ, мнѣ скоро умирать;—и онъ вѣрить въ существованіе ритуальныхъ убійствъ, онъ слышалъ о нихъ въ дѣтствѣ, знаетъ о нихъ и перечи-сляетъ нѣкоторыя изъ этихъ убійствъ. Я не буду останавливаться на такихъ источ-никахъ и книгахъ, какъ книги монаха Не-офита и Серафимовича. Все это книги ев-реевъ принявшихъ другую вѣру, вѣру ка-толическую. Все это лица, которыя нахо-дили нужнымъ, переходя въ новую религію и исповѣдая ее, указывать на темныя и мрачныя стороны еврейской религіи. И они признавали, какъ о. Неофитъ, что для ка-кихъ-то надобностей употреблялась кровь. Весьма возможно, что въ этой книгѣ за-ключается много витіеватаго, ненужнаго, излишняго, много несправедливаго, но не думаю, чтобы вся эта книга, отъ начала до конца были ложью и на какомъ основа-ніи мы будемъ вѣрить большому Хвольсону и Левинсону, тоже принявшимъ другую вѣру, но защищающимъ не еврейство, а отдѣльныя его темныя стороны? Я знаю, что на книгу Неофита будутъ нападки, что

будутъ говорить, что это бредъ больного, сумасшедшаго челоуѣка, но я особаго бре-да здѣсь не вижу. Онъ указываетъ три ос-новныя причины для чего нужна кровь, на нихъ я останавливаться не стану, но я подчеркну одно обстоятельство, что ни-кто, какъ свои, избличаютъ евреевъ въ этихъ преступленіяхъ, явленіе почти не-мыслимое ни въ одной національности. Ев-реи, очевидно, сами сознають это и тяго-тятся этимъ.

СТАРЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Проф. Сижорскій ссылался на извѣстнаго ученаго, который бесѣдовалъ со многими евреями, и многіе изъ нихъ отлично зна-ютъ о существованіи ритуала, но они не могутъ пойти противъ остального еврей-ства, т. е. не могутъ объ этомъ сказать, они безмолвствуютъ, хотя въ душѣ отлич-но сознають, что ихъ соплеменники совер-шаютъ несправедливость. Господа при-сяжные засѣдатели, я остановился на этомъ ученіи вкратцѣ потому, что съ моей точки зрѣнія было бы въ сущности без-полезно излагать исторію этого ученія, такъ какъ секта эта до сихъ поръ не от-крыта и мы можемъ дѣлать только пред-положенія, что существуютъ отдѣльныя изувѣры, толкующіе это ученіе такъ или иначе. Но объ этомъ можно судить на ос-нованіи тѣхъ процессовъ, которые имѣли мѣсто и о которыхъ къ сожалѣнію мнѣ приходится говорить въ высшей степени кратко, потому что ни одинъ процессъ разсмотрѣнъ не былъ и всегда говорилось,—развѣ можно вѣрить процессамъ, на ко-торыхъ подъ пытками вырывали сознаніе. Но, напримѣръ, былъ процессъ Гюльзнера въ 1899 г., когда мы знаемъ, что пытки въ Богеміи не примѣнялись, и тогда это было установлено безъ пытокъ такъ же, какъ изъ цѣлага ряда процессовъ видно, что еврей такой-то сознался, что потре-бать убитаго голя нельзя, что его можно только выбросить и что выбрасываютъ не евреи, а кого-нибудь нанимають. Изъ цѣ-лага ряда другихъ процессовъ видно, что кровь собиралась для каббалистическихъ цѣлей, что евреи употребляли кровь и что она была выпущена путемъ цѣлага ряда уколовъ. Я этихъ процессовъ не привожу, но о нихъ давалъ заключеніе патеръ Пра-найтисъ и онъ свои изслѣдованія провѣ-рилъ на основаніи научныхъ источни-ковъ.

САРАТОВСКОЕ ДѢЛО.

Кромѣ того, у насъ было дѣло саратовское, оно было подробно осмотрѣно. Мы несмотря на наше общее утомленіе очень ходатайствовали, чтобы это дѣло было оглашено во всѣхъ деталяхъ, потому что оно раскрыло бы намъ чрезвычайно интересныя подробности и между этимъ дѣломъ и настоящимъ можно провести весьма строгую параллель. Какъ въ томъ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, есть много чрезвычайно сходныхъ обстоятельствъ. Я могу только вкратцѣ сказать, что по саратовскому дѣлу были обвинены по мнѣнію большинства государственнаго совѣта, утвержденнаго Императоромъ Александромъ II нѣсколько евреевъ: Юшовичъ, Шлиферманъ и Уловъ, трое оставлены подъ подозрѣніемъ, а русскіе христіане были сосланы въ Сибирь на поселеніе, потому что тоже принимали нѣкоторое участіе въ этомъ преступленіи, въ этомъ ритуальномъ убійствѣ двухъ мальчиковъ-христіанъ, причемъ изъ нихъ была выточена кровь и они были обрѣзаны...

К а р а б. Ничего подобнаго не было.

П р е д. Оказалось потомъ, что ритуальнаго убійства не было.

П р о к. Путемъ истязанія, путемъ обрѣзанія они были умерщвлены, что же касается до вытачиванія крови, я не могу говорить объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, они были убиты путемъ истязанія. Эти евреи были признаны виновными и въ протоколѣ этого дѣла, который намъ удалось извлечь изъ показаній экспертовъ, такъ какъ дѣло не оглашалось, между прочимъ, было указаніе одного еврея, что двѣ бутылки крови были отправлены любавичскому раввину, а если вспомнить, что любавичскій раввинъ никто иной, какъ Шнерсонъ, то для насъ это обстоятельство, конечно, представляетъ интересъ. Затѣмъ по этому саратовскому дѣлу при обыскѣ у евреевъ былъ найденъ какой-то ножъ и полотно, пропитанное кровью. Правда, любавичскій раввинъ не былъ преданъ суду за то, что ему послышалась кровь, но это было установлено. Затѣмъ, господа присяжные засѣдатели, я не могу не обратить вашего вниманія на то, что по саратовскому дѣлу была созвана специальная коммиссія для разрѣшенія ритуальнаго во-

проса. Были приглашены евреи Хвольсонъ и Левинсонъ и отцы Сидонскій и Павскій. О. Сидонскій сказалъ, что ритуаль существоеть, а о. Павскій никакого мнѣнія по этому поводу не высказалъ. Намъ было отказано привести мнѣніе о. Сидонскаго и оно осталось неизвѣстнымъ.

ВЕЛИЖСКОЕ ДѢЛО.

Гг. присяжные засѣдатели, у меня лично по этому предмету сложилось определенное заключеніе, но для васъ оно не имѣетъ никакого значенія, но я уклонюсь его высказать, потому, что къ моему мнѣнію могутъ отнестись отрицательно и сказать, что вы знаете, развѣ вы эксперты. Поэтому я не буду утомлять въ этомъ отношеніи вашего вниманія. Я упомяну лишь о велижскомъ дѣлѣ, на которое такъ часто ссылается защита и которое окончилось оправданіемъ. Кромѣ того, защита ссылается на указъ Императора Александра I, запрещавшаго высказывать подозрѣніе въ этомъ. Да, такой указъ имѣлъ мѣсто. Въ этомъ отношеніи защита права. Она также обыкновенно ссылается на папскія буллы, которыя запрещали обвинять въ этихъ дѣяніяхъ, но надо сказать, что тѣ же папскія буллы подвергли сожженію Талмудъ, какъ произведеніе, заключающее въ себѣ богохульство. Теперь я остановлю ваше вниманіе на послѣднемъ изъ такихъ дѣлъ, на велижскомъ. Велижское дѣло окончилось оправданіемъ. Государь Императоръ Николай Павловичъ, на разсмотрѣніе котораго перешло дѣло, утвердилъ это мнѣніе, сказавъ, что другіе мнѣнія и не могло послѣдовать за недостаточностью доводовъ въ отношеніи евреевъ, но въ то же время Государь Императоръ сказалъ: „внутренняго убѣжденія у меня, что это убійство не совершено евреями, нѣтъ и быть не можетъ. Неоднократные примѣры подобнаго умерщвленія съ одинаково загадочными признаками даютъ право думать и приводить меня къ заключенію, что среди евреевъ, какъ и среди насъ, христіанъ возможны отдѣльныя изувѣрныя секты, которыя признаютъ необходимымъ добывать христіанскую кровь“. Далѣе прибавляетъ Императоръ: „Я отнюдь не думаю, чтобы этотъ изувѣрный обычай, столь порочашій отдѣльныхъ евреевъ, какъ и отдѣльныхъ христіанъ, чтобы этотъ обычай былъ общій всему еврей-

скому народу, но тѣмъ не менѣе я допускаю, что отдѣльные изуверы-евреи этотъ обычай примѣняютъ“. Господа присяжные засѣдатели, мнѣ думается, что слова Государа, вѣдь это есть голосъ народа.

Я нахожу, что распространяться дальше на эту тему, можетъ быть, излишне, эта тема безконечная. Надо полагать, что одинъ изъ представителей гражданскихъ истцовъ займетъ ваше вниманіе по этому вопросу гораздо болѣе продолжительное, чѣмъ я. Вы, господа присяжные засѣдатели, уже слушаете меня такъ, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы жаждете, чтобы я поскорѣе кончилъ, но я долженъ исполнить свою задачу. Если бы я отложилъ конецъ своей рѣчи до завтра, то я не въ силахъ былъ бы вытерпѣть того нервнаго состоянія, въ которомъ я нахожусь сейчасъ. Поэтому еще нѣсколько минутъ и мое слово будетъ окончено.

РОЛЬ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ.

Гг. присяжные засѣдатели, какъ бы и съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на настоящее дѣло, я полагаю, что это дѣло будетъ, дѣйствительно, въ своемъ родѣ единственнымъ въ лѣтописяхъ и что вы въ настоящій моментъ, какъ это ни можетъ показаться вамъ страннымъ, вы играете историческую роль. Мнѣ почему-то кажется, что Андриуша Ющинскій, погибшій и умерщвленный столь безчеловѣчно, что Андриуша Ющинскій представляетъ изъ себя ту жертву, о которой Россіи и русскимъ людямъ нужно помнить ежедневно. Гг. присяжные засѣдатели, среди русскихъ людей есть много благородныхъ и выдающихся во всѣхъ отношеніяхъ, но иногда приходится замѣчать въ нихъ отсутствіе той твердости, того мужества и присутствіе того страха, который заставляетъ ихъ иногда смягчать свои сердца и относиться очень снисходительно къ тѣмъ лицамъ, которыя совершаютъ преступленіе. Въ настоящее время Кіевъ украшается однимъ памятникомъ, памятникомъ Петру Аркадьевичу Столыгину. И этотъ памятникъ, мнѣ думается, долженъ многое напоминать кіевлянамъ и долженъ, прежде всего, неуказательно напоминать о томъ мужествѣ и безстрашіи, съ которымъ этотъ человѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ стоялъ на

стражѣ закона и на стражѣ Россіи, исполняя свой долгъ и, наконецъ, своей кровью запечатлѣлъ этотъ долгъ. Вотъ это мужество, это безстрашіе и должно иногда руководить нами въ нашихъ дѣяніяхъ и, чтобы ни сказало общество, какъ бы оно ни отнеслось къ тому или иному приговору, который вы вынесете, для васъ, конечно, нѣсть ни эллинъ, ни іудей, но не должно быть и страха іудейскаго и вы должны произнести только тотъ приговоръ, который вамъ подскажетъ ваша совѣсть.

БЕЙЛИСЪ И ЮЩИНСКІЙ.

Гг. присяжные засѣдатели, теперь передъ осужденіемъ Бейлиса, вы всетаки не должны изглаживать изъ своихъ мыслей образъ убитаго и умерщвленного Ющинскаго. Пусть Бейлисъ будетъ невиненъ для всѣхъ евреевъ, для всего міра, пусть это уже теперь священное лицо, но имя Бейлиса для русскаго человѣка, конечно, не только никогда не будетъ священнымъ, но русскій человѣкъ, по свойственному ему великодушію, постарается, какъ можно скорѣй забыть его имя и если бы даже ему былъ вынесенъ обвинительный вердиктъ, то русскій человѣкъ не сталъ бы отзывать-ся о немъ съ презрѣніемъ, а можетъ быть, съ сожалѣніемъ, какъ объ изуверѣ-фанатикѣ, который вѣритъ, что совершилъ богоугодное дѣло. Но пусть это имя Бейлиса никогда не заслонитъ у русскаго человѣка имени Андриуши Ющинскаго. Два года тому назадъ онъ былъ никому невѣдомъ, теперь это имя у всѣхъ на устахъ, это имя мученика, имя дорогое для русскаго человѣка и къ этой могилѣ мученика, я не сомнѣваюсь, будутъ притекать русскіе люди и будутъ молиться надъ его страданіями, страданіями невыразимыми, невозможными. И, гг. присяжные засѣдатели, если мы вспомнимъ объ образѣ этого замученнаго человѣка и если мы посмотримъ на этого фанатика, который совершилъ это злодѣяніе своими руками, потому что другихъ убійцъ вокругъ Ющинскаго, которые могли бы выточить эту кровь, я не вижу среди русскихъ людей, мы должны произнести надъ нимъ приговоръ, котораго онъ заслуживаетъ, мы не побоимся произнести этотъ приговоръ, хотя бы это было страшно и грозило тяжелыми послѣдствіями. Но никакихъ послѣдствій, я увѣренъ, не будетъ, и вашъ приговоръ, если

онъ будетъ обвинительнымъ, многие изъ честномыслящихъ людей выслушаютъ съ чувствомъ спокойнаго удовлетворенія. Я бы не стоялъ на этой кафедрѣ, если бы не былъ глубоко убѣжденъ въ виновности его и его соучастниковъ, которые не сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, а вамъ я могу пожелать только одного,—чтобы въ вашемъ судѣ помочь вамъ Богъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ ЗАЩИТЫ.

Карабч. Мы просимъ занести въ протоколъ нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи г. прокурора. Мы не прерывали его, чтобы онъ могъ спокойно докончить свою рѣчь, но теперь мы объ этомъ просимъ.

Предс. Пожалуйста, отмѣйте эти мѣста и ихъ можно будетъ занести завтра.

Около 11½ час. веч. былъ объявленъ перерывъ до 10½ час. утра.

Тридцатый день.

24 октября 1913 г.

Засѣданіе открывается въ 11 ч. 15 мин. Предс. Возобновляю судебное слѣдствіе. Защита хотѣла сдѣлать заявленіе.

Заявленіе защиты.

Карабчевскій. Я хотѣлъ просить занести въ протоколъ ту общую часть рѣчи г. прокурора, которая касалась характеристики еврейства и политическихъ моментовъ, съ которыми приходится считаться въ настоящемъ дѣлѣ.

Предс. Вы хотите занести въ протоколъ общую часть рѣчи?

Карабч. Да, и затѣмъ указаніе прокурора на то, что всетаки „голосъ народа, есть голосъ Божій“ и молва поэтому имѣетъ значеніе доказательства.

Предс. Слово принадлежитъ повѣренному гражданскаго истца.

Рѣчь Замысловскаго.

Замысловскій Господа судьи и господа присяжные засѣдатели! Вчера г. прокуроръ настолько на мой взглядъ вѣрно, правильно и широко нарисовалъ общую картину дѣла и его значеніе, что это позволяетъ мнѣ сразу начать свою рѣчь съ чисто дѣловаго и фактическаго разбора отдѣльныхъ уликъ и обстоятельствъ. Такъ же, какъ и г. прокуроръ я долженъ сдѣлать это, начавъ съ версій, съ тѣхъ многочисленныхъ версій, гдѣ заподозривались невинные люди. Но я постараюсь эту

часть изложить по возможности вкратцѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе теперь, въ настоящій моментъ процесса имѣютъ эти многочисленныя первоначальныя версіи, это заподозриваніе сначала Александра Ющинской, затѣмъ Федора Нѣжинскаго, потомъ Луки Приходько. Само собой разумѣется, что эти лица невинны, что ни малѣйшаго подозрѣнія на нихъ въ настоящее время быть не можетъ. Слѣдовательно, эти версіи интересны намъ не потому, что ими устанавливается невинность этихъ лицъ, а вслѣдствіе другихъ соображеній.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ВЕРСИЙ.

Онѣ важны намъ потому, что показываютъ, какъ органы сыска, начальникъ сыскаго полиціи Мищукъ и другой начальникъ сыскаго полиціи Красовскій, какъ они сразу пошли по пути, который мало назвать ошибочнымъ, который надо назвать завѣдомо невѣрнымъ. Ошибки, конечно, возможны, а въ такомъ большомъ дѣлѣ и подавно. И если бы тутъ были только ошибки, то, конечно, никто бы ихъ въ вину ошибавшимся не рѣшился поставить, но вотъ мы и утверждаемъ, что тутъ были не ошибки, а направленіе розысковъ по завѣдомо невѣрному слѣду, что при этихъ розыскахъ допускались приемы, я скажу прямо, безчеловѣческіе и преступныя, а разъ это было такъ, то несомнѣнно была та рука, та невидимая и таинствен-

ная рука, которая подвигла этих агентовъ сыска вотъ на такія дѣянія. Вотъ гдѣ я вижу смыслъ и значеніе разбора этой первоначальной версіи и въ этомъ отношеніи несомнѣнно, что заподозривать Александру Ющинскую съ самаго начала не было никакого основанія, что это заподозриваніе было уже въ то время явной нелѣпностью отъ начала до конца, ибо было совершенно очевидно для производившаго, розыска, что Ал. Ющинская никакого участія въ преступленіи принимать не могла. Но это было не только направленіе розыска по явно невѣрному пути, но это было направленіе по пути безчеловѣческому. Вамъ рассказывали, что дѣлали съ Александрой Ющинской, какъ ее забрали послѣ смерти мальчика, не пустили на похороны, какъ противъ нея пустили слухъ, возстановили ту базарную толпу, которая ее чуть не убила, какъ ее мучили, какъ терзали, ее, только что потерявшую такимъ ужаснымъ образомъ своего сына, своего первенца и находившуюся на пятомъ мѣсяцѣ беременности. Точно такъ же не было никакихъ уликъ и противъ Федора Нѣжинскаго, не было никакихъ уликъ и противъ Луки Приходько.

Но такъ какъ въ исторіи Луки Приходько выступаетъ не Мишукъ, роль котораго уже была окончена, а Красовскій, то объ этой версіи необходимо сказать нѣсколько словъ не для оправданія, онъ теперь въ оправданіи уже не нуждается, его невинность очевидна, а именно для характеристики Красовскаго, для того, чтобы мы дальше знали, можемъ мы вѣрить Красовскому или не можемъ. Здѣсь уже указывалось прокуроромъ, что какія-то улики, обрывки уликъ были противъ Луки Приходько, это именно записка, гдѣ написано, — „височная кость“ и опознаніе его Яценко. По поводу записки, которая была выхвачена Красовскимъ и служила якобы для уличенія Луки Приходько, необходимо вспомнить, что по объясненіямъ Луки Приходько, у него, какъ у переплетчика былъ цѣлый рядъ всевозможныхъ обложекъ и записокъ. Это была принадлежность его ремесла. Переплетая книги онъ, конечно, вынималъ изъ нихъ всякія записки и бросалъ въ кучу. И вотъ, изъ этой кучи Красовскій вытащилъ одну записку, заключающую въ себѣ надпись: „височная кость“, и, когда Лука Приходько заявилъ, что „я могу вамъ указать то-

го заказчика, изъ книгъ котораго эта записка выпала, пойдите къ заказчику и спросите, и онъ вамъ это объяснить“, то вѣдь провѣрки Красовскій дѣлать не сталъ! Теперь дальше, по поводу гримировки Луки Приходько. Вы не забудьте, что этотъ фактъ удостоверяется не только Лукой Приходько, онъ удостоверяется и Олимпіадой Нѣжинской и Александрой Ющинской, которыя говорятъ, что взяли подъ арестъ Луку Приходько, когда онъ былъ съ бородой, а вернулся онъ изъ подъ ареста бритый или стриженный, словомъ, безъ бороды. Такъ что этотъ фактъ подтверждается не только Лукой Приходько, а еще двумя свидѣтелями, которымъ не вѣрить нельзя. Да и объясненія Красовскаго не отрицаютъ этого факта. Онъ здѣсь съ такимъ видомъ, какъ-будто ничего не произошло, какъ-будто это пустяки, говорить: „Да, я его подстригалъ, это вѣрно, подстригали“. А зачѣмъ вы подстригали: „Да, говорить, онъ подъ арестомъ сидѣлъ, очень обросъ, ну и передъ предьявленіемъ я его подстригъ, чтобы привести въ то состояніе, въ которомъ онъ находился въ моментъ ареста“. Вотъ объясненія самого Красовскаго. Но вѣдь это объясненіе явная несообразность, — зачѣмъ было приводить Луку Приходько въ тотъ видъ, въ какомъ онъ былъ въ минуту ареста. ужъ если приводить его въ какой-нибудь иной видъ, такъ въ тотъ, въ какомъ онъ былъ 12 марта, когда Яценко видѣлъ подозрительнаго человѣка, а никакъ не въ тотъ, въ какомъ онъ былъ въ моментъ ареста. Даже то, что чернили усы, этого Красовскій тоже не рѣшается отрицать.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ совершенно удостоверенный фактъ фальсификаціи, доказательство подлога, произведеннаго на живомъ человѣкѣ. Одинъ — начальникъ сыскной полиціи Мишукъ производилъ подлоги съ вещественными доказательствами — съ швайками и обрывками брюкъ, а другой ухитрился произвести подлогъ на живомъ человѣкѣ. Послѣ этого факта, вполне удостовереннаго я прямо говорю, что дальнѣйшимъ показаніямъ Красовскаго я не вѣрю, ибо мы видѣли, что онъ выдѣлывалъ съ самаго начала розысковъ. Характеристика Красовскаго, данная прокуроромъ, совершенно правильна. Вѣдь почему собственно былъ приглашенъ Красовскій? Да потому, что дѣй-

ствія Мишука стали явно подозрительными. А дѣйствія Мишука заключались въ томъ, что Мишукъ ни за что, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ идти на Лукьяновку, онъ хотѣлъ отводить розыски отъ Лукьяновки. Значить, когда пригласили Красовскаго, то, чтобы пріобрѣсти нѣкоторое довѣріе начальства и выражаясь можетъ быть вульгарно, чтобы набить себѣ цѣну, онъ долженъ былъ идти на Лукьяновку искать тамъ и онъ это сдѣлалъ, онъ искалъ, но онъ искалъ для вида, или если можетъ быть не для вида, то для себя, а не для кого другого, чтобы самому имѣть свѣдѣнія, но использовать ихъ не въ цѣляхъ правосудія, а въ иныхъ личныхъ цѣляхъ. И двойственность Красовскаго устанавливается опять-таки фактически, документально, это не разговоры, а обстоятельство незыблемо установленное. Вамъ г. прокуроръ ссылался на допросъ Красовскаго въ іюлѣ, допросъ, указывающій, что по его убѣжденію убійство какъ разъ было на заводѣ. Именно такое убѣжденіе ясно высказано въ этомъ протоколѣ. Иначе онъ слѣдователю, пожалуй, въ то время и не могъ говорить, онъ боялся, что если онъ будетъ говорить иначе, ему не будетъ довѣрія. Это было въ іюлѣ, а самъ же Красовскій принужденъ признать, что въ концѣ мая онъ былъ съ докладомъ у генераль-губернатора и высказывалъ генераль-губернатору полное убѣжденіе, что убили воры. Вотъ когда разговоръ идетъ о союзникахъ, тутъ еще Красовскій можетъ вывернуться. Онъ говоритъ: „да, я союзникамъ говорилъ, что убійство ритуальное, но говорилъ для того, чтобы они отстали. Это люди фанатичные, ихъ не своротить съ убѣжденія, что убійство ритуальное, но вѣдь отчета имъ давать я не обязанъ, чтобы они отстали, я и говорилъ, что убійство ритуальное“. Здѣсь онъ могъ вывернуться, но вѣдь былъ не только разговоръ съ союзниками, а былъ докладъ генераль-губернатору и оказывается, что въ докладѣ генераль-губернатору Красовскій говорить, что убили воры, а въ показаніи слѣдователю говорить, что убійство произошло на заводѣ. Вотъ несомнѣнная двойственность его поведенія, несомнѣнно указывающая на то, что и Красовскимъ двигаетъ та же невидимая рука, которая двигаетъ и Ми-

шукѣ и которая приводитъ ихъ къ подлогамъ и скамьѣ подсудимыхъ. Красовскій намъ говоритъ, что онъ производилъ розыски разносторонне, что онъ всѣ версіи изслѣдовалъ, и у Чеберяковой, и на заводѣ былъ. Да, это онъ такъ говоритъ, а результаты-то какіе, результаты-то только въ одномъ направленіи. Вѣдь также, какъ и при Мишукѣ арестуются христіане и только христіане, а евреевъ не трогаютъ. А христіане арестуются безъ всякихъ уликъ. Ну, противъ Луки Приходько была эта височная кость и будто бы его Яценко опозналъ, но вѣдь арестуютъ не только Луку Приходько, арестуютъ брата Луки Приходько, отца Луки Приходько, старика, который и видятъ-то плохо, и Василя Чиркова, а эти зачѣмъ были арестованы? вѣдь это прямо идетъ какое-то мнѣніе въ седьмомъ колѣнѣ. Вотъ результаты розысковъ Красовскаго. А въ отношеніи завода? Вотъ что Полищукъ говорить,—были и тамъ розыски, отобрали какія-то книги и по поводу одной книги было даже большое безпокойство среди евреевъ и записи на книгахъ были. Что же сдѣлали съ этими книгами? Ихъ привезъ Красовскій въ гостиницу Оріонъ и тамъ онѣ нѣсколько дней пролежали. Затѣмъ книги были доставлены слѣдователю и слѣдователь въ нихъ ничего подозрительнаго не нашелъ. Но, господа, вопросъ въ томъ,—тѣ-ли самыя книги были доставлены слѣдователю или иныя. Вѣдь это вопросъ довѣрія къ Красовскому. Если мы Красовскому вѣримъ, то должны признать, что книги тѣ самыя, а если не вѣримъ—то можетъ быть и иныя, такія, которыя ничего плохого въ себѣ не заключаютъ и были совершенно невиннаго содержанія, но тѣ, которыя заключали и возбудили безпокойство евреевъ, онѣ вѣдь могли исчезнуть неизвѣстно куда, если предположить, что Красовскій дѣйствовалъ не для раскрытія дѣла, а исключительно для отвѣта подозрѣній, а это даже не предположеніе, а убѣжденіе, основанное на фактахъ. Таковы три версіи. Четвертая версія мишукеская, гдѣ уже подлогъ установленъ судебнымъ приговоромъ, когда онъ заподозрилъ Романюка, Цюпенко и Кучеренко. На нихъ я останавливаться не буду. Этими версіями и заканчивается первый періодъ дѣла.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ СЫЩИКИ.

Отъ официального разслѣдованія Мишукъ и Красовскій послѣ этого устранились. И тогда на сцену выступаютъ добровольные сыщики. Начинаетъ работать учрежденіе, которое я бы назвалъ „сыскное отдѣленіе при редакціи „Кіевской Мысли“, подъ фирмой „Бразуль и компанія“. Эта фирма дѣйствовала и раньше, съ самыхъ первыхъ шаговъ, но раньше роль ея была другая, ей незачѣмъ было выступатьъ впередъ, такъ сказать на авансцену, это дѣлалъ было незачѣмъ, впереди работали Мишукъ и Красовскій, а эти господа „Кіевской Мысли“ являлись только въ роли достовѣрныхъ свидѣтелей, тогда когда Красовскому и Мишuku нужно было сказать — вѣдь мы дѣйствуемъ не на основаніи слуховъ, а вѣдь есть достовѣрные свидѣтели, публицисты и борцы за передовую общественную мысль, которые это удостоверяютъ. Разъ такіе люди удостовѣряютъ, то мы, сыщики, обязаны повѣрять, обязаны идти въ томъ направленіи, которое этими достовѣрными свидѣтелями, Барщевскимъ и Ордынскимъ, указаны. Вотъ какая была первоначально роль этихъ добровольныхъ сыщиковъ, имъ незачѣмъ было вылѣзать впередъ, за нихъ работали другіе. Но когда и Красовскій и Мишукъ были устранены, то положеніе измѣнилось. Уже официальныхъ разслѣдователей, которые бы всего этого не видѣли объ еврействѣ и затирали всѣ слѣды, не было и тогда за эту роль прямо пришлось взяться этимъ добровольнымъ сыщикамъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ХАРЬКОВѢ.

И первое чѣмъ ознаменовалась открыто ихъ роль, — это поѣздка въ Харьковъ. До сихъ поръ въ первыхъ версияхъ для насъ было все ясно, открыто, все очевидно. Поѣздка въ Харьковъ носить нѣсколько иной характеръ. Здѣсь не все ясно, здѣсь мы имѣемъ съ одной стороны Чеберякову, которая говоритъ одно, а съ другой стороны гг. Марголина и Бразуля, которые говорятъ совсѣмъ другое и выдвигается вопросъ — кому вѣрять. Ну, скажемъ, что конечно, Чеберяковой вѣрять нельзя, это женщина порочная, склонная ко лжи, мало ли чего она наплететъ, а съ другой стороны вѣдь тамъ имѣются прис. пов. Марголинъ, публицистъ и прогрессивный дѣятель Бразуль - Брушковскій, дѣйствующій въ этой небольшой, но честной компаніи.

Въ этой небольшой, но честной компаніи была публика съ извѣстнымъ положеніемъ, конечно, казалось бы, имъ надо дать вѣри больше, чѣмъ Чеберяковой. Они категорически говорятъ, „прими вину на себя, 40 тысячъ дадимъ, лучшіе защитники защищать будутъ, такими документами снабдимъ, что днемъ съ огнемъ не найдуть!“ Это говоритъ Чеберякъ, но Бразуль и Марголинъ говорятъ—, „ничего подобнаго“, „она сама-же просила насъ вѣхать въ Харьковъ и говорила, что свидѣнія по дѣлу дать“. Она пришла въ номеръ къ Марголину и ничего больше. Надо разобраться, правду-ли говоритъ Марголинъ и Брушковскій,—оказывается, неправда! Оказывается, есть нѣкоторыя несообразности въ томъ, что они говорятъ. Вѣдь они поѣхали для Вѣры Чеберякъ, она сказала: „Повѣдемъ въ Харьковъ, я вамъ дамъ свидѣнія“, и они поѣхали. Но наряду съ такимъ довѣріемъ, оказывается, странное недоувѣріе. Они взяли съ собой господина Перехриста, про котораго свидѣтельница Малицкая говорила: „Не-то Перехристъ, не-то Недохристъ“, его взяли для спеціального сыска надъ Чеберяковой, значить ей не вѣрять. Затѣмъ, пріѣзжая въ Харьковъ, Марголинъ не прописывается и скрывается. Онъ говоритъ, что скрывался отъ Чеберяковой, что это знакомство ему не дѣлало чести, а факты говорятъ, что онъ скрывался отъ властей. Потомъ, когда пріѣхали удостовѣрять, былъ-ли онъ въ Харьковѣ или нѣтъ, едва по какому-то буфетному счету удостовѣрено, а когда удостовѣрили, то и прописка появилась, конечно, заднимъ числомъ. Значить, эти господа не такъ правдивы, какъ это можетъ казаться, они что-то скрываютъ, чего-то не договариваютъ, потому что, очевидно, не могутъ сказать. А затѣмъ еще любопытный фактъ: о харьковской поѣздкѣ намъ говоритъ не только Марголинъ и Бразуль, а говоритъ и Красовскій, со словъ Бразуля. Правда, на судъ онъ это топкое мѣсто обошелъ, онъ о Харьковѣ не сказалъ ничего. Долженъ сказать, что на предварительномъ слѣдствіи онъ что-то говорилъ со словъ Бразуля. Онъ говоритъ, что вопросъ о вознагражденіи былъ, правда, но, что, когда Чеберякъ являлась, тогда Марголинъ ей говорилъ такъ: что прогрессивная часть русскаго общества очень заинтересована въ томъ, чтобы разсѣять кровавый навѣтъ, что если Чеберякъ въ

этомъ направлѣніи будетъ работать, то получить деньги. Красовскій тоньше и умнѣе Бразуля, онъ отлично понимаетъ, что выгоднѣе не отвергать фактовъ, а признать. Съ одной стороны соскоблить, а съ другой стороны надставить и тогда этотъ фактъ приметъ совершенно невинный видъ. Вотъ такъ онъ обрабатываетъ исторію съ вознагражденіемъ. Онъ не отрицаетъ совсѣмъ, но перелицовываетъ на невинный манеръ и довольно удачно, но онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ Бразулемъ. Вѣдь Бразуль говоритъ, что ни слова о вознагражденіи не было, а Красовскій говорилъ о вознагражденіи, правда, совершенно невинно. Марголинъ говоритъ также, что разговора о вознагражденіи не было, но если бы только разговоръ о вознагражденіи былъ, то онъ, Марголинъ, сказалъ бы то-же самое, что говоритъ Красовскій. Вотъ эти сопоставленія, эти противорѣчія показываютъ, что хотя Чеберякъ и воровка, но эта воровка и притондержательница въ данномъ случаѣ говоритъ правду, а Марголинъ и господинъ прогрессивный публицистъ Бразуль-Брушковскій говорятъ неправду. Дальше, если мы пойдемъ по показаніямъ Красовскаго, то мы увидимъ еще одинъ штрихъ, очень характерный, относительно документовъ. Бразуль и Марголинъ говорили, что нѣтъ никакихъ документовъ! Что говоритъ Красовскій со словъ Бразуля, что разговоръ былъ, но невинный. Было сказано такъ, что если Вѣръ Чеберякъ будетъ грозить опасность, то ей будетъ предоставлена возможность выѣхать. Опасность отъ преступника, это чрезвычайно благородно. Вѣра Чеберякъ хочетъ раскрыть преступленіе. Ей говорятъ, если раскроешь и тебѣ отъ преступника будетъ грозить опасность, мы дадимъ тебѣ возможность выѣхать. Ничего тутъ плохого нѣтъ. Опять противорѣчіе. Бразуль говоритъ, разговора о документѣ не было, а Красовскій (который знаетъ, что гораздо лучше признать фактъ, но его обсъоблить) говоритъ, что разговоръ былъ, но невинный. Вотъ разберитесь въ этомъ. Это, правда, свои люди, Бразуль и Красовскій, о которыхъ говорятъ свои люди, сочтемся. Какъ-же это они не сочлись и между ними вышли такія тонкія мѣста. Вотъ почему говорятъ, что хотя Вѣра Чеберякъ и не такая женщина, чтобы ей вѣрить, но несомнѣнно, цѣль харьковской

пѣздки была та, чтобы уговорить Вѣру Чеберякъ принять вину на себя. Конечно, это оговариваніе должно было сопровождаться извѣстными посулами, безъ нихъ никто на себя вину не возьметъ. Но слѣдующая версія, когда Бразуль говорилъ: „Ахнемъ на Мифле“. Мифле никакого участія въ дѣлѣ не принималъ, но характерно то, что Бразуль говоритъ: „я плохого ничего не сказалъ, указанія были, я сказалъ слѣдователю и прокурору, вы провѣрьте“. Фактически было не такъ, фактически Бразуль пришелъ къ слѣдователю (просилъ, что-бы слѣдователь его принялъ) и оговаривалъ Мифле. Это уже направленіе слѣдователя по невѣрному направленію, корыстному, ибо со стороны Бразуля вѣдь оказывается, что онъ давалъ деньги Чеберякъ и Петрову для того, чтобы они на этого несчастнаго Мифле подтвердили подозрѣніе. Вотъ первая версія, теперь переходжу къ послѣдней версіи, о которой надо говорить подробнѣе.

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕРСІЯ.

Послѣдняя версія та, что убійство было на квартирѣ Чеберякъ. Пришли 12 марта Сингаевскій, Рудзинскій и Латышевъ, пришелъ и Андриуша и его тамъ убили. Эта послѣдняя версія отличается отъ предыдущихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что предыдущія, повидимому, брошены, такъ я понимаю поведеніе защиты. Дальше интересно слѣдующее, почему-же эта версія возникла такъ поздно? Вѣдь даже тѣ лица, которыя хотѣли отводить подозрѣнія отъ евреевъ, хотѣли представить власти что-нибудь правдоподобное, а вѣдь, конечно, говорить, что убила Чеберякова, это гораздо правдоподобнѣе и вѣроятнѣе, чѣмъ говорить, что убила Александра Приходько и Лука Приходько. Отчего сначала Чеберякъ не тронули и возились съ этими Нѣжинскимъ и Луккой Приходько, а Чеберякъ не трогали? Вѣдь версія о Чеберякъ возникла когда:—въ мартѣ 1912 года. Что за притча такая? почему они не сказали про Чеберякъ? Вѣдь хорошо было бы—и отъ евреевъ отводиться (задача исполняется ихъ) и выдвигается нѣчто правдоподобное? Вотъ почему: провалъ тѣхъ версій положеніе Бейлиса и заводскихъ рабочихъ не особенно ухудшалъ. Ну, хорошо, но на Александру Юшинскую? но на Луку Приходько?—но это не имѣетъ касательства къ заводскихъ евреямъ. Версія о Чеберякъ

была совершенно иного характера и ея провалъ давалъ улики очень серьезныя противъ заводскихъ евреевъ вообще и противъ Бейлиса въ частности, ибо, чтобы выдвинуть версію о Чеберякъ, надо было признать фактъ огромнаго значенія, признать, что 12 марта, утромъ, передъ убійствомъ, Андрей Ющинскій былъ на Верхне-Юрковской. Вотъ что надо было признать, чтобы выдвинуть версію о Чеберякъ и это признание было страшно опаснымъ. Это значило, что передъ убійствомъ мальчикъ былъ гдѣ? Между квартирой Чеберякъ и заводомъ, и, значить, убить онъ или на квартирѣ Чеберякъ, или на заводѣ. Значить, если версія о Чеберякъ провалится, то останется одно—что онъ убить на заводѣ. И вотъ мы видимъ, что версія о Чеберякъ выдвигается послѣдней—только черезъ годъ и я думаю, вы понимаете и вѣрите, какая это была хитро обдуманная махинація. Здѣсь ничего спроста не дѣлается, здѣсь все измѣряется, обдумывается, взвѣшивается 77 разъ. И до Чеберякъ дошли, но когда? Когда все остальное провалилось. Вотъ въ виду такого значенія этой версіи, въ виду того, что здѣсь рисковали, въ виду того, что здѣсь шли вабанкъ, что здѣсь, провалившись съ Чеберякъ, этимъ самымъ создавали страшныя улики противъ Бейлиса—въ виду этого версія эта была обставлена особо, съ чрезвычайнымъ богатствомъ и роскошью доказательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ какъ обрисовывается эта чеберяковская версія:

ОПРАВДАНІЕ ЧЕБЕРЯКОВОЙ.

8-го марта попадается Чеберякова съ краденными у Гусевой вещами. 9-го марта задерживаютъ Мадзелевского и Мосяка и другихъ. 10 марта производится обыскъ у Чеберякъ. Всѣ страшно взволнованы, провалился притонъ. (Притонъ этотъ разрисованъ всячески, говорятъ, что тамъ чуть ли не всѣ краденныя въ Кіевѣ вещи прячутъ). Кто-то выдалъ воровъ? Начинаютъ искать—кто выдалъ—и находятъ: выдалъ Андрияна Ющинскій, который, тоже мальчикъ порочный, собирався Софійскій соборъ обкрадывать, вращается въ этой преступной средѣ и ночуетъ у Чеберякъ. Надо его уничтожить. Вотъ появляются Дьяконовы, которыя собственно все видятъ: видятъ смятеніе, видятъ убійца, видятъ, какъ въ темнотѣ гонятся за ними по

пятамъ Ющинскій. Собственно все раскрывается. То, что видятъ Дьяконовы, то слышитъ Малицкая. Эти свидѣтельницы видѣли—зрительнымъ органомъ, а та слуховымъ—слышитъ. Затѣмъ, всѣ сознаются: Люда Чеберякова сознается Дьяконовой, Сингаевскій—Махалину и Караеву, Рудзинскій—Швечко, Адель Равичъ—тѣмъ же Дьяконовымъ и, наконецъ, мужъ Адели Равичъ—тоже сознается. Необычайная роскошь и богатство доказательствъ—этотъ рисунокъ написанъ широкой кистью большого мастера. Все есть—даже вещественныя доказательства. Все сказано, все доказано, но дѣло въ томъ, что представьте себѣ цѣнный, очень дорого стоющій механизмъ, гдѣ каждое колесико подобрано одно къ другому. Механизмъ великолѣпно ходитъ, и въ томъ, что онъ хорошо пригнанъ, конечно, его достоинство, его цѣнность. Но вѣдь у каждой медали есть обратная сторона—въ этомъ его цѣнность, и въ этомъ его слабость. Когда одно колесико выпадаетъ изъ механизма, то и весь механизмъ распадается. Когда изъ красиваго, выдержаннаго въ легкомъ стилѣ модерни зданія вырываютъ одно бревно, то и все зданіе разсыпается. Такъ и съ версіей о Чеберякъ: когда изъ нея выпадаютъ отдѣльныя составныя части, то и остальное, которое къ этимъ частямъ пригнано и скрѣплено, какъ зубчатыя колеса—оно тоже разсыпается. Вотъ мы и пойдемъ по этой версіи, придерживаясь фактовъ. Я и вообще стараюсь говорить о чисто фактической сторонѣ дѣла: о свидѣтеляхъ, о томъ, что по дѣлу доказано и что не доказано. И такъ, пойдемъ по фактамъ.

О ДЬЯКОНОВЫХЪ.

Центральныя фигуры, это, конечно, Дьяконовы. Объ общемъ впечатлѣніи говорилъ вамъ прокуроръ. Это дѣвицы, которыя увидѣвъ въ первый разъ Красовскаго ѣдутъ съ нимъ въ ресторанъ, бываютъ въ ресторанахъ, засиживаются до глубокой ночи, пьютъ вино—поведенія, которое не способствуетъ къ особенному возбужденію довѣрія. Далѣе оказывается что Дьяконова уже давно ходитъ къ жан-дармскому полковнику Иванову, сообщаетъ ему свѣдѣнія и получаетъ за это по 5 руб. на трамвай. Довольно долго хотила и наконецъ начала рассказывать о маскѣ. Въ концѣ концовъ полковникъ Ивановъ сказалъ: довольно, не поѣзжай на трамвай,

а иди пѣшкомъ. Но послѣ этого она начала усиленно ходить уже безъ трамвая и безъ 5 руб. къ Иванову. Самъ Ивановъ говоритъ: раньше ничего не говорила, а тутъ, каждый разъ сенсационныя свѣдѣнія, говоря русскимъ языкомъ—съ ногъ сшибательныя. Вотъ рассказываетъ она. Я начинаю предлагать вопросы и на вопросы она ничего не отвѣчаетъ. Когда слѣдующій разъ придетъ, то на прежніе вопросы великодушнo отвѣчаетъ, а шовое спрoшу—ничего не скажетъ. Это характеристика Дьяконовыхъ. Но я люблю, чтобы факты выходили отъ своихъ людей и поэтому я укажу на то, что говоритъ самъ Красовскій, свой человекъ. Онъ говоритъ, что какъ-то раньше попалась Чеберякъ въ кражѣ пальто, ее потянули на судъ, а она говоритъ: я пальто на толчкѣ купила. Когда надо было свидѣтелей, то сейчасъ же выставила Дьяконову и по удостовѣренію Красовскаго Ксенія Дьяконова завѣдомо ложно показала, что пальто было куплено на толчкѣ, тогда какъ оно было краденое. Самъ Красовскій говоритъ, когда это ему выгодно, что Ксенія Дьяконова, по его мнѣнію, лжесвидѣтельница. Это характеристика, но вѣдь характеристика можетъ быть отрицательной, а свидѣтельница все-таки можетъ говорить правду. Опять пойдемъ по фактамъ: говорили ли правду Дьяконовы здѣсь на судѣ? прежде всего, онѣ чрезвычайно между собою разнорѣчивы. Одна сестра говорила одно, другая говорила другое, такъ что г. защитникъ даже спрашивалъ: вы вмѣстѣ живете?—Да.—Вы имѣли возможность сговориться?—Да, имѣли. Но, г.г. присяжные засѣдатели, сговориться—это совсѣмъ не такъ легко. Представьте себѣ, что у кого-нибудь изъ васъ возникнетъ мысль сговориться съ товарищемъ: что вы вчерашній день проводили такъ-то, то-то и то-то дѣлали, а въ дѣйствительности вы вовсе не видались. Оговорились, все условлено, а если васъ начнутъ допрашивать на перекрестномъ допросѣ—вы неминуемо собьетесь. Таково свойство неправды—какъ вы тамъ ни сговариваетесь, но если начнутъ допрашивать, то это обнаружится. Такъ и въ данномъ случаѣ, Екатерина Дьяконова говоритъ, что 12 числа придя къ Чеберякъ и заставъ всю компанію только—только послѣ убійства, она въ числѣ бывшихъ тамъ лицъ видѣла Лисунова. Здѣсь она ни слова

о Лисуновѣ не говоритъ, а когда мы ее просимъ прочесть то, что она говорила на предварительномъ слѣдствіи, она отвѣчаетъ: да, но это ошибка. Ларчикъ просто открывался: 12-го марта Лисуновъ сидѣлъ подѣ стражей и быть у Чеберякъ не могъ. Чтобы такихъ досадныхъ ошибокъ больше не было, Кириченко взялъ справки о томъ, какіе воры сидѣли въ этотъ день, а какіе нѣтъ и далъ эту справку Красовскому. Но это было уже поздно. Этого мало, припомнимъ показанія Дьяконовой: между первымъ ея посѣщеніемъ, когда была игра въ почту и когда она познакомилась съ Мифле и между посѣщеніемъ 12-го марта она была у Чеберякъ и вотъ тогда она видѣла Лисунова. Пришла передъ 12 марта—Лисунова видѣла. Пойдемъ дальше и опять фактъ, отмѣченный прокуроромъ: 11 марта, говоритъ Дьяконова, она видѣла Андрея Юшинскаго у Чеберякъ, а по дѣлу совершенно точно установлено, что 11-го марта Андрей тамъ быть не могъ, далѣе, въ ночь съ 14 на 15 марта Екатерина ночевала у Чеберякъ, спала съ ней на одной кровати, ночью просунула Екатерина ногу и нащупала барахло—мѣшокъ, въ которомъ было что-то скользкое, холодное, страшное. Затѣмъ второю ночью съ пятнадцатаго на шестнадцатое, на Екатерину Дьяконову напалъ ужасный страхъ—это была ночевка вмѣстѣ съ Черняковой и всѣ онѣ, вмѣстѣ съ самой Чеберяковой ушли изъ квартиры Чеберяковой. Оно и понятно, что про ночевки надо рассказывать въ этой послѣдовательности, потому что если ихъ переставить, тогда выйдетъ нелѣпость. Если поставить эту ночевку со страхомъ—первой, такъ выйдетъ несообразность: какъ же такъ, люди страшно чего-то испугались посреди ночи и удрали, имъ мерещился Юшинскій, казалось, что Юшинскій по пятамъ гонится за ними. А на слѣдующій день какъ ни въ чемъ не бывало, взяли и опять попли. И Красовскій самъ это понимаетъ. Онъ первой—ставить ночевку, доведенную до конца, а второю—ночевку съ испугомъ. Но Екатерина Дьяконова это не вполне усвоила и она, при показаніи слѣдователю, порядкомъ ночевки перепутала. Она первую поставила ту ночевку, которая окончилась страхомъ, а второю ту, гдѣ она трогала этотъ тюкъ, это барахло. Тогда Красовскій сталъ равняться подѣ Дьяконову, и теперь

онъ разсказываетъ въ этомъ же порядкѣ. Въ числахъ тоже вышла путаница. Красовскій говорилъ съ четырнадцатаго на пятнадцатое и съ 15 на 16, подгоняя это къ оттепели, когда выносили трупъ. Барахло Екатерина Дьяконова не показывала Чеберяковой. Она не сказала, что буд-то бы Чеберякова на ея вопросъ—„что это“? Отвѣтила—„это барахло“. А какое значеніе имѣеть разговоръ о барахло, это мы увидимъ дальше. Дальше вышла уже совершенная несообразность, онѣ съ Чеберяковой совершенно не спѣлись. Черныкова не отрицаетъ ночевки, она говоритъ—„ночевка была, но въ гораздо болѣе ранній срокъ“. Наконецъ положеніе барахло, этого мѣшка—вѣдь сама Дьяконова нарисовала планъ комнаты и вамъ его показывали подробно, ее распрашивали—какъ же она, лежа къ стѣнѣ, а Чеберякова къ внутренней сторонѣ, какъ же она могла тронуть ногой барахло, для этого вѣдь нужно вывихнуть ногу. Я думаю, что для васъ, когда вы смотрѣли, это было совершенно очевидно. Вотъ вамъ, гг. прис. засѣд., картина измышленнаго, фантастическаго показанія. Но этого мало, Дьяконова опознаетъ и вещественныя доказательства. Но съ листками вышла конфузъ. Слѣдователь предложилъ нарисовать какіе это были листки и каждая изъ нихъ нарисовала по разному, не схожія съ тѣми листками, которыя имѣются. Такъ же и съ вышивкой, Дьяконова категорически говорила на предварительномъ слѣдствіи, что вышивка шита только красными нитками, а черныхъ нитокъ нѣтъ, а въ дѣйствительности вы видѣли рисунокъ—тамъ дѣйствительно много красныхъ нитокъ, но съ боку черныя стерженекъ. Пришли Дьяконовы на судъ, ихъ спрашиваютъ—какая вышивка? Одна говоритъ—красныя нитки и черныя.—А какъ же вы слѣдователю показывали, что черныхъ нитокъ нѣтъ?—Ошибалась. Значитъ, съ Лисуновымъ—ошибалась; съ Чеберяковой—ошиблась и тутъ съ нитками—тоже ошиблась. Ну, что же дѣлать, ошиблась, такъ ошиблась. Первая, Екатерина Дьяконова опредѣлила эту вышивку, она признала ее—„да, это та самая наволочка, я видѣла ее у Чеберяковой“. Вотъ подумайте, гг. присяжные засѣдатели, какое это показаніе, вѣдь за это показаніе Чеберякова могла

угодить на каторгу. Защита находила неправильнымъ и говорила, что судебный слѣдователь долженъ былъ предъявить. Я тогда спросилъ, чтобы показали такой законъ, на основаніи котораго слѣдователь долженъ былъ предъявить вещественныя доказательства. Защита тогда сказала, что это потому, въ рѣчахъ выяснится. Ну, вотъ наступили рѣчи. Я утверждаю, что такого закона нѣтъ, я утверждаю, что судебный слѣдователь не долженъ былъ предъявлять, разъ свидѣтель описываетъ предметъ иначе, чѣмъ онъ въ дѣйствительности. Судебный слѣдователь предъявилъ, она опознала и сестра опознала. Что же для Чеберяковой скамья подсудимыхъ и каторга! Вотъ господа, куда ведутъ эти версіи, созданныя гг. Красовскимъ, Бразулемъ и компанія! Но всего интереснѣе было дѣло съ Ксеніей Дьяконовой. Она точно говорить,—крестикъ черныя, крестикъ красныя. „А какъ же раньше говорили, что только красныя?“—„Да, говорила, но ошиблась“. И мы разъ пять ее объ этомъ спрашивали и она совершенно убѣдительно и опредѣленно говорила: „крестикъ черныя, крестикъ красныя“. Показываютъ ей вышивку. Ничего подобнаго, никакого чередованія крестиковъ нѣтъ. Она посмотрѣла, посмотрѣла и говоритъ:—„а знаете вѣдь это та самая“. „Какъ же та самая, вѣдь вы совершенно иначе сейчасъ разсказывали?“—„Ну, дѣйствительно разсказывала, ошиблась, а это та самая“. Это было при васъ, гг. присяжные засѣдатели, это вы все видѣли, и я думаю, что у васъ составилось совершенно единоегласное убѣжденіе у всѣхъ 12-ти безъ исключенія, что Дьяконова говоритъ явную неправду и какую неправду? Неправду, за которую человекъ можно сослать на каторгу. Таковы показанія Дьяконовыхъ. Еще остается сознаніе Люды. Прежде спрашивали Женю—не сознавался, а Люда созналась ей, Дьяконовой, въ чемъ же? Созналась въ томъ, что ея мать, мать Люды, убивала. Вотъ какія фантазіи. Хорошо.

МАЛИЦНАЯ.

Это вотъ одно колесико главное, въ него тѣсно зубчиками входитъ другое колесико—Малицкая. То, что тѣ видѣли—эта слышала. Но показаніе Малицкой произвело тоже, я полагаю, впечатлѣніе совершенно опредѣленное, также и показаніе ея мужа.

Вы помните. Она рассказывала о слабомъ звукѣ черезъ носъ „одинъ говоритъ мнѣ, я слышу, а другой говоритъ мнѣ, я тоже слышу. Мы тамъ были и знаемъ, что этого слышать нельзя. Это опять измышленіе, и опять сначала, на показаніи, она говорила, что ничего не знаю, а потомъ ее подучили, но плохо; она все говорила, что это было вечеромъ, ну а дальше ее вразумили и теперь она показываетъ подѣ Дьяконову. Она показываетъ о томъ, какъ несли что-то мягкое, длинное, а Чеберякова шла посрединѣ и размѣръ этого мягкаго, длиннаго опредѣляетъ. Когда я просилъ ее показывать, она показала, какъ разъ въ ростъ 12—13-лѣтняго мальчика. И опять какими приемами, тоже весьма характерно. Вначалѣ она говоритъ, что сидитъ одна-одионошенька. Понятно, когда человѣкъ одинъ сидитъ, то у него слухъ изощренъ, онъ слышитъ многое такое, что въ разговорѣ, въ суетѣ не слышно. Хорошо, одна-одионошенька, поэтому такъ слышно—прекрасно. „Почему вы только это слышали и не слышали ничего другого, что было раньше“. „Я все время въ работѣ, все время народъ ходитъ, отъ того я и не слышу“. Но вѣдь она не только слышала происшествіе 12-го, а и послѣдующія слышала, почевки слышала. Это настолько хорошо, что я вамъ прочту съ дословной точностью. Это очень немного. „Послѣ того, что я слышала, т. е. 12-го, тамъ хотѣли заснуть и не могли заснуть, и я внизу хочу заснуть и не могу заснуть они успокаиваются, и я успокаиваюсь, они подымаются и я не сплю. И такимъ образомъ они не могли заснуть и я не спала. Я слышала смѣхъ, говоръ,—шевелются, подымаются, переходятъ въ другую комнату, и опять сюда приходятъ, и вотъ опять тишина, тишина“. Вѣдь это было бы чрезвычайно забавнымъ, а вѣдь изъ-за этого человѣкъ могъ пойти на каторгу. Вотъ значить какое совпаденіе, и оказывается все вымыселъ, никакого она шевеленія не могла слышать, потому что его не было, потому что почевокъ не было. Дальше идетъ Вышемирскій, на слѣдствіи не допрошенный, а вызванный запитой. Онъ явился сюда и удостовѣрилъ два обстоятельства, что у Бейлиса въ нужное для Бейлиса время разбилась корова и что мужъ Адели Раввичъ ему сознавался. Вотъ только этого не доставало. Ну, хорошо, мужъ Адели

Раввичъ сознавался,—а что мужъ говорить до сознанія и послѣ сознанія, когда собирался ѣхать въ Америку?—Не помню. Говорилъ онъ объ Америкѣ, объ этой поѣздкѣ „этого не помню“, только знаю, одно, пришелъ Раввичъ и сказалъ, что жена его была у Чеберяковой и видѣла... Что вы думаете? „трупъ завернутый въ коверъ и положенный въ ванну“. Вотъ что и кромѣ этого ничего мужъ Адели Раввичъ не сказалъ. Дальше идетъ Швечко. Онъ опять слышалъ только то, что надо было слышать. Парикмахеръ Швечко сидѣлъ въ тюрьмѣ мѣсяца 3, за что не желалъ сказать, попалъ въ часть и въ этой части былъ съ Рудзинскимъ. Они на нарахъ спятъ и вотъ ночью Швечко просыпается и застаётъ Рудзинскаго какъ разъ на разговорѣ о томъ, что „они прихватили байстроюка“. Выслушалъ это, что они прихватили байстроюка за предательство, и опять заснулъ. Г.г., а вѣдь это все подобрано одно къ одному, все колесики одного механизма, но еще характернѣе тоже строго подобранное къ Дьяконовой показаніе Караева и Махалина.

Предсѣдатель объявляетъ перерывъ на $\frac{1}{2}$ часа.

Послѣ перерыва Замысловскій продолжаетъ свою рѣчь.

ПОКАЗАНІЯ ШВАЧКО.

Г.г. судьи, г.г. присяжные засѣдатели, разбирая чеберяковскую версію, я остановился на свидѣтелеѣ Швачко, но всего о немъ не успѣлъ сказать. Вотъ пока онъ передавалъ рассказъ, слышанный имъ въ арестантской камерѣ, рассказывалъ, какъ онъ проснулся, выслушалъ, опять заснулъ, до тѣхъ поръ все шло гладко, но затѣмъ случилось недоразумѣніе. Выслушавъ разговоръ о Софійскомъ соборѣ, какъ вы помните, мы отъ Красовскаго хотѣли добиться, откуда онъ знаетъ, что Андриша хотѣлъ обокрасть Софійскій соборъ, на что онъ вамъ отвѣтилъ, что слышалъ это отъ Швачко. Швачко же этого не подтвердилъ. Тогда Красовскій говорить, что не пріямъ отъ Швачко, а черезъ Бразуля, Швачко Бразулю, а Бразуль мнѣ. Вызвали Бразуля, спрашиваемъ его, говорилъ вамъ объ этомъ Швачко?—Да, говорилъ.—А когда говорилъ? Вотъ тутъ-то во всѣхъ этихъ показаніяхъ самое топкое мѣсто. Какъ всѣ эти господа вошли въ дѣло, какъ они слѣ-

лались свидѣтелями, какъ попали въ эти добровольные разслѣдователи? До этого мѣста мы дошли. Швачко ясно намъ разсказалъ, какъ онъ послалъ Бразулю письмо, самого Бразуля онъ не видалъ. Послѣ этого письма, посланнаго въ „Кіевскую Мысль“, является къ нему постричься Караевъ. Постригся, постригся и началъ разспрашивать. Черезъ нѣсколько дней пришелъ къ нему Красовскій, тоже постричься, постригся и опять началъ разспрашивать, а самого Бразуля онъ, Швачко, не видалъ. Спрашивали мы и у Бразуля, когда онъ видѣлся со Швачко, на это время я просилъ Швачко удалить изъ зала, Бразиль говоритъ, черезъ нѣсколько дней послѣ заявленія. Онъ ко мнѣ пришелъ, и я его на парадной разспрашивалъ. Позвали Швачко, спрашиваемъ, когда это было? Черезъ мѣсяць, или черезъ полтора?— Позвольте, черезъ мѣсяць, полтора, Бразуль уѣхалъ на курортъ отдохнуть послѣ этого служенія правосудію, черезъ мѣсяць-полтора, Бразуля не было. Опять противорѣчіе, и среди своихъ людей, между Швачко и Бразулемъ, они путаются именно потому, что нельзя объяснить, какъ они въ это дѣло попали, какъ принялись за розыски.

КАРАЕВЪ И МАХАЛИНЪ.

Теперь перехожу къ показаніямъ Караева и Махалина. Швачко намъ удостоверилъ сознаніе Рудзинскаго. Нужно теперь сознаніе и Сингаевского. Махалинъ говоритъ, что онъ тоже сознанся. Что касается характеристики этого свидѣтеля, то вы сами видѣли его здѣсь. Изыщный молодой человѣкъ, правда, сидѣлъ въ тюрьмѣ въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ, по подозрѣнію въ экспроприаціи, но совершенно не виноватъ. Но этого времени сидѣнія въ тюрьмѣ не потерялъ даромъ и въ совершенствѣ изучилъ воровскій языкъ, знаетъ всѣ ихъ слова, знаетъ даже такія, которыхъ не знаютъ сами воры, имѣетъ пристрастіе къ студенческой тужуркѣ, подобно Выгранову, хотя ни тотъ ни другой на эту тужурку не имѣютъ малѣйшаго права; готовится къ оперной карьерѣ, и, конечно, по сравненію съ нимъ Швачко и Вышемирскій — это комнатные исполнители домашнихъ романовъ подъ плохой аккомпаниментъ, и передъ ними онъ дѣйствительно, готовится къ оперной карьерѣ.

Но эта характеристика можетъ быть и ошибочна, обратимся къ показаніямъ подой-

демъ къ фактамъ. Опять, прежде всего, вопросъ, какъ онъ попалъ въ дѣло? Попалъ онъ въ 1912 году, только тогда, когда возникла эта версія и работа Бразуля, только тогда у него возникло желаніе безкорыстно послужить правосудію. Раньше ему и въ голову это не приходило. Убийство Ющинскаго произошло въ мартѣ 1911 г., а Махалинъ появляется въ 1912 году. Столь же странное появленіе Караева, и даже болѣе странно. Караевъ живетъ на Кавказѣ, и вдругъ его выписываютъ съ Кавказа. Если человѣкъ, живущій на Кавказѣ, получаетъ письмо со словами „пріѣзжай въ Кіевъ“, то для этого нужны нѣкія основанія. Все бросить и ѣхать въ Кіевъ, какія-же для этого основанія? Вотъ тутъ то приходится совѣмъ плохо, тутъ приходится прикрываться 722 ст., которая позволяетъ свидѣтелю не отвѣчать на вопросы, уличающіе его. Караевъ говоритъ, я получилъ письмо партійнаго характера и думалъ, что вызываютъ меня по партійному дѣлу. Но по какому же дѣлу? Но онъ пользуется 722 ст., говорить намъ этого не хочетъ. Теперь дальше, какъ онъ приступилъ къ розыскамъ. Опять любопытное обстоятельство. Махалинъ говоритъ, что пришелъ къ Караеву, котораго онъ называетъ „замѣчательно благородный человѣкъ“, и предложилъ: не хочешь ли заняться розыскомъ, придется, можетъ быть подпоить и солгать. Тутъ Караевъ всплилъ, даже браунингъ выхватилъ, говорить „ни за что предательство“. Это рассказъ Махалина, а вотъ Красовскій — тоже своя компанія — онъ рассказываетъ иначе. Онъ говоритъ, что вовсе не былъ Махалинъ одинъ, а было ихъ двое, Махалинъ и Красовскій, и что Красовскій объ этомъ сказалъ Караеву, при этомъ никакого браунинга Караевъ не вытаскивалъ, сказалъ „подумаю“, и скоро согласился. Послѣ этого противорѣчія была очная ставка между Махалинымъ и Красовскимъ. На этой очной ставкѣ они стали говорить, что было не одно свиданіе а два, о чемъ раньше не было разговора, и что при первомъ свиданіи Махалинъ былъ одинъ, а при второмъ былъ и Махалинъ и Красовскій, и тогда никто револьвера не вытаскивалъ. Но тогда уже получается внутренняя несообразность. Вѣдь если Махалинъ видѣлъ, что Караевъ принялъ такъ горячо его предложеніе, что даже всплы-

лил и браунингъ вытащилъ, какъ же онъ послѣ этого и когда Караевъ думаетъ принять ли предложеніе или нѣтъ, приводить къ нему совершенно незнакомаго человѣка, да еще какаго, бывшаго начальника сыскной полиціи, котораго Караевъ могъ знать въ лицо. Какъ онъ могъ привести его къ нему, да еще съ тѣмъ же самымъ предложеніемъ. Когда онъ товарищъ, предложилъ Караеву, и тотъ такъ разсердился, какъ же онъ, не давъ ему успокоиться, ведетъ къ нему бывшаго начальника сыскной полиціи. Разумѣется, здѣсь что-то не такъ, и выписали Караева по инымъ основаніямъ, и ввели его въ дѣло не такъ, какъ рассказывали намъ Махалинъ и Красовскій. Опять здѣсь что то такое есть, о чемъ на судѣ говорить нельзя.

СОЗНАНІЕ СИНГАЕВСКАГО.

Попробуемъ теперь разобраться въ самомъ этомъ сознаніи. Зазвали,—говорятъ они,—„Плиса“ въ гостиницу Михайловскаго монастыря, къ Караеву въ номеръ, напоили и затѣмъ ошарашили его такимъ извѣстіемъ: „вотъ-вотъ тебя заберутъ“, привели его этимъ въ нервное состояніе. Ну, конечно, приемы это нечистоплотные, и во всякомъ случаѣ, конецъ вѣнчаеъ дѣло. Побѣдителей не судятъ, какіе бы ни были приемы, но вотъ онъ сознался. Въ чемъ же собственно онъ сознался и какъ сознался? Махалинъ рассказываетъ, что съ нимъ 3—4 часа говорили, и, что онъ чистосердечно во всемъ сознался, а что онъ намъ передаетъ только эссенцію. Сравниваемъ показанія Махалина и Караева, и что же оказывается? Одинъ говорить, что послѣ этого откровеннаго сознанія Сингаевскій въ тотъ же день уѣхалъ въ Москву, а другой, слышавшій это самое признаніе, говорить, что уѣхалъ на слѣдующій день. Опять противорѣчіе совершенно неустранимое. Махалинъ говорить на это: „да, противорѣчіе есть“. Теперь обращаемся къ тому же Бразулю. Бразуль описываетъ дѣло такъ. Когда Махалинъ и Караевъ въ караевскомъ номерѣ напаявали „Плиса“, то онъ, Бразуль, въ ожиданіи, что произойдетъ, сидѣлъ въ номерѣ Махалина и ждалъ.—Это было тоже въ гостиницѣ Михайловскаго монастыря.—Черезъ нѣсколько времени выходитъ Махалинъ и говорить: „ничего не выходитъ, поили его, а вышло то, что мы напаялись, а онъ трезвъ“. Противорѣчіе неразъяснимое. Ма-

халинъ говоритъ, что съ самаго начала „Плиса“ началъ рассказывать и сознался, по этому поводу спросили Махалина, относительно Бразуля.—Да, припоминаю, онъ былъ въ номерѣ, но въ началѣ разговора, а не въ серединѣ.—Пойдемъ дальше, обратимся къ Красовскому, какъ онъ рассказываетъ объ этомъ сознаніи. Махалинъ и Караевъ, получивъ это сенсационное извѣстіе, явились къ нему, Красовскому, и говорятъ: новая, крушая улика, преступникъ сознался. Какъ же онъ сознался? По объясненіямъ Красовскаго, Караевъ съ самаго начала спугнулъ „Плиса“ и тотъ ему сказалъ: „безъ Борьки я тебѣ рассказать не могу“. Словомъ, совсѣмъ не такъ, какъ рассказывалъ Махалинъ. Махалинъ сказалъ, что 3—4 часа бесѣдовали и „Плиса“ сознался, а Красовскій говорить, что не было разговора, начался только и оборвался. Теперь пойдемъ по Бразулю, вѣдь и Бразулю Махалинъ и Караевъ рассказали результаты своей бесѣды. Что же оказывается по Бразулю? А вотъ что. Сингаевскій сказалъ, что Юшинскаго искололъ Борисъ Рудзинскій, и кромѣ Рудзинскаго никого изъ убійцъ не называлъ. Вотъ какъ Бразуль передаетъ, а они говорятъ другое, именно, что „Плиса“ не только назвалъ Рудзинскаго, но и Латышева. Помните даже эту фразу, что Латышевъ слабъ въ мокромъ дѣлѣ, и что, будто бы, „Плиса“, такъ рассказывалъ. Латышевъ поѣхалъ въ Ригу. Можетъ быть не для всѣхъ васъ понятно это выраженіе „поѣхалъ въ Ригу“. Это значить стопнило человѣка, вырвало. Этотъ „Плиса“, котораго вы здѣсь видѣли, будто бы такъ выразился о Латышевѣ. Такимъ образомъ, мы видимъ и здѣсь полное противорѣчіе. Старались колесики подогнать, но они не подогнались. Но самое главное, какъ воспроизводитъ сознаніе „Плиса“ Караевъ и Махалинъ. А вотъ какъ: послѣ убійства, по показанію Махалина,—говоритъ „Плиса“,—пришли двѣ шмары, увидѣли тюкъ, а Вѣрка имъ сказала, что это барахло, такъ и сошло. Опять подгоняю подъ показаніе Дьяконовыхъ. Двѣ сестры Дьяконовы — двѣ „шмары“. Караевъ же опредѣленно говорить, что двѣ сестры и называетъ Дьяконовыхъ. Но мы знаемъ, что главное колесико провалилось и что изъ двухъ сестеръ одна только рѣшилась показать, что 12-го была у Чебреяковой, а другая нѣтъ. Что же, оказыва-

ется, что Сингаевскій, откровенно сознаваясь, раскрываетъ всю правду, но правду какую? правду по версіи Красовскаго, которой въ дѣйствительности не существуетъ. Двухъ „шмаръ“ нѣтъ, если была, то только одна. Опять показаніе Красовскаго о барахлѣ. Какъ разъ въ этомъ-то Дяконова его не подтвердила, сбилась, очевидно. Не ясно ли, что всѣмъ даны были опредѣленные роли, но каждый исполняетъ свою роль какъ можетъ. Вотъ и получается такое разнорѣчіе и колесики механизма не согласуются, начинаютъ другъ друга ломать. Оказывается, что сознающійся Сингаевскій въ порывѣ правдивости и откровенности говорить то, чего не было, но что желательно для Красовскаго.

ПИСЬМО ФЕОФИЛАКТОВА.

Но тутъ есть еще въ отношеніи Караева и Махалина одна, довольно любопытная вещь. Это письмо Феофилактова, который описываетъ, какъ все съ Караевымъ произошло, Письмо длинное, всего я воспроизводить не буду, письмо, которое въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ можетъ служить матеріаломъ для защиты, ибо, это я признаю, Феофилактовъ считаетъ, что Бейлисъ невиновенъ и, что ритуаль не существуетъ. Такъ можно понять послѣднія страницы его письма. Я не хочу этого оспаривать, но хочу сказать, что Феофилактовъ ровно ничего не знаетъ, виновенъ ли Бейлисъ или не виновенъ и судить объ этомъ не можетъ, но суть въ иномъ. Феофилактовъ упрекаетъ Караева въ предательствѣ, упрекаетъ въ томъ, что Караевъ провокаторъ. Онъ прямо пишетъ: „согласитесь, Караевъ, что у меня матеріала болѣе чѣмъ достаточно. дабы укрѣпить мнѣніе о томъ, что вы провокаторъ“ Феофилактовъ упрекаетъ Караева, что вотъ онъ, Феофилактовъ, убѣжавъ изъ Сибири и проживая здѣсь по паспорту Томила. былъ Караевымъ, и нѣкимъ Марой выданъ. Кто такой Мара—это выяснено. Прис. пов. Виленскій. То, что Феофилактовъ былъ выданъ Караевымъ, вытекаетъ изъ слѣдующаго. Онъ говоритъ: „Если бы я былъ арестованъ по жандармской слѣжкѣ, то сочетаніе арестовъ было бы одно, а то сочетаніе арестовъ, которое произошло, теперь убѣждаетъ меня, что я арестованъ не по жандармской слѣжкѣ, а потому, что вы и г. Мара меня выдали“. Я выясню, зачѣмъ понадобилось

его выдать. Оказывается, что Феофилактовъ совместно съ Караевымъ желалъ сдѣлать какое-то революціонное дѣло, преступное дѣло, видимо, за которое грозила имъ опасность, въ случаѣ обнаруженія, грозила тюрьма. Въ это время къ Караеву обращается Мара, съ предложеніемъ работать по дѣлу Бейлиса, а тотъ обращается къ Алешѣ, т. е. къ Феофилактову. Алеша отказывается, онъ говоритъ, зачѣмъ я буду тамъ работать, у меня свое революціонное дѣло,—и ставить въ неловкое положеніе Караева. Караевъ вѣдь тоже изображаетъ изъ себя анархиста. Какъ же при такомъ положеніи Караеву отказаться отъ своего дѣла и пойти работать по дѣлу Бейлиса, пойти на розыски. И тогда рѣшаютъ, что Феофилактовъ человекъ неудобный, что надо его устранить. И г. Караевъ, вмѣстѣ съ Марой, Виленскимъ, Феофилактова выдаютъ. Что это мое толкованіе письма вѣрное ясно для всѣхъ, такъ какъ это соответствуетъ тексту письма. Постараюсь вамъ это показать, прочитаю нѣкоторые выдержки. Оговорю, что Ал. — это несомнѣнно Феофилактовъ, а Караевъ называется сокращенно К.-в. Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ текстуально: „попытавшись убѣдить меня и получивъ рѣшительный рѣзкій отвѣтъ, что долженъ былъ дѣлать Мара, чтобы предотвратить этотъ ударъ? Попытаться убѣдить Караева. Онъ видится съ Караевымъ. Чѣмъ же его убѣждаетъ? Ритуаль, нація, Бейлисъ, крахъ того дѣла, надъ которымъ работалъ Караевъ“, т. е., этого революціоннаго преступнаго дѣла. Я добавляю тѣ коментаріи, которыя вытекаютъ изъ текста. Такъ вотъ, крахъ того дѣла, надъ которымъ работалъ Караевъ, опасность предпріятія, и, наконецъ, Караеву намекнули, что онъ получить 5,000. Значитъ, уже и матеріальная выгода. Сопоставьте все это съ показаніемъ полк. Иванова, который говорить, что денежными выдачами въ этомъ добровольномъ сыскѣ до 50 руб. завѣдывалъ Бразуль, а выше 50 прис. - пов. Виленскій, этотъ самый Мара. Читаемъ дальше: „согласитесь, что аргументовъ много. Тутъ и идея вродѣ ритуала и выгода въ 5,000 руб. и опасность тюрьмы“. Опасность, если продолжать то дѣло, надъ которымъ работаетъ Алеша. Нужно быть, дѣйствительно, очень стойкимъ человекомъ, чтобы отказаться. „Я, пожалуй, не прочь отказать-

ся отъ этого революціоннаго дѣла,—отвѣчаетъ Караевъ,—но Алеша онъ не отступитъ. Онъ вѣдь дѣлу Бейлиса посторонній, никакой благодарности не получитъ, о націи онъ отвѣтилъ,—что съ нимъ подѣлаешь“. И вотъ тогда Мара предлагаетъ Караеву сказать Алешѣ, что онъ, Караевъ, не хочетъ участвовать въ этомъ революціонномъ предпріятіи, но Караевъ на это не согласенъ. Тогда о немъ будутъ плохого мнѣнія, скажутъ, что онъ болгунъ, трусъ, шантажистъ, пока требуются угрозы—онъ годится, когда же приходится дѣйствовать—Караевъ не хочетъ. Что же остается Марѣ. Нужно Алешу убраться съ дороги. Ивановъ свой человекъ Да хоть бы и не свой, онъ все равно долженъ былъ бы это сдѣлать. Жандармскій подполковникъ обязанъ арестовать анархиста, когда ему сообщаютъ о томъ, что этотъ анархистъ живетъ по паспорту Томина и бѣжалъ изъ Сибири. Нѣтъ, на это я не согласенъ,—говоритъ Караевъ. Почему? Потому, что это будетъ значить, что я выдалъ анархиста. Но нужно считаться съ дѣломъ Бейлиса,—ему возражаютъ,—съ дѣломъ Бейлиса, ритуаломъ, націей и т. д. И, наконецъ, отъ васъ и не требуютъ никого выдавать, а требуютъ только молчать. Но Караевъ снова возражаетъ: но если Алешу арестуютъ, то онъ меня будетъ подозрѣвать въ выдачѣ. Ну что жъ, придется и вамъ посидѣть за знакомство, но вѣдь это во имя націи и многоточіе пяти тысячъ. И Караевъ начинаетъ молчать. И финалъ такой: „только ваше дѣло Бейлиса является поразительнымъ и нелѣпнымъ: буржуи, жандармы, сыщики и анархисты дружно работаютъ въ одномъ дѣлѣ. Задумайтесь надъ этимъ, если нѣтъ, посмотрите, что изъ этого выходитъ. „Защита очень часто по другимъ процессамъ мечет громы о вредѣ и безнравственности провокаціи, и вотъ я съ интересомъ жду, какъ будетъ теперь защита обосновывать свою версію на основаніи показаній, по моему мнѣнію, несомнѣннаго провокатора. Такова эта исторія съ добровольными розысками, это противоестественное сочетаніе буржуевъ, сыщиковъ, анархистовъ. Тамъ въ Харьковѣ: прис. пов., прогрессивный журналистъ, г-жа Чеберякъ и сыщикъ, правда въ студенческой тужуркѣ. Прис. пов. Марголинъ по этому поводу говорилъ намъ,—вы пом-

ните,—говорилъ о фешенебельномъ обществѣ, о послѣднемъ крикѣ, такъ сказать, заграничной еврейской моды. Можетъ быть, разумѣется, за границей это и считается фешенебельнымъ обществомъ, но у насъ это называется совсѣмъ иначе.

Затѣмъ вспомните еще объ одной вещи. Вспомните, какъ Бразуль здѣсь говорилъ о томъ, что онъ постратился, и что у него даже пѣлый пукъ ломбардныхъ квитанцій. Но вѣдь, однако, несмотря на эти ломбардныя квитанціи, Бразуль уѣхалъ на курортъ, чего, повидимому, раньше за нимъ не водилось. Затѣмъ, приемы этого сыска тоже чрезвычайно характерны. Все валять на мертвыхъ. Вотъ Красовскій говорилъ про Наталью Юшинскую, что она ему рассказывала о томъ, что Андрюша все не былъ такимъ хоронимъ мальчикомъ, часто дома не почевалъ, а почевалъ у Чеберякъ. Но вѣдь Наталья Юшинская въ могилѣ, опровергнуть не можетъ, ну, а въ показаніи ея судебному слѣдователю этого, разумѣется, нѣтъ.

АДЕЛЬ РАВИЧЪ.

Адель Равичъ съ мужемъ уѣхали въ Америку. Вотъ и на нихъ начинаютъ валять. Оказывается, что мужъ Равичъ сознался, что онъ трупъ видѣлъ въ коврѣ и въ ваннѣ, Адель Равичъ тоже созналась Дьяконовымъ. Созналась, но тутъ только выпло одно маленькое неудобство. Одна Дьяконова показала, что Равичъ созналась и повѣдала все на похоронахъ Вали, а другая—на похоронахъ Жени. Одна говоритъ, что созналась, когда обѣ сестры были вмѣстѣ, а другая говоритъ, что созналась, когда онѣ были порознь. Но всякомъ случаѣ, стоило только Равичъ уѣхать, какъ на нее валять. Стоило умереть Натальѣ Юшинской и уже утверждаютъ, что будто бы она, обожавшая Андрюшу, любившая его горячо, рассказывала, что онъ вовсе не такой идеальный. Показаніе же Адели Равичъ, данное судебн. слѣдователю, очень опредѣленно и совершенно исключаетъ возможность того, что на нее валять. Вѣдь Адель Равичъ прямо говоритъ, что когда нашли трупъ Андрюши весь исколотый, то она должна была поѣхать въ минскую губернію. Она поѣхала съ сестрой. Въ вагонѣ громко говорили объ этомъ убійствѣ, и она громко сказала, что несомнѣнно, что Андрюшу убили жида. И

дальше, она поясняет, говоря судебному следователю: „Вамъ можетъ показаться страннымъ, что мы вѣримъ въ то, что существуетъ ритуаль, а вотъ я долго жила въ виленской и минской губерніяхъ и я твердо убѣждена въ этомъ. Я жила въ мѣстечкѣ Долговинѣ, тамъ нашли трупъ исколотого младенца, послѣ чего былъ погромъ. И это хорошо знаю“. Какъ же послѣ того, какъ женщина дала столь опредѣленное, столь категорическое показаніе, говорить, что она видѣла трупъ и что она чуть-ли не была соучастницей Чеберякъ.

ЧЕБЕРЯКОВСКАЯ ВЕРСИЯ.

Возвращаясь къ чеберяковской версіи, чтобы съ нею окончательно покончить. Фактическій матеріалъ совершенно опровергнуть, отъ него ничего не осталось. Версія эта весьма богато обставлена. Восемь свидѣтелей было вызвано для того, чтобы ее удостовѣрить, двѣ сестры Дьяконовыхъ, Швачко, Вышемирскій, Махалинъ, Караевъ и др. Но вѣдь ясно же, что это полнѣйшій вымыселъ, который распознается по всѣмъ швамъ. Кромѣ того, эта версія невозможна еще и по слѣдующимъ логическимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, такое убійство было бы совершенно безмотивно. Нѣтъ повода, нѣтъ смысла въ немъ. Для того, чтобы придать ему смыслъ, понадобилось прибѣгнуть къ такой клеветѣ, что Андриуша хотѣлъ обокрасть Софійскій соборъ, что онъ часто ночевалъ у Чеберякъ, что онъ былъ посвященъ во всѣ воровскія дѣла. Но вѣдь это клевета, и если эту клевету откинуть, то встанетъ вопросъ, зачѣмъ же было его убивать? Если даже считать, что воры его убили изъ мести за то, что онъ ихъ выдалъ, то какъ это можетъ быть. Какъ это могли думать? Вѣдь Андриуша почти никогда не бывалъ у Чеберякъ. Онъ переѣхалъ на Слободку за годъ до смерти и хотя и ходилъ на Лукьяновку, то крайне рѣдко. Что онъ могъ видѣть? Что онъ могъ знать? За что было его убить? Говорятъ еще, что вотъ его убили, чтобы поддѣлать подъ жидовъ и вызвать погромъ. По этому поводу экспертъ проф. Бехтеревъ, съ заключеніями котораго я во многомъ не согласенъ, экспертъ, вызванный защитой, экспертъ, давшій самое благопріятное для защиты заключеніе, этотъ экспертъ намъ сказалъ, что думать, что въ этомъ дѣлѣ

была поддѣлка подъ ритуаль, поддѣлка „подъ жидовъ“, нельзя. Но вѣдь если собираются вызвать погромъ, то вѣдь какія-нибудь же мѣры принимаютъ, а вѣдь тутъ воры взяли и уѣхали. Хотѣли связать Чеберякъ съ разброской прокламаціей, но изъ этого ничего не вышло. Да, выяснилось, что у Чеберякъ была какая-то прокламація, которую Чеберякъ двумъ или тремъ сосѣдямъ показывала. Пробовали тогда установить, что разбрасывалъ прокламаціи Павловичъ, а Павловичъ воръ. Ну, значить, изъ одной компаніи съ Чеберякъ. Такъ вотъ, какъ воры зарѣзали „подъ жидовъ“, такъ воръ разбрасывалъ прокламаціи для того, чтобы вызвать погромъ, но и это не вышло. Оказалось, въ разброскѣ прокламаціи обвиняется Николай Павловичъ, но Николай Павловичъ никогда за кражу не судился, судился за буйство, но и только. Правда, былъ Павловичъ, который судился за воровство, но это уже Константинъ Павловичъ, а Константинъ Павловичъ никакого участія въ разброскѣ прокламаціи не принималъ. Такимъ образомъ, полная безмотивность убійства, убійства, способомъ явно несоответствующимъ тѣмъ способамъ, которыми убиваютъ воры. Дальше невѣроятно, чтобы это убійство было совершенно Сингаевскимъ и Рудзинскимъ еще и потому,—я думаю, вы этому повѣрили,—что 12-го марта дѣйствительно они совершили кражу и послѣ этого сейчасъ-же уѣхали въ Москву, гдѣ ихъ задержали кутящими. Это фактъ уже совершенно неопровержимый. Такъ вотъ я и спрашиваю, какъ-же они, не похоронивъ трупа, его бросили и уѣхали, убили предателя, надо похоронить, всѣ концы въ воду, а тутъ оставили Чеберякъ съ трупомъ, когда вся шайка разгромлена, всѣ сидятъ, ктонибудь можетъ выдать, можно ждуть обыска у Чеберякъ, а они оставляютъ трупъ у Чеберякъ и ѣдутъ въ Москву. Совершенная бессмыслица. Да, наконецъ, это и по обстоятельствамъ дѣла невозможно. Вы помните, мы видѣли, что квартира Чеберякъ была во второмъ этажѣ, внизу винная лавка, рядомъ живетъ Балавинъ, вѣдь если бы это было, то всѣ бы слышали, вѣдь огня выходятъ на усадьбу, въ которой постоянно народъ, дѣло было вѣдь въ мартѣ. Мыслимо-ли при такихъ условіяхъ тамъ убивать? Это совершенная бессмыслица. Затѣмъ, и по соображеніямъ чисто научна-

то характера: на гурткѣ мальчика найдена глина, глина пропитавшаяся кровью. И проф.-экспертъ Косоротовъ говорилъ, что такая глина могла образоваться только на мѣстѣ убійства и этотъ вопросъ относился къ числу такихъ, по которому эксперты, по удостовѣренію проф. Косоротова, пришли къ единогласному мнѣнію. Правда, проф. Павловъ потомъ отъ этого единогласнаго заключенія отказался. Онъ сказалъ, что, можетъ быть, было единогласіе, но за ночь онъ подумалъ и отказался отъ этого единогласія. Но если бы проф. Павловъ привелъ научныя соображенія почему онъ отказывается, это было бы серьезно, но если онъ серьезныхъ соображеній не привелъ, если значить, были не научныя соображенія, а какія-то инныя, то это не серьезно. Что касается проф. Кадьяна, то онъ попробовалъ возражать противъ этого пункта о пропитываніи глины, но то-же самое никакихъ внушительныхъ соображеній не привелъ и по тѣмъ дополнительнымъ соображеніямъ, которыя здѣсь выказалъ проф. Косоротовъ, онъ ничего намъ больше не говорилъ. Каковы-же эти дополнительные соображенія? Вотъ какія. Кровь засыхаетъ примерно, черезъ 12 час. и, конечно, можно предполагать, что трупъ былъ вынесенъ, когда еще кровь не засохла—такое предположеніе допустимо. Но прежде, чѣмъ кровь засыхаетъ, она свертывается, такъ какъ свертывается молоко, разница только въ томъ, что кровь свертывается гораздо скорѣе молока. Когда кровь свертывается, то она представляетъ изъ себя нѣчто вроде студня, нѣчто вроде желе. Этотъ студень или это желе можетъ пачкать, и такая свернувшаяся, но не засохлая кровь можетъ выпачкать бѣлье, одежду, стѣнки пещеры и глину можетъ окрасить кровью. Но она красить, однако не пропитываетъ. Пропитываетъ только свѣжая, не свернувшаяся кровь, а свернувшаяся не пропитывается. Вотъ совершенно научное, подробное заключеніе, которое далъ проф. Косоротовъ и которое рѣшительно ничѣмъ въ дѣлѣ не опровергнуто. Какія данныя привели противъ этого соображенія проф. Павловъ и Кадьянъ? Никакихъ. Слѣдовательно, пропитываніе глины кровью произошло на мѣстѣ убійства. А если это такъ, то убійство никоимъ образомъ не могло быть въ квартирѣ Чеберяковой, это невозможно.

Гг. присяжные засѣдатели, не посѣтуйте на меня, что я подробно остановился на

этой версии, но, однако, только съ чисто фактической стороны. Съ фактической стороны мы установили слѣдующее: свидѣтели даютъ измышленныя показанія, принося одно къ другому, слѣдовательно, несомнѣнно они научены однимъ лицомъ или однимъ органомъ давать такія показанія. И то что выбивается одно показаніе, служить къ опороченію другого показанія, въ данномъ случаѣ, они всѣ опорачиваются, какъ противорѣчивыя и совершенно невѣроятныя, а въ мѣстѣ о наволочкѣ совершенно явно лживыя. Дальше преступленіе это безмотивное, никакихъ побудительныхъ причинъ нѣтъ. Оно невѣроятно, оно, прямо скажу, невозможно. Тогда какой-же выводъ?

МѢСТО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Мальчикъ передъ убійствомъ стоялъ между квартирой Чеберяковой и заводомъ. Вы на мѣстѣ преступленія были, смотрѣли—или тутъ или тамъ, больше ничего не остается, гдѣ-же его могли еще зарѣзать. Послѣднюю то усадьбу вы видѣли, дѣло то происходило утромъ—значить, если его не зарѣзали у Чеберяковой, то гдѣ-же его зарѣзали? Только на заводѣ и больше нигдѣ. И вотъ оказывается, что слѣды живого Ющинскаго приводятъ насъ вплотную къ заводу, и въ какое время? Какъ разъ передъ убійствомъ и на заводѣ обрываются. А слѣды мертваго Ющинскаго ведутъ отъ завода. Вспомните показаніе Голубева и Акацатова, вспомните расположеніе пещеры, вѣдь туда ходъ только изъ двухъ мѣстъ—или отъ Чеберяковой или съ завода. Если слѣды живого Ющинскаго обрываются у завода, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда начинается убійство, слѣды мертваго Ющинскаго начинаются отъ завода, то не вправѣ-ли я вамъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, основаннымъ не на фантазій, а на добросовѣстно точномъ и строгомъ разборѣ фактическаго матеріала, что убійство было на заводѣ. Въ заводъ вѣдь Ющинскій попалъ съ Верхне-Юрковской улицы, съ той части завода, гдѣ живетъ Бейлисъ, гдѣ онъ самъ завѣдуетъ. Какъ-же это могло случиться безъ вѣдома и согласія Бейлиса при томъ положеніи, которое Бейлисъ занималъ на заводѣ и при томъ условіи, что Ющинскій попалъ съ В.-Юрковской улицы, оттуда, гдѣ живетъ Бейлисъ, гдѣ онъ всѣмъ завѣдуетъ, гдѣ онъ полный хозяинъ. Какъ-же можетъ совершиться такая вещь безъ вѣдома хозяина?

Это-же невьроятно. Правда, когда мы говорили о версии съ Чеберяковой, мы дѣйствительно Бейлиса не называли нѣскольکو дней, но развѣ крушеніе чеберяковской версии не представляетъ страшной улики противъ Бейлиса, развѣ та невидимая рука, которая все это отводила отъ еврейства, развѣ она сама не понимала этого? Великолѣбно понимала, отчего и версию чеберяковскую выдвинула только въ самый крайній моментъ, когда взяла за горло и когда дѣло уже было назначено къ слушанію; раньше возились съ Лукой Приходько, съ Александрой Ющинской, съ Федоромъ Нѣжинскимъ, а за Чеберякову взялись въ мартѣ 12 года, когда уже вотъ-вотъ судъ. Вотъ когда начали говорить объ этомъ. Почему? Да потому, что тутъ дѣлать ничего не оставалось, тутъ надо было признать, что передъ убійствомъ Ющинскій былъ или около Чеберяковой или около Бейлиса. Или то, или другое.

Объявляется небольшой перерывъ, послѣ котораго Замысловскій продолжаетъ рѣчь.

УБИЙСТВО ЮЩИНСКАГО.

Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели, въ своемъ изложеніи я остановился на томъ выводѣ, строго вытекающемъ изъ фактическихъ обстоятельствъ, что слѣды живого Ющинскаго приводятъ насъ къ заводу и слѣды мертваго Ющинскаго, начинаются отъ завода и я прибавилъ вамъ, что эти слѣды обрываются на заводѣ, какъ разъ передъ началомъ убійства. Вотъ это положеніе необходимо выяснитъ подробно... Убійство Ющинскаго произошло черезъ 4 часа послѣ того, какъ онъ поѣлъ борщъ, профес. Косоротовъ сказалъ это категорически, онъ сказалъ „или немножко больше или немножко меньше, но окол. 4 часовъ“. Съ этимъ были свидетели и другіе эксперты, только проф. Павловъ сказалъ, что „можетъ быть и 5, можетъ быть и 6 часовъ“, но никакихъ доказательствъ этого своего предположенія не привелъ. Допрошенный на предварительномъ слѣдствіи и теперь умершій проф. Оболонскій, тоже говорить, что 4 часа, даже, говорить онъ „нѣсколько меньшій срокъ, отъ 3 ч. до 4 ч.“. Такимъ образомъ мы можемъ спокойно взять изъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла 4 часа. Когда же Андрюша ѣлъ борщъ? Его видѣли шедшимъ уже черезъ Двѣпръ Павелъ Пушка и Марія Пушка.

Марія Пушка его видѣла на базарной площади, около моста и говорить, что это было самое начало седьмого, 5 минутъ 7-го или 10 минутъ седьмого, а дойти до этого мѣста отъ дома Ющинскихъ, она говорить, мин. 15-20. Возьмите вы въ соображеніе то, что поѣвъ борща, онъ всетаки еще собиралъ книжки, одѣвался, — на это тоже ушло 10 минутъ. Такимъ образомъ я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что Андрюша ѣлъ борщъ въ половинѣ шестого, безъ 20 минутъ. Теперь причитайте 4 часа: половина седьмого, половина восьмого, половина девятого, половина десятого или безъ 20 минутъ 10. — вотъ время, когда Андрюша былъ убитъ, но нѣкоторое время занялъ самый агтъ убійства. Сколько времени? Эксперты говорятъ — 15 минутъ, причемъ этотъ срокъ, они говорятъ, скорѣе минимальный, скорѣе меньшій, скорѣе больше 15-ти минутъ, но уже никакъ не меньше. Проф. Сикорскій говорить, 20--25 мин., но возьмемъ 15, отсчитаемъ это, — значить когда же убійство началось, когда Андрюша попалъ уже во власть своихъ мучителей, — въ четверть десятого, самое позднее въ половинѣ десятого. Вотъ что даютъ намъ совершенно точныя выкладки, вытекающія изъ приведенныхъ обстоятельствъ дѣла. И теперь, когда его видятъ на Верхней-Юрковской ул., кто его видитъ? Его видитъ мальчикъ Добжанскій, который къ сожалѣнію точно опредѣлитъ время не можетъ. Затѣмъ его видятъ свидѣтели Шаховскіе, показаніе которыхъ совершенно не заподозрѣнно и очень точно. Шаховскій говорить что онъ возвращался отъ фонарщика Балашова, гдѣ получилъ рубль, домой и увидѣлъ Женю и Андрюшу. Сколько времени было? Онъ говорить послѣ 8, послѣ 8-ми потому, говорить, что была монополія открыта. Это обстоятельство онъ, конечно, хорошо зналъ, — монополія была открыта, монополию открываютъ въ 8 час. Пришелъ домой, поѣлъ чего-то, жена его вышла, тоже увидала мальчиковъ. Онъ справилъ свои птичеловныя принадлежности и пошелъ на Куреневку ловить птицъ, вышелъ и видитъ, что мальчики еще стоятъ. Сколько тутъ прошло времени? Онъ говорить 10--15 минутъ. И мы должны признать, что скорѣе больше, тѣмъ меньше. Значить что-же мы получаемъ: въ четверть девятого Андрюшу видятъ у лавки, а уже

въ четверть десятого онъ во власти своихъ учителей, --- часъ, и приэтомъ скорѣе меньше часа, чѣмъ больше, вотъ какой короткій срокъ.

Ну, пойдемъ дальше, значить мы установили твердо, что мальчикъ передъ убійствомъ былъ у входа на заводъ, въ той части завода, гдѣ всѣмъ распоряжается, гдѣ фактически хозяйномъ является Мендель Бейлисъ. Дальше, уже спорно, что же онъ пошелъ на заводъ или не пошелъ. Какія данныя мы имѣемъ къ тому, что онъ пошелъ на заводъ? Показанія Шаховскаго, ему Женя рассказывалъ, что пошли кататься на мяло, тамъ ихъ спугнулъ кто-то, не то мужчина съ черной бородой, не то Бейлисъ, но на мяло пошли. Почему тутъ Шаховскому не вѣрить? Вѣдь вы видѣли этого свидѣтеля, жалкаго, забытаго, пугающагося. Несомнѣнно, что его били передъ тѣмъ, какъ онъ давалъ показанія, это установлено, объ этомъ говорилъ прокуроръ, ссылаясь на Голубева. Познякова и на очную ставку съ Добжанскимъ. И. Шаховскій, не зная, что это обстоятельство выплыветъ наружу, говорилъ, что его били, и говорилъ, --- вотъ сюда хоть трубку приставить. Такъ его ударили. За что же его били? За что-нибудь надо было бить. Говорить, что „свѣтъ ему милѣ“. Да вы сами знаете, какъ по этому дѣлу было запугано, застрашено все то, чего нельзя было показывать... Итакъ, прямое свидѣтельское показаніе, что онъ пошелъ на заводъ и это вполне правдоподобно, ничего не опровергнуто.

ЖЕНЯ ЧЕБЕРЯКОВЪ.

Но дальше, дальше Женя замыкается, Женя ничего не хочетъ говорить, еще только Голубеву онъ сказалъ, что Андрюша къ нему, къ Женѣ приходилъ незадолго до того, какъ былъ обнаруженъ трупъ Андрюши, а у слѣдователя Женя совсѣмъ ничего не говоритъ. Причина этому, конечно, вполне понятна и очевидно воздѣйствіе матери. Почему же мать такъ воздѣйствовала? Но это объяснить чрезвычайно просто: вѣдь если бы мать сказала Женѣ пойдѣ и расскажи все это, --- вѣдь это было бы, я прямо скажу --- извѣстный нравственный подвигъ, это значить, --- она поступила бы такъ, какъ велитъ ей совѣсть, какъ велитъ ей долгъ и явно противъ своихъ интересовъ, противъ своихъ выгодъ. Чеберякова не такая женщина, чтобы вотъ

такъ, придти подъ влияніемъ совѣсти, подъ влияніемъ требованій долга, нѣтъ, это жгущая порочная. Конечно, мы не будемъ отрицать того, что она выжгла глаза Мифле, что она забавлялась со всякими кавалерами, что повидимому у нея былъ притонъ, гдѣ находились краденныя вещи. Конечно, это разукрашено. въ 10 разъ распирано Красовскимъ, она на самомъ дѣлѣ гораздо меньше, чѣмъ размазала ее Красовскій, но всетаки это было. Я не буду отрицать, что Чеберякова женщина порочная и что на слова Чеберяковой такъ полагаться нельзя. И, конечно, съ самаго начала въ этомъ дѣлѣ она руководилась не требованіемъ совѣсти, не велѣніемъ долга, а расчетомъ, выгодой, цѣлесообразностью, --- это ясно. И, конечно, выгода и цѣлесообразность требовали сейчасъ-же призвать Женю и сказать: ты въ эту кашу не лѣзь, ты не вдумай про заводскихъ жидовъ что-нибудь говорить, ты меня ввяжешь въ такую неприятность, что мнѣ не обратиться будетъ, --- совершенно независимо отъ того, причастна ли Чеберякова или непричастна, даже предполагая, что она непричастна, это такая женщина, за которой всякихъ хвостовъ очень много. Ея сынь оговорить, изболочить заводскихъ жидовъ, а жида заводскіе донесутъ, скажутъ, что у нея притонъ, что у нея хранятся краденныя вещи. Само собой, что польза, выгода, требовали отъ Чеберяковой, чтобы она поступила такъ, какъ она и поступила, чтобы она закрыла Женѣ ротъ, чтобы Женя ничего не говорилъ. Такъ шло до самой его смерти.

ВАСИЛІЙ ЧЕБЕРЯКОВЪ.

Послѣ смерти Жени къ слѣдователю, по повѣсткѣ, по вызову является Василій Чеберяковъ, отецъ Жени и мужъ Вѣры Чеберяковой, въ то время бывший почтовый чиновникъ. Онъ совершенно опредѣленно рассказываетъ все то, что впоследствии у слѣдователя показала Людмила Чеберякова. Онъ говоритъ со словъ своихъ дѣтей, что они пошли на мяло, тамъ катались, за ними бросились жида и Мендель Бейлисъ схватилъ Андрюшу. Если мы что-нибудь выкидываемъ изъ судебного слѣдствія, то мы должны привести къ этому основанія. И мы должны привести основаніе, почему же мы не вѣримъ Василю Чеберякову. Вѣра Чеберякова порочная

женщина, можетъ быть лживая, повидимо-му, даже преступная, а Василий Чеберяковъ,—неужели по женѣ надо и мужа мѣрять? Надо мѣрять разными мѣрками, надо вникнуть въ то, кто такой Василий Чеберяковъ. И всѣ свидѣтели, говоря очень плохо о Вѣрѣ Чеберяковой, очень тщательно отдѣляютъ отъ нея Василя Чеберякова, они говорятъ прямо, что Василий Чеберяковъ во всѣхъ похожденияхъ своей жены ни малѣйшаго участія не принималъ. Вѣдь вы видѣли обоихъ Вѣру и Василя, это какъ огонь и вода, и, насколько Вѣра говорлива, оборотиста, настолько этотъ человѣкъ жалокъ, загнанъ жизнью и забитъ, это человѣкъ, о которомъ ни единый свидѣтель не сказалъ ни одного плохого слова. Спрашивается, почему же этому человѣку не вѣрять, приведите мнѣ основаніе. Онъ пришелъ сюда послѣ допроса у судебного слѣдователя... У судебного слѣдователя онъ былъ допрошенъ только одинъ разъ 20 декабря и показалъ то, что онъ и здѣсь показывалъ. Чтобы не вышло недоразумѣнія я оговорюсь,—былъ еще допросъ Василя Чеберякова, но допросъ этотъ былъ по дѣлу о смерти Жени, это къ дѣлу приобщено и здѣсь мы просматривали. Тамъ онъ конечно не говорилъ о катаніи на мялѣ и не говорилъ, какъ за Андрюшей гнались. Да онъ и не могъ говорить объ этомъ, потому что слѣдователь могъ бы его остановить и сказать, вы говорите не по вопросу, я изслѣдую вопросъ о смерти Жени, а это совсѣмъ другое. Значитъ, по этому дѣлу онъ былъ допрошенъ только одинъ разъ 20 декабря и тогда все рассказалъ. Говорятъ, что Чеберяковы это рассказываютъ изъ самосохраненія, ихъ, вотъ, обвиняютъ евреи, такъ они въ свою очередь обвиняютъ евреевъ. Но позвольте, вѣдь до 20 декабря ни одинъ человѣкъ Чеберякову не обвинялъ, вѣдь версія о Чеберяковыхъ появилась въ мартѣ, въ апрѣлѣ, въ декабрѣ никто не обвинялъ Чеберякову въ томъ, что она убійца. Какія же основанія не вѣрять Василю Чеберякову? Ихъ нѣтъ.

ЛЮДМИЛА ЧЕБЕРЯКОВА.

Даже уже въ дополнительномъ слѣдствіи является Людмила и рассказываетъ все то, что съ ея словъ рассказывалъ ея отецъ: да, пришелъ Андрюша Ющинскій, мы затѣяли кататься на мялѣ, позвали Дуню Наконеч-

ную и, кажется, Назара Заруцкаго, кажется, навѣрное о Заруцкомъ она не помнитъ. Пошли, начали кататься, погнались еврей, Бейлисъ схватилъ Андрюшу и Женю, Женя вырвался, удралъ, а Андрюша остался. Ну какія же мы имѣемъ данныя къ тому, чтобы вѣрять или не вѣрять ея показаніямъ? Говорятъ, мать научила, но позвольте, вѣдь то же самое говорилъ и Василий Чеберякъ, до матери. Говорятъ, что это не подтверждается другими свидѣтелями. Вотъ мы и обратимся къ разсмотрѣнію этого обстоятельства: Заруцкимъ это, дѣйствительно, не подтверждается, но вѣдь тутъ еще противорѣчія нѣтъ.—Люда говоритъ, кажется, Назаръ Заруцкій былъ, навѣрное не утверждаетъ. А вотъ Дуня,—подтверждаетъ или нѣтъ Дуня показанія Люди? Дуня говоритъ буквально такъ на предварительномъ слѣдствіи и здѣсь она не отказывалась отъ этого показанія: „Одинъ разъ, я его, т. е. Андрюшу, видѣла на Рождествѣ передъ тѣмъ какъ его убили, второй разъ я видѣла Андрюшу въ посту передъ Пасхой въ прошломъ году“ и даже вспоминаетъ, что они дѣйствительно пошли кататься на мялѣ, катались на мялѣ, но только дальше уже неправда. Люда говоритъ, что за ними гнались жида, Дуня говоритъ, что никакіе жида не гнались и они благополучно съ мяла ушли. Но на мялѣ-то катались, оттуда, гдѣ они стояли, куда они пошли—пошли на мяло, пошли послѣ четверти девятого, вѣдь это Дуня признаетъ и рассказъ Дуни относится, именно, къ этому 12-му числу. и ни къ какому другому онъ относиться не можетъ, потому что въ постъ Андрюша,—это точно установлено,—былъ на заводѣ только разъ—12 марта. Такъ что же Дуня опровергаетъ или подтверждаетъ показаніе Люды. Да въ той части, страшно важной для насъ, что дѣти пошли отъ усадьбы Захарченко на заводъ и никуда иначе, въ этой части подтверждаетъ. но вотъ въ другой части. что за ними погнались еврей—опровергаетъ. Подумаемъ, не найдемъ ли мы объясненія и этому, не разберемся ли мы и въ этомъ.

ДУНЯ НАКОНЕЧНАЯ.

Дуня Наконечная. дочь Михаила Наконечнаго. такъ-называемаго „Лягушки“, который выступилъ съ защитительной рѣчью за Бейлиса, прямо говорилъ, что онъ не допускаетъ и мысли объ его виновно-

сти и не ожидая вопросовъ очень страстно привелъ цѣлый рядъ доказательствъ, что Бейлисъ никакъ не могъ совершить этого убійства. По профессіи Лягушка саложникъ, но въ то же время ходатай по дѣламъ, пишетъ прошенія, даетъ совѣты, человекъ значитъ въ этихъ дѣлахъ болѣе или мѣнѣе наторѣвшій. Теперь допустимъ на минуту, что Люда говорить правду и, что Дуня Наконечная была съ ней на мялѣ, видѣла какъ евреи погнались и какъ Бейлисъ схватилъ Андрюшу. Въ такомъ случаѣ, что же произошло дальше. Это не могло остаться неизвѣстнымъ и отцу ея Михаилу Наконечному. Если Дуня все это видѣла, то несомнѣнно сейчасъ или послѣ, но отецъ это отъ нея узналъ бы. Какъ же долженъ былъ поступить отецъ: или онъ долженъ былъ поступить по требованіямъ совѣсти и гражданскаго долга—придти и рассказать объ этомъ суду, или онъ долженъ былъ поступить по соображенію выгоды и пользы и сказать Дунѣ совершенно то же, что Вѣра Чеберякова сказала Женѣ—не смѣй объ этомъ говорить, не путайся въ это дѣло. не смѣй ничего говорить про жидовъ. И Дуня про жидовъ. вѣдь ничего и не говорила. Вѣдь она сказала—мы пошли кататься на мялѣ—и тутъ она поставила точку.—А жидовъ не было? Нѣтъ жидовъ не было. Въ то время дѣвочка не понимала какую огромную улику она даетъ въ первой части своего показанія. Ей было сказано.—про жидовъ не рассказывать,—она это исполнила, о жидкахъ она не говорила а объ остальномъ въ ея показаніи она рассказала правду. Но потомъ выяснилось что эта правдъ хотя и не упоминаетъ о жидкахъ. но даетъ противъ жидовъ страшную улику и мы видимъ, что здѣсь на судѣ она отъ этого показанія отказывается. Вѣдь она говорить здѣсь совсѣмъ другое и замѣчательно, что замѣзательно сравненіе ея показанія съ показаніемъ Назара Заруцкаго.

НАЗАРЪ ЗАРУЦКІЙ.

Назаръ Заруцкій на предварительномъ слѣдствіи сказалъ такъ: 12 марта меня на мялѣ не было, я всего тамъ катался раза два съ Женей, потому что я боюсь упасть, съ мяла можно упасть и ушибиться, я маленький и боюсь, я не катался.—Другими словами, онъ показалъ совсѣмъ не то, что Дуня. Приходятъ они на судъ и они показываютъ по-иному, чѣмъ на предвари-

тельномъ слѣдствіи, причѣмъ здѣсь, на судѣ, показанія Заруцкаго и Дуни совпадаютъ точка въ точку. Что они рассказываютъ?—Они говорятъ, что до осени 1910 года мы катались на мялѣ, катались часто; осенью 1910 года построили высокій, непроходимый заборъ и послѣ того ни мы и никто другой не катался. То есть, другими словами, они показываютъ буквально то, что говорить и Михаилъ Наконечный—точка въ точку. На предварительномъ слѣдствіи они показывали совсѣмъ другое и разнорѣчили между собой. Тутъ ихъ показанія совпали между собой и совпали съ показаніемъ Михаила Наконечнаго. Не въправѣ-ли я, гг. присяжные засѣдатели, сдѣлать изъ этого выводъ, что они именно научены такъ показывать Михаиломъ Наконечнымъ, который старается выправить и эту улику, очень страшную улику, что Дуня-то каталась съ Людмилой. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, какъ образовалось это показаніе и я считаю, что при такихъ условіяхъ оно не опровергаетъ показаніе Люды, а, наоборотъ, оно подтверждаетъ его.

МИХАИЛЬ НАКОНЕЧНЫЙ.

Вѣдь Михаилъ Наконечный началъ выгораживать Бейлиса очень давно. Какъ только появился Шаховской, такъ Наконечный побѣждалъ къ судебному слѣдователю безъ вызова и заявилъ—не вѣрьте тому, что Шаховской показываетъ на Бейлиса, онъ показываетъ на него по злобѣ, онъ хвасталъ, что пришьетъ Бейлиса къ дѣлу. Вотъ когда уже Наконечный сталъ адвокатомъ Бейлиса, еще въ тѣ времена. Если онъ тогда побѣждалъ къ слѣдователю и сталъ ему это рассказывать, то разумѣется, онъ сказалъ и дочери—ты видѣла, не смѣй объ этомъ говорить, не смѣй путать жидовъ, скажи, что ты ничего не видѣла.—Иначе и быть не могло. Мнѣ скажутъ, что это предположеніе. Да, хотя инныя предположенія по своей вѣроятности и логической связи сильнѣе фактовъ. Да, это предположеніе, но вотъ подойдемъ къ этому предположенію съ другого конца, съ того конца, который идетъ отъ Бейлиса.

АРЕСТАНТЪ КОЗАЧЕНКО.

Въ дѣлѣ есть письмо, которое писалъ Бейлисъ къ своей женѣ и послалъ черезъ арестанта Козаченко. Письмо перехвачено. Изъ письма явствуютъ слѣдующія вещи, что Бейлисъ довѣряетъ Козаченко,

писать прямо—на этого человѣка пологись, это все равно, что я самъ.—Пишетъ дальше о свидѣтеляхъ.—Это, говорить, мои враги, которые показали на меня ложно. Ну, а какъ расправляются евреи со своими врагами, это вамъ, близко знакомымъ съ еврействомъ, хорошо извѣстно. Такъ вотъ—это враги, которые на меня показываютъ ложно. Дальше—дай денегъ на расходы. Если этотъ человѣкъ спросить, дай ему сколько надо на расходы.—И въ концѣ письма упоминаніе о помощникѣ присяжнаго повѣреннаго Виленскомъ. На эту фамилію обратите вниманіе. Присяжный повѣренный Виленскій, какъ выяснилось изъ показанія Иванова и изъ прочитаннаго письма Феофилактова, это былъ кассиръ, это былъ человѣкъ, который завѣдывалъ денежными выдачами свыше 50 рублей. Значить что же пишетъ Бейлисъ: довѣрся Козаченко, имѣй въ виду, что свидѣтели, которые на меня показываютъ, это враги, дай деньги на расходы,— вспоминаетъ о Виленскомъ. Что же показываетъ по поводу этого письма самъ Козаченко и можемъ ли мы Козаченко вѣрить или не можемъ. Тутъ былъ вызванъ специальный свидѣтель для опороченія Козаченко. Защита понимала какая ужасная улика заключается въ его показаніи и свидѣтель Синяевъ пробовалъ опорочить Козаченко, но по моему мнѣнію, неудачно. Онъ говорилъ, что Козаченко пришелъ на заводъ и онъ, Синяевъ, сказалъ Дубовику: панъ Мордко держись за карманъ.—Тотъ спросилъ—почему?—Да онъ плохой человѣкъ, я сначала у него гостилъ, потомъ онъ у меня, тутъ еврейская свадьба была, онъ евреевъ хотѣлъ бить на свадьбѣ, потомъ у меня три рубля взялъ и не отдалъ.—А еще что имѣется для опороченія Козаченко—больше ничего. Этотъ матеріалъ для опороченія свидѣтеля недостаточенъ. Мнѣ скажутъ, что свидѣтель сидѣлъ въ тюрьмѣ. Правда онъ былъ оправданъ и защита постоянно говоритъ, что если человѣкъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, но былъ оправданъ, онъ еще не опороченъ. Я не вполне такого мнѣнія. То что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, это можетъ быть бросаетъ на него пятно. Затѣмъ этого свидѣтеля мы видѣли, а по одному письменному показанію трудно судить о человѣкѣ. Однимъ словомъ я готовъ допустить, что у насъ въ самой личности свидѣтеля нѣтъ твердаго основа-

нія, чтобы ему вѣрить, но нѣтъ основанія, чтобы и не вѣрить и значить, чтобы рѣшить вопросъ правду ли онъ говорить или нѣтъ, мы должны обратиться къ разбору его показанія. А что онъ показываетъ? Вотъ что.—Я вошелъ въ довѣріе къ Бейлису. Бейлисъ, видя, что меня отпускаютъ на свободу, сказалъ, чтобы я ему помогъ. Въ чемъ же помочь? А вотъ въ чемъ—надо, сказалъ Бейлисъ, отравить фонарщика и Лягушку. Такъ ты, говорить, пойдѣ къ женѣ. Самое лучшее какъ ихъ отравить это всыпать стрихнинъ въ водку. Тамъ есть лѣчебница, въ этой лѣчебницѣ получишь стрихнинъ, а денегъ тебѣ дадутъ для начала рублей 500, а если удастся, то столько получишь денегъ, что хватить на всю жизнь. Вотъ и подумаемъ можно выдумать такое показаніе или нельзя, можно ли его изобрѣсти. Вѣдь мы видѣли раньше, что когда изобрѣтали, то это изобрѣтеніе сейчасъ же вышлывало наружу, выяснялось, что это выдумка. Ну, а вотъ здѣсь? Передъ нами прошло 200 свидѣтелей. Я васъ спрашиваю, — а кто же изъ этихъ свидѣтелей самый важный по своимъ показаніямъ, самый опасный для Бейлиса, — да несомнѣнно фонарщикъ и Лягушка. Могъ ли Козаченко это знать, могъ ли Козаченко сидя въ тюрьмѣ знать, что именно эти свидѣтели фонарщикъ и Лягушка могутъ быть роковыми для Бейлиса, могъ ли ему кто-нибудь это подсказать со стороны.

Я прямо вамъ говорю, онъ не могъ этого знать и никто не могъ ему этого подсказать, потому что то огромное значеніе, которое имѣетъ въ дѣлѣ Михайлъ Наконечный отецъ Дуни Наконечной, это выяснилось только впоследствии, это выяснилось тогда, когда заговорила Чеберякова, когда появилась Люда и когда она сослалась на Дуню—вотъ когда выяснилось, что въ рукахъ у Михайла Наконечнаго конечно была погибель Бейлиса. Потому что если бы Михайлъ Наконечный пришелъ къ слѣдователю и сказалъ: г. слѣдователь, моя дочь все видѣла и она вамъ все расскажетъ, она видѣла какъ вмѣстѣ съ Людой, Валей и Женей Чеберяковыми Андрюша катался на мячѣ, она видѣла, какъ на нихъ бросились еврей и какъ Мендель Бейлисъ схватилъ Андрюшу и поволокъ, если бы Михайлъ Наконечный пришелъ къ слѣдователю и это

разсказаль и если бы Дуня Наконечная это подтвердила, вы сами понимаете какой оборотъ приняло бы тогда дѣло, вы сами понимаете, какое громаднѣйшее значеніе имѣлъ этотъ свидѣтель. И вотъ Козаченко выдумываетъ, но какъ выдумываетъ, онъ попадаетъ въ этихъ двухъ свидѣтелей, въ Шаховского и въ Лягушку. Ну, это нехорошій свидѣтель, неслухивающій довѣрія, но можно было это выдумать или нельзя? Я утверждаю, что такую вещь выдумать невозможно. И вѣдь это подтверждается письмомъ, въ письмѣ то написано, мои враги, которые показываютъ ложно, дай денегъ на расходы,—и упоминаніе о Виленскомъ.

Вотъ г.г. присяжные засѣдатели, когда я сопоставлялъ съ одной стороны разсказъ Дуни, сначала на половину подтвержденный Дуней, а потомъ отрицаніе этой Дуни, которая говорить,—нѣтъ, нѣтъ, еврей тутъ не причемъ, когда мы видимъ эту страстную защиту Бейлиса Наконечнымъ и когда намъ говорятъ, что было предписано отравить и фонаричка и Лягушку,—и Шаховскаго и Наконечнаго, то вѣдь для насъ становится понятнымъ, что такое совпаденіе случайнымъ быть не можетъ и что дѣйствительно дѣло было такъ, какъ я говорю вамъ, что отъ усадьбы Захарченко дѣти дѣйствительно пошли на мяло, дѣйствительно Люда Чеберякова и Дуня Наконечная видѣли все это и имъ запретили сразу говорить, а затѣмъ судьба ихъ была различная—Люда заговорила, потому что заговорилъ ея отецъ Василій Чеберяковъ, а Дуня не говорила, потому что вмѣсто того, чтобы отравлять нашли болѣе удобное и подходящее средство. Тутъ возможно еще только одно возраженіе, — вѣдь убійство было заранѣе обдуманно, у убійць былъ несомнѣнно заранѣе разработанный планъ и по этому плану они дѣйствовали, а приходъ дѣтей на мяло,—это явленіе случайное, дѣти могли пойти на мяло, могли не пойти на мяло, какъ исходъ задуманнаго очень тонко предпріятія ставить въ зависимость отъ случайнаго явленія? Но эта невозможность только кажущаяся.

СЛѢЖКА ЗА ЮЩИНСКИМЪ.

За Андреемъ Ющинскимъ несомнѣнно слѣдили изъ квартиры Арендаря и г. прокуроръ говорилъ вамъ объ этомъ. Слѣдовательно еврей прекрасно знаетъ,

что въ субботу Андрей пойдетъ къ Чеберяковой и будетъ около завода. Если они это знали, то въ ихъ распоряженіи былъ рядъ совершенно безошибочныхъ способовъ заманить его на заводъ. Вы знаете, какъ Андрей Ющинскій бредилъ своимъ отцомъ? И вотъ является благодѣтельный дядя Павелъ, который якобы былъ на Востокѣ и знаетъ этого отца Андриюши. Слѣдовательно приманить ребенка на заводъ очень просто. Стоитъ сказать „Андриюша, я только что получилъ отъ твоего отца письмо, вотъ отъ него свѣдѣнія, фотографія. Пойдемъ, я покажу тебѣ“. И мальчикъ пойдетъ. Разъ, за нимъ была слѣжка, то могли безошибочно знать, что на заводъ его заманить легко будетъ. Онъ самъ пошелъ на мяло и этимъ воспользовались, но если бы онъ не пошелъ, то его туда заманили бы очень легко. Кажущаяся случайность того, что онъ былъ на мялѣ нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ общей планомѣрностью всего. Что же происходить дальше на заводѣ и около завода? Прежде всего оказывается, что за Женей Чеберякомъ кто-то гонится и при томъ два раза. Разъ его хватаетъ кто-то за руку и говоритъ: „покажи пещеру“. Онъ вырывается и убѣгаетъ. Въ другой разъ, когда онъ вышелъ съ Волошинымъ опять за нимъ гонятся и только собаки спасли его, погнавшись за этими незнакомцами. Люда видѣла, что тамъ былъ человекъ похожій на Шнеерсона.

СЛУЧАИ.

Скажемъ, что это случай --- какая же тутъ связь? Потнались случайно. Но послѣ этой погони опять случай: собаки, которыя помѣшали этой погонѣ околѣвуютъ неизвестно отъ чего. Неизвѣстно, отравили ли ихъ, или сами подошли. Опять случай — скажутъ, что онъ опять никакой связи съ цѣлымъ не имѣетъ. Послѣ ареста Бейлиса умираютъ Женя и Валя Чеберякъ, умираютъ при ужасной обстановкѣ, вспоминая Андриюшу, бредить, умираютъ тяжелой смертью (тяжелыхъ смертей вообще много въ этомъ дѣлѣ). Женя Чеберякъ умеръ отъ дизентеріи. Случай? можетъ быть случайность, но можетъ быть его нарочно заразили. Опять случай, но такихъ случаевъ накапливается довольно много, а есть тотъ предѣлъ, послѣ котораго мы гово-

римъ: „довольно, пусть разъ, другой, третій --- случай, а дальше это уже не случалъ“. Что же происходитъ дальше? 10 марта горитъ конюшня, сарай. Опять случай—сгорѣло то, что надо. Лошадей всёхъ вывели, хомуты и почти всю упряжь вынесли, имущество Бейлиса тоже вынесли, а только конюшня сгорѣла, а также небольшой сарайчикъ. Про этотъ сарайчикъ, при осмотрѣ Мендель сказалъ: „Это старый сарайчикъ“, тогда, какъ на самомъ дѣлѣ это былъ новый. Опять случай: загорѣлось, пожаръ --- и въ томъ мѣстѣ, гдѣ могло быть совершено преступленіе. Это мѣсто болѣе не существуетъ. Но случаи этимъ не оканчиваются.

ОБИТАТЕЛИ ЗАВОДА.

Среди обывателей завода каждый можетъ намъ указать основаніе для пребыванія его на заводѣ. Дубовикъ --- управляетъ заводомъ съ Кирилловской ул. Мендель --- распоряжается Верхне-Юрковской. Возчики---возять кирпичи, шорникъ --- починаетъ упряжь, пальщикъ --- ремонтируетъ печи. Только одинъ человѣкъ живетъ на заводѣ безъ всякаго основанія и имя этого человѣка --- Шнеерсонъ. Только одинъ человѣкъ---Ф. Шнеерсонъ этого объяснить не можетъ. Выбываетъ онъ 12 марта, въ день убійства Юпинскаго --- опять случай. Все случаи. Что же этотъ Шнеерсонъ изъ себя представляетъ? Родомъ онъ изъ Любавичъ --- этого гнѣзда хасидизма --- тамъ цадики наслѣдственные изъ семьи Шнеерсонъ и изъ саратовскаго дѣла мы знаемъ, что кровь посылалась въ Любавичи. Вотъ изъ этихъ любавичей Шнеерсонъ --- опять случай. Говорятъ о ритуальномъ убійствѣ, обвиняютъ въ обрядовомъ убійствѣ и на заводѣ единственный человѣкъ, живущій тамъ безъ видимаго основанія имѣетъ какъ-разъ отношеніе къ тѣмъ цадикамъ, которые давно считались отъявленными изувѣрами. Оказывается, что этотъ Шнеерсонъ ходилъ и на Слободку, что онъ былъ у Арендарей. Этотъ Шнеерсонъ всячески отрекается отъ Андрюши Юпинскаго --- онъ его никогда не видалъ. Я говорилъ ему: „когда трупъ нашли --- вы не интересовались. какой это мальчикъ?“. Онъ отвѣчалъ „Нѣтъ“. И въ этомъ случаѣ онъ уличенъ Олимпіадой Нѣжинской. Она рассказывала, какъ она пришла къ Шнеерсону, на Татарку, какъ Шнеерсонъ, читавшій газету и говорившій повидимому о

дѣлѣ Бейлиса, вдругъ сказалъ: „баба“. Разговоръ прекратился, она вамъ рассказываетъ, что постоянно, то она, то Андрюша ходили къ этому Шнеерсону, онъ ихъ зналъ. И вы видите, какъ Шнеерсонъ сначала говорилъ, что онъ ее не знаетъ, а потомъ сказалъ: „вотъ тогда тебѣ не зачѣмъ было ко мнѣ приходиться“. Если онъ ее не знаетъ, какъ же онъ можетъ говорить, была ли она тогда. Шнеерсонъ говоритъ неправду. Это опять случай, и очень странный, мнѣ кажется, это подводитъ насъ къ тому предѣлу, дальше котораго со случаями идти нельзя, дальше котораго мы должны сказать: нѣтъ, --- довольно случаевъ, это уже не случай!

СТРАННЫЕ ЕВРЕИ.

А вотъ что еще говоритъ В. Чеберякъ, и что Люда подтверждаетъ, что передъ убійствомъ Юпинскаго Люда и Жоня застали у Менделя Бейлиса двухъ странно одѣтыхъ евреевъ. Опять, конечно, разговоръ простой дѣтскій, выдумали, изобрѣли! Но въ отношеніи времени, вѣдь эта выдумка совпала какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда происходила закладка молитвеннаго дома, о чемъ ни Люда, ни В. Чеберякъ 20 декабря не знали, это выяснилось потомъ. Закладывали синагогу въ другой части завода, къ которой В. Чеберякъ никакого касательства не имѣла, значитъ, какъ ловко выдумала эта дѣвочка, изобрѣла, что они пріѣхали два раввина! Оказалось, что они пріѣхали тогда, когда была закладка синагоги. Но этого мало, ---къ кому пріѣхали два раввина? они остановились у того человѣка, который далеко не чуждъ еврейскихъ религіозныхъ обрядовъ и который ѣздилъ на печеніе мацы. Какъ ловко соврала дѣвочка; оказывается, что эти два раввина, которыхъ она видѣла, пріѣзжаютъ на квартиру того человѣка, который самъ участвуетъ въ этихъ религіозныхъ обрядахъ и у котораго живетъ Шнеерсонъ, происходящій изъ рода цадиковъ. Подумайте, гг. присяжные засѣдатели, развѣ можно соврать такъ, чтобы послѣдующія обстоятельства совпали точка въ точку. Вотъ когда обнаружилась неправда при перекрестномъ допросѣ. Вотъ опять случай. Какъ разъ передъ смертью Юпинскаго пріѣзжаютъ эти евреи въ странныхъ одеждахъ. Гг. присяжные засѣдатели, неужели я не выправѣ сказать, что все это не случай и что этими обстоятельствами руководить опыт-

ная рука. Фактический разбор уликъ мною законченъ, я указываю, что этотъ кирпичный заводъ былъ не только для выдѣлки кирпича, но и былъ мѣстомъ религіознаго сосредоточенія евреевъ. Тамъ живетъ Шнеерсонъ, тамъ Бейлисъ, туда прѣзжаютъ раввины и тамъ потихоньку отъ правительства воздвигается еврейскій молитвенный домъ. И вотъ оказывается, что мальчикъ погибшій такимъ ужаснымъ образомъ, дошелъ до завода въ моментъ убійства и былъ на мялѣ въ то время, когда была закладка синагоги, онъ тамъ пропалъ и загнѣвъ вы видѣли трупъ. Неужели я не вправѣ сказать, что убійство совершено на заводѣ, что убійца Мендель, что безъ его согласія на заводѣ не могло быть такого убійства.

Объявляется небольшой перерывъ, послѣ котораго Замысловскій продолжаетъ свою рѣчь.

РАБОТЫ НА ЗАВОДѢ.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели, съ фактической частью настоящаго дѣла я почти покончилъ, мнѣ осталось изложить вамъ только одинъ эпизодъ,—это разобратъ въ вопросѣ о работахъ на заводѣ. Намъ стараются представить это дѣло такъ, что къ 12 марта работы по вывозкѣ кирпича были на заводѣ въ самомъ разгарѣ, что это дѣлало совершенно невозможнымъ совершеніе убійства; всюду были рабочіе, кирпичи, подводы и убивать невозможно. И, дѣйствительно, на предварительномъ слѣдствіи, были допрошены слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ три свидѣтеля: Андрей Калитенко, Мина Калитенко и Григорій Усенко, которые заявили, что они рабочіе изъ села Гребенокъ, прѣхали на заводъ съ первыхъ чиселъ марта и къ 12 марта работы были уже въ разгарѣ. Тамъ были еще какіе-то могилевскіе рабочіе, черниговскіе и они изъ села Гребенокъ и усиленно возили кирпичъ. Тогда это показаніе свидѣтелей, жившихъ во время допроса какъ разъ на заводѣ никакихъ сомнѣній не вызвало. Но кромѣ этихъ грехъ рабочихъ оказалось еще нѣсколько, и въ ихъ числѣ рабочій Зеленскій. Для полноты предварительнаго слѣдствія, судебный слѣдователь допросилъ по отдѣльному требованію, не лично, а черезъ другаго судебного слѣдователя въ мѣстечкѣ Фастовѣ, этого Іова Зеленскаго. Іовъ Зеленскій далъ показанія совершенно опредѣленные:

„да, мы въ мартѣ мѣсяцѣ работали на заводѣ, всѣ вмѣстѣ туда поѣхали А. Калитенко, Мина Калитенко и Григорій Усенко и пальчикъ Бобровскій. Бобровскій тоже сначала удостовѣрялъ „всѣ вы вмѣстѣ ѣхали изъ Гребенокъ въ Киевъ, а насчетъ того, когда мы ѣхали, я помню вотъ что: на праздникъ 40 мучениковъ въ среду 9-го марта, мы всѣ еще были у себя дома, потомъ еще день обождали—четвергъ 10-го марта, выѣхали 11-го въ пятницу и прѣхали подвечеръ въ субботу. Другими словами во время убійства, утромъ, 12-го марта никого изъ кievскихъ рабочихъ на заводѣ не было. Въ виду такого полнаго разнорѣчія, судебный слѣдователь вызвалъ вновь уже А. Калитенко, и Григорія Усенко въ Фастовѣ и спрашиваетъ ихъ: „какъ же братцы вы говорите, что въ началѣ марта тамъ были, числа со 2—4, а вотъ вашъ товарищъ рассказываетъ, что на 40 мучениковъ вы всѣ были въ деревнѣ“. Отрицать этого факта ни А. Калитенко ни М. Калитенко, ни Г. Усенко не могли, потому что если бы они стали отрицать, то вся деревня ихъ изобличила и сказала-бы: „вѣдь вы на 40 мучениковъ были въ деревнѣ“. Равно, какъ пальчикъ Бобровскій на очной ставкѣ призналъ: „да, на 40 мучениковъ мы были въ деревнѣ, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ прѣхали“, т. е. прѣхали такъ какъ говоритъ Іовъ Зеленскій,—12 подвечеръ, а 12 утромъ въ субботу никого изъ нихъ на заводѣ не было. Но, обратите вниманіе на то, что происходитъ дальше. Являются они въ судъ и онятъ мѣняютъ показанія и мѣняютъ показанія все такъ, чтобы выкрутить, что 12 они были тамъ. Напримѣръ, какъ мѣняетъ показанія А. Калитенко: „да,—говоритъ на 40 мучениковъ я былъ въ деревнѣ, даже съ Іовомъ ѣздилъ на ярмарку въ Бѣлую Церковь, коня покупать, но выѣхалъ-то я сразу, не ожидалъ день, а сразу выѣхалъ. Вотъ 9-го марта былъ на ярмаркѣ, а 10-го поѣхалъ съ Іовомъ и были въ Гребенкахъ, а 11-го марта выѣхали, значитъ 11-го прибыли, а 12-го марта, утромъ они были на заводѣ и могутъ удостовѣрить, что тамъ было все чинно, мирно и никто никого не рѣзалъ“. Тамъ въ Фастовѣ, гдѣ его неожиданно поставили на очную ставку съ І. Зеленскимъ, онъ долженъ былъ признать, что 12-го утромъ онъ на заводѣ не былъ.

А здѣсь опять новая версія, но и на ней онъ попадаетъ. Спрашиваютъ его: „вы купили лошадь?“ — „Да, — говоритъ, — въ Бѣлой-Церкви купилъ лошадь“. „Отъ Бѣлой-Церкви до Гребенокъ 18 верстъ проѣхали?“ „Проѣхалъ“. „Какъ же вы на слѣдующій день такой конецъ сдѣлали, не давъ лошади отдохнуть?“ Онъ говоритъ: „понадобилось и поѣхалъ“. Но, оказывается, въ протоколѣ судебного слѣдователя записано, что А. Калитенко работалъ на трехъ лошадяхъ. Его спрашиваютъ: „вы говорите, что одну лошадь купили въ Бѣлой-Церкви, а еще двѣ откуда взялись?“ Онъ говоритъ: „Я ихъ въ Кіевѣ купилъ“. Гг. присяжные засѣдатели, среди васъ много крестьянъ и вы, конечно, удостовѣрите, что это неправда, что само собой разумѣется, онъ покупалъ 3-хъ лошадей въ Бѣлой-Церкви на ярмаркѣ, а не въ Кіевѣ, гдѣ лошади гораздо дороже. Посмотрите теперь, какъ мѣняется показанія пальщикъ Бобровскій. Онъ сначала показалъ, что работалъ съ первыхъ чиселъ марта, и 12 несомнѣнно былъ на заводѣ, чинилъ печь съ какими-то другими рабочими, но съ какими—неизвѣстно. Потомъ на очной ставкѣ съ І. Зеленскимъ, онъ долженъ былъ признать, что 12-го на заводѣ не былъ, и что ѣхалъ вмѣстѣ со всѣми гуртомъ. Что же онъ теперь рассказываетъ? Онъ рассказываетъ, что пріѣхалъ на заводъ числа 7-го, всталъ на работу, проработалъ 4 дня, а потомъ Дубовикъ ему сказалъ: „Вотъ что, поѣзжай въ Гребенки, привези рабочихъ, — надо работу начинать“. Онъ поѣхалъ и привезъ ихъ, 12-го утромъ былъ на заводѣ, и удостовѣряетъ, что все было хорошо. Значитъ, опять измѣненія показаній, что 12-го былъ на заводѣ, и опять попадаетъ, потому что уѣхали они всѣ вмѣстѣ, и Андрей Калитенко и Бобровскій. А Андрей Калитенко говоритъ, что всѣ уѣхали 10-го и Бобровскій, по его показанію 12-го пріѣхалъ съ ними. 12—13—14—15. Развѣртіе неоспоримое и все съ неперемѣннымъ желаніемъ даже путемъ неправды сказать, что „да, я 12-го былъ на заводѣ“. Гг. присяжные засѣдатели, вы одѣньте эти показанія. Вѣдь, если кто говоритъ это по извѣстнымъ и весьма серьезнымъ побужденіямъ; на судѣ говорить неправду такъ, здорово живешь, никто не станетъ. Если кто даетъ умышлено пока-

заніе, упорно клонящееся къ тому, что 12-го былъ на заводѣ, значитъ, есть кто-то иной, кто училъ этому показанію, кто уговаривалъ ихъ такъ показывать. Еще одна подробность. Оказывается всѣ они пріѣхали по письму Дубовика. Какого содержанія это письмо, конечно, теперь установить трудно. Но, гг. присяжные засѣдатели, содержаніе такого письма ясно: управляющій завода вызываетъ изъ деревни рабочихъ и ясно, что онъ назначаетъ срокъ, когда пріѣхать, — иначе такія письма не пишутся. Ясно, что, если эти рабочіе свободны, ничѣмъ не заняты, ничто ихъ въ деревнѣ не удерживаетъ,—они пріѣдутъ въ тотъ срокъ, который назначенъ въ письмѣ, а всѣхъ ихъ ничто въ деревнѣ не удерживало никакой работы тамъ не было. Когда они пріѣхали? Пріѣхали 12-го вечеромъ. Значитъ, если былъ назначенъ срокъ — то какой срокъ? Срокъ 12-го марта. Они пріѣхали 12-го въ субботу вечеромъ, слѣдующій день воскресенье — работать нельзя, и они стали на работу, кажется, даже во вторникъ — срокъ послѣ 12. Обратите на это вниманіе. Это 12 число оно все какими-то случайностями вылѣзаетъ. То со Шнеерсономъ вылѣзъ, съ его переѣздомъ съ Верхней-Юрковицы, то опять съ этими рабочими. Но этого мало, кромѣ кіевскихъ рабочихъ, есть еще и черниговскій — Андрей Ермакъ. Онъ былъ въ Кіевѣ еще раньше, какую-то кладь возилъ. Недѣли за двѣ-три онъ ѣхалъ по Верхней-Юрковской улицѣ, и видитъ: стоитъ Мендель Бейлисъ (онъ къ нему еще тогда собирався наняться на работу), онъ спрашиваетъ: когда стать на работу? А что отвѣчаетъ Мендель Бейлисъ? (Это за двѣ недѣли). Онъ говоритъ: „А вотъ пріѣзжай, становись на работу, послѣ двѣнадцатаго“. Опять это 12-го марта вылѣзаетъ. То со Шнеерсономъ, то съ Дубовикомъ, который пишетъ рабочимъ, то съ Ермакомъ, которому самъ Мендель Бейлисъ говоритъ: „Становись на работу послѣ 12-го“. Замѣтите еще одно обстоятельство. На слѣдующій годъ судебный слѣдователь осматривалъ заводъ 14-го марта, и тамъ никакихъ работъ не было. Работы начались послѣ 14-го. Судебательно, вотъ срокъ начала работъ, и Мендель Бейлисъ прямо объ этомъ говорилъ, и назначилъ послѣ 12-го марта. 12-е марта, это былъ какой-то срокъ, когда рабо-

чимъ не надо было быть, я это подчеркиваю. Но я не отрицаю того, что нѣкоторыя работы на заводѣ, можетъ быть, и были, но они были настолько въ небольшомъ количествѣ, что, рѣшительно не препятствовали зарѣзать на этомъ заводѣ не только одного человѣка, но и двадцать человѣкъ. Когда тамъ нѣтъ работъ, тамъ двадцать человѣкъ можно перерѣзать, и никто не увидитъ и не услышитъ. Какіе тамъ были работы? Намъ представлены квитанціи о томъ, что вывозили кирпичъ на усадьбу Гинзбурга. Я бы могъ представить много соображеній для оспариванія достоверности этихъ квитанцій, ибо, кто вѣдалъ этимъ? — Бейлисъ и Ермакъ Холенко. Намъ усилено подчеркиваютъ, что это русскій рабочій. Но мы видѣли русскихъ рабочихъ это Калитенко и Бобровскій, и они давали явныя показанія въ пользу евреевъ. Кто такой Холенко? Онъ 18 лѣтъ служить на заводѣ Гинзбурга, и увѣряетъ, что не знаетъ Бейлиса, хотя постоянно ходитъ черезъ заводъ. Допустимъ, что это такъ, повѣримъ Холенко, повѣримъ этимъ квитанціямъ, хотя, повторяю, мы вполне можемъ имъ не вѣрить, потому, что вполне могли эти квитанціи и накладныя сфабриковать уже тогда, когда нависла опасность. Они говорятъ, что будто бы отправщиками были 7-го и 8-го октября только Калитенко и Усенко, которые пріѣхали 12-го, но это обстоятельство настолько второстепенно, что я готовъ даже уступить защитѣ: да, вѣрны и квитанціи и, что тамъ написано — правда. А что тамъ написано? Что 12-го марта вывезли Гинабургу 6,150 кирпичинъ и ихъ принималъ Е. Холенко. Но, если вѣрить Холенко, то будемъ вѣрить ему до конца. Онъ говоритъ, что на каждый возъ грузили по 350 кирпичей, вообще онъ говоритъ: „Такой клади лошади везти не можетъ, но такъ какъ везли небольшое разстояніе и подъ гору, то 300 кирпичей можно грузить“. Сколько же тамъ было на заводѣ рабочихъ? Были подешпики. Если три раза оборачивались, возьмемъ самое благопріятное для защиты, будемъ считать по часу, то окажется три часа, вотъ и все, а если взять меньше, по полъ-часа, то выходитъ уже полтора часа. Если семь грабарокъ, а мы знаемъ, что тамъ было четыре грабарки. Ну, хорошо, скажемъ, что всѣ вѣзали, тогда значить вся эта

возка по самому благопріятному расчѣту для защиты займетъ пять часовъ. Такимъ образомъ, если бы эта возка и была, то она ни малѣйшимъ образомъ не могла помѣшать убійству. Нѣсколько рабочихъ могли работать въ одномъ концѣ завода, а въ другомъ концѣ завода можно было дѣлать рѣшительно все, что угодно. Наконецъ, могло быть и такъ, что вся эта возка кирпичей заняла не цѣлый день, а только нѣкоторую часть дня, такъ что, она могла быть въ одно время, а убійство могло быть совершено въ другое. Такимъ образомъ, это обстоятельство нисколько не можетъ служить въ оправданіе Бейлиса, ибо та маленькая работа, которая была на заводѣ ни малѣйшимъ образомъ не могла помѣшать убійству. А вотъ обстоятельства относительно 12-го числа, обстоятельства случайныя, они могутъ дополнить ту картину, о которой я уже говорилъ.

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА.

Вотъ этими обстоятельствами я и заканчиваю фактическую сторону дѣла, разборъ свидѣтельскихъ показаній, и перехожу къ экспертизѣ и прежде всего къ экспертизѣ судебно-медицинской. Здѣсь я просилъ бы васъ послѣдовать за мною, вотъ въ какомъ направленіи мысли. Будемъ разсуждать о томъ, что было найдено на трупѣ Юшинскаго, что было лицами, вскрывшими трупъ, констатировано, что говорятъ по этому поводу специалисты-профессора, а о Бейлисѣ, о Чеберякѣ куда совсѣмъ позабудемъ, будто ихъ совсѣмъ не существуетъ. Вотъ передъ нами трупъ, на немъ раненія, какіе же выводы изъ этихъ раненій можно сдѣлать? О томъ же, кто обвиняется, пока не будемъ говорить. Приступая къ экспертизѣ, долженъ вамъ сказать, что эксперты были нѣсколькихъ различныхъ категорій, между ними возникли нѣкоторыя разнорѣчія. Вопросъ, какимъ экспертамъ нужно дать предпочтеніе, встаетъ передъ нами. Но, конечно, я не буду говорить, что надо отдать предпочтеніе тому эксперту, который мнѣ больше правится. Нѣтъ, этого я говорить не буду, а постараюсь привести вамъ доводы, лежащіе въ фактахъ, почему одному эксперту нужно придавать большее значеніе, чѣмъ другому. Первое обстоятельство для оцѣнки достоинства судебно-медицинской экспертизы заключа-

ется въ томъ, какъ судить экспертъ, по трупу ли, который онъ вскрывалъ, по мертвому ли тѣлу или же только по протоколу? Само собой разумѣется, что изъ 2 экспертовъ, одинаково знающихъ, одинаково свѣдущихъ, тотъ, кто самъ вскрывалъ трупъ, можетъ судить лучше, основательнѣе, чѣмъ тотъ, который только числалъ протоколъ о вскрытіи трупа. Это все равно, что слышать живого свидѣтеля, или же судить о немъ по протоколу предварительнаго слѣдствія. Кто же вскрывалъ трупъ? Экспертъ Оболенскій, нынѣ умершій, но показаніе его было здѣсь прочитано. Работалъ надъ частями трупа, т. е. дѣлалъ изъ нихъ такъ называемые препараты, проф. Туфановъ, котораго мы здѣсь видѣли. Правда, былъ еще другой врачъ, Карпинскій, который производилъ первое вскрытіе, но, къ сожалѣнію, это первое вскрытіе было произведено Карпинскимъ довольно поверхностно, довольно небрежно, недостаточно вдумчиво. Это признано было какъ обвинителемъ, гражданскими истцами, такъ и, повидимому, защитой, которая эксперта этого не вызвала. Слѣдовательно, на показаніе этого эксперта, къ сожалѣнію, опираться нельзя, потому что онъ произвелъ вскрытіе небрежно и поверхностно, это не отрицается и самой защитой, ибо, если бы защита обратила вниманіе на показаніе доктора Карпинскаго, то она бы его вызвала, но однако она его не вызвала сюда. Тотъ Карпинскій, который былъ здѣсь, это совсѣмъ другой Карпинскій, это психоневрологъ, неимѣющій ничего общаго съ тѣмъ Карпинскимъ. Это просто совпаденіе фамилій. Такъ вотъ, послѣ вскрытія, произведеннаго докторомъ Карпинскимъ, къ сожалѣнію, небрежно, не вполне точно, была произведена провѣрка такимъ знатокомъ судебной медицины, какъ покойный проф. Оболенскій, а отдѣльныя части трупа изслѣдовалъ д-ръ Туфановъ. Я прямо говорю, что разъ они трупъ видѣли, то ихъ сужденія имѣютъ большую цѣну, чѣмъ сужденія тѣхъ, кто трупа не видѣлъ, считая даже, что знанія ихъ совершенно одинаковы. Далѣе, тутъ была разница между экспертами по специальностямъ. Были специалисты по судебной медицинѣ и специалисты по хирургіи. Опять таки признавая, что знанія всѣхъ равны, какіе врачи могутъ быть компетентными, могутъ луч-

ше судить? Конечно специалисты по медицинѣ, потому что они специально изучаютъ, какъ выразился проф. Косоротовъ, трупное дѣло, специально вскрываютъ и рѣжутъ трупы и изучаютъ всѣ эти поврежденія, а хирурги занимаются другимъ дѣломъ, дѣлаютъ операціи и съ мертвыми тѣлами не имѣютъ дѣла. Вотъ почему я не по капризу, а по основаніямъ, вытекающимъ изъ дѣла, говорю, что для меня преимущественное значеніе имѣетъ экспертиза профессоровъ Оболенскаго, Туфанова и Косоротова, вопліѣ согласныхъ между собой, имѣетъ значеніе потому, что двое первыхъ изъ нихъ сами видѣли трупъ и вскрывали его, а послѣдній примыкаетъ къ врачамъ специалистамъ по судебной медицинѣ, а эта специальность какъ разъ относится къ данному случаю, тогда какъ хирургія относится уже гораздо меньше.

МУЧИТЕЛЬСТВО.

Что-же говорятъ эксперты? Они говорятъ, что на трупѣ оказалось 47 ранъ. 47 ранъ! Вы подумайте, часто ли это бываетъ, чтобы на трупѣ было 47 колотыхъ ранъ. Для чего же онѣ нанесены? Для того чтобы убить? Нѣтъ, развѣ наносить 47 ранъ, если хотятъ только убить. Вотъ мальчикъ предалъ, тогда бы его убили топоромъ, хватили бы полѣномъ, прямо бы ударили, вотъ онъ и былъ бы готовъ, а тутъ 47 ранъ нанесено. Для чего? Для того, чтобы не только убить, но и доставить мученія? Да, смерть была очень мучительная, тяжкая, ужасная смерть, мальчикъ мучился, но я долженъ сказать, что здѣсь не было цѣли специальныхъ мученій, что это не было съ самоудовлѣющей цѣлью. Чтобы убійство было совершенно ради мучительства, этого сказать нельзя. На этомъ согласились всѣ эксперты, потому что тогда были бы нанесены раны въ наиболѣе чувствительныя мѣста, кололи бы подъ ногти, въ глаза, въ половые органы, шипали бы, но этого нѣтъ. Слѣдовательно, хотѣли убить мучительнымъ способомъ звѣрски, но съ специальной цѣлью мучительство не дѣлали. Въ этомъ всѣ эксперты были согласны, тутъ даже нѣтъ разногочія.

ОБЕЗКРОВЛЕНІЕ.

Теперь относительно обезкровленія. Вотъ вся эта группа врачей, Оболенскій, Туфановъ и Косоротовъ, прямо говорятъ, что кровь была выпущена, что было выпущено

не менѣ половины всего количества, а можетъ быть даже и двѣ трети и точно опредѣляютъ — отъ пяти до пяти съ половиной стакановъ. Эксперты хирурги этого собственно не отрицаютъ, они говорятъ, что да, много было выпущено крови, но что только они не могутъ опредѣлить сколько. И это вполне естественно, ибо вѣдь они этими вопросами не занимаютъ. Слѣдовательно, опять таки я могу съ совершенной точностью опредѣлить на основаніи фактовъ, опредѣлившихъ выводы профессоровъ Оболонскаго, Туфанова и Косоротова, что трупъ былъ обезкровленъ, что изъ него было выпущено отъ пяти до пяти съ половиной стакановъ крови. Этому соответствують точно установленныя объективныя данныя: блѣдность внутреннихъ органовъ, отсутствіе трупныхъ пятенъ и такъ называемая пустота сердца. Пустота сердца сказалась въ томъ, что въ немъ не было крови, было чайная ложка, въ одномъ желудочкѣ, а въ другомъ — меньше чайной ложки. Намъ проф. Косоротовъ привелъ очень образное сравненіе сердца Андриуши съ сердцемъ Жени. Жена умеръ отъ кроваваго поноса. Во время кроваваго поноса, онъ потерялъ очень много крови, но тѣмъ не менѣ въ его сердцѣ была найдена столовая ложка желтой жидкости, сукровицы, въ одномъ желудочкѣ сердца и почти столовая ложка крови въ другомъ желудочкѣ, и кромѣ того въ сердцѣ было найдено масса кровяныхъ сгустковъ, а у Андриуши только два величину съ горошину. Вотъ опять два фактъ, совершенно положительныя данныя, которыя говорятъ, что обезкровленіе было. и даже намъ указываютъ сколько было выпущено крови. Тутъ говорилось о точечномъ изліяніи въ мозгъ. Да, гсворить проф. Косоротовъ, точечное изліяніе было, но откройте любой учебникъ судебной медицины и вы увидите, что это точечное изліяніе отнюдь не мѣшаетъ картинѣ обезкровленія. Здѣсь проф. Кальянь, желая ослабить впечатлѣніе, говорилъ про трупныя пятна: да, трупныхъ пятенъ нѣтъ, но можетъ быть ихъ прозѣвали; вѣдь трупныя пятна обыкновенно бывають на спинѣ, такъ какъ трупъ всегда лежитъ на спинѣ, а вѣдь здѣсь то трупъ не лежалъ на спинѣ, здѣсь вѣдь мальчикъ былъ найденъ въ скрюченномъ, полусогнутомъ положеніи; значить, труп-

ныя пятна нужно было искать въ иныхъ мѣстахъ; а тутъ посмотрѣли, увидѣли, что на спинѣ нѣтъ, и написали, что вообще ихъ нѣтъ. Но на это проф. Косоротовъ далъ внушительный отвѣтъ. Онъ сказалъ, что вопросъ о томъ, гдѣ нужно искать трупныя пятна, азбука дѣла, что это долженъ знать всякій начинающій врачъ. Каждый врачъ, вскрывающій тѣло, хотя бы небрежно, хотя бы поверхностно, зная, что трупъ лежалъ не на спинѣ, будетъ искать эти трупныя пятна уже не на спинѣ, а на конечностяхъ, на рукахъ, на ногахъ. А затѣмъ далѣе, допустимъ, что врачъ Карпинскій не досмотрѣлъ. Но вѣдь, потомъ провѣрялъ вскрытіе проф. Оболонскій, тщательно, по всемъ правиламъ науки, которую онъ зналъ въ совершенствѣ. Если Оболонскій пишетъ, что трупныхъ пятенъ не было,—вѣдь ко времени его вскрытія трупныя пятна пропасть не могли, то это значитъ, что ихъ нигдѣ не было, ни на спинѣ, ни на другихъ мѣстахъ. Вотъ, значить, этими данными совершенно точно установлено обезкровленіе.

ОРУДІЕ УБИЙСТВА.

Теперь далѣе чѣмъ убивали Андриушу? Убивали пшайкой, убивали колющимъ инструментомъ. Вотъ, говорятъ, что это совершенно неподходящій инструментъ для добычи крови, потому что, когда имъ колешь, то жилка выскакиваетъ, на жилку не попасть. Инструментъ не подходящій, но вѣдь онъ-то подошелъ, кровь-то вышустили. Вотъ и проф. Косоротовъ говоритъ, что наши скопцы свои операціи дѣлають тоже съ врачебно - хирургической точки зрѣнія неправильно, но, однако, они ихъ производятъ и своей цѣли достигаютъ. Затѣмъ я обращаю ваше вниманіе еще на одну подробность. Вѣдь это не только колющій инструментъ, онъ имѣлъ только видъ колюшаго, но этому колющему инструменту была придана одна особенность. Для того чтобы этотъ инструментъ могъ и поражать кровеносные сосуды, его конецъ былъ заточенъ, у него были грани ромбоидальныя четырехугольныя съ острыми заточенными краями. Значить, этотъ инструментъ не только колоть, но и рѣзать. Значить, если жилка изъ-подъ него выскакивала, то его можно было повернуть, этой острой гранью провести и разрѣзать сосудъ. Это, гг. присяжные засѣдатель, обстоятельство, на которое надо обра-

тять вниманіе серьезно. Да, выбранъ колющій инструментъ, но почему? Это мы увидимъ изъ ритуальной экспертизы. Можетъ быть, потому, что колотую кровь не надо покрывать, а кровь, которая добыта путемъ разрѣзыванія, путемъ „шехиты“, ее надо покрывать. Припомните, что намъ говорилъ экспертъ благопріятный для защиты проф. Троицкій. Онъ говорилъ о льнѣ, о мошкахъ, что вотъ на ленъ напали мошки. Какъ отъ мошекъ избавиться? Нужно ленъ кровью покропить, потому что мошки крови не выносятъ. А какъ же покропить, вѣдь кровь надо покрыть. Нѣтъ, сказалъ проф. Троицкій, если кровь рѣзанная, отъ „шехиты“, то ее надо покрыть, а кровь колотую можно не покрывать. Быть можетъ, защита съ этимъ не согласится, но вѣдь это сказалъ проф. Троицкій, вызванный защитою и давшій заключеніе для защиты благопріятное. Онъ сказалъ объ этой колотой крови, которую не надо покрывать. Но вѣдь и въ другихъ случаяхъ ритуальныхъ убійствъ тоже бывають колотыя раны, и трупъ выбрасывается и не покрывается, и тутъ колотыя раны, но колющій инструментъ приспособленъ именно къ тому, чтобы поражать кровеносные сосуды, онъ заточенъ. Теперь далѣе, перейдемъ къ отдѣльнымъ пораненіямъ. Первое пораненіе было въ голову, причѣмъ несчастный Андруша былъ въ шапкѣ. Зачѣмъ онъ былъ въ шапкѣ? Вѣдь шапка мѣшала, вѣдь шапку ничего не стоило сбросить, на это потребовался бы всего одинъ моментъ, а однако, они начали съ того, что держали его въ шапкѣ. Можетъ быть вамъ это обстоятельство станетъ понятнымъ, если вы вспомните, что евреи при совершеніи обрядовъ бьвають съ покрытой головой.

13 ИЛИ 14 РАНЪ?

Далѣе были нанесены височныя раны на правомъ вискѣ, ихъ было 13. Я утверждаю, что ихъ было счетомъ ровно 13. Защита спорить, говорить, что 14. Разберемъ, какія данныя за то, что было 14, какія данныя за то, что было 13? Защита говоритъ, что въ первомъ протоколѣ показано 14 ранъ. Вѣрно, въ протоколѣ Карпинскаго сказано, что 14, но, вѣдь, этотъ протоколъ не точенъ, вѣдь это тотъ протоколъ, который понадобилось провѣрить. Вѣдь это тотъ протоколъ, который болѣе всего опорочивалъ проф. Павловъ, вызванный самой за-

щитой. Если защита хочетъ опираться на этотъ первый протоколъ, то почему же она не вызвала доктора Карпинскаго, который составлялъ его. А разъ врачъ Карпинскій дѣлалъ первое вскрытіе нѣсколько небрежно, то совершенно очевидно, чтъ вопросу о томъ, сколько было именно ранъ: 12, 13, 14 или даже 15, онъ не придавалъ ни малѣйшаго значенія. Для него было важно установить, что мальчикъ убитъ отъ столькихъ-то ранъ, что у него много колотыхъ ранъ, на которыя онъ, какъ врачъ, дѣлающій вскрытіе, не обратилъ вниманія: 12, 13 или 14. Вѣдь, это въ концѣ концовъ, если вскрытіе было поверхностное, все равно. Затѣмъ, производится провѣрочное вскрытіе, вскрытіе проф. Оболенскаго, и менно въ то время, когда было обращено особенное вниманіе на это убійство. Онъ произвелъ вскрытіе чрезвычайно тщательно и категорически утверждалъ, что ранъ было 13. Далѣе, проф. Туфановъ снимаетъ фотографію съ этой кожи, потомъ тщательно ее препарируетъ, и вотъ этотъ профессоръ тоже категорически утверждаетъ, что ранъ было 13. Проф. Косоротовъ тоже держится того мнѣнія, что ранъ было 13. Кто же говорить, что ихъ было больше? Проф. Бехтеревъ, но, вѣдь, это не предметъ его экспертизы, потому, что онъ психо-неврологъ, а вопросъ о томъ, сколько именно было ранъ, вопросъ спеціальнѣйшій, и онъ его касаться не могъ. Онъ сказалъ, что 13, а другой экспертъ психо-неврологъ Карпинскій говорить, что 14. Кадьянъ хорошо не знаетъ, можетъ быть 13, а можетъ быть и 14, смотря по тому, какъ уколъ понимать. Проф. Павловъ категорически по этому вопросу намъ ничего не сказалъ. Такимъ образомъ, я въ правѣ на основаніи акта повторнаго вскрытія, на основаніи удостовѣренія проф. Оболенскаго, который видѣлъ эти раны въ свѣжемъ видѣ на трупѣ, на основаніи заключенія Туфанова, который снималъ фотографію и сдѣлалъ подлинный препаратъ, на основаніи заключенія такого спеціалиста, какъ проф. Косоротовъ, сказать, что ранъ именно 13 на правомъ вискѣ.

Для чего онѣ были нанесены? Объ этомъ много спрашивалось, спрашивала защита, спрашивала тѣхъ профессоровъ, которыхъ она вызвала, но никто этого объяснить не могъ. Зачѣмъ эти 13 ранъ? Для того, что-

бы убить онъ не нужны. Для мученія? Но для этого были другіе способы. Добыть кровь? Но кровь добывали изъ шеи, правда, отсюда было кровотеченіе, но кровотеченіе небольшое. А 13 ранъ нанесено. Но вотъ, когда мы обращаемся къ ритуальной экспертизѣ, то вотъ что она намъ говоритъ о числѣ 13. Опять таки объ этомъ говорить не о. Пранайтисъ, показанія котораго защита будетъ всячески опровергивать, а экспертъ проф. Троицкій вызванный самой защитой, заключеніями котораго она была повидимому очень удовлетворена. Такъ вотъ что говорить онъ о тринадцати ранахъ. Онъ говоритъ, что каждый еврей, умирая, читаетъ молитву, вся суть которой въ послѣднемъ словѣ „эхадъ“, т. е. единственный. Съ этимъ словомъ умираетъ каждый благочестивый еврей. Но каждое слово по Каббалѣ соответствуетъ числу, каждая буква соответствуетъ цифрѣ, а сумма ихъ даетъ число, такъ что каждое слово соответствуетъ числу, и вотъ слово „эхадъ“ соответствуетъ числу 13-ти, тому слову, съ которымъ умираетъ каждый благочестивый еврей. Это сказалъ намъ проф. Троицкій. А вѣдь у Андруши 13 ранъ, и никто не можетъ объяснить, почему онѣ нанесены.

ШЕЙНЫЯ РАНЫ.

Пойдемъ дальше, перейдемъ къ шейнымъ ранамъ. Шейныя раны это именно тѣ раны, изъ которыхъ была выпущена кровь. Убийство, значитъ, идетъ такъ: сначала были нанесены головныя раны, затѣмъ сняли фуражку, потому что надо было нанести шейныя раны, а затѣмъ снимаютъ куртку. Проф. Бехтеревъ пробовалъ доказать, что убійцы находились въ ужасно возбужденномъ состояніи, такъ что даже наносили автоматическіе удары, въ переводѣ на русскій языкъ, произвольные удары, независимые отъ ихъ воли, такъ они были возбуждены. Ну, а какъ вы думаете, если они были такъ возбуждены, что сами себя не помнили, то могли ли они понимать, куда они наносятъ удары, стали ли бы они снимать куртку? Я думаю, что нѣтъ. Такъ вотъ, когда приступили къ нанесенію шейныхъ ранъ, они сняли куртку; раны на шеѣ были нанесены, причемъ послѣднія дали главное кровотеченіе, главнымъ образомъ кровь вытекла изъ шейныхъ ранъ. Но

вотъ, что насчетъ шейныхъ ранъ говорятъ о. Пранайтисъ и проф. Троицкій. Крови придаетъ у евреевъ огромное значеніе. Душа тѣла въ крови. А откуда выходитъ душа? Оттуда, откуда выходитъ кровь. Значитъ, по вѣрованію евреевъ, изъ шеи. Рѣжутъ скотъ, перерѣзая шею. Это именно то мѣсто, изъ котораго евреи выпускаютъ кровь. Вотъ и тутъ нанесены шейныя раны, изъ которыхъ вытекла вся кровь.

РИТУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕРЪ УБИЙСТВА.

Говорятъ, что было внутреннее кровоизліяніе. Да, часть крови попала внутрь, но это внутреннее кровоизліяніе нисколько не исключило обезкровливанія. Вотъ эти пять — пять съ половиной стакановъ составляетъ ту кровь, которая вылилась наружу. При опредѣленіи этихъ пяти стакановъ была принята во вниманіе та часть крови, которая попала внутрь. Такъ что, если вамъ будутъ говорить о внутреннемъ кровоизліяніи, то это совершенно не вѣрно. Нѣкоторое пропитываніе кровью внутреннихъ органовъ наблюдается, но это отнюдь не касается этихъ пяти, пяти съ половиной стакановъ. Послѣ этого начинаютъ наносить раны, какъ выразился здѣсь проф. Павловъ, въ убойныя мѣста, главнымъ образомъ, колятъ въ сердце, и, наконецъ, наносятъ ужасный ударъ въ сердце, который прокалываетъ оба желудка, и швайка впивается по рукоятку, тогда убійца поворачиваетъ эту швайку такъ, что ободокъ швайки дѣлаетъ ссадины на наружныхъ покровахъ. Вотъ намъ говорить, что убійцы были возбуждены, что они себя не помнили, но вотъ, однако, они поднимали рубашку и кололи въ голое тѣло. Поднимали рубашку. Когда были нанесены первыя раны, а когда послѣднія? А вотъ когда. Послѣднія раны были нанесены, когда Андруша умиралъ, когда его сердечная дѣятельность уже угасла. Видно это изъ слѣдующаго. Если уколъ, ударъ пораненіе нанесено при полной дѣятельности сердца, то получается сильное пропитываніе кровью тѣхъ органовъ, которые поражены, если же ударъ нанесенъ тогда, когда сердце ослабѣло, когда оно не бьется и когда кровь вращается медленно, то тѣло, подкожныя ткани мало пропитываются кровью. Врачи говорятъ, что здѣсь мы видимъ сильное пропитываніе на головѣ, на

шеѣ. А тутъ сразу очень слабое. Значить, что мальчикъ уже угасалъ. Далѣе проф. Косоротовъ дѣлаетъ чрезвычайно важный выводъ, котораго и другіе эксперты не опровергають. Онъ говоритъ, что между нанесеніемъ первыхъ ранъ въ голову и шею и нанесеніемъ другихъ въ туловище, былъ нѣкоторый промежутокъ, и этотъ промежутокъ онъ опредѣляетъ въ 5, 7, и даже 8 минутъ. Во всякомъ случаѣ не менѣе 5-ти. Вотъ вы подумайте, гг. прис. засѣдатели, зачѣмъ былъ этотъ промежутокъ, что въ этотъ промежутокъ дѣлали? Если я вамъ скажу, что въ этотъ промежутокъ собирали кровь, то согласитесь, что мое заключеніе строго вытекаетъ изъ научныхъ, строго проверенныхъ обстоятельствъ дѣла. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, какова картина вскрытія. Мы о Бейлисі забудемъ, Бейлиса въ настоящую минуту нѣтъ, нѣтъ и Чеберякъ. И что-же мы по этому трупу видимъ, что можемъ сказать? Да, несомненно, что онъ убитъ изъ ритуальныхъ цѣлей для выпуска крови. Ничего другого сказать нельзя, и убитъ символически, съ этими 13-ю ранами на правомъ вискѣ. Это написано слово „эхадъ“, то слово, съ которымъ умираетъ каждый благочестивый еврей. Сопоставьте это съ фактическими обстоятельствами дѣла, съ тѣмъ, что слѣды мальчика ведутъ къ тому самому Бейлису, который ѣздилъ печь мацу, у котораго бывалъ Шнейерсонъ изъ Любавичъ, куда отправлялась кровь, всѣ эти слѣды ведутъ въ то время, когда здѣсь совершается закладка синагоги, а вы помните, о. Пранайтисъ говорилъ, что новая синагога была окроплена кровью. Вотъ вы сопоставьте все это. Вѣдь не можетъ быть, чтобы это было все случайно. Развѣ такіе случаи возможны. Да вѣдь это же вздоръ. Это несомнѣнно ритуальное убійство, причемъ то, что мы видимъ на трупѣ совершенно независимо отъ фактическихъ уликъ совпадаетъ, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что говорятъ намъ факты. Совершенно какъ въ арифметикѣ, одно дѣйствіе проверяется другимъ, такъ и здѣсь мы видимъ связь одной части съ другой. Части эти совпали. Что-же, совпаденіе это можетъ быть случайно?

РИТУАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА.

Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Мнѣ остается коснуться только ритуальной экспертизы, причемъ о ней я скажу

очень немного и долго вашего вниманія задерживать не буду. Мы здѣсь видѣли экспертовъ двухъ лагерей: съ одной стороны былъ о. Пранайтисъ, съ другой—Троицкій, Коковцовъ, Тихомировъ и раввинъ Мазе. Между этими двумя группами рѣзкое разногласіе. Они, собственно, представляютъ изъ себя ученыхъ двухъ совершенно различныхъ лагерей, которые спорятъ между собою много и долго. Есть цѣлый рядъ ученыхъ сочиненій, есть огромная литература, которая отстаиваетъ тотъ взглядъ, котораго держится о. Пранайтисъ, и есть столь же обширная литература, и столь же много ученыхъ, которые отстаиваютъ тотъ взглядъ, котораго держатся Коковцовъ, Мазе, Тихомировъ и Троицкій. Это научный споръ о томъ, что, собственно, такое представляетъ изъ себя Талмудъ, Каббала, Шулханъ-Арухъ, какъ понимать ихъ и этотъ ученый споръ мы, конечно, разрѣшить не можемъ. Передъ нами раскрыли только небольшую его завѣсу, а спорятъ объ этомъ уже цѣлые вѣка. Мнѣ кажется, что для насъ даже и не важно, кто болѣе правъ въ этомъ спорѣ, вѣдь для насъ совершенно не важны обстоятельства, что вотъ ученый Коковцовъ, или ученый Троицкій возьмутъ извѣстный текстъ, сядутъ у себя въ комнатѣ, обложатся книгами и начнутъ разсуждать о томъ, какъ правильнѣе понимать этотъ текстъ съ точки зрѣнія научной, исторической, филологической, этнографической и многихъ другихъ, а когда и это не поможетъ, то обратятся къ своимъ друзьямъ изъ евреевъ, о которыхъ говорилъ проф. Троицкій. Но это не важно. Очень можетъ быть, что то толкованіе, котораго держатся Коковцовъ, Троицкій, Мазе, скажемъ, болѣе правильно, чѣмъ то толкованіе, котораго держится о. Пранайтисъ, допустимъ это; я все-таки считаю, что суть не въ этомъ. Суть не въ томъ, какъ правильнѣе понимать извѣстный текстъ съ глубоко научной точки зрѣнія, а въ томъ, какъ дѣйствительно понимаютъ извѣстный текстъ, и кто? — Фанатики, изуверы зъ евреевъ. Вотъ въ чемъ вопросъ, и вотъ почему то обстоятельство, что съ одной стороны было 4 эксперта, а съ другой только одинъ, что одни эксперты были болѣе рѣчисты, а другой былъ, можетъ быть, менѣе рѣчистъ, хотя бы потому, что онъ плохо знаетъ русскій языкъ. Это все не имѣ-

еть рѣшительно никакого значенія. Это ученый споръ о текстахъ, какіе ученые правильнѣе понимаютъ тотъ или другой текстъ. Мы вѣдь говоримъ не объ учености, не объ этихъ изслѣдованіяхъ, а о томъ еврей-изувѣрѣ, который въ этомъ текстѣ видитъ для себя основаніе, чтобы совершить ритуальное убійство. Вотъ вы слышали тутъ о скопцахъ. Вѣдь и скопцы тоже ссылаются на текстъ священнаго Писанія, мы, говорятъ они, вѣрно понимаемъ Священное Писаніе, а вы невѣрно. Конечно, всякій ученый, да не только ученый, а всякій православный вамъ скажетъ, что пониманіе, которое придаютъ скопцы, это невозможное, бессмысленное пониманіе, но вѣдь они все-таки такъ толкуютъ и увѣрены въ своей правотѣ. Они говорятъ — мы понимаемъ, какъ слѣдуетъ, мы дѣйствуемъ по Писанію, а не вы. Такъ и здѣсь.

Вопросъ объ этихъ ученыхъ толкованіяхъ, я повторяю, вопросъ второстепенный, хотя и здѣсь кто болѣе правъ, на чьей сторонѣ правильное толкованіе текстовъ, это еще большой вопросъ и я лично думаю, что правда и большая научность именно на сторонѣ тѣхъ толкованій, которыхъ держался о. Пранайтисъ. Вотъ хотя бы на примѣръ, тутъ былъ одинъ эпизодъ. Въ книгахъ еврейскихъ сказано — „лучшаго изъ гоевъ убей“. Казалось бы здѣсь совершенно ясно и очевидно проявленіе нетерпимости евреевъ, ихъ фанатизма—убивай гоевъ, а гон это всё иноплеменики, въ томъ числѣ и христіане,—но вотъ является представитель другой школы, школы удобной еврейству и опирающійся главнымъ образомъ на еврейскихъ ученыхъ и говорить—это не вѣрно понято. Тамъ сказано въ томъ смыслѣ, что „убивай на войнѣ лучшаго изъ гоевъ“, надо на войнѣ убивать, потому что лучший изъ враговъ болѣе опасенъ, поэтому его и убивайте. Но позвольте, а въ другомъ мѣстѣ этого текста сказано такъ: справедливѣйшаго изъ гоевъ убей. Причемъ тутъ война?—Ну, да,—говорить, но все-таки это правильно. А потомъ я говорю, вотъ какое сочетаніе словъ тамъ есть—„лучшаго изъ гоевъ убей, самой красивой змѣѣ разможи голову, разможи мозгъ“.—Какая же война со змѣями, змѣѣ всегда нужно уничтожить; какое же это сравненіе? На это собственно говоря, онъ мнѣ отвѣта не далъ, но все-таки осталось

при выводѣ, что только на войнѣ нужно убивать. Такъ что по этому примѣру вы можете убѣдиться, на чьей сторонѣ въ этомъ ученомъ спорѣ перевѣсъ—это еще большой вопросъ. Но, желая выкинуть изъ дѣла все спорное, я даже на этомъ и не останавлиюсь,—мнѣ важно совершенно другое, мнѣ важно, какъ нарастала эта еврейская нетерпимость, этотъ еврейскій религиозный фанатизмъ и здѣсь для меня экспертиза даетъ совершенно убѣдительныя доказательства.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что въ Ветхомъ Заветѣ жертвы крови, кровавыя жертвы имѣли огромнѣйшее значеніе, что въ этомъ именно и была суть еврейской религіи. Господа эксперты приводятъ текстъ изъ Библии—душа тѣла въ крови его и я назначилъ ее вамъ для жертвы, ибо кровь душу очищаетъ; приводятъ Посланіе святого апостола Павла къ евреямъ, который несомнѣнно, зналъ ихъ нравы, гдѣ сказано, что все очищается у васъ кровью и безъ крови нѣтъ прошенія грѣховъ. Кровавыя жертвы можно совершать только въ Иерусалимскомъ храмѣ, а Иерусалимскій храмъ разрушенъ,—какъ же кровавыя жертвы приносить, отказаться отъ нихъ? Да, вѣдь, въ этомъ вся суть религіи, въ этомъ ея корень, ея главное начало—и вдругъ такъ взять и отказаться. Конечно, у людей, распаленныхъ этой религиозной идеей начались искнія. Если нельзя въ храмѣ, храмъ разрушенъ, то надо какимъ-нибудь другимъ способомъ. Неужели такъ-таки совсѣмъ отказаться отъ того, что въ религіи составляетъ главную сущность. На это опять-таки есть текстъ. Рабби Иисусъ говорить,—мы слышали, что хотя нѣтъ храма, совершаются жертвы, хотя нѣтъ жертвенника, дѣлаются возліанія.—Отецъ Пранайтисъ даетъ этому тексту совершенно определенное толкованіе и другіе эксперты его особенно въ этомъ не могутъ оспаривать. Наряду съ этимъ у еврейства растетъ страшная ненависть къ христіанамъ и понятно почему. Христіане римляне разрушили Иерусалимскій храмъ, разсѣяли евреевъ, уничтожили еврейское царство, прекратили ихъ самостоятельное существованіе и слѣлали ихъ кочевой, странствующей расой. Понятная вещь; что у евреевъ родилась страшная ненависть къ христіанамъ и эта ненависть находитъ себѣ выраженіе въ ихъ книгахъ. Вотъ вамъ одинъ текстъ:

„лучшаго изъ гоевъ убей, самой красивой змѣѣ разможи голову“.—Вотъ другой текстъ приводится.—„Сказаль рабби Эліазаръ, что нееврея можно пронзить даже въ субботу, если этотъ день приходится въ день прошенія обидъ“.—День прошенія обидъ, а пронзить все таки можно.—А ученики отвѣтили рабби Эліазару.—„Скажи, рабби—лучше закатъ, а не пронзить“.—„Нѣтъ,—говорить рабби Эліазаръ, потому что закатъ нужно съ берахъ-молитвой, а пронзить можно безъ берахъ“.—Вотъ когда развивается такая ненависть къ христіанству, то естественно, что мысль работаетъ въ томъ направленіи, что самая лучшая жертва, когда храма нѣтъ, жертвенника нѣтъ, самая лучшая жертва какая? Да въ томъ, чтобы убивать этихъ христіанъ, убивать тѣхъ гоевъ, про которыхъ сказано — лучшаго изъ гоевъ убей такъ, какъ убиваютъ самую красивую змѣю. Это естественная послѣдовательная мысль.

И вотъ въ Зогарѣ, въ той книгѣ, которая появилась почти одновременно съ развитіемъ и распространеніемъ этихъ ритуальныхъ убійствъ, тамъ есть прямые тексты, которые говорятъ, что нѣтъ для насъ иной жертвы, какъ та, которая состоитъ въ устраниеніи противной стороны, истребленіи гоевъ и Царица Небесная почитаетъ тебѣ это вмѣсто возліянія, вмѣсто жертвы. Вотъ видите уже жертва приравняется къ этому убійству. Настоящихъ жертвъ приносить нельзя—храма нѣтъ, но отказаться отъ жертвы религиозно настроенная еврейская мысль не можетъ, а наряду съ этимъ есть ненависть къ христіанству—значить убійство христіанъ и есть эта жертва. Въ Зогарѣ появляется уже вотъ какой текстъ: „я смерть ихъ“—патеръ Пранайтисъ объяснилъ, что это говорится не объ евреяхъ, а объ амгаарцахъ,—и смерть ихъ пусть будетъ при заткнутомъ ртѣ, какъ умираетъ животное безглавно. причемъ рѣшеникъ даетъ обѣтъ святому благословенному, что это убійство будетъ повторяться ежедневно, какъ совершаются убійства животныхъ двѣнадцатю испытаніями ножемъ, что составляетъ вмѣстѣ 13. И отецъ Пранайтисъ твердо держится мнѣнія, что онъ даетъ этому тексту правильное толкованіе. Его оспариваютъ, говорятъ, что это описывается смерть праведника, который смыкаетъ уста. Но позвольте,—здѣсь говорится не о сомкнутыхъ устахъ, а

о томъ, что ротъ затыкается. Вѣдь это же разница—сомкнутыя уста или заткнутый ротъ?

РИТУАЛЬНЫЯ УБИЙСТВА.

Такимъ образомъ, вотъ вамъ рядъ текстовъ, которые даютъ прямое основаніе вѣрять въ ритуальныя убійства. Пусть съ научной точки зрѣнія это невѣрно истолковано, но вѣдь евреи фанатики могутъ толковать это именно въ такомъ смыслѣ. Что же дальше? Въ дальнѣйшемъ вотъ что. Дальше происходитъ Львовскій диспутъ, диспутъ, на которомъ одна часть еврейства открыто обвиняетъ другую часть въ ритуальныхъ убійствахъ и въ присутствіи христіанъ прямо говоритъ—вы совершаете ритуальныя убійства и основываете это на такихъ-то и такихъ-то вашихъ текстахъ. Эксперты, которые вызваны сюда для разъясненія вопроса о ритуалѣ, какъ разъ этого Львовскаго процесса не знаютъ. Научное толкованіе текстовъ имъ извѣстно, а то, что происходило на Львовскомъ диспутѣ, гдѣ одна часть еврейства открыто обвиняла другую—этого имъ неизвѣстно. Однако, они не отрицаютъ того, что обвинявшіе на диспутѣ не были побѣждены, напротивъ они, повидимому, даже побѣдили и представили такія соображенія, такіе документы, такіе тексты, которыхъ опровергнуть нельзя было и по этому вопросу экспертиза намъ ничего отрицательнаго не дала. А дальше совершается рядъ убійствъ, этихъ дѣтскихъ убійствъ съ вытачиваніемъ крови, совершается въ самыхъ разнообразныхъ странахъ Европы. Вѣдь тогда же, въ тѣ времена желѣзныхъ дорогъ не было, сообщеніе было очень затруднительное, какъ же это такъ въ разныхъ государствахъ оказываются все одинаково исколотые трупы и всѣ обвиняютъ въ этомъ именно евреевъ. Вѣдь сговориться обвинители не могли, потому, что жили въ разныхъ странахъ и между собою сообщенія почти не имѣли. Какіе тогда были пути сообщенія? И, однако вотъ какое совпаденіе,—здѣсь трупъ, обвиняютъ евреевъ, и въ другой странѣ тоже трупъ, такой же исколотый и тоже обвиняютъ евреевъ. Когда мы спрашиваемъ экспертовъ, они говорятъ, мы не знаемъ, мы не занимаемся изученіемъ этихъ процессовъ и тогда намъ остается сказать имъ одно: значить вы не обладаете такими качествами, которыя намъ нужны для данной экспертизы.

РУССКІЕ ПРОЦЕССЫ.

Позвольте обратить ваше вниманіе на русскіе процессы. Къ сожалѣнію я этого не могу сдѣлать въ такой полнотѣ, въ которой я желалъ бы, я усиленно настаивалъ на оглашеніи саратовскаго дѣла. Защита возражала чрезвычайно горячо и намъ было отказано въ оглашеніи саратовскаго дѣла, правильно или неправильно, объ этомъ я судить пока не имѣю права. Но даже и тѣ примѣры, которые я могу приводить въ доказательство изъ русскихъ процессовъ, они мнѣ представляются весьма убѣдительными. Начнемъ съ Императора Александра I. Въ 1817 г. онъ дѣйствительно издалъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы евреевъ не преслѣдовали за ритуальныя убійства безъ всякихъ доказательствъ, чтобы не преслѣдовали только по одному предубѣжденію, а преслѣдовали наравнѣ съ прочими, по доказательствамъ, по уликамъ. Однако, изъ этого Высочайшаго повелѣнія никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, что Императоръ Александръ I отрицаетъ ритуальныя убійства. Онъ только сказалъ то, что мы всѣ теперь говоримъ, что безъ улики, по одному предубѣжденію, конечно, евреевъ преслѣдовать нельзя. Но значить въ то время уже ритуальныя убійства были, если понадобилось Высочайшее мнѣніе. Далѣе, при томъ-же Императорѣ Александрѣ I возникаетъ велижское дѣло по личному почину Государя Императора. Послѣ того, какъ преступленіе было нѣсколько лѣтъ безгласно къ нему обращаются съ челобитной, онъ назначаетъ слѣдствіе, о слѣдствіи ему лично доносятъ и одновременно по распоряженію Государя Императора запечатываются всѣ велижскія синагоги, Государь Императоръ сказалъ, чтобы всѣ молитвенные дома въ Велижѣ, всѣ еврейскіе молитвенные дома были запечатаны. Дѣло заканчивается уже послѣ смерти Императора Александра I, при Императорѣ Николаѣ и заканчивается оправданіемъ. Но вѣдь вы сами понимаете, что фактъ преступленія, событіе преступленія и виновность подсудимаго, это двѣ вещи разныя. Да, подсудимые были оправданы за недостаточностью улики, но тотъ фактъ, что мальчикъ былъ весь исколотъ, онъ то остался. Вамъ читали резолюцію Государя Императора Николая I, въ ней не только нѣтъ оправданія ри-

туальныхъ убійствъ, но даже напротивъ, признаніе ихъ. Государь говоритъ, что „я никакого не имѣю убѣжденія, чтобы такихъ убійствъ не было, напротивъ, я вижу, что повторяются эти загадочныя случаи“. Затѣмъ при томъ-же Государѣ Николаѣ Павловичѣ, возникло саратовское дѣло и что было по этому саратовскому дѣлу въ тѣхъ немногихъ частяхъ которыя удалось установить на судѣ, объ этомъ я могу сказать: отправлялись двѣ бутылки съ кровью изъ Саратова въ Любавичи, по обыску найдено было пропитанное кровью полотенце. Вѣдь это, говорятъ, сказки, басни. Но вѣдь это по обыску. И обратите вниманіе еще на слѣдующее: тутъ читали книгу Неофита, говорили, что это бредъ. Неопитъ, какъ разъ говорить, что кровь сохраняется такимъ образомъ, что ею пропитывается полотенце, полотнище, затѣмъ оно сжигается и пепель употребляется для религиозныхъ цѣлей. Это писалъ Неопитъ гдѣ-то въ Румыніи, а въ 50 г. въ Россіи, гдѣ ни о какомъ Неопитѣ не знали, находятъ по обыску какъ разъ полотенце, пропитанное кровью и завернутое въ лоскутокъ печальной бумаги, который содержитъ въ себѣ еврейскій текстъ о первенцахъ, о жертвѣ, вѣдь это фактъ. Отъ факта не уйдешь. Чѣмъ же закончилось саратовское дѣло? Вопросъ о догматѣ выдѣляется въ особую комиссію, куда къ сожалѣнію допускаются еврейскіе ученые Хвольсонъ и Левинсонъ, вопросъ о догматѣ, мы и теперь не рѣшаемъ вопроса о документѣ, затѣмъ устанавливается мнѣніе государственнаго совѣта, гдѣ евреи за убійство двухъ христіанскихъ мальчиковъ черезъ обрѣзаніе и мученія приговариваются къ каторжнымъ работамъ и этотъ приговоръ утверждается Государемъ Императоромъ Александромъ II, государемъ, который отмѣнилъ крѣпостное, право, который былъ любвеобильнѣйшимъ государемъ, тѣмъ государемъ, который даровалъ Россіи судъ присяжныхъ, тотъ судъ, по которому вы судите здѣсь теперь это дѣло, и этотъ государь не усомнился утвердить мнѣніе государственнаго совѣта. Вѣдь мнѣніе государственнаго совѣта прежде это не то, что теперешніе приговоры, теперь приговоръ вступаетъ въ силу безъ утвержденія Государя Императора, а мнѣніе государственнаго совѣта прежде это было только проектъ, не имѣв-

шій никакой силы, онъ силу получалъ только тогда, когда государь императоръ надписывалъ: „Согласенъ съ мнѣніемъ большинства“. И только послѣ этого еврей, убившіе черезъ обрѣзаніе и мученія христіанскихъ дѣтей, только послѣ этого они пошли на каторгу. Какъ-же послѣ этого говорятъ, что это все какое-то измышленіе, какая-то фантазія. А вотъ церковь, — вѣдь католическая церковь знаетъ массу святыхъ, замученныхъ евреями, и православная церковь тоже. Вамъ тутъ говорили о младенцѣ Гавріилѣ, который былъ замученъ евреями, тоже лишень жизни путемъ уколовъ.

Какъ-же говорятъ, что ритуальныхъ убійствъ не существуетъ? Это говорить противъ фактовъ, противъ того, что несомнѣнно доказано, что доказано исторически, противъ того, что признавали суды, что признавали сами евреи публично, обвиняя своихъ единовѣрцевъ, что признавали въ Россіи государи и что признаютъ православная и католическая церкви. Для меня здѣсь вопроса нѣтъ и мнѣ кажется, для человѣка, который не ослѣпленъ этимъ еврейскимъ гипнозомъ, тоже вопроса быть не можетъ. Вотъ почему я съ полнымъ убѣжденіемъ говорю: да, изувѣрныя убійства существуютъ и настоящее убійство изувѣрное, оно совершено на заводѣ Зайцева и совершенно несомнѣнно при участіи Бейлиса. Опять, господа присяжные засѣдатели, эту часть ритуальной экспертизы вы сопоставьте съ экспертизой судебно-медицинской, и съ фактическими обстоятельствами, вѣдь это же все укладывается вмѣстѣ, все совпадаетъ одно съ другимъ. Вѣдь этотъ же заводъ, на которомъ изувѣрно былъ замученъ мальчикъ, вѣдь этотъ заводъ — мѣсто религіознаго сосредоточенія, вѣдь тамъ еврейская синагога, вѣдь туда прѣзжають еврейскіе раввины, вѣдь тамъ живетъ тотъ самый Шнеерсонъ, который родомъ изъ Любавичъ и съ этимъ Шнеерсономъ связана вся исторія ритуальныхъ убійствъ. И что же, неужели можно говорить, что мало доказательствъ, неужели нельзя сказать, что вина Бейлиса доказана, установлена фактами. Я, господа присяжные засѣдатели, въ этомъ вполне убѣжденъ, но говорю дальше, что это не только мое убѣжденіе, по это выводъ изъ цѣлага ряда фактовъ, положеній, цѣлага

ряда положеній, неопровержимыхъ данныхъ, которые мною въ полной точности, съ полной добросовѣстностью представлены вамъ по дѣлу. Я все время старался говорить по фактамъ, о фактахъ, о событіяхъ, о данныхъ, сопоставите ихъ и объясните, почему вѣрятъ одному и отвергаютъ другое. Я считаю, господа присяжные засѣдатели, что мое убѣжденіе покоится не на моей фантазіи, а на строго-обоснованныхъ, доказанныхъ фактахъ.

Господа присяжные засѣдатели, я выступаю здѣсь въ качествѣ повѣреннаго Александры Юшинской. Много она перенесла по этому дѣлу и горе ея, ея страданія словами не выразишь. Вы вспомните—лишившись сына, замученнаго, ужасно замученнаго, брошеннаго, какъ палачъ, чему она подверглась? Вѣдь это было издѣвательство, надругательство, и только простой русскій человѣкъ можетъ снести это терпѣливо и кротко. Она потеряла сестру, которая любила Андриюшу и не вынесла всего того, что пало на ихъ голову, она и сама потеряла свое здоровье и скоро и она предстанетъ предъ лицомъ Всевышняго и вотъ теперь, перенесъ все это, вышпытавъ все это, она, простой безхитростный русскій человѣкъ, обращается и къ вамъ, изъ которыхъ большинство тоже простые русскіе люди и она проситъ, она проситъ вотъ чего, она проситъ точнаго опредѣленнаго отвѣта: кто убилъ, кто замучилъ ея Андриюшу, отвѣта, который былъ бы данъ не страха ради іудейска, а по совѣсти, по вашей совѣсти русскихъ православныхъ людей. Дайте же этотъ отвѣтъ, его ждетъ отвѣтъ не только Александра Юшинская. его ждетъ вся Россія.

Рѣчь Замысловскаго была закончена около 5 ч. веч., затѣмъ былъ объявленъ перерывъ до 7 час. веч.

Вечернее засѣданіе 24-го октября открывается около 7½ час. веч. Произносить рѣчь прис. пов. А. С. Шмаковъ.

Рѣчь А. С. Шмакова.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Одинокій и безпомощный въ смертельномъ ужасѣ и невыразимомъ отчаяніи пріять Андриюша Юшинскій мученическую кончину. Онъ вѣроятно даже плакать не могъ,

когда одинъ изъ злодѣевъ замыкалъ ему уста, а другой, впиваясь ногтями въ его чело, наносилъ ему смертельные удары швайкой въ черепъ и мозгъ. Среди безпримѣрныхъ страданій, испивъ чашу скорби и горя до дна въ иной, лучшей мѣрѣ ушелъ кроткій, невинный страстотерпецъ за вѣру Христову. Но онъ оставилъ здѣсь свою униженную, оскорбленную мать. Вѣруя въ то благоговѣнное вниманіе, съ которымъ вы исполняете свой долгъ, эта мать меня и моего товарища г. Замысловскаго послала просить у васъ справедливости. Если настоящее дѣло вообще необыкновенно, то оно не менѣе исключительно по тѣмъ блистательнымъ силамъ защиты, которыя вы видите передъ собой здѣсь, и по тѣмъ безграничнымъ средствамъ, которыми эта защита располагаетъ. Во имя достоинства русскаго правосудія, г. предсѣдатель открылъ защитѣ возможность этими силами и средствами воспользоваться въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Являясь со своей стороны передъ вами, мы никакими личными, или иными видами не руководствуемся. Мы хотимъ честно исполнить свою задачу. Правда, моя задача представляется нѣсколько тяжелой, въ особенности потому, что передо мной говорили уже два оратора и въ значительной степени исчерпали проблему. Такимъ образомъ, если я нахожусь въ необходимости подчасъ нарушать систему изложенія, не пеняйте на меня, гг. присяжные засѣдатели, таковы условія, въ которыхъ я нахожусь. Однако, я буду стараться, сколько у меня хватитъ силъ, быть послѣдовательнымъ, и я по возможности хочу стать на вашу точку зрѣнія въ совѣщательной комнатѣ. Приступая, такимъ образомъ, къ исполненію своей задачи, я, прежде всего, останавливаюсь на 16 мартѣ 1911 года. Вы помните, когда раннимъ утромъ въ воскресенье, бабушка Андрюши пришла къ его матери и сказала, что Андрюши у нея не было. Вы помните, что, хотя и обѣ безпокоились, но у нихъ явилась мысль, — не остался ли Андрюша у тетки Наталіи Ющинской? Когда же оказалось, что его и тамъ нѣтъ, то вы поймете чувство матери. Здѣсь даже это чувство подвергали подозрѣнію, я скажу больше, оно было полвергнуто тягчайшимъ испытаніямъ, о которыхъ едва ли раньше гдѣ-нибудь было слышно. Вся

семья Ющинскихъ, то-есть мать, братъ ея Нѣжинскій, бабушка, затѣмъ тетка Наталія Ющинская — всѣ кинулись искать мальчика. Побывали въ разныхъ мѣстахъ Кіева, и Андрюши не нашли, и вотъ наконецъ Александра Приходько вмѣстѣ со своимъ мужемъ Лукой Приходько пришли въ редакцію „Кіевской Мысли“, гдѣ ихъ встрѣтилъ Шимонъ Баршевскій, еврей, котораго можно поставить рядомъ развѣ только съ Махалинымъ. Онъ съ величайшимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, если хотите, повѣствоваль объ этомъ случаѣ судебному слѣдователю, и даже, повидимому, находилъ умѣстнымъ обратить ваше вниманіе, что онъ денегъ не взялъ. Онъ денегъ не взялъ потому, что онъ репортеръ, онъ самъ ихъ получилъ изъ другого источника. И вотъ, выслушавъ мать исчезнувшаго мальчика, что же сдѣлалъ Баршевскій? У него явилась блестящая идея — посадить ихъ обоихъ въ тюрьму, да, въ тюрьму. Какимъ образомъ? Мало того, что эта идея явилась, онъ ее исполнилъ и, такимъ образомъ, во-первыхъ, лишилъ родную мать возможности защищаться и, во-вторыхъ, отнял у нея путь къ жалобѣ, но, что самое главное, направилъ правосудіе на ложный путь, и настолько ложный, что въ то время, когда родная мать очутилась въ тюрьмѣ черезъ четыре дня, Мендель Бейлисъ попалъ только черезъ четыре мѣсяца. Въ этомъ Шимонъ Баршевскомъ мы уже видимъ какъ бы предсказаніе, какъ бы прообразъ того, во что превратится это дѣло. „Горе супостатамъ-евреямъ“, — вотъ, что сказала Баршевскій въ существѣ. И, дѣйствительно, я вамъ напомнимъ, хотя бы о профессорѣ Сикорскомъ. Что испыталъ этотъ человѣкъ? Когда онъ пришелъ сюда, я проникся къ нему невольнымъ и безграничнымъ уваженіемъ. Этотъ мудрый старикъ, онъ почти человѣкъ не отъ міра сего, этотъ человѣкъ, которому ничего не нужно, человѣкъ съ измученнымъ сердцемъ и любящей душой, и онъ тѣмъ не менѣе пришелъ показать намъ истину. Что же онъ испыталъ? Въ этомъ отношеніи я вамъ напомнимъ случай, предшествовавшій здѣсь, какъ было отмѣчено защитительной рѣчью въ пользу Менделя Бейлиса, произнесенною адвокатомъ изъ сапожниковъ Наконечнымъ, и когда его, нечаянно, можетъ быть, остановили, тогда одинъ изъ защит-

никовъ выразилъ протестъ и потребовалъ, чтобы это не было допущаемо, дабы впечатлѣніе отъ рѣчи Наконечнаго не изгладилося, и вотъ изъ среды той же самой защиты предъявляется къ Сикорскому такое требованіе, чтобы онъ свои замѣтки отдалъ. Вѣдь, когда человѣка настагаетъ обвиненіе въ чемъ-то, въ чемъ и сами обвинители показать не могутъ, тогда онъ невольно теряется, и несчастный старикъ могъ подумать, что онъ совершилъ, можетъ быть, незаконное, или, можетъ быть, преступное дѣяніе. А между тѣмъ, вы хорошо понимаете, и мои противники понимаютъ, можетъ быть, лучше меня, что не имѣтъ замѣтокъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ и въ такомъ безпримѣрномъ вопросѣ психиатрической экспертизы, которая никогда въ дѣлахъ не встрѣчалась, при этихъ условіяхъ старикъ могъ и долженъ былъ растеряться. И вотъ, когда цѣль въ значительной степени была достигнута, когда впечатлѣніе, думаю, сильное (думаю, что и вы, гг. присяжные засѣдатели, слушавшіе профессора Сикорскаго, невольно присоединяетесь къ общественному мнѣнію, и къ тому уваженію его рѣчи, котораго она заслуживала), когда это впечатлѣніе въ значительной мѣрѣ было уничтожено, тогда представили говорить ему дальше. Но сейчасъ я не буду говорить о профессорѣ Сикорскомъ. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ жилъ Апіонъ, человѣкъ, котораго знаетъ только память исторіи, оказывается, что Апіонъ еретикъ. Почему? А потому, что, такъ уточно аттестовать его еврею Юсифу Флавію. И вотъ одинъ изъ этихъ экспертовъ рекомендуетъ вамъ этого Апіона, недостойнаго такой вѣры, а между тѣмъ, Апіонъ виноватъ только въ томъ, что все, что онъ писалъ, евреями уничтожено, остались только слѣды въ еврейскихъ писаніяхъ и, что евреи намъ рассказываютъ, то мы и знаемъ. И вотъ мы видимъ, что Павловичъ воръ, что онъ чуть ли не злодѣй, которому кары нѣтъ подходящей, что Пашенко мошенникъ и такъ далѣе. Развивая эту систему противники дошли до того, что одинъ изъ этихъ экспертовъ отнесъ даже младенца замученнаго евреями святаго Гавріила въ четвертый разрядъ. И наоборотъ, въ то время, какъ со стороны обвиненія вызывается одинъ или два эксперта --- цѣлая система, цѣлая группа экспертовъ вызы-

вается съ противной стороны. Въ то время, какъ мы робко, едва, едва осмѣливаясь ссылаемся на свѣдѣнія ссыскныя, когда намъ кидаютъ въ глаза --- причѣмъ тутъ сыщики, зачѣмъ тутъ сыскной розыскъ, --- тѣ же сами обвинители наши приводятъ сюда цѣлую фалангу сыщиковъ и какихъ? Когда по саратовскому дѣлу была образована коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о ритуалѣ, тогда евреи домогались, чтобы веденіе дѣла было приостановлено. А вы помните въ этой коммиссіи было четыре представителя: о. Павскій и Сидонскій, которые заявили, что они мало знакомы, затѣмъ Левинсонъ и Хвольсонъ. Левинсонъ тѣмъ замѣчательнъ, что онъ участвовалъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которые требовали, чтобы дѣло было уничтожено, но это имъ не удалось. Сегодня мы видѣли нѣчто подобное, намъ предлагали провѣрять текстъ, экзаменовать экспертовъ по дѣлу ихъ показаній, напр., Правайтиса, котораго хотѣли обратить въ человѣка, совершенно ничего не знающаго, хотѣли насъ увлечь въ безконечное, болотистое туманное болото Талмуда. Таковы условія, при которыхъ этотъ процессъ начался, шель и развивался. Такимъ образомъ нѣтъ ничего мудренаго, что, когда Шимонъ Боршевскій рѣшилъ посадить въ тюрьму Александру Приходько и Луку Приходько, то черезъ четыре дня, можетъ быть черезъ недѣлю они тамъ дѣйствительно оказались. Онъ рассказывалъ, что онъ будто бы ходилъ къ судебному слѣдователю Прокофьеву, къ несчастію онъ этого раньше не показывалъ и такимъ образомъ провѣрить не было возможности, а теперь Прокофьева въ Кіевѣ не было. Значитъ теперь остается невыясненнымъ, насколько указанія Прокофьева могли согласоваться съ намѣреніями Шимона Боршевскаго. Такъ или иначе, но 22 марта онъ былъ у судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Фененко, и вотъ что поразительно, что выслушавъ его показанія судебный слѣдователь допросилъ Александру Приходько только 18 апрѣля, а Луку Приходько только 21 апрѣля. Между тѣмъ, они содержались подъ стражей съ 24 марта. Вы помните, что ихъ не только арестовали, въ особенности мать страдалицу арестовали на похоронахъ 24, вы помните, что не только и ее ввели въ двойной расходъ на похороны, но когда она умоляла, чтобы ей позволили отдать по-

слѣдній долъ дитяти. Мищукъ ей въ атомъ отказаль и отказаль дважды 24 и 27 марта. Уже отсюда можно было предвидѣть, какъ дѣло пойдетъ дальше. И мы знаемъ, не говоря о томъ, что онъ предаль Александрю Приходько, мы знаемъ какъ къ нимъ относились. Вы помните, что она была беременна, на шестомъ мѣсяцѣ, то-есть она уже хворала тѣлесно, а что она испытывала душевно. Представьте себѣ, гг. присяжные засѣдатели, на минуту вообразите себѣ въ этой грязной, сырой, можетъ быть полутемной каморкѣ участка, несчастную арестованную Александрю Приходько, только что увидавшую истерзанннй прахъ своего Андрюши. Она сидитъ не одинъ день, не два дня, ее призывали къ Мищuku, держать съ утра до ночи и для чего? Для того, чтобы душу изъ нея вымотать. Дѣйствительно мы видимъ, что сыскная полиція не останавливалась ни передъ чемъ. Когда молодые люди Марія и Павелъ Пушки дали показаніе, что они въ субботу видѣли Андрюшу, тогда сыщики начали ихъ пугать, что мы васъ на Пасху въ тюрьму посадимъ, если вы скажете, что это было въ субботу, а не въ пятницу --- говорите, что было въ пятницу. Точно также, когда они пришли къ Колбасову, гдѣ работаль Приходько иногда по восемнадцати часовъ, они и Колбасову и двумъ мастерамъ грозили 12 годами каторжныхъ работъ, если они стануть показывать въ пользу Луки. Старуха Олимпиада Нѣжинская, та припоминаля, до сихъ поръ не можетъ спокойно повѣствовать о томъ, какъ ей грозили Сибирью, тѣ же самыя сыщики на Слбодкѣ. Разъ дѣло пошло такъ, тогда вполнѣ естественно, что и дальнѣйшее уже въ значительной мѣрѣ вамъ извѣстно. Теперь я хочу исполнить то обѣщаніе, которое я сдѣлаль въ первой части своей рѣчи. Я хочу перейти на вашу точку зрѣнія въ совѣщательной комнатѣ. Вы, конечно, скажете о Вѣрѣ Чеберякъ. Вѣдь къ Менделю Бейлису нельзя подойти пока Вѣра стоять на дорогѣ. По поводу Вѣры Чеберякъ я обязанъ замѣтить, что я не ея защитникъ, тогда какъ о Менделѣ Бейлисѣ уже достаточно говорилось защитниками и еще есть пять новыхъ защитниковъ, которыхъ мы должны были выслушать, а у Вѣры Чеберякъ нѣтъ ни одного. Между тѣмъ, въ Талмудѣ сказано, что праведный судья не долженъ не только

рѣшать, но слушать дѣло въ отсутствіе другой стороны. Это въ Талмудѣ сказано, и это представителемъ еврейства должно быть извѣстно не хуже моего. Съ другой стороны всякій человѣкъ, обвиняемый, имѣеть право знать, въ чемъ его обвиняютъ. Обвинять нельзя такъ, --- сегодня въ одномъ, завтра въ другомъ, а черезъ полчаса воздвигать новое обвиненіе. Нужно сказать заранѣе, нужно доказать и нужно дать обвиняемому возможность защищаться. Вотъ этого по отношенію къ Вѣрѣ Чеберякъ не существуетъ. Ее обвиняютъ въ чемъ хотять, не давая ей возможности опомнитися, и формулируя обвиненіе заранѣе лишаютъ ее всякой защиты. Помните, господа, это, потому что клевета, какъ говорятъ, это все равно, что жирное пятно, --- чѣмъ больше стараешься вычистить, тѣмъ болѣе оно расплывается. „Клеветите, клеветите“, --- говорилъ французскій авторъ, --- „всегда что-нибудь отъ этого останется“. Такимъ образомъ теперь разбирается, то, что сказано или что могло быть сказано о Вѣрѣ Чеберякъ. Гдѣ тутъ истина, и что тутъ заключается неправильного---въ высшей степени затруднительно сказать, но помнить о томъ, что она беззащитна слѣдуетъ, потому, что только тогда человѣкъ будетъ поступать по совѣсти, когда онъ не ставеть этого забывать, ибо нѣтъ ничего ужаснѣе, такъ называемыхъ сплетенъ. Почему? Да, потому, что это дѣлается въ отсутствіе обвиняемаго. Если бы мы это твердо помнили, --- намъ бы легче жилось на этомъ свѣтѣ. Если бы мы клевету и сплетню не позволяли говорить въ отсутствіе того, кого обвиняютъ, а требовали, чтобы онъ выслушалъ, мы бы жили спокойнѣе. Кто сегодня клевететь на моего пріятеля или знакомаго, тотъ завтра на меня станеть клеветать. Независимо отъ этого, что намъ повѣтствуютъ. Оказывается, что она шелковой матеріей печи топилла. Ха, ха, --- шелковой матеріей, между тѣмъ, у насъ есть указанія на такихъ лицъ, какъ Ксенія Дьяконова. Вѣдь Ксенія Дьяконова не другъ Вѣры Чеберякъ, между тѣмъ она показала, что у нея, у Вѣры Чеберякъ, отъ конца февраля до начала марта она никогда мушинъ постороннихъ не видѣла, что она заставляла ее одну съ дѣтьми. Другая свидѣтельница Чернякова, тоже особой нѣжности къ Вѣрѣ Чеберякъ не питающая, сказала, что Вѣра Чеберякъ

жила бѣдно и готовила на 3 дня. Не забывайте этого, гг. присяжные засѣдатели, потому, что отъ шелковыхъ матерій до такого положенія не такъ просто переходъ. Дальше Балабинъ. Человѣкъ, враждебно относящійся къ Вѣрѣ Чеберякъ и тотъ призналъ, что ея дѣти голодали. Пока не доказано предъ нами, что мать можетъ заставить своихъ дѣтей голодать сознательно, пока не доказано передъ нами, что родная мать можетъ своихъ дѣтей отравить, --- вѣдь языкъ безъ костей, говорить все можно, пока мы должны признать, что дѣти голодали до такой степени, что ѣли зеленые фрукты, до тѣхъ поръ мы должны имѣть въ виду, что стало быть тутъ была бѣдность, была нищета. Дальше, откуда пошла легенда о томъ, что Вѣра Чеберякъ совершила убійство? Отъ сказанія о прутикахъ. А это сказаніе откуда идетъ? Отъ пьяной бабы, да еще отчасти отъ агента сыскаго полиціи Падалки, довольно теперь извѣстнаго, осужденнаго въ арестанскія роты. Между тѣмъ у насъ есть свѣдѣнія, что на ступенькахъ пивной Добжанскаго происходили совѣщанія между Файвелемъ Шнеерсономъ и Падалкой. И въ то время, какъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ производилъ слѣдствіе Файвель Шнеерсонъ путалъ ему карты черезъ тѣхъ самыхъ агентовъ сыскаго полиціи, которые, якобы, должны были ему помогать. Такъ вотъ откуда идетъ эта легенда. Но я уже обращалъ ваше вниманіе на слѣдствіи и теперь не перестану повторять, что вѣдь сыщики сами по себѣ не существуютъ въ особенности, когда они показываютъ за деньги, а тутъ вѣдь есть такія. Значитъ нужно, чтобы сыщикъ доставилъ намъ данныя, сыщики для того и существуютъ, чтобы собирать такіе свѣдѣнія и факты, которыхъ мы сами найти не можемъ. Но вотъ гдѣ тотъ третій мальчикъ, который былъ съ Андрюшей и Женей? Говорятъ мальчикъ съ Половецкой улицы. Развѣ эта улица настолько велика, чтобы этого мальчика не найти. Вѣдь въ этомъ весь вопросъ. Что вы намъ рассказываете о какомъ то водопроводномъ каннѣ, о какомъ то сторожѣ, о какой то Летецкой. Вы намъ этого мальчика приведите. Этого мальчика нѣтъ и нѣтъ не потому, что его найти не могли, а потому, что его никогда не было. Никакого другого объясненія я дать не могу, и всякій здравомы-

слящій человѣкъ не можетъ разсуждать иначе. А если этого мальчика не было, куда дѣвается вся эта легенда? Если весь разговоръ о прутикахъ ни на чемъ не основанъ? Если бы намъ пришлось перемѣниться ролью, и если бы я пришелъ и противъ доводовъ защиты сталъ бы разсказывать о снахъ, да о маскѣ какой-то, о какихъ-то пьяныхъ бабахъ, повѣствующихъ о прутикахъ, меня на смѣхъ подняли бы. Но это невозможно для насъ, а возможно для тѣхъ, которые стоятъ противъ насъ въ данномъ случаѣ. И вотъ, стало быть, начиная съ этой легенды, мы уже видимъ, что дѣло у нихъ стоитъ плохо. Разъ мы эти прутики уничтожаемъ, а мы признать ихъ не можемъ,—стало быть вся картина мести весь этотъ замыселъ пропалъ, надругательство надъ несчастнымъ Андрюшей со стороны какихъ-то воровъ, все это падаетъ. Но этого мало, если допустить что убійство было совершено тамъ, то я спрашиваю для чего бы убійцы стали поддерживать Андрюшу. (Я напоминаю о показаніи эксперта). Былъ моментъ, когда Андрюша сталъ терять сознаніе и облокотился на своихъ мучителей. Для чего она Андрюшу стали поддерживать? Пусть нѣ этотъ вопросъ намъ дадутъ отвѣтъ. Это были воры, злодѣи, шайки разбойничьи, собиравшейся у Чеберяковой, которая могла совершить преступленіе, такъ пусть намъ объясняютъ—для чего она такъ дѣйствовала. Говорятъ „подъ жидовъ“. Но вѣдь даже Бразуль и тотъ не вѣритъ, отрицаетъ чтобы это было сдѣлано „подъ жидовъ“, уже не говоря о томъ, чтобы прежде чѣмъ дѣлать „подъ жидовъ“ надо, чтобы жили сами сдѣлали это сначала. И потомъ я скажу, что есть разница между люльми, какъ есть разница между расами. Русскій человѣкъ не способенъ, онъ не можетъ совершить такого злодѣянія. Я понимаю, что русскій можетъ зарѣзать, можетъ варварски убить, сразу въ 2—3 удара, но чтобы онъ 47 ранъ нанесъ, чтобы онъ такъ истязалъ невиннаго младенца, твореніе Божіе, допустить этого русскій человѣкъ не можетъ. Когда намъ разсказываютъ что это могла сдѣлать мать, родная мать, тогда я оставляю на совѣсти того, кто это говорить...

Но они отступили отъ этой версіи и признали, что мать не при чемъ, но признали это уже тогда, когда пришла сюда Заруд-

кая и сказала: „У мене в хаті убійства не було“. Вотъ когда она произнесла эти слова, тогда пришлось просить извиненія. Затѣмъ я еще спрашиваю, если эти разбойники, эти воры, эта шайка, которая чуть не всё воровства совершала въ Кіевѣ, которая чуть-ли не по 40 кражъ совершала въ одну ночь, если она совершила это убійство, то для чего-же ей было такъ отмѣчать это убійство, *для чего были разбросаны вокругъ эти тетрадки, эти вещи, для чего это было сдѣлано такъ открыто, чтобы всякій, кто придетъ, зналъ, что убить Андриуша Ющинскій? Для чего это? Но вотъ, когда намъ говорить о совершеніи такихъ злодѣяній изъ религіознаго изуверства, тогда мы знаемъ, что уже на сценѣ исторіи такіе случаи бывали, что они дѣлались и дѣлаются ради издѣвательства, ради посяганія на христіанами. А здѣсь для чего? Вообще говоря, вся эта версія о ворахъ, все это одни разговоры, сказка, которая не можетъ держаться прямо, она падаетъ при малѣйшемъ прикосновеніи здраваго человѣческаго разумнія. Но самый крупный промахъ, который дѣлаютъ мои противники, состоитъ въ томъ, что они говорятъ: или Бейлнсъ, или Вѣра Чеберякъ. Почему? А если и Бейлнсъ и Вѣра? Почему не такъ? Это вполне возможно. Если вы хотите разсматривать вопросъ со вниманіемъ, съ такъ называемой научной точки зрѣнія, то почему вы этого избѣгаете? Я ничего не утверждаю, ибо обвинять здѣсь Чеберякъ нельзя, такъ какъ она не имѣетъ запитника, но разъ рѣчь идетъ о томъ, что здѣсь мы слышали, а того, что было сказано, не воротитъ, то мы должны все это имѣть въ виду. Есть два предположенія: одно состоитъ въ томъ, что у Вѣры Чеберякъ осталось пальто, остались книги, а можетъ быть, и еще что-нибудь изъ мелкихъ вещей мальчика; а другое предположеніе—что она могла предать Андриушу черезъ Женю. Конечно, и то и другое предположеніе возможно, но вѣдь не мнѣ доказывать, что предположеніе само по себѣ на угольномъ суѣ, а въ особенности на такомъ грозномъ дѣлѣ, какъ настоящее, никакого значенія имѣть не можетъ. И запитка вамъ съ величайшей силой будетъ доказывать, что предположеніе не годится, что предположенія только тогда имѣютъ хоть какое-нибудь значеніе, когда можно установить значительную долю вѣроятія,

только тогда о нихъ можно слушать, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они недостаточны, но разъ эти предположенія были высказаны, то повторяю, къ нимъ хотя бы съ поверхностнымъ вниманіемъ отнестись надлежитъ. Что касается того, что пальто могло остаться у Чеберякъ, то я вижу здѣсь значительную долю вѣроятія. Это могло быть, и можетъ быть, это и есть тотъ ключъ тайны, который намъ дастъ возможность уразумѣть событіе. Что здѣсь было много неправды со стороны Вѣры Чеберякъ, что въ томъ, что она сказала до сихъ поръ, много неправды, это вполне очевидно. Почему? Да потому, если у нея оказалось пальто, то это при ея репутаціи, которая была здѣсь отмѣчена, было очень опасно, особенно при еврейскихъ розыскахъ, а проф. Сикорскій указалъ намъ на то, что розыскъ у евреевъ стоитъ высоко, что нѣтъ выше тайной полиціи, какъ еврейская тайная полиція. Мнѣ кажется, что при тѣхъ силахъ, которыми располагаютъ евреи, ей дѣваться было бы некуда. Теперь, если ея положеніе было настолько ужасно, было опасно до послѣдней крайности, то вѣдь несомнѣнно, что при наличности пальто, ей пришлось бы доказывать, куда Андриуша дѣвался. И вотъ, подъ влияніемъ этого обстоятельства, подъ влияніемъ того, что она могла пропустить нѣсколько дней, дня 2—3, она и вынуждена была скрывать. Да, скрывать. А разъ она стала скрывать, тогда уже дѣлать нечего. Но у меня есть еще и другой аргументъ, который заслуживаетъ глубочайшаго вниманія. Вдумаемся въ обстоятельство дѣла. Что мы видимъ? Репутація Вѣры Чеберякъ намъ вѣдь только теперь стала извѣстна, а вѣдь Менделю Бейлису, если эта репутація была такова, она была извѣстна давно, вѣдь члехъ 'одъ 'огл икене дяя дладю чя чмел Конечно, теперь, зная Чеберякъ, зная ея репутацію, мнѣ казалось бы чего-же проще было направить обвиненіе прямо на Вѣру Чеберякъ. Нѣтъ, такъ не было сдѣлано. Вѣра появилась послѣднею по очереди. Испробовали всевозможныя средства: и обвиненіе какого-то Кучеренко, явно несостоятельное, и обвиненіе Мифле и Луки Приходько. Причемъ я понимаю, конечно, что убить могъ и Мифле и Лука Приходько, но почему здѣсь вмѣстѣ оказались и Мифле, и Лука Приходько, и Федоръ Нѣжинскій—этого я не понимаю. Это какой-

то винитреть, изъ котораго выхода нѣтъ. Но вотъ, когда пытались сначала подкушать Вѣру Чеберякъ, потомъ ее застрашать, когда она была лишена куска хлѣба, когда ее буквально пустили по міру, когда мужа ее уволили, когда ихъ выгнали изъ квартиры, когда добились того, что она въ концѣ концовъ, заявила себя свидѣтельницей противъ Мифле, когда это не помогло, и когда ей было обѣщано, что она кровавыми слезами будетъ плакать, тогда было предъявлено обвиненіе противъ нея. Вотъ въ этомъ-то я и вижу доказательство виновности Бейлиса. Если Мендель Бейлисъ и его совѣтники, помощники и сотрудники, если они въ концѣ-концовъ, сдѣлали этотъ рискованный ходъ, поставили, такъ сказать, послѣднюю карту, то это потому, что имъ некуда было дѣваться, потому что это былъ единственный путь къ спасенію. Но почему-же они шадли ее раньше? Да потому, что есть связь между Вѣрой Чеберякъ и Менделемъ Бейлисомъ.. Если бы связи не было, то обвиненіе бы ей предъявили въ первую голову. Вотъ тѣ общія соображенія, которыя мной руководятъ, когда я оцѣниваю положеніе Вѣры Чеберякъ въ процессѣ. Но вы можете мнѣ сказать, почему-же, въ дѣйствительности она не на судѣ? Какъ-же рѣшились начать дѣло безъ Вѣры Чеберякъ. На это я могу дать вамъ отвѣтъ, что настоящее дѣло представлялось чрезвычайно затруднительнымъ. Привлеченіе даже Менделя Бейлиса было сопряжено съ огромной трудностью и было большимъ несчастьемъ для тѣхъ, кто на это рѣшился. И вотъ, если Мендель Бейлисъ понесетъ отвѣтственность, то не избѣгутъ ее и другіе и, наоборотъ, если онъ выйдетъ оправданнымъ, то не хватитъ силъ, не хватитъ душевнаго ужаса для того, чтобы привлечь еще кого-нибудь по этому дѣлу. Вотъ каковы условія, окружающія собственно вопросъ о Вѣрѣ Чеберякъ. Теперь возвращаемся къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла. Прежде всего, обращаю вниманіе ваше на тѣхъ лицъ, наличность тѣхъ, кто стоялъ здѣсь передъ вами. Гласный судъ тѣмъ и великъ, что онъ даетъ не писанные протоколы, не листки бумаги, исписанные однимъ почеркомъ, или напечатанные на машинѣ, а даетъ живыхъ людей. И вотъ передъ вами была Александра Приходько. Вы видѣли ее, эту страдалицу, которая плакать не можетъ, она мо-

жетъ почервѣть отъ горя, можетъ упасть, но не въ состояніи плакать. И вотъ вамъ Бейлисъ. Посмотрите на него и припомните Файвеля Шнеерсона, припомните хорошенько наружность Файвеля Шнеерсона и сопоставьте Менделя, Файвеля и Александра Приходько и тогда только вы оцѣните протестъ г. Заруднаго въ самомъ началѣ этого дѣла, когда онъ просилъ занести въ протоколъ то, что я осмѣлился назвать Файвеля Шнеерсона, то, что я дерзнулъ покуситься на Файвеля Шнеерсона. „Прошу занести въ протоколъ“,—сказалъ г. Зарудный. Теперь вы понимаете почему. Да потому, что Файвель Шнеерсонъ имѣетъ огромную роль въ этомъ дѣлѣ. И если г. Зарудный такъ ошибся, такъ проговорился, то только потому, что есть правда на этомъ свѣтѣ, ея немного, но она все таки есть. Файвель Шнеерсонъ обжалъ во время обыска у Менделя Бейлиса. Почему? Вѣдь онъ тамъ былъ даже прописанъ. Чего-же ему было обжаловать? Но Файвель Шнеерсонъ „ховался“, какъ сказала Шаховская, послѣ того, какъ Мендель былъ арестованъ, каждый разъ, какъ только показывалась полиція. Файвель Шнеерсонъ отказался отъ того, что онъ знаетъ Шульханъ-Арухъ, а вѣдь мы теперь знаемъ, что это есть сокращенный катехизисъ, что это есть конспектъ Талмуда, есть такое учебное руководство, которое всякому еврею въ той или иной мѣрѣ извѣстно. Файвель Шнеерсонъ осмѣлился, гг. прис. засѣдателя, заявить, что онъ понятія не имѣетъ о томъ, что такое Шульханъ-Арухъ. Но развѣ Файвель Шнеерсонъ сказалъ только одну эту неправду? Вамъ было указано и г. прокуроромъ и моимъ предшественникомъ, что онъ не говорилъ о своемъ знакомствѣ съ Андришей и его родными, что онъ не говорилъ о своихъ посѣщеніяхъ Слободки. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ забывать, что тогда, какъ мы, русскіе, когда у насъ совершается преступленіе, когда намъ приходится стовариваться, приходится толковать, мы всетаки попадаемъ, совершаемъ явныя несообразности, у нихъ, у евреевъ, этого не бываетъ. Одинъ изъ французскихъ писателей сказалъ, что если мы возьмемъ 10 евреевъ и посадимъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и поднимемъ палочку, то они всѣ сразу возмуть одинъ аккордъ, потому что они всѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ совершенно одинаковы. И мы ви-

димъ, что въ то время, какъ Пинка отказывается отъ знакомства съ Андриюшей, Бейлисъ также отказывается, Файвель Шнеерсонъ также, и Арендаръ тамъ на Слободѣ тоже отказывается отъ знакомства, по крайней мѣрѣ отъ посѣщеній Андриюши въ послѣднее время, начиная съ января мѣсяца. Что, будто бы, Андриюша принесъ конфекты Гершкѣ Арендарю въ день нашего Нового Года, и тѣмъ дѣло и кончилось, знакомство прекратилось. Вотъ этотъ признакъ еще разъ свидѣтельствуеть, что здѣсь участвуютъ евреи, а не еврей. Здѣсь участвуютъ евреи, но этого мало, вѣдь Мендель Бейлисъ обвиняется вовсе не въ томъ, въ чемъ насъ хотятъ увѣрить, т. е. въ совершеніи преступленія ритуальнаго, относящагося ко всему еврейству. Нѣтъ, онъ обвиняется въ изувѣрскомъ дѣяніи. Это то-же самое, если бы было на судъ поставлено дѣло по обвиненію нашихъ хлыстовъ или скопцовъ, и мы бы, русскіе, присутствовали при этомъ; развѣ бы мы, русскіе, считали себя солидарными съ ними, развѣ мы стали бы опасаться, что въ случаѣ ихъ осужденія, будемъ осуждены и мы? Конечно, нѣтъ. Мы считали бы: попался, ну отвѣтъ и держи. Вотъ хлысты на своихъ рабѣняхъ продѣлываютъ ужасныя вещи. Развѣ попался, то умѣй и отвѣчать. Но чтобы вся Россія считала себя запятнанной дѣяніями подобнаго рода, этого нельзя предположить, вѣдь это ни съ чѣмъ не сообразно. Почему-же всѣ евреи считаютъ себя солидарными? Вѣдь это не мы ихъ считаемъ солидарными, а они сами показываютъ это. Это видно изъ той роскоши обстановки, изъ тѣхъ сказочныхъ средствъ, которыми располагають эти люди, воюющіе противъ правосудія. Изъ всего этого мы можемъ заключить, что тутъ участвуетъ не одинъ человекъ, что мы стоимъ передъ всемірнымъ кагаломъ, передъ его средствами. Почему? Да потому, что они чувствуютъ себя солидарными, чувствуютъ себя затронутыми, потому что это никакъ иначе объяснить невозможно. Уразумѣть ходъ событій другимъ путемъ никакая логика допустить не можетъ. Вотъ соображая все это, мы должны идти по дорогѣ настоящаго процесса, постепенно выясняя обстоятельства, насколько это въ нашей власти. Во всѣ времена еврейство умѣло если не сооружать, то пользоваться такими военными машина-

ми, которыя наиболѣе способны поражать врага. Въ наши дни есть страшное орудіе, совершенно неодолимое, это типографскій станокъ, это скоропечатная машина, которая даетъ десятки или даже сотни тысячъ экземпляровъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Съ этимъ орудіемъ бороться нельзя, или можно бороться только такимъ-же типографскимъ станкомъ. И вотъ, Александръ Приходько имѣла несчастье встрѣтить на своемъ пути такой типографскій станокъ, или даже нѣсколько такихъ типографскихъ станковъ въ образѣ редакціи „Кіевской Мысли“. Это здѣшняя главная іудейская газета. И уже съ первыхъ шаговъ, съ перваго момента она нарвалась на Баршевскаго. И съ того момента эта несчастная мать замученнаго Андриюши не переставала находиться подъ особымъ наблюдениемъ „Кіевской Мысли“. И когда Гершка Арендаръ, или самъ Арендаръ, что-то такое не такъ стали показывать, то явился Лебединскій, какой-то хромой сотрудникъ „Кіевской Мысли“, явился на Слободку для того, чтобы принять на себя руководство. Положимъ, евреи много умѣе насъ въ этихъ дѣлахъ и спрашивать совѣта у Лебединскаго имъ, конечно, не приходилось. Тѣмъ не менѣе, „Кіевская Мысль“ не оставила своимъ милостивымъ вниманіемъ даже Арендаря и его сына Гершка. А другой сотрудникъ „Кіевской Мысли“, Бразуль, пошелъ много дальше. Тотъ разсуждалъ руководить прокурорскимъ надзоромъ и слѣдственной властью. И когда онъ здѣсь былъ, я не могъ ему не предложить вопроса, какъ-же онъ полагалъ, вѣдь въ дѣлахъ уголовныхъ иногда на полчаса поспѣшить съ раскрытіемъ каго-нибудь факта, значитъ, все дѣло погубить, какъ-же онъ полагалъ, республикувая во всеобщее свѣдѣніе въ газетахъ обо всемъ этомъ дѣлѣ? Онъ на это сказалъ, что такъ какъ его не слушали, то онъ желалъ импонировать, т. е. нравственнымъ путемъ заставить идти по его дорогѣ. Откуда такой авторитетъ, такое самоувѣреніе? Мы видимъ, что всѣ люди, которые его знали, даже Махалинъ, и тотъ говорить, что онъ ничего не понималъ, что онъ дѣлалъ такія ошибки, которыя только портили дѣло и сбивали съ надлежащаго пути. Такъ вотъ при этихъ условіяхъ г. Бразуль повѣствуетъ намъ, что онъ дѣйствовалъ по указанію прокурорскаго надзора. Когда-же здѣсь

допрашивались г. Лашкаревъ и г. Фененко, то мы убѣдились, что онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду направлять ихъ и превратить ихъ въ орудіе еврейскихъ цѣлей. Вы вѣдь знаете, онъ женатъ на еврейкѣ! Но онъ слишкомъ понадѣялся на себя, и ничего изъ этого не вышло и выйти не могло, но замыслы у него были. Вотъ наряду съ Бразулемъ стоять, какъ вы знаете, еще нѣсколько сотрудниковъ той-же газеты, а главное ежедневный ея номеръ, ежедневный номеръ, который въ самомъ скоромъ времени привелъ къ тому, что едва началось это дѣло, какъ уже камнями закидали, издѣвались и позорили Александръ Приходько за то, что она будто бы является убійцей собственного ребенка. Кто создалъ ей такую репутацію? „Кіевская Мысль“. Всякій человѣкъ, который бережетъ себя и честь своей семьи, долженъ остерегаться іудейскихъ газетъ. Надо помнить, что много и много требуется условій для того, чтобы осмѣливаться возстать противъ нихъ. И эти люди, которые считаютъ себя нашими учителями, наставниками общественнаго мнѣнія, эти люди, изъ среды которыхъ вышелъ Барщевскій, появившійся здѣсь передъ вами, не сознаютъ всего ужаса того, что ими было содѣяно. Это люди, которые, какъ Бразуль, хотѣли превратить настоящее дѣло въ орудіе собственного прославленія и собственного обогащенія. А вѣдь мы знаемъ, хотя бы изъ показанія полк. Иванова, что Бразуль ежедневно получилъ 3,000. а между тѣмъ, здѣсь передъ нами онъ казался безсребренникомъ и требовалъ, чтобы мы почтили его выскокую благотворительную дѣятельность.

Предс. Дѣлаю перерывъ на 10 мин.

Предс. Судъ заявляетъ сторонамъ, что во время перерыва одному изъ гг. присяжныхъ засѣдателей понадобилась медицинская помощь, для оказанія которой въ моемъ присутствіи былъ приглашенъ врачъ. Судебное слѣдствіе возобновляется.

Шмак. Гг. присяжные засѣдатели! Въ большихъ и сложныхъ дѣлахъ уголовныхъ нерѣдко приходится останавливаться съ недоумѣніемъ передъ обстоятельствами, которыя никакъ нельзя объяснить по даннымъ дѣла. Это въ особенности усматривается въ дѣлахъ, гдѣ участвуютъ люди

хитрые, коварные, осторожные! Это прежде всего, конечно, отличаетъ дѣла съ участіемъ евреевъ. Дѣла о ритуальныхъ убійствахъ продолжались вѣками, выработалась цѣлая система приемовъ крайней предусмотрительности, масса навыка и стремленій всего еврейства скрывать малѣйшіе слѣды и всемѣрно препятствовать ходу правосудія. Вотъ почему въ дѣлахъ, подобно настоящему, требуются особые приемы для того, чтобы открыть истину. Въ наукѣ при такихъ условіяхъ дѣлается слѣдующее: если передо мной извѣстная сумма явленій, которыя я не могу объяснить себѣ, которое отъ како-то зависитъ, что затѣмъ слѣдуетъ, тогда я дѣлаю предположенія, или какъ говорятъ, на иностранномъ языкѣ, допускаю гипотезу. Если мое предположеніе вѣрно, то оно окажется вѣрнымъ во всѣхъ развѣтвленіяхъ и послѣдствіяхъ. Это будетъ вродѣ электрическаго фонаря, я бросаю лучъ свѣта и вижу то, чего иначе разсмотрѣть бы не могъ. Наоборотъ, если мое предположеніе невѣрно, то оно будетъ сейчасъ же встрѣчать затрудненія, создавать новые вопросы и приводить меня въ тупикъ, доведя меня до полной несообразности. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ попробуемъ этимъ способомъ подойти къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ дѣла. Напримѣръ, если мы спросимъ себя, что нужно было для Бейлиса и его соучастниковъ прежде всего, то конечно,—отнести мѣсто совершенія преступленія какъ можно дальше отъ завода, переправить черезъ Днѣпръ. Вотъ почему явилось сказаніе о томъ, что это преступленіе совершено въ Слободкѣ. Но нужно было трупъ Юшинскаго доставить въ пещеру. И вотъ появляется Клеймапъ, сотрудникъ „Кіевской Мысли“ Ордынскій и прачка Симаповская, и начинается новая сказка о томъ, что Приходько на извозчикѣ въ мѣшкѣ везли Андрию Юшинскаго. Точно на Слободкѣ нѣтъ Днѣпра,—вѣдь Слободка, окружена рѣкой со всѣхъ сторонъ,—точно нѣтъ мѣста, гдѣ этотъ прахъ можно было бы скрыть и понадобилось везти на извозчикѣ за нѣсколько верстъ, точно можно увѣрить извозчика, что больного везутъ въ мѣшкѣ. Но разъ они попали на этотъ путь, имъ ничего не осталось больше, какъ продолжать выдумывать несообразности. Въ этомъ заключается проклятіе неправды, что она сама себя караетъ, что она не можетъ вы-

держат пытливаго взора изслѣдователя и что такъ или иначе истина должна выйти наружу. Точно также и относительно, положимъ, защиты Бейлиса, будто къ нему нельзя было послать за молокомъ. Это имѣетъ отношеніе къ тѣмъ двумъ евреямъ, которые къ нему пріѣзжали. Начинается рядъ свидѣтельствъ о томъ, что у него коровы нѣтъ. Прежде всего непонятно, почему къ веснѣ, когда начинаются работы на заводѣ, у него не оказалось коровы. Онъ объяснялъ намъ, что зимой онъ не могъ держать, потому что кормить нечѣмъ было, а весной могъ держать, потому что появлялись рабочіе и на кухнѣ оставались корки и т. д., такъ что коровѣ было что поѣсть. Оказывается, что въ данномъ году, въ 11-мъ, у него почему то коровы не стало... но когда стали спрашивать подробно, то обнаружилось, что понять нельзя было съ ясностью, что у него послѣдняя корова расшиблась, или другая корова расшиблась, а послѣднюю онъ продалъ. Тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ оставался въ тѣни. Я обращаю вниманіе ваше на этотъ мелкій фактъ, но для насъ онъ является немаловажнымъ, почему именно вдругъ обратили вниманіе на то, съ какого мѣсяца и въ какомъ году у Бейлиса не было коровы, — это представляется чрезвычайно страннымъ. Но этого мало. Оказывается, что вопросъ о коровѣ не имѣетъ для Бейлиса существеннаго значенія, такъ какъ установлено показаніемъ полк. Иванова, что отецъ Файфеля Шнеерсона пріѣзжалъ въ концѣ февраля. А изъ справокъ, которыя здѣсь читали, вы знаете, что Израиль Ландау 11 марта прибылъ, а 15 марта черезъ нѣсколько дней послѣ совершения преступления уже переѣхалъ русскую границу. Такъ что эти два человѣка были тамъ. И хотя, когда сюда вызывали Эттингена и Ландау, то стремились все это обратить въ насмѣшку, тѣмъ не менѣе однако, съ этимъ фактомъ считается надо. И сказать, что рассказъ Жени или того, кого Чеберякова послала за молокомъ, что этотъ рассказъ явная неправда, что тамъ евреевъ не было, сказать это было бы поспѣшно, по меньшей мѣрѣ. А такъ какъ отецъ Шнеерсона хотя и не духовое лицо, а вродѣ духовнаго, онъ рѣзникъ іудейскій и притомъ человѣкъ начитанный и происходящій изъ знаменитаго рода, то

очень можетъ быть, что онъ былъ одѣтъ по старозавѣтному еврейскому порядку и что онъ могъ дѣйствительно обратиться на себя вниманіе дѣтей. Но этого мало. Когда Козаченко отправился съ письмомъ, то куда онъ пошелъ — въ синагогу и какъ разъ въ синагогу хасидскую. И здѣсь то онъ встрѣтился съ двумя лицами Дудманомъ и Жуккомъ. Вы помните этотъ эпизодъ съ ихъ допросомъ, когда Дудманъ заявлялъ, что онъ не хасидъ, что хасидомъ онъ былъ вчера, а завтра можетъ быть не будетъ, и что синагога не хасидская, а средняя, обыкновенная, и т. д. Представлялось чрезвычайно страннымъ, почему этотъ Дудманъ придаетъ такое значеніе вопросу о характерѣ синагоги. Когда дѣло чисто, когда нѣтъ ничего внутри подозрительнаго, тогда подобнаго рода отвѣты являются совершенно нелѣпыми; если же онъ однако на нихъ рѣшился и настаивалъ, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть новое доказательство того, что здѣсь дѣло обстоитъ не такъ, какъ намъ хотѣть его представить. Слѣдуя далѣе по пути обстоятельствъ мы видимъ, что данныя, представленныя на слѣдствіи, были заготовлены по особому, такъ сказать, расписанію, по рецепту, заранѣе обдуманому. То, что 12 марта работъ тамъ не было, а они тамъ остались, уже было указано моимъ предшественникомъ. Теперь относительно забора. Здѣсь были свидѣтели, которые показывали, что заборъ былъ такъ превосходно сдѣланъ осенью, что пройти на заводъ не было никакой возможности. Но вотъ вы сами были на заводѣ, видѣли его огромное пространство и можете сами заключить, насколько свидѣтельскія показанія заслуживаютъ довѣрія. Кто въ самомъ дѣлѣ можетъ передъ вами засвидѣтельствовать, что на огромномъ пространствѣ этого забора не было дѣйствительно никакой возможности пройти? Это явный вздоръ и конечно торопосветный человѣкъ не станетъ показывать его съ такой настойчивостью. У насъ есть обратныя показанія, совершенно положительно удостовѣряющія, что пройти можно и что въ той мѣстности живетъ преимущественно бѣднота, которая расхищаетъ доски забора на топливо и, конечно, новый заборъ, сдѣланный заново, долженъ былъ подвергнуться нѣкоторому рас-

хищению. Этот вопрос старались обставить такъ, чтобы васъ убѣдить, но если къ нему присмотрѣться, онъ оказывается совершенно несостоятельнымъ. Кроме того, мы имѣемъ прямое показаніе—передъ вами былъ студентъ Голубевъ, священникъ Сенкевичъ, которому со стороны защиты былъ поставленъ вопросъ, что повидимому онъ принадлежитъ къ обществу „Двуглаваго Орла“, да хотя и Голубева защита спрашивала объ этомъ не разъ, участвуетъ ли онъ въ этомъ товариществѣ, въ этой общинѣ „Двуглаваго Орла“, тѣмъ не менѣе Голубевъ самъ за себя говорилъ, вы его слышали и вы, я думаю, согласны со мной, что это свидѣтель заслуживающій довѣрія. Голубевъ показываетъ, что можно было пройти, если отправиться прямо на заводъ; то же самое подтверждаетъ и Акацатовъ. Вѣдь предполагать, что Акацатовъ ни съ того ни съ сего пришелъ показывать объ этомъ обстоятельстве ложно, чрезвычайно трудно. Съ какой стати? Что мы Акацатову, деньги, что ли платимъ, а такъ, безъ всякой причины, безъ всякаго побужденія ложно показывать, да и о такомъ обстоятельстве, которое можетъ быть раскрыто, можетъ изобличить его въ случаѣ чего, при такихъ условіяхъ предполагать, чтобы Акацатовъ могъ показывать неправду, я не могу, а такъ какъ онъ свидѣлствуетъ совершенно одинаково съ Голубевымъ, то мнѣ думается, что этотъ фактъ долженъ быть установленъ. Вамъ говорили, что нельзя исполнять протоколъ судебного слѣдствія показаніями свидѣтеля. Да, но вѣдь судебный слѣдователь Фененко самъ былъ настолько справедливъ, что позволилъ Голубеву сдѣлать оговорку на протоколъ, и ничего противъ этого не заявилъ. Между тѣмъ, если бы это была неправда, онъ бы произвелъ самъ новый осмотръ, онъ бы не оставилъ этого замѣчанія, весьма существеннаго, безъ всякаго возраженія. А между тѣмъ, это отверстіе въ заборѣ здѣсь имѣетъ важность и не малую. Вы помните, конечно, что Андрюша былъ найденъ въ одномъ чулкѣ и на немъ была тесемка, а другая нога оказалась голой и тесемки въ пещерѣ не было. Вы помните удостовѣреніе Голубева, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ пещеры подъ деревомъ валялась эта тесемка и Наталія Ющинская ее видѣла, къ сожалѣнію, Наталія Ющинская

умерла. Но Голубевъ, который, по моему, не сталъ бы показывать лжи, является для меня, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ, удостовѣряющимъ правду. Онъ сообщилъ, что знаетъ объ этомъ отъ Натали Ющинской, а если допустить, что это такъ, тогда уже является совершенно очевиднымъ, доказаннымъ, что не отъ Чеберяковой несли тѣло, ибо отъ Чеберяковой нужно было нести кругомъ по Нагорной улицѣ, и тогда это направленіе оставалось бы вѣдъ пути тѣхъ, кто шелъ изъ квартиры Чеберяковой, потому, что они не могла бы потерять тесемки, а если она была потеряна, то, очевидно, не ворами, не шайкой Чеберяковой, а тѣми, кто несъ прахъ Андрюши Ющинскаго съ завода. Наряду съ этимъ, какъ бы въ подтвержденіе совершенно неожиданно, можно сказать, является экспертиза Туфанова. Вы помните, что тамъ было и объ этомъ говорилъ довольно обстоятельно экспертъ Косоротовъ, тамъ были слѣды глины, смѣшанные съ кровью на тужуркѣ. И вотъ одинъ изъ образцовъ глины взятъ на заводѣ, и именно образецъ № 3, взятый недалеко отъ пещеры оказался подходящимъ, правда, что тамъ есть нѣкоторые слѣды извести, но самый характеръ глины тотъ же. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что столь серьезный вопросъ не былъ изслѣдованъ съ большей полнотой, и что пробы глины не были взяты въ большемъ количествѣ гораздо ближе къ мѣсту преступленія, чѣмъ это было сдѣлано въ дѣйствительности, но такъ или иначе № 3 оставить безъ вниманія нельзя. Наряду съ этимъ указаніемъ нельзя упустить изъ виду, и одного, хотя, повидимому, незначительнаго, но при ближайшемъ разсмотрѣніи немаловажнаго факта—свидѣтель Розмитальскій, между прочимъ, показалъ, что еще не былъ арестованъ Лука Приходько во второй разъ въ іюль мѣсяцѣ, какъ два еврея Шлееръ и Тарле въ клубѣ въ присутствіи товарища председателя окружного суда Тарнавскаго заявили, что есть убійцы, что убійство открыто. Что это показываетъ? Это показываетъ, во-первыхъ, что тутъ принимала участіе цѣлая масса евреевъ, о которыхъ мы и понятія не имѣемъ, а, во-вторыхъ, что, если бы это была неправда, то защита приняла бы мѣры, она могла бы ходатайствовать о вызовѣ этихъ лицъ, — судъ могъ бы отказать, но по всей вѣроятности не отказать

бы, но попытка такого ходатайства должна была быть предпринята. А такъ какъ мы знаемъ, что въ теченіе 30 дней защита не оставляла ни одного даже малѣйшаго обстоятельства не только безъ разслѣдованія, но даже безъ нарочитаго обращенія къ вамъ съ просьбой замѣтить то и другое и третье, то естественно, что подобное обстоятельство, если бы оно не было правдой, если бы оно не соответствовало истинѣ, защитой было бы ниспровергнуто, чтобы показать, что это неправда. При отсутствіи попытокъ со стороны защиты, я въ правѣ заявить передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, что то, что было сказано Розмитальскимъ, есть истина, а если это есть истина, то мы хорошо понимаемъ, какое это можетъ имѣть значеніе. Точно также не безразлично для судьбы вдумчиваго и показаніе Голубева и Добжанскаго, который не нашелъ лучшаго мѣста для поноекъ, какъ въ пещерѣ, въ которую былъ брошенъ, какъ падалъ, мученикъ Андруша Ющинскій. Вотъ злѣсь-то этотъ Добжанскій хвалился, что онъ главный свидѣтель по дѣлу, что ему Марголинъ сказалъ, что Бейлисъ не будетъ осужденъ, а что Вѣра Чеберякова будетъ отвѣчать за убійство. Какъ вы знаете, у Добжанскаго была пивная, гдѣ собирались люди довольно сомнительнаго достоинства, у Добжанскаго жилъ Файвелъ Шнеерсонъ, у Добжанскаго, между прочимъ, бывалъ тотъ Жуковский, который потомъ оказался свидѣтелемъ противъ Нѣжинскаго и братъ котораго, если не ошибаюсь, проживалъ у Выгранова, и т. д., и, наконецъ, Добжанскій участвовалъ въ избіеніи Шаховскаго, также важнаго по дѣлу свидѣтеля, важнѣйшаго даже, о которомъ едва ли можно перестать говорить. Стало быть Добжанскій, если это важный свидѣтель, если говорилъ правду, когда сказалъ про Марголина, можетъ быть это и было преувеличено, то что это не было совершенной ложью, это я думаю вполне ясно. Наконецъ, я поневоли долженъ брать отдѣльные эпизоды для того, чтобы не излагать тѣхъ обстоятельствъ, которыя были приведены другими и не утомлять вашего вниманія, — такое, напримѣръ, обстоятельство, какъ показаніе Вышемірскаго. Вышемірскій вызванъ былъ сюда совершенно по другому обстоятельству, по поводу того, что такой Бейлисъ. Онъ явился и заявилъ,

что онъ потому явился, что думалъ, что его вызываютъ въ качествѣ домовладѣльца и хотя обнаружено было, что онъ домъ продалъ, получилъ повѣстку въ другомъ мѣстѣ, — однимъ словомъ это оказалось несоответствующимъ истинѣ, тѣмъ не менѣе онъ съ этого началъ и онъ намъ показаль вещи изумительныя относительно революверовъ и т. д., однимъ словомъ далъ аттестацію Вѣрѣ Чеберяковой самую ужасную черезъ супруговъ Равичъ. Но супруги Равичъ уѣхали въ Америку, т. е. не существуютъ, все равно что умерли и провѣрить этого нельзя. Вышемірскій никогда раньше объ этомъ не говорилъ. Защита говорить, что сна объ этомъ не знала, слышать въ первый разъ. А Вышемірскій вызванъ былъ совершенно по другому обстоятельству, по другому вопросу и вдругъ повѣдалъ какія-то тайны. Согласитесь сами, что это въ высшей степени достойно вниманія и чрезвычайно подозрительно.

Конечно, защита не преминетъ обратить ваше вниманіе на анонимное письмо за подписью „Христіанинъ“, относительно котораго „Кіевская Мысль“ 22-го числа хотѣла представить, хотя ей это не удалось, что, дескать, 21-го числа только убійцы могли знать о тѣхъ пораненіяхъ и истязаніяхъ, котрымъ былъ подвергаемъ Андруша Ющинскій, но для того, чтобы 22-го числа въ „Кіевской Мысли“ могло такое извѣстіе появиться и въ такихъ подробностяхъ, какъ вы изволили слышать, то оно должно было быть тамъ извѣстно 21-го числа, потму что газета печатается ночью, а статьи пишутся съ вечера. Значить, 21-го числа въ этой редакціи былъ кто-то, которому эти обстоятельства были досконально и подробно извѣстны. Съ другой стороны письмо могло быть помѣчено 21 числомъ и по ошибкѣ, а почтовый штемпель на немъ во всякомъ случаѣ не отъ 21, а отъ 24 и хотя насъ пробовали увѣрять, что это письмо изъ Херсона въ дѣйствительности оно не оттуда, а изъ вагона поѣзда, который оттуда шель и письмо могло быть брошено неподалеку отъ Кіева и могло быть опущено и 22-го и 23-го и даже 24-го. Я не могу опустить этого обстоятельства, потому что защита такъ или иначе будетъ на немъ строить свое доказательство. Наконецъ, я обязанъ исправить ошибку моего друга, Георгія Георгіевича. Онъ сказалъ, что Шнеерсонъ отмѣтился

12-го числа, т. е. выписался, а въ дѣйствительности онъ прописался 12 числа на заводѣ, т. е. въ квартирѣ Бейлиса. Это обстоятельство тоже представляется чрезвычайно страннымъ, потому что если теперь для насъ 12 марта, вполне понятно, памятный день, то почему, спрашивается, Файвель Шнеерсонъ въ то время обратилъ вниманіе на это 12-ое число. Вѣдь тогда тѣло Андруши Ющинскаго еще не было найдено и вопросъ о томъ, что это могло совершиться 12 марта еще не возникалъ и тѣмъ не менѣе Шнеерсонъ счелъ себя обязаннымъ 12 марта прописаться. Это маленький фактъ, но въ связи съ другими, а главное въ связи съ чрезвычайной хитростью евреевъ, это должно имѣть цѣну въ глазахъ судей, рѣшающихъ по совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Точно также не могу не отмѣтить и показанія Заруцкаго. Заруцкій былъ вызванъ, чтобы еще разъ погубить Вѣру Чеберякъ и, конечно, чтобы подорвать показаніе Людмилы. Заруцкій говорить, что въ свидѣтельской комнатѣ его учили показывать противъ Менделя Бейлиса, но вѣдь Заруцкій показалъ неправду и раньше. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ у судебного слѣдователя, что катался на ялѣ, а здѣсь сталъ говорить, что не катался. Тамъ ему показалось, что на Андрушѣ рубашка была бордового цвѣта, а мы знаемъ, что она была совершенно другого цвѣта и т. д. Поэтому вѣрнѣе Заруцкому, тѣмъ болѣе, что священникъ Синкевичъ, который жилъ неподалеку, ничего не слышалъ, представляется по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ. Далѣе заслуживаетъ существеннаго вниманія указаніе на Виленскаго. Кто такой Виленскій? Вспомните, господа, что среди первоучителей и основателей хасидизма наряду съ Залманомъ Шнеерсономъ, упоминается гаонъ. Это не то, что митрополитъ, это много выше, это такой учитель, такой наставникъ, равнозначущаго слова которому въ русскомъ языкѣ, пожалуй, не найдешь. Вотъ Элія гаонъ Виленскій одинъ изъ подвижниковъ и столповъ хасидизма. А въ этомъ дѣлѣ намъ извѣстенъ Маръ Виленскій, названный въ письмѣмъ Фефилактова, гдѣ идетъ рѣчь о тысячѣхъ рублей и если я не ошибаюсь, есть еще свѣдѣніе отъ полковника Иванова, что суммы больше, чѣмъ въ 50 рублей шли отъ Виленскаго, помощника присяжнаго повѣреннаго. Такимъ образомъ этотъ Виленскій

является, конечно, однимъ изъ членовъ хасидическаго толка, т. е. во всякомъ случаѣ онъ къ этому сообществу прямо или косвенно относится.

Предс. Это не было предметомъ судебного слѣдствія.

Шмак. Я это вывожу изъ обстоятельствъ дѣла.

Затѣмъ дальше, обращаясь къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ и группируя ихъ, мы не можемъ не отмѣтить слѣдующаго. Вопросъ о 40 тысячахъ рублей. Это результатъ бесѣды Вѣры Чеберяковой съ Марголинымъ въ Харьковѣ. Марголинъ говорить, что этого не было, и нѣтъ доказательствъ, но вѣдуть гдѣ то такое мелькаетъ. Оказывается, что когда Караевъ съ Сингаевскимъ гуляли по полю и когда Сингаевскій спросилъ—„сколько“, Караевъ ему сказалъ—40 тыс. Почему это, откуда такое странное совпаденіе, тѣ же самыя 40 тысячъ. Вотъ эта едва уловимая мелочь она наводитъ на мысль о томъ, что значитъ нѣчто подобное существовало, а вообще говоря сказка г. Марголина о побѣдкѣ въ Харьковѣ напоминаетъ мнѣ показаніе Симонова, какъ везли тѣло на извозчикѣ изъ Слободки, до такой степени это сказочно. Вѣдь въ чемъ насъ хотеть увѣрить Марголинъ. Онъ хотеть насъ увѣрить, что желая скрыть свое мѣстопробываніе, онъ, живя въ Кіевѣ, для бесѣды съ Чеберяковой совершенно случайно оказался въ Харьковѣ и хотеть увѣрить, что онъ вовсе не скрывался и что онъ не виноватъ, если запись не была сдѣлана своевременно. И по всей вѣроятности хотеть насъ увѣрить, что хотя онъ не подавалъ руки, то потому, что это требуется европейской фешенебельностью, а не потому, что онъ разыгрывалъ члена государ. думы. Вообще все это до такой степени невѣроятно, сказочно, сомнительно, что въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ, какимъ образомъ у г. Марголина явилась смѣлость предать передъ вами, г. г. присяжные заседатели, и рассказывать о такихъ вещахъ. А если вы припомните, что при открытіи засѣданій Мендель Бейлисъ сказалъ „я еврей“, а г. Марголинъ подтверждаетъ, что онъ присяж. повѣренный и общественный дѣятель, но „прежде всего еврей“, то вы оцѣните его образъ дѣйствій по достоинству, и поймете, что всѣ эти сподручни-

ки Бразули и т. д. все это были низшіе агенты, это были люди, которые бѣгали по порученіямъ, которые вовсе не были самостоятельны и разумѣтся суетились не для своей славы только. Хотя мы привыкли думать, что евреи чрезвычайно остроумны, чрезвычайно прозорливы, но одинъ французскій писатель Дрюмонъ замѣтилъ, что по существу ихъ мѣропріятія въ высшей степени банальны. Такъ, мы въ данномъ случаѣ видимъ показанія Швачки. Напримѣръ, какимъ образомъ, спрашивается, злодѣи испытанные, какимъ образомъ люди только что убившіе за предательство могутъ быть еще мнимое Андрюшу Юпинскаго ни съ того ни съ сего стануть разговаривать въ участкѣ между собой объ этомъ убійствѣ. Какимъ образомъ такого рода случайность могла выйти, что г. Швачка прознулъ и въ эту самую минуту подслушалъ ихъ разговоръ. Все это до такой степени нелѣпо, такъ сказочно, неправдоподобно, что нельзя не удивляться, что эти люди дерзаютъ являться съ подобными показаніями передъ судомъ. Вотъ когда мы отъ этихъ маленькихъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе значущихъ, перейдемъ къ общему положенію вещей, то мы увидимъ, что свидѣтели распадаются либо на залуганныхъ, либо на купленныхъ, либо на заблуждающихся. А до какой степени въ самомъ дѣлѣ простой русскій человѣкъ можетъ быть поработенъ евреями это мы видимъ изъ показанія хотя бы Топчѣнко, этого лакея здѣшняго аристократа Зайцева. Онъ отдаетъ своему господину честь и благодаритъ его за то, что онъ позволяетъ ему зажигать лампаду. Вдумайтесь, господа, въ это. А рядомъ съ этимъ идетъ Дикупа, который во-первыхъ удостовѣрилъ, что при закладкѣ свѣчагоги или молельни, русскихъ не пускали, а, во-вторыхъ, когда онъ говорилъ о Хаймѣ Дубовикѣ, то даже заочно называлъ его „господинъ“ Дубовикъ. Вотъ какъ русскій человѣкъ перешуганъ. Но наряду съ этимъ идетъ масса другихъ рабочихъ съ усадьбы завода Зайцева. Эта усадьба, если не ошибаюсь, принадлежала нѣкогда русскому человѣку Багрееву, теперь это одна изъ главныхъ квартиръ хасидизма, это несомнѣнно еврейское гнѣздо и тамъ все, что требуетъ труда чернорабочаго, что требуетъ вообще усилія и слу-

женія, здѣсь все это исполняетъ русскій человѣкъ. Еврей тамъ только командуетъ. И вотъ когда появляются эти свидѣтели, не знаешь, плакать ли надъ ними или негодовать. А что подкупать евреевъ умѣютъ это мы видѣли изъ показаній...

Предс. Слушайте, г. гражданскій истецъ, я не могу допустить обсужденіе подобныхъ вопросовъ.

Шмак. Ваше превосходительство, я ссылаюсь на показанія.

Предс. Вы не указываете свидѣтеля.

Шмак. Хотя бы наприимѣръ свидѣтельница Пимоненкова. Едва она успѣла появиться на заводѣ, какъ къ ней являються евреи и предлагаютъ деньги. Какъ она говорить, тысячу рублей, предлагалъ изъ 9%. Она ходила къ священнику Синкевичу спрашивать, и Синкевичъ говорить, что не таково было ея тогдашнее заявленіе ему, что она эту тысячу руб. ставила въ связь съ разговоромъ о томъ, чтобы она поставила свидѣтелей. А что касается показанія полк. Иванова — объ этомъ говорить нечего. Отъ него требовали правду сказать, откуда онъ бралъ эти свѣдѣнія. Но съ одной стороны онъ не имѣетъ права говорить, а съ другой стороны не можетъ раскрывать свои способы добыванія свѣдѣній. Но что у него эти свѣдѣнія были и что они доставлены это явствуетъ изъ обстоятельства дѣла. Вѣдь кто же могъ повѣрить наприимѣръ, что Караевъ съ Кавказа ни съ того ни съ сего ѣдетъ въ Кіевъ, чтобы заняться розыскомъ, увѣщаетъ Сингаевского предать своихъ соучастниковъ, подвергнуться той же участи, которой онъ самъ подвергъ Андрея Юшинскаго. Затѣмъ, кто повѣритъ, что г. Махалинъ, этотъ дэнди, который передъ нами проходилъ, что онъ это дѣлалъ изъ-за прекрасныхъ глазъ Менделя Бейлиса. Вѣдь это ни на что не похоже. Ясное дѣло, что здѣсь играли роль деньги. Сколько—мы сказать не можемъ, но что ихъ было очень много, и что настоящее дѣло стоитъ евреямъ чрезвычайныхъ капиталовъ, въ этомъ сомнѣваться разумѣтся, чельзя. Правда, что у насъ этихъ денегъ нѣтъ, у насъ вообще нѣтъ денегъ, но у насъ есть другое, у насъ есть истина! Мы вѣримъ въ то, что чтобы ни дѣлалось, какія бы мѣры ни принимались, но правда за себя постоитъ. Для того, чтобы насъ окончательно затруднить, принимались и другія мѣры, а именно кроме разговоровъ о томъ, что это подта-

совано „подъ жидовъ“, насъ пугали погромами, и говорили, что тутъ было немало людей, которые его устраивали и тѣмъ не менѣе трудно сказать, что погромъ могъ бы предстоять, вѣроятнѣе всего, что его не будетъ. Онъ не имѣетъ смысла, и русскіе люди это понимаютъ. Но трудно сказать, когда погромъ былъ бы болѣе вѣроятенъ, при обвинительномъ ли или при оправдательномъ приговорѣ? (Движеніе). Во всякомъ случаѣ рѣчь о томъ, что погромъ будто бы имѣлся въ виду черезъ совершеніе этого злодѣянія „подъ жидовъ“—это сказка, ни на чемъ неоснованная. Тѣмъ не менѣе за нее ухватились и вотъ какъ. Мачуговскій, тотъ самый Мачуговскій, которому Александра Приходько и Наталья Юшинская дали сначала за ученье Андрюши, который потомъ еще 20 рублей взялъ, потомъ явился и здѣсь показалъ прокламацію будто бы изъ разбрасывавшихся на могилѣ Юшинскаго. Спрашивается, если бы даже эти прокламаціи были разбрасываемы, какое это имѣетъ отношеніе къ Александрѣ Приходько, развѣ русскіе люди не могли возмутиться. да развѣ наконецъ сейчасъ волненіе по всей Россіи обуславливается тѣмъ, что были разбросаны прокламаціи? Нѣтъ, есть такія данныя, противъ которыхъ человѣческое сердце вопіетъ, если этотъ вопль раздавался въ матери русскихъ городовъ, въ Кіевѣ, это было естественнымъ движеніемъ человѣческой души. И говорить, что это было подтасовано, выдуманно, чтобы погубить невиннаго Менделя, это значитъ, не понимать хода событій, не видѣть того, что дѣлается съ человѣческимъ сердцемъ. Но для того, чтобы больше не сомнѣваться, что здѣсь дѣйствительно участвуютъ евреи, надо вспомнить о той ненависти, съ которой относились къ партіотическому обществу „Двуглаваго Орла“. Они переходятъ въ нападеніе, они умѣютъ постоять за себя. Одинъ еврей за всѣхъ, всѣ за одного! Они умѣютъ вести борьбу, защищаться, но я въ правѣ отъ нихъ требовать, чтобы они и намъ не мѣшали защищаться. Они бьютъ, а плакать не велятъ! Они насъ клеймятъ презрѣніемъ за то, что мы начали понимать, что мы просто пропадемъ, что намъ надо собираться въ товарищескіе союзы. За это они насъ клеймятъ презрѣніемъ и позоромъ. Вотъ этотъ фактъ заслуживаетъ глубочайшаго вниманія съ нашей стороны.

Въ этомъ фактѣ я усматриваю доказательство, что это дѣло рукъ еврейскихъ. Это доказательство, повторяю еще разъ, бываетъ не только въѣшнее, осязаемое, но и внутреннее невидимое. Это то же самое, что такъ называемые иксъ-лучи, эти иксъ-лучи, которые снимаютъ фотографію даже черезъ доску. Можво въ запертой шкатулкѣ снять, что тамъ находится, можно фотографировать кости тѣла и внутренности, посредствомъ этихъ темныхъ лучей. Если взять призму и пропустить черезъ нее свѣтъ, то получается рамка. Съ одной стороны будутъ лучи фіолетовые, а за предѣлами идутъ лучи ультрафіолетовые. Вотъ эти ультрафіолетовые лучи въ области физики соотвѣтствуютъ ультрафіолетовымъ лучамъ въ области психологіи. Судь присяжныхъ—великое дѣло, что онъ постигаетъ обстоятельства подъ этими ультрафіолетовыми лучами. Когда человѣкъ становится судьей, когда онъ садится на такое кресло, на которомъ вы находитесь теперь, присяжные засѣдатели, тогда совѣсть даетъ ему такую прозорливость, которой, при другихъ условіяхъ у него не встрѣтилесь бы. Вотъ съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать эти обстоятельства и данныя, и мы каждый разъ будемъ приходить туда же на заводъ. Г. Замысловскій доказывалъ передъ вами на основаніи фактовъ, на основаніи данныхъ онъ ихъ сопоставлялъ. Я прямо говорю, я 35 лѣтъ присяжнымъ повѣреннымъ и не слышалъ такой аргументаціи, какъ сегодня по поводу показанія Евдокія Наконечной. Я со своей стороны не желаю утруждать ваше вниманіе повтореніемъ, но хочу просить васъ, чтобы вы обратили вниманіе на эту невидимую сторону дѣла. Вотъ къ этимъ невидимымъ даннымъ относится два обстоятельства.

Вы помните одно мѣсто показанія у Люди Чеберякъ: когда схватилъ Мендель Андрюшу, то Андрюша вскрикнулъ: „Не балуй!“—этого Людя выдумать не могла, это есть правда! Вѣдь Андрюша не могъ себѣ представить, какая участь его ожидаетъ. Вѣдь если люди, здѣсь находящіеся, отрицали самую возможность ритуальнаго убійства, то какъ вы хотите, чтобы мальчикъ что-нибудь объ этомъ зналъ, чтобы онъ могъ представить себѣ весь ужасъ человѣческой злобы—евреевъ въ особенности. Поэтому, когда онъ вскрикнулъ: „Не

бадуй"—это было вполне понятно и, повторяю еще раз,—Людмила не могла этого выдумать. Вотъ въ этой мелкой, невидимой чертѣ усматривается доказательство того, что онъ говоритъ правду. Здѣсь былъ свидѣтель Полищукъ, который показывалъ въ пользу обвиненія и котораго Людя Чеберякъ указывала за того, кто ее страпалъ. Вспомните, съ какимъ она трепетомъ здѣсь, на судѣ, сначала повернулась, какъ подстрѣленная птичка, взглянула на Полищука, но не посмѣла ничего сказать! Когда предсѣдатель предложилъ еще разъ ей посмотреть на него, то она сказала: „Это онъ“. Это такого рода обстоятельство, которое относится къ области невидимаго міра. Дѣвочка эта производитъ впечатлѣніе несчастнаго, забитаго больнаго и слабаго, но чистаго существа. Когда она говорила о томъ, что Валя побѣждала къ обрыву, а она ее схватила,—она говорила правду. Гр. присяжные засѣдатели, точно также къ области невидимаго относится кончина Жени. Когда Жени въ бреду говорилъ: „Лови, лови, Андрюша—не кричи“, когда онъ говорилъ: „Мама, мнѣ больно“, онъ говорилъ о томъ, что онъ видѣлъ. Вѣдь на свѣтѣ есть много непостижимаго. Искреннее слово, искренняя рѣчь и записанная—сохраняетъ ту силу душевную, которая въ ней вылилась. Не смотря на то, что это только протоколъ—этотъ протоколъ трогаетъ васъ своей необыкновенной правдивостью и своей всеоключающей доказательной силой. Правда, что въ этомъ дѣлѣ есть такія сомнѣнія, предъ которыми самый испытанный умъ можетъ остановиться. Намъ, напримѣръ, говорятъ, что ритуальныя убійства—мракобѣсіе, глупость. Мало того, что это глупость—это есть доказательство, что вы человѣкъ отсталый, что вы даже не живой человѣкъ. Вы помните здѣсь вопросъ: вы живой человѣкъ? Надо понимать, что сказано въ этомъ вопросѣ. И вотъ многіе, многіе люди останавливаются на этомъ. Вѣдь для того, чтобы пойти одному, или даже вмѣстѣ со многими другими, для этого требуются чрезвычайно многія условія: я не могу ставить себя выше, чѣмъ многіе, но я могу уразумѣть, почему люди, не то что трусливые, но просто неподготовленные къ защитѣ, почему они избѣгаютъ высказывать свой взглядъ по этому вопросу. Если мы сейчасъ, послѣ такой борьбы, послѣ огромнаго

труда, затраченнаго экспертами и нами конечно, послѣ того, какъ мы выслушали выдающихся профессоровъ,—если мы затрудняемся, то что долженъ дѣлать человѣкъ неподготовленный? Еврейская пресса долбитъ каждый день, преслѣдуя свою цѣль, она долбитъ камень и отдастъ насъ на посмѣшище. Вотъ почему нечего удивляться, что есть люди, которые не рѣшаются бороться съ этой коварной неправдой. Богъ имъ простить, ибо борьба чрезвычайно тяжела! Когда мы все это знаемъ, то мы поймемъ свидѣтельства о томъ, что свидѣтелей обуревалъ ужасъ. Красовскій объ этомъ показывалъ и приписывалъ это Вѣрѣ Чеберякъ. Нѣтъ, Чеберякъ въ шампанскомъ понимаетъ толкъ,—я этому повѣрю, но что она могла ужасомъ вліять на свидѣтелей—это неправда. Для этого требуется не Вѣра Чеберякъ, для этого требуется участіе еврейское, нѣчто гораздо болѣе сильное, ужасающее. Сколько бы насъ ни увѣряли въ противномъ, мы поймемъ, что только такимъ способомъ мы въ состояніи объяснить это явленіе. Показывать противъ Бейлиса въ высшей степени опасно, ибо нѣтъ того способа мнѣнія, нѣтъ того пути, на которомъ человѣкъ не увидалъ бы опасности. Правда, есть еще львиныя сердца у русскихъ людей, есть еще великія души среди насъ. Конечно, тѣ, кто жадутъ отъ васъ приговора, твердо вѣрятъ, что у васъ это мужество великой души есть. Пускай не обманываютъ доводами чисто формальнаго свойства, пускай насъ не убѣждаютъ въ томъ, чему повѣрить нельзя. Если насъ хотѣли обвинять въ томъ, что мы васъ утруждаемъ будто въ напрасной работѣ, то вы теперь знаете, кто въ этомъ виноватъ. Прежде чѣмъ придти къ вопросу о виновности Бейлиса, вѣдь намъ нужно было отбросить цѣлую массу сора. Но заслуга Бразуль-Брушковскаго она исключительная, и еврейство должно ему поставить приговоръ, ибо Бразуль-Брушковскій помогъ обвиненію такъ, какъ никто другой. Онъ достигъ пересмотра дѣла, онъ привелъ такую массу возможностей, для раскрытія истины, которыхъ раньше не существовало. Онъ, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи достигъ, только не того, чего ожидали. И въ этомъ я имѣю честь его поздравить.

Объявляется перерывъ на 10 минутъ.

Шмаковъ. Я ограничиваюсь г.г. присяжные заседатели, по обстоятельству дѣла тѣмъ, что уже было вамъ доложено и если понадобится въ путяхъ экспертизы, я могу еще вернуться къ нѣкоторымъ фактамъ. Въ настоящую минуту я хотѣлъ представить вашему вниманію то, что можетъ относиться къ такъ называемой психіатрической экспертизѣ. Но раньше чѣмъ говорить объ этомъ по существу, я не могу не отмѣтить слѣдующее. Судомъ было указано это и никакому сомнѣнію подлежать не можетъ, что разъ экспертъ вызывается, то онъ вызывается, для того чтобы доставить намъ свѣдѣнія, которыхъ мы, не занимающіеся этимъ дѣломъ спеціально, сами получить не можемъ. Такимъ образомъ, какой-нибудь техникъ по стуку машины можетъ опредѣлить въ исправности она или нѣтъ; телеграфный работникъ онъ по стуку машины читаетъ, и спрашивать у него въ какихъ книгахъ онъ могъ это узнать, какимъ образомъ онъ пришелъ къ этому, совершенно бесполезно! Достаточно, что онъ это знаетъ и показываетъ. Между тѣмъ проф. Сикорскому было поставлено какъ бы въ вину, что онъ не могъ сослаться на нѣкоторыя сочиненія и наоборотъ, когда другимъ экспертамъ я предлагалъ наименованія нѣсколькихъ сочиненій и они отказывались либо незнаемъ, либо нежеланіемъ этого знать, то противъ этого никакихъ возраженій со стороны защиты слѣдано не было. Что такое значить ознакомиться съ предметомъ? Это значить долго и усердно работать pro и contra, т. е. и за и противъ тѣхъ или иныхъ взглядовъ на эти предметы. Проф. Сикорскій достаточно извѣстенъ и достаточно поработалъ на своемъ вѣку, чтобы можно было обосновываться на его убѣжденіи, если бы даже оно не было такъ формулировано, какъ оно здѣсь было. Я думаю, что то, что онъ говорилъ, не только проистекаетъ изъ его внутренней увѣренности, но удостоверяется и тѣми конкретными, такъ сказать, особливими указаніями, которыя были имъ вамъ представлены. И такъ обращаясь къ общему вопросу о томъ, что называется ритуальными убійствами, я этого термина не употреблялъ, я говорилъ объ убійствахъ дѣтей и здѣсь приводились слѣдующіе признаки, во - первыхъ: отсутствіе со стороны жертвы всякаго повода къ нападенію. Дѣйствительно у Андриуши

Ющинскаго никакого повода для нападенія не было, кромѣ того, что онъ былъ на мялѣ, —а это не поводъ. Затѣмъ возрастъ убиваемыхъ дѣтей. Профессоръ дѣлитъ возрастъ дѣтей на два періода: совѣмъ маленькія дѣти и затѣмъ приближающіяся къ отрочеству; при чемъ замѣчается, въ послѣднее время, что убійство совершается именно такихъ дѣтей. Я со своей стороны могу добавить, что такъ какъ это жертва, то избираются обыкновенно хорошія дѣти, и мы видимъ, что Андриуша былъ мальчикъ хорошій. Въ этомъ отношеніи доказательства у насъ изобилуютъ! Это былъ тихій, задумчивый мальчикъ, лѣни за нимъ не замѣчалось, жалобъ на него не бывало, если онъ пропускалъ уроки, то по болѣзни. Сказала одна изъ свидѣтельницъ, даже называя его дѣточкой, что дай Богъ всякимъ добрымъ людямъ имѣть такого ребенка. Андриуша былъ мальчикъ бойкій, безстрашный, развѣтой не по лѣтамъ, самолюбивый на рѣдкость. Единодушный отзывъ его товарищей говоритъ, что это былъ мальчикъ хорошій. Даже, когда былъ маленькимъ, когда онъ красную шапочку носилъ, когда его домыгъ прозвали, то говорили о немъ любя. Отрицательныхъ сторонъ его мы совершенно не знаемъ, и если г. Красовскій рѣшилъ записать его въ шайку воровъ, и рассказывалъ о томъ, что онъ готовился обокрасть Софійскій соборъ, то это указываетъ, до какой степени презрѣніе къ человѣческому достоинству и правдѣ, можетъ находить мѣсто у свидѣтелей. Кромѣ того, избираются дѣти смысленныя, ибо онъ долженъ, такъ сказать выражать духъ, душу, прежде всего. И дѣйствительно мы видимъ, что Андриуша былъ первымъ ученикомъ, что въ теченіе одного дня онъ выучилъ стихотвореніе „Бородино“. У него была чисто русская душа и любовь къ отечеству, и что онъ вообще выдавался изъ своихъ товарищей и былъ развитымъ не по лѣтамъ. Вотъ это относительно самой жертвы. Затѣмъ дальше идетъ рѣчь о сходствѣ способа совершенія преступленій. И дѣйствительно мы видимъ, что хотя нѣтъ тождества, хотя мы знаемъ, что бываютъ случаи съ обрѣзываніемъ и безъ обрѣзыванія, тѣмъ не менѣе общая картина болѣе или менѣе аналогична. Далѣе число убійцъ. Дѣйствительно, если допустить, что это не обыкновенное преступленіе, а изъ религіознаго изувѣрства, то конечно есть единомышленники!

Мы видимъ, что злодѣяніе у хлыстовъ совершается, напрямѣръ, на радѣннй сообща. Проф. Сикорскій полагаетъ, что было не менѣе 4 лицъ. Я не стану утруждать ваше вниманія повтореніемъ, но я думаю, что вы согласитесь, что это дѣйствительно такъ, что не то что одному, а двумъ справиться съ Андрюшей было невозможно и что во всякомъ случаѣ его держали за руки и очень крѣпко. Что въ особенноти знаменательно, такъ это время года—весна и преимущественно время Пурима и время іудейской Пасхи. Въ 1911 году Пуримъ праздновался въ послѣднихъ двухъ числахъ февраля и первыхъ числахъ марта, Пасха была въ началѣ апрѣля. Что такое Пуримъ? Знаете ли вы, господа, въ 5 столѣтіи до Рождества Христова былъ такой повидимому грекъ Аманъ, по нашему первый министр персидскаго царя и этотъ Аманъ указывалъ на то, что евреи не исполняютъ законовъ царскихъ...

Предс. останавливаетъ оратора.

Шмак. Я ходатайствовалъ о разрѣшеніи сослаться на Библию. Аманъ докладывалъ, что люди не исполняютъ повелѣній царскихъ и совершаютъ разныя злодѣянія и что будто бы они собирались ихъ уничтожить. Тогда Мардохей черезъ Эсфирь успѣлъ получить разрѣшеніе отъ царя, и Аманъ былъ повѣшенъ на деревѣ, десять его сыновей и триста его родственниковъ и наконецъ семьдесятъ пять тысячъ сильныхъ враговъ Израиля. При чемъ это было ознаменовано величайшимъ праздникомъ въ городѣ Сузахъ, а затѣмъ по всему пространству персидскаго царства, и наконецъ былъ изданъ законъ и на будущія времена праздновать и веселиться въ этотъ день. Такъ вотъ Пуримъ есть праздникъ, къ которому по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ пріурочивается печеніе особыхъ коржиковъ—мацы, куда можетъ входить кровь...

Предс. (останавливаетъ). Это мы и знаемъ.

Шмак. Экспертъ прямо указывалъ. Затѣмъ, что касается Пасхи, то въ этомъ отношеніи вы знаете и еще услышите въ судебныхъ преніяхъ о той роли, какую Пасха еврейская играетъ по отношенію къ вопросу насъ интересующему. Принимая во вниманіе, что это преступленіе въ данномъ случаѣ было совершено, какъ и другія подобныя ему съ преднамѣренною цѣлью и

отнесено именно къ этому періоду, принимая во вниманіе, что печеніе мацы не только вообще является нѣкоторымъ, такъ сказать, поводомъ къ нѣкоторымъ освященнымъ обрядамъ. Мы знаемъ, что у Зайцева при печеніи мацы, участвовалъ раввинъ, и потомъ Бейлисъ ѣздилъ, хотя онъ говорилъ, чтобы развозить мацу, но онъ все таки ѣздилъ. Весьма понятно, что у насъ имѣется нѣкотораго рода основаніе между заключеніями профессора Сикорскаго и ближайшими обстоятельствами настоящаго дѣла. Далѣе профессоръ указываетъ на признаки дѣянія этого рода—засаду, то есть, что ребенка заманиваютъ. Но эта сторона вопроса не достаточно освѣщена въ дѣлѣ, хотя и есть указаніе на то, что Вѣра Чеберякъ предала. Это не доказано, пока судить объ этомъ трудно и было бы конечно осторожнѣе этотъ признакъ не вводить, хотя онъ несомнѣнно присутствуетъ. Далѣе слѣдующимъ признакомъ является выбрасываніе тѣла безъ погребенія. Это очень существенный признакъ и къ удивленію онъ повторяется. Казалось бы, опасность преслѣдованія закономъ и большія невзгоды для евреевъ отсюда проистекающія должны были бы привлечь ихъ къ благодарумію, но еврейство представляетъ собой совершенно особое явленіе въ исторіи и здѣсь нужно имѣть это въ виду преданія, отъ котораго они не отходятъ, по крайней мѣрѣ тѣ изувѣры, которые въ этомъ отношеніи повинны. Когда я говорю объ еврействѣ не слѣдуетъ забывать того, что обвиненіе заключается вовсе не въ томъ, чтобы всѣ евреи были повинны, напротивъ мы дѣлаемъ изъятія. Въ этомъ отношеніи я согласенъ съ профессоромъ Сикорскимъ, что это только нѣкоторые изувѣры, выродки и чѣмъ они болѣе являются исключительными, тѣмъ по общему закону они тѣснѣе держатся другъ друга и своихъ обрядовъ. Наконецъ, указываетъ профессоръ на присутствіе особаго такъ сказать наставленія, особой инструкціи. Какъ все это продѣлывается. Изъ дальнѣйшаго, изъ того, что мы будемъ говорить относительно Талмуда и Кабаллы мы убѣдимся, но что здѣсь есть вѣчто однообразное, приписываемое преданіемъ въ этомъ сомнѣваться никто не можетъ. Всякій кто вздумалъ отнестись къ вопросу съ большимъ вниманіемъ, онъ тѣмъ болѣе убѣждался бы въ своихъ выводахъ. Профессоръ Сикорскій ссы-

зается преимущественно на Даля. Это исследование знаменитого человека Даля, (автора единственного в своем роде словаря русского языка), было составлено для доклада Государю Николаю Павловичу. По удостоверению профессора Сикорского исследования Даля чрезвычайно редки. И это совершенно верно, указание на то, что будто бы евреи не принимают меры к истреблению книг против них написанных, было сделано по-моему совершенно неуместно. Это было установлено и проф. Сикорским. Это факт не подлежащий сомнению, что даже статьи в лексиконах, относящиеся к евреям представляются большею частью неверными. Так, Даль между прочим дает целый ряд указаний, которыми руководствуются профессора при даче тех или иных заключений. Вот собственно первые условия, с которыми надо подходить к рассмотрению настоящего дела. Что же касается того, чтобы это убийство было совершено ворами или убийцами, то ведь нужно сказать, что им не было никакой надобности прибегать к тем самым способам, которые необходимы при ритуале, не было решительно никакой надобности давать возможность полиции сейчас же напасть на следы преступления при опознании тела убитого, не было надобности оставлять это тело без погребения, когда его можно было бросить хотя бы в Днепр. Стало быть, этот признак сам по себе является удостоверением того, что мы имеем дело с преступлением не заурядным. В частности, нанесение 13 рань в правый висок является фактом, переть которым все эксперты, не желавшие разсматривать вопрос с этой точки зрения, остановились, не давая никаких объяснений, либо давая совершенно неудовлетворительные. Между тем из того, что выяснено на суде мы видим, что насчитывается 13 колѣн израильских, затѣм было 13 школ въ Мессопотаміи. 13 подсвѣчниковъ зажигается при богослуженіи, 13 заповѣдей...

Предс. О подсвѣчникахъ не было сказано.

Шмак. Нѣтъ, это было указано о. Пранайтисомъ. 13 составляетъ совершеннѣе у евреевъ. Затѣмъ Эхаль, о значеніи котораго говорилъ вамъ здѣсь мой предшественникъ, 13 пробъ ножомъ. Вотъ

все эти повторенія 13-ти нѣтъ не могутъ почитаться случайными, разумеется, нѣтъ не могутъ быть игнорируемы. Когда ученаго человека, свѣдущаго, болѣе знающаго чѣмъ я, приглашаютъ разъяснить это, то онъ не можетъ руководствоваться предубѣжденіемъ, онъ не можетъ сказать, что я не хочу принять такую точку зрѣнія потому только, что она мнѣ не нравится. Нужно доказать почему онъ не можетъ принять ее. Вотъ тѣ эксперты, которые уклонились отъ отвѣта на этотъ вопросъ, они впали въ ошибку, они нарушили то, для чего были приглашены суда. Калитальнымъ вопросомъ здѣсь является вопросъ о потерѣ Андрюшей сознания. Здѣсь я долженъ прежде всего замѣтить, что съ точки зрѣнія злого умысла убійца совершенно безразлично, потерялъ онъ сознание или не потерялъ. Если я хочу причинить и дѣйствительно причинилъ тѣ или иные страданія и увѣчья, то что собственно произошло съ организмомъ, выразилось-ли это тѣми или иными результатами, выразилось-ли въ большей или меньшей потерѣ крови, съ потерей-ли сознания или безъ этого, это собственно не имѣетъ значенія. Такъ что ссылка на то, что Андрюша не чувствовалъ страданій при истязаніи не имѣетъ для насъ такого значенія, ибо карается не столько результаты, сколько умыселъ. Г. Косоротовъ, если не ошибаюсь, и Карпинскій держались того мнѣнія, что сознание Андрюшей было потеряно въ первую же минуту. Проф. Сикорскій держится иного взгляда и полагаетъ, что сознание у него можетъ быть прервалось, можетъ быть даже его и душили, чтобы заглушить крики, но что онъ не терялъ сознания, не терялъ въ сущности до минутъ настоящей агоніи. Проф. Сикорскій говоритъ не голословно. Онъ приводитъ въ подтвержденіе этого анатомическія данныя, именно переполненіе внутреннихъ органовъ и затѣмъ мозга кровью въ доказательство того, что Андрюша былъ мучимъ паническимъ страхомъ, это признакъ страха. И дѣйствительно, развѣ можно хотя одну минуту сомнѣваться въ томъ, что несчастный мальчикъ подвергался ужаснымъ мученіямъ и паникѣ, когда онъ былъ внезапно схваченъ и такъ звѣрски истязаемъ, будучи одинокимъ, не видя никакой надежды

на спасеніе, испытывать такіа муки, такіе ужасы, передъ которыми умъ человѣческой совершенно останавливается, какъ могло это происходить! Несчастный Андрюша, конечно, долженъ былъ подвергаться величайшему чувству страха. Утвержденіе это проф. Сикорскій обосновываетъ съ одной стороны на научно-анатомическихъ признакахъ, а съ другой стороны на томъ чрезвычайно важномъ фактѣ, что Андрюша не падалъ. А если бы онъ потерялъ сознание, то долженъ былъ непременно упасть. Между тѣмъ мы по даннымъ дѣла видимъ, что онъ не упалъ. Эксперты другого порядка, вызванные защитой, во многомъ разошлись съ проф. Сикорскимъ, но никто изъ нихъ не утверждаетъ, что Андрюша падалъ. А разъ не падалъ, стало быть, сознанія не терялъ, такъ говоритъ Сикорскій. Я въ этомъ отношеніи думаю, что мы не ошибемся, если съ нимъ согласимся. Вотъ это собственно важнѣйшій вопросъ, и здѣсь не можетъ быть колебанія, здѣсь не можетъ быть спора. Итакъ это чувство страха естественнымъ неумолимымъ образомъ вытекаетъ изъ обстоятельствъ настоящаго случая. Дѣла этого рода до такой степени поражаютъ, что даже Кремье, на котораго сослался проф. Сикорскій, долженъ былъ высказаться слѣдующимъ образомъ: „Если еврейская религія предписываетъ убійства... (читать)“. Въ этомъ я вижу признакъ того, что самъ Кремье не отрицалъ этого. Отрицать этого нельзя. Этимъ изувѣрствамъ, въ особенности такимъ исключительнымъ злодѣяніямъ, этимъ ужасамъ, которые разуму обыкновеннаго человѣка совершенно не поддаются, въ особенности въ нашъ страшный вѣкъ, послѣ того, что мы пережили нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можемъ ли мы удивляться? Можемъ ли мы удивляться какому-нибудь поражающему, сверхъестественному явленію! А такъ какъ эти дѣла ведутся изъ временъ жестокихъ и ужасающихъ въ этомъ отношеніи, то отрицать всё эти ужасы только потому, что они намъ непонятны, было бы въ высшей степени неосторожно и совершенно несогласно съ обстоятельствами дѣла. Проф. Сикорскій по всемъ обстоятельствамъ дѣла держался того мнѣнія, что это чувство страха продолжалось до наступленія смерти. Если Андрюша дѣйствительно не терялъ сознанія и терялъ только временами, а

подъ влияніемъ этихъ страшныхъ ударовъ, которые онъ испытывалъ, онъ не могъ не просыпаться, хотя бы и впадая въ безсознательное состояніе, въ обморокъ, если это дѣйствительно было такъ, то мы помемъ то, что онъ въ эти 15 или 20 минутъ пережилъ. Наконецъ, послѣдній признакъ дѣяній этого рода это—вытачиваніе, собраніе крови. Въ этомъ отношеніи эксперты совершенно согласны, они говорятъ, что кровь куда то дѣвалась, что кровь не осталась въ организмѣ, только одни полагаютъ, что кровь осталась на мѣстѣ преступленія, а вотъ проф. Сикорскій, проф. Оболонскій и д-ръ Туфановъ на основаніи данныхъ вскрытія, на основаніи разсмотрѣнія всѣхъ тѣхъ условий, которыя были, такъ сказать, на свѣжихъ порахъ, держатся безусловнаго мнѣнія, совершенно убѣждены въ томъ, что кровь эта была выточена. Такъ какъ изъ другихъ экспертовъ никто не можетъ дать объясненій сколько-нибудь убѣдительныхъ для того, чтобы опровергнуть мнѣніе этихъ трехъ, то мнѣ думается, что съ ними нельзя не согласиться. А принимая во вниманіе, что эти дѣянія совершаются всегда съ этими цѣлями и что такъ продолжается многіе и многіе вѣка, едва-ли можно было бы отрицать, что въ этомъ случаѣ все именно такъ происходило. Предположимъ, что будто бы убійцы въ теченіе нѣсколькихъ минутъ 7—8-ми ничего не дѣлали, а смотрѣли, какъ Андрюша умираетъ. Это предположеніе совершенно неправдоподобно, потому что разумѣется такого рода злодѣяніе конечно внушило имъ самимъ страхъ, имъ медлить было нечего, ибо они хорошо понимали, чѣмъ для нихъ это можетъ разыграться. А съ другой стороны, принимая во вниманіе, что такіа злодѣянія всегда бываютъ обдуманными, преднамѣренными, рассчитывать на то, что они ни съ того, ни съ сего остановились и не убивали въ ожиданіи наступленія смерти, значитъ идти вразрѣзъ съ законами здраваго человѣческаго разума. Наоборотъ, если признать, какъ утверждаетъ проф. Сикорскій и другіе съ нимъ согласные, что это періодъ, въ теченіе котораго убійцы собирали кровь, то становится совершенно ясно все. Это единственное объясненіе, которое можетъ быть принято. Здѣсь было указано одними, что онъ слишкомъ долго жилъ, двигалъ ногами, и что потому прихо-

дилось наносить убийные удары. Но почему же тогда, если это убійство было не преднамѣренно, если цѣли не существовало, то почему же сразу не начали съ убійныхъ ударовъ, а начали съ такихъ, которыми смерть не могла обусловиться? Это опять не заключеніе людей, принимающихъ всю совокупность данныхъ. Это есть желаніе избѣжать труднаго вопроса, это сомнительное мѣсто, которое противорѣчитъ тому выводу, который представляется единственно возможнымъ. Невозможно въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы подобнаго рода преступленія, какъ мы знаемъ, не здѣсь только происходящія, что такія преступленія, обусловленные традиціями и выработавшія извѣстные приемы, на основаніи извѣстныхъ навыковъ ни съ того, ни съ сего дѣлались, чтобы подвергались опасности безъ всякой надобности. Допустить это совершенно невозможно. Такъ или иначе, но источеніе крови—наибольше разумное, наибольше такъ сказать, логическое предположеніе. пропстекающее изъ фактовъ. Конечно, лобываніе крови. Въ этомъ отношеніи, разумѣется, никакіе аргументы противъ того, что говорилъ Сикорскій и др. профессора, устоять не могутъ. И я ужъ сказалъ, и теперь повторяю, что еслибы

кто - нибудь другой говорилъ, а не проф. Сикорскій, то я бы сталъ сомнѣваться, но такому человѣку не вѣрить я не могу. Это человѣкъ не отъ міра сего, ему не къ лицу показывать неправду, у него нѣтъ разумныхъ основаній для того, чтобы свидѣтельствовать о фактахъ, въ которыхъ онъ не былъ бы убѣжденъ. Принимая во вниманіе чрезвычайную важность настоящаго дѣла, но и помимо всего изложеннаго есть еще два признака. Одинъ это тотъ, что убиваются всегда только христіане, а отнюдь не еврейскія дѣти. Это признакъ неопровержимый и не опровергнутый, сомнѣваться въ немъ нельзя. Есть еще другой признакъ, именно, что въ дѣлахъ, въ которыхъ была установлена ритуальная цѣль, никого не было обвиняемыхъ кромѣ евреевъ. Вотъ съ этими фактами дѣваться некуда. Сколько бы ни думали, стараюсь объяснить эти злодѣянія, пока не дадутъ мнѣ другихъ толкованій, пока не докажутъ, что мы заблуждались, я буду признавать за истину то, что открывается передъ нашими умственными очами по обстоятельствамъ настоящаго дѣла. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ представить, господа, по данному вопросу съ точки зрѣнія ритуальной экспертизы.

Засѣданіе закрывается въ 11 час. ночи.

Тридцать первый день.

25 октября 1913 г.

Засѣданіе открывается въ 11 час. утра.

Окончаніе рѣчи А. С. Шмакова.

Г.г. судьи и г.г. присяжные засѣдатели. Докладывая вамъ вчера по содержанию настоящаго дѣла, я остановился на заключеніи экспертовъ психіатровъ. Эта экспертиза разумѣется стоитъ отѣльно за исключеніемъ отъ экспертизъ по судебной медицинѣ и хирургіи. Но между ними есть существенная разниця. Тогда какъ въ области душевной мы всетаки во многомъ сомнѣваемся, а главное не можемъ осязать, ощу-

щать, въ области тѣлесной, наоборотъ, у насъ есть факты, несомнѣнные, осязательные и очевидные. Поэтому въ этой области и самыя суженія наши являются болѣе обоснованными и несравненно болѣе твердыми. Такимъ образомъ я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой въ совѣстательной комнатѣ главное свое вниманіе сосредоточить на экспертизѣ по судебной медицинѣ и хирургіи, ибо мнѣ думается, что здѣсь лежитъ ключъ къ тѣмъ событіямъ, которыя прошли передъ нами. Само собой разумѣется, что экспертиза должна была дать ясный отвѣтъ на вопросъ: къ чему было нанесено столько ранъ? было ли

истечение крови и были ли исключительныя намѣренія убить? Разница между свидѣтелями и экспертами заключается въ томъ, что свидѣтель удостоверяетъ фактъ ему лично извѣстный, а экспертъ выражаетъ свое мнѣнiе о фактахъ, не при немъ происходящихъ. Это разъ, а во-вторыхъ, экспертъ призывается не для того, чтобы насъ увѣрять въ чемъ-нибудь, а для того, чтобы доказывать. Экспертъ обязанъ насъ убѣдить. Онъ не является Пифией, онъ не творить передъ нами колдовства, а свидѣтельствуегъ объ истинѣ по научнымъ даннымъ, или по даннымъ своего специальнаго опыта. Если бы дѣло было иначе, если бы эксперты были въ правѣ извлекать то, что имъ кажется истиной, безъ доказательствъ, тогда они были бы судьи. Между тѣмъ суду принадлежитъ верховное право вѣрить или не вѣрить эксперту сообразно съ тѣмъ, насколько его показанiе является убѣдительнымъ. Вотъ принимая во вниманiе, эти общiя соображенiя, мы и обратились къ оцѣнкѣ экспертизы. Я вовсе не намѣренъ относиться съ недоувѣрiемъ къ экспертамъ, только потому, что они вызваны защитой, но я, конечно, имѣю право требовать чтобы эти эксперты наравнѣ съ экспертами, приглашенными обвиненiемъ, удостоверяли справедливость своего показанiя, и по крайней мѣрѣ, чтобы они не увѣряли въ томъ, чему повѣрить нельзя; съ другой стороны, чтобы они давали отвѣты на вопросы, а не уклонялись отъ отвѣтовъ. Имѣя это въ виду, я прежде всего останавливаю ваше вниманiе на экспертизѣ проф. Павлова. Вы припоминаете, что экспертъ Косоротовъ заявилъ передъ вами, что на ихъ совѣщанiи отъ 14-го вопроса до конца, всѣ они были рѣшены экспертизой единогласно. Трудно, невозможно предположить, чтобы столь уважаемый человекъ, какъ проф. Косоротовъ, явившiйся предъ вами, рѣшился утверждать то, чего не было. По-моему, такое предположенiе совершенно недопустимо, стало быть онъ говорилъ правду. Между тѣмъ проф. Павловъ, не соглашался съ нимъ почти что ни по одному пункту. Когда же его спросили: „какъ это могло произойти?“—то съ одной стороны проф. Павловъ заявилъ, что онъ сегодня перерѣшилъ, передумалъ, а съ другой, что завтра онъ можетъ быть опять передумать. Согласитесь, что такого рода объясненiя не могутъ быть принимаемы за серьезныя,

если ученые люди на уголовномъ судѣ, по такому важному дѣлу, по началамъ науки и по взаимному обсужденiю на совѣщанiи пришли къ извѣстному выводу сегодня, то быть того не можетъ, чтобы завтра эти выводы перерѣшались, или по крайней мѣрѣ, перерѣшались безъ вѣдома товарищей. Я понимаю, что если бы проф. Павловъ пришелъ къ своимъ коллегамъ и сказалъ: „Господа, мы ошиблись, вотъ что мнѣ думается, надо постановить“, они имѣли бы открытое право подать свое особое мнѣнiе, тогда бы, конечно, онъ дѣйствовалъ основательно. Затѣмъ проф. Павловъ по удостоверенiю проф. Косоротова, обнаружилъ недостаточныя свѣдѣнiя въ судебной медицинѣ. И это ясно и безъ того, что по его мнѣнiю, будто бы нельзя опредѣлить момента смерти. Проф. Косоротовъ указалъ намъ на то, что въ докторскихъ диссертацияхъ, часто можно встрѣтить указанiя, что человекъ умеръ въ 6 часовъ 35 минутъ, 42 секунды, вотъ до какой степени наука даетъ возможность удостоверить въ моментѣ смерти. Затѣмъ проф. Павловъ, не давая отвѣта на вопросы, которые входили въ его компетенцию, которые относились къ этой экспертизѣ, наоборотъ шелъ навстрѣчу защитѣ тамъ, гдѣ дѣло его вовсе не касалось. Такъ, напримѣръ, онъ возбудилъ сомнѣнiе относительно заключенiя лѣснаго эксперта (помните, съ начертанiемъ на деревѣ креста съ надписью 16 мар.). Это дѣло совершенно не касалось г. Павлова. И только когда обнаружили, что экспертиза дана проф. ботаники унив. св. Владимира, тогда онъ успокоился. Точно также, когда возникъ споръ по поводу 13 уколовъ, то проф. Павловъ заявилъ, что онъ сомнѣвается въ вѣрности фотографiи и требуетъ чтобы ему были предъявлены негативы. Опять таки это его вовсе не касалось, и безъ его заключенiя по фотографическому снимку мы убѣдились, и это было тѣмъ болѣе странно, что прозекторъ Туфановъ самъ занимается снимками и который не можетъ быть заподозрѣнъ въ какой-нибудь тенденци. Проф. Туфановъ удостоверялъ совершенную правильность того снимка, который представленъ. Затѣмъ г. Павловъ, обратившись къ заключенiю, не могъ найти момента смерти даже и въ конкретномъ отношенiи. Онъ не могъ сказать, какой ударъ былъ смертельнымъ. Даже ударъ въ сердце по его мнѣнiю, не могъ быть почитаемъ смер-

тельными. Наконец, что всего поразительнее, это его утверждение, что будто бы ударъ въ голову, трепанация черепа, может происходить безболѣзненно. Это было до такой степени поразительно и ни съ чѣмъ не сообразно, что даже его товарищ-единомышленникъ проф. Кадьянъ, сказавъ, что это nonsens—по-русски сказать,—противорѣчить здравому человѣческому разумію. Затѣмъ далѣе проф. Павловъ рѣшительно не могъ намъ отвѣчать, не только на то, для чего эти 13 ранъ причинены, но напрямѣмъ на такой вопросъ: для чего раздѣляли убійцы Андриюшу? Для чего было столько ранъ нанесено, почему нанесены были въ такой послѣдовательности и т. д.? И вы знаете, чѣмъ закончилъ проф. Павловъ? Тѣмъ, что одинъ изъ ударовъ называлъ забавнымъ. Можетъ быть это забавно для Павлова, но, разумѣется, не для насъ. Это мнѣ напоминаетъ другой отвѣтъ проф. Бехтерева, когда онъ рѣшился сказать, что сорочка сама подымалась. Правда другой экспертъ Карпинскій, стремясь къ нему на помощь, пробовалъ исправить его выраженіе и сказавъ, что это рефлексъ. Это является чѣмъ-то вродѣ маски, или тѣхъ снова, о которыхъ мы слышали на судебномъ слѣдствіи. Рефлексъ—это въ сущности—ничто. Относительно рефлекса, разумѣется, существуютъ ученія, но злоупотребляя этимъ терминомъ по меньшей мѣрѣ, не подобаешь. Точно такъ же, хотя и въ меньшей степени, проф. Кадьянъ не давалъ отвѣта на самые главные вопросы. Наоборотъ, заключенія проф. Косоротова являются не только ничѣмъ неоспоримыми, но и согласуются съ обстоятельствами дѣла настолько, что въ немъ мы видимъ лучъ свѣта для примѣненія фактовъ. Вчера я вамъ докладывалъ, что когда у насъ нѣтъ возможности иначе опредѣлить зависимость обстоятельствъ, обсудить ихъ взаимную связь и послѣдовательность, то мы должны сдѣлать нѣкоторое предположеніе, и если предположенія вѣрны, то это все выясняетъ. Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на экспертизу проф. Косоротова, то мы увидимъ, что она дѣйствительно объясняетъ ходъ событій.

Правда, по отношенію къ главному вопросу руководствовались ли убійцы планомѣрностью, быть ли у нихъ планъ, было высказано, что они въ анатоміи несвѣдуши, или что они обнаруживаютъ только самыя

грубыя познанія въ анатоміи. Разумѣется, безспорно, что тѣ изувѣры, которые совершаютъ подобнаго рода злодѣянія, предварительно не проходятъ курса медицинскихъ наукъ въ университетѣ, они проходятъ этотъ курсъ по Талмуду. Вамъ сказано, что Талмудъ есть своего рода энциклопедія, тамъ вы найдете дѣйствительныя указанія изъ разныхъ наукъ того времени, когда Талмудъ выработывался. Однако же эти свѣдѣнія настолько достаточны, что они привели къ цѣли. Въ этомъ отношеніи проф. Косоротовъ указывалъ на другой примѣръ. Онъ говорилъ, что есть особые хирурги, которые совершаютъ извѣстное преступленіе—дѣлаютъ сюрцовъ, дѣлаютъ варварскимъ, грязнымъ, совершенно несоответствующимъ требованію науки способомъ, тѣмъ не менѣе они цѣли достигаютъ. Конечно, и здѣсь можно было сдѣлать много лучше, но цѣли оно достигло.

И что же мы видимъ? Убійцы задались тремя цѣлями. Главная цѣль была, получить кровь, вторая цѣль, — причинить страданіе, третья — не допустить ребенка умирать, а убить его. Спрашивается: были ли цѣли достигнуты, и какимъ путемъ? Вотъ, когда мы знаемъ, что злодѣяніе было совершено швайкой, тогда, съ точки зрѣнія проф. Косоротова и тѣхъ общихъ началъ, которыми онъ руководствуется, все представляется совершенно понятнымъ. И когда, наоборотъ, Павловъ и Кадьянъ начинаютъ съ того, что это орудіе неподходящее для совершенія убійства, они стоятъ на томъ, что эти злодѣи имѣли единственную цѣль — совершить убійство, и вмѣстѣ съ тѣмъ сами признаются, что это орудіе неподходящее, и признаютъ, что было нѣсколько убійцъ, или, по крайней мѣрѣ, два. Нужно согласиться съ ними въ томъ, что люди, идущіе специально на совершеніе такого убійства, подъ такой грозной отвѣтственностью и, съ такимъ ужасомъ для ихъ иноплеменниковъ, онѣ должны позаботиться о томъ, чтобы подобрать настоящее орудіе. Тѣмъ паче совершенно никуда не годится, что это преступленіе было совершено такъ-называемой шайкой Чеберякъ. Кромѣ того, здѣсь есть одинъ моментъ, на которомъ господа эксперты наткнулись на препятствія. Изволи-те видѣть, они отдыхали, а безъ этого отдыха обойтись никакъ нельзя, потому, что данныя вскрытія показываютъ, что уколы

дѣлятся на два періода, на двѣ категоріи: одна была нанесена при полнокровномъ дѣйствиі сердца, другая при совершенномъ замираніи. Эти данныя написаны на трупѣ, это факты, съ которыми надо считаться. И вотъ тогда гг. Павловъ и Кадьянъ даютъ намъ объясненіе, что убійцы отдыхали. Но, согласитесь сами, когда приходятъ люди съ подобнаго рода увѣреніями, тогда, конечно, можно потребовать отъ нихъ, чтобы они разсуждали, по крайней мѣрѣ, съ большей гармоніей и здравымъ смысломъ, можно требовать, чтобы они не увѣряли насъ въ томъ, чего, разумѣется, ни одинъ разсудительный человѣкъ понять не можетъ. И, наоборотъ, если мы предположимъ то, на что указываетъ проф. Косоротовъ, то мы увидимъ, что первый ударъ былъ нанесенъ въ синусъ. Говорили, что это случайность, что туда очень трудно попасть. Можетъ быть. Тѣмъ не менѣе однажды убійца попалъ. Для чего? Для того, чтобы получить значительное кровоизліяніе. Вообще вы помните удостовѣреніе проф. Косоротова, что первые удары были нанесены въ голову и шею. Вотъ, именно, эти удары и давали вполнѣ достаточное кровоизліяніе. Затѣмъ дальше вамъ указываютъ, что даже обыденнымъ орудіемъ можно убить всякаго человѣка. Довольно приложить палецъ къ виску, чтобы почувствовать біеніе артеріи. Стало быть, убійцы, которые наносили швейкой удары въ правый високъ, не имѣли никакой надобности наносить тринадцать уколовъ, они могли прямо попасть въ артерію, и это явствуетъ изъ того, что въ лѣвый високъ былъ нанесенъ только одинъ ударъ, именно, въ артерію, откуда получился фонтанъ крови. Ясное дѣло, что, если бы они имѣли въ виду только полученіе крови, имъ не было бы надобности наносить тринадцать уколовъ. Равнымъ образомъ, есть тотъ фактъ, на который я указывалъ, а именно, что, какъ бы ни были не свѣдущи убійцы, однако, они только два раза ошиблись, они попали на артерію и одинъ разъ на вену, а вообще въ остальныхъ случаяхъ не попали ни на вену, ни на артерію. Въ чемъ же вопросъ? Вена даетъ значительное и обильное кровоизліяніе, которое можетъ быть, не допускало возможности собрать эту кровь цѣликомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ большей части, какъ убійцы имѣли въ виду; и, наоборотъ, артерія бьетъ

фонтаномъ, то-есть грозитъ большими опасностями, она грозитъ залить этихъ злодѣевъ, залить обстановку, полъ, однимъ словомъ, вызвать для нихъ такую опасность, передъ которой они должны были, разумѣется, призадуматься. Вотъ то обстоятельство, что они приняли всѣ мѣры для того, чтобы избѣжать этого результата, само по себѣ является доказательствомъ, что у нихъ былъ планъ, что у нихъ было сознаніе, и они хорошо понимали, что они дѣлаютъ и почему. Когда же эти раны были нанесены, въ особенности раны въ шею? Раны эти имѣютъ еще и другой характеръ, другое значеніе. Они имѣютъ значеніе именно чисто еврейскаго удара въ области ритуала, они стали занимать собираніемъ крови. Это вполнѣ естественно. Съ этой точки зрѣнія дѣло представляется совершенно яснымъ — они могли Андрию поддерживать, а въ противномъ случаѣ, это дѣлать убійцамъ не было надобности, они разумѣется ждали семь-восемь минутъ, потому, что это была ихъ главная задача, и такъ далѣе. Затѣмъ, когда они перешли къ дальнѣйшимъ ударамъ, то между прочимъ нанесенъ былъ ударъ подъ мышку. И вотъ здѣсь проф. Косоротовъ показывалъ, что всякая кухарка знаетъ, что поросенка рѣжутъ ударомъ подъ мышку, потому что это наиболее тяжкій ударъ въ смыслѣ лишенія жизни, и который даетъ наибольшую потерю крови. Но, въ данномъ случаѣ, этого не произошло, потому что сердце обезсилѣло, кровь настолько была растрочена, что этотъ ударъ оказался безцѣльнымъ. То же самое можно сказать относительно удара въ печень и почки. Эти удары уже преслѣдовали не добываніе крови, а несомнѣнно они имѣютъ знаніе мученія, и то, что проф. Павловъ называетъ ударомъ забавнымъ, они имѣли въ виду только причиненіе несчастному мальчику еще больше страданій. Наконецъ, хотя насъ увѣряютъ, что будто бы они въ анатоміи понятія не имѣли, однако, изъ восьми ударовъ въ сердце четыре попали и при томъ попали такъ, что они, какъ бы очертили сердце и только одинъ изъ четырехъ былъ нанесенъ безъ всякой ошибки, съ проникновеніемъ сердца насквозь, послѣ котораго наступила, конечно, смерть. Итакъ, повторяю, что проф. Косоротову мы должны вѣрить, не потому, что онъ утверждаетъ передъ нами, а потому,

что его объяснения являются лучшемъ свѣта, который совершенно раскрываетъ намъ картину. Противъ этого возразить нечего, и всѣ попытки возражать оказываются несостоятельными. До тѣхъ поръ, пока экспертиза защиты не можетъ дать отвѣта, ничѣмъ опровергнуть не можетъ того, что утверждаетъ проф. Косоротовъ, до тѣхъ поръ нужно обосновываться на его заключеніяхъ. Что такого рода точка зрѣнія совершенно правильна, это доказывается и дальнѣйшимъ разсмотрѣніемъ вопроса. Я уже вамъ рекомендовалъ и вновь повторяю, что если предположеніе вѣрно — то оно тѣмъ становится вѣрнѣе и очевиднѣе, чѣмъ дальше будемъ продолжать изслѣдованіе. Такъ и въ данномъ случаѣ. Рѣчь идетъ о задушеніи. Спрашивается, для чего убійцамъ надо было душить мальчика рукой, когда одинъ хорошій ударъ шваикой въ тотъ же самый черепъ былъ достаточенъ для того, чтобы убить мальчика. Ясное дѣло: задушеніе не эту дѣль имѣло въ виду, а иную: одно изъ двухъ, либо это имѣло задачей прекратить крики мальчика, либо, что и гораздо болѣе вѣроятно, они намѣревались черезъ закрытіе ему усть, вызвать вздутіе венъ и артерій и тѣмъ дать большую силу кровотеченію. Вотъ, если мы такъ посмотримъ на вопросъ, то мы и это поймемъ. Затѣмъ, когда мы видимъ, что нужно было добыть кровь, а не растрачивать ее напрасно на бѣлые жертвы, тогда становится совершенно яснымъ, что нужно было Андрию раздѣть и, наоборотъ, то, что намъ говорятъ эксперты со стороны защиты является совершенно непонятнымъ. Они говорятъ, что будто бы сами убійцы находились въ состояніи аффекта, что будто бы удары наносились ими автоматически, то-есть почти безсознательно. Какъ это безсознательно? Куртку снимали безсознательно? Раздѣвали его совсѣмъ— безсознательно. Вѣдь онъ былъ совсѣмъ раздѣтъ, даже сапоги были сняты, — это что же, тоже было сдѣлано безсознательно? Обращаютъ наше вниманіе на то, что нижніе конечности не были поранены. Да, это вѣрно. Но то, что онъ былъ раздѣтъ— это тоже вѣрно. А для чего онъ былъ раздѣтъ? Для чего убійцамъ понадобилось раздѣвать Андрию, если бы они имѣли въ виду только убійство. Объясненіе защиты является здѣсь совершенно неправильнымъ. Наконецъ, что касается созна-

ніа. Сознаніе имѣетъ значеніе въ этомъ дѣлѣ, съ одной стороны, для того, чтобы установить тотъ важный психологическій моментъ процесса, который болѣе всего опасенъ для обвиняемаго. Это, что злодѣи, мало того, что искали жизни ребенка, но, что они его терзали и мучили. Такъ вотъ передъ нами хотятъ показать, что удары шваикой, изъ которыхъ одинъ, вы помните, пронзилъ не только черепъ, но и все существо мозга, что удары въ шею и такъ дажѣ, почти не были мучительны, не потому, что онъ находился безъ сознанія. И для того, чтобы убѣдить васъ, что у него сознанія не было, говорятъ, что у него не было борьбы, потому, что на рукахъ и вообще нигдѣ не видно кровоподтековъ и ссадинъ. Но на это вамъ отвѣчаетъ проф. Косоротовъ, что, во-первыхъ, ссадины есть, и что, во-вторыхъ, если допустить, что первое время его держали за руки, когда онъ былъ одѣтъ въ куртку, то ссадинъ не будетъ. Значитъ, съ этой точки зрѣнія, показанія экспертовъ со стороны защиты являются ни на чемъ не основаны. Затѣмъ, объясненіе, что мальчикъ не сопротивлялся, не можетъ быть мотивировано только отсутствіемъ ссадинъ, или на основаніи отсутствія ссадинъ нельзя выводить заключенія, что у него не было сознанія. Это, между прочимъ, и психіатры, кажется, проф. Сикорскій указывалъ, что мальчикъ могъ находиться въ такомъ оцѣненнѣнн, въ такомъ паническомъ страхѣ, что онъ подчинялся своимъ убійцамъ, какъ ягненокъ. Ему можно было сказать: „раздѣвайся“ — и онъ сталъ бы раздѣваться; „становиться такъ“ — и онъ сталъ бы. Это наблюдается, на примѣръ, въ томъ случаѣ, когда удавъ глядитъ на свою жертву, на какую-нибудь птичку, которая до такой степени поражается этимъ змѣинымъ глазамъ, и обуревается ужасомъ въ такой мѣрѣ, что не только, что сопротивляться, а двинуться не можетъ, такъ что и въ этомъ отношеніи показаніе о необходимости отсутствія сознанія, въ смыслѣ патологическомъ, конечно, у Андрию— является ни на чемъ не основаннымъ въ устахъ экспертовъ защиты. Правда, что проф. Косоротовъ и Сикорскій признаютъ, что это сознаніе могло временно затемняться и въ этомъ разумѣется, сомнѣваться нельзя, но, какъ проф. Косоротовъ, такъ и проф. Сикорскій, на основаніи вскрытій,

въ сущности обосновываются на такихъ обстоятельствахъ дѣла и приходятъ къ выводу, что это безсознание продолжалось до самой кончины, и что, такимъ образомъ, Андруша испытывалъ почти въ полной мѣрѣ тѣ результаты, на которыя рассчитывали убійцы. И даже проф. Павловъ, несмотря на всѣ предыдущія объясненія и увѣренія, что будто бы все это происходило безболѣзненно, въ концѣ концовъ, долженъ былъ признать, что это злодѣяніе совершено ужасно, что оно носитъ характеръ свирѣпости и безжалостности. Такова картина, вытекающая изъ обѣихъ экспертизъ.

Но, я бы не закончилъ, какъ слѣдуетъ свой докладъ по этому предмету, если бы не остановилъ вашего вниманія еще на одномъ обстоятельстве. Экспертиза ясно признала, что убійство совершено было не въ жиломъ помѣщеніи. Вотъ этого не слѣдуетъ забывать. Единогласно, хотя потомъ, здѣсь было нѣсколько попытокъ колебать этотъ выводъ, но эти попытки остались безплодны, главнымъ образомъ, потому, что онѣ не были не только достаточно мотивированы, но, въ сущности, ни на чемъ не основаны, а у проф. Косоротова была подмѣчена, по моему, черта, это то обстоятельство, что у него была фуражка. Конечно, можно встать на такую точку зрѣнія, на которую становился мой предшественникъ, г. Замысловскій, что евреи, когда они молятся, должны быть обязательно въ шапкахъ, поэтому могло случиться, что они пожелали, чтобы и жертва ихъ была въ фуражкѣ. Но, возможно и другое объясненіе, что мальчикъ былъ въ фуражкѣ потому, что убійство совершалось не въ жиломъ помѣщеніи, и это послѣднее объясненіе является гораздо болѣе очевиднымъ, гораздо болѣе простымъ. Это чисто житейскій выводъ, на которомъ по обстоятельствамъ дѣла нельзя не остановиться, тѣмъ болѣе, что онъ совпадаетъ и съ тѣми чисто медицинскими данными, которыми мотивируется заключеніе проф. Косоротова относительно глины съ кровью, данными, которая не были оспорены экспертизой вообще. Итакъ, слѣдуетъ заключить, что убійство совершено не въ жиломъ помѣщеніи, что тѣмъ болѣе правдоподобно, что, какъ показалъ здѣсь одинъ изъ свидѣтелей — полицейскій чинъ, въ пещерѣ было сухо въ самомъ началѣ, когда туда пришли, что вода едва начинала просачи-

ваться. Вполнѣ понятно, почему это такъ было. Вы знаете, что ходъ въ пещеру былъ расчищенъ. Понятно, если въ пещерѣ было сухо, то стало быть глина тамъ не могла пріобрѣсти ту долю воды, которая требовалась въ данномъ случаѣ, для того, чтобы объяснить дальнѣйшія явленія. Но между тѣмъ, вамъ извѣстно, гг. присяжные засѣдатели, что кровь высыхаетъ не долѣе, какъ въ теченіе 12 часовъ, а по показанію экспертовъ, трупъ былъ внесенъ туда не ранѣе, чѣмъ черезъ трое сутокъ, потому что окоченѣніе вообще продолжается около этого періода, а когда трупъ обезкровленъ, тогда длится еще дольше. И вотъ, въ связи съ вопросомъ объ окоченѣніи мы невольно должны отмѣтить и вопросъ относительно трупныхъ пятенъ. Здѣсь проф. Косоротовъ обращалъ наше вниманіе на то, что этихъ трупныхъ пятенъ не было. А почему? Потому, что тѣло было обезкровлено. Это заключеніе приводитъ насъ къ тому конечному выводу, отъ котораго отпавлялся проф. Косоротовъ, т. е. что цѣлью злодѣянія было выточеніе крови. Изъ всего изложеннаго явствуетъ, что тѣ заключенія, тѣ выводы, тѣ предположенія или мнѣнія, которыя были дѣлаемы съ разныхъ сторонъ на основаніи обстоятельствъ дѣла иного порядка совершенно не доказываются данными вскрытія праха мальчика. Противъ этого не только не было сдѣлано, но, повидимому, и не можетъ быть сдѣлано достаточныхъ возраженій. А если это такъ, то тогда ничего больше не остается, какъ признать, что злодѣяніе это было учинено съ основною цѣлью получить кровь.

Сображая все мною доложенное, къ какимъ выводамъ мы должны придти на основаніи данныхъ медицинской экспертизы? Мы, прежде всего, должны признать, что у злодѣевъ былъ планъ, была обдуманная заранѣе система дѣйствій и планъ, направленный не на совершеніе убійства только, а и на другія дѣла. Это обстоятельство совершенно устраняетъ версію о томъ, что смерть причинена какими-то невѣдомыми ворами изъ-за какихъ-то опять-таки невѣдомыхъ прутиковъ. Затѣмъ, мы должны при данномъ заключеніи установить, что этотъ планъ былъ рассчитанъ на добываніе крови, а не на какую-либо другую цѣль. Наконецъ, этотъ планъ имѣлъ задачей причинить мученія. Правда, гово-

рять, что мученія можно было причинить въ болѣе ужасной формѣ, вырывать ногти и т. д. Да, мало ли что можно сдѣлать, но надо имѣть въ виду, прежде всего, что у нихъ была ве одна цѣль, а было три цѣли параллельно: добыть кровь, причинить мученія и не допустить мальчика умереть, а убить его въ послѣдній моментъ. И съ этой точки зрѣнія надо отдать убійцамъ полную справедливость, ибо каждая изъ этихъ цѣлей была достигнута въ той степени и въ той мѣрѣ, какъ это можно было сдѣлать, не нарушая другихъ цѣлей. Разумѣется, если бы у нихъ была только одна изъ этихъ цѣлей, то они дѣйствовали бы иначе, чѣмъ тогда, когда у нихъ было разомъ всѣ три цѣли, и каждая цѣль имѣла свой самостоятельный характеръ и свои особые пути. Такъ что дѣйствовать иначе, чѣмъ, какъ они поступили, можетъ быть, въ данномъ случаѣ, было совершенно невозможно. Вотъ что требовалось доказать для того, чтобы перейти къ заключенію о ритуальной экспертизѣ, къ чему я и перейду, ходатайствуя передъ судомъ о небольшомъ перерывѣ.

Предс. Объявляю перерывъ на 10 минутъ.

Послѣ перерыва Шмаковъ продолжаетъ свою рѣчь.

Еврейство живетъ около трехъ тысячъ лѣтъ, но во всѣ времена оно держало себя отдѣльно отъ другихъ народовъ и поэтому являлось для нихъ, съ одной стороны загадкой, вопросомъ тайны, а съ другой — какъ все невѣдомое, представляло источникъ страха и непріязни. Правда, что и евреи въ свою очередь относились непріязненно къ другимъ народамъ и въ этомъ отношеніи можно было бы привести безграничное количество примѣровъ и доказательствъ, но мы всѣ уже такъ утомлены и такъ уже много времени затрачено на это дѣло, что я не осмѣливаюсь останавливаться въ этой области. Тѣмъ не менѣе я обязанъ кое-что сказать и еще разъ предпосылаю общее замѣчаніе, что я не обвиняю, да и не имѣю конечно права обвинять, еврейство. Я утверждалъ и буду утверждать, что то, что мы имѣемъ предметомъ настоящаго дѣла относится къ изувѣрамъ, поэтому, если я иной разъ ошибусь и скажу „евреи“ или „еврейство“, то прошу разумѣть подъ этимъ тѣхъ изу-

вѣровъ, о которыхъ говоритъ обвинительный актъ.

Что такое Талмудъ? Одинъ изъ экспертовъ, проф. Тихомировъ сказалъ, что въ немъ все можно найти, и это вѣрно. Во-первыхъ, это есть энциклопедія, это есть разсужденіе обо всемъ, во-вторыхъ, онъ написанъ на языкѣ, который не существуетъ въ лексиконѣ и начертанъ, какъ здѣсь говорилъ раввинъ Мазе, иной разъ не только безъ гласныхъ буквъ, но даже безъ тѣхъ точекъ, которыя показываютъ, что здѣсь должна быть гласная, вслѣдствіе чего одно и то же начертаніе слова можетъ приводить къ совершенно различному истолкованію смысла. Здѣсь вамъ было указано, что Пятикнижніе Моисеева есть законодательство для евреевъ на всѣ времена. Но если это законодательство таково, что будучи написано за 15 или по крайней мѣрѣ за 13 вѣковъ до Рождества Христова, то какимъ образомъ оно можетъ предусматривать обстоятельства современной жизни. Ясно, что эти законы возможно примѣнять только путемъ самовольнаго, и при томъ можетъ быть совершенно противнаго смыслу самаго законодательства, истолкованіе. При чемъ, какъ вы изволили уже слышать, мало того, что были Мишна и Гемара въ VI-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, но потомъ были учителя Талмуда на протяженіи вѣковъ и черезъ Испанію, Францію, Германію и Польшу перешли въ Россію. Что касается такъ называемой Каббалы, то мнѣ думается, что здѣсь дано было ей объясненіе, по крайней мѣрѣ въ историческомъ смыслѣ, не совсемъ правильное. Здѣсь указано было, что Каббала есть пантеизмъ, всебожіе, т. е., проникновеніе божественнаго начала во всю жизнь, во всѣ ея проявленія и стремленіе постигнуть божество въ этихъ проявленіяхъ жизни. Конечно, мы сюда пришли не для разсмотрѣнія философскихъ проблемъ о содержаніи или исторіи религіи, но вотъ что мы знаемъ хорошо, что Богъ Израиля есть Богъ личный и прежде всего Бога народа Израильскаго; такъ что всебожіе — пантеизмъ находится въ совершенно очевидномъ и явномъ противорѣчій съ кореннымъ положеніемъ религіи. Никакимъ образомъ, эти два теченія согласовать нельзя и попытки такого согласованія должны быть почитаемы не только искусственными, ни на чемъ не ос-

нованными, но и безцѣльными. Никогда евреи этого не признаютъ и никогда не согласятся съ тѣмъ, что ихъ Богъ есть Богъ и всѣхъ другихъ народовъ. Поэтому, сколько бы васъ ни увѣряли, что хасидизмъ есть только нѣкоторый отгѣнокъ ученія іудейскаго и что между хасидизмомъ и миснагидизмомъ нѣтъ существенной разницы, то это, конечно, совершенно не согласно съ истиной, да и не можетъ быть согласно. Правда, что въ еврействѣ отъ времени до времени появлялись теченія, имѣвшія цѣлью такъ сказать рационализировать, т. е. разумомъ освѣтить извѣстныя стороны талмудическихъ ухищреній, изворотовъ, ябедничества, коварства, но эти теченія оказывались всегда безплодными. Мы слышали, что такой первоучитель, какъ Маймонидъ Рамбамъ встрѣтилъ жестокою оппозицію и явную неприязненъ среди іудеевъ и въ Монпелье, во Франціи, книга его была сожжена по требованію евреевъ. Сообразно этому и ученіе Саббатай-Цеви, а затѣмъ и первоучителей хасидскихъ конечно осуждены передъ миснагидами на ту же самую участь. Такимъ образомъ вопросъ о существованіи митнагидовъ и хасидовъ, какъ совершенно самостоятельныхъ ученій въ іудействѣ, подлежатъ сомнѣнію не можетъ. Но есть одинъ удивительный фактъ. Въ то время какъ другія религіи, въ особенности лютеранская, распались на безграничное количество сектъ, у евреевъ этого не бывало. Почему? Очень просто, потому что іудеи стремятся къ владычеству надъ міромъ....

Пред. Это собственно не входитъ въ кругъ нашихъ сужденій. Я просилъ бы васъ касаться іудейства постолько, поскольку это относится къ извѣтрамъ.

Шмак. Это все было предметомъ судебнаго слѣдствія.

Предс. Но не въ такой мѣрѣ.

Шмак. Такъ или иначе, но въ этой области они ожидаютъ пришествія Мессіи. Пришествіе Мессіи есть именно тотъ моментъ, съ котораго завѣтныя ихъ мечты осуществляются, и эта коренная идея, это главное положеніе іудейскаго ученія никоимъ образомъ не можетъ быть устранено, и не можетъ быть оставено нами при разсмотрѣніи настоящаго вопроса. Эта идея въ Талмудѣ, это положеніе въ Библии, что они являются народомъ избраннымъ, ис-

толковано ими въ томъ смыслѣ, что они единственные, что только они люди, всѣ же остальные не люди, а только челоѣкообразныя животныя, созданныя въ честь евреевъ. Вотъ это положеніе, что остальные народы суть только животныя, должно быть нами усвоено разв навсегда. Оно доказывается, помимо большого количества другихъ данныхъ, тѣмъ примѣромъ, на который я указывалъ и который остался безъ возраженія, что по іудейскому закону, если я со своей матерью перейду въ іудейство, то могу на ней жениться. Почему? Да потому, что до тѣхъ поръ, пока мы не евреи, мы не люди, стало быть она мнѣ не мать, а я ей не сынъ съ точки зрѣнія іудейской. Когда же перейдемъ въ іудейство, то станемъ людьми, но въ то же время я отъ нея не рожденъ, стало быть она мнѣ уже не мать, а я ей не сынъ. Повторяю, это осталось безъ возраженій. Раввинъ Мазе говорилъ здѣсь 5 или 6 часовъ, но ни однимъ словомъ не коснулся этого вопроса, потому что онъ не смѣлъ, ибо я бы ему на это представилъ текстъ. Стало быть, разв имѣется такой законъ, то конечно, онъ не могъ быть выведенъ ни откуда, кромѣ какъ изъ того общаго положенія, что мы не люди. И такъ какъ разумѣется нѣтъ ни одного закона, изъ котораго вытекало бы нѣчто подобное, то совершенно естественно, что на ученія подобнаго рода мы должны смотрѣть, какъ на совершенно исключительныя, а стало быть и исключительнымъ образомъ къ нимъ относиться.

Я это говорю къ тому, что насъ хотятъ повести на другую дорогу и сказать, что мы не должны смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто особенное, а должны смотрѣть съ точки зрѣнія обще челоѣческой. Но если съ точки зрѣнія общечелоѣческой немислимъ ритуаль, то и съ еврейской точки зрѣнія, онъ былъ бы немислимъ. А я имъ говорю, —ваше основное положеніе невѣрно, ибо вы исходите изъ того, что не существуетъ: евреи суть одно, а другіе люди—другое. Изъ этого основнаго положенія вытекаетъ другое: такъ какъ мы не люди, то по отношенію къ намъ евреи не способны совершить преступленія. Это равносильно тому, если бы я изъ пасти своего щенка сталъ бы тащить кость, онъ меня укусилъ бы за руку, я бы его побилъ, но никто въ этомъ случаѣ не будетъ говорить о разбоѣ, ибо я не въ состояніи совершить разбоѣ по от-

ношенію къ пенку. Это есть точка зрѣнія евреевъ на меня: я ничего не могу совершить по отношенію къ нему, кромѣ богохульства, а онъ не можетъ совершить по отношенію ко мнѣ преступленія. Не еврей беретъ у меня, потому что онъ считаетъ, что ему принадлежить по праву, а я оскорбляю іудейское величіе, когда осмѣливаюсь лгать, что мнѣ что-нибудь можетъ принадлежать. Вотъ въ чемъ корень ихъ ученія, вотъ почему онъ не можетъ обидѣться, вотъ почему его нельзя оскорбить; вѣдь если лошадь ударить копытомъ, это не значитъ, что она нанесла оскорбленіе дѣйстви́емъ...

Предс. Я попросилъ бы васъ перейти къ общему положенію.

Шмак. Я къ нему и подхожу. Затѣмъ вамъ выдвинуто было положеніе, и экспертами не съ нашей стороны, а со стороны защиты, что запретъ человѣческой крови съ точки зрѣнія караима есть установленіе билейское, а съ точки зрѣнія іудеевъ, есть установленіе раввинистское. Этого цѣлѣе забывать не слѣдуетъ. И поэтому, если бы дальше шла рѣчь объ употребленіи крови съ точки зрѣнія ритуала, то намъ незачѣмъ обращаться къ Библии, мы должны смотреть на это дѣло съ точки зрѣнія Талмуда, съ точки зрѣнія ученія раввинистскаго. Но этого мало, мы не люди, стало быть принесеніе насъ въ жертву не есть принесеніе человѣка, а это есть принесеніе въ жертву животнаго. Этого намъ не надѣ забывать. Съ нами спорили, что человѣческое жертвоприношеніе немислимо, это вѣрно, допустимъ это. Но, вѣдь, мы не люди, слѣдовательно рѣчь идетъ не о принесеніи въ жертву человѣка или ребенка нашего, а животнаго съ точки зрѣнія еврейскаго вѣроученія, которое здѣсь развивалось. Правда, раввинъ Мазе говорилъ, что принесеніе въ жертву животныхъ было оставлено, чтобы не дѣлать такого рѣзкаго перехода, чтобы не заслужить упрека іудейскаго народа. Но намъ совершенно безразлично, отчего это произошло, мы только знаемъ, что это было. Наконецъ, еще одно положеніе не надѣ упускать изъ виду. Я не смѣю повторять передъ вами того, что вы слышали при закрытыхъ дверяхъ, но напоминаю, что экспертъ Коковцовъ, академикъ и профессоръ, заявилъ передъ вами, что въ Талмудѣ богохульства нѣтъ и я просилъ

занести въ протоколъ, а между тѣмъ вы сами это слышали при закрытыхъ дверяхъ, слышали это въ присутствіи Коковцова, который не смѣлъ оспаривать. Этого мало, его товарищъ, единомышленникъ по экспертизѣ, Троицкій заявилъ, что то, что написано въ трактатѣ Гитинъ, и что онъ самъ привелъ, для него не составляетъ никакого сомнѣнія. Значитъ, если г. Троицкій призналъ то, что мы утверждаемъ, и если съ другой стороны свѣдѣтельство эксперта Пранатгиса явилось непровергнутымъ даже со стороны Коковцова,—и опровергнуто, разумѣется, быть не можетъ,—то вы разсудите, какъ же мы должны отнестись къ экспертизѣ проф. Коковцова, когда онъ рѣшился здѣсь, на судѣ, столь явно разойтись съ истиной. Вотъ почему, когда г. Мазе сталъ передъ вами утверждать, что основное положеніе христіанъ: „любѣ ближняго, какъ самого себя“, взято изъ книги Левитъ, тогда я не могу слушать этого спокойно, ибо знаю, что у евреевъ существуетъ для нихъ одинъ законъ, а для насъ—христіанъ другой законъ—„возлюби ближняго, какъ самого себя“, — значитъ возлюби еврея, а не христіанина, т. е. гоя. Стало быть, основное положеніе, главный тезисъ, отъ котораго отпращивались здѣсь, стремясь увѣрить въ томъ, что даже Балъ-шамъ, послѣдователь семи Ноевыхъ заповѣдей, уравнивается будто бы съ евреями, все это противно дѣйствительности, такъ какъ я привелъ законъ, который былъ удостовѣренъ экспертами, что за неосторожное убійство еврея евреемъ, полагается смертная казнь, а за умышленное убійство гоя еврей вовсе не отвѣчается. А для того, чтобы вы не сомнѣвались, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло по источникамъ, я приведу фактъ. Вы помните этотъ текстъ, о которомъ здѣсь такъ долго говорили, который переводилъ экспертъ Коковцовъ и помните, что его главный авторитетъ, главный источникъ по его мнѣнію, это Деличъ и у него пропущено слово „декума“ — уста. Онъ говоритъ, что это печатка. Хороша печатка, главное слово, главный моментъ спора, главное положеніе, на которомъ мы стоимъ, оказывается пропущеннымъ въ томъ первоклассномъ источникѣ, на который ссылаются главные выводы экспертизы защиты. Правда, намъ могутъ сказать, что о. Пра-

найтись, который тоже профессор, явился передь нами недостаточно осведомленнымъ, что онъ не могъ отвѣчать на многіе вопросы. Да, господа, слѣдуетъ же, однако, внимательно взглянуть въ религію, чтобы ее уяснить. Вотъ, напримѣръ, когда проф. Троицкаго защита спрашивала, —какая разница между „дамъ ботулимъ“ и „дамъ бѣтулимъ“, т. е. между дѣвственной кровью и кровью дѣвицы, онъ не отвѣчалъ, а когда его спрашивали, — а какъ было озаглавлено сочиненіе Неофита, то онъ сказалъ, что это у него записано, а другой экспертъ, когда затрудняется въ отвѣтъ говорить — не знаю. И это до такой степени достойно вниманія. Вѣдь вамъ всѣмъ, конечно, памятно изреченіе древняго мудреца: „Я знаю, что я ничего не знаю“. Мудрый человѣкъ въ концѣ концовъ такъ всегда говорить. Дѣйствительно, чѣмъ больше человекъ знаетъ, тѣмъ съ большимъ трудомъ судить и тѣмъ, конечно, больше задумывается надъ рѣшеніемъ. Такимъ образомъ, то впечатлѣніе, которое на васъ могло произвести колебаніе и осторожность о. Правайтиса, должно быть взвѣшено хорошенько раньше, чѣмъ говорить о томъ, хорошъ онъ или дуренъ, ученъ или не ученъ. а главное, правдивъ ли онъ. Думается мнѣ, что онъ безусловно правдивъ, потому, что всѣ усилія доказать противное, оказались несостоятельными. А вотъ, когда о. Правайтисъ сказалъ, что у васъ пропущено слово „декума“, то сколько ни старались это обойти, какъ ни старались иносказательно и другими соображеніями отстранить вниманіе отъ этого слова, оно тѣмъ не менѣе оказалось пропущеннымъ. Мало этого, я называю рядъ сочиненій экспертамъ, я указываю на ряды ученыхъ и ученыхъ первоклассныхъ, но мнѣ говорятъ: нѣтъ, это намъ не нужно, мы этого не знаемъ, или не признаемъ. Но вотъ, напримѣръ, есть ссылка на Костомарова. Это большой русскій ученый, историкъ, почему его не хотите слушать? Если Костомарова не хотите слушать, почему не хотите слушать проф. Соколова въ Казани, профессора духовной академіи, человѣка, который написалъ диссертацию по вопросу объ обрѣзаніи, почему вы его не хотите принять во вниманіе. Разъ положеніе вещей таково, что отъ эксперта вы не можете получить ясно

отвѣта на вопросы, на тѣ основанія, по которымъ онъ рассуждаетъ, когда онъ говоритъ, что таково его мнѣніе, его убѣжденіе, а не старается создать въ васъ убѣжденія, не старается доказать передъ вами, тогда вы не можете принимать его заключеній. Повторяю, экспертъ является не для того, чтобы насъ учить, а для того, чтобы насъ убѣждать, чтобы насъ просвѣщать, такъ, чтобы никто разубѣдить не могъ. Наконецъ, и заявленіе, что Талмудъ раздѣляется на Галаху и на Агаду также несостоятельно. Здѣсь было приведено указаніе на то, что Агада есть повѣствовательная часть Талмуда, а Галаха юридическая, такъ сказать, законоположительная, но развѣ законъ можно обосновывать иначе, какъ на явленіяхъ дѣйствительной жизни, развѣ первое основаніе закона не является исторіей, развѣ можно создавать законъ прямо изъ ума, теоретически. Вотъ французы, когда у нихъ была великая революція, пробовали это сдѣлать, и ничего не вышло, да и не могло конечно выйти. Законъ только тогда годится для народа извѣстнаго времени, когда онъ опирается на результаты исторіи. Поэтому Агада есть не только существующее, но и неизбежное и неустраиваемое основаніе Галаха. Агада есть главная существенная часть Талмуда, безъ нея Талмудъ является непонятнымъ и ни на чемъ не основаннымъ. Точно также увѣряли насъ, что обрѣзаніе есть дѣйствіе во имя гігіены, ради чистоты. Хорошо. Что же оказывается? Что по словамъ того же эксперта при Антоіохѣ Елифанѣ евреи подвергались смертной казни за обрѣзаніе и они тѣмъ не менѣе подвергали себя обрѣзанію, т. е. человекъ для того, чтобы спасти свое здоровье, отдавалъ палачу свою жизнь. Согласитесь сами, разъ экспертъ приходитъ сюда съ такими увѣреніями, то я его слушать не могу и на немъ основываться не стану, потому, что неправда всегда себя докажетъ, а истина всегда за себя стоитъ. Если я уклоняюсь отъ истины, если я хочу изъ лжи сдѣлать правду, я буду наказанъ и буду наказанъ такъ, какъ и самъ предвидѣть не могу. Но этого мало, если бы я не боялся вашего крайняго утомленія, г.г. присяжные засѣдатели, я бы могъ еще представить рядъ текстовъ изъ того же Талмуда, дабы подтвердить мое заключеніе цѣлымъ рядомъ документовъ.

Повѣрите, что это въ дѣйствительности такъ, что я могу и готовъ подтвердить это, и если я этого не дѣлаю, то только потому, что не смѣю утруждать вашего и безъ того утомленнаго вниманія.

И утверждаю то, въ чемъ не только самъ убѣжденъ, но что я могу доказать. А если это такъ, то намъ остается перейти къ еврейской исторіи.

И вотъ здѣсь прежде всего я напомину вамъ объ Ахеонѣ. Ахеонъ рассказываетъ, что когда Антиохъ Епифантъ за 160 лѣтъ до Рождества Христова вошелъ въ іерусалимскій храмъ, то она тамъ нашель плѣнаго, который былъ захваченъ и котораго угощали всякими яствами и питіями. Сначала его ублажали и услуживали ему и онъ не могъ понять для чего это дѣлается, а потомъ одинъ изъ прислужниковъ сообщилъ ему тайну, что его готовятъ къ принесенію въ жертву. Это было за 160 лѣтъ до Рождества Христова. А во II столѣтіи послѣ Рождества Христова, когда было страшное возстаніе евреевъ противъ Римской имперіи, подъ начальствомъ Бароха Тохеры (?) или Бароха... Мессіи,—но же-Мессіи, конечно, какъ здѣсь было удостоверено,—евреями въ Римѣ и Египтѣ были вырѣзаны сотни тысячъ, которыхъ они приносили въ жертву, обмазывали себя ихъ внутренностями и пожирали ихъ мясо. Само собой разумѣется, что мы не изслѣдуемъ сію минуту исторію этого вопроса во всей полнотѣ, что мы отмѣчаемъ только, такъ сказать, отдѣльные моменты хода событій. Но не стѣйте на меня за то, что я не иду годъ за годомъ и вѣкъ за вѣкомъ. Но мы не можемъ не принять къ свѣдѣнію, что въ 415 году послѣ Рождества Христова въ Малой Азіи одинъ младенецъ былъ іудеями распятъ, конечно, съ цѣлью принесенія въ жертву и, конечно, съ цѣлью добыванія крови.

Вы помните, что въ 613 году евреи выгнали нѣсколько тысячъ христіанъ у магометанскаго завоевателя, но, какъ это было показано, не для того, чтобы спасти ихъ, а для того, чтобы вырѣзать. А затѣмъ, идеть безконечный рядъ такого рода злодѣяній на пути исторіи. Вамъ здѣсь былъ, между прочимъ, доложенъ рядъ фактовъ, указанныхъ отцомъ Пранайтисомъ. Для того, чтобы предусмотрѣть аргументъ, который можетъ быть представленъ, я установилъ черезъ допросъ, что въ

Римѣ преслѣдованіе христіанъ при императорахъ, даже сравнительно пользующихся порядочною репутациею, напримѣръ, Александрѣ Северѣ и Маркѣ Аврелии,—и при нихъ даже были гоненія на христіанъ по причинѣ подстрекательства евреевъ и потому что римляне смѣшивали христіанъ съ евреями, рассматривая христіанъ, какъ іудейскую секту, и такимъ образомъ, приписывали христіанамъ принесеніе въ жертву младенцевъ. Т. е. въ самомъ фактѣ гоненія на христіанъ и тѣхъ ужасовъ цирка, которые намъ всѣмъ извѣстны, въ этомъ фактѣ я усматриваю подтвержденіе положенія общаго, что у евреевъ такія жертвы бывали и что мнѣніе народовъ за то, что онѣ существуютъ. Здѣсь былъ отмѣченъ присяжнымъ повѣреннымъ Карабчевскимъ одинъ моментъ въ исторіи, который, по его мнѣнію, сводится къ тому, что эти ритуальныя убійства были выдуманы для того, чтобы пользоваться случаемъ и грабить евреевъ. Конечно, я не стану отрицать передъ вами, что на пути мрака средневѣковья такіе случаи бывали. Но утверждать, что вообще были такія причины, обвинять евреевъ и что эти причины могутъ имѣть значеніе даже въ наше время, было бы, разумѣется, совершенно неосновательно. Такимъ образомъ, и этотъ аргументъ отпадаетъ и, какъ противовѣсь нашей аргументаціи, цѣны не можетъ имѣть никакой. Точно также не можетъ имѣть цѣны ссылка на палскія буллы. Вамъ было здѣсь разъяснено отцомъ Пранайтисомъ, что такихъ буллъ, въ которыхъ бы папы запрещали обвинять евреевъ въ дѣяніяхъ такого рода, не существуетъ. Папы были окружены такими умными людьми и, наконецъ, среди папъ были такіе великіе умы, которые не могли не сознавать, что человѣку не дано предвидѣть и что загадывать въ будущее и утверждать, что никогда такое преступленіе совершенно быть не можетъ, конечно, противорѣчитъ здравому чловѣческому разумѣнію. Стало быть, такихъ буллъ не только не бывало, но и не могло быть. И когда о. Пранайтисъ выдвинулъ это положеніе, оно осталось безъ опроверженія. Оспаривать этого нельзя, и я утверждаю, что это неоспоримо, потому что это очень серьезная вещь,—и если бы это можно было поколебать, то защита, такъ блистательно здѣсь представленная, конечно, не пропустила бы этого случая и, разумѣется,

доказала бы передъ вами, что подобная булла хотя бы одна существовала. Также и ссылка на поведение императоровъ русскихъ, остается въ свою очередь недоказательной и къ дѣлу не относящейся. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы такихъ дѣлъ не возбуждать при какихъ бы то ни было условіяхъ, но рѣчь идетъ о томъ, чтобы требовать доказательствъ, чтобы не наказывали безъ суда—вотъ о чемъ говорили буллы, вотъ о чемъ говорили Высочайшіе указы. Вообще, чрезвычайно трудно доказывать явленіе, выходящее за предѣлы обыденной жизни,—и когда передъ вами стоитъ подобнаго рода задача, я понимаю, что всякій человѣкъ теряется, что ему чрезвычайно трудно рѣшиться признать это. Но съ другой стороны, нельзя спорить противъ очевидности и въ частности я еще разъ повторяю то, что было доложено, что Государь Императоръ Александръ II, Царь-Освободитель, тѣмъ не менѣе утвердилъ приговоръ по саратовскому дѣлу, и никогда евреи противъ этого ничего возразить не могутъ, ибо несомнѣнно, что если бы было основаніе для сомнѣній или колебаній, если бы можно было еще задумываться, то Государь никогда не рѣшился бы этого утвердить. Если, стало быть, Высочайшій указъ въ этомъ смыслѣ послѣдовалъ, то онъ былъ обоснованъ такъ, какъ нельзя было обосновать лучше при данныхъ условіяхъ. Вотъ, собственно, тѣ краткія данныя, которыми нужно руководствоваться, на которыхъ нужно основываться, приступая къ разсмотрѣнію подобнаго рода дѣлъ.

Что хасидизмъ является ученіемъ, въ значительной мѣрѣ изувѣрскимъ, это явствуетъ изъ доклада, вамъ прочитаннаго здѣсь о хасидахъ, и изъ того факта, что австрійское правительство запретило ввозъ къ себѣ напечатанныхъ хасидскихъ сочиненій. А вы знаете, что въ Австріи много евреевъ и что они тамъ очень вліятельны. Между тѣмъ такой запретъ и неоднократно повторяемый существовалъ. Напрасно здѣсь педиковъ возводили въ какихъ то старцевъ-наставниковъ. Это вовсе не старцы-наставники, это учителя, но только не простые учителя, а учителя въ извѣстномъ смыслѣ, въ извѣстномъ направленіи,—они учатъ прежде всего карать. И хасидизмъ несомнѣнно есть ученіе мистическое, несомнѣнно въ немъ есть доля пантеизма, но несомнѣнно это есть ученіе, проникающее въ

самыя низины еврейскаго народа и вывести его изъ какого-нибудь неоплатонизма, изъ какой-нибудь александрійской школы они не могутъ. Они толкуютъ свой Талмудъ каждый по своему, теряясь въ этихъ дебряхъ безконечной массы всевозможныхъ толкованій. Слабый необразованный умъ простого еврея можетъ наконецъ помутиться и въ этомъ самомнѣніи, въ этомъ безконечномъ представленіи о величіи іудейскаго народа, онъ можетъ презрѣть жизнь христіанъ и можетъ принести въ жертву одного изъ христіанъ. Это включѣнно естественно, такъ это логично, какъ не можетъ и быть иначе. Конечно чрезвычайно трудно намъ претвориться, чрезвычайно трудно вообразить себя евреями—талмудистами, а въ особенности каббалистами, но если вы постараетесь, заставите себя остановиться надъ этими проблемами, если вы постараетесь проникнуть въ этотъ кругозоръ мировоззрѣнія, совершенно особеннаго, основаннаго на изученіяхъ одного и того же текста, одной и той же буквы, при условіи, что возможны отдѣльныя толкованія, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то согласитесь съ тѣмъ, что это ведетъ къ состоянію нездоровья душевнаго и, стало быть, къ всевозможнымъ крайностямъ.

Этимъ замѣчаніемъ я считаю себя обязаннымъ ограничиться. Я думаю, что въ совѣщательной комнатѣ вы, господа присяжные засѣдатели, разумѣется, поставите передъ собой такой вопросъ: а какъ же объяснить фактъ, чѣмъ можно установить, что для обыкновенныхъ убійцъ могло быть выгоднымъ нанесеніе 47 ранъ, когда они могли этотъ вопросъ рѣшить однимъ ударомъ? Чѣмъ можно объяснить, что ребенка раздѣвали? Чѣмъ можно объяснить, что у него столько крови выточили, по крайней мѣрѣ 5 съ половиной стакановъ? Чѣмъ можно объяснить это внезапное исчезновеніе несчастнаго Андрюши, и наконецъ, какъ все это понять, если допустить, что разбойники, воры шайки Вѣры Чеберяковой, совершили злодѣяніе? Вѣдь Андрюша ходилъ каждый день по глухимъ мѣстамъ, вѣдь для этихъ воровъ, для этой шайки ничего не стоило подстеречь его въ глухомъ мѣстѣ и убить его съ гораздо меньшимъ рискомъ, и безъ боязни той отвѣтственности, которую они на себя брали. Если спросите себя, какъ могло быть совершено такое злодѣяніе при усло-

ви, что внизу находится казенная винная лавка, гдѣ бываетъ масса людей, гдѣ та же самая Малицкая могла надѣлать крикъ и позвать на помощь, если бы она объѣтомъ услышала, если вы себя спросите, то должны будете признать, что нѣтъ, это не похоже на правду, что объясненіе надо искать въ участіи Менделя Бейлиса въ убійствѣ: Но если вамъ скажутъ, почему Мендель Бейлисъ? А можетъ быть другіе евреи? Нѣтъ, это Мендель Бейлисъ! Мы вѣдь не утверждаемъ, что онъ одинъ. Мы говоримъ, что онъ участвовалъ и не можемъ отрѣшиться отъ этой мысли, потому что, какъ намъ показалъ анализъ обстоятельствъ, представленный г. Замысловскимъ, Андрюша пришелъ на мяло и съ этого момента исчезъ. Возлѣ этого мяла видѣли Менделя Бейлиса, его дѣти смѣялись, вы помните, эту картину ужасную, этотъ смѣхъ Пинки и Дувиды Бейлиса и этотъ смѣхъ не былъ ничѣмъ опровергнутъ. Они смѣялись почему? Да потому, что ученіе іудейское по отношенію къ намъ есть прежде всего ученіе презрѣнія, есть прежде всего ученіе о томъ, что мы не люди, а животныя.

Насталъ, наконецъ, часъ, господа присяжные засѣдатели, и для правосудія надъ Менделемъ Бейлисомъ. Александра Приходько,—я не знаю, находится ли она сейчасъ въ этомъ залѣ,—она обыкновенно не бывала все время здѣсь,—она, какъ вы знаете, нищая, изстрадавшаяся мать Андрюши. Одно утѣшеніе для нея еще осталось въ этой исторіи, что вы окажете ей правосудіе, но не только ей, тысячи, сотни тысячъ, милліоны матерей наравнѣ съ нею ждутъ вашего приговора, ибо то, что совершается здѣсь, въ этомъ залѣ, сегодня, это является источникомъ вниманія, къ которому прикованы многіе люди нашей родины. Вы творите здѣсь великое дѣло, можетъ быть величайшее дѣло русскаго правосудія, гг. присяжные засѣдатели, и мы со спокойной совѣстью, съ полной вѣрой въ вашу правду вручаемъ вамъ нашу судьбу. И мы нисколько не сомнѣваемся, мы не желаемъ мести, мы не желаемъ даже строгаго наказанія, мы просимъ только о томъ, чтобы такое дѣяніе не осталось безъ отвѣта. Вамъ будутъ предложены два вопроса по всей вѣроятности. Первый вопросъ о томъ—совершилось ли самое событіе и второй вопросъ—о томъ, виновенъ-ли Бейлисъ. Каждый вопросъ можетъ быть рѣ-

шенъ независимо одинъ отъ другого, но если вы на первый вопросъ дадите отрицательный отвѣтъ, то второй рѣшать, разумѣется, надобности не будетъ. Вотъ я и думаю, что если вы остановитесь на первомъ вопросѣ, то не касаясь сначала вопроса о томъ виновенъ ли Бейлисъ, не останавливаясь на тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя могутъ возникнуть по второму пункту, вы, безъ сомнѣнія, согласитесь съ тѣмъ, что тутъ это дѣяніе совершенно исключительное и не можетъ быть объяснено ничѣмъ другимъ кромѣ религіознаго изуверства. И когда вы скажете „да“ на этотъ первый вопросъ, тогда вы перейдете ко второму и какъ вы рѣшите второй вопросъ, это дѣло вашей совѣсти.

Предс. Дѣлаю перерывъ на полчаса.

Рѣчь В. А. Маклакова.

Маклаковъ. Намъ говорятъ, господа присяжные засѣдатели, что на этотъ процессъ глядятъ весь міръ, а мнѣ хотѣлось бы забыть про это, хотѣлось бы, чтобы никто на это не глядѣлъ и говорить только съ вами, господа присяжные засѣдатели! Вамъ говорилъ прокуроръ,—и это правда,—что въ этотъ процессъ внесли много страстности, но я былъ спокойнымъ и надѣюсь остаться совершенно спокойнымъ. Вѣдь тѣ главные вопросы, которые волнуютъ, вѣдь это не Андрюша Ющинскій и даже не Бейлисъ, а если волнуется міръ, то потому, что, какъ правильно говорилъ обвинитель, рѣшается міровой, вѣковой вопросъ,— правда - ли или нѣтъ, что въ еврейскихъ книгахъ, въ еврейскомъ ученіи, или въ самомъ старомъ или въ болѣе новомъ, подстрекаютъ или поощряютъ къ употребленію человѣческой крови? Что это? Запятая тайна крови, которую еврей какъ бы искусно отъ всѣхъ скрыли, или это сказка? И даже не двѣ ученныя школы, а просто сказка про бѣлаго бычка, которую время отъ времени повторяютъ вновь. Гг. присяжные засѣдатели, я не хочу идти въ эту область, и я оставлю безъ всякаго отвѣта то, на что хотѣлось бы отвѣтить, безъ всякаго отвѣта я оставляю аргументъ гражданскаго истца, потому что я не сомнѣваюсь, что вы сами по совѣсти рѣшить этотъ вопросъ не взяли бы. Вы можете имѣть

свое мнѣніе, какъ каждый имѣеть, но развѣ по экспертизѣ, по книгамъ, которыя вы читаете, по спору, который приходилось прекращать, развѣ вы взялись бы разрѣшить этотъ вопросъ, развѣ вы, какъ судьи, стали бы его рѣшать такъ легко? Вотъ другой вопросъ, не менѣе важный, — пусть книги ничему не учатъ, — но были-ли отдѣльные изуверы и секты, которые теперь и раньше много вѣковъ тому назадъ употребляли христіанскую кровь? Вамъ говорила экспертиза, что такіе процессы бывали, и что они иногда оканчивались осужденіемъ, — правда-ли это? Но вѣдь вы и этого вопроса по-совѣсти рѣшить не возьметесь. Дай Богъ вамъ справедливо разрѣшить одно убійство Ющинскаго, а не рѣшать эти старыя дѣла, о которыхъ вы почти ничего не знали, которыя могли быть ошибкой, какъ признавалъ и гражданскій истецъ. Вѣдь въ старину вѣдьмъ осуждали и сжигали, вѣдь въ средніе вѣка пытали. И если бы въ средніе вѣка судили Бейлиса, то его пытали бы, и осужденнаго повѣсали бы на дыбу, жгли бы ему пятки и дождались бы признанія и тогда бы казнили и были бы судебный приговоръ — осужденіе. Но, можетъ быть, и были изуверы, они могли быть вездѣ, могли быть и у евреевъ, могли быть плохіе люди, могло быть все, я не знаю, но развѣ вы это должны рѣшать? Вѣдь если были тогда невинно осужденные, вы ихъ не воскресите; если были виноватые, которыхъ не нашли, вы ихъ не найдете. Объ этомъ не стоитъ и говорить! Вопросъ, который передъ нами, изъ-за котораго мы сидимъ цѣлый мѣсяцъ, гораздо болѣе простой. Совершилось преступленіе звѣрское, отвратительное, виноватый не найденъ. Виноватаго мы ищемъ. Прокуроръ и гражданскіе истцы думаютъ, что виноватаго нашли. Они говорятъ, что они убѣждены въ виновности Бейлиса. Если они говорятъ, что они убѣждены, я долженъ имъ вѣрить, какъ мнѣ ни кажется удивительнымъ, но вѣдь другіе въ этомъ не убѣждены! (Бейлисъ рыдаетъ. Ему даютъ воду. Онъ успокаивается). Но я говорю, гг. присяжные засѣдатели, одни убѣждены, что Бейлисъ — убійца, другіе убѣждены, что это не Бейлисъ. Вамъ этотъ вопросъ нужно рѣшить, и вотъ мы стороны, мы должны вамъ въ этомъ помочь, не сбивать васъ, не тер-

зять васъ, мы должны помочь вамъ разобраться въ этомъ вопросѣ, а разберется только тотъ, кто будетъ спокойнымъ и внимательнымъ.

Вотъ почему я съ такимъ интересомъ ожидалъ, какой тонъ возьметъ обвинитель, что онъ будетъ говорить, на что онъ будетъ дѣйствовать. Прокуроръ самъ понималъ, что онъ поможетъ вамъ только, если онъ будетъ спокоенъ и онъ обѣщалъ быть спокойнымъ, но не сдержалъ своего обѣщанія. Онъ говорилъ, что для него весь процессъ вызываетъ возмущеніе и негодованіе. И негодованіе было въ его тонѣ, и въ его жестяхъ. Я на это отвѣчу, что негодованіе въ этомъ процессѣ, вещь опасная и не нужная. Вѣдь если бы нашли виноватыхъ, вѣдь если вы знаете кто сдѣлалъ это, то негодованіе бесполезно, вѣдь для убійцы Андрея Ющинскаго пощады не будетъ, и дѣло прокурора будетъ очень легко. Я не знаю защитниковъ, я не знаю доводовъ, которые могли бы защитить этого убійцу. Ему пощады не будетъ. Не надо нашего негодованія, нечего просить строгой кары, самъ судъ присяжныхъ вынесетъ убійцѣ Ющинскаго строгій приговоръ, онъ не проститъ его! Но если убійца не найденъ, то нужно его искать. Васъ тянутъ въ разныя стороны, васъ сбиваютъ. Поэтому отъ васъ требуется великій подвигъ не поддаться убѣжденію. Г.г. присяжные засѣдатели, плохо въ этомъ дѣлѣ то, что негодованіе не только разубѣждаетъ, но (да проститъ меня послѣдній гражданскій истецъ), негодованіе направлялось на цѣлую обширную область, на цѣлый народъ. Всѣ они говорили, — мы евреевъ не обвиняемъ, но что же говорилъ прокуроръ про еврейскихъ заправилъ, про власть еврейскихъ денегъ, про еврейскія общества, которыя инспирировали этотъ процессъ, про еврейскую прессу и т. д.? А гражданскій истецъ, онъ кончилъ тѣмъ, что онъ сваливаетъ въ одну кучу и историческія предписанія Талмуда, отъ которыхъ отрицаются сами евреи, и сваливаетъ въ одну кучу все, что было до Рождества Христова и послѣ и доходитъ до того, увѣряя, что всѣ евреи ненавидятъ христіанскій народъ, что онъ не пощадилъ здѣсь даже дѣтей Бейлиса. Онъ говорилъ вамъ сейчасъ — вы помните ту сцену, которую приводила свідѣтельница, что дѣти Бейлиса смѣялись, когда Андрюшу тащили въ печь. Я на-

помню г. истцу, что память ему измѣнила. Тотъ, который показалъ,—Василій Чебелякъ,—говорилъ не о томъ, онъ говорилъ со словъ покойнаго Жени, якобы Бейлисъ погнался за ребенкомъ, но Юшинскій вырвался и побѣжалъ. Ни единого слова не было о томъ, что онъ тащилъ. Дѣти Бейлисы въ это время стояли и улыбались. Знакомая обычная картина нашей дѣтвора, имъ, конечно, смѣхъ! Ребенокъ бѣжитъ съ мяла, взрослый за нимъ гонится, смѣшно и весело бѣжать. Вѣдь ребенку и въ голову не придетъ, что изъ этого выйдетъ что-то. Ребенокъ въ это время не считается съ тѣмъ, кто еврей и кто христіанинъ, но гражданскій истецъ, тѣмъ не менѣе, рисуетъ сцену, какъ дѣти смѣялись. Вѣдь гражданскій истецъ сказалъ это почему? Потому что еврейскія дѣти, якобы, съ ранняго возраста полны гордыни и знаютъ, что христіане—это не люди. Но г., тотъ, кто доходитъ до такого ослѣпленія, тотъ, кто такую простую вещь такъ толкуетъ (да простить онъ мнѣ),—его сужденіямъ я уже не вѣрю! Есть люди, которые ненавидятъ евреевъ по многимъ причинамъ, ненавидятъ всей душой и всѣхъ безъ различія, ненавидятъ богатыхъ и бѣдняковъ, счастливыхъ и жалкихъ. Такіе люди не могутъ быть судьями надъ евреями! Такіе люди справедливы быть не могутъ и отъ суда надъ евреями они должны уклониться. Бываютъ моменты, когда злоба темнитъ сознание, когда мутятся и слабѣютъ разумъ и совѣсть людей.

О еврейскихъ погромахъ нѣсколько разъ говорили: развѣ тогдаправыхъ виноватыхъ разбираютъ? Если бы былъ погромъ, то и семья Бейлиса была бы разгромлена и дѣтей его уничтожили бы. Но, г., вѣдь погромъ,—это моменты, о которыхъ потомъ жалбеть русскій народъ. Но тамъ—это погромъ, а здѣсь, вѣдь, судъ. Здѣсь присяга—не осудить виновнаго, здѣсь крестъ Спасителя, здѣсь портретъ Государя Императора. Въ этомъ дѣлѣ все сводится къ одному: сумѣйте быть справедливыми, забудьте все остальное. Вѣдь одно изъ двухъ—либо здѣсь правды не ищутъ, либо она здѣсь не нужна, либо здѣсь все заранѣе извѣстно и остается все сразу прикончить,—либо здѣсь хотятъ отыскать виноватаго, а не стремятся къ тому чтобы принести жертву на могилѣ Андрея Юшинскаго. Если мы хотимъ, что-

бы виновные не ушли отъ кары, тогда гг. засѣдатели, нужно быть спокойными и разсудительными. Мой долгъ быть спокойнымъ и скажу болѣе,—это мое право быть въ этомъ процессѣ спокойнымъ. Гг. присяжные засѣдатели, не забудьте одного: ваше положеніе несравненно легче, чѣмъ положеніе обвинителя. Вамъ виноватыхъ искать не нужно, это не въ вашей власти и это не ваша забота. Виноватаго ищетъ вся власть, всѣми мѣрами. Она все ищетъ, все собираетъ и приходитъ къ вамъ съ готовымъ матеріаломъ. Вѣдь вы, которые заперты отъ всего міра въ теченіе цѣлаго мѣсяца, которые читаютъ только то, что вамъ покажутъ, которые должны забыть все то, что вы слышали раньше, которые должны судить только по тому, что здѣсь прошло передъ вами—вы, господа, виноватаго искать не можете. Это дѣло прокуратуры. Законъ ставитъ вамъ другую задачу. Они, обвинители, вооружась всею мощью государства, ищутъ виновнаго. Когда имъ показалось, что они его нашли, когда они собрали противъ него все то, что найти можно, — тогда они приходятъ къ вамъ и говорятъ вамъ: „Мы не судьи, мы можемъ ошибаться. Намъ кажется, что онъ виноватъ, а можетъ быть, мы увлекаемся. Мы нашли виноватаго—вотъ все, что есть противъ него. Если этого достаточно, если это васъ убѣждаетъ—скажите это. Если же нѣтъ, то скажите такъ: „Пусть власть ищетъ другихъ уликъ другихъ виноватыхъ“, и не ваша будетъ грѣхъ, если преступленіе не раскроютъ, не на васъ ляжетъ грѣхъ, если злодѣйство окажется не отмщеннымъ.

Если бы здѣсь поступали такъ, какъ всегда, если бы шли нормальнымъ путемъ, то что было бы тогда? Собрали бы улики противъ Бейлиса, пришли бы къ вамъ и сказали: „Вотъ почему мы думаемъ, что Бейлисъ виновенъ: скажите, ошиблись мы или нѣтъ“. Тогда процессъ былъ бы давно оконченъ и мы бы не сидѣли здѣсь цѣлый мѣсяць. Но во время этого процесса, потому-ли, что онъ всѣхъ насъ такъ взволновалъ, по другимъ-ли причинамъ,—но обвинительная власть пошла по другому пути. Она вамъ рассказала всю исторію этого дѣла, кого заподозривали прежде, какъ разыскивали, какъ ошибались; рассказала вамъ исторію длинную и въ числѣ прочаго, указала вамъ улики противъ Бейлиса. Я

боюсь, чтобы этимъ приемомъ не ввели васъ въ то, что называется оптическимъ обманомъ, чтобы вамъ не стало казаться правдой то, что здѣсь говорятъ. Не виноватъ Лука Приходько, не виноватъ Федоръ Нѣжинскій, не виновата Чеберякова и другіе — значитъ, виноватъ Бейлисъ и уликъ противъ него даже не нужно. Разъ, всѣ предположенія другія отвергнуты, значитъ, виноватъ Бейлисъ. Вѣдь всѣ обвинители начинали свою рѣчь съ разбора уликъ противъ другихъ и когда они все это опровергли, когда было доказано, что Лука Приходько не при чемъ, когда были опровергнуты и другія предположенія, тогда говорили: „Значитъ выбора нѣтъ, значитъ — Бейлисъ, и говорить больше нечего“. Только вчера, къ вечеру, послѣдній гражданскій истецъ поставилъ вопросъ иначе. Онъ говорилъ: „Не думайте, что либо Бейлисъ, либо Чеберякова. Можетъ быть оба — и Бейлисъ и Чеберякова“. Онъ сказалъ дальше: „Вотъ осудите Бейлиса и тогда обвинительная власть привлечетъ и другихъ необнаруженныхъ, тогда дойдетъ очередь и до Чеберяковой“. И далѣе онъ сказалъ: „Если вы Бейлиса оправдаете, тогда, конечно, никто искать не будетъ“. Много приходилось мнѣ во время этого процесса слышать курьезовъ и новостей, но эта новость — это приемъ, котораго ни одинъ судья не зналъ. Я думаю, что никто не слыхалъ просьбы обвинить этого, чтобы черезъ него открыть другого виновнаго. Вѣдь все обвиненіе противъ Бейлиса основано на показаніяхъ Чеберякъ. Перестаньте вѣрить Чеберякъ и отъ обвиненія противъ Бейлиса ничего не останется. Намъ говорятъ: сначала, довѣряя Чеберякъ, осудимъ Бейлиса и тогда возьмемся за Чеберякъ и тогда ея теперешнія показанія ее не спасутъ. Вѣдь только ослѣпленіе могло внушить такую мысль. Я думаю, что если гражданскій истецъ вдумается въ нее, онъ самъ это пойметъ. Намъ не нужно было разслѣдованіе о Лукѣ Приходько и другихъ, но разъ все это обнаружено, то пусть это не пропадетъ, пусть мы тутъ чему-нибудь научимся. Гг. присяжные засѣдатели, если вы внимательно всмотритесь, если вы эту работу продѣлаете, то вы поймете тогда, почему въ этомъ дѣлѣ не нашли виноватаго, вы поймете не только то, что Бейлисъ не виноватъ. У меня есть къ вамъ одна просьба, съ которой, я думаю, всякій къ вамъ обра-

тится: постарайтесь отдѣлаться отъ кошмаровъ, фантазій и паническаго ужаса, постарайтесь быть проще, смотрѣть на вещи прямѣе.

Здѣсь, въ этомъ процессѣ обнаружилось много поучительнаго. Тутъ обнаружилось, какъ беспомощна наша власть, наша полиція, когда она начинаетъ раскрывать такое сложное преступленіе. Вещь дѣйствительно странная: приходять къ пещерѣ. Каждый слѣдъ намъ дорогъ и, что же — городовые расчищаютъ входъ къ пещерѣ, чтобы туда было удобнѣе войти тучному пристава. Въ этомъ усмотрѣнъ планъ. Говорятъ, что это не спроста, что чуть ли не эти городовые дѣйствовали по какому-то обдуманному плану. Но, господа, вѣдь ши городовые взяты отъ сохи, наши городовые, которые занимаются сыскомъ только между прочимъ, у которыхъ есть другія обязанности, для нихъ, конечно, удобство этого толстаго пристава стояло на первомъ планѣ. Думать, что это было сдѣлано умышленно, что ихъ научили затереть слѣды, это, господа присяжные засѣдатели, фантазія. Но было нѣчто другое, болѣе возмутительное, чѣмъ беспомощность нашей полиціи. Здѣсь вамъ рассказывали о первыхъ приемахъ сыска въ этомъ дѣлѣ. Подозрѣніе пало на Луку Приходько. Сыскная полиція вызываетъ Приходьку и всѣхъ его родныхъ и держать его съ утра до вечера. Когда онъ защищается — грозятъ и требуютъ, чтобы онъ сознался. Когда другіе его оправдываютъ, имъ говорятъ: вы подкуплены, вы за это отвѣтите. Вотъ, отвратительная ужасная картина приемовъ нашего сыска. Когда я слушалъ этихъ свидѣтелей, я думалъ: да, это правда, это наша дѣйствительность, наша малушка Русь. И такъ всегда поступаютъ въ сыскныхъ отдѣленіяхъ. Я очень радъ, что прокуроръ вознегодовалъ, что онъ запротоколилъ это мѣсто, что онъ возмущался насиліемъ надъ личностью, надъ человѣческимъ достоинствомъ, надъ свободою. Я хотѣлъ бы только, чтобы это такъ не окончилось, чтобы онъ не забылъ этого послѣ процесса. Потому что вѣдь вы знаете, что въ этомъ дѣлѣ не впервые примѣняются такіе приемы. Развѣ не всегда такъ поступаютъ? Вѣдь, когда спрашивали одного изъ свидѣтелей: если вамъ грозили, если васъ запугивали, почему вы не жаловались? онъ отвѣчалъ — кому жаловаться? пожалуешься околоточ-

ному, дать въ ухо и только. Вотъ что называется на обывательскомъ языкѣ: „ответственность должностныхъ лицъ по началству“. Эти приемы нашего сыска обясняются неуваженіемъ къ человѣку, а еще болѣе—высокомѣрностью. Вотъ когда на Луку Приходько уликъ не было, а было только подозрѣніе, то сыскную полицію всякое малѣйшее данное противъ этого предположенія приводить въ негодованіе. Когда имъ говорятъ, что это не такъ, они говорятъ, что это ложь. Это простѣйшіе приемы нашего сыска. Горе намъ, что они существуютъ и слава Богу, если этотъ процессъ послужитъ намъ на пользу, если онъ вызоветъ не только минутное негодованіе прокурора, но навсегда будутъ осуждены такіе приемы. Но въ этомъ дѣлѣ была не только одна безпомощность и неумѣлость нашихъ официальныхъ разслѣдователей.

Въ этомъ дѣлѣ появилось то, о чемъ говорилъ прокуроръ: появились эти добровольцы, эти частные сыщики, эти разслѣдователи по собственному почину. Конечно, объ этомъ стоитъ говорить, потому что они сыграли свою роль, злополучную роль. Мы тутъ съ прокуроромъ во многомъ согласились. Да, они появились съ разныхъ сторонъ и когда я видѣлъ ихъ, то мнѣ было и больно, и обидно. Вотъ, одинъ изъ такихъ добровольныхъ разслѣдователей—репортеръ Барщевскій, тотъ самый Барщевскій, который 22 марта явился къ слѣдователю и далъ ему показаніе, что мать Андриуши Юпинскаго въ чемъ-то виновата, потому что она не плакала, когда явилась къ нимъ въ редакцію. Когда я смотрѣлъ на Барщевского, мнѣ было такъ же непріятно смотрѣть на него, какъ и прокурору. Я тоже думалъ: „Вотъ люди, которые думаютъ, что мать должна плакать“.

Это люди, которые думаютъ, что если мать пришла и не плачетъ, которые не умѣютъ молчаливаго горя отличить отъ слезливаго, отъ показнаго, для нихъ этого было достаточно, чтобы пойти сейчасъ-же и бросить подозрѣніе. Прокуроръ, когда онъ говорилъ, что это подозрѣніе дорого стоило Приходько, потому что изъ-за этого подозрѣнія ихъ держали подъ арестомъ, изъ-за него имъ грозили, былъ правъ, но, гг. судьи, тутъ, какъ и вездѣ, нужно быть справедливымъ. Это жалко, что было такъ сдѣлано,

но когда въ этомъ видятъ какую-то планомерность, когда вамъ начинаютъ говорить, смотрите, еврей Барщевскій дѣйствовалъ для евреевъ, ~~потъ~~ еще тогда онъ началъ отводить слѣды, тогда приходится сказать, —да это ночной страхъ! Это кошмаръ, который пропадетъ, какъ только вы на него посмотрите! Въ этотъ моментъ, двадцать второго марта, никакого подозрѣнія ни на Бейлиса, ни на евреевъ не было. Было загадочное убійство и только. Отводить кому-нибудь глаза и замечать слѣды было бы бесполезно, было бы не только бесполезно, но и очень глупо, потому что показанія Барщевского будутъ провѣряться и будутъ уничтожены. Онъ вѣдь бросилъ эту мысль. Сыскная полиція пошла дальше и арестовала Приходько. Правда, она поступала въ этомъ случаѣ какъ всегда поступаетъ,—она не вѣрила и пугала. Она была вѣрна себѣ. Это большая непріятность, но ею и все кончилось. Вѣдь Луку Приходько и его родныхъ на судъ не поставили, и если бы ихъ поставили, то это былъ бы скандалъ. Отводить глаза такимъ способомъ, когда еще никакого подозрѣнія на евреевъ не было, отводить глаза на завѣдомо невиновныхъ,—вѣдь это было бы простой и глупый приемъ! А здѣсь говорятъ все время, что это еврейство организовано и планомерно дѣйствуетъ. И вдругъ съ перваго шага такая нелѣпость! Почему г. прокуроръ этому вѣрить, и почему онъ не хочетъ вѣрить въ то, что было на самомъ дѣлѣ? Здѣсь вовсе не тонкій шагъ со стороны еврейства, а очень глупый и безтактный шагъ со стороны газетнаго репортера. Вѣдь газетный репортажъ имѣетъ свои дурныя стороны: погоня за сенсацией, тамъ—тотъ, кто раньше раскроетъ преступленіе — зарабатываетъ большія деньги, и что важнѣе денегъ—создаетъ себѣ славу. Тамъ это бываетъ всегда, эти люди кидаются на то, что ново. И имъ пріятно, что они первые объ этомъ сказали, что они именно заявили. Они объ этомъ будутъ писать и о нихъ будутъ говорить, и они могутъ стать персоной. Эту суетливость мелкаго газетнаго репортера, человѣка, который хотѣлъ съ такимъ пустякомъ, побѣждать къ судебному слѣдователю, нужно строго осудить, разбранить. Но это уже ставится, какъ дѣйствіе обдуманнаго плана цѣлой машины — цѣлаго еврейства. Гг. судьи, если мы такъ будемъ смотрѣть на

простыя вещи, тогда до правды мы не доберемся! Но Барщевскій только начал, послѣ Барщевского пошло нѣчто несравненно болѣе важное и убѣдительное — это пошла миссія разслѣдованія Бразуль - Брушковскаго. И тутъ я соглашусь съ тѣмъ, что вчера здѣсь сказалъ гражданскій истецъ, что Бразуль-Брушковскій заслужилъ благодарность отъ обвинителя. Ему Бейлисъ можетъ поклониться въ помяу. Если этотъ процессъ идетъ такъ не ровно, такъ странно, то конечно, въ значительной степени онъ обязанъ Бразуль-Брушковскому. Вѣдь подумайте сами, что бы стали дѣлать обвинители если-бы у нихъ не было Бразуль-Брушковскаго? О чемъ бы они стали говорить два съ лишкомъ дня, если-бы не было этой версии, если-бы пришлось ограничиться тѣмъ, что собрано противъ Бейлиса, — какими-то сплетнями о мялѣ? Вѣдь нечего было бы дѣлать! Всѣ главныя лучшія мѣста краснорѣчія нашихъ обвинителей, самыя интересныя мѣста изъ обвинительнаго акта всѣ посвящены разбору дѣйствій Бразуль-Брушковскаго, а не Бейлиса, и если мы сидимъ здѣсь больше мѣсяца, то вовсе не изъ-за Бейлиса, а изъ-за Бразуль-Брушковскаго. За это ему можно сказать „спасибо“. Но г.г., присяжные засѣдатели, и здѣсь нужно быть справедливыми. И здѣсь думать, что тутъ началось планомѣрное дѣйствіе еврейства, что здѣсь отводили свѣтъ и заматали слѣды противъ Бейлиса — вѣдь это такіе же ночные страхи. Во-первыхъ, когда дѣйствовалъ Бразуль-Брушковскій, — какія въ это время были дѣйствительно улики противъ Бейлиса? Даже теперь, если вы выдѣлите все остальное, если вы посмотрите только то, что дѣйствительно есть противъ Бейлиса, вы поразитесь бѣдностью этого багажа, а тогда было гораздо меньше! Вы знаете, что показаніе Чеберяковой о томъ, что ей говорилъ Женья о томъ, какъ будто на мялѣ схватили Андриюшу, — появилось гораздо позже, уже послѣ разоблаченія Бразуль-Брушковскаго, тогда не было Люды и тогда метался, безпокоился и заматали слѣды было преждевременно. Не изъ-за этого дѣйствовали люди, а дѣйствовали изъ-за разныхъ причинъ. Барщевскій побѣждалъ только къ слѣдователю, но Бразуль-Брушковскій — это тоже газетный сотрудникъ болѣе высокаго полета — этотъ

сталъ во главѣ разслѣдованія. Онъ здѣсь говорилъ, что онъ себѣ поднялъ-бы цѣну на газетномъ рынкѣ, если-бы раскрылъ это дѣло. Это была тоже газетная суета! Но на ряду съ этимъ, этого не будемъ отрицать, заинтересовались дѣломъ еврей. Да какъ не интересоваться, г.г. судьи, когда обвиненіе ставится такъ! Пусть изувѣры, но на основаніи еврейскихъ книгъ, на основаніи ихъ обыкновенія — они убиваютъ дѣтей. Намъ здѣсь не разъ говорили: посмотрите, когда еврея обвиняютъ, все еврейство какъ одинъ человѣкъ подымается, а мы русскіе, православные, если у насъ есть изувѣры, за нихъ не вступаемся! Да г.г., когда мы сами русскіе, православные, когда мы сами, не обвиняя нашу вѣру, обвиняемъ того, кто ее изувѣрно толкуетъ, чего же намъ волноваться? Мы себя очиняемъ. А здѣсь они поднимаютъ обвиненіе, противъ нихъ читаютъ Талмудъ, противъ нихъ говорятъ, что они христіанъ за людей не считаютъ, что ихъ дѣти горделиво смѣются надъ христіанскими дѣтьми. Да вѣдь подумайте на минутку, что если-бы мы, православные, въ чужой странѣ, въ какомъ-нибудь Китаѣ, если-бы мы тамъ вдругъ со стороны китайцевъ подверглись обвиненію въ томъ, что наша вѣра, наше Евангеліе учить употреблять китайскую кровь, если бы тамъ начались такіе процессы, развѣ мы православные не почувствовали себя задѣтыми, развѣ мы бы не сказали, что это навѣтъ противъ насъ и какъ бы намъ ни говорили, что это только изувѣры — всѣ бы мы были задѣты. Въ этомъ дѣлѣ все перемѣшалось: газетная суета, Бразуль-Брушковскій, который увлеченный идеей, — шелъ раскрыть преступленіе изъ самолюбія. Я готовъ ему приписать такой мотивъ, но за нимъ пошелъ и Марголинъ, который говорилъ, что если бы у него попросили денегъ, чтобы раскрыть преступленіе, онъ бы эти деньги далъ, потому что его, какъ еврея, это интересовало. Такимъ образомъ, я говорю — думать, что это было отводомъ глазъ, было по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ.

Но когда я думаю о дѣятельности Бразуль-Брушковскаго, и о тѣхъ, кто съ нимъ вмѣстѣ шелъ, то г.г. присяжные засѣдатели, мнѣ просто обидно и больно за нихъ. Мнѣ больно думать, что они были такъ наивны и легкомысленны. Вотъ они, эти

Бразуль - Брушковскіе, которые умѣютъ только писать въ газетахъ, они думали, что они перехитрятъ Вѣру Чеберякъ, они думали, что они доберутся до правды, но не замѣчали, какъ она водить ихъ за носъ. Да вѣдь Вѣра Чеберякъ во много десятковъ разъ умнѣе ихъ всѣхъ въ этомъ дѣлѣ, дѣлѣ сокрытія преступленія. Посмотрите, какъ все это разыгрывалось. Вотъ вамъ поѣздка въ Харьковъ (я отвлекаюсь немножко). Здѣсь все типично. Обвинители хотѣтъ насъ увѣрить, что поѣздку въ Харьковъ сочинилъ Марголинъ, чтобы тамъ, въ Харьковѣ подговорить Вѣру Чеберякъ взять вину на себя. Но, господа присяжные засѣдатели, будьте хоть немножко справедливы. Намъ говорить здѣсь—Марголинъ поѣхалъ въ Харьковъ и скрывался. Но вы знаете, вы слышали, что Марголинъ говорилъ, что онъ поѣхалъ по своему дѣлу и подогналъ это свиданіе съ Чеберяковой, потому что здѣсь въ Кіевѣ видѣться не хотѣлъ. Но оставимъ на минуту это. Обвинители думаютъ, что онъ тамъ скрывался. Кажется, не трудно скрываться въ Харьковѣ, городъ чужой, можно не прописываться, имени не называть, остановиться въ мало-извѣстной гостиницѣ, свидѣться въ кабинетѣ ресторана и все будетъ шито-крыто. Ну а тутъ такъ только начали находить слѣды его въ харьковской гостиницѣ, тотчасъ нашли ихъ тамъ, гдѣ быть не должно—и гдѣ же? въ буфетномъ счетѣ, гдѣ ему такъ легко было сказать чужую фамилію, гдѣ не спрашивали фамиліи. Тамъ полковникъ Ивановъ нашелъ фамилію. Этого онъ не скрывалъ. Обвинители думаютъ: но зато онъ тамъ не прописался. Но гг. присяжные засѣдатели вы тоже жизнь хорошо знаете, что сплошь и рядомъ въ гостиницахъ не прописываютъ, напримѣръ, когда хотѣтъ уѣхать вечеромъ его не прописываютъ. Но когда изъ-за этого началась исторія, тогда гостиница должна была какъ нибудь слѣдять и записала его заднимъ числомъ. Это часто бываетъ—не только съ ними. Подумайте какой бы это былъ наивный, дѣтскій способъ такъ скрываться, поѣхать въ Харьковъ и въ той самой гостиницѣ, гдѣ онъ жилъ, въ буфетѣ сообщить свою фамилію. Дѣйствительно было бы странно. Посмотрите, какъ поступила Чеберякова? Чеберякова, оказывается, хотѣла оставить слѣды, которыми она можетъ

ихъ уличить. Она на стѣнѣ написала свою фамилію и изъ календаря содрала листокъ. Была ли я тамъ—неизвѣстно, но если мнѣ будетъ нужно доказать—пожалуйста, всѣ доказательства на лицо, на стѣнѣ записано и листочекъ въ карманѣ. Думаютъ, что такую женщину хитрую, ловкую можно поймать тѣмъ, что останавливаться въ Харьковѣ непрописаннымъ въ гостиницѣ. Гг. присяжные засѣдатели, это положительно странно. И когда я вижу такое отношеніе къ нимъ я скажу: гг. обвинители въ своемъ увлеченіи начинаютъ терять справедливость. Но благодаря этому Чеберякова держала всю компанію въ рукахъ. Они ее уличить не могутъ, она говоритъ то что ей захочется, она единственная свидѣтельница противъ нихъ и у нея есть доказательство. Чеберякова васъ увѣряетъ, что она потому взяла листокъ изъ календаря, что ей понадобилось написать, словомъ дала такое объясненіе, которое я думаю, вы мало схватили, я и самъ мало понялъ, почему ей нужно было записываться въ гостиницѣ, что она тамъ была. Здѣсь начинается самая интересная часть: о чемъ эти господа между собой бесѣдовали въ Харьковѣ. И вотъ Чеберякова намъ говоритъ,—„очень просто—они мнѣ предлагали принять убійство Ющинскаго на себя и давали 40 тысячъ, но я не согласилась“. Гг. присяжные засѣдатели, когда я это слышала и когда я вижу, какъ къ этому относятся, я бы хотѣлъ чтобы Марголинъ и Бразуль-Брушковскій поняли въ какую опасную игру они играли съ Чеберяковой, поняли, что они были въ ея рукахъ, и что ихъ честь отъ нея могла зависѣть. Вѣдь, слава Богу, что Чеберякова, я скажу провралась. Да простится мнѣ это грубое слово. Если бы Чеберякова сказала здѣсь на судѣ „они меня позвали въ Харьковъ и давали мнѣ 40 тысячъ за то, чтобы я молчала то, что я знаю о Бейлисъ“.— что же? Тогда, можетъ быть, и можно было повѣрить, что даютъ 40 тысячъ за молчаніе. Если человекъ много знаетъ, ему и больше платятъ. Если бы Чеберякова сказала „мнѣ давали 40 тысячъ, чтобы я показывала на Мифле“ — опять это меня менѣе удивило бы. Это было бы съ чѣмъ-то сообразно, въ мою голову это вошло бы, но когда Чеберякова говоритъ, что ей давали за то, чтобы она

здѣсь призналась въ убійствѣ Ющинскаго, —я говорю: Чеберякова хватила такъ далеко, что сама себя высѣкла въ этомъ дѣлѣ. Гражданскій истецъ сказалъ „Неправда сама себя обнаружитъ“. Г.г., кто можетъ повѣрить, что бы Чеберяковой могли предложить 40 тысячъ за то, чтобы она передъ судомъ говорила, что она убила Ющинскаго. Что ее обнадежили только тѣмъ, что ее будутъ защищать лучшіе адвокаты! Да какіе адвокаты могли бы защитить убійцу Ющинскаго. Кто бы изъ нихъ могъ сказать: „да, она убила, ну что же пожалѣйте ее“. Какими деньгами, какими благами земными можно было бы купить ее, чтобы она это на себя приняла, и на какихъ присяжныхъ застѣдателей она могла бы рассчитывать. Да неужели вы думаете (я вамъ напомнимъ слова Марголина), что Марголинъ сумасшедшій человѣкъ? Какъ можно Чеберяковой заплатить сорокъ тысячъ за то, чтобы она такъ показывала! Что же было бы дальше? Было бы показаніе, ея бумага пришла бы къ слѣдователю; она увѣряетъ, что ее заставили подписать бумагу за 40 тысячъ, что же дальше? Она является къ слѣдователю и рветъ бумажку—говоритъ что все это неправда, а сорокъ тысячъ въ карманѣ. И вы думаете, что Чеберякова сидѣла бы здѣсь, не завопила бы, не закричала бы; вы думаете, что кто-нибудь повѣрилъ бы этому, когда она пишетъ и ставитъ подпись подъ чужой бумагой?—это безуміе, этого не могло быть! И вотъ второй гражданскій истецъ, въ его филигранной работѣ въ сопоставленіи отдѣльныхъ уликъ, говоритъ: „посмотрите, какъ все совпадаетъ, человѣкъ не просто лжетъ, человѣкъ кое-что подрѣжетъ, кое-что приставитъ“. Красовскій признавалъ, что Бразуль-Брушковскій общалъ ей деньги, если она найдетъ виноватаго. Если Красовскій это говорилъ, я готовъ ему вѣрить. Но кто же тутъ приставилъ, кто обрѣзалъ? Почему же гражданскій истецъ не представилъ другого. Быть можетъ, рѣчь пла безъ Марголина. Вѣдь они ѣхали изъ Кіева въ Харьковъ и изъ Харьковъ въ Кіевъ, разговоръ могъ быть и ей могли обѣщать деньги, а Чеберякова кое-что подрѣзала, прибавила и приобщила. Если бы она не прибавила, они были бы беззащитны. Но слава Богу, что эта хитрая женщина, особа недостаточно тонкая, нѣтъ-нѣтъ

да и хватить черезъ край и сама себя обнаружитъ. И во всей этой исторіи вообще съ этой поѣздкой въ Харьковъ не интересно не Марголинъ, и не Чеберякова,—и да простятъ мнѣ обвинители—мнѣ только они интересны. Когда обвинители этому вѣрятъ, когда я вижу, что они при ихъ опытѣ и талантѣ думаютъ, что все-таки Чеберякову за сорокъ тысячъ подкушали, что былъ этотъ лаконическій разговоръ, когда одинъ, разсѣвшись въ креслѣ говорить: „не хотите ли принять на себя за сорокъ тысячъ убійство Ющинскаго“, когда я вижу, что они этому вѣрятъ, я скажу—чувство справедливости и правды ихъ покинуло. Вы посмотрите, что Чеберякова дѣлаетъ со всѣми тѣми, кто ей вѣрилъ! Къ ней съ вѣрой шелъ Бразуль-Брушковскій, хотя всѣ говорили, что она лжетъ, онъ вѣрилъ—и попалъ въ смѣшное и глупое положеніе, налицавъ никому ненужный этотъ доносъ на Мифле. Когда онъ припелъ къ Фененко и сталъ говорить, то Фененко сразу понялъ, что это ложь. Вотъ что значитъ имѣть правильное понятіе, и довѣрчиво послѣдовать за этими руководителями.

Я вижу вдругъ, къ своему огорченію, въ этомъ дѣлѣ, что наши обвинители не понимаютъ, что ихъ обманываютъ и попли за Чеберяковой, что они не боятся того, куда она ихъ заведетъ и вы сейчасъ увидите куда она ихъ завела, что пришлось имъ утверждать только потому, что они ей вѣрили. Я хотѣлъ на этомъ примѣрѣ показать вамъ только то дурное послѣдствіе этого частнаго розыска, все то зло, которое злополучному Бейлису можетъ быть изъ самыхъ лучшихъ намѣреній надѣлалъ Бразуль-Брушковскій! Все это очень жалко. Если бы отъ меня зависѣло, я бы вырвалъ эту страницу изъ этого процесса. Но пусть будетъ прокуроръ справедливымъ.

Если тутъ былъ Бразуль-Брушковскій,—газетный работникъ, который убѣжденъ въ томъ, что это кровавый навѣтъ, что Бейлисъ не виноватъ, что виноватъ Мифле, если онъ старался и суетился, то съ другой стороны тоже были люди, которые были тоже частные разслѣдователи и занимались этимъ добровольнымъ сыскомъ, но только вели другую сторону. Будемте здѣсь равноправны и справедливы. Я призналъ все зло, которое сдѣлали наши, почему

прокуроръ не хочетъ признать того зла, которое сдѣлали тѣ, на кого онъ сейчасъ опирается. Здѣсь намъ нѣсколько разъ бросали, что защита считаетъ, что кто принадлежитъ къ „Двуглавому Орлу“, тотъ не заслуживаетъ довѣрія. Вънѣ политику изъ этого дѣла, я жалѣю, что это было сказано, и было бы преступнымъ съ моей стороны завести предъ вами съ прокуроромъ какіе-нибудь личные споры. Когда сюда приходили члены „Двуглаваго Орла“, я съ самаго начала чувствовалъ, что эти люди къ правдѣ привести не могутъ, потому что имъ кажется, что они правду знаютъ. Въдѣ „Двуглавый Орелъ“ все таки организація, у нихъ есть свои взгляды по отношенію къ еврейству и къ ритуалу. Голубевъ прочелъ Лютостанскаго и говорить, что онъ повѣрилъ въ ритуальныя убійства. Они — „Двуглавый Орелъ“ — пригласили для участія въ этомъ дѣлѣ видныхъ дѣятелей, какъ мой почтенный противникъ Шмаковъ. У нихъ свои взгляды, они приходили въ это дѣло съ готовыми взглядами, они не могли сдѣлать того, что вы будете дѣлать — внимательно и осторожно смотрѣть на все дѣло. Они не могли этого дѣлать! Имъ было заранѣе извѣстно, что виноватъ Бейлисъ, виноватъ Бейлисъ просто потому, что ритуальныя убійства, какъ они полагаютъ, существуютъ. И когда въ такомъ настроеніи люди идутъ на помощь, они ничего другого не принимаютъ во вниманіе. У этихъ людей, какъ сказалъ самъ прокуроръ, у нихъ въ этомъ дѣлѣ была роль несравненно болѣе крупная, чѣмъ у Бразуля - Брушковскаго. Бразуля - Брушковскаго слѣдователь пустилъ лишь къ себѣ на квартиру, а разслѣдователи съ той стороны, какъ сказалъ прокуроръ, въ камеру слѣдователя ходили, какъ къ себѣ на квартиру. Посмотрите, что они тамъ дѣлаютъ? Сначала слѣдствіе ведетъ Мишукъ. Хорошо онъ или нѣтъ—я не знаю, убѣжденъ, что плохо, потому что у насъ хорошая сыскная полиція еще не образовалась и не воспиталась. Убѣжденъ, что онъ поступалъ тѣми же отвратительными способами, которые существуютъ. Но Мишукъ что то искалъ! Говорятъ, что дѣятели этихъ организацій, вольные разслѣдователи, видѣли, что онъ разслѣдуетъ не въ томъ направленіи, въ какомъ имъ желательно было. Онъ провинился только потому, что въ этомъ дѣлѣ риту-

альнаго убійства не видѣлъ. И вотъ подъ влияніемъ не власти, не слѣдователи, не прокурора, а подъ влияніемъ ихъ становится во главѣ розысковъ Красовскій. Мы спрашиваемъ кто это сдѣлалъ? Оказывается Розмитальскій, я его не знаю. Онъ чехли, бывшій содержатель ссудной кассы, кто бы онъ тамъ ни былъ, но какое у нихъ умѣніе въ области сыска и безпристрастность—это мнѣ неизвѣстно. Онъ, по его собственнымъ словамъ, пустилъ и назначилъ на это мѣсто Красовскаго. Когда я его спросилъ, какъ же вы могли это сдѣлать, развѣ у васъ есть на это официальное положеніе? Онъ отвѣтилъ: я говорилъ съ Пихно, я говорилъ съ членами государственной думы; значить есть какое-то вліяніе неофициальное. Странно, назначили Красовскаго, злополучнаго Красовскаго, которому приходится слышать столько несправедливаго, его приставили къ этому дѣлу, но запретили сознаваться, что ему поручено дѣло. Мишукъ какъ будто ведетъ разслѣдованіе, а онъ въ отпуску, онъ долженъ дѣйствовать, а у него врагъ въ лицѣ Мишукъ. Что же происходитъ съ Красовскимъ? за Красовскимъ слѣдитъ Розмитальскій и вся эта организація, всѣ тѣ, которые глубоко убѣждены и не сомнѣвались ни на одну минуту, что это ритуальное убійство, что убили еврей. Для нихъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ этомъ. Они смотрятъ, что Красовскій? Вѣренъ ли онъ тому, къ чему его позвали или нѣтъ? Думаетъ ли онъ такъ или онъ тоже что-то хитритъ и отводитъ слѣды. Красовскому пришлось дѣлать вещи обидныя для человѣка, ему приходилось лгать. Для того, чтобы сейчасъ противъ него не поднялась цѣлая буря, ему приходится имъ угождать. Онъ говорить Голубеву и Розмитальскому, что онъ подозрѣваетъ евреевъ, что онъ ихъ ищетъ. Теперь Красовскаго подозрѣваютъ въ двоедушій, между тѣмъ, онъ искалъ евреевъ, выкачивалъ колодцы, составилъ списки людей, чѣмъ далъ рѣзкіе аргументы обвинителямъ. Значить Красовскій дѣйствовалъ, но онъ не былъ убѣжденъ въ ихъ виновности, самъ думалъ, что тамъ дѣло рукъ воровъ. Красовскій сказать правду не смѣетъ, и предпочитаетъ поддѣлываться, иначе его такъ-же отставить отъ должности, какъ и Мишукъ. Обвинители скажутъ: „Хорошо. Я понимаю, что Розмитальскій не говорилъ, понимаю что Голубевъ передавалъ, я пони-

маю что приходилось лгать, какъ ни обидно человѣку, но зачѣмъ же онъ объ этомъ сказалъ слѣдователю. Но развѣ эти правые разыскватели въ камерѣ слѣдователя, не какъ у себя дома? И развѣ не ясно было, что то, что онъ покажетъ слѣдователю, скоро станетъ имъ извѣстнымъ? Красовскій могъ это думать. Вѣдь вотъ тамъ, гдѣ разговоръ шель съ глазу на глазъ, куда нельзя было добратъся, — генералъ-губернатору Красовскій сказалъ, что онъ думаетъ: „я подозрѣваю воровъ“, но слѣдователь, который окруженъ членами „Двуглавого Орла“... Вы знаете, что Голубевъ опровергалъ его протоколы, Голубевъ на протоколѣ Фененко пишетъ: „я съ этимъ не согласенъ“. Для Голубева, который забралъ такую власть, потому что состоитъ въ этой организаціи, для этого человѣка приходилось Красовскому лукавить, здѣсь онъ слѣдователю сказалъ, между прочимъ: „я подозрѣваю евреевъ“. Сейчасъ унижаютъ Красовскаго, говорятъ лжець, двоедушный человѣкъ и не подумаютъ ужаса человѣка, которому вручаютъ дѣло, возлагаютъ отвѣтственность и не даютъ свободы дѣйствія. Но вѣдь, господа, не только эти частные разслѣдователи мѣшали, они сбивали власть и, я скажу, они и насъ сбивали, сбивали въ этомъ дѣлѣ потому, что они молодые, горячіе люди, внесли въ это дѣло невѣроятное легкомысліе, это ихъ возрасту простительно. Что Голубевъ прочитавъ Лютостанскаго, повѣрилъ въ ритуальныя убійства, это я ему въ вину не ставлю, одни читаютъ и въ нихъ вѣрятъ, а другіе отрицаютъ ничего не читая. Но помните цѣлую исторію, которую поднялъ Голубевъ съ такъ называемымъ ходомъ въ усадьбу Марра. Когда я слушалъ рѣчь нашихъ обвинителей, мнѣ казалось, что я присутствовалъ при чемъ-то не серьезно, при какой-то игрѣ, на какомъ-то представленіи. И какъ господа обвинители всѣ до одинаго говорили о томъ, что въ заборѣ усадьбы Марра была какая-то дыра, что эту дыру видѣлъ Голубевъ, въ которую, будто бы, проносили трупъ. Тамъ мы всѣ были, подходили къ тому мѣсту, гдѣ Голубевъ видѣлъ дыру, и говорятъ: „вотъ, гдѣ трупъ пронесли“. Вѣдь если была тамъ какая-нибудь дыра, то это не значитъ, что его проносили черезъ эту дыру. Но мы допросили Голубева, и на этомъ мѣстѣ тотъ самый Голубевъ никакой

дыры не видалъ. Сводится все это къ слѣдующему: послѣ открытія трупа, въ концѣ марта, или въ началѣ апрѣля, осматривая этотъ заборъ, онъ замѣтилъ пару свѣжихъ гвоздей на старыхъ доскахъ и больше ничего, никто здѣсь дыры не видалъ. А отсюда уже прямо говорятъ (какъ вчера говорилъ обвинитель, повѣренный гражданскаго истца Замысловскій, вы посмотрите какую онъ картинку нарисовалъ): Андришуте внесли въ заводъ Зайцева, а вынесли черезъ усадьбу Марра, черезъ дыру, которую видалъ Голубевъ. Съ перваго раза кажется, очень страшно, и очень красиво — тутъ внесли, а тамъ вынесли. Кто же видѣлъ эту дыру? Самъ Голубевъ, не видѣлъ. Его спрашивали: „какой былъ свѣжій гвоздь, что его вчера вбили или раньше?“ А Голубевъ говоритъ: „можетъ быть, и шесть мѣсяцевъ“. Но онъ не экспертъ, пусть это будетъ нѣсколько дней, вѣдь, заборъ затѣмъ и дѣлается, чтобы ограждать. Вѣдь, какъ сказалъ совершенно правильно г. Шмаковъ, въ это время зимой заборы ломаютъ, ихъ нужно чинить. Тогда какъ-разъ кончалась зима, и началась весна, свѣгъ болѣе не ограждалъ, была слякота, нужно было привести заборъ въ приличный видъ. Какое это было время? Это было послѣ открытія трупа Юшинскаго, тамъ было гуляніе, кто только туда не ходилъ: люди объятые ужасомъ, люди, которые хотѣли искать убійцу, забирались въ усадьбу Марра, и совершенно естественно, что хозяинъ поправилъ заборъ, что же тутъ удивительнаго? Тутъ смѣются надъ свидѣтелемъ Добжанскимъ, который не нашель мѣста пить водку, какъ около пещеры, а студентъ Голубевъ ходилъ въ нее ночевать, попробоватъ крѣпость своихъ нервовъ, на споръ пошелъ и ночевалъ. Видите какое было гуляніе, сколько было лишняго народа, сколько было ненужныхъ поступковъ. Какъ же не оградить Марру и онъ перебилъ заборъ, поправилъ гвозди и вбилъ новыя доски. Здѣсь насъ хотятъ увѣрить, что черезъ эту дыру несли трупъ и вчера говорилъ Шмаковъ, что по прямой линіи отсюда на пещеру лежала тесемка. Тесемку никто не видалъ, никто не провѣрялъ, о тесемкѣ говорилъ Голубевъ со словъ Наталіи Юшинской. Тесемка эта была отъ чулокъ, но господа можно не узнать наволочки, не узнать платка, но какъ вы те-

семку не узнаете отъ чулокъ Андриуши? Она гдѣ то тамъ лежить по прямой линіи. Вотъ, говорятъ: „мы все нашли, здѣсь внесли, а тамъ — вынесли“. Вотъ что сдѣлало это легкомысліе, я ни на минуту не подрываю добросовѣстности, это только молодое легкомысліе. Въ первый разъ человекъ попробовалъ скрывать преступленіе, какую-то мировую загадку. То, что онъ здѣсь былъ поспѣшенъ и легкомысленъ, это понятно, но то, что мы за нимъ пошли, что мы за нимъ говоримъ безъ провѣрки, что здѣсь была дыра, — это господа присяжные удивительно! Вы подумайте еще о другомъ Ну, съ гвоздями полбѣды, гвозди видѣли, гвозди остались, мы можемъ повѣрить этому. А что эти частные разслѣдователи, что они сдѣлали со свидѣтелями? Прежде, чѣмъ свидѣтель приходилъ къ слѣдователю, онъ проходилъ черезъ перекрестный огонь, частныхъ разслѣдователей, особенно потому, что свидѣтели были больше дѣти. Прокуроръ правильно говорить, что съ дѣтми нужно говорить умѣючи. Спросите просто ребенка, онъ скажетъ: „не знаю“. Вотъ и нужно было раскрыть дѣтскую душу, нужно было ребенку, который говорить „не знаю“, говорить: „ты можешь быть помнишь, а не было ли это? Не было ли такъ?“. Ребенокъ говорить „не знаю“. А „можешь быть ты боишься, можешь быть тебя кто подговаривалъ“. „Не знаю“. Это называется раскрыть дѣтскую душу. Ну, а какъ они заторкали эту дѣтскую душу? Вѣдь тамъ, какъ только кто объявлялся, сейчасъ-же на него идутъ и говорятъ судебному слѣдователю. Если онъ отрекается, его уличаютъ очными ставками. Кто же изъ нихъ могъ отвѣтиться при такихъ условіяхъ не подтвердить того, что у него пытали? Кто же потомъ здѣсь, когда его уличаютъ его же свидѣтельскими показаніями у судебного слѣдователя, кто же найдетъ возможнымъ не подтвердить того, что было сказано раньше. Все это говорится безъ злого умысла, безъ всякаго желанія сбить, а просто только потому, что за дѣло беруться люди слишкомъ молодые, слишкомъ неосторожные, слишкомъ предвзятые. И вотъ, когда вы посмотрите, что сдѣлало это частное разслѣдованіе, какъ оно все запутало, какъ сейчасъ испорчено все то, что пришло къ вамъ, то вы съ однимъ согласитесь, г.г. присяжные засѣдатели, что ва-

ша задача не облегчена, а страшно запутана. И много нужно усилій совѣсти и ума, чтобы разгадать ее. А для этого нужно прежде всего не дѣлать того, что дѣбалось здѣсь, не нужно быть горделивыми! Вѣдь гордость погубила Голубева и другихъ. Они думали, что они все знаютъ, что нужно найти только гвоздь и все будетъ открыто. Но вы горделивыми не будете, вы будете искать правду безъ запальчивости, безъ сомнѣнія. Правда дается только тому, кто ее добросовѣстно ищетъ, г.г. присяжные засѣдатели. И вотъ, какъ ее найти, какъ ее искать и гдѣ ее искать, объ этомъ я и буду сейчасъ говорить.

Предс. Объявляю перерывъ на 10 минутъ.

Послѣ перерыва Маклаковъ продолжаетъ свою рѣчь.

Маклаковъ. Г.г. присяжные засѣдатели, какъ теперь въ этомъ дѣлѣ отыскать то, что правда и что неправда, когда мы ясно видимъ, сколько въ это дѣло уже попало неправды: неправды сознательной — лжи, и неправды безсознательной, невольной. Человѣческая память, какъ сказалъ одинъ изъ свидѣтелей, не безпредѣльна, но человекъ часто не мирится съ тѣмъ, что онъ чего-то не вспоминаетъ, начинаетъ припоминать, сопоставлять и говорить уже то, что ему подсказали и послѣ этого самъ начинаетъ этому вѣрить. Была и неправда сознательная, вѣдь здѣсь и пугали и запугивали и просили; говорили, что тутъ дѣйствовала сила еврейства, боялись ее. Ну, г.г. судьи, допустимъ это! Но вѣдь здѣсь была и другая сила, здѣсь была сила цѣлой организованной шайки, которая ютилась около дома Чеберяковой и ихъ можно было бы бояться. Кто сказалъ неправду, кто покривилъ совѣстью, кто сказалъ то, что ему подсказали?—вотъ эта задача, которую вы должны разобрать. Прежде, въ старину, дѣло разрѣшалось очень легко: законъ давалъ указанія, кому вѣрить, кому не вѣрить. Онъ говорилъ, что знатному можно вѣрить больше, чѣмъ бѣдному, мужчинѣ больше, чѣмъ женщинѣ и т. д., но вы знаете, что теперь законъ призналъ, что это неправда, что знатный и богатый и сильный можетъ говорить неправду, и завѣдому неправду, и что самый простой, даже воръ, можетъ сказать правду. Нельзя думать также, какъ думаютъ нѣкоторые, что правда тамъ, гдѣ ме-

ханизмъ машины идетъ, какъ заведенный. Вы, гг. судьи, изъ опыта знаете, что даже тамъ, гдѣ люди говорятъ о томъ, что видѣли, они всегда разногласятъ. Только то, что заучено наизусть, что приспособлено, только тамъ является машина, которую не разомкнешь. Попробуйте сдѣлать опытъ. Вы, которые мѣсяць сидите здѣсь и слушаете, попробуйте провѣрить себя въ совѣщательной комнатѣ и вспомнить, въ какой день показывалъ такой-то свидѣтель и въ чемъ они другъ другу противорѣчили? Гг. судьи, сколько васъ находится здѣсь людей, столько будетъ и ошибокъ. А вѣдь вы всё видѣли и знаете. Посмотрите на такія мелочи. Здѣсь уличали свидѣльницъ Дьяконовыхъ, говорили, что онѣ не помнятъ, что онѣ не могли нарисовать узора. Я ни слова не буду говорить о Дьяконовыхъ, не буду говорить о томъ, въ чемъ имъ вѣрить можно, въ чемъ нельзя, объ этомъ скажутъ другіе, но вы сами попробуйте сдѣлать опытъ: вы каждый день видите вашъ носовой платокъ, попробуйте на память нарисовать мѣтку; у васъ есть шитая рубашка, попробуйте на память нарисовать узоръ и сравните, правилень онъ или нѣтъ? Нѣтъ, господа присяжные засѣдатели, память такая условная вещь, человѣкъ такъ самого себя обманываетъ, что думать, что правильно то, въ чемъ ничто не расходится, это невѣрно. И вотъ почему такъ досадно было смотрѣть, какъ отходили отъ этой правды, какъ этими мелкими противорѣчіями отходили отъ правды. Мы видѣли здѣсь филигранную работу повѣреннаго Замысловскаго, который думалъ этими противорѣчіями уничтожить свидѣтелей. Мы видѣли, что представитель гражданскихъ истцовъ Шмаковъ вчера дошелъ до того, что показаніе мальчика Заруцкаго откинулъ, такъ какъ тотъ тоже показалъ, что Андрюша былъ въ рубашкѣ бордовой, а у слѣдователя показывалъ иначе. Вотъ видите: мальчикъ не вспомнилъ какая рубашка 3 года тому назадъ была надѣта, и говорятъ — „ему вѣрить нельзя“. Затѣмъ противорѣчіе вѣдь часто бываетъ и кажущееся. Повѣренный Замысловскій тутъ сопоставлялъ, говорилъ объ очной ставкѣ и о противорѣчіи Махалина съ Красовскимъ. Махалинъ говорилъ, что когда онъ первый разъ видѣлъ Караева и сдѣлалъ

ему предложеніе, тотъ разсердился, взволновался по поводу того, что ему предлагаютъ, вынулъ изъ кармана револьверъ, грозилъ имъ, и Махалинъ долженъ былъ его успокоить, а Красовскій говорить, что свиданіе происходило очень просто, Караевъ ему сказалъ—„я подумаю“ и не кипятился. Вотъ, слѣдовательно, дѣлаютъ выводъ, одинъ изъ двухъ лжетъ. Но вѣдь это противорѣчіе только на видѣ, вѣдь ясно всѣмъ и каждому, что свиданіе не могло быть одно, что когда Махалинъ выписалъ друга Караева, онъ не могъ вести его сразу къ постороннему человѣку, онъ долженъ былъ съ нимъ говорить раньше съ глазу на глазъ, его подготовить, и очень можетъ быть, что тогда онъ и волновался. Чѣмъ онъ его успокоилъ, я этого не касаюсь, но во всякомъ случаѣ, когда Караевъ пошелъ къ Красовскому, онъ былъ подготовленъ и, какъ вѣрно сказалъ Махалинъ, Караевъ не хотѣлъ передъ Красовскимъ сказать сразу, —я согласенъ, онъ хотѣлъ оставить себѣ время подумать, онъ поступалъ, какъ серьезный купецъ, который на предложеніе говорить—дайте подумать. Гдѣ же тутъ противорѣчіе? Вѣрить или не вѣрить, это другой вопросъ. О Караевѣ, о Махалинѣ, объ ихъ разсказѣ можно быть разнаго мнѣнія, но думать, что вы ихъ уличили этимъ сопоставленіемъ, это то же самое, что уличили Чернякову и Дьяконову, когда на вопросъ о томъ, кто вынулъ изъ кармана бумажки, когда онѣ явились три года тому назадъ въ квартиру Чеберяковой, Мандзелевскій или Чеберякова, одна изъ нихъ сказала, что Мандзелевскій, а другая, что Чеберякова. Вѣрите одному, гг. судьи. Когда подготавливаютъ лжесвидѣтеля, — Богъ знаетъ, можетъ быть они и здѣсь есть,—тогда его учатъ показывать то, что важно, что убѣдительно, ужъ кривить совѣстью, такъ кривить, уже лгать, такъ лгать, чтобы было изъ-за чего. А вотъ эти мелочи, которыя дѣйствительно мало чего стоятъ, эти мелкія противорѣчія, это въ худшемъ случаѣ, разсказъ, догадки, воспоминанія, которые недостоверны, которыя можно выбросить, но которыя свидѣтеля не порочатъ. А главное, объ одномъ хотѣлъ бы просить васъ, гг. судьи, помните, что это обычная привычка въ людяхъ, потому что мы всё грѣшимъ въ этомъ и только вы насъ можете поправить: вотъ показалъ свидѣтель; то, что сторонѣ хочется, и хотя бы

онъ не внушалъ довѣрія, хотя бы въ правдѣ сомнѣвались, мы говоримъ—, bravo, это достовѣрно“; онъ показалъ то, что нужно; а когда свидѣтель говорить, чему не хочется вѣрить, что намъ нежелательно, хотя онъ и говорить достовѣрно, мы стараемся усумниться. И этимъ мы, стороны, грѣшимъ постоянно. Что же дѣлать? Вѣдь мы приходимъ съ готовымъ убѣжденіемъ, мы себя обманываемъ, а вы насъ рассудите. Возьмите хотя бы прокурора и представителей гражданскихъ истцовъ, развѣ они не грѣшатъ этимъ пристрастіемъ. Я нынче съ изумленіемъ слышалъ, и вы это слышали, какъ прис. пов. Шмаковъ раздѣлялъ нашихъ экспертовъ по богословской части. Онъ говоритъ: вотъ, напримѣръ, спрашиваютъ проф. Троицкаго,—того ученаго, котораго даже не мы, а прокуроръ приглашалъ къ судебному слѣдователю,—спрашиваютъ его, извѣстно ли вамъ заглавіе сочиненія Неофита и, говоритъ, экспертъ сейчасъ же вынимаетъ переводъ изъ кармана, онъ у него въ карманѣ былъ. Представитель гражданскихъ истцовъ отсюда уже выводитъ—ясно, съ нимъ раньше поговорили, столковались, вотъ почему и переводъ въ карманѣ. Но гг. присяжные засѣдатели, ну, а ксендзъ Пранайтисъ?—Это ихъ экспертъ, его спрашивали, извѣстно-ли ему сартовское дѣло, какая резолюція по нему.—,Извѣстно“, вытащилъ изъ кармана резолюцію и прочелъ. Ну такъ что - же? Если проф. Троицкій, который присутствовалъ въ судѣ при разговорѣ о томъ, чтобы пригласить переводчика, переводить Неофита, при чемъ было указано, что переведетъ проф. Троицкій, если онъ зналъ заранѣе, что объ этомъ будетъ идти рѣчь, чтобы онъ переводилъ Неофита, который существуетъ въ печати, если онъ это предугадалъ, что же въ этомъ? Это считается уже преступнымъ, это уже признаемъ, что это экспертъ нашъ, что это недостовѣрно. А когда это съ ихъ экспертомъ случается, когда онъ вынимаетъ резолюцію и читаетъ, это хорошо, патеръ Пранайтисъ виѣ всякаго сомнѣнія. И я его не подозреваю, но пусть и они насъ не подозреваютъ. Отнесемъ одинаково, будемъ справедливы. Мы кажется и стараемся, да не можемъ. Вотъ обвинители не могли быть справедливыми, будьте гг. судьи вы справедливы. Вотъ вамъ другой примѣръ. Вызываютъ свидѣтельницу Чеховскую. Вы навѣрно

помните эту простую толстую женщину, она была вызвана не нами, а представителями гражданскихъ истцовъ. И вотъ эта Чеховская при первомъ же вопросѣ говорить „вотъ при чемъ я присутствовала: Чеберякова при мнѣ въ свидѣтельской комнатѣ подговаривала Заруцкаго показать такъ, а не иначе“. На нее посыпались громы. Прокуроръ спрашиваетъ, кто былъ при этомъ, назовите, она назвать не можетъ,—значить ваше заявленіе голосовно. Гг. присяжные, вѣдь она же свидѣтельница, вѣдь она показываетъ подъ присягой, если она должна въ подтвержденіе того, что видѣла, приводить двухъ свидѣтелей, тогда не было бы процесса. Она сказала.—вѣрите ей! Но ей съ мѣста заявляютъ—вы, говорите голосовно; затѣмъ ей предложили послѣдить, пройдутъ свидѣтели и она можетъ быть укажетъ, кто это; но прокуроръ этому воспротивился, потребовалъ сейчасъ назвать и затѣмъ съ негодованіемъ просилъ занести въ протоколъ эту новость. Если прокуроръ хотѣлъ скрыть свое отношеніе, то ему не удалось, онъ его показалъ. Ну такъ что-же? Я думаю о другомъ. Я думаю, если бы была не Чеховская или, еслибы даже и Чеховская, но она показывала бы не на Чеберякову, а показывала бы, что Красовскій Заруцкаго подговаривалъ, также же отнесся бы прокуроръ, такъ же сказалъ бы, что это голосовно, также сказалъ бы съ негодованіемъ „запишите эту новость въ протоколъ“? Я думаю, что нѣтъ! И вотъ гг. судьи, она сказала только то, чего не хочетъ сторона, и ей не вѣрятъ. Если намъ это простительно, если потому то насъ и есть здѣсь двѣ стороны, чтобы пополнять другъ друга, то если вы станете на эту дорогу, вы правды не найдете. Когда я смотрю на весь процессъ—кто и какъ эту правду искалъ, я представляю себѣ—ну, а что, если тѣ, которые ее искали, что, если они были также предвзято настроены, какъ наши почтенные и достойные обвинители? Я хотѣлъ бы представить себѣ въ роли этого слѣдователя повѣрен. Замысловскаго или прис. пов. Шмакова,—да они и сами со мной согласятся,—если-бы къ нимъ пришелъ чловѣкъ, признался въ убійствѣ и сказалъ—я убилъ Юпинскаго, что же, они повѣрили бы? Вѣдь они повѣрили, что Чеберякову можно было за 40 тысячъ купить и она на себя взяла бы вину, они и тутъ

сказали бы, значитъ, здѣсь подкупъ, значитъ еврей подкупили. Вотъ до чего можно вѣрять пристрастно. Тутъ говорили, почему не выпустили полицейскихъ собакъ, что нужно было бы въ первый же день въ пещеру привести полицейскихъ собакъ, которыя ищутъ по слѣдамъ. Я на это опять скажу—добрая воля вѣрять. Собака можетъ быть прямо побѣжала бы въ домъ Чеберяковой, и это всѣхъ убѣдило ли бы? Сказали бы, что Малицкая показала, что къ Чеберяковымъ собакамъ другія собаки въ гости ходили, вотъ и эта собака пошла въ гости, это не доказательство. Если мы такъ будемъ, гг. судьи, встрѣчать все, что идетъ противъ насъ, мы правды не отыщемъ. И вы этого, гг. судьи, не сдѣлаете! Позвольте теперь покончить съ этой общей частью, покончить со всѣми приемами разбора дѣла, отъ которыхъ я васъ хотѣлъ предостеречь и позвольте перейти къ тому, что въ этомъ дѣлѣ достоверно, безспорно, чего никто не будетъ отрицать, въ чемъ согласны и мы и прокуроръ. Позвольте взять то, въ чемъ сомнѣваться нельзя и тогда посмотримъ, насколько убѣдительно тѣ обвиненія, которыя выставлены противъ Вейлиса и почему они выставлены.

Гг. присяжные засѣдатели, если въ этомъ дѣлѣ и есть что-либо достоверное вполне, то, въ чемъ согласна и защита и —къ удовольствію и удивленію скажу— обвиненіе, если есть что-нибудь, что само подсказывалось всѣмъ ходомъ дѣла, то это только одно: что къ этому убійству причастна Чеберякова. Я не знаю, кто убилъ, не говорю сейчасъ, что она убила, но что она къ этому убійству причастна—это нужно сейчасъ признать внявъ всякаго спора. Я не буду опираться ни на Малицкую, ни на Дьяконовыхъ, въ чемъ имъ можно вѣрять, въ чемъ нельзя, пусть скажутъ другіе, я пойду только тѣмъ путемъ, гдѣ сомнѣній нѣтъ, то, что признаеть и прокуроръ—прикосновенность Чеберяковой. Подумаемъ, зачѣмъ изъ Слободки Андрюша припшелъ на Лукьяновку?—это первый вопросъ. Живеть онъ тамъ, ходить въ школу сюда, зачѣмъ онъ тамъ очутился? Когда нашли тамъ его трупъ, это было загадкой, гдѣ съ нимъ кончили, гдѣ онъ пропалъ, зачѣмъ онъ былъ бы тамъ. И на это отвѣта нѣтъ никакого. Мы сейчасъ отвѣтъ знаемъ, ходилъ онъ туда къ Женѣ Чеберяко-

ву, но вѣдь долгое время отвѣта не было. Она одна знаетъ, что все прошло мимо нея, она одна знаетъ, что изъ Слободки онъ очутился на Лукьяновкѣ, къ ней ли за порохомъ или къ Женѣ, но у нея одной ключъ въ рукахъ. И она молчитъ. Но если бы она молчала, можно сказать, что она не подумала, но вѣдь она не молчитъ, она жметъ. Вѣдь Голубевъ первый открылъ, что Женя Чеберяковъ что то знаетъ, Голубевъ показалъ, что при разспросахъ Женя ему показалъ, что Андрюша приходилъ къ нему и они пошли гулять на лугъ, о мячѣ не было рѣчи, они пошли на лугъ. Когда понявъ, что тутъ что-то скрывается, Голубевъ сталъ разспрашивать Женю, тотъ замолкъ, сталъ говорить, что это было давно, не теперь. Голубевъ самъ не понималъ, какъ близокъ онъ былъ къ правдѣ. Ему показалось, что это ошибка и онъ не сталъ настаивать. Но дальнѣе. Другіе свидѣтели, уже не Голубевъ, случайно на это наталкиваются. Свидѣтель Кириченко говоритъ, что, когда онъ производилъ обыскъ у Чеберяковой и разговаривался съ Женей, Женя вдругъ замолчала, а обернувшись, онъ увидѣлъ мать, которая дѣлала знаки и показывала на языкъ, чтобы Женя не болталъ. Онъ говорить, что когда его привезли къ подп. Иванову на допросъ, то мать и тамъ напустилась на сына—молчи, не болтай. Почему же онъ не долженъ былъ болтать, что онъ долженъ былъ скрывать? И неожиданно раскрылось. Явился первый свидѣтель по этому дѣлу, которымъ думаютъ уличить Вейлиса, но который въ сущности тогда Вейлиса не касался, а касался Чеберяковой, появился свидѣтель фонарщикъ Шаховской. Онъ показалъ, что 12-го марта утромъ уже на Лукьяновкѣ онъ видѣлъ Женю и Андрюшу, Андрюша былъ веселъ, прыгалъ, даже ударилъ, онъ его обругалъ. Но они были вмѣстѣ и вмѣстѣ ушли. Ключъ нашелся. Значитъ все дѣло въ Женѣ, гдѣ-то около него. Конечно, можетъ быть не они убили.—это еще не доказательство, но они знаютъ, и вотъ тутъ мы подошли къ этому. Шаховской первый свидѣтель, который обличалъ Чеберякову. Но Женя отрицаетъ, Чеберякова отрицаетъ, они всѣ молчатъ. Почему? Пусть скажутъ обвинители почему они молчатъ? А обвинители говорятъ,—и это очень интересно, — они говорятъ: да

какъ же вы хотите, пмъ свѣтъ милѣе, какъ-же, можетъ быть выдавая, они дають какую то улику противъ Бейлиса, и они испугались. Г.г. присяжные засѣдатели, представитель гражданскихъ истцовъ Шмаковъ пошелъ дальше. Онъ говорить—а можетъ быть тамъ у Чеберяковой было пальто Андриуши и она боялась, какъ бы ее не пришили къ дѣлу, у нея пальто, а можетъ быть даже и тѣ ботинки, которые, какъ Дьяконовы говорятъ, кто то носилъ изъ близкихъ Чеберяковой и она поэтому молчитъ. Но я спрашиваю: почему молчить, чего боится, если она въ это время ничего не знаетъ? Она въ воровской компаніи. Когда дѣло идетъ о раскрытіи кражи, она можетъ бояться, можетъ молчать, можетъ отъ этого дѣла себя отодвинуть, но когда дѣло идетъ объ убійствѣ, звѣрскомъ убійствѣ, если она неповинна, какъ же могло ей прійти въ голову, чтобы ее заподозрили. Надо было очень многое. надо было въ душу проникнуть. чтобы заподозрить. пока еще не было никакихъ слѣдовъ и доказательствъ. Почему же Чеберякова. если она не при чемъ, думала, что можетъ навлечь на себя подозрѣніе. Она должна была бы сдѣлать то же, что сдѣлалъ Барцевскій, сказавъ о Приходько: „Хотя я знаю слишкомъ мало, но всетаки расскажу слѣдственной власти, расскажу кругомъ, что я не знаю, кто убилъ, но что Андриуша былъ у меня“. А Чеберякова этого не дѣлаетъ. Почему? Допустимъ, она не хотѣла путаться, какъ это ни странно, но допустимъ, что не хотѣла, чтобы ее вызывала сыскная полиція. Но вѣдь по прошествіи нѣкотораго времени подозрѣніе пало на нее, на Чеберякову. Ее арестуютъ, арестуютъ въ связи съ этимъ дѣломъ въ концѣ іюля, подозрѣніе пало на нее. Но какъ же тогда было не припомнить всего того, что она знала. Если бы она въ это время дѣйствительно знала,—не то, что Андриуша былъ тамъ,—если бы она знала, что они ходили на мяло и что тамъ, на мялѣ, Бейлисъ схватилъ Андриушу, и вида, что ее подозрѣваютъ, какъ же она, неповинная, не закричала, не сказала, въ свою защиту—„Да что же вы ко мнѣ пристааете, вотъ что я знаю, его взялъ Бейлисъ на заводѣ Зайцева“. Но нѣтъ. она молчитъ не только молчить, она запрещаетъ Женѣ говорить. И вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, господа, вѣдь и заключается одинъ изъ самыхъ страшныхъ эпизо-

довъ этого дѣла, это смерть ея сына Жени. Вы знаете, какъ произошла эта смерть. Здѣсь намъ хотятъ сказать, если не увѣрить, намекаютъ намъ, что эта смерть не проста, что убилъ Женю, повидимому Красовскій, онъ поднесъ конфекту и Женя заболѣлъ дизентеріей. Когда вначалѣ спрашивали объ этомъ, мы могли относиться къ этому спокойно, но мы ждали, что произойдетъ экспертиза, что будетъ дано заключеніе о смерти. Очень жалько, что это при допросѣ Красовскаго было отклонено. Но вы понимаете, что подозрѣніе было неосновательное, что нельзя говорить объ отравленіи Жени, когда ясно, что онъ умеръ отъ дизентеріи. Здѣсь передъ вами прошло показаніе Чеберяковой, прошло показаніе Красовскаго. Она говорила, что Женю отравили пирожнымъ, зараженнымъ дизентеріей. Но какъ можно отравить? Вамъ рассказываютъ, что если на пирогъ попадутъ болѣзненные испражненія, то ребенокъ можетъ заболѣть. И вотъ, слѣдовательно, какое предположеніе приходится допустить обвинителямъ — что Красовскій, купившій этотъ пирогъ, окунулъ его гдѣ-то въ испражненія и преподнесъ Женѣ, чтобы отравить его на тотъ свѣтъ. Но, господа присяжные, это предположеніе не хуже того предположенія, что Чеберякову подкупали за 40,000. Вѣдь если нужно было уничтожить человека, если былъ злодѣй, который его уничтожилъ, что-же, онъ поидетъ такимъ ребячески негоднымъ способомъ, вѣдь дизентерія болѣзнь не смертельная, вѣдь 50% выздоравливаетъ отъ нея. Вѣдь его положили въ это время въ больницу, за нимъ ходятъ, его лечатъ, его могутъ допросить. Вѣдь убивать человека такъ, чтобы онъ могъ за это время выболтать, это значить, выдавать себя съ головой. Это предположеніе, которое теперь дѣлается, бездоказательно. Это та кара, та Божья казнь, которая постигаетъ того, кто идетъ за Чеберяковой. Это она могла выдумать, ей это могло показаться правдоподобнымъ, она могла думать, что его отравили дизентеріей. Тутъ было нѣчто другое, другая смерть. Почему заболѣлъ, какъ заболѣлъ Женя? Смотрите, что съ нимъ дѣлали. Здѣсь несправедливость нападаетъ на несправедливость: если Чеберякова думаетъ и намекаетъ, что Красовскій отравилъ ея сына негѣлымъ, невозможнымъ, негод-

нымъ способомъ, такъ это она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. Я думаю, что и Красовскій грѣшить противъ истины, когда намекаетъ или думаетъ, что это мать отравила Женю, въ это у меня тоже нѣтъ вѣры, это несправедливость на несправедливость. Она взвалила поклепъ на него, онъ отвѣчаетъ ей тѣмъ-же, она утверждала это, чтобы убѣдить въ своей невинности, а онъ въ мысли, что захватилъ ее, утверждалъ другую несправедливость. Но что было, то было, того не искоренишь. Нѣтъ, она Женю не отравила, мать этого не сдѣлаетъ. Но вотъ что было: Женю безъ нея, покуда она была подъ арестомъ, свезли въ больницу. Ее выпускаютъ, она узнаетъ, что Женя въ больницѣ, ѣдетъ въ больницу, ей говорятъ, что онъ серьезно боленъ, очень плохо, и она беретъ его изъ больницы къ себѣ домой. Почему? Она говоритъ, что уже не было надежды, думали, что Женя умретъ, что если онъ умираетъ, то пусть умираетъ дома. Господа, кака-же мать до послѣдняго вздоха не надѣется на спасеніе своего сына? Кака-же мать потащитъ своего больного сына изъ больницы черезъ весь городъ въ спокойномъ предположеніи, что все равно онъ въ живыхъ не останется? Кака-же мать рѣшится, хотя бы на одинъ вздохъ приблизить его къ гробу, кака-же мать это сдѣлаетъ? (Движеніе). Почему-же она это сдѣлала? Я не думаю, чтобы она не любила дѣтей. Но тутъ наряду съ естественной любовью матери, было другое чувство, чувство страха и ужаса за себя и за близкихъ людей, она понимала, что Женя можетъ проболтаться въ больницѣ, что тамъ онъ далеко вѣдь въ это время сыщики уже рѣяли и не отходили отъ него. Она боялась, что онъ проболтается, что онъ расскажетъ. Какъ она грозила ему пальцемъ, когда онъ былъ здоровъ, такъ же хотѣла она грозить ему и при смерти. И вотъ она Женю беретъ изъ больницы. Начинается ужасная, отвратительная, скорбная картина. Женя умираетъ, умираетъ тяжело, ему мерещится Андрюша, онъ кричитъ: „Андрюша не кричи“, образъ Андрюши неразгаданный стоитъ передъ его глазами. Ему тяжело, онъ зоветъ священника, хочетъ ему что-то сказать, говорить „батюшка“, но когда подходитъ батюшка, онъ замолкаетъ. Почему? Съ нимъ, что-то дѣлается, онъ нскупалъ въ эти минуты чужіе грѣхи,

хотѣлъ сказать, а около рѣютъ сыщики, Полищукъ уже смотритъ, что скажетъ Женя. И вотъ что приходится дѣлать несчастной Чеберяковой, ей приходится думать въ этотъ моментъ не о спасеніи жизни сына, не о спокойствіи его, она не можетъ закричать сыщикамъ: „вонъ, здѣсь смерть, здѣсь Божье дѣло“, она этого не можетъ. Тогда она хочетъ воспользоваться сыномъ, она проситъ Женю, „Женя, скажи, что я тутъ не причемъ“. Въ послѣднія минуты она хочетъ использовать Женю для своего спасенія --- „скажи, что я не причемъ“. Что же отвѣчаетъ Женя: „мама, оставь, мнѣ тяжело“. Умиравшій мальчикъ этой просьбы не исполнилъ, умирающій мальчикъ не сказалъ „она тутъ не причемъ, вотъ кто виновенъ“, онъ не сказалъ того, что было легко сказать: „я видѣлъ, какъ Бейлисъ потащилъ Андрюшу“. Нѣтъ, онъ говоритъ: „мама, пойди прочь, мнѣ тяжело“. И когда онъ хочетъ говорить, эта несчастная мать, какъ показали свидѣтели, эта несчастная мать цѣлуетъ его, мѣшаетъ говорить, передъ смертью даетъ ему Іудинъ поцѣлуй, чтобы онъ не проболтался. (Движеніе). Вотъ, господа присяжные, когда я подумаю, что она испытала, когда я подумаю, что несчастная мать, которая не могла не любить своего сына, что она должна была испытать, мнѣ понятно, почему эта бывшая Чеберячка плачетъ здѣсь, когда говорятъ о сынѣ, я понимаю, что она испытала, какъ ее истерзали и если, господа, нужно отмщеніе за Андрюшу, то вотъ на Чеберяковой кровь Андрюши частью уже отмщена. (Движеніе).

Вотъ что было тогда. И, господа присяжные, вы это все знали, это не я одинъ вамъ здѣсь разсказалъ, это все знали, зналъ Полищукъ, знала сыскная полиція, которая слѣдила, присутствовала, они все знали, что здѣсь творится. И что же, когда вы спросили Полищука, почему же, когда было такъ ясно, что здѣсь что-то скрывается, что что-то скрываетъ Чеберякова, почему-же Чеберякову не взяли? Полищукъ отвѣчаетъ: „не было вѣскихъ уликъ“. Да, господа, вѣдь Луку Приходько взяли безъ всякихъ уликъ, его отца безъ всякихъ уликъ, родню безъ всякихъ уликъ, а когда зашло дѣло о Чеберяковой, то безъ всякихъ уликъ взять нельзя и не только взять нельзя, ее взяли, но вѣдь ее выпустили.

Почему же? Въдѣ въ этотъ моментъ эта загадка съ Чеберяковой начала раскрываться. Тутъ былъ запутанъ клубокъ, виноватыхъ не знали. Но вотъ высунулась ниточка, берите эту ниточку, держитесь за нее и по ней размотается весь клубокъ. О Чеберяковой уже говорила вся Лукьяновка, вотъ вамъ судьба даетъ нитку, вотъ она здѣсь, берите ее, ищите правду, идите за ней какъ за полицейской собакой, идите, куда она приведетъ, а не туда, куда вамъ хочется идти. Нѣтъ, ее не берутъ, Чеберякова не виновата. Почему, господа присяжные, почему? Развѣ не ясно для каждаго это элементарное правило сыска, эта азбука, съ которой начинаютъ, что если есть соучастники, если есть шайка, которая вмѣстѣ дѣйствовала, то о комъ вы узнали, берите его. Одному человѣку за всѣхъ сидѣть не захочется. Возьмите виноватаго и онъ выдастъ другихъ, возьмите виноватаго, онъ начнетъ говорить. И тѣ, кто соучастники, забеспокоятся. Слѣдите за ними, слѣдите, какъ начнется волненіе, какъ они побѣгутъ заметать слѣды, слѣдите, вамъ Господь Свою тайну открываетъ, онъ вамъ далъ указаніе, пользуйтесь имъ. Нѣтъ, имъ не пользуются! Чеберякову не берутъ, ее выпускаютъ. Это было не только отклоненіе отъ правды, это былъ соблазнъ, такой же соблазнъ, который продолжается и сейчасъ, когда мы слышали отъ г. прокурора, что онъ думаетъ и допускаетъ, что Чеберякова причастна къ этому дѣлу, только не знаетъ въ какой формѣ, когда мы слышали отъ гражданского истца, что онъ прямо думаетъ, что виновность Бейлиса виновности Чеберяковой не исключаетъ, и проситъ осужденія Бейлиса, чтобы открыть дорогу къ Чеберяковой. Когда вы видите, что нѣтъ сомнѣній, что Чеберякова здѣсь при чемъ-то и она свободна, это рѣдкій соблазнъ, который мы въ этомъ дѣлѣ переживаемъ. А тогда, когда Чеберякова вышла изъ тюрьмы, когда отпущенная она могла сказать всѣмъ своимъ сотоваришамъ, всѣмъ своимъ друзьямъ, которые думали, что она начнетъ ихъ выдавать, могла имъ сказать, —, не беспокойтесь, идите за мной, будьте спокойны, при мнѣ не возьмутъ“. Чеберякова ловкая женщина, она извлекла всю выгоду, которую могла извлечь, она свою шайку успокоила, —, не бойтесь, идите за мной, вамъ ничего не будетъ“. И я спрашиваю васъ, господа присяжные, что-

же это за удивительное дѣло, что за удивительный оборотъ, когда эту нитку выпустили, когда того, что нужно было раскрыть, не раскрыли. Вѣрять въ ритуальное убійство, — что же, быть можетъ, Чеберякова при чемъ-то и здѣсь. Шамаковъ говоритъ, — можетъ быть Чеберякова предала его евреямъ. Но тогда прежде всего берите, берите Чеберякову, пусть она скажетъ, какимъ евреямъ она предала, пусть скажетъ, какъ сдѣлала, пусть откроетъ соучастниковъ! Я лично думаю, что лучшее доказательство невиновности Бейлиса и евреевъ, это то, что они обвиняютъ Чеберякову. Если бы, господа, дѣйствительно Чеберякова имъ предала, если она, несомнѣнно, участница этого дѣла, если она виновата вмѣстѣ съ ними, то соучастникъ соучастника не предаетъ. Евреи ее не обвиняли бы. Могли ли евреи предвидѣть, что все-таки послѣ этого указанія слѣдственная и прокурорская власть Чеберякову не тронуть, могли ли евреи быть увѣрены, что Чеберякова войдетъ и выйдетъ изъ этой залы какъ свидѣтельница, что будутъ говорить въ рѣчахъ о ея винѣ, о причастности, но послѣдствій изъ этого никакихъ не произойдетъ, могли ли бы евреи, если бы они были виноваты вмѣстѣ съ ней, на нее указывать, ее обличать, — это было бы безуміемъ, это значило бы предать себя. И то, что они указали на Чеберякову указали на ея вину, это показываетъ мнѣ, что соучастники Чеберяковой въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь, не на этой скамьѣ. Но, господа присяжные, пора все-таки спросить себя, почему вышло, что ее не взяли, почему и какъ это произошло? Вотъ сопоставьте небольшую числа и вамъ станетъ понятно, откуда вышла эта роковая ошибка, да простить мнѣ обвиненіе. А числа простыя. Въ 20-хъ числахъ іюля былъ съ большой помпой арестованъ Бейлисъ, не судебной властью, не слѣдствіемъ, а охраннымъ отдѣленіемъ. Начальникъ Кулябко является къ нему на квартиру со всѣми атрибутами охраннаго обыска, правда, въ присутствіи слѣдственной власти, и его арестовали. Прошло нѣсколько времени и 3 августа, какъ сказано здѣсь г. прокуроръ, даже не слѣдственная власть, а прокурорскій надзоръ, предложилъ привлечь его въ качествѣ обвиняемаго. Третьяго августа для судебной власти, для прокурора виноватый уже оказался, это былъ Бейлисъ. Третьяго авгу-

эта прокурорскій надзоръ уже думалъ, что онъ положилъ руку на виноватаго, что раскрылъ дѣло, да какое дѣло? Развѣ простое дѣло о несчастномъ приказчикѣ Бейлисъ? Дѣло, которое взволнуетъ всю Европу, которое поставитъ ученыхъ другъ противъ друга, дѣло, которое прославится и прогремитъ на весь мѣръ, — вотъ какое дѣло онъ раскрылъ, вотъ что чудилось прокурорскому надзору. Господа присяжные засѣдатели, самые честные, самые справедливые люди бывають ослѣплены, а когда ихъ ослѣпить они не видятъ, какъ сейчасъ обвинители не видятъ слабости обвиненій Бейлиса, какъ не понимаютъ, что нельзя вѣрить Чеберяковой, такъ и тогда не поняли, въ какую ошибку они впали. Я хотѣлъ бы, чтобы прокурорскій надзоръ, который выпустилъ Чеберякову и арестовалъ Бейлиса, а хотѣлъ бы, чтобы онъ понималъ, какія вышли послѣдствія этой коренной ошибки. Вѣдь съ того момента, когда они привлекли Бейлиса, я въ правѣ сказать, что вѣдь правды уже больше не искали, потому что тамъ ее нашли, потому что было несомнѣнно, что виноватъ Бейлисъ. И съ этой минуты всѣ, кто приходилъ и показывалъ противъ улики на Бейлиса, были лжесвидѣтелями, а тѣ, которые приходили указать на Чеберякову, отвлекали отъ настоящаго пути. Вѣдь въ этотъ моментъ явилось предубѣжденіе. И тѣ, которые обвиняють, они не видѣли, какой роковой связью, которой бы они сами испугались, если бы они ее увидѣли, какой роковой связью, они—обвинители оказались связанными съ Чеберяковой. Вѣдь ихъ интересы, если можно говорить объ интересахъ, совпали. Для прокурорскаго надзора было ясно, что виноватъ Бейлисъ и слѣдовательно всякій, кто наводитъ на другой слѣдъ, — лжетъ и замѣгаетъ слѣды. Такъ какъ у Чеберяковой были другіе слѣды, то эта мысль заставила прокурорскій надзоръ не арестовать Чеберякову, не идти по ея слѣдамъ, а защищать противъ нападевій тѣхъ, которые нападали. И Чеберякова очень скоро поняла, что ея интересъ съ этимъ совпадаетъ, что чтобы себя защищать нужно обвинять Бейлиса. И вотъ создалась какая-то удивительная гармонія поступковъ, прокурорскій надзоръ раньше, какъ и теперь остается защитникомъ Чеберяковой,

отрицать очевидности онъ не можетъ, она воровка, она преступная женщина, ей вѣрить нельзя, но къ этому дѣлу, намъ говорятъ, она непричастна. Да, даже здѣсь, когда на ея вину намекають, когда здѣсь говорятъ, что же, можетъ быть и она причастна, когда съ этой трибуны прямо говорятъ, погодите, мы до Чеберяковой доберемся, когда такъ говорятъ, всетаки ее не трогають, всетаки она свидѣтельница, и прокуроръ отбѣчаетъ одной фразой: „Ну что же? Разъ она свидѣтельница, я ничего сдѣлать не могу“. Да, и вотъ прокурорскій надзоръ самъ того не замѣчая, обезпечилъ ей безнаказанность и защиту, ну и за это Чеберякова сама служить ему по мѣрѣ возможности. Какъ бы вознегодовали обвинители, если бы они поняли, какъ она имъ служить, какъ она поставляетъ улики. Много времени послѣ этого вдругъ Чеберякова вспомнила, что покойный сынъ Женья, когда былъ живъ, признался въ очень простой вещи, что Мендель Бейлисъ на его глазахъ утащилъ Андриюшу въ печку, — и вотъ вамъ улика, вотъ и вся улика. И ей вѣрили. Мы увидимъ, насколько это достовѣрно, но ей вѣрятъ, потому что это совпадаетъ съ тѣмъ, что ждуть. Мало того, является сдѣлочка Людя. Гражданскій истецъ вчера въ своей рѣчи съ большой, а бы сказалъ, отеческой нѣжностью сказалъ „посмотрите, господа, какъ сама правда въ какой то дѣвчонкѣ заговорила“. Помните, какъ Людя показывала, — „не балуй, этого не выдумаешь“. Да, когда онъ такъ сказалъ и мнѣ показалось, что этого не выдумаешь, но я провѣрилъ, что Людя показала и тамъ этого не было сказано, слово „не балуй“ не было, это Шаховской сказалъ про Андриюшу, когда онъ ударилъ его по плечу. Людя, эта несчастная дѣвчонка, которая вышла и заученнымъ тономъ отъ слова до слова все рассказала и когда ее спросили, давя ли она видѣла Андриюшу, она сказала „сохрани Богъ, давно не видѣла“. Это „сохрани Богъ“ отъ маленькой дѣвчонки, вѣдь это не она проситъ — сохрани Богъ отъ знакомства съ Андриюшей. Но чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, большого дать не могли, случилась Людя Чеберякова, Людю и поставили. Затѣмъ еще кой кто есть, есть Петровъ, и Петрова поставили. Что же дѣлать, на нѣтъ и суда нѣтъ. Но по крайней мѣрѣ

она замарала всѣхъ свидѣтелей, наклепала про поѣздки въ Харьковъ, наклепала, что ее подкупали, наклепала, что подстрекали сыщики, она добросовѣстно дала все, что могла дать, и поистинѣ не она виновата, что ей вѣрили. Вотъ и вышло, господа, если бы ее тогда взяли, если бы ее привлекли, если бы пошли по этой ниточкѣ, то былъ бы другой разговоръ. Если бы она сидѣла тутъ вмѣстѣ даже не на судѣ, а на слѣдствіи, можетъ быть она и стала бы говорить, можетъ быть она предпочла бы оказывать, не то что она предала Андриюшу евреямъ, а что она не хотѣла предать своего брата, можетъ быть это было бы, но я говорю, что здѣсь обвинительная власть была такъ ослѣплена, ей казалось, что она такъ близко подошла къ этому дѣлу, что она смотрѣла и не видѣла. Я скажу, что она почти боялась, чтобы ее не сбили съ пути.

Потому что смотрите, что здѣсь произошло — было дослѣдованіе, дослѣдованіе производилось петербургскимъ слѣдователемъ, который такъ нравится г. прокурору, который говоритъ, что онъ сдѣлалъ все что нужно, а я скажу, что все-таки это не совсѣмъ такъ. Почему этотъ слѣдователь все бралъ, что могло обвинить Бейлиса и остановился тамъ, гдѣ слѣдъ свернулъ въ другую сторону? Возьмите мелочь — на трупѣ Андриюши оказались волосы, чьи волосы? Да вѣдь это улика. Если вы найдете, чьи это волосы, то получите представленіе гдѣ искать виноватаго. Это еще не доказательство, но это улика. И вотъ производятъ обстоятельное изслѣдованіе этихъ волосъ и волосъ, срѣзанныхъ съ Бейлиса, волосъ, взятыхъ со всѣхъ частей его тѣла. Ну, а сравненіе съ волосами Рудзинскаго, Латышева и Сингаевскаго? Этого сравненія не дѣлали, какъ будто боялись. Да почему же этого не сдѣлали, почему же этимъ не интересовались, какъ будто боялись, что волосы выдадутъ? Почему же, если нѣтъ предвзятой мысли, почему же не искать ихъ повсюду, почему же изслѣдовали волосы одного обвиняемаго и не пожелали изслѣдовать волосъ другихъ? Вѣдь легко здѣсь говорить, что все это ложь, а волосы это былъ бы фактъ. Нѣтъ, этого не сдѣлали. Возьмите глину на трупѣ, на одеждѣ Андриюши. Малень-

кіе это слѣды глины, но они тоже кое къ чему могли бы привести, и ее изслѣдуютъ, — берутъ пробы со всѣхъ мѣстъ завода Зайцева и на судѣ оказывается, что въ одномъ мѣстѣ эта глина похожа, правда, только похожа, но не совсѣмъ, въ ней есть примѣсь извести, но все-таки она болѣе похожа, чѣмъ другія. Но почему же не сдѣлать то же самое съ глиной Чеберяковой, почему же не попробовать глину въ томъ погребѣ, гдѣ онъ могъ храниться? — говорятъ, что трупъ держали на холодѣ, — почему же это не попробовать, почему этой глины здѣсь не оказалось? Почему слѣдователь Машкевичъ, который проявилъ всѣ предосторожности для обвиненія Бейлиса, не сдѣлалъ этого для проверки показаній Чеберяковой, не сдѣлалъ? А коверъ? Ну, а коверъ? Я готовъ не придавать большого значенія коври, но, вѣдь, нужно было, какъ никакъ его изслѣдовать. На коврѣ, который былъ въ квартирѣ Чеберяковой, оказались подозрительныя пятна, подумали, что это кровь, хотѣли изслѣдовать, и что же изслѣдуютъ? Вы слышали, что тутъ было сдѣлано: съ ковра срѣзали ворсинки и только ихъ и изслѣдовали. Ворсинки ковра. Но что же на этихъ ворсинкахъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, что же тамъ могло остаться? Вѣдь по коври ходятъ. Не нужно было жалѣть коверъ, тутъ многого не жалѣли, не жалѣли человеческой жизни (д в и ж е н и е)... Берите весь коверъ, — нѣтъ, только срѣзали ворсинки! Господа присяжные засѣдатели, я въ правѣ сказать, что для меня ясна картина, картина предубѣжденія. Боялись сами предъ своей совѣстью, боялись, что вдругъ эта нитка поведетъ не туда, куда нужно. Вотъ привели полицейскую собаку — хорошо, если она побѣжитъ на заводъ Зайцева, а вдругъ не туда — собаку отгоняютъ. Взяли нитку — вдругъ она поведетъ не туда — и нитку бросаютъ. Вотъ въ чемъ я вижу это предубѣжденіе обвинителя, да простятъ мнѣ, что я это повторяю, и я считаю, что въ этомъ главное оправданіе евреевъ. Это предубѣжденіе ни въ чемъ не сказывается такъ рѣзко, какъ въ томъ, очень печальномъ эпизодѣ, который былъ въ этомъ дѣлѣ, въ томъ печальномъ эпизодѣ сознанія Сингаевскаго Караеву и Махалину. Вотъ что, господа, тутъ было. Въ извѣстный моментъ, когда

все дѣло раскрытія преступленія, а бы сказалъ, было безнадежно испорчено, — если бы его во-время начали, можетъ быть, нашли бы слѣды, — но тутъ было все испорчено, Чеберякова уже посидѣла, вышла и видѣла, какъ ей нужно вести себя; и тутъ она дала уже показаніе, за которое держались, тутъ была уже предвзятость, тутъ власть, официальная власть уже не стала бы дѣлать того шага, который нужно было бы сдѣлать, а я добавлю — у нея уже не было возможности это сдѣлать. Въ этотъ моментъ, что же можно было сдѣлать? Красовскій взялся за Дьяконовыхъ, ходилъ съ ними, пилъ, кутилъ, заставлялъ болтать, кое-что онѣ, можетъ быть, ему высказывали. То, что можно было извлечь изъ этого міра, который знаетъ больше, чѣмъ вы думаете, онъ это все взялъ. Но это уже не доказательство тутъ все слишкомъ запутано, все слишкомъ заподозрѣно, тутъ уже не вѣрили. Что же можно было тутъ еще дѣлать? И вотъ является попытка опытнаго сыщика, попытка этого Шерлока-Холмса, если вы знаете эти бульварныя произведенія, да, такого тонкаго сыщика, который дѣлаетъ то, чего другой сдѣлать не можетъ — составилъ такой планъ — нужно заставить воровъ, ибо уже не было сомнѣнія, что это около Чеберяковой, нужно заставить ихъ говорить, но какъ? Вѣдь воры себя не выдадутъ, они слишкомъ хорошо понимаютъ, какъ спокойно ихъ положеніе за спиной Чеберяковой. Только не отдаляясь отъ нея, только идя за ней они въ полной безопасности. Нужно заставить ихъ говорить. Какъ же войти въ довѣріе къ нимъ. Къ ворами какъ входятъ въ довѣріе? Позвать ихъ на дѣло, на воровское предпріятіе, позвать, сойтись, познакомиться, познакомившись, напугать, напугать тѣмъ, что въ жандармскомъ управленіи, или, гдѣ-то знаютъ объ участіи ихъ въ дѣлѣ, заставить ихъ струсить, заставить отъ ужаса болтать. Но, какъ же, что же — это мало проболтаться, этому цѣна невелика. Въ этомъ дѣлѣ было столько лжи, что понятно, если только принести на слѣдствіе сознаніе — этому цѣна грошъ, отъ этого они отпрутятся. Вотъ заставить ихъ выдать улики, найти вещественныя доказательства — это другое дѣло. Вѣдь, гдѣ-то вещи Андрюши остались, осталось пальто, ботинки, брюки. Андрюша не весь исчезъ, не все

при немъ нашли. То, что дѣлалъ Мищукъ, какъ агентъ, пользовавшійся вознагражденіемъ, или Красовскій, — намъ судить объ этомъ не приходится, но что было сдѣлано тогда фальшиво, — это можно было сдѣлать по правдѣ, можно было заставить ихъ выдать вещи. Но тогда для тѣхъ, кто не хотѣлъ вѣрить, кто не хотѣлъ видѣть, — для нихъ всѣхъ было бы ясно — вотъ они, убійцы, воры. Но, господа, кто же могъ сдѣлать это дѣло, какое сыскное отдѣленіе обладало такой силой? Призвать Выгранова, Полищука и другихъ? Вѣдь они ворами извѣстны, вѣдь воры осторожны. Тутъ присяжный повѣренный Шмаковъ, вы помните, какъ онъ объ этомъ допрашивалъ Рудзинскаго: что вы не болагаете? — нѣтъ, — „не выдаете? — „не выдаемъ“, — „осторожны?“ — „осторожны!“ Ни Выгранову, ни Полищуку они болтать бы не стали, для того, чтобы заставить ихъ говорить нужно было что-то такое, чего ни въ рукахъ слѣдственной власти, ни въ рукахъ Красовскаго не найдется, — нужно было, чтобы за это взялся человѣкъ, который при обыкновенныхъ условіяхъ за это не возьмется. И тогда появлялся Караевъ. Я долженъ сказать, что, если думать, какъ думаетъ обвинитель, что это все просто, ложь, что не было никакого Караева, что просто наняли какого-то человѣка для того, чтобы уличить, то зачѣмъ же нужно было выписывать съ Кавказа, зачѣмъ же нужно было брать человѣка, который былъ заподозрѣнъ въ цѣломъ рядѣ политическихъ преступленій, имѣлъ политическое прошлое, которому тутъ было небезопасно. И теперь онъ находится подъ стражей и его не доставили сюда. Вѣдь, когда создаютъ жесвидѣтеля, такъ далеко не ходятъ. Возьмите, наймите какого угодно жесвидѣтеля, и онъ вамъ все покажетъ. Такъ нѣтъ, понадобился Караевъ, который все-таки человѣкъ съ очень своеобразнымъ прошлымъ, Караевъ человѣкъ, который сидя въ тюрьмѣ, сидѣлъ постоянно въ карцерахъ. Рудзинскій все время повторялъ, что такъ какъ онъ не подчинялся, такъ какъ бунтовалъ, перечилъ, дерзилъ начальству, онъ почти не выходилъ изъ карцера. Караеву пришлось вдругъ въ тюрьмѣ встрѣтиться съ заключеннымъ туда же, бывшимъ тюремнымъ надзирателемъ, который надъ нимъ издѣвался, и онъ его зарѣзалъ. Конечно, это

отвратительно, конечно, Караевъ злодѣй, но я долженъ сказать, что Караевъ былъ оправданъ, и наконецъ, онъ былъ на свободѣ, значить, какіе-то мотивы присяжные засѣдатели тогда нашли. Но Богъ съ нимъ, съ Караевымъ. Во всякомъ случаѣ, важно то, что не будь этого Караева, доступа къ этой шайкѣ не нашли бы. Нашей власти оффиціальной, власти законной, такія лица, какъ Караевъ служить не хотятъ. И это понятно, вѣдь, она ихъ преслѣдуетъ. Этотъ Караевъ анархистъ, онъ получилъ свою славу за то, что онъ ей перечилъ въ тюрьмахъ, но въ данный моментъ Караевъ согласенъ идти на это дѣло. Почему онъ шель, обь этомъ рѣчь впереди. Но, какъ бы то ни было онъ согласенъ. И тогда что произошло? Караевъ съ Махалинымъ все обдѣлали. Они увѣрили Сингаевского, что имъ нужно оружіе для какого-то дѣла. Сингаевскому это не было подозрительно, онъ Караева зналъ, Караеву вѣрилъ. Сингаевскій ему повѣрилъ и сказалъ, что у него оружія нѣтъ, но если онъ идетъ въ дѣло, то готовъ служить собственной персоной. Затѣмъ поговорили о дѣлѣ, вошли въ довѣріе, выдались. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день Махалинъ его огорошилъ и говорить—знаешь тебя арестуютъ по дѣлу Юшинскаго. И вотъ въ этомъ человѣкѣ, этомъ преступномъ типѣ, вы видѣли его, въ этомъ вырожденномъ типѣ, который пусть онъ не убійца, но это человѣкъ, котораго до 18 лѣтъ учили грамотѣ и не могли научить, который въ воровскомъ дѣлѣ находить свое призваніе, въ немъ заговорилъ этотъ ужасъ, этотъ страхъ, что его кто-то могъ выдать, что его могли выдать эти „шмары“ и онъ мало-по-малу; пробалтывался. Но когда Караевъ заговорилъ о вещественныхъ доказательствахъ, здѣсь онъ уже остановился. Это уже нѣчто большее, чѣмъ болтовня, отъ которой отказаться это значить выдать себя и Рудзинскаго. Онъ хочетъ спросить у Рудзинскаго, уславливается какъ онъ съ Рудзинскимъ поговорить, ѣдетъ, чтобы повидать его, но Бразуль-Брушковскій своей суетней, своей болтовней прилетѣлъ туда и спугнулъ. А потомъ раньше чѣмъ довѣріе возстановилось онъ напечаталъ объ этомъ въ газетахъ и все прекратилось. Я скажу, что такъ какъ все окончилось — доказательствъ создано не было, вещественныхъ доказательствъ не принесли. Никогда быть

можетъ не были такъ близки къ раскрытію истины, какъ въ данномъ дѣлѣ—но не пришло, —потому что тогда за это дѣло брались только добровольцы и такіе суетливые, какъ Бразуль-Брушковскій, и если бы сюда теперь посадили Чеберякову и прочихъ по этой уликѣ, если бы теперь мы имѣли только одни слова—я бы первый сказалъ—осуждать ихъ поэтому не слѣдуетъ, нельзя осуждать человѣка по чужому наговору и я самъ бы ихъ оправдалъ! Но сейчасъ для меня интересъ вовсе не въ этомъ. Мнѣ интересно, какъ къ этому возможно подойти близко, какъ къ этому относилась наша безпристрастная власть, эта власть, которая сама говорить, и мы должны ей вѣрить, что ей нужна только правда, что ей нужно только найти преступника, ей все равно кто бы онъ ни былъ, она не пощадитъ никого. Но какъ-же она относится къ тому, что тамъ было?

Гг. присяжные, вы вѣдь помните, что со стороны прокурорскаго надзора и гражданскихъ истцовъ посыпались цѣлыя громи на Караева и Махалина. Г. гражданскій истецъ Замысловскій вчера съ улыбкой, предвкусывая любопытное зрѣлище, говорилъ—вотъ онъ, провокаторъ, посмотримъ, какъ защита, которая вѣчно громить провокацію, какъ она будетъ имъ пользоваться? Ну, если бы дѣлошло только объ улыбкахъ другъ другу я скорѣе былъ бы въ правѣ сказать, что это мнѣ интересно потому, что прокурорскій надзоръ такъ возмущался той провокаціей, которую громила до сихъ поръ защита, а не они... Но, господа, вѣдь нужно къ словамъ относиться осторожно. То, что сдѣлали Караевъ и Махалинъ, это грязное дѣло, какъ и всякій сыскъ, но говорить о провокаціи здѣсь по-истинѣ странно. Что такое эта провокація, которую громить не только защита, но и всѣ порядочные люди? Что такое провокаторъ? Вѣдь это есть тотъ подстрекатель, который сначала подстрекаетъ къ преступленію, а потомъ это преступленіе раскрываетъ: я подговорю бросить бомбу, а потомъ явлюсь въ охранное отдѣленіе и донесу, и васъ арестуютъ; я завезу вамъ читать книги, потомъ дамъ знать и васъ арестуютъ; я уговорю васъ пойти на какое-то дѣло, дамъ объ этомъ знать и васъ арестуютъ—вотъ это отвратительная провокація, которую такъ клеймятъ. Но вѣдь въ этой провокаціи ни Караевъ, ни Маха-

линь здѣсь неповинны. Они раскрыли убійство Ющинскаго, который былъ убить безъ нихъ, безъ ихъ вѣдома. Если она говорила о какомъ-то преступленіи, то совершить его они не собирались—вѣдь это былъ только разговоръ о будущемъ преступленіи, чтобы войти въ довѣріе, это не провокація, это нѣчто другое, безспорно очень грязное и скверное, и когда мы на это смотримъ мы видимъ какая мерзость этотъ уголовный сыскъ. Вѣдь пусть обманывали довѣріе преступника, но всетаки это было довѣріе. Пусть это довѣріе было вызвано страхомъ за себя, но всетаки это было довѣріе, и потому я былъ бы очень радъ, если бы всегда, постоянно прокурорская власть и сыскная власть говорили — мы лучше не раскроемъ преступленія, но къ грязному средству, къ обману довѣрія, мы не прибѣгнемъ. Но для меня становится гораздо болѣе удивительнымъ, когда я слышу эти громы противъ Караева и Махалина и вижу, какъ улики были собраны противъ Бейлиса. Вѣдь съ Бейлисомъ разыграли тамъ то же самое, вѣдь тюремному надзирателю позволили получить на „чай“ отъ Бейлиса за тайную передачу писемъ, тамъ былъ тотъ же обманъ довѣрія. Онъ далъ письма къ женѣ, чтобы никто, конечно, не видѣлъ, а ихъ носили къ властямъ. Тамъ былъ Казаченко, тоже содержавшійся вмѣстѣ съ нимъ арестантъ, который его предавалъ, бралъ отъ него якобы порученія, выслушивалъ все, а потомъ пошелъ и все рассказалъ. Ну, что же—однаковая мѣрка. Это вамъ противно, вы негодуете на Караева, но если вы это терпите, отнеситесь снисходительно и къ тому явленію. Но какъ бы то ни было, а вопросъ о Сингаевскомъ остался неяснымъ. И то, что мы видѣли здѣсь на судѣ, то, что мы всѣ видѣли — это послѣдняя драма этого дѣла и я не знаю, чего можно было от нея ожидать. Можно ли о ней говорить такъ, какъ говорилъ прокуроръ. Здѣсь сопливъ люди, изъ которыхъ кто-то лжетъ и кто-то говоритъ правду. И любопытно—Сингаевскаго и Рудзинскаго доставили, Караева не доставили. Караевъ тоже въ сыскѣ, его повезли и на дорогѣ бросили, дальше доставлять не хотѣли. Мы его не видѣли. А о тѣхъ, кого доставили, прокуроръ говорилъ съ торжествомъ—видѣли какіе явились люди, и воры, можетъ быть и способные на убійство и какъ они отвѣчаютъ.

Я боюсь, что ошибаюсь, но на меня ихъ показанія произвели совѣмъ другое впечатлѣніе. Чего отъ нихъ можно было ожидать, что они будутъ сознаваться? Но вы сами понимаете, что тутъ сознаться нельзя—это выдать своихъ. Самъ Рудзинскій сказалъ—„презрѣнь тотъ кто выдаетъ“. Значить, выдавать нельзя. Но, вы, можетъ быть, думаете, что они стали бы выдавать изъ раскаянія, но это вещь невозможная. Если когда-нибудь убійца Ющинскаго раскается, если когда-нибудь онъ пойметъ, что онъ сдѣлалъ, если въ немъ заговорить совѣсть, то онъ сдѣлаетъ то, что Латышевъ сдѣлалъ—головой внизъ съ третьяго этажа, но чтобы придти передъ вами каяться—это вещь невозможная! Остановимся на томъ, что было: отосланныхъ преступниковъ вызываютъ и предупреждаютъ,—помните, что вы можете не сознаваться. Они, можетъ быть, раньше этого не знали, но узнали, имъ сказали. Была такая сцена—подошелъ Махалинъ и вдругъ Сингаевскій замолчалъ, я не знаю, помните ли вы это: когда Махалинъ смотрѣлъ на него въ упоръ, а Сингаевскій, отвернувшись, молчалъ. Это длилось нѣсколько мгновений, нѣсколько томительныхъ мгновений. И вотъ мнѣ зашевелилась такая мысль, а вдругъ эта драма раскроется, вдругъ начнется сознание. Но сейчасъ же прокуроръ вступился въ это дѣло и говоритъ: „я задамъ нѣсколько вопросовъ“. Мы протестовали, но молчаніе было нарушено. Когда Махалинъ хотѣлъ говорить, то предсѣдатель этого не допустилъ, изъ этого ничего не вышло, и тайна осталась не раскрытой. Я это говорю не для того, чтобы на этомъ основаніи кого-нибудь обвинять, но вы теперь не удивляйтесь, что въ этомъ дѣлѣ правды не раскрыли. Я васъ спрашиваю: чѣмъ же объяснить то, что бросается въ глаза, чѣмъ объяснить это привилегированное положеніе Чеберячки, почему она внѣ преслѣдованія, почему она внѣ подозрѣнія? Могутъ сказать, потому что улики противъ Бейлиса очень сильныя. Ну, хорошо, тогда посмотримъ господу, какія у васъ улики противъ Бейлиса, и мы увидимъ тогда, почему вы не пошли противъ Чеберячки.

Предсѣдатель объявляетъ перерывъ на 10 минутъ.

Ма к л а к о в ъ. Гг. присяжные засѣдатели, улики собрала обвинительная власть

противъ Бейлиса, и она рѣшила, даже не разматывать того клубка нитокъ, который попалъ въ руки. Что же противъ него собрано? Мы слышали здѣсь два дня рѣчи, мы слышали что здѣсь собрано все, что есть противъ Бейлиса. Почему Бейлисъ въ судѣ? Намъ говорили здѣсь, что былъ какой-то умыселъ, былъ заговоръ и вотъ по заранѣе обдуманному намѣренію въ выбранный заранѣе часъ, этого мальчика Андриюшу, завлекли на заводъ Зайцева для этого жертвоприношенія. Но какъ его туда завлекли? Какъ онъ туда попалъ? Что тамъ дѣлается? Здѣсь начинается такая путаница, такая невѣроятная показанія, что мнѣ страшно, какъ можетъ этому вѣрить обвинительная власть. Оказывается, по показаніямъ Чеберяковой, которая говоритъ со словъ Жени, по показаніямъ той же Чеберяковой и ея маленькой дочери, оказывается, что дѣло обстояло очень просто: пришли кататься на мяло цѣлый рядъ дѣтей вмѣстѣ съ Андриюшей, затѣмъ на глазахъ у всѣхъ Бейлисъ схватилъ Андриюшу и потащилъ къ печкѣ. Всѣ остальные убѣжили, а Андриюша тамъ осталась. Я думаю и самъ обвинитель чувствуетъ всю неправдоподобность, всю невѣроятность такой картины. Если бы сказали, что Андриюшу убилъ какой-то злодѣй въ порывѣ звѣрства, что это больной человѣкъ, который не можетъ видѣть маленькаго ребенка, что это въ порывѣ гнѣва и такъ далѣе,—пожалуй я бы могъ это понять. Но —пришли на мяло схватили и уничтожили. Говорятъ здѣсь умыселъ, здѣсь былъ случайный поступокъ. Сюда пріѣхали какіе-то падики и подогнали это къ моменту моленія. Здѣсь напоминаютъ что русскимъ рабочимъ не позволяли пріѣхать куда дѣло не кончится. И что же? Оказывается для того, чтобы совершить это жертвоприношеніе, чтобы принести эту жертву туда гдѣ ее жгутъ, ждали того случая, чтобы раду дѣтей пришло въ голову идти на мяло играть. Если бы они играть не пошли, то падики остались бы безъ жертвоприношенія и храмъ оказался бы не освященнымъ. Какъ можно этому вѣрить? Обвинители говорятъ: вы ошибаетесь, здѣсь слѣдили за Андриюшей, ходили по пятамъ, это дѣлалось либо черезъ Арендаря, либо черезъ Шнеерсона, здѣсь было все подстроено, чтобы заманить Андриюшу и вотъ такимъ способомъ: Шнеерсонъ служилъ съ его отцомъ и обѣщамъ

ему показать отца. Гг. присяж. засѣдатели, пусть будетъ такъ, но вѣдь говорятъ что этого не было. Но я понимаю, что если и были какія-нибудь данныя, что онъ пошелъ къ Шнеерсону, если и все такъ подстроено, если все такъ слажено, какъ же потомъ его берутъ съ мяла? Почему Шнеерсонъ не тащилъ его, когда не было свидѣтелей безъ постороннихъ. И вотъ чувствуя всю несообразность этого, гражданскій истецъ вчера сказалъ, что все было подготовлено, хотѣли заманить черезъ Шнеерсона. Но вдругъ дѣти случайно пришли играть на мяло, что же откладывать? Возьмемъ—и Шнеерсонъ взялъ. Гг. присяжные засѣд., представьте себѣ всю картину, все готово, злодѣй на лицо, жертва приготовлена. Они знаютъ, что Шнеерсонъ его приведетъ. Андриюша идетъ не одинъ, а въ цѣлой компаніи дѣтей, но тѣмъ хуже. Казалось бы не трудно прогнать ихъ отсюда, пошли Шнеерсона, поведи такъ чтобы никто не видалъ. Нѣтъ, говорятъ, намъ, и вы видите тутъ участіе Чеберяковой, это такъ же нелѣпо, какъ 40 тысячъ, которыя она сочинила, такъ-же какъ и отравленіе дизентеріей. Нѣтъ, говорить Чеберякова, дѣло было гораздо проще: просто на глазахъ всѣхъ схватилъ, повелъ, и зарѣзалъ. Если бы это было такъ? Если бы на глазахъ у нашихъ дѣтей Ющинскаго схватилъ Бейлисъ и потащилъ его къ печкѣ, и послѣ этого его нашли, какъ же объ этомъ не говорила вся улица, какъ объ этомъ всѣ дѣти не рассказали своимъ родителямъ? Какъ же они этого не сдѣлали? Наконечный говорить, что это было бы на другой день извѣстно всему околотку. Прокуроръ поставилъ вопросъ, почему это было? Я ждалъ отвѣта, что скажетъ прокуроръ, почему это было. Куда этого не объяснять, нельзя этому вѣрить. Прокуроръ торжественно сказалъ: „почему это было, онъ не знаетъ“. Гг. присяжные засѣдатели, если я не знаю, то мнѣ думается и обвинять нельзя. Если прокуроръ не знаетъ, какъ это вышло, если нѣтъ никакого отвѣта, какъ же онъ рѣшается утверждать, что это было. Я знаю почему этого не было, и я скажу прокурору. На другой день этого не знали, потому что этого вовсе не было, потому что это выдумка Чеберяковой. Наконецъ, правъ г. Замысловскій, говоря, что люди сочиняютъ обыкновенно вовсе не впускаютъ, а берутъ

изъ мелочей. Говорятъ, что дѣтей гнали съ мяла. Прибавьте къ этому—взяли и утащили. И легковѣрные люди вѣрятъ. Ну какъ же обвинители вѣрятъ и почему? Замысловскій даетъ отвѣтъ: говорятъ, дѣти боялись. Замысловскій говоритъ, если бы Чеберякова тогда же рассказала немедленно о томъ, что Бейлисъ утащилъ Андрюшу въ печку, это былъ бы нравственный подвигъ. Прокуроръ говоритъ, побоялись. Но, гг. присяжные засѣдатели, я здѣсь слушалъ, и поистинѣ удивлялся. Какъ бы ни говорилъ въ началѣ своей рѣчи г. прокуроръ, что мы всѣ и онъ самъ чувствуетъ себя во власти евреевъ. Не знаю, почему онъ это находитъ? Не думаю, что тогда тамъ окружающіе люди, зная о томъ, побоялись бы сказать слово, что они знали, что ихъ ребенка, христіанскаго ребенка, потащили въ печку еврей, что онъ найденъ въ пещерѣ, и они боялись бы объ этомъ говорить. Я этому не вѣрю. Если бы было то, что говорить прокуроръ, если бы это было на глазахъ у всѣхъ, что Андрюшу потащили въ печку, и трупъ его нашли въ пещерѣ, тогда бы вся Лукьяновка встала бы, эти простые мѣщане, эти простые русскіе люди, они всѣ встали бы, и тогда бы Бейлиса судить не пришлось, тогда бы не было завода Зайцева и Бейлисъ былъ бы разгромленъ, и этого процесса не было бы. И думаютъ, что тамошніе люди, отцы, матери знаютъ, что ихъ дѣтей тапать въ печку, что они молчать—боятся. Странно глядѣть на душу русскаго человѣка. Прокуроръ сказалъ, что всѣ здѣсь подкуплены, и даже эти свидѣтели возчики изъ черниговской губерніи, которые говорятъ, что возили 12-го марта кирпичъ — подкуплены. Прокуроръ не даетъ себѣ отчета въ одномъ, что, если даже русскій человѣкъ и погрѣшитъ противъ совѣсти то, господа, не во всякомъ дѣлѣ. Я не вѣрю, чтобы можно было сказать про всѣхъ этихъ русскіхъ возчиковъ, что они лгутъ. лгутъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ ихъ ребенка истыкали, истязали. Если бы они сознавали, что это такъ, нѣтъ г.г., тогда бы вы ихъ не подкупили. Думать, что это было возможно и что тамъ весь околотокъ зналъ, что еврей истыкали и зарѣзали Андрюшу и боялись и не смѣли сказать, этому я, господа, не вѣрю. Прокуроръ здѣсь читалъ одно показаніе свидѣтельницы, которая говорила, что будто бы на всей

Лукьяновкѣ, говорили, что всѣ знаютъ, что Чеберякова продала Андрюшу жидамъ. А мы слышали здѣсь отъ свидѣтеля Балавина, что на Лукьяновкѣ думаютъ, что это сдѣлала Чеберякова. Если бы Лукьяновка это знала, если бы они вѣрили, что Бейлисъ потащилъ Андрюшу, ребенка, въ печь, то тогда, когда мы были на заводѣ Зайцева, пришлось бы ротой солдатъ зацѣпать Бейлиса, тогда бы пришлось бы отпущать этой Лукьяновки, и тогда бы Бейлисъ не сидѣлъ два съ половиной года въ тюрьмѣ. Нѣтъ, господа, здѣсь что-то не такъ и такого предположенія нельзя сдѣлать. Нельзя сказать, что на глазахъ у всѣхъ, на глазахъ дѣтей, нашего ребенка потащили. Отцы и матери это знаютъ, но боятся сказать объ этомъ, потому, что это слишкомъ большой подвигъ. Нѣтъ, иногда камни возопиютъ, и тамъ они бы возопили. Это всѣ главные улики, безъ этой печки, которая выдумана, что Андрюшу иногда вмѣстѣ съ другими гоняли съ мяла, даже навѣрное гоняли, потому, что они тамъ играли, дурачились, портили и мѣшали --- въ этомъ ничего нѣтъ подозрительнаго и я охотно вѣрю, что это возможно. Но одно наводитъ меня на сомнѣніе, что этого не было. Это ложь Чеберяковой, которая ее повторяетъ, взваливая на Женю Чеберякъ и теперь повторяетъ ее несчастная Люда. А кромѣ этого нѣтъ ничего. Это единственная улика.

Внѣ этого что же? Выходка Козаченко, это письмо въ которое тамъ вѣрятъ теперь тѣ самые, которые негодуютъ противъ Махалина и Караева. „Вы предатели, вы злоупотребили довѣріемъ, нѣтъ вѣры такимъ людямъ“. Даже Ивановъ не можетъ вѣрить Козаченко. „Кое-что говорилъ правду, но все-таки вралъ, поэтому, я ему не вѣрю“. Онъ написалъ, принесъ письмо, которое поджидали и подслѣживали, что Бейлисъ проболтается, но ничего подозрительнаго ни въ одномъ письмѣ не было, вездѣ онъ пишетъ то, что долженъ писать человѣкъ, который не знаетъ, что съ нимъ дѣлаютъ, за что его тамъ держатъ. Онъ спрашиваетъ, почему не хлопчуть, почему онъ сидитъ тамъ и говорить: „узнай, кто на меня ложно показываетъ“. Вѣдь если меня держать, значитъ на меня показываютъ, и если я невиненъ показываютъ ложно. Онъ пишетъ жентѣ, онъ хвалитъ этого Козаченко, этого

предателя, онъ просить помочь ему деньгами, „сдѣлай эту маленькую услугу“. Но, г.г. присяжные засѣдатели, если онъ могъ поручить Козаченку „узнай, похлопочи, сообщи Дубовику, чтобы доказалъ мою невиновность“. Если онъ дѣлаетъ то, что всякій привлеченный будетъ дѣлать, то думать, что онъ такъ ни съ того, ни съ сего говорить ему: „кетати пойди, отрави двухъ свидѣтелей“,—это невѣроятно. И когда это говорить тотъ, кто принесъ это письмо, вы въ правѣ ему не повѣрить. Г. гражданскій истецъ съ большимъ искусствомъ съ большою точностью говорить, что тѣ же самыя лица показываютъ, что онъ что-то узналъ. Пусть „Лягушка“ была упомянута, Шаховской фонарищикъ. Мы спросили бы Бейлиса, почему онъ думалъ это? И это якобы передаетъ съ его словъ, Козаченко, когда вышелъ на свободу. Онъ побывалъ въ судѣ среди тѣхъ людей и мѣстъ, гдѣ интересовались Бейлисомъ. Слышалъ звонъ, да не знаетъ откуда онъ. Улики противъ Бейлиса были такъ малы свидѣтельскія показанія такъ ничтожны. Шаховской показывалъ противъ Чеберяковой, а Наконечный совершенно въ пользу Бейлиса. Гражданскій истецъ выводилъ: „Наконечный его запищаетъ, но вѣдь у него есть дочь Дуня, вотъ она что-то такое знаетъ“. Дуня Наконечная показала, что они были на мятѣ, и оттуда ихъ гнали. Я этого не отрицаю, были ли они тогда, тогда или послѣ, но это вещь безобидная они могли кататься и ихъ могли прогонять. Главное, если боялись Дуни Наконечной, то почему же отравляютъ и ея отца? Г. гражданскій истецъ говорилъ, что этимъ ходомъ можно дойти до Дуни. Ну наконецъ подкушите отца, просите Дуню измѣнить показаніе, но вотъ тотъ ходъ къ Дунѣ Наконечной черезъ ея отца непонятенъ. Ну хорошо, отецъ умереть, Дуня останется неизвестно на чьемъ иждивеніи, да и подъ чью власть она подпадетъ, и что она покажетъ. И говорить, что это такъ великолѣпно совпало, что г. Шмаковъ сказалъ, что онъ за свою долгую практику такой блестящей аргументаціи не слышалъ. Признаюсь я всетаки не понималъ, почему, для того чтобы спастись отъ Дуни Наконечной нужно было Бейлису отравить ее отца. Что-же еще? Больше никакихъ уликъ противъ

Бейлиса нѣтъ, потому что внѣ этого идутъ какіе то намеки.

Это странная система обвиненія, которую со словъ г. гражданскаго истца Замсловскаго, я назову системой совпаденій. Здѣсь обвиненіе уже не формулируется, нѣтъ ничего. Тогда начинается намѣчать: „вотъ посмотрите странное обстоятельство“, что то совпадаетъ, разъ случайность, два—случайность. Послѣ третьей случайности, каждый скажетъ: „случайности мнѣ надоѣли“. Но что же устанавливаетъ? Вотъ говорить, на примѣръ: „посмотрите какое удивительное совпаденіе, —12 марта,—говорить прокуроръ, — въ самый день убійства Шнеерсонъ, тотъ самый Шнеерсонъ выселился съ завода Зайцева“. Улика. Ну, 12 марта выселился. А подымается г. Шмаковъ и поправляетъ: „Я долженъ поправить ошибку моего товарища, онъ не выселился съ завода Зайцева, а поселился на заводѣ Зайцева“. Видите, г.г., какъ на нихъ трудно угодить, и выселился — улика, и поселился — тоже улика. Это мнѣ напоминаетъ, какъ присяжный повѣренный Шмаковъ обращался съ экспертами, когда спрашивалъ, что, знаютъ анатомію убійцы или нѣтъ? Оказывается, попалъ въ жилу — значитъ знаетъ анатомію, не попалъ въ жилу — значитъ тоже знаетъ. Но какъ же тутъ на нихъ угодить? Сдѣлаешь такъ — плохо, сдѣлаешь иначе — плохо. Почему же никто изъ нихъ не подумалъ, ничего же нѣтъ. Напротивъ, если тутъ есть убійство ритуальное, подготовленное, задуманное, убійство, которое можетъ совершаться очень рѣдко, на которое сѣзжаются всякія заграничныя духовныя лица, это убійство, подготовленное 12-го марта, и вдругъ этотъ Шнеерсонъ дѣлаетъ это непременно тоже 12 марта. Что это 12 марта, по ритуалу тоже слѣдуетъ? Но, г. Пранайтисъ объ этомъ не сказалъ, и Неофитъ объ этомъ не пишетъ, что приписывается совершать въ этотъ день. Тутъ нѣтъ никакого совпаденія. Это есть случайность, которая говорить въ пользу ихъ. А между тѣмъ система обвиненія такова, что прокуроръ указалъ на это и пожимаетъ плечами — это не просто, еще улика.

Затѣмъ дальше еще улика. Былъ пріятель Андрюши Юпинскаго рабочій токаръ Арендаръ, у котораго онъ часто бывалъ, на той квартирѣ жилъ старикъ Тар-

таковскій. Арендарь говорить, что Тартаковскій очень любилъ Ющинскаго, который къ нему часто ходилъ. Послѣ смерти Ющинскаго Тартаковскій загрустилъ, именно послѣ смерти, и затѣмъ черезъ нѣкоторое время умеръ — подавился. И опять здѣсь пожимаютъ плечами и говорятъ — не спроста. Чего же тутъ мудренаго, если старикъ еврей, старый человѣкъ, полюбилъ этого мальчика, который къ нему ходилъ и не выказывалъ къ нему презрѣнія, и если онъ огорчился, когда узналъ, что съ этимъ мальчикомъ сдѣлали, если онъ огорчился, когда узналъ, что изъ-за этого мальчика винять все еврейство? И вотъ что же тутъ мудренаго, что ему стало страшно? На старости лѣтъ этотъ человѣкъ, у котораго можетъ быть никакихъ привязанностей не было, говорятъ — подавился костью. И для убійства, и для самоубійства этотъ способъ совершенно не годится. Можно повѣситься, утопиться, привить себѣ болѣзнь, но неужели можно убить себя, подавившись костью? Говорятъ, что это тоже не спроста.

Но вотъ еще случайность. Собаки были. Какіе то два еврея. Они отгоняли собакъ отъ дома и послѣ этого собаки издохли. Опять говорятъ, что это не спроста. Что же это месть всемірнаго кагала, что собаки подвергнуты смертной казни? Что это за случайность. Что такое эти собаки, которыя жили въ домѣ Чеберяковой? Почему онѣ издохли? Объ этомъ можетъ быть поговорить мои товарищи. Можетъ быть тутъ дѣйствительно что-нибудь есть, но поставить это въ связь съ евреями, потому, что собаки залаяли на евреевъ, можно только въ минуту полного ослѣпленія.

Намъ говорятъ: развѣ спроста здѣсь на заводѣ построили молельню въ обходъ закона. Да, дѣйствительно строили молельню и дѣйствительно въ обходъ закона и говорятъ, мы сначала ее выстроимъ, а потомъ попросимъ разрѣшенія, потому, что, если мы будемъ сначала ждать разрѣшенія, такъ мы его получимъ черезъ много лѣтъ. А мы выстроимъ подъ именемъ столовой, ну, а потомъ, когда получимъ разрѣшеніе, тогда будетъ молельня. Приходится евреямъ и не такіе обходы закона дѣлать съ правомъ жительства, и они дѣлаютъ. Ну карайте ихъ за это, казните, штрафуйте, но не думайте, что все это относится къ

этому дѣлу. Поистинѣ это странно и этому можно только удивляться.

Вчера прис повѣр. Шмаковъ говорить: „Посмотрите, какъ это совпало 40 тысячъ въ Харьковѣ предлагаетъ Марголинъ Чеберяковой, а затѣмъ Караевъ рассказываетъ, что, когда онъ Сингаевскаго звалъ на какое то дѣло, то на вопросъ, сколько можно заработать тоже сказалъ—40 тыс.“. Опять совпаденіе. Тотъ сказалъ—этотъ сказалъ. Цифра 40 тыс. у людей небогатыхъ кажется очень крупной, очень большой суммой. Какое это совпаденіе? Это все разные люди. Никуда свести нельзя, если мы будемъ такъ искать улики. Посмотрите — еще говорятъ: „какое совпаденіе, сторѣдотамъ зданіе“. Господа опять таки нужно быть серьезнымъ. Что же думаютъ? Думаютъ, какъ г. прокуроръ, что убили не въ печѣ, а въ закрытомъ помѣщеніи. Затѣмъ прокуроръ такъ удачно разошелся съ гражданскимъ истцомъ, который думаетъ, что убили на открытомъ воздухѣ, а не въ закрытомъ помѣщеніи. Ну, что же были тутъ поджигатели? Были бы такъ сразу подожгли такое мѣсто, гдѣ совершили преступленіе, а ее ремонтировали, ее перебѣлили и вдругъ думаютъ, что послѣ этого ее подожгли. Можно такъ идти до безконечности, но противъ Бейлиса это ничего не устанавливаетъ.

И вотъ, господа, когда вы это сопоставите, что здѣсь было выставлено противъ Бейлиса, то мы видимъ, что дѣйствительно приходится прокурору прибѣгать къ такимъ доводамъ, которые меня лично привели въ полное недоумѣніе. Онъ общался и не онъ одинъ всѣ общали „мы теперь будемъ говорить о Бейлисѣ, займемся его личностью“. Что же онъ могъ рассказывать противъ личности Бейлиса, будетъ ли доказывать, что онъ изувѣръ, фанатикъ? Въ его прошломъ покажетъ какія странности? Нѣтъ, ничего этого нѣтъ. Единственное его преступленіе, когда былъ живъ старикъ Зайцевъ то онъ поручалъ ему развезить мацу, какъ его приказчику, довѣренному человѣку. Отецъ Бейлиса былъ уважаемъ Зайцевымъ. Это все еще о фанатизмѣ не говорить, онъ труженикъ, онъ тамъ работаетъ, приказчикъ, никакой особенной духовной должности не занимаетъ. Вы бы сказали странный человѣкъ, ничѣмъ не занимается, живеть, ходитъ проповѣдуетъ, ничего по-

добнаго нѣтъ. Это настоящій рабочій человекъ, человекъ семейный, который исполняетъ все, что приказываетъ Зайцевъ. И когда тутъ не хвалито уликъ прокуроръ сдѣлалъ другой приемъ. „А посмотрите какъ онъ себя ведетъ на судѣ“, посмотрите, что такое Бейлисъ?“ И вотъ здѣсь начинается странная аргументація. Во-первыхъ, ставится въ вину Бейлису, что, когда его спросили еврей онъ или нѣтъ, онъ съ нѣкоторой гордостью отвѣтилъ „еврей“. Я не былъ въ этотъ первый день засѣданія, мое ухо не могло провѣрить, что была ли здѣсь гордость, но я думаю, что если два съ половиной года человекъ держали въ тюрьмѣ за изувѣрское преступленіе, которое вытекало изъ еврейской религіи, что у этого человекъ въ концѣ концовъ могла сложиться эта мысль. „Вотъ вы меня за это подозрѣваете самодовольствѣ, что на немъ не отражусь, и я подчеркиваю съ нѣкоторой гордостью и не скрываю, что я еврей“. А затѣмъ начинается другое, обвиняютъ его въ самодовольствіи, что на немъ не отражается процессъ, что онъ слишкомъ спокоенъ, хладнокровенъ и одинъ разъ только говорить прокуроръ, онъ заплакалъ, когда сюда явился Этингеръ. Я бы сказалъ здѣсь не одинъ разъ Бейлисъ плакалъ, онъ плакалъ не разъ это было въ разныя минуты и если это даже такъ, если Бейлисъ, который увидалъ рождественника своего хозяина, если Бейлисъ, который два съ половиной года оторванъ отъ всего и еще не знаетъ чѣмъ кончится это дѣло, если Бейлисъ увидалъ этого Этингера, вспомнилъ все что съ нимъ было на свободѣ,—ему стало жалко этого полкена отъ котораго онъ страдаетъ. Если онъ заплакалъ, то какая же это улика. Прокуроръ, пожимая плечами,—говорить,—это неспроста, что онъ заплакалъ. Но было нѣчто похуже. Прокуроръ сказалъ: посмотрите, что съ нимъ сдѣлалось, когда Кадьянъ сталъ говорить объ убійствѣ, ему вдругъ сдѣлалось дурно. Да, г.г. присяжные засѣдатели, вотъ мы, защитники Бейлиса, съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на него въ то время, когда здѣсь развертывались вещественныя доказательства, когда передъ Бейлисомъ развенули окровавленную куртку Андруразвернули окровавленную рубашку, мы все смотрѣли. Это тоже было наше мнѣніе,

если онъ виноватъ, невозможно, чтобы онъ могъ такъ спокойно, равнодушно смотреть на это, на что даже намъ неприятно смотрѣть. Глубокимъ вечеромъ Бейлисъ почувствовалъ себя дурно во время показаній Кадьяна не о немъ, а о тѣхъ убійствахъ. Но что же изъ этого, г.г. присяжные засѣдатели. Въ томъ, что Голубеву было дурно никто ничего не видѣлъ, и если кому-нибудь изъ васъ дурно, никто бы васъ не заподозрилъ, почему же прокуроръ, если онъ на обморокъ обратилъ вниманіе, почему же онъ раньше не поинтересовался узнать, а какъ себя чувствуетъ Бейлисъ? Что онъ ѣсть эти тридцать дней, пока онъ здѣсь находится, что онъ дѣлаетъ, прогуливается ли онъ на воздухѣ, какъ его здоровье, и нѣтъ ли у него малокровія. Почему прокуроръ не спросилъ сначала доктора, прежде чѣмъ прійти и говоритъ все эти улики и „не спроста“. Г.г., когда я видѣлъ эти доводы, да проститъ онъ меня прокуроръ, я почувствовалъ себя неудобно. Ну, что еще есть противъ Бейлиса? Нѣтъ, уликъ противъ него нѣтъ, зато улики идутъ, если не противъ дѣлаго народа. то противъ отдѣльныхъ изувѣрцовъ. Явилась эта экспертиза, которая должна была доказать, что здѣсь произошло ритуальное убійство. Я понимаю, если бы было доказано, что Бейлисъ виноватъ, если бы было установлено, что онъ убилъ, если бы это было не на чеберяковской лжи построено, а а на чемъ то серьезномъ, я понимаю, что тогда спросили бы экспертовъ: Вотъ, убили человекъ, это, несомнѣнно, а мы понять не можемъ, изъ-за чего, не объясните ли вы, что это значитъ? Эту экспертизу я понимаю, но когда ставится вопросъ онъ ли убилъ, тогда нужно привести на это доказательство.

Но они вѣрятъ этому, и они въ правѣ вѣрить. Но не это меня удивляетъ, и не то меня удивляетъ, что намъ пришлось рѣшать здѣсь спорный вопросъ, когда мы даже не могли показать этихъ сочиненій. Онисылались на сочиненія, говорили, что тамъ это есть, а мы провѣрить этого были не въ состояніи, не это меня удивляетъ. Меня удивляетъ, что въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, на которое дѣйствительно смотреть весь міръ, въ дѣлѣ, гдѣ нужно быть осторожными не изъ за того, что смотреть весь міръ, а потому что это

оправится на судьбу человека, на жизни человека, меня удивляет, что в этом деле в числе источников, на которые ссылались, могли оказаться такие ученые сочинения, как сочинение монаха Неофита. Ведь обвинительный акт ссылается на него, г. прокурор о нем говорил, о нем говорил и эксперт Сикорский. И вот, когда прочитали здесь это ученое сочинение Неофита, то с этой трибуны г. прокурор обратил ваше внимание на то, что эти тайны сообщил Неофиту его отец. Тогда я, дабы не спорить, попросил вас запомнить только три из этих тайн, их может быть гораздо больше, но передь нами неполное сочинение, мы имеем только то, что было взято судебным следователем Машкевичем. И вот оказывается, Неофит сообщает, что у европейских евреевъ короста на сдалаиш, у африканских—чирья и т. д. Далѣ, онъ сообщает, что четыре раза в годъ из воздуха на пищу евреевъ падают капли крови, кровь эта высыхаетъ, и всякій, кто эту пищу съѣдаетъ, умираетъ. Затѣмъ сообщается, что одинъ вечеръ в году всѣ евреи сходятъ съ ума. Что это? Юношескій бредъ неуча, или старческое слабоуміе? Въдѣ мы не знаемъ Неофита? Это какой-то молдаванскій еврей, крещенный, который намъ не извѣстенъ. Но вотъ то, что такое сочинение здѣсь фигурировало, какъ ученое, что на него ссылались, что по нему обвиняли Бейлиса, что о немъ спорили, вотъ это, г. прис. зас., в исторіи нашего суда, я думаю, повторяется не часто. Что бы вы сказали, если бы по медицинскому вопросу вызвали въ судъ въ качествѣ свѣдущаго лица знахаря, который сказалъ бы, что онъ отъ своего отца слышалъ, что при прочтеніи такихъ-то молитвъ лошадь или человекъ выздоравливаетъ? что бы вы тогда сказали? Почему же этотъ Неофитъ удостоился той чести, о которой онъ конечно и не мечталъ. Но въдѣ на Неофитѣ не остановились, въдѣ отъ Неофита идутъ дальше. Здѣсь былъ допрошенъ одинъ свидѣтель, а показаніе другого было оглашено, это свидѣтели Автономъ и Амвросій. Что же оказалось? Амвросій показываетъ, что онъ вѣрить въ ритуаль, что онъ слышалъ о такихъ случаяхъ, но что самъ онъ не знаетъ. Отъ кого же онъ слышалъ? Отъ Автонома. Ну,

а Автономъ что? Автономъ тоже отъ кого-то слышалъ. Но въдѣ они могутъ быть знакомы съ Неофитомъ, въдѣ Неофитъ заражаетъ читательскіе круги, въдѣ съ этимъ Неофитомъ, который, конечно, не ожидалъ чести быть прочтеннымъ на судѣ, въдѣ съ нимъ то тамъ, въ монастырѣ, считаются, какъ съ источникомъ, въдѣ люди могли его читать, могли ему вѣрить. Вотъ такъ складывается вся эта сказка, вся эта сплетня, которой сейчасъ хотягъ задать Бейлиса.

Но въ делѣ есть нѣчто гораздо болѣе худшее, чѣмъ сочинение Неофита, и это худшее то, что мы здѣсь видѣли во время экспертизы проф. Сикорскаго. Такъ какъ объ этомъ здѣсь говорили гражданскіе истцы, какъ будто предвидя возраженія съ нашей стороны, то я хочу на это отвѣтить, чтобы не осталось чего-нибудь недоговореннаго, чтобы не осталось никакого сомнѣнія. Я лично привыкъ уважать чужія мнѣнія, хотя бы и противныя моимъ и особенно тѣхъ, кто мужественно ихъ рассказываетъ. И то, что Сикорскій говорилъ одинъ противъ всѣхъ, пришелъ сюда и рассказалъ о всѣхъ ритуальныхъ убійствахъ, о которыхъ онъ читалъ и слышалъ, за это—я вполне согласенъ съ г. пов. гражд. истца — за это онъ заслуживаетъ только уваженія. И не это меня огорчило, въдѣ Сикорскій могъ и не знать, зачѣмъ онъ былъ призванъ сюда, быть можетъ, Сикорскій всю жизнь ждалъ этого момента, когда онъ могъ сказать все, что онъ знаетъ по этому поводу. Но въдѣ Сикорскій былъ здѣсь экспертомъ, который долженъ былъ, какъ свѣдущее лицо, не передавать слуховъ, не передавать сплетенъ, не передавать даже своихъ безотчетныхъ убѣжденій, онъ долженъ былъ говорить только то, что говорить та наука, которую онъ здѣсь представлялъ, та область этой науки, которую онъ представлялъ. Его вызвали сюда, какъ психіатра, который лучше понимаетъ душу людей, лучше знаетъ нервную систему людей, и тутъ у него могъ быть споръ съ проф. Бехтеревымъ. И вотъ, какъ бы показанія эксперта ни были неблагоприятны для насъ, я бы отнесся къ нимъ безъ всякаго осужденія. Но здѣсь что было? Здѣсь было нѣчто другое. Въдѣ Сикорскій съ другими психіатрами даже и говорить не пожелалъ. Вы слышали заявленіе проф.

Бехтерева, что Сижорскій съ ними не сталъ разговаривать. А когда Сижорскій пришелъ сюда и началъ здѣсь разсказывать, то можно ли было не удивляться и не негодовать? Мы даже не выдержали и сказали: довольно. Что это была за экспертиза? Развѣ это была психіатрическая экспертиза? Развѣ онъ не разсказывалъ о томъ, что составляетъ область науки исторіи, а не его науки? Развѣ онъ не разсказывалъ намъ о всѣхъ прежнихъ процессахъ, о французскомъ процессѣ. Откуда онъ это бралъ? Когда его спросили: „откуда вы это знаете, это есть въ вашей наукѣ“, то онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, этого нѣтъ, потому что цензура это выпустила“. Когда же его вторично спросили: „откуда же вы это знаете“, то онъ сказалъ: „подлинныя дѣла читалъ“. Его спросили: „какія подлинныя“. Онъ отвѣтилъ: „не знаю“. Дѣлъ онъ не называлъ. Затѣмъ, когда ему задали частный вопросъ и спросили, откуда онъ знаетъ, то онъ сказалъ, что изъ книги прис. пов. Шамова. Но прис. пов. Шамовъ его поправилъ. Оказалось, что это изъ книги Вязигина. Но вѣдь ни прис. пов. Шамовъ, ни Вязигинъ не психіатры. Вѣдь это совершенно особая наука. Вотъ почему мы послѣ показанія проф. Сижорскаго могли только объ одномъ просить, чтобы оно все съ точностью было занесено въ протоколъ. Но я повторяю, что упрекать проф. Сижорскаго, возложить на него хоть одинъ укоръ, я не могу. Что дѣлать? Онъ можетъ и не знать своего положенія, какъ эксперта. Годы его, наконецъ, дають ему извѣстное право. Онъ человѣкъ больной, дряхлый и къ нему придраться и спрашивать откуда онъ взялъ то или другое, можетъ быть и не стоило, но мы посылаемъ упреки тѣмъ, которые его вызвали, которые его не только вызвали, но которые пользовались имъ, какъ источникомъ науки, ссылались на него, за неимѣніемъ другихъ. Я скажу, что на нихъ, вызвавшихъ его сюда, лежитъ большой грѣхъ. Они сѣдинъ Сижорскаго въ этомъ вопросѣ не пощадилъ. Но г.г. прис. зас., что у насъ есть еще, кромѣ этой психіатрической экспертизы, которая изъ психіатрической превратилась въ ритуальную, что у насъ есть еще? У насъ еще есть медицинская экспертиза.

И вотъ здѣсь я долженъ сознаться, что если во всемъ этомъ дѣлѣ для меня былъ

пунктъ, который меня смущалъ, пунктъ, который казался мнѣ непонятнымъ съ самаго начала въ этомъ дѣлѣ, такъ это именно была медицинская экспертиза. Картина, убійства, которую рисовалъ намъ обвинительный актъ, была страшно загадочна. Что было тамъ нарисовано? Мальчикъ, котораго силою утащили, раздѣли, только шапку оставили, связали руки и въ то время, когда онъ былъ связанъ, нанесли умѣлой и опытною рукою удары, много ударовъ, но ни одного лишняго. При этомъ удары наносились для того, чтобы выточить всю кровь. Эксперты говорили— вы можете быть припомните, въ обвинительномъ актѣ это сказано, --- что убійцы обнаружили полное знаніе анатоміи. Такъ проткнуть сердце не каждый можетъ. Вся эта картина въ общемъ была страшно загадочна. Я, откровенно говоря, ея не понималъ. Но вотъ здѣсь на судѣ случилось то, что всегда случается съ правдой, которая всегда прорывается, даже тогда, когда отъ нея хотять отдѣлаться. И если не теперь, то послѣ приговора предстанетъ она передъ вами ясной и свѣтлой. Вѣдь здѣсь обнаружилось, что это неправда. Я не буду критиковать экспертовъ, ссылаться на тѣхъ, показанія которыхъ благопріятны для моей точки зрѣнія. Возьмемъ то, что безспорно. Что сказали здѣсь эксперты противной стороны? Что же оказалось, вотъ, относительно связанныхъ рукъ у раздѣтаго мальчика? Оказалось, что этого не было, руки не были связаны, онъ были свободны, онъ были связаны только послѣ смерти. И г. Замысловскій, который предпочитаетъ ссылаться только на своихъ экспертовъ, и вѣрить только ихъ показаніямъ, признаетъ, что раньше была ошибка, ибо здѣсь докторъ Туфановъ заявилъ, что руки были связаны только послѣ смерти. Значитъ, этого не было. Руки мальчика были свободны. Мальчикъ могъ биться, защищаться. Что же дальше? Дальше наносились удары, вначалѣ, когда мальчикъ былъ одѣтъ, кровь брызнула, потекла по курткѣ и запачкала всю рубашку. И потомъ уже, когда кровь текла изъ головы и шеи, когда мальчикъ, вѣроятно, потерялъ уже сознаніе, съ него сняли одежду. Значитъ, все это было совершенно не такъ, какъ говорилось раньше. А затѣмъ, относительно тонкаго знанія анатоміи убійцей. Ничего подобнаго.

Спрашивается, если бы убійца зналъ анатомію и хотѣлъ бы добыть кровь, то нанесъ бы онъ пораненія въ эти мѣста? Нѣтъ, не нанесъ бы. Онъ, можетъ быть, и зналъ, что на шеѣ есть вены, но вѣдь ни одна изъ этихъ венъ не задѣта. Затѣмъ, раненія на вискѣ 13 или 14—вѣдь здѣсь тоже ни въ одну вену онъ не попалъ. Проф. Косоротовъ говорилъ, что его даже душили, чтобы вены яснѣе были видны, но все-таки въ вены онъ не попалъ. Значить, знанія анатоміи никакого не было. Это призналъ и проф. Косоротовъ, правда, онъ обошелъ это, сказавъ, что этого и не нужно, и сослался при этомъ на скопцовъ, что, вотъ они и не знаютъ анатоміи, а свое дѣло дѣлаютъ. Итакъ, этой картины, что какой-то удивительно тонкій рѣзникъ, который знаетъ въ совершенствѣ анатомію, раздѣваетъ мальчика, оставляетъ только шапку, и убиваетъ его, этой картины въ дѣйствительности не было. Картина была нарисована страшная: кровь течетъ, и кровь подбрасуютъ. Картина страшная, гг. присяжные засѣдатели, но что же? Сами же эксперты эту картину разрушили. О чемъ же былъ споръ? Да только о мелочахъ. Кровь вытекла, говорятъ намъ. Не споримъ, кровь вытекала, но можно ли сказать, что удары нанесены были съ цѣлью выточить кровь? Мы вѣдь видимъ, что тамъ были удары несомнѣнно смертельные въ мѣста убойныя, видимъ такое разнообразіе ударовъ, что приходится остановиться только на томъ, что безусловно безспорно, чтобы возстановить эту картину. Вотъ первые удары, несомнѣнно были нанесены еще тогда когда мальчикъ былъ еще одѣтъ: это удары по головѣ, по шапкѣ; потомъ, вѣроятно, шапка сваливается. Гг. присяжные засѣдатели, вѣдь если бы это было ритуальное убійство, если бы мальчика мучили, если бы при этомъ присутствовалъ падикъ, и были бы сосуды приготовлены для крови, для этой драгоценной жидкости, изъ-за которой убійцы рисковали своей жизнью, то вѣдь тогда прежде чѣмъ колоть, они бы мальчика раздѣли, связали бы его и потомъ уже мучили и изувѣрствовали. А здѣсь что? Вѣдь здѣсь кровь течетъ и течетъ, вѣдь кровь здѣсь текла и по курткѣ и по рубашкѣ. Какъ же это такъ? Вѣдь эта драгоценность пропадала. Если это добычаніе крови есть цѣль, то почему же они берутъ

какое-то тупое шило и имъ колотъ? Вѣдь намъ говорили, что для этого было достаточно перерѣзать вену, и кровь вся бы вытекла. Тутъ же мы видимъ массу ранъ во всѣхъ мѣстахъ. И вотъ мы спрашиваемъ эксперта, какъ же все это могло произойти, и отвѣтъ былъ данъ такой простой, что для меня онъ явился откровеніемъ. Если у меня былъ какой-нибудь сомнительный пунктъ въ этомъ дѣлѣ, то онъ исчезъ послѣ показанія проф. Кадыана. Картина, имъ нарисованная, проста и ясна. Я спросилъ проф. Кадыана, что если у убійцы ничего не было подъ рукой кромѣ этого заостренного короткаго шила, то могъ бы онъ убить съ одного удара. Оказывается, что убить съ одного удара почти невозможно, потому что попасть прямо въ сердце очень трудно. Бьютъ обыкновенно въ убойныя мѣста, которые кажутся наиболее опасными, бьютъ обыкновенно въ голову, потому что тогда человѣкъ теряетъ сознаніе, падаетъ, и тогда ему наносятъ удары во всѣ мѣста для того, чтобы его добить, при этомъ, конечно, наносятъ много лишннихъ ранъ. О, конечно, если бы убійство это было заранѣе обдуманно заранѣе приготовлено, то убійцы просто ударили бы топоромъ, какимъ-нибудь полѣномъ разбили бы черепъ. Ясно, что убійство это не было подготовлено. Но гражданскому истцу пришлось здѣсь сдѣлать предположеніе, что убійство было подготовлено. Онъ спрашивалъ: Не было подходящаго орудія, какъ же это такъ? Да, такъ бываетъ.

Я рисую картину себѣ такъ. Въ квартирѣ Чеберякъ собрались эти воры, говорятъ: „Вотъ несчастье, напасть валится на насъ одна за другой, сегодня арестовали одного, завтра арестуютъ другого, мы собираемся ограбить магазинъ Адамовича, можетъ быть и насъ возьмутъ, кто-то, очевидно, болтаетъ, кто-то выдаетъ“. Гг. присяжные засѣдатели, вы знаете, за ними художества разныя водились, они, конечно, могли бояться, что найдутъ одинъ кончикъ, доберутся до всѣхъ. И вотъ въ это время является къ Женѣ мальчикъ Андрюша. Представьте себѣ, что въ первый моментъ прихода Андрюши у нихъ не было мысли непременно убить его, а была только досада на того, котораго они подозревали въ томъ, что онъ ихъ выдаетъ, было сильное неудовольствіе противъ него, а вѣдь вы не забудьте, что это были все

люди, которые недалеко ушли отъ звѣрей. Мальчикъ входитъ въ шапкѣ, — г. повѣренный гражданскаго истца говорить, что разъ была на мальчикѣ шапка, то очевидно, что убійство было совершено не въ жиломъ помѣщеніи, потому что шапку снимаютъ въ домѣ. Точно шапка можетъ быть доказательствомъ того, что онъ убитъ былъ на улицѣ. И вотъ входитъ мальчикъ, и первый ударъ, который былъ нанесенъ ему, былъ по шапкѣ. Его и не думали убить, но первая рана вышла опасной, вышло такъ, что кровь сильно хлынула, мальчикъ могъ потерять сознание. Онъ, можетъ быть даже закричалъ, тогда ему заткнули ротъ, чтобы онъ не кричалъ, потому что внизу могло быть слышно. Затѣмъ, начинаютъ наносить удары одинъ за другимъ, удары уже остервенѣлые, удары не хладнокровные, — откуда тутъ было взять хладнокровіе, — разъ начали, нужно и кончить, и вотъ, наносятъ удары до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не свалился. Куда же его кладутъ? Онъ могъ быть положенъ въ ванну, могъ быть положенъ и въ другое мѣсто. Здѣсь насъ опровергаютъ. Указываютъ на то, что былъ антрактъ, спрашиваютъ, что дѣлали убійцы въ эти 7—8 минутъ? Но, г. присяжные засѣдатели, если бы было это ритуальнымъ убійствомъ, тогда мы на этотъ вопросъ отвѣтили бы, а вѣдь его не было. Что же было? Въ извѣстный моментъ звѣрства кончились, они видятъ, что мальчикъ уже трупъ, мальчикъ не дышитъ, — какъ говорилъ проф. Кадьянъ, — мальчикъ лежа, истекаетъ кровью, и они смотрятъ другъ на друга... Какъ быть? Можетъ быть, они совѣтуются, куда дѣвать трупъ, можетъ быть, спрашиваютъ другъ у друга: умеръ ли онъ или нѣтъ. Но затѣмъ, когда увидѣли, что мальчикъ еще живъ, тогда уже прикончили его послѣдними ударами. Вотъ вамъ возможная картина убійства. Конечно, я самъ тамъ не былъ, это только предположеніе.

Вотъ теперь я кончаю. Я старался сопоставить все то, что указывало на одно мѣсто. на Чеберякъ. Вы видѣли много уликъ противъ нея безспорныхъ, несомнѣнныхъ, ихъ не отрицаетъ даже обвиненіе Бейлиса. Но тутъ нашли, мы видимъ, улики и противъ Бейлиса. Имъ вѣрить нельзя, или нужно допустить, что на Лукьяновѣ все сплошь продажныя души,

которыя знали, что ребенка утащили въ печку еврей, поволокли его къ печкѣ, и молчали объ этомъ изъ-за страха. Этого допустить нельзя. А въ то же время, когда мы видимъ, что Чеберякову защищаютъ, видимъ по отношенію къ ней полное сочувствіе, полное довѣріе, а отъ него (показываетъ на подсудимаго) всѣ отвернулись, здѣсь тюрьма и требованія осужденія, то, г.г. прис. засѣд., я искренно вамъ скажу, я не понимаю, почему это такъ вышло.

Конечно, правосудіе человѣческое не совершенно, правосудіе часто дѣлаетъ ошибки, бываетъ иногда, что преступленіе на-лицо, а виновнаго не находятъ. Но что же дѣлать? Это бываетъ. Правосудіе человѣческое — не Божье, оно часто не находитъ виновныхъ и не мы тогда сводимъ счеы съ виновными. Но бываетъ другое, бываетъ, что невиннаго осуждаютъ. Но когда невиннаго осуждаютъ потому, что есть въ дѣлѣ роковое стеченіе обстоятельствъ, есть такое злополучное совпаденіе доказательствъ, что даже чуткая, осторожная совѣсть 12-ти судей ихъ не можетъ распутать, о, тогда это — судебная ошибка, въ которой никто не виноватъ. Но, когда мы видимъ, что отъ виновныхъ отвернулись, когда мы видимъ, что судятъ человѣка, беря въ основу доказательствъ такую „честную“ свидѣтельница, какъ Чеберякова, такого „ученаго“, какъ Неофита, когда мы это видимъ, мы не можемъ сказать, г.г. присяжные засѣдатели, что здѣсь была роковая, непоправимая ошибка, мы не можемъ сказать, что тутъ было злополучное стеченіе обстоятельствъ, совпаденіе уликъ, которыя могли заставить ошибиться. Я спрашиваю себя, почему это могло быть? Я не могу думать, чтобы тѣ злыя чувства, тѣ недобрыя чувства, которыми обвиненіе въ теченіе 2 дней вдохновляло васъ, чувства противъ евреевъ могли сыграть роль во всемъ этомъ. Я этому не вѣрю. Я не зналъ бы, чѣмъ объяснить себѣ обвиненіе Бейлиса, если бы г. прокуроръ въ своей рѣчи самъ не далъ бы мнѣ отвѣтъ на это, и если бы г. пов. гражданскаго истца не дополнили того, что говорилъ прокуроръ. Я радъ, что это намъ было прямо сказано, радъ потому, что теперь на это могу отвѣтить, радъ,

что мы можем договориться до конца, ничего не скрывая.

Вамъ говорили здѣсь, что это дѣло исключительное, что въ этомъ дѣлѣ рѣчь идетъ не о несчастномъ приказчикѣ Бейлиса, за котораго слишкомъ много заступниковъ, а о всемірномъ кагалѣ. Да, тутъ вышелъ оптический обманъ, мы все забываемъ о немъ. Вспомнимъ слова изъ рѣчи прокурора, вспомнимъ то, что онъ говорилъ про евреевъ. Я прочту это мѣсто: „они—т. е. евреи—никакъ не ожидали, чтобы слѣдственная власть и прокуроръ осмѣлились“ и далее: „заправили еврейскаго народа, они виноваты“. Вотъ оно, объясненіе! За спиной Бейлиса здѣсь почудился кто-то другой, болѣе страшный, тотъ, котораго г. гражд. истецъ называлъ всемірнымъ кагаломъ и заправилами, сказавъ, что слѣдственная власть и прокурорскій надзоръ не поддались. Да, гг. присяжные засѣдатели, въ этомъ разгадка этого дѣла. Дѣйствительно, дѣло это ведется странно. Вы видѣли этихъ добровольцевъ, которые участвовали въ розыскахъ вмѣстѣ съ жандармами, анархистами и сыщиками, идя по пятамъ Чеберяковой. Вы видѣли ихъ всехъ. Я самъ скорблю о томъ, что это было. Но вѣдь г. прокуроръ долженъ былъ бы признать, что съ другой стороны было то же самое. Былъ „Двуглавый Орелъ“, который выполнялъ сыщическую роль, былъ „Двуглавый Орелъ“, который пригласилъ сюда нашихъ почтенныхъ противниковъ.

За спиной Бейлиса разыгралось что-то странное, разыгралось столкновение какихъ-то другихъ силъ. И это было несчастье для правосудія. И если мы хотимъ справедливаго приговора, если мы все одинаково служимъ правосудію, то мы все, начиная съ защиты и прокурора и кончая нашими судьями, должны будемъ вамъ сказать: эту ошибку не повторяйте, гг. присяжные засѣдатели, сдѣлайте подвигъ, сумѣйте стать выше этихъ страстей, сумѣйте понять, что все наши ошибки, все ошибки еврейскихъ заправиль, ошибки еврейскаго народа, все ошибки, къ которымъ бы онѣ ни были сдѣланы, не причемъ, когда судятъ Бейлиса. Вамъ г. прокуроръ то же сказалъ, что я говорю. Но сдѣлайте и другой подвигъ. Да, государственная власть, конечно, не можетъ бояться, государственная власть не можетъ остановиться передъ какимъ-то еврейскимъ влияніемъ, но помните, если бы

государственная власть осудила невиннаго, только потому, чтобы ей не сказали, что она уступила, то это было бы не только ошибкой государственной власти, но это было бы самоубійствомъ нашего правосудія. Вотъ что вамъ долженъ былъ сказать г. прокуроръ прежде всего: „Этой мысли не поддавайтесь, эти слова все забудьте.“

Къ несчастью, эта мысль свою роль въ дѣлѣ сыграла. Мы видѣли здѣсь свидѣтелей, которые шли въ другомъ направленіи, не противъ Бейлиса, не противъ евреевъ. И что же? Говорили, что они называютъ такъ потому, что подкуплены. Здѣсь были люди сыска, люди власти, которые искали виноватаго, но когда слѣды вели ихъ къ Чеберякъ, то имъ не вѣрили, говорили, что они подкуплены. Когда я вижу все эти ошибки, когда вижу то пристрастіе, которымъ отмѣченъ каждый шагъ этого обвиненія, то мнѣ невольно кажется, что была какая-то щепетильность у прокуратуры, щепетильность, которая бываетъ у отца-учителя, который учитъ собственнаго сына въ гимназіи, онъ боится, чтобы не подумали, чтобы не заподозрили его въ пристрастіи. Тутъ тоже боялись, чтобы не подумали, что подкуплена прокуратура, не хотѣли смотрѣть на то, что было ясно, а когда имъ указывали, говорили, что это не правда.

Но это не бѣда, гг. присяжные засѣдатели, все это поправимо. Пусть свидѣтели говорили такъ, свидѣтели — только свидѣтели, а вы—судьи. Пусть слѣдственная власть дѣлала ошибки, и Бейлисъ пострадалъ, что же, это поправимо. Пусть г. прокуроръ обвиняетъ болѣе жестоко и страстно, чѣмъ это было бы нужно. Вѣдь, вы судьи. Если у васъ мелькнетъ эта мысль, если вы подумаете, что вамъ надлежитъ не судить несчастнаго Бейлиса, жалкаго въ своей безпомощности передъ русской государственностью, если вы забудете, что вы призваны сюда разобрать иное, а вспомните другія двѣ страшныя силы, то тогда, гг. присяжные засѣдатели, правосудія не будетъ въ вашемъ приговорѣ. Вы можете осудить Бейлиса, если онъ виновенъ. Осудить его безпощадно, ибо, если это онъ убилъ Ющинскаго, такого изувѣра цащить не нужно.

Если вы замѣтили какія-нибудь улики противъ него, которыхъ я не замѣтилъ,

не видѣль, которыхъ не видѣль и прокуроръ, — потому, что онъ ихъ не указалъ въ своей рѣчи, — если у васъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ виновенъ, что же... казните его. Но, если въ этомъ вы не убѣждены, то забудьте обо всемъ, что здѣсь говорилось, забудьте о еврейяхъ, о еврейской нетерпимости, о грѣхахъ еврейскихъ газетъ, о грѣхахъ ихъ заступниковъ, забудьте о томъ засильѣ, о которомъ говорилъ вамъ здѣсь г. прокуроръ, забудьте все это, иначе не будетъ правосудія.

Если же вы поддадитесь и не забудете всего этого, то пострадаетъ нѣчто не менѣе дорогое для васъ, чѣмъ Бейлисъ, пострадаетъ русское правосудіе. Бейлисъ смертный человѣкъ, пусть онъ будетъ несправедливо осужденъ, вѣдь это забудется. Мало ли невинныхъ людей осуждалось, жизнь человѣческая коротка, они умерли, умереть и Бейлисъ, умереть его семья, все забудется, все простится, но этотъ приговоръ... этотъ приговоръ не забудетъ и, этотъ приговоръ останется, какъ приговоръ суда присяжныхъ надъ тѣмъ, кого вамъ стараются изобразить вашимъ врагомъ.

Вамъ говорятъ, что евреи ваши враги, что они смѣются надъ вами, что они не считаютъ васъ за людей. Васъ приглашаютъ къ тому же самому, по отношенію къ нимъ. Не поддавайтесь этому, ибо, г.г. прис. засѣдатели, если вы осудите Бейлиса, независимо отъ уликъ, а за наши грѣхи, за ихъ грѣхи, за что-то другое, если онъ будетъ жертвой искупленія, то вѣдь если бы даже и нашлись люди, которые первое время порадовались бы вашему приговору, то потомъ они пожалѣютъ, а вашъ приговоръ останется печальной страницей въ исторіи нашего правосудія. Помните это, когда будете рѣшать судьбу Бейлиса, г.г. присяжные засѣдатели.

Послѣ рѣчи В. А. Маклаковъ былъ объявленъ двухчасовой перерывъ (отъ 5 ч. до 7 ч. веч.). Вечеромъ произнесъ рѣчь О. О. Грузенбергъ.

Около 7½ час. началъ свою рѣчь прис. пов. О. О. Грузенбергъ.

Рѣчь О. О. Грузенберга.

Г.г. судьи и г.г. присяжные засѣдатели. Ритуальное убійство... Употребленіе человѣческой крови... Страшное обвиненіе.

Страшные слова, давно уже схороненныя. Они сильны и живучи, и, какъ вы слышите, понинѣ поднимаются съ кладбища. Они заражаютъ все живущее. И люди, которые живутъ мирно, знаютъ другъ друга, понимаютъ другъ друга, вдругъ дѣлаются врагами. Вотъ сейчасъ, когда я стою передъ вами, когда приходится говорить объ этомъ страшномъ обвиненіи,—которое, какъ ни ставьте, говорить, что часть еврейства повинна въ этомъ или все еврейство, или отдѣльная секта, но все же вѣдь рѣчь идетъ о религіи въ той или другой степени,—и въ эту минуту, когда раздаются эти грозныя слова, и дѣлаютъ людей врагами,—я стою передъ вами и самъ не знаю, могу ли я еще пользоваться вашимъ довѣріемъ, могу ли я еще пользоваться вашимъ вниманіемъ. Что же въ томъ, что я росъ среди васъ, учился въ вашей школѣ, учился по вашимъ книгамъ, имѣлъ друзьями васъ, христіанъ, имѣлъ васъ русскихъ своими друзьями? Я жилъ вашими болями, вашей скорбью, вашими страданіями. А вотъ видите, ударилъ страшный часъ, раздалась слова кроваваго навѣта и мы разединены и стоимъ врагами другъ противъ друга. И въ эту минуту, можетъ быть, кому-нибудь кажется, что я хочу своими словами, что я хочу своею рѣчью заглушить смертное клокотаніе несчастнаго мученика, несчастнаго Андруши. Нѣтъ, я не хочу этого, я этого не думаю. Дѣло ваше, вѣрить мнѣ или не вѣрить, но если бы я, хоть одну минуту, не только зналъ, а думалъ бы, что еврейское ученіе позволяетъ, поощряетъ употребленіе человѣческой крови, я бы больше не оставался въ этой религіи. Говорю это громко, зная, что эти слова станутъ извѣстными евреямъ всего міра, что ни одной минутой я не считалъ бы возможнымъ оставаться евреемъ. Я глубоко увѣренъ, я глубоко знаю, я позволяю себѣ такія слова, потому что я защищалъ такое-же дѣло, о которомъ здѣсь-же упоминалось. Я глубоко убѣжденъ, у меня нѣтъ ни минуты сомнѣнія, что этихъ преступленій у насъ нѣтъ и не можетъ быть.

Господа, вы видите, что эти обвиненія, поднявшись съ кладбища, потащили насъ на кладбище, тамъ мы разрывали тысячелѣтнія могилы, тамъ изъ давно уже рдзвалившихся и покрытыхъ плѣсенью могилъ мы извлекли все старое. Подумайте, господа, вѣдь здѣсь мы говорили о томъ, что бы-

до болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, когда евреи воевали съ какими-то амалитянами, обращались съ ними жестоко и вотъ теперь Бейлисъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ и мы занимаемся вопросомъ о томъ, что дѣлалось 3,000 лѣтъ тому назадъ, жестоко или не жестоко сражались въ то время люди. Да, господа, болѣе 3,000 лѣтъ тому назадъ люди ходили нагншемъ по лѣсамъ, люди поѣдали еще другъ друга, какъ дикари, а евреи уже знали единого Бога, евреи уже молились единому Богу, и, если приносили въ храмъ жертвы, то не иначе какъ жертвы животныхъ, но не жертвы человѣческія. Мы рылись въ старыхъ воспоминаніяхъ, говорили о разрушеніи храма, о томъ, какія жертвы приносились, мы шли въ эти древности, мы все время были на кладбищѣ, на кладбищѣ, которое создано уже 3,000 лѣтъ тому назадъ и отъ котораго мы отдѣлены, казалось бы навсегда. Но насъ обвиненіе туда привело и мы рылись въ этихъ забытыхъ могилахъ.

Вы видѣли, что Бейлисъ сыгралъ роль того козла отпущенія, о которомъ гражданскіе истцы такъ много гонорили. И что же случилось? Онъ отвѣчаетъ теперь за все то, что было когда-нибудь на протяженіи 3,000 лѣтъ среди милліоновъ евреевъ. А на протяженіи 3,000 лѣтъ были милліоны милліоновъ, быть можетъ, какой-нибудь безумный, дерзкій или обиженный, который сказалъ какое-нибудь рѣзкое слово про иноплеменника или про христіанина,—за все это отвѣчаетъ Бейлисъ. Подумайте, какъ было бы ужасно, если бы люди христіанскаго исповѣданія, католическаго, лютеранскаго, если бы кто-нибудь сталъ ссылаться на то, что писалось или говорилось нѣсколько сотъ или тысячъ лѣтъ тому назадъ, если бы сорвалось какое-нибудь слово и если бы сказали,—смотрите, вѣра этому обучаетъ. Вотъ, господа, что значить идти на кладбища, что значить разрывать могилы, потому что онѣ заражаютъ все. И вы видѣли и слышали—за то, что сыск у насъ стоитъ не хорошо, за то, что попадаются отдѣльные не хорошіе полицейскіе чиновники, — кто отвѣчаетъ?—Бейлисъ. За то, что слѣдственная власть слѣдала ошибку, была недостаточно энергична,— кто отвѣчаетъ?—Бейлисъ. Если взяли не-

счастную женщину, держали подъ арестомъ—виновать Бейлисъ. Если работника Луку Приходько оторвали отъ рабочаго станка и томили подъ арестомъ—виновать Бейлисъ. Онъ за все отвѣчаетъ. Если Федора Нѣжинскаго—мало ли кого хватали въ это время,—за все онъ въ отвѣтъ, онъ долженъ отвѣтить за все. Да, это какой-то козель отпущенія. И когда случилось это страшное преступленіе, я говорю страшное безъ фразъ и не для того, чтобы поддѣлаться подъ васъ, потому что вы слышали отъ экспертизы и сами знаете объ еврейяхъ, неужели у нихъ нѣтъ любви къ дѣтямъ, вѣдь, кажется, самое заботное въ семьѣ, это уваженіе къ ребенку, страхъ за его участь и вотъ ужасная смерть—убить ребенка и за все опять долженъ отвѣчать онъ, за то, что не раскрыто преступленіе, за то, что не найденъ преступникъ.

Вы слышали въ рѣчахъ обвинителей, прокурора и одного изъ гражданскихъ истцовъ, звучало что? Звучалъ призывъ не наказывать виновнаго по точно доказаннымъ доказательствамъ, а дать искушеніе, дать утѣшеніе несчастной матери. Да, несчастная мать нуждается въ утѣшеніи, но не въ жертвоприношеніи, не въ осужденіи невиннаго. Господа судьи, я долженъ вамъ сказать, что я просилъ бы господъ обвинителей посмотрѣть на эту бѣдную Александру Приходько, приглядѣться къ этой простой женщинѣ, прислушаться къ ней и отъ нея, господа, намъ надо научиться, какъ бережно надо относиться къ человѣческой жизни. Вы помните, какъ она вошла въ судъ и сказала слова удивительныя, слова пропавшія въ этомъ шумѣ, гомонѣ, и безпорядкѣ отдѣльныхъ фразъ, мыслей и показаній никому ненужныхъ. Она сказала святыя слова и ихъ, конечно, не могли понять ни сыщики, ни газетные репортеры, которые собираютъ мелкія свѣдѣнія, она сказала:—, у меня нѣтъ слезъ, я не могу больше плакать“. И вотъ эту замученную женщину, у которой нѣтъ больше словъ, которая не можетъ плакать, спрашиваютъ и слѣдователь и мы, кого вы подозрѣваете?—Ни слова про Бейлиса, ни слова про евреевъ. Святая женщина. И вотъ въ эти минуты гнѣва и отчаянія она не заразилась общей ненавистью, она говоритъ правду, какъ понимаетъ, ей жаль сына, но она не хочетъ, чтобы гибли дру-

гіе невинные люди. Да, это такъ, и когда я слышалъ ее, я понималъ, почему она такъ осторожно относится къ чужой жизни.

Рядомъ съ ней, господа, есть другая женщина, вы о ней здѣсь слышали: Это жена Бейлиса, его семья, и что же—она намного счастливѣе, намного лучше живетъ, чѣмъ Александра Приходько? Развѣ такъ? Вѣдь она такая же жалкая, безпомощная, одинокая, заброшенная, какъ Александра Приходько, у нея тоже никого нѣтъ. Посмотрите на трудовую хорошую честную семью Бейлиса, настоящую рабочую семью, на нее въ одинъ день ударилъ Божій громъ, разбилъ всю эту бѣдную трудовую семью и вотъ уже два съ половиной года вся эта семья разбита, раскидана и не знаетъ, когда соберется вновь. За что?—Отвѣта дать нельзя. Отвѣтъ дать невозможно и я знаю только, что это какое-то огромное горе навалилось на нее.

Что вы знаете объ этомъ Бейлисѣ, что вы слышали о немъ? Господа, разнo говорить о евреяхъ, разнo о нихъ думаютъ, но развѣ кто-нибудь изъ васъ не скажетъ, что Бейлисъ это одинъ изъ тѣхъ евреевъ, изъ того класса, который долженъ быть дорогъ всякому христіанину, какъ и еврею. Вѣдь, это же честный труженикъ, рабочій человѣкъ, не знавшій ни дня, ни ночи, работавшій не меньше, чѣмъ работали всѣ крестьяне и извозчики, чѣмъ работали всѣ рабочіе. Вы слышали, онъ вставалъ со всѣми, иногда въ четыре, а въ 6 часовъ утра начиналась работа и шла съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. Ни минуты покоя, онъ со всѣми работалъ. Вы помните, какъ рассказываютъ, что даже въ обѣденный часъ, когда постучишь къ нему въ контору, онъ бросаетъ обѣдъ, выбѣгаетъ, чтобы не задерживать возовъ, подписываетъ квитанци, выдаетъ, отпускаетъ, и такъ напряженно онъ работалъ, начиная съ 4-хъ, обыкновенно, съ 6, утра и до 6 вечера, т. е., 12—16 часовъ въ день, какъ и всѣ. Прошли здѣсь христіане. Кто эти христіане? Рабочіе извозчики, много тутъ прошло народу, и что они вамъ сказали,—вы сами знаете, что когда человѣкъ попадаетъ въ бѣду, всегда найдется кто-нибудь, кто вспомнить, что онъ его обидѣлъ. Но, вѣдь, вы ни одного такого голоса не слышали. Проходили рабочіе,—посмотрите, какъ они тепло, сочувственно и человѣчно отзывав-

лись о немъ, всѣ смотрѣли на него, какъ на несчастнаго, пришибленнаго, полураздавленнаго человѣка, и что, можетъ быть, Богъ дастъ, онъ оправится, и ни одного укориженнаго слова вы не слышали.

Помните, пришли сюда дѣтиски, это былъ трогательный моментъ, когда маленькая Евгения Волощенко, на вопросъ про Бейлиса, глянула на скамью подсудимыхъ. Ее спрашиваютъ, что же онъ васъ гонялъ, обижалъ?—она засмѣялась и сказала: „Нѣтъ, никогда не обижалъ“. Никто, ни взрослые, ни старики, ни дѣти, ни тѣ, которыхъ мы вызывали, ни тѣ, которыхъ прокуроръ вызывалъ,—ни одного слова укорижны или жалобы не сказали противъ Бейлиса и все же Бейлисъ сидитъ передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ, и все же Бейлисъ 2½ года сидитъ въ тюрьмѣ, измученный, надорванный, разбитый, и здѣсь требуется его осужденіе во имя критики Библии, во имя критики огара, какихъ-то мертвенныхъ книгъ, которыхъ ⁹/₁₀ евреевъ не видали и о которыхъ не слыхали, во имя этого, во имя доказательствъ, собранныхъ отъ пьяныхъ бабъ, отъ Волкивны, которую надо было разыскивать по разнымъ притонамъ, чтобы привести въ судъ, отъ Волкивны, которую долженъ былъ разыскивать слѣдователь. Богъ знаетъ, отъ кого вы слыхали это, прошелъ весь воровской міръ и тамъ старались найти улики противъ Бейлиса. Господа, я увѣренъ, что только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда мы съ вами будемъ вспоминать, что мы пережили за эти 25—26 дней,—простите, я уже потерялъ счетъ, для меня это какой-то сплошной кошмаръ, и я не могу опомниться,—то вы скажете, неужели все, что мы слышали отъ Волкивны, отъ Шаховского, который 17 разъ мѣнялъ свои показанія у слѣдователя и столько же разъ мѣнялъ показанія здѣсь, передъ вами, въ этой залѣ, а его слушали, и неужели на основаніи этихъ показаній, часто бессмысленныхъ, совершенно необоснованныхъ, ни съ чѣмъ не связанныхъ, сбивчивыхъ, разсѣянныхъ, шла рѣчь о томъ, чтобы человѣка послать въ каторжные работы. Подумайте, господа судьи, что это мы слышали и видѣли все время сплошь.

Я спрашиваю, за что же это, въ чемъ человѣкъ провинился? И дѣйствительно, обвиненіе само, я не говорю про судей, но

само обвиненіе считаетъ твердымъ это положеніе? Де нѣтъ, вы слышали, что говорилъ прокуроръ и гражданскіе истцы, они говорили, что такъ какъ тамъ при больницѣ имѣется молельня, то не нужна ли кровь человѣческая для того, чтобы на ней построить эту молельню, вѣдь, это такъ, объ этомъ говорилъ прокуроръ, это записано, объ этомъ мы всѣ слышали. И тогда я обращаюсь къ г. прокурору и говорю,— если вы считаете, что молельня должна строиться на христіанской крови, если вы считаете, что для молельни принесли въ жертву и замучили несчастнаго мальчика, что же вы молчите, отчего не дѣйствуете такъ, какъ требуетъ убѣжденіе? Тогда ищите того, кто строилъ молельню, для кого была эта молельня. Вы видѣли этого человѣка, онъ стоялъ передъ вами. Это—Зайцевъ, сынъ стараго Зайцева, миллионера, онъ строилъ ее, и, если обвинитель считалъ, что молельня строится на человѣческой христіанской крови, то, я спрашиваю васъ, почему же онъ не сидитъ здѣсь, строитель этой молельни, почему не сидятъ тѣ, которые пожертвовали деньги на нее, тѣ, которые нашли, что нужна человѣческая кровь, тѣ, которые нанимали людей, чтобы они убивали. Этого требовало обвиненіе, и если обвинитель это думалъ, онъ долженъ былъ взять ихъ, посадить, но онъ ихъ не посадилъ. И я спрашиваю, какъ-же послѣ этого обвинители могутъ здѣсь въ судѣ говорить, что молельня была заложена не 7 марта, а, вѣроятно, въ день гибели несчастнаго мальчика, и для этой молельни понадобилась кровь. Да, я скажу, если вы этому вѣрили, вы должны были ихъ взять. У васъ, у русской власти и правительства, достаточно власти, достаточно мощи, чтобы не останавливаться ни передъ богатствомъ, ни передъ положеніемъ, ни передъ чѣмъ. И если бы вы вѣрили, то, конечно, вы посадили бы на скамью подсудимыхъ тѣхъ, кто создавалъ молельню, кто требовалъ крови, но вы этого не сдѣлали, конечно, потому что вы сами отлично знаете, что это невѣрно, что этому нѣтъ никакихъ доказательствъ, кромѣ одного факта, что люди хотятъ молиться и въ своей синагогѣ, какъ имъ разрѣшилъ Богъ и какъ разрѣшаетъ законъ и какъ разрѣшаетъ русская власть. Вы это знали и, тѣмъ не менѣе, на судѣ мы слышали, во время слѣдствія допрашивали цѣлый рядъ свидѣ-

телей по вопросу о томъ, съ разрѣшенія или не съ разрѣшенія строили молельню, когда она открылась, когда освящалась, и все это дѣлалось только для того, чтобы бросить подозрѣніе, не для этого ли понадобилась кровь несчастнаго Ющинскаго.

Да, господа, для этой бѣдной матери кровь Ющинскаго, его рубашка, забрызганная кровью, это не боевое знамя, для нея это послѣдняя кровь ея ребенка, дорогая ей кровь; для нея дорога не пещера, куда мы стремимся, для нея дороги два аршина могилы, гдѣ лежитъ ея мальчикъ, могила, куда, быть можетъ, никто изъ насъ и обвинителей не ходитъ. Она ходитъ туда въ одиночку, бѣгаетъ, плачетъ и ищетъ утѣшенія на этой землѣ, но никого не винить, потому, что знаетъ, что тамъ передъ престоломъ Всевышняго ея сыну не станетъ легче отъ того, что пострадаетъ еще одинъ невинный человѣкъ, отъ того, что рядомъ съ ея мальчикомъ будутъ мучиться и томиться четверо дѣтей этой несчастной женщины и этого несчастнаго Бейлиса, этотъ ни въ чемъ неповинный Пинка, о которомъ мы слышали, что съ нимъ всегда играли христіанскіе мальчики и что они любили другъ друга. Она это знаетъ и я хотѣлъ-бы, чтобы это знали обвинители, чтобы, подходя къ дѣлу, они видѣли въ этой могилѣ дѣйствительную святыню, дѣйствительно замученнаго ребенка и эта окровавленная рубашка дѣйствительно должна вызвать горе, а нельзя ея размахивать, какъ знаменемъ, и звать людей, ко взаимному раздраженію и ненависти. Это невозможно. Надо произнести слово успокоенія.

Обвиненіе ставить міровое дѣло, но г. предсѣдатель вамъ объяснить, что на судѣ нѣтъ міровыхъ дѣлъ, на судѣ есть дѣло отдѣльнаго человѣка, его судьба, его участь и интересы правосудія, больше ничего на судѣ нѣтъ. Все остальное отъ лукаваго, а отъ Бога только одно—виновать?—виновать, невиновать, кто бы ни былъ, врагъ-ли мой, я бы тебя ненавиждѣлъ, но разъ ты невиновать, я не могу этого не сказать. Да, господа, бываютъ погромы, бываютъ страшныя движенія, о которыхъ говорилъ г. гражданскій истецъ. Вы ихъ можете понять. Но тамъ дѣйствуетъ толпа, ослѣпленная; она бросается, разрушаетъ дома, сжигаетъ имущество, убиваетъ людей. Это вспышка. Но вы понимаете, что

тамъ нѣтъ разума, люди не разсуждаютъ, они поддались несчастной страстности, они, опьяненные кровью, совершаютъ злое дѣло. Но здѣсь, когда мы спокойно, безъ точныхъ доказательствъ будемъ требовать гибели человѣка—это невозможно.

Одну минуту займемся обвинительной рѣчью и вы увидите, до какой степени, по моему убѣжденію, не пытаюсь даже продумать, провѣрить отъ начала до конца, какимъ образомъ строится обвиненіе противъ Бейлиса. Вы слышали, что вамъ говорилъ прокуроръ. Прокуроръ сказалъ, что считаетъ, что въ этомъ дѣлѣ виновата Чеберякова. Онъ сказалъ—„гласъ народа гласъ Божій“. А тамъ въ одномъ показаніи, что вамъ читали, говорятъ—что Чеберякова продала Андриюшу жидамъ. Онъ говоритъ, что онъ въ это вѣрить, а представитель гражданскаго иска г. Шмаковъ говоритъ—почему или Бейлисъ или Чеберякова, а не—и Бейлисъ и Чеберякова. Такъ говорилъ г. обвинитель, такъ другими словами сказалъ одинъ изъ гражданскихъ истцовъ. Остановитесь, укрѣпитесь на этомъ мѣстѣ, продумайте и вы увидите сразу, что тотъ, кто сказалъ эти слова отказался отъ обвиненія Бейлиса безповоротно.

Если Чеберякова сговорилась съ евреями, если Чеберякова продала евреямъ несчастнаго Андриюшу, то, г. г. судьи, о чемъ же было съ ней разговаривать въ г. Харьковѣ, зачѣмъ надо ѣздить съ Бразулемъ и съ Марголинымъ въ эту потѣшную неумную потѣздку въ Харьковъ. Зачѣмъ? Вѣдь съ ней сговаривались, она соучастница, говорятъ прокуроръ и гражданскій истецъ. Она предала младенца, о чемъ же ее будутъ просить, какія 40.000 предлагать. Она говоритъ—янеповинна, я ничего не знаю. Это ложь, мы это докажемъ, но это понятно. Но когда г. прокуроръ и гражданскій истецъ говорятъ, что они согласны, что сговорились, что она привела имъ ребенка и отдала Андриюшу, то я спрашиваю—о чемъ же имъ разговаривать, какая Бразулю тутъ надобность, вѣдь не Бразуль согласился съ ней, значить тѣ, которые согласились съ Чеберяковой должны съ ней говорить, должны думать о томъ, какъ отвязаться отъ этой бѣды, какъ распутаться въ этомъ страшномъ преступленіи, какъ избавиться отъ отвѣта за него. А вы слышите, что Бразуль производитъ разслѣдованіе. Ѣдетъ зачѣмъ то въ Харьковъ, тамъ они

сговариваются. принять-ли на себя, отвѣтить ли за это какой-то Нѣжинскій, отвѣтить-ли еще Мифле Павелъ, и другія лица. Для васъ ясно, что если прокуроръ сказалъ, что онъ считаетъ, что они убивали вмѣстѣ, то этимъ самымъ онъ отказывается отъ обвиненія, этимъ самымъ отказывается отъ обвиненія и гражданскій истецъ и только одинъ представитель обвиненія г. Замысловскій, какъ судебный дѣятель, понимаетъ, что такъ нельзя думать, нельзя ставить такое положеніе, потому, что тотъ, кто сказалъ, что она соучастница, отказывается отъ обвиненія, онъ говоритъ: „нѣтъ она не соучастница, ее напрасно влекутъ на каторгу, противъ нее искусственно создаютъ улики“. Я съ нимъ ни въ чемъ не согласенъ. Но нужно быть справедливымъ и хотя его рѣчь глубоко неправильна и покоится на ошибочныхъ основаніяхъ, но онъ развиваетъ свою точку зрѣнія логически. Онъ сталъ на почву, гдѣ вы не можете сказать, что онъ себя противорѣчитъ.

Слушайте дальше, что говоритъ обвинитель? Обвинитель говоритъ, что они сговорились, что она предала ребенка и забываетъ, что двѣ трети своей рѣчи прокуроръ посвятилъ чему? Онъ говорилъ, что Чеберякова воровка, у нея притонъ, она несчастная женщина. Но, господа, отъ того, чтобы быть легкаго поведенія, имѣть любовниковъ---до убійства большое разстояніе. Я и думалъ, что большое разстояніе, а оказывается, что это разстояніе прокуроръ прошелъ въ полтора часа, потому что послѣ перерыва онъ призналъ, что она соучастница. Вотъ какъ, полтора часа передъ тѣмъ оказывалось, что она только притоподержательница, неспособная на убійство, а черезъ короткое время оказалось, что она соучастница и вмѣстѣ съ Бейлисомъ убивала. И я говорю, съ такими оружіемъ, котораго вы не испробовали, не испытали, вы идете противъ подсудимаго послѣ двухъ съ половиною годичнаго заключенія и вы предъявляете обвиненіе, считая его строго провѣреннымъ и требуете наказанія человѣка, когда вы сами въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мѣняете свое положеніе. Но мало того, господа судьи, вѣдь поставивши это положеніе г. прокуроръ, прибѣгъ ко второму, онъ сказалъ,---сговорились съ ней, а

кромѣ того можетъ быть участвовалъ и Файвель Шнеерсонъ.

Тутъ г. Замысловскій тоже погрѣшилъ, потому что онъ говорилъ---конечно преду-мышленное убійство, значить люди заранѣе обдумали. Какъ-же въ такомъ убійствѣ дѣло было поставлено въ зависимость отъ того, придетъ Андриуша въ воскресенье къ Женѣ,---ладно, не придетъ,---евреи оста-лись безъ младенца, безъ крови, пойдутъ кататься на мялѣ,---великолѣпно, пойма-ютъ ихъ на мялѣ---еще лучше. А если не пойдутъ? а если они бросятся вразсып-ную? Тогда Женя убѣжалъ, Андриуша не убѣжалъ, а представьте наоборотъ, а если бы вмѣсто Андриуши Женя. И это называ-ется предумышленнымъ убійствомъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и такъ люди пошли на совершеніе такого страш-наго дѣла, за которое платятся не только каторгой, а жизнью, господа судьи, и не напрасно, потому что если бы я считалъ, что дѣйствительно убиваютъ христіанскихъ дѣтей, такъ развѣ для такихъ людей нака-заніе каторга, какъ ни тяжела смертная казнь, но должно быть такое наказаніе, потому что такое обдуманное жестокое преступленіе не имѣтъ ни оправданія, ни смягченія.

И вотъ, оказывается, что люди рискуютъ погромомъ, рискуютъ разореніемъ, рискуютъ гибелью, и вотъ какъ создается пре-ступленіе,—придетъ Андриуша,—ладно, не придетъ—не надо, покатается—великолѣпно, не покатается—не надо, вырвется Андриуша—его счастье. А если вырвется—и еврейскіе равнины и пріѣхавшіе изъ-за границы Этингеръ и Ландау и длинныя одежды и ножи и всѣ страшилища, все это припасено даромъ—Андриуша убѣжалъ, Андриуша не хотѣлъ отдаться въ руки евре-евъ. И для этого-то вызываютъ людей изъ чужихъ странъ, чтобы посмотреть, маль-чикъ на мялѣ покатается или вырвется, уйдетъ. Это явный недостатокъ обвиненія и Замысловскій говорить,—конечно, не только это было, но можетъ быть имѣли въ виду, что Файвель Шнеерсонъ заманить ребенка разговоромъ объ его отцѣ, который былъ на войнѣ, приведетъ его на заводъ и его погубить. Но, господа, если это такъ, тогда зачѣмъ нужна была Чеберякова, за-чѣмъ говорить, что Чеберякова соучастни-ца, кому она нужна, если Файвель Шнеер-сонъ заманиваетъ его на заводъ расска-

зомъ про отца. Тогда не нужна ни Вѣра Чеберякова, ни Женя, тогда рѣшительно никто, господа присяжные, не нуженъ, то-гда нужны евреи и Файвель Шнеерсонъ, который имъ помогаетъ. Они сами въ это не вѣрятъ и вотъ почему,—вы слышали заявленіе одного изъ гражданскихъ ист-цовъ, что какъ имъ обвинять Чеберякову, у нея нѣтъ защитника. Да, я понимаю, если бы обвиняли Файвеля Шнеерсона, или когонибудь другого, мы, защита, имѣемъ право обвинять, потому что у насъ нѣтъ власти привлекать людей къ суду. Какъ бы я ни былъ убѣжденъ (а я глубоко убѣ-жденъ и постараюсь вамъ передать убѣ-жденіе въ виновности Чеберяковой),—я не могу ее привлечь на скамью подсуди-мыхъ, ибо это зависитъ отъ прокурора, отъ власти, а не отъ насъ. Но кто мѣшаетъ прокурору, который считаетъ виновной Че-берякову, который считаетъ виновнымъ Файвеля Шнеерсона, кто мѣшаетъ ему привлечь ихъ, разъ это его убѣжденіе, разъ онъ считаетъ, что у него есть дока-зательства и улики. Но онъ не привлека-етъ Файвеля Шнеерсона, онъ отлично ви-дитъ и понимаетъ, какъ-же можно его прив-лечь. Тогда я говорю ему.—но разъ вы считаете невозможнымъ предать суду, какъ же вы рѣшаетесь говорить о немъ обвини-тельно, вѣдь вы не защита, которая, слу-чайно защищая ихъ, обязана по совѣсти отвѣтить,—а кто могъ совершить преступ-леніе,—вы отвѣчаете не на вопросъ, кто могъ, а на вопросъ, кто совершилъ пре-ступленіе и разъ вы поставили этотъ во-просъ, дайте отвѣтъ. Вы должны его дать съ той силой и властью, которая присуща прокурорскому надзору. И вотъ я указываю на второе непримиримое противорѣчіе, ко-торое они не могутъ обойти, потому что ни Файвеля Шнеерсона, ни Чеберякову не предають суду.

Говорятъ, вы ее обвиняете. Господа су-дьи, Чеберякова удостоилась великой че-сти, если эта сказка про Харьковъ, кото-рая уже должна была вамъ пріѣтаться, если эта сказка чѣмъ-нибудь вамъ интересна, то только слѣдующими словами: помните, какъ она говорила, что въ Харьковѣ ей сказали, что—когда вы примите вину на себя и если вы будете арестованы, васъ будутъ защищать лучшіе адвокаты. Да, эти слова Чеберяковой, потому что никто ей ихъ не говорилъ, сбылись,—ее защищаютъ

здѣсь великолѣпные адвокаты, ее защищаютъ здѣсь самъ представитель государственнаго обвиненія. Правда, въ концѣ рѣчи, онъ незамѣтно самъ сдѣлалъ ее обвиняемой, но вначалѣ онъ доказывалъ ея непричастность и невиновность. Не мы должны ее защищать, а вы слышите, кто и какъ ее защищаетъ. Неужели, господа, вы хоть на минуту полагаете, что о Чеберяковой говорить только несправедливые люди и лжецы. Позвольте остановиться на показаніяхъ людей, которыхъ никто не могъ и не смѣлъ заподозрить. Я предлагаю вамъ чиновника Балавина, онъ вызванъ гражданскими исптами, мы не знали, не имѣли понятія объ его показаніи, и вотъ этотъ человѣкъ, придя на судъ, что же сказалъ, этотъ сосѣдъ Чеберяковой, который жилъ съ ней въ смежной квартирѣ? — онъ сказалъ—это притонъ. Онъ сказалъ, что Чеберякова женщина нечестная, что тамъ собирались безчестные люди. Онъ вамъ сказалъ гораздо худшее, онъ, господа присяжные, сказалъ, что послѣ смерти Ющинскаго, послѣ того, какъ былъ открытъ его трупъ, ее нельзя было узнать, она стала безпокойной, странной и непонятной. Намъ скажутъ, это отъ сыщиковъ. Нѣтъ, это не сыщики, потому что вы, господа присяжные, отлично помните, что вопросъ о сыщикахъ возникъ впервые не въ мартѣ мѣсяцѣ, а возникъ впервые во второй половинѣ іюля мѣсяца, и вотъ споръ идетъ дальше. Вы найдете другихъ свидѣтелей, о которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній, о которыхъ не можетъ быть спора.

Господа, вся полиція заподозрѣна, никому нѣтъ вѣры, положеніе такое, что намъ приходится доказывать, кому вѣрять, кому нѣтъ, но есть одинъ полицейскій чинъ, о которомъ никто не сказалъ сквернаго слова, о которомъ, наоборотъ, жандармскій полкъ Ивановъ, на мой вопросъ, какого онъ мнѣнія о Кириченко, сказалъ—я считаю Кириченко безусловно добросовѣстнымъ человѣкомъ, я считаю его безусловно честнымъ. Таковъ отзывъ полк. Иванова, значитъ, никто въ немъ не сомнѣвался. Что же показалъ Кириченко? Кириченко, человѣкъ, о которомъ, когда всѣ другіе были заподозрѣны, отзываются лучшимъ образомъ, въ лучшемъ видѣ, онъ сказалъ вамъ, что „Для меня стало ясно, куда ни пойдешь, въ какомъ направленіи ни будешь искать, придешь непременно къ Чеберя-

ковой“. Это его подлинныя слова. Такъ сказалъ Кириченко. Это сказалъ человѣкъ, посвятившій этому дѣлу отъ 8 до 10 мѣсяцевъ и изучившій всѣ подробности дѣла. Давайте же, на время, не будемъ трогать тѣхъ, кто возбуждаетъ сомнѣнія, будемъ идти къ тѣмъ, которые, какъ всѣ убѣждены, говорятъ только правду. Кириченко приходитъ къ ней, Чеберяковой, онъ приходитъ на обыскъ, и онъ разсказалъ намъ удивительную сцену. Когда онъ обратился къ Женѣ, Женя готовился дать отвѣтъ, былъ ли у нихъ Андрюша, и вдругъ онъ замѣтилъ, что мальчикъ затрепеталъ, испугался. „Я,—говоритъ Кириченко,—обернулся, вижу стоитъ Чеберякова, поддалась впередъ и дѣлаетъ угрожающій жестъ этому мальчику, мальчикъ осѣлся и замолчалъ, она какъ будто заткнула ему ротъ. Я взволновался, бросилъ допросъ, пошелъ къ помощнику пристава, который былъ на обыскѣ, и доложилъ все, что видѣлъ. Когда я пріѣхалъ, чтобы вести Женю на допросъ, при мнѣ не только Чеберякова, но и самъ В. П. Чеберяковъ уговаривалъ мальчика не говорить, и когда я сказалъ, что вы дѣлаете, что вы подучиваете мальчика, и забрала ребенка въ жандармское правленіе, то онъ на допросѣ ничего не показалъ“.

Вспомните Голубева, какъ онъ передавалъ, что когда онъ спросилъ у Жени, Женя сказала: „Пришелъ Андрюша, мы пошли вмѣстѣ изъ дому, гуляли, зашли въ мелочную лавку, купили конфетъ, или сала, не помню, а пальто Андрюша оставилъ у меня, затѣмъ онъ пошелъ въ училище“. Я прошу вспомнить, Женя сказала: купили конфетъ, затѣмъ онъ пошелъ въ училище. Вотъ, что Женя говорить, ни о мялѣ, ни о евреяхъ ничего не говорилъ.

Господа, неужели для васъ есть сомнѣніе, что въ квартирѣ Чеберякъ осталось пальто этого мальчика, у васъ не можетъ быть сомнѣнія, это факты, вопіющіе факты, безспорные, какъ вы отъ нихъ отойдете? Объ этомъ сказалъ не только Женя, но и Адель Равичъ, на другой день похоронъ Жени или Вали. Говорили дѣти, что у нихъ былъ Андрюша, что они отправились собирать поденѣжники, затѣмъ они купили конфетъ, Андрюша отъ нихъ ушелъ и что Андрюша оставилъ у нихъ пальто. Шаховскій и его жена, тоже говорятъ, что они встрѣтили на углу Поло-

вещкой ул. Андрюшу, Женю и третьяго мальчика. Объ этомъ неизвѣстномъ мальчикѣ говорилъ все время Шаховскій, но имя его не называлось здѣсь. Андрюша былъ тогда уже безъ пальто. Вы помните, какъ прокуроръ сказалъ Чеберякъ: „можеть быть вы не хотите сказать, что пальто у васъ? Не хотите впутаться въ такое страшное дѣло? — „Нѣтъ, говорить Чеберякъ, сохрани Богъ, пальто не было“.

Г.г., прошу васъ, разберемся: почему, если пальто осталось у Чеберякъ, почему она не отдала его—именно, съ точки зрѣнія отвѣтственности за убійство. Вѣдь мальчикъ былъ убитъ 12-го марта, но объ его убійствѣ никто не слышалъ, никто не зналъ. 20 марта открылось, что найденъ убитый мальчикъ. И вотъ, я прошу васъ, г.г. присяжные засѣдатели, когда будете разбираться, отвѣтите на вопросъ—почему же она въ теченіе 8—9 дней имѣя пальто не возвращаетъ его? Вѣдь вы слышали—Федоръ Нѣжинскій пришелъ на Загоровшину искать Андрюшу; нечистая Александра Приходько, мать его, тоже пріѣзжала; больная старуха Олимпиада Нѣжинская еле-еле приплелась, чтобы искать внука; чахоточная Наталія бросила работу и пришла узнавать. Какъ-же Вѣра Чеберякъ не сказала имъ: „г.г., вы ищите Андрюшу? я не знаю гдѣ онъ, но пальто его у насъ“. Вѣдь тогда еще убійства не было, вѣдь она объ этомъ убійствѣ узнала только изъ газетъ 20 марта. Такъ почему-же она до 20 числа не отдастъ это пальто? Объ этомъ надо подумать. Мнѣніе прокурора о томъ, что она боялась впутаться въ грязное дѣло ошибочно. Тогда не было еще грязнаго дѣла. Тогда былъ только пропавшій мальчикъ и никто не зналъ, похъхали онъ куда-нибудь съ мальчиками, начался-ли книгъ и похъхалъ на охоту, или въ чужія страны? Но она не отдавала пальто, не отдавала его потому, что черезъ это пальто она была связана со страшнымъ преступленіемъ.

Я разскажу вамъ, какъ это страшное преступленіе создалось, какъ оно возникло и, какъ оно страшно окончилось. Теперь, когда вы дошли до этого факта, когда вы знаете, что у Чеберякъ мальчикъ этотъ былъ, когда вы знаете, что пальто осталось у нея—какъ мы можемъ пойти вслѣдъ за г. Замысловскимъ и сказать: слѣды приводятъ на заводъ, и съ завода приводятъ

къ пещерѣ, это метрвые слѣды—отъ пещеры къ заводу. Можеть быть это красиво, можеть быть это свидѣтельствуеть объ искусствѣ того, кто говоритъ. Но развѣ здѣсь идетъ рѣчь объ искусствѣ защитника и прокурора? Здѣсь идетъ рѣчь о торжествѣ истины и не дай Богъ если будетъ побѣждена истина—она должна всегда торжествовать. И вѣрите мнѣ, если бы прокурору, или гражданскимъ истцамъ предложили отвѣтить—да, виновень, то они изъ 100 случаевъ—въ 90 не рѣшились бы это сказать. Я знаю, что они умѣють отличать обвинительную тенденцію отъ такого рѣшающаго отвѣта судьи. Приводить доводы—да, представлять соображенія—да, но взять на свою совѣсть отвѣтственность за наказаніе человѣка, когда не имѣешь на это твердыхъ данныхъ—невозможно. А между тѣмъ, въ этомъ дѣлѣ мы невольно затемняли путь къ истинѣ. Какъ можеть говорить г. гражданскій истецъ, что слѣды ведутъ на заводъ? Слѣды ведутъ на квартиру Чеберякъ, а что было дальше, мы еще объ этомъ поговоримъ.

Объявляется десятиминутный перерывъ, послѣ котораго Грузенбергъ продолжаетъ свою рѣчь.

Грузенб. Я продолжаю, г.г. судьи. Я говорю, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Андрюша 12-го марта, передъ тѣмъ, какъ онъ пошелъ съ Женей гулять, передъ тѣмъ, какъ они пошли собирать цвѣты, какъ показалъ Голубевъ, а потомъ пошли въ лавку покупать конфеты или сало (онъ не помнить), оставилъ пальто у Чеберяковой. А книги? Книги, г.г. присяжные засѣдатели, остались тамъ. Вотъ почему всѣ говорятъ о томъ, что они видѣли Андрюшу съ Женей и еще съ третьимъ мальчикомъ на углу Половецкой улицы,—это говорилъ сначала самъ Шаховскій, потомъ его жена и потомъ Женя, когда онъ проговорился Голубеву, и послѣ того, какъ его научили „молчи“. Голубевъ не могъ получить это признаніе—всѣ говорятъ, что книгъ у него не было, что они пошли гулять безъ книгъ и пальто. Вы видите, несомнѣнно, эти вещи остались на квартирѣ Чеберяковой, потому что къ кому же онъ еще могъ зайти на этой улицѣ? Вы слышали, что онъ больше ни у кого не былъ въ это утро, стало-быть, его пальто и книжки остались тамъ, остались значить вмѣстѣ съ тетрадами, часть которыхъ однако **мы потомъ**

видимъ лежащими въ пещерѣ, надъ головою покойнаго мальчика. Вы помните, г.г., интересную подробность, подробность, которая такъ трогательно рисуетъ этого мальчика. Вѣдь онъ былъ безпризорнымъ и безпріютнымъ, потому, что во-первыхъ, мать его была бѣдна, отчимъ его жилъ у Колбасова по Фундуклеевской улицѣ, дома не ночевалъ и приходилъ только въ субботу. Тамъ пошли дѣтки отъ второго брака. И, чтобы ни говорили о Лукѣ Приходько, что онъ ни въ чемъ не повиненъ, но всѣмъ понятно, если Лука женился на дѣвущкѣ, у которой былъ до брака ребенокъ—сынъ, все таки, когда мальчикъ приходилъ это былъ живой укоръ и то ругательное, ужасное слово, которое существуетъ (вы его знаете, это—байстрюкъ), я увѣренъ вольно или невольно Лука говорилъ неоднократно. Матери было тяжело и вотъ почему мальчикъ живетъ то у тетки Наталіи, то у бабушки. Но я не могу повѣрить, чтобы родная мать, если у нея хватало хлѣба, сеledки, картофеля и бураковъ, которыхъ хватало для тѣхъ дѣтишекъ, неужели не хватило бы для родного сына. Не въ этомъ причина, а она понимала, что тяжело будетъ и ей и мальчику и ея мужу, если онъ вѣчно будетъ торчать передъ глазами, какъ живой укоръ, то, что въ деревнѣ называютъ „не покрытый“, что значить, роила до брака. Это они всѣ чувствовали и невольно сторонились отъ мальчика. Удивительная подробность, какъ этотъ мальчикъ 13—14 лѣтъ, понималъ свое несчастное положеніе. Вы помните удивительныя слова, которыя онъ сказалъ: „когда я вырасту, я возьму къ себѣ бабушку“, а тетка Наталія говоритъ: „а меня не возьмешь?“, онъ отвѣчаетъ: „тебя не возьму, когда отецъ вернется“. Она спрашиваетъ: „почему?“.—Потому, что станутъ говорить: „прижилъ ребенка отъ одной сестры. а потомъ отъ другой“. Это мальчикъ сказалъ, что онъ незаконный ребенокъ, что про него идутъ сплетни. Правду говорилъ прокуроръ и гражданскій истецъ, что дѣти безжалостный народъ. Неразъ дѣти его попрекали тѣмъ, что онъ не можетъ показывать своего отца, и вотъ этотъ бѣдный мальчикъ, гдѣ дневаль, гдѣ ночеваль, то ночуетъ у Нѣжинской, то у матери своей; были случаи (хотя г. прокуроръ во время слѣдствія былъ немного недоволенъ мною), вѣдь Федоръ Нѣжинскій тамъ жилъ до декабря,

такъ онъ заходилъ къ дядкѣ и ночеваль тамъ, но рѣдко. Мы говоримъ, что эта безпризорная жизньъ заставляла его беречь свои вещи и книги. Вы помните, что показала его мать, что онъ бывало тащить съ собой всѣ книги, всѣ тетради. Сегодня, скажемъ, урокъ русскаго языка и ариметики, а онъ тащить и Законъ Божій, тащить и чистописаніе, потому что онъ боится оставить дома книжки, и тетради, такъ какъ онъ знаетъ, что ребятишки могутъ испортить, разорвать. Это бесспорно, это говорили свидѣтели. И такъ, онъ оставилъ у Чеберяковой пальто, оставилъ тамъ свои вещи и когда нашли его трупъ, возникъ цѣлый рядъ догадокъ. Мнѣ важно прослѣдить на первыхъ порахъ, кто какъ себя велъ, потому что это первый вопросъ для опытнаго слѣдователя, для опытнаго розыскаго дѣятеля, этимъ раскрывается рѣшительно все дѣло. Какъ произошло? Я не говорю о пещерѣ, что она была плохо охраняема, но въ сущности нельзя же сказать, что о Чеберяковой кто нибудь, что нибудь сказалъ. Я, г.г., когда запищаю дѣло, особенно такое сложное, отвѣтственное, мнѣ нѣкогда думать о томъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь спорить, кому-нибудь сказать неприятность, колкость, ни прокурору, ни слѣдователю, ни противнику—это ни къ чему потому что это только отвлекаетъ ваше вниманіе отъ дѣла, я буду строго корректенъ, приличенъ, если я скажу въ мягкой формѣ, что къ сожалѣнію тотъ или другой противникъ не сдѣлалъ главнаго, не закрѣпилъ тѣхъ слѣдовъ, которые было необходимо легко сдѣлать. Что же вы видите? Кто нашелъ трупъ? Его нашелъ гимназистъ, сынъ священника Еланскаго (помните этого гимназиста со страннымъ произношеніемъ, мнѣ показалось, что онъ нерусскій, а оказалось, что онъ сынъ священника), а второй былъ участковый фельдшеръ. Когда мальчикъ нашелъ этотъ трупъ онъ испугался, выскочилъ изъ пещеры, побѣжалъ и черезъ двѣ-три минуты встрѣтилъ отца мальчика; который пошелъ за нимъ и его поразило въ пещерѣ, когда онъ увидалъ трупъ, находились тетрадки сверху и поясъ вокругъ ногъ, такъ расположенъ поясъ, чтобы непременно можно было прочесть „Юшинскій“. Тутъ говорили о томъ, что тутъ ритуальное убійство, надо не прятать трупъ. Что же, ритуальное убійство, по которому надо было по-

ясомъ обкладывать, такъ чтобы каждый могъ знать фамилію. Можно не хоронить трупъ, но чтобы непременно обращать вниманіе, чтобы не было твухъ мнѣній, что это убить Ющинскій—это невозможно. Мало того, по дорогѣ отъ пещеры раскиданы оборванные тетрадки и тамъ тоже „Андрей Ющинскій“. Все это выставлено, какъ будто кто-то хотѣлъ показать, чтобы никто не сомнѣвался, что тотъ, кого сейчасъ найдутъ, это будетъ непременно Андрей Ющинскій. Но, г.г., не знаю, какъ для васъ, но для меня нѣтъ ни какого сомнѣнія, что это могло войти въ интересы тѣхъ, кто совершилъ это убійство. Я потомъ расскажу свой взглядъ на это дѣло, чтобы какъ нибудь его освѣтить. Я долженъ сказать, что я не держусь такого мнѣнія, чтобы патриотическія организациі создали это дѣло специально. Этого я не могу сказать по справедливости, потому, что тотъ фактъ, что на похоронахъ разбрасывали прокламаціи, это еще не показываетъ, что нарочно его истыкали, поранили, затѣмъ, что бы на могилѣ разбрасывать прокламаціи. Я этого не думаю, а думаю такъ: когда трупъ мальчика нашли, когда пошли эти объясненія, когда этого несчастнаго мальчика несли на кладбище, то люди, которые настроены противъ евреевъ, воспользовались уже готовымъ случаемъ, не принимая, однако, участія въ его созданіи, и выбрасывали листки, въ которыхъ рѣзко призывали къ погрому. Сказать, что эти люди участвовали въ созданіи преступленія, это конечно было бы лишено достаточныхъ основаній. Когда пришли въ пещеру, всѣхъ поразило, какъ будто-бы кто-то раскидалъ визитныя карточки (Андрей Ющинскій). Кому могло прийти въ голову, взять тетрадку мальчика и всунуть наверхъ? Вы скажете, что убійство это по зараженію обдуманному намѣренію совершила какая-нибудь секта, Бейлисъ или другіе евреи? Я лишень былъ удовольствія слушать сегодня своего противника, потому что готовился къ рѣчи, но говорить, что самъ нашъ противникъ Шмаковъ въ концѣ своей рѣчи сказалъ: „дѣло вашей совѣсти обвинить или нѣтъ, но нужно признать фактъ ритуальныхъ убійствъ“. Значить, если не Бейлисъ, какъ допускаетъ Шмаковъ, то вообще евреи. Не можетъ этого быть. А какая же надобность была

засунуть тетрадки наверхъ? Зачѣмъ это нужно было? А кому это, въ дѣйствительности, нужно было — это вы поймете. Я научно иду по мелкимъ фактамъ. Гг. присяжные засѣдатели, потому что я держусь такого мнѣнія, что крупные факты придуть сами собой, не нуждаясь въ моей помощи. Вы люди сами опытные, соберете эти факты, а мелочи, такъ какъ мы работаемъ до дѣла, читаемъ матеріалъ, мы лучше вспоминаемъ эти мелочи и обрашаемъ на нихъ вниманіе. Васъ поразило, кому была надобность класть эти тетрадки? Евреямъ? Не хоронить трупъ, — это одно, но бросать визитныя карточки, сверху класть тетрадки, это ясно было явно бессмысленно. Вотъ трупъ находятъ, и тамъ нашли очень интересную бумагу съ проколами. Во время слѣдствія, когда понимаете, тутъ 200 человекъ свидѣтелей, когда страсти разгораются, когда приходится говорить о еврейской религіи, о мидицинѣ, и о чемъ только мы не говорили здѣсь, понятно главныя мелочи къ сожалѣнію затушевываются. Какъ это бываетъ, что иногда ловишь какого-нибудь куренка, а изъ-за него затопчешь цѣлую десятину пахоти. Такъ это бываетъ и въ процессѣ, что важныя факты не замѣтишь. Бумага съ проколами очень важна, и вы минуту подумайте объ этомъ. Оказалось, эта бумага и посерединѣ проколы, которой играютъ въ такъ называемую „почту“, по проколамъ берутъ и рвутъ бумажку мужчины и женщины, и пишутъ другъ другу шутки, письма. Помните Дьяконова говорила, что кто-то изъ босяковъ, которыхъ Чеберякова называла „профессорами и докторами“, одинъ изъ „профессоровъ“, написалъ ей дерзкую записку когда играли въ „почту“. Она обидѣлась и ушла, а Вѣра ее нагнала и проводила. И вотъ нашли у этого мальчика „почту“. Ну, конечно, слѣдователь и заинтересовался, что это за бумага (я говорю о томъ, что опубликовано, о чемъ здѣсь говорилось). Вотъ вы помните, вы присутствовали здѣсь на допросѣ нѣсколькихъ товарищей покойнаго Андрюши, часть изъ нихъ была здѣсь а нѣкоторые изъ нихъ были допрошены раньше, и мы читали ихъ показанія. Что же, всѣ мальчики говорятъ: „эту тетрадку видаль, вотъ эту книжку видаль, все видаль, а этихъ листиковъ никогда не видаль“. Ну, хоть бы одинъ изъ товарищей

шо партѣ на нихъ указаль, а у нихъ на партѣ сидятъ по 5—6 человекъ, не такъ какъ у насъ, допрошена была вся ихъ парга и всѣ говорили „я съ Андрюшей игралъ, я его тетрадики знаю и книги знаю, вотъ это была арифметика, это Законъ Божій, а этого листика никогда у него не видалъ, этой почты не видалъ“. Вотъ надо было выяснитъ, что это за почта, откуда она взялась? Когда въ дѣлѣ оказалось показаніе и Дьяконовой и другихъ, да и сама Чеберякова не отрицала, что у нея играли въ почту, тогда начали спрашивать. Судебный слѣдователь Машкевичъ, прѣхавшій сюда изъ Петербуга, сталъ допрашивать одну Дьяконову, потомъ другую. Онъ предложилъ: „нарисуйте мнѣ эту бумагу съ проколами, отверстія круглыя тамъ или четырехугольныя“. Ну, я скажу вамъ, надѣюсь, что вы мнѣ повѣрите, что и я разсматривавши эти бумаги, если вы меня спросите круглыя тамъ отверстія или четырехугольныя, скажу, что я не знаю. Кто же это запоминаетъ отверстія, которые еле — еле примѣтны, круглыя они или четырехугольныя. Я помню здѣсь господинъ прокуроръ и гражданскій истецъ сказали, что судебный слѣдователь великолѣпно сдѣлалъ, что не показаль бумагу съ проколами, потому что онъ сказалъ бы: „та самая бумага“. Тогда дѣлу конецъ. Простите, это не такъ, я вамъ объясню, тутъ не можетъ быть спора. Прежде всего, судебный слѣдователь самъ, когда предъявляютъ вещественныя доказательства, по которымъ онъ боится, что свидѣтель можетъ слукавить и сказать нарочно: „да“, вмѣсто „нѣтъ“, тогда представляется обыкновенно нѣсколько образцовъ. Если это шапка, то нѣсколько шапокъ, швейка—нѣсколько шваекъ, бумага—нѣсколько сортовъ бумаги, положить, и сказать Дьяконовымъ: „вотъ вы играли въ почту, какая изъ этихъ бумагъ была?“, и конечно если совреть, то она сразу попадетъ. Мало того, мы ее заставили рисовать. Отлично, когда она нарисовала вы уже не боились, что она совреть вамъ, былъ уже рисунокъ, который она обвела по карандашу чернилами. А вы потомъ предъявили ей эту бумагу?—Нѣтъ. Почему вы потомъ не предъявили? Вы уже запаслись рисункомъ, запаслись ея изображеніемъ, значить вамъ нечего бояться, что она совреть, пускай отпирается. А вы все таки не предъявили. И тутъ, чтобы ни говорили шротивники, въ этой постановкѣ, это безу-

словно мнѣ кажется была ошибочность, которая повела къ тяжелымъ послѣдствіямъ. Почему? Потому что вы, когда забереете у человекъ рисунокъ, выходить, что онъ говоритъ неправду. А предъявите ему нѣсколько образцовъ, предъявите самую бумагу.

Что нашли на трупѣ? Чтобы ни говорили, это несомнѣнно, что въ карманѣ нашли кусокъ окровавленной наволочки. Прокуроръ говорить—можетъ быть нашли, а потомъ второпяхъ полиція положила въ карманъ. Я не раздѣляю этого мнѣнія, хотя мы это слышали со стороны прокурора и гражданскихъ истцовъ о полной непригодности полиціи. Полиція можетъ сказать „мы безъ того дѣлаемъ наше дѣло, потому что ни въ одной странѣ не заставляютъ полицію одновременно носить повѣстки и оберегать покой жителей. Что она можетъ сдѣлать. По моему, она была совершенно права въ большинствѣ своихъ дѣйствій, по отношенію къ этимъ вещамъ никакого упущенія съ ея стороны не было. Она собрала всѣ эти бумажки и принесла. Но когда мы видимъ, что найдена наволочка въ карманѣ, и намъ говорятъ, что эта наволочка была поднята съ земли и засунута въ боковой карманъ, то вѣдь это уже доходить Богъ знаетъ до чего. Тутъ говорили, что и молитвенникъ былъ подмѣненъ на квартирѣ этого Красовскаго. Потомъ, когда мы будемъ объ этомъ говорить, вы увидите, что онъ не могъ быть подмѣненъ. Я просилъ удостовѣрить г. предсѣдателя, кѣмъ былъ опечатанъ этотъ тючекъ, и г. предсѣдатель удостовѣрилъ, что печати были пристава такого — то участка, пристава, а не Красовскаго. Значить, печать на тючкѣ была положена приставомъ. Такъ вотъ, когда подходятъ эту тряпку, что же выходить? То, что, свидѣтельницу заставляютъ изобразить рисунокъ. Она рисуетъ крестики. Вы вѣдь, знаете, что если спросить женщину, которая сама вышивала,—а въ Малороссіи всѣ молодицы и дѣвушки вышиваютъ,—такъ вотъ если попросить женщину нарисовать рисунокъ, то какъ она это сдѣлаетъ. Вѣдь рисунки бываютъ разные, крестикомъ, гладью, мережкой. Вотъ г. Замысловскій говорилъ: крестикъ черный, крестикъ красный, крестикъ черный, крестикъ красный, а вы спросите настоящую рукодѣльницу, она скажетъ, что никогда не будетъ подрядъ крестикъ черный, крестикъ

красный. А почему? Потому что, если она дѣлаетъ крестикъ черный и рядомъ сейчасъ же красный, то ей придется обрывать нитку, а одной ниткой дѣлать станокъ вышиваютъ, красной или черной. Вотъ вы помните тамъ стержень былъ черный. Что же изъ того, что она нарисовала плохо? Вѣдь, г. прис. зас., мы вообще вещи узнаемъ, не потому, что мы можемъ ихъ нарисовать. Вотъ мы выходимъ здѣсь въ переднюю, тамъ много пальто виситъ, подаетъ швейцаръ пальто, почему вы сразу видите, что это пальто ваше, вѣдь не по пуговицамъ, не по рисунку на матеріи—я сейчасъ себѣ плохо представляю, какія пуговицы у меня на пальто—а вотъ пальто свое узнаю. Почему? Да потому, что привыкъ. Вотъ вы знаете ваши свитки, вѣдь не по пуговицамъ, вы не присматриваетесь, какая это свитка, а сразу говорите, нѣтъ, это не моя, а вотъ та моя. Вы не разсуждаете, вы привыкли къ ней и сразу ее узнаете. Когда же дѣвушка швеи говорятъ рисуйте, то она рисуетъ. То же самое произошло и здѣсь. Она нарисовала. Почему же потомъ ей не предъявили наволочки. Вотъ представитель гражданскаго иска, г. Замысловскій, говорилъ о томъ, что я былъ неправъ, когда требовалъ предъявленія ей этой наволочки. Но почему же, послѣ ея рисунка не предъявить было ей наволочки. Почему наволочка не была предъявлена у судебного слѣдователя, а только здѣсь на судѣ. Наволочка лежала два года, но и черезъ два года она ее опознала.

Въ моихъ интересахъ выбросить всѣ сомнительныя доказательства, но я рѣшительно не вижу основанія сомнѣваться въ правильности показаній Дьяконовой. Правда, и для меня есть нѣкоторые мѣста въ ея показаніи, которымъ я не вѣрю, и не потому, что они завѣдомо ложныя. Вотъ, напримеръ, относительно трупа. Когда напуганный человѣкъ спитъ, ему многое можетъ представиться, а потомъ, когда было обнаружено убійство, она все вспомнила, вспомнила, что проснувшись что то толкнула холодное. Ахъ, это значитъ трупъ. Въ общемъ же она говоритъ правду. Мнѣ вѣдь не нужно ее защищать, вы сами сейчасъ увидите и убѣдитесь, въ чемъ ея показанія были не вѣрны, въ чемъ была ея фантазія, а въ чемъ она говорила правду. Теперь интересно, г.г. присяжные засѣдатели, вы-

яснить вопросъ о наволочкѣ. Почему я придалъ ему большое значеніе? Вотъ почему. Дѣло въ томъ, г.г. присяжные засѣдатели, что въ началѣ этого дѣла, когда экспертизу производилъ покойный проф. Оболенскій, къ которому я отношусь съ полнымъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже теперь покойный, такъ вотъ онъ, какъ человѣкъ науки, призналъ много такихъ вещей, изъ которыхъ отъ многихъ потомъ отказался, т. е. отказался здѣсь докторъ Туфановъ. Вы вѣдь знаете, что въ началѣ думали, что мальчикъ убитъ былъ безъ куртки, что куртку съ него сняли, руки связали, засучили рубашку, а потомъ уже кололи. Дѣйствительно, если преступникъ сначала, просто обозлившись, ткнулъ шиломъ, а потомъ уже съ испуга прикончилъ, то зачѣмъ же ему было куртку снимать. Это меня взволновало, взволновало потому, что вамъ будетъ трудно объяснить. Я то знаю, что это неправда, но вы мнѣ можете сказать: мало ли что вы знаете, вы увлечены, вы принадлежите къ тому же народу, такъ что неволью защищаете. Такъ вотъ, когда я думалъ по описанію, что мальчикъ былъ убитъ въ курткѣ, то меня поразило обстоятельство, а именно, что посерединѣ на воротникѣ имѣется густое жирное пятно, которое насквозь видно, хотя куртка была и толстая изъ простого сукна, несмотря на это, пятно проступало на другой сторонѣ. Я думалъ, какъ же это можетъ быть, —тамъ еще вапель 50 было по всей курткѣ, —такъ вотъ я думалъ, какъ же эта куртка лежала на полу или на землѣ, чтобы это могло попасть на куртку. Если она лежала на полу или на землѣ, на чемъ-нибудь, то тогда были бы пятна на одномъ мѣстѣ, а не разбѣяны по всей курткѣ. Тогда я и пришелъ къ убѣжденію, что на куртку попала кровь. А теперь вы слышали, что всѣ эксперты и Косоротовъ говорили въ одинъ голосъ, что куртка была на немъ. Они говорятъ, что онъ былъ въ курткѣ тогда, когда наносили удары въ голову и високъ и даже въ шею, но я думаю, что когда до шеи дошли, то скорѣе всего куртку сняли, потому что вѣдь куртка съ твердымъ воротникомъ, который мѣшалъ бы добратъся до шеи. Вотъ почему я придавалъ такое значеніе этому вопросу. Теперь обратимъ вниманіе на эту наволочку. Вы увидите, что это обстоятельство серьезное. Допустимъ, что эта наволочка была старая, и

что мальчишкѣ Андрюша ее нашелъ на улицѣ, поднялъ—мальчишкѣ онъ былъ бѣдный—и рѣшилъ принести своей матери. Но этого не могло быть потому, что этотъ кусокъ наволочки окровавленъ и лежалъ у него въ карманѣ, причемъ нужно отмѣтить то, что кровь въ карманъ попасть не могла. Но быть можетъ скажутъ, что кровь просочилась черезъ карманъ и запачкала наволочку. Но этого быть тоже не можетъ, потому что въ этомъ мѣстѣ, около кармана, ни внутри, ни снаружи, ни одного кровавого пятна нѣтъ. Кровь сюда не попала. Кровь была только на этомъ кускѣ наволочки. Значитъ ясно, что на этомъ кускѣ наволочки кровь была раньше, но пока на этомъ и остановимся. А теперь, относительно бумаги съ проколами, этой бумагѣ, такъ же какъ и наволочкѣ, я придаю большое значеніе, потому что, г.г. судьи, по нимъ можно было, съ моей точки зрѣнія, обратиться до истины. Я не вхожу въ критику, у меня и безъ того такая громадная отвѣтственность, защита этого несчастнаго человѣка, въ настоящую минуту, я думаю только объ одномъ, о защитѣ его, о томъ, чтобы достигнуть справедливаго приговора. Но, г.г. присяжные засѣдатели, когда передъ вами стоитъ такой фактъ, какъ невыясненный вопросъ о бумагѣ съ проколами, когда вы знаете хорошо, что у мальчика такой бумаги не было, ибо всѣ товарищи его, которые, несомнѣнно, все хорошо знали относительно его, вѣдь это у богатаго мальчика могли быть игрушки, пеналы, перья, карандаши, а вѣдь у Андрюши были тетрадки и книжки, всѣ вещи на перечетъ, и, конечно, когда товарищи его говорить, что бумаги не было, то это значитъ, что ее дѣйствительно не было. Вѣдь они съ Андрюшей провели мѣсяцъ 7—8. Откуда же эта бумага появилась? Когда Чеберяковой предложили вопросъ относительно этой бумаги, то она отвѣтила: „бумага, да, вспомнила, это извозчики на заводѣ Зайцева играли въ почту“. Она знаетъ, что извозчики на заводѣ Зайцева играли въ почту. Да и что о ней говорить! Когда я ее спросилъ о томъ, что ей говорилъ покойный Женя, то она подскочила къ столу и заявила: „я вспомнила, мнѣ Женя ничего не говорилъ“.

Что же Чеберякова показала судебному слѣдователю! Это вѣдь записано, у меня, это вѣдь подчеркнуто. Вѣдь она сказала

то, что если бы остановиться на этомъ минутъ пять, то мнѣ кажется невысказаннымъ было бы держать этого человѣка (показываетъ на Бейлиса), даже подъ полицейскимъ арестомъ. А она сказала, г.г. присѣдатели, это она повторила и на судѣ, она сказала со словъ Жени, будто 12-го марта (показаніе это она дала черезъ 17 мѣс. судебному слѣдователю Машкевичу 10 іюля 1912 г.)—пошли играть на мячъ Женя, Валя, Андрюша и Людя, затѣмъ трое Волощенковыхъ, запомните, Волощенковыхъ, двѣ дѣвочки, изъ нихъ были здѣсь передъ вами на судѣ, Софья и Евгенія, затѣмъ Назаръ Заруцкій и дѣти Наконечнаго. Вотъ они играли на мячѣ. Это значитъ, было тогда, когда Бейлисъ и двое странныхъ евреевъ съ пейсами схватили Андрюшу и потащили. Значитъ, въ этотъ разъ были Волощенковы. Вотъ В. Чеберякъ показала судебному слѣдователю г. Машкевичу. Но вѣдь вы видѣли этихъ дѣвочекъ. Онѣ на допросѣ у судебного слѣдователя ничего подобнаго не говорили. Онѣ, какъ здѣсь, такъ и у слѣдователя показали, что въ то время на мячѣ не бывали, а въ прежнее время имъ приходилось бѣгать и тогда, дѣйствительно, случилось, что ихъ за шкоду гнали, но никогда такъ не было, чтобы Бейлисъ ихъ выгонялъ. Что же касается странныхъ евреевъ, то они ничего подобнаго не говорили, напротивъ, когда имъ показали на Бейлиса, то онѣ посмотрѣли и сказали, что этотъ ихъ не гналъ. Вотъ что показали передъ самымъ закрытіемъ засѣданія, вызванныя сюда гражданскими истцами Софья и Евгенія Волощенковы. А Чеберякъ говорить, что эти самыя дѣвочки были на мячѣ тогда, когда Бейлисъ и два странныхъ еврея явились и потащили несчастнаго Андрюшу. Заруцкій говорить, что это неправда, Евгенія говорить, что неправда, Софья говорить, что неправда, дѣти Наконечнаго тоже отрицаютъ. Кто же подтверждаетъ? Посмотрите, на какую уловку она пошла съ Людмилой. Она устроила такъ, что эта дѣвочка, которой во время убійства было лѣтъ 6—7, потому, что вѣдь теперь ей 10-й годъ, видѣла, какъ схватили Андрюшу и потащили. Ну, а какъ же эта дѣвочка показала у судебного слѣдователя и какъ показала здѣсь? Да очень умно, такъ умно, какъ это требуется отъ ученицы такой учительницы, какъ Чеберякъ. Она говорить такъ, что они пошли

на мяло, Женя, Андриуша и друг., играли тамъ, потомъ явился Бейлисъ и еще кто-то, прикрикнули на нихъ, они всё побѣжали, а Андриуша испугался, сынъ же Бейлиса Пинка стоялъ и смѣялся. Но она не договариваетъ тѣхъ словъ, которыя говорила Чеберякъ, что Андриушу схватили евреи и потащили къ печкѣ. Почему? Да потому, что это ложь, а ложь опасна, хотя для 10 лѣтъ мѣра отвѣтственности и другая. Мать ей говорить такъ: ты скажешь, что вы были на мялѣ, играли, потомъ васъ погнали, а что евреи поволокли Андриушу, то ты не говори, а скажи, что сказала тебѣ это Валя, умершая теперь. Мать сама здѣсь говорила, что ей рассказывала то-то и то-то покойный Женя, а дѣвочка говорить, что покойная Валя. Людмила рассказывала до того момента, какъ ихъ погнали съ мяла, а о томъ, какъ волокли Андриушу она заявила, что не знаетъ, что объ этомъ ей покойная Валя сказала. Поди теперь взыми съ этой несчастной Вали. Такъ вотъ, какъ все это тонко рассчитано только до извѣстныхъ предѣловъ рассказываетъ.

Теперь о Василии Чеберякѣ. Я нарочно все это говорю, такъ какъ я можетъ быть въ мелочахъ и ошибаюсь, но въ главныхъ фактахъ ошибокъ, надѣюсь, у меня нѣтъ. Эта часть показаній оглашалась, такъ что у васъ не можетъ быть сомнѣній, вы можете меня всегда провѣрить. Вчера г. Замысловскій, говоря о В. П. Чеберякѣ заявилъ, что онъ показалъ здѣсь то же самое, что и у судебного слѣдователя 20 декабря 1911 г., а я вамъ говорю, что нѣтъ. г. Замысловскій ошибается. Вотъ передъ мной лежатъ его показанія, я могу ихъ прочесть, вотъ что онъ говорить: „Случай этотъ былъ утромъ въ 11 час. Я помню хорошо, что я тогда сдѣлалъ замѣчаніе Женѣ, сказать, чтобы онъ не смѣлъ больше ходить на заводъ“. А когда же сказалъ Женя? Онъ сказалъ, что только незадолго до обнаруженія убійства, дня за 3—4. Но вѣдь вы помните, что мальчикъ погибъ за 10 дней. „Ко мнѣ приближалъ Женя,—говоритъ Чеберякъ.—и когда я его спросилъ, гдѣ вы были, то онъ мнѣ рассказывалъ, что они вмѣстѣ съ Андриушей Юпинскимъ играли на мялѣ на кирпичномъ заводѣ и что тамъ увидѣлъ ихъ Мендель Бейлисъ и погнался за ними (читаетъ показаніе В. П. Чеберякъ)... а Пинка, видя это, стоялъ и смѣялся“.

Больше ни слова. Итакъ, у слѣдователя 20 декабря 1911 года онъ показалъ, что дѣти катались на мялѣ, что Мендель Бейлисъ ихъ увидѣлъ, погнался за ними, они разбѣжались, а Пинка, видя это, смѣялся. Но того, чтобы Андриушу схватили, этого нѣтъ; чтобы волокли—нѣтъ; чтобы были евреи страннаго вида съ пейсами—нѣтъ. А помните, что онъ говорилъ на судѣ? Онъ говорилъ на судѣ, что Женя ему сказалъ, что Мендель Бейлисъ и два раввина, а потомъ онъ подумалъ, поправился, не раввины, а законоучители еврейскіе, бросились на дѣтей. Далѣе сказалъ, что всё увернулись, а схватили только этого несчастнаго Андриушу и поволокли. Гг. прис. засѣдатели, я вамъ только что прочесть, и вы видѣли, что ничего подобнаго онъ не говорилъ 20 декабря 1911 г. Тогда онъ не говорилъ ни про двухъ евреевъ, ни про то, что схватили и потащили Андриушу, ничего, сказалъ только, что дѣти разбѣжались, а Пинка, видя это, смѣялся. Гг. присяжные засѣдатели, вы можете сказать, что у слѣдователя онъ не говорилъ потому, что не зналъ всѣхъ подробностей, а вотъ пришелъ домой, поговорилъ съ Женей, и Женя ему рассказывалъ все. Но вспомните, что онъ показывалъ 20 декабря, т. е. передъ Рождествомъ 1911 года, а когда умеръ Женя? Женя умеръ 8-го августа 1911 года, т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до этого показанія. Значитъ, гг. прис. засѣд., когда онъ говорилъ 20 декабря у слѣдователя, то несчастный Женя уже нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ въ землѣ и, конечно, ничего новаго сообщить ему не могъ. Почему же съ декабря 1911 года по тотъ день, когда онъ здѣсь показывалъ подъ присягой, почему же появились эти два странныхъ еврея, два законоучителя и Мендель Бейлисъ, который вмѣстѣ съ ними ловить ребенка. Далѣе онъ говорить, что это было въ 11 час. утра, 12 марта. Я взялъ справку въ почтово-телеграфной конторѣ, изъ которой видно, что 12 марта В. П. Чеберякъ былъ занятъ съ 9 ч. утра по 3 ч. дня и съ 9-ти веч. до 9 утра. Тогда оба гражданскихъ истаца говорить, что онъ могъ самъ не быть, поставивъ за себя кого-нибудь другого. Онъ и самъ подтвердилъ это, сказавъ, что иногда посадишь за себя кого-нибудь другого. Но вѣдь справка то дана не о томъ, что онъ числился на де-

журствѣ, а о томъ, что онъ находился на службѣ. Тамъ прямо сказано: находился на службѣ въ слѣдующіе дни. Тутъ ошибки быть не можетъ. Вѣдь когда почтовый чиновникъ находится на работѣ, то слѣды этого гдѣ остаются? Въ квитанціонной книжкѣ, гдѣ имѣются его подписи. Значить, можно видѣть, его рука или нѣтъ. Значить, начальникъ центральной кievской телеграфной конторы удостовѣрилъ, что 12-го марта онъ былъ на службѣ, а не то, что онъ числился на дежурствѣ. Теперь вы ясно себя представляете, что В. П. Чеберякъ показалъ у судебного слѣдователя и что здѣсь на судѣ. А между тѣмъ, вчера г. повѣренный гражд. ис-тца сказалъ, что В. П. Чеберякъ показалъ у судебного слѣдователя то же самое, что и здѣсь на судѣ, а вы видите, что не только не то же самое, а ничего похожего. Тамъ онъ сказалъ, что дѣтей только спугнули, а здѣсь говорить про двухъ евреевъ и т. д. Вотъ вамъ и то же самое. Это и называется: случай и случай, случай и случай. Но вѣдь такіе случаи могутъ и до висѣлицы довести, если такъ мы будемъ цитировать показанія, которые передъ нами прошли. Значить, г. прис-засѣд. мы разобрали ^{показаніе} Чебе-рякъ, и для васъ не можетъ быть сомнѣ-нія, что пальто и книги остались тамъ, у Чеберякъ. Это до такой степени ясно, что это вошло не только въ наше убѣжде-ніе, но и самъ г. прокуроръ призналъ это. У него это прорвалось. Иначе чѣмъ же объяснить его вопросъ Вѣрѣ Чеберякъ: можетъ быть вы признаете, что у васъ пальто осталось? Почему этотъ вопросъ былъ предложенъ обвиненіемъ? Да только потому, что этотъ фактъ бьетъ въ глаза. Развѣ могло быть иначе? Вѣдь его вытѣ-ли около дома Чеберякъ безъ пальто. Вѣдь это было мартъ мѣсяць. А по бюллетеню видно, что дни были холодные, такъ что мальчикъ не могъ, какъ въ жару, скинуть пальто, значить, онъ это пальто оставилъ въ комнатѣ, значить онъ только выскочилъ на минутку. Поэтому для меня нѣтъ сом-нѣнія, что мы доказали, что фактъ съ пальто и книгами, затѣмъ бумага съ про-колами, о которой вамъ всѣ товарищи по-казывали, что у Андруши ея быть не мо-гло, а Чеберячка сказала, что на такой бумагѣ извозчики на заводѣ Зайцева иг-рали въ почту, затѣмъ эта тряпка окро-

вавленная—все это серьезныя доказатель-ства.

Переходимъ теперь къ показанію се-стеръ Дьяконовыхъ. Подходя къ этому во-просу, долженъ сказать, что я отлично пони-маю, что если на судѣ хочешь хитрить, хочешь миромъ все покончить, то надо поддѣлываться, и если говорятъ, что такой-то свидѣтель не годится, ну, скажемъ Красовскій.—Дьяконовы тогда отвѣтятъ, хо-рошо, ихъ не надо, буду опираться на по-казанія Иванова или Кириченко, буду руководствоваться показаніями уважаемаго слѣдователя Фененко. Конечно, я могъ бы это сдѣлать, но я этого не сдѣлаю, пото-му что это значило бы поддѣлываться подъ васъ, чего я совершенно не желаю. Я скажу все, что я думаю, а вы рѣшите, въ чемъ я неправъ и выбросите то, что признаете ошибочнымъ. Я думаю, что сестры Дьяконовы не лгутъ и вотъ по-чему. Меня очень интересовалъ вопросъ о маскѣ. Если вамъ, деревенскимъ жителямъ, должно быть это странно, то городскому жителю тѣмъ болѣе не только странно, но и смѣшно. Подумайте, въ большомъ городѣ Кіевѣ, на Кадетскомъ шоссе, когда еще не совсѣмъ темно, ходятъ люди, вдругъ дѣ-вушка встрѣчается съ маской, которая разговариваетъ съ ней, а она только смот-рить и улыбается, и ничего. Меня очень это заинтересовало. Мнѣ хотѣлось разсѣ-ять свои сомнѣнія. Что это за дѣвушка, Екатерина Дьяконова? Что будетъ, если я свяжу судьбу Бейлиса съ этой дѣвушкой, не поврежу ли я ему вмѣсто помощи. По-этому я и спросилъ подполковника Ивано-ва,—показанія котораго были далеко не въ пользу защиты—вы помните—онъ ска-залъ много неприятныхъ вещей, но вообще далъ показанія въ высшей степени вѣскія. Я спросилъ его, говорила ли ему Е. Дьяко-нова про эту маску или нѣтъ; онъ сказалъ, что говорила. Просила ли она у него аген-та, который бы выслѣдилъ эту маску; онъ сказалъ, что просила. А вы ей дали? Нѣтъ, не далъ. Почему? „Я боялся за человѣка, это вѣдь далеко, тамъ пустота, людей нѣтъ, много овраговъ, и я боялся, чтобы не за-влекли и не убили нашего человѣка“. Впол-нѣ резонно. Подумайте только одну минуту. Вѣдь если человѣкъ приходитъ къ жан-дармскому подполковнику и проситъ дать ему агента для того, чтобы выслѣдить ма-ску, которая его преслѣдуетъ, то вѣдь не

сумасшедшій же это человѣкъ? Вѣдь онъ же знаетъ, что агентъ можетъ быть посланъ, можетъ придти и увидѣть, что никакой маски нѣтъ, увидѣть, что дѣвушка сама шатается съ какими то парнями, а что маски никакой нѣтъ. Значить, если она просила, то значить она видѣла, значить къ ней подходили, и какъ мы видѣли, самъ полковникъ подтвердилъ это, тогда я убѣдился, что она не лгала, вѣдь не безумная же она, вѣдь этотъ агентъ могъ изблочить ее. Полковникъ объяснилъ намъ, почему онъ не далъ человѣка, онъ не хотѣлъ совершенно резонно рисковать человѣкомъ, тамъ вѣдь темно, яры, овраги, повтому онъ и не далъ человѣка. Но она то вѣдь значить не лгала. Но что же сказала Екатерина Дьяконова такого, что мнѣ показалось невѣроятнымъ то, что она говорила про трупъ. Никакого трупа она не ощущала, никакого трупа въ мѣшкѣ не было и быть не могло и въ этомъ я совершенно не согласенъ съ Красовскимъ, несомнѣнно талантливымъ сыщикомъ. Но если вы посмотрите, то увидите, что онъ правду говорилъ. Онъ говорилъ правдиво, такъ правдиво, что минутами смѣшно было. Напримѣръ, когда онъ говорилъ, что Чеберячка жгла шелковыми матеріи, растопила ими печку и пекла булочки. Онъ вѣдь безусловно умный человѣкъ, а вѣдь онъ сказалъ это, сказалъ, что воронка сжигала шелковыя матеріи. Почему онъ это сказалъ, мы завтра въ этомъ разберемся, а сейчасъ мы вернемся къ вопросу о Дьяконовыхъ. Я уже сказалъ, что я не вѣрю въ ея разсказъ о трупѣ. Не вѣрю, что трупъ лежалъ у Чеберякъ два дня, по мѣримъ разсчетамъ онъ былъ вынесенъ изъ квартиры вечеромъ часовъ въ 10—11, когда все уже затихло и думаю, что трупъ положили въ сарайчикъ, тамъ глиняный полъ, а на дворѣ глины нѣтъ, потому что онъ убитъ камнями. Очень жаль, что, какъ показали здѣсь свидѣтели, судебный слѣдователь Машкевичъ, ѣздившій туда съ Выграновымъ, не взялъ глины изъ сарая. Тогда докторъ Туфановъ могъ бы и надъ этой глиной произвести экспертизу, какая была произведена надъ глиной изъ завода Зайцева. Такъ вотъ я говорю, что она этого трупа не ощущала, но она честно объ этомъ говорить, ибо, гг. прис. засѣд., есть ложь и есть неправда. Ложь, это когда человѣкъ хочеть сознательно ввести другого

въ заблужденіе, а неправда, когда человѣкъ вѣрить въ то, что онъ говоритъ, но чего на самомъ дѣлѣ не было или было иначе. Была ночь. Чеберякова пригласила къ себѣ Дьяконовыхъ ночевать, было ли это 13-го или 14 это безразлично, но Чеберякова ихъ пригласила. Кто это сказалъ? Ксенія. Будемъ провѣрять Екатерину по Ксеніи. Ксенія во многомъ своей родной сестры не подтвердила, но въ этомъ она ее подтвердила, она сказала, что къ нимъ пришла Чеберякова и попросила идти къ ней ночевать, и сестра ея пошла. Чеберякова намъ на это говритъ, что это было, она помнитъ, что была страшная жуть, помнитъ какъ онѣ испуганныя выскочили, оставивъ зажженную лампу, но что это было за три мѣсяца. Я бы этому повѣрилъ, но вотъ почему я нахожу, что это не такъ. Когда спросилъ Чеберякову г. предсѣдателя по другому поводу, когда было, весной, лѣтомъ или осенью, она не могла разобраться въ такихъ вопросахъ какъ весна, лѣто, осень. А вѣдь это 9 мѣсяцевъ разницы, а она этого не могла распутать. Какъ же мы можемъ повѣрить ей, что она точно помнитъ время. Но мнѣ важно другое,—можетъ, прокуроръ въ этомъ со мной и не согласится,—но важно то, что на людей внезапно нападаетъ оторонь, они бросаютъ зажженную лампу, бѣгутъ гонимые страхомъ. Вѣдь такъ показала и Ксенія и Екатерина Дьяконовы. Что же гнало ихъ въ эту ночь. Меня не занимаетъ вопросъ о Чеберяковой, а только о Дьяконовой. Вотъ, когда Дьяконова узнаеть объ убійствѣ и начинаетъ вѣрить въ то, что это сдѣлала Чеберякова, то понятно она начинаетъ вспоминать, какъ она лежала на кровати, какъ ея нога натолкнулась на мѣшокъ и тутъ ей начинаетъ казаться, что это былъ трупъ, положенный въ мѣшокъ. Она въ этомъ не жеть, она только путаетъ, потому что она сама искренно вѣрить тому, что разъ ребенокъ былъ убитъ въ квартирѣ Чеберяковой, трупъ его могъ лежать тогда въ мѣшкѣ. Такъ, напримѣръ, вы можете прочесть, что что нибудь произошло въ вашей деревнѣ, вотъ и начинаете думать: вѣдь, кажется, я проходилъ вотъ когда со схода шель, кажется, я видѣлъ то-то и то - то. Вѣдь такъ каждый можетъ впадать въ ошибку. Могла быть такая ошибка и у Дьяконовой. Но я не вижу, въ чемъ были другія ея ошибки. Маска? Это подтвердилъ полк. Ивановъ.

Далѣ, что она говорила о Чеберякъ? Она говорила, что подозрительныя лица у нея собирались, воры собирались, вотъ этотъ Борисъ Рудзинскій, этотъ Латышевъ, покончившій счеты съ жизнью, этотъ Сингаевскій. Но вѣдь это было, вѣдь она ихъ всѣхъ опознала. Вамъ читалось, какъ она ихъ опознавала. Поставили 11 арестантовъ въ рядъ, она посмотрѣла и нашла Рудзинскаго. Потомъ то же самое сдѣлали съ Латышевымъ, но поставили уже человѣкъ 5 или 6, и она опять узнала вѣрно. Значить, она не лжетъ. Гдѣ же она ихъ встрѣчала раньше? А теперь вы посмотрите, что такое этотъ Латышовъ и Рудзинскій. Когда Рудзинскаго вызвали, я его спросилъ, знаетъ ли онъ Чеберякъ. Онъ отвѣтилъ, что знаетъ не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Вывали у нея? Никогда не бывалъ. А Латышевъ? Когда его приводятъ къ судебному слѣдователю для того, чтобы подписать протоколъ, то онъ совершаетъ неслыханную дерзость. Въ присутствіи конвойныхъ подбѣгаетъ къ столу и хватаетъ со стола листъ. И только тогда, когда Фененко пострашалъ его отвѣтственностью, онъ оставилъ листъ. А Рудзинскій? Онъ присужденъ къ каторгѣ за вооруженную кражу. Г. прокурору угодно было сказать, что это не вооруженная кража, а кража со взломомъ. Но вѣдь судъ призналъ его виновнымъ въ вооруженной кражѣ, т. е. въ разбоѣ. Какъ же мы можемъ говорить, что злѣе простая кража со взломомъ, когда передъ нами приговоръ и онъ осужденъ на каторгу.

Вы видите изъ какого матеріала сдѣланы человѣкъ и нельзя сказать, что эти люди могли только воровать, а не убивать. Тотъ, кто идетъ вооруженнымъ, для чего онъ беретъ съ собою оружіе? Если ему дадутъ безъ убійства—возьметъ, а не дадутъ, то по головѣ дастъ. Вотъ эти два человѣка, одинъ изъ которыхъ держится такъ, что въ присутствіи конвоя старается выхватить у слѣдователя со стола протоколъ и когда ему не удастся кидается изъ окна, и вотъ эти люди говорятъ, что они съ Чеберячкой не знакомы и Чеберякова то же самое утверждаетъ; конечно, отъ родного брата отвертеться нельзя. Вотъ кто Чеберячка, вотъ кто люди, которые ее окружаютъ. Что еще говорила Екатерина Дьяконова невѣроятнаго? Разъ нѣтъ фактовъ, то надо каждый фактъ разобрать до мелочей. Что онъ сказалъ, чего не могло быть?—Ниче-

го больше не сказала. Прокуроръ говоритъ: „хорошо, она по дѣлу с кражѣ давала показаніе въ пользу Чеберячки“,—да мы не знаемъ, что она показывала, по поводу краденаго платья, которое взяла и одѣла эта Надя. Можетъ быть она показала только то, что она видѣла это платье въ домѣ, что оно лежало въ домѣ двѣ—три недѣли, мы этого ничего не знаемъ. А вотъ, что Петровъ, тотъ мужчина, который первый заявленіе подавалъ, что убилъ Павелъ Мифле, тотъ Петровъ, который помните разыгралъ сцену, что когда Павелъ Мифле избилъ Чеберякову до полусмерти, онъ явился къ мужу, какъ спаситель его жены и рассказалъ, что онъ шелъ по улицѣ, когда на Чеберякову напали хулиганы и чуть не убили, онъ ее спасъ и привелъ къ мужу и вотъ мужъ благодарилъ его, этотъ Петровъ былъ свидѣтелемъ по дѣлу; тотъ Петровъ, который при кражѣ револьверовъ получилъ два револьвера. Вотъ компанія, которая окружала Чеберячку. Говорятъ, что вѣдь Чеберячка жила бѣдно, что у нея даже нозолочекъ не было. А развѣ вы не знаете, что у воровъ краденныя вещи продаются дешево, потому что легко получаются, вещь, которая стоитъ 100 рублей, продается иногда за 2—3 рубля. Кто будетъ покупать и рисковать: вѣдь вещи краденныя, вѣдь скупщикъ краденныхъ вещей идетъ на то, что купить дешево, авось не попадется. Понятное дѣло, когда люди занимаются кражами, когда деньги достаются легко, они легко и прокучиваются. Конечно, Чеберячка не прокучивала ихъ дома, не собирала дѣтишекъ Люду, Валю да Женю, она со своими кавалерами закатывалась куда слѣдуетъ. Помните, какъ она отвѣтила по поводу свиданія съ Яблоновскимъ:—„было вина на 200 рублей выпито“.—Когда кто-то замѣтилъ, что невѣроятно, чтобы въ полчаса можно было — бы выпить вина на 200 рублей и спросилъ:—не было ли шампанскаго?—„Да, да шампанское“.—Вы знаете, что такое шампанское?—„Какъ, еще бы, я не деревенская, понимаю толкъ въ винѣ“. Вотъ эти кутежи, вотъ куда идутъ уворованныя деньги, которые легко добываются, но и легко проживаются и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ квартирѣ Чеберяковой нѣтъ наволочки. И когда вы окунулись въ этотъ міръ, въ эту квартиру, то прежде чѣмъ идти къ рабочему человѣку, о которомъ ничего дур-

ного не слышали, надо было сказать: мы не уйдемъ изъ этой квартиры, пока не получимъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя можно получить, пока не проверимъ всѣхъ уликъ, пока не разберемъ всего матеріала. Къ этому разбору, я если позволите, теперь перейду.

Объявляется небольшой перерывъ, послѣ котораго О. О. Грузенбергъ продолжитъ свою рѣчь.

Г.г. присяжные засѣдатели и г.г. судьи, прошу васъ по поводу моихъ послѣднихъ словъ относительно наволочки и относительно бумаги съ проколами замѣтить, что Чеберякова сказала у слѣдователя по поводу бумаги, что подобную бумагу она видѣла у извозчика съ завода Зайцева. Я остаюсь при моихъ словахъ и теперь говорю, что не понимаю этой части ея показаній. Это вѣдь привычка ея слѣшно на все отвѣчать, это женщина, у которой нѣтъ ни минуты колебаній, она даже не старается обдумать...

Предс. Это на предварительномъ слѣдствіи она говорила и говорила, что такія бумаги употребляются для расчета съ извозчиками. Но это не было на судебномъ слѣдствіи и я прошу васъ разбираться только въ томъ матеріалѣ, который былъ на судебномъ слѣдствіи, а не на предварительномъ.

Грузенб. Я не буду спорить, пойду дальше. Перехожу къ вопросу о томъ, какія указанія мы имѣемъ относительно квартиры Чеберякъ, сдѣлано ли не только все, что нужно было, чтобы раскрыть преступленіе, а не было ли даже упущеній, конечно, не намѣренныхъ, которыя помѣшали открытію истины. Я говорю это не для того, чтобы критиковать. Конечно, чужую работу критиковать легче всего, я критикую лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы намъ уразумѣть дѣло, чтобы не сбиться, не замутаться и не повредить, постольку я критикую и вовсе не хочу входить въ оцѣнку дѣйствій должностныхъ лицъ. Если передъ нами лежитъ судебный протоколъ, если мы видимъ, что лицо, его составившее, сохраняетъ свою должность, мы обязаны вѣрить, обязаны вѣрить не потому, что поддѣлывается подъ начальство, а обязаны вѣрить потому, что если законъ поставилъ человѣка для исполненія этихъ обязанностей и пока этотъ человѣкъ исполняетъ ихъ точно и аккуратно, мы не

имѣемъ права оспаривать акты; не имѣемъ права потому, что тогда никакого дѣла нельзя было бы разбирать: одинъ скажетъ, нѣтъ, это мнѣ не нравится, другой скажетъ, что это ошибка. Но тѣмъ не менѣе, на то, что не сдѣлано, мы вправе указывать. И вотъ я указываю, что не зашли въ сарайчикъ Чеберяковой, не взяли пробъ глины изъ погреба, о которомъ говорилъ Балавинъ, не посмотрѣли всего этого, хотя надо было бы разобратъся и сравнить, чтобы спокойно сказать—нѣтъ, это не то. Вамъ уже говорилъ мой уважаемый товарищъ относительно, напримѣръ, волосъ. Вы помните, какъ подробно изслѣдованы были волосы Бейлиса. Г. председатель вамъ удостовѣрилъ, что Бейлисъ самъ согласился не то, чтобы это выяснить, и бороду, и голову позволилъ выстричь, чтобы проверить, не похожи ли тѣ три волоса. И что же оказалось? Вы помните, что ни по характеру, ни по строенію волосы не похожи, причемъ мы обратили ваше вниманіе, что найденные волосы темно-русые, а у подсудимаго черные. Это я повторилъ дважды. и когда судъ огласилъ, я просилъ разрѣшенія къ вамъ обратиться. Такъ что вы видите, что и по наукѣ и безъ науки выходить. что волосы не его. Отчего же было не посмотретьъ волоса у Бориса Рудзинскаго, у Сингаевскаго, у Латышева, чтобы быть спокойнѣе, чтобы знать, они это или не они? Вѣдь мы не хотимъ обвинять, не въ томъ дѣло, но когда передъ вами проходятъ всѣ эти люди, когда они струдились, буквально сгрудились около этого трупа, какъ же не проверить всего того, что эти люди даютъ основанія проверять. Это все повлекло къ большимъ затрудненіямъ и къ печальнымъ послѣдствіямъ. Что произошло въ квартирѣ, до этого мы дойдемъ, когда будемъ говорить объ экспертизѣ, я перейду къ Дьяконовымъ, чтобы развязаться ужъ съ наволочками, которыхъ я коснулся. Вы помните, г.г. присяжные засѣдатели, вамъ читали здѣсь по нашей просьбѣ, показаніе Дятловой у слѣдователя,—это очень важно, важнѣе даже того, что она тутъ показывала. Ксенія сказала: когда мнѣ показали эти подушки, то я вспомнила, что три, — можетъ быть я ошибаюсь въ счетѣ, — были съ наволочками, а одна безъ наволочки. Мнѣ невдомекъ, да и вамъ вѣроятно, невдомекъ было, куда же дѣвалась эта четвертая наволочка, четвертая

то наволочка гдѣ? Я понимаю, какъ говорила Гаевская, что когда она жила тамъ въ февралѣ, то всѣ подушки были безъ наволочекъ, была одна насыпка, какъ она сказала, это я понимаю, но если ужъ есть наволочки, то какъ же три подушки съ наволочками, а одна безъ наволочки? И вотъ когда вы видите, что нѣтъ наволочки, затѣмъ, что кусокъ наволоки найденъ у мальчика въ карманѣ куртки, когда Дьяконова подходитъ и говоритъ, что это наволочка та, то мнѣ кажется, что нельзя говорить о неправдѣ. Если мнѣ говорятъ, что это неправда, то я спрашиваю — почему? Я спрашиваю, почему это неправда, изъ чего это вытекаетъ? На это отвѣта не даютъ, а между тѣмъ, этотъ фактъ установленъ ею еще у судебного слѣдователя. Идите вы дальше и приходите къ другому вопросу, какъ онѣ ведутъ себѣ послѣ преступленія. Здѣсь, вы слышали, возникъ вопросъ относительно поведенія Бейлиса, о немъ мы поговоримъ послѣ, но я хочу сначала разобрать тѣхъ, которые стоятъ по пути, какъ они вели себя. Чеберякова вдругъ дѣлается какимъ-то вольнымъ сыщикомъ. Вы слышите, она то ходитъ къ Красовскому и даетъ показанія, то бѣгаетъ къ подполковнику Иванову, а онъ вѣдь платы ей не даетъ, — Дьяконова говорила, что ей по 5 рублей на трамвай давалъ, но Чеберяковой онъ ничего не давалъ, но она вездѣ суетится, тревожится. Да что же случилось, почему она тревожится? Тутъ говорятъ — какъ же не тревожиться, у нея квартира сомнительная, воровская, она можетъ имѣть непріятности. Простите, если бы Чеберякова по поводу каждаго случая на Лукьяновкѣ или по близости тревожилась, то она бы своимъ дѣломъ не занималась. Тѣмъ и отличается преступный міръ, что когда человѣкъ совершаетъ воровскія дѣла, онъ не имѣетъ тѣхъ тревогъ, которыя имѣютъ честные люди, потому что если бы преступники жили въ тревогѣ то вѣроятно больше двухъ-трехъ кражъ не могли бы сдѣлать. У нихъ есть извѣстное легкомысліе, извѣстная безпечность, иначе преступникъ не могъ бы работать. Тутъ, кажется одинъ изъ представителей гражданскихъ истцовъ, сказалъ, что не сталъ бы преступникъ оставлять свои визитныя карточки, т. е. кусокъ наволоки. Но вѣдь вы понимаете, что это вопросъ странный. Если

бы всѣ преступленія дѣлались чисто, если бы не оставлялось слѣдовъ, то что же было бы съ судами, съ судебной полиціей? Никогда ничего раскрыть нельзя было бы. Въ этомъ то и счастье, что какъ бы тонко ни было задумано преступленіе, преступникъ второпяхъ, въ своемъ преступномъ натискѣ и азартѣ, растериваетъ доказательство, онъ ихъ самъ создаетъ и потомъ опытный слѣдователь, идя по этому пути, добирается до истины. И вотъ я вижу, міръ Чеберяковой заметался и я понимаю почему она такъ легко пошла на удочку Бразуля. Она говорила здѣсь, что денегъ она на самомъ дѣлѣ получила сущій вздоръ, я боюсь говорить точныя цифры, ну 25—50 рублей, но вы сами же понимаете, когда съ женщиной бѣдутъ въ Харьковъ и предлагаютъ ей 40,000, а въ счетъ 40,000 даютъ 25 р.—размахъ очень странный, размахнулись на 40,000, а даютъ 25 рублей. Значитъ не для этого она ходила съ Бразулемъ, не для этого она сидѣла съ литераторами, а значитъ, что — то ее мучило, что — то тревожило, что — то гнало. И что же?

А вотъ что,—это случилось послѣ показаній Малицкой, мы удостоверили, что г-жа Малицкая была допрошена въ ноябрѣ мѣсяцѣ и тамъ у судебного слѣдователя дала это показаніе про то, какъ она слышала. Вы слышите, какъ говорятъ тутъ,—женщина съ бзикомъ, странная, чудаковатая. Да, можетъ быть странная, можетъ быть чудаковатая, но мало ли есть у насъ знакомыхъ и друзей, которыхъ мы уважаемъ и любимъ, мало ли есть ученыхъ людей чудаковатыхъ; чудаковатый, развѣ это значить лжецъ, котораго приводятъ подъ прищипку и который будетъ лгать, который, поспорившись съ человѣкомъ, захочетъ его погубить. Чудаковатый человѣкъ, странный человѣкъ не есть лживый человѣкъ. Но вотъ не довѣряютъ не только ей, не довѣряютъ даже ей мужу, мужу Малицкой, этому пчеловоду. Вамъ говорятъ, онъ произвелъ достаточное впечатлѣніе, т. е. такъ, что онъ намъ знакомъ, что онъ тоже куленинъ евреями? Человѣкъ занимается пчеловодствомъ около Броваровъ, работаетъ день — деньской, почти три четверти года не бываетъ, привозитъ свой медъ и воскъ, развозитъ по магазинамъ. долженъ трудиться, хотя дворянинъ, но почти что на крестьянскомъ положеніи.

Пришелъ человѣкъ, которому надо ѣхать домой, который погорѣлъ, у него несчастье дома. И что же такое онъ говорилъ, чтобы дать право сказать, что онъ лжетъ, что же онъ сказалъ? Какая для него надобность лгать, какой для него смыслъ лгать? И они отлично понимаютъ, что эту странную чудаковатую женщину можно заподозрить, что она чудака, но нельзя сказать, что она куплена. Говорятъ, почему же она раньше не говорила? Но я прошу васъ припомнить вотъ что, — Кириченко нѣсколько разъ говорилъ, а Кириченко по всеѣмъ отзывамъ внѣ подозрѣній, чуть ли не единственный изъ полиціи чиновникъ, о которомъ никто дурного слова не сказалъ. Кириченко сказалъ, что „когда я былъ на обыскѣ и спустился внизъ допросить Малицкую, то она мнѣ сказала, — я постараюсь дословно цитировать, — я знаю еще, но боюсь сказать, зайдите ко мнѣ“. Я, говоритъ Кириченко, передалъ помощнику пристава Вышинскому, а тотъ мнѣ сказалъ, говоритъ Кириченко, — не будемъ путаться, потому что, если мы что сдѣлаемъ и потомъ не выйдемъ, скажутъ, что мы запутали дѣло, пускай дѣлаетъ Красовскій, который поставленъ для этого. Господа, какъ же можно сказать, что показаніе Малицкой, внезапное показаніе, когда она въ августѣ мѣсяцѣ на первый вопросъ сказала Кириченко, что есть у нея важное, что объ этомъ потомъ скажетъ, а Кириченко потомъ бросилъ и не заходилъ. Говорятъ, да почему же она не сказала? — да потому, что боится! Не забудьте, вѣдь это на Лукьяновкѣ происходитъ, я самъ кievлянинъ, знаю это мѣсто, да вы еще лучше меня знаете, тамъ прежде всего воровской міръ, кромѣ хорошей богатой публики, есть прямо воровскіе притоны. Вы знаете, вы слышали, тамъ двѣ „малины“ провалились, тамъ какіе-то бабаки, гдѣ воры собираются, тамъ портерная тоже для воришекъ. Какая же охота идти? Говорили о засилии еврейскомъ, однако кто билъ Шаховскаго? Онъ ничего не говорилъ про Бейлиса, а потомъ намъ Пимоненко говорила, что ей какая то женщина сказала, будто бы кто-то подскокилъ къ Шаховскому и сказалъ „ну ка, смотри“. За что смотрѣть, за то, что онъ показалъ въ пользу Бейлиса? Это ихъ воровской міръ, за то, что не смѣютъ трогать Чеберяковыхъ. Вѣдь Малицкая кто? Вѣдь Малиц-

кая одна, мужъ ея почти все время въ деревнѣ, въ Броварахъ, и она ведетъ ответственное дѣло — клзенаую лавку, у нея хранятся отъ недѣли до недѣли деньги. И если она заведетъ съ этой компаніей ссору, то, если ее не укокошатъ, не зарѣжутъ, то кассу заберутъ, а вы знаете, что значить служащему человѣку доказать, что воры украли деньги. Ей не повѣрятъ, скажутъ, какже воры украли, а вы сами живы остались. Пойди докажи. Она же боится этого міра. И вотъ эта женщина говоритъ мужу, человѣку полу-больному, который только любить пчеловодство, съ нимъ возится, пришелъ сюда въ темныхъ очкахъ, вѣроятно его искушали пчелы, — стоять. Ему говорятъ, — вы давно женаты, онъ удивляется, онъ болѣе 25 лѣтъ женатъ. Вы жену знаете? — знаю! вѣрите? — вѣрю! Да она чудака. Такъ что-жъ такое? Слышала она или не слышала, вотъ что меня интересуетъ. Вы сами, господа присяжные, были тамъ, слушали, но много словъ не разобрали. Мы тамъ были вмѣстѣ съ судомъ и вотъ такъ раздѣлились, если я не ошибаюсь, — г. предсѣдатель съ двумя членами, товарищемъ прокурора и съ нѣсколькими защитниками остались внизу, а одинъ изъ членовъ тоже съ другими лицами — наверху. Мы шаги слышали, но мы конечно, словъ не слышали, почему? Но, господа, намъ было трудно слышать, насъ набралось много народу, вѣдь эта комната небольшая, она большая для насъ. для насъ она небольшая, а насъ по моимъ подсчетамъ туда собралось человѣкъ 24—25, пожалуй ближе къ 30. Вы сами знаете, что, если положить коверъ, повѣсить шторы, портьеры, это значить густыя толстыя занавѣси, то звуки заглушаются, а иногда въ сосѣдней комнатѣ и не слышно музыки, если спустить тяжелыя занавѣси. А вѣдь, сколько насъ собралось и конечно, звуки заглушались и не слышно было. Судебный слѣдователь Фененко произвелъ опытъ и здѣсь читали, что были слышны явственно шаги, слышно ходеніе. Но замѣйте, когда слѣдователь пришелъ слушать, вѣдь онъ новый человѣкъ былъ, а вы знаете, что значить привычка, что значить, когда человѣкъ притерпится къ новому мѣсту, онъ знаетъ заранѣе, когда сосѣдъ приходитъ, какъ у него скрѣпить дверь, какъ чиркаетъ спичку, какъ зажигаетъ свѣчку. Кому прихо-

дилось студентомъ живать въ комнатахъ, тогда наизусть знаешь, когда сосѣдъ ложится спать, какой сосѣдъ стучить, какой тихій. А Малицкая ведетъ дѣло казенное, хаесть, они уходятъ въ свою квартиру, т. е. хаеать, они уходить въ свою квартирку, т. е. въ комнату и слушаетъ. Она рассказывала вамъ, что слышала шумъ, что слышала движеніе, слышала, какъ бѣгали люди. Господа, вышутить можно всѣхъ и все. Вѣрьте мнѣ, что если бы собрались люди, которые бы не поняли серьезности задачи, сколько мы могли-бы другъ надъ другомъ шутить, говорить колкости, но не въ этомъ дѣло, вышутить вы можете, но что же тутъ неправда, когда вы сами слышали и шорохъ и шумъ.

Говорять, такъ не убиваютъ, кто будетъ въ жилой квартирѣ убивать. Да, когда задумаютъ заранѣе убійство, то жилого помѣщенія не выберутъ, но по моему оно не было заранѣе задумано. Я не берусь быть въ качествѣ отгадчика, но я слушалъ дѣло, изучалъ, занимался и я говорю, какъ понимаю, а если не отгадалъ, то не моя вина, —я не отгадчикъ, я стараюсь только показать, какъ понимаю, я говорю, что убійство не было заранѣе обдуманно. Но, что сказали прокуроръ и гражданскій истецъ? Они разошлись. Прокуроръ сказалъ, что убійство по его предположенію произошло въ той конторѣ, которая около конюшни, а г. гражданскій истецъ Замысловскій сказалъ иначе—онъ вовсе не указалъ мѣста и вы сейчасъ увидите почему? Когда г. прокуроръ сказалъ, что убійство было совершено въ комнатахъ, онъ сразу понялъ, что онъ похоронилъ эту часть экспертизы Косоротова, т. е. эксперта обвиненія, который говорилъ вопреки уважаемымъ профессорамъ Павлову и Кадьяну, этому старому человѣку, ученому, у котораго лишняго слова не вытянешь, который не скажетъ ни полслова больше того, что онъ знаетъ по наукѣ. Они оба сказали,—что тамъ кровь есть на глинѣ—это пустяки, она 10 12 часовъ не высыхаетъ, а запачкать глиной могли въ томъ мѣстѣ, куда снесли трупъ. Между тѣмъ Косоротовъ говорилъ, что глина могла быть на мѣстѣ преступленія, а у прокурора выходитъ, что убили въ помѣщеніи—откуда же тамъ глина. Вотъ г. гражданскій истецъ и говорить, что на заводѣ, а чтобы не пропала Косоротовская глина, онъ не указываетъ мѣста.

А прокуроръ вошелъ въ комнату и какъ только онъ вошелъ въ комнату, что онъ сказалъ? Онъ сказалъ,—должно быть преступники нанесли на ноги глину и когда бросили куртку, то глина на нее попала. Ахъ, вотъ какъ, значить это могло быть совершенно въ комнатѣ? Такъ я спрашиваю, почему же вамъ не нравится комната Чеберяковой и такъ нравится заводская комната? Мнѣ на это отвѣчаютъ—тамъ были все евреи. Значить оказывается, что не одинъ Бейлисъ принадлежитъ къ сектѣ, а всѣ семь евреевъ сектанты, всѣмъ нужна христіанская кровь, всѣмъ нужно погубить мальчика, хотя бы каторгой, хотя бы жизнью за это заплатить, а все таки надо это сдѣлать. Но не въ этомъ дѣло. Вы знаете, что тамъ были люди, которые постоянно тамъ жили, русскіе люди и вы сами понимаете, что есть вещи, на которыя не пойдетъ ни одинъ человѣкъ, ни одинъ христіанинъ, хотя бы онъ былъ преступникъ и низкій человѣкъ. Какъ, если къ христіанину придти и сказать—вотъ этотъ человѣкъ ребенка замучилъ съ другими евреями, для своей Пасхи взялъ кровь христіанскую—я не знаю какимъ же нужно быть злодѣемъ, чтобы потомъ лгать подъ присягой на этого еврея. Можетъ быть найдется одинъ безчестный христіанинъ, но вы посмотрите сколько здѣсь было христіанъ, за что они будутъ лгать—за то, что они имѣютъ работу съ завода, что привозятъ кирпичъ, трудятся, работаютъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ и за это они будутъ давать ложныя показанія, будутъ покрывать муки христіанскаго ребенка? Такъ вотъ—были эти люди на заводѣ или нѣтъ? Прокуроръ это прямо отрицаетъ, гражданскій истецъ условно. Онъ призналъ клятвеннѣе, но только подсчитываетъ по такому расчету, по возамъ, чтобы вышло, что народу было немного. Мнѣ кажется, что тутъ расчетъ долженъ быть сдѣланъ иначе. Вы помните, тутъ все ссылались на Иова Зеленскаго. Онъ показалъ, что они выѣхали послѣ праздника и попали на заводъ 12 марта въ обѣдъ. Тутъ вышла ошибка со стороны гражданскаго истца, который сказалъ, что они пріѣхали совѣмъ вечеромъ. Это не совѣмъ вѣрно—онъ говорилъ, что послѣ 3-хъ часовъ дня. Одинъ по желѣзной дорогѣ отъ Василькова доѣхалъ, а остальные на лошадей. Они пріѣхали 12 марта, приблизительно, въ три часа дня,

приѣхали на заводъ. Что же Ювъ Зеленсдій? Онъ переѣмилъ свое показаніе, данное у судебного слѣдователя и противъ другихъ пошелъ, что же онъ сказалъ, что евреи просили его другое показать? Нисколько, его никто не просилъ и онъ говорить противъ. Почему? Да потому, что ему такъ помнится. Можетъ быть онъ ошибается, но тогда онъ ошибается, какъ всякій честный человѣкъ можетъ ошибаться. Я спрошу любого изъ васъ, помните ли вы въ какой день, когда вы дѣлали и, что вы дѣлали? Я утверждаю, что человѣкъ рабочей не можетъ помнить все до мелочей, только не работающій можетъ помнить, когда ему выкинется случай, что онъ работаетъ. Но вѣдь самъ г. гражданскій истецъ призналъ квитанціи, призналъ, что было вывезено шесть съ чѣмъ-то тысячъ кирпичей. Я согласенъ съ однимъ изъ присяжныхъ засѣдателей, который совершенно вѣрно спросилъ одного изъ свидѣтелей, кажется, Холина, сказавшаго будто грузили по 300 кирпичей на одну лошадь, такъ ли это. Я тоже думаю, что онъ ошибся. Какая бы дорога ни была, хотя бы съ горы, 300 кирпичей не нагружаютъ на маленькую крестьянскую повозку—это невѣрно. Такъ что на самомъ дѣлѣ, имъ пришлось больше оборотовъ дѣлать, потому что они грузили не по 300, а по полтораста, самое большее по 200. А если даже признавъ расчесть по 300, то признаете, что имъ надо было по меньшей мѣрѣ часъ 10. Но эта ошибка вѣроятно произошла отъ того, что выяснилъ свидѣтель, дававшій показаніе. Онъ говорилъ, что не было такого порядка, чтобы сразу нагружать нѣсколько подводъ, а было такъ, что одинъ извозчикъ нагрузится, отъѣдетъ, тѣмъ временемъ другой подъѣзжаетъ и начинается грузить, такъ что работа шла непрерывно, повозка за повозкой, значить, все время въ этотъ день, какъ установлено съ математической точностью, по счетамъ, установлено, что была возка. Хотя бы только шесть тысячъ кирпичей было вывезено, но вѣдь люди тамъ были. А вѣдь у нихъ были еще свои люди, люди Заславскаго, здѣшніе, мѣстные, непріѣзжіе, которые тоже дѣлали работу. Вы слышали, что Заславскій сначала служилъ у арендатора, который до тѣхъ поръ арендовалъ заводъ и платилъ Зайцеву за это. Значить было движеніе, были повозки, были люди. Вы слышали отъ одного свидѣтеля, что ему судебный слѣдователь Фененко прямо сказалъ,

что установлено, что 12-го марта была возка, была работа на заводѣ. Съ разрѣшенія суда я спросилъ у Фененко—это правда, вы это говорили?—„Правда!“—Вы сказали, что 12-го марта была возка, что это было установлено?—Да, сказалъ.—Такъ было установлено судебнымъ слѣдователемъ, такъ онъ сказалъ, когда мы хотѣли провѣрить свидѣтеля. Такъ что вы видите,—нѣтъ сомнѣнія, что возка была, что работа шла и тѣмъ не менѣе говорить, что слѣды здороваго Юшинскаго шли на заводъ, а слѣды мертваго отъ завода, что это тѣ же слѣды. Вы видите, что ничѣмъ рѣшительно это не подтверждается. Что же можно сказать по поводу предположенія, которое выдвинулъ прокуроръ, разошедшійся съ гражданскимъ истцемъ: у прокурора—въ комнатѣ убивали, у гражданскаго истца—неизвѣстно гдѣ, но не въ комнатѣ, потому что иначе не выходить съ глиной. Вотъ они и разошлись и сильно разошлись, такъ что примирить ихъ нельзя. Прокуроръ говорить—убили его вѣроятно тамъ.—Почему?—Да такъ, говорить, удобнѣе всего.—Какъ же удобнѣе всего?—Я вызвалъ свидѣтеля Шидловскаго, старшаго рабочаго и онъ сказалъ, что ключи отъ этой конторки, помѣшавшейся подлѣ конюшни, были у него, а ключи отъ конюшни были у конюховъ, они говорили. Прокуроръ самъ же устанавливаетъ, что будто бы тамъ побѣдили квартиру и могли замести слѣды преступленія. Гг. присяжные засѣдатели, вы вѣдь были въ этой квартирѣ, вы ее помните. Такъ я прошу вспомнить, какъ въ самомъ началѣ засѣданія въ первые дни я попалъ въ тяжелое положеніе. Это былъ единственный случай, когда судъ отказалъ въ прочтеніи документа и сказалъ,—тѣмъ болѣе, что обыскъ былъ не въ томъ помѣщеніи.—Я, конечно, возражать не могъ, разъ судъ говорить, но я былъ правъ и вы увидите, что я былъ правъ. Вѣдь шло было найдено на квартирѣ у Бейлиса, или въ томъ помѣщеніи, которое около конюшни? Вы слышали рассказъ, что Гулько, когда онъ разстался съ товарищемъ, завязалъ въ мѣшокъ свои инструменты и положилъ мѣшокъ въ шкафъ и ушелъ, а потомъ все свезли въ одно мѣсто и описали. Осмотръ былъ 22 іюля и 26 іюля, т. е. за 2—3 мѣсяца до пожара и если-бы что-либо было подозрительное, то это кинулось бы въ

глаза. Гг., неужели для васъ не ясно: Бейлисъ занималъ на заводѣ небольшую квартиру, но въ глазахъ его хозяевъ, при томъ, что онъ получалъ 30—40 руб. эта квартира хорошая. Когда Бейлиса забрали въ тюрьму, его женѣ стало жутко тамъ жить и ей сказали—пускай она поживетъ тамъ, около конюшни, гдѣ есть всего двѣ комнаты и кухня. И вотъ она перебирается туда. Посмотрите, что происходитъ дальше. Конюшня горитъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и говорятъ, что это поджогъ. Мы сами два раза занимались вопросомъ о поджогѣ, т. е. мы занимались постороннимъ дѣломъ. Почему? Зачѣмъ наводили насъ на новое подозрѣніе, что этотъ пожаръ былъ не случайнымъ? А между тѣмъ, одинъ изъ свидѣтелей сказалъ, что во время пожара сгорѣло около 20 двухколесокъ и еще что-то.

Тутъ возникъ вопросъ о шилахъ, и я очень благодаренъ, что одинъ изъ васъ, гг. присяжные засѣдатели, очень подробно выяснилъ этотъ вопросъ. Тутъ господа, съ вашей скамьи спрашивали: какаѣ-же это экономія? Неужели заводъ не можетъ имѣть своего набора инструментовъ—шва-

екъ и друг.? У нихъ дѣлается такъ: до открытія работъ приглашается шорникъ, выправляются хомуты, сбруя, шлеи, словомъ, все, что нужно, а затѣмъ, если что обрывается, когда уже идутъ работы, они эту мелкую работу уже сами дѣлаютъ. Вѣдь швайки стоятъ 5, 10 коп. не болѣе. Говорятъ, что это дѣло евреевъ, да еще выписывали евреевъ изъ-за границы (надо даже химію знать для того, чтобы умѣть сохранить кровь). Вы только подумайте—неужели, если они этими швайками убивали, такъ неужели они оставляютъ мѣшокъ со швайками? Вѣдь это уже будутъ глупые люди. На заводѣ было два рабочихъ—русскій и еврей. Русскій работалъ лучше и прочнѣе, а Гулько—плохо работалъ. Конечно, этому приказчику-добряку неловко отказать ему. Онъ отпущаетъ обоихъ рабочихъ, а потомъ русскаго беретъ снова, а еврея—нѣтъ и тотъ идетъ къ хозяину, у котораго инструменты есть и этими инструментами работаетъ. Поэтому и швайки не нужны были, никакой надобности въ нихъ не было.

Послѣ этого объявляется перерывъ до 10½ ч. утра слѣд. дня.

Тридцать второй день.

26 октября 1913 г.

Окончаніе рѣчи

О. О. Грузенберга.

Предс. Возобновляю судебное слѣдствіе. Г. защитникъ предоставляю вамъ слово.

Грузенб. Гг. присяжные засѣдатели, мы вчера остановились на вопросѣ о томъ, какъ же по мнѣнію защиты произошло это злое дѣло? Я уже говорилъ вамъ, что защитникъ не отгадчикъ преступленія, ибо онъ не можетъ сказать больше того, что всѣ вы знаете. Но условія процесса таковы, въ особенности по тяжкимъ дѣламъ какъ настоящія, что всѣ ждутъ отвѣта—кто совершилъ преступленіе? И если самъ подсудимый или его защитники не могутъ

разгадать тайны, то говорятъ: „Вотъ видите, вы ничего не доказали“. Гг., это опасное требованіе, потому что не въ нашей власти раскрывать преступленія, не въ нашей власти что-либо доказывать, у насъ нѣтъ ни средствъ, ни возможности! Вы видите, была попытка со стороны добровольца Бразуль-Брунцовскаго, и что же онъ натворилъ? Вы слышали, вамъ вчера говорили, что онъ запуталъ слѣды, затопталъ матеріалъ и такъ его перетопталъ, что теперь является минутами мысль—не допустилъ-ли онъ какихъ-либо злоупотребленій? Для меня ясно, что злоупотребленія онъ не допустилъ, потому что мы видимъ все дѣло. Что же онъ могъ за это время сдѣлать? Я смотрѣлъ и смотрю, что

есть дѣла, которыя должны почитаться для защиты и тѣхъ, кто о нихъ заботится, какъ дѣла святыхъ, то есть тамъ, гдѣ ты глубоко вѣришь не только въ правоту подсудимаго, но ты глубоко вѣришь въ правоту самаго дѣла и знаешь, что не можетъ быть со стороны подсудимаго, или кого-либо изъ его единовѣрцевъ вины! И вотъ въ такихъ дѣлахъ нельзя допускать азарта, нельзя допускать риска, нельзя допускать азіотажа. Я сказалъ-бы, что здѣсь пахнетъ какой-то биржевой спекуляціей. Полк. Ивановъ и Кириченко дали намъ разгадку—частныя лица видѣли—Кириченко передалъ Бразулю, что полк. Ивановъ имѣетъ до такой степени достовѣрный матеріалъ, что хотѣлъ это дѣло раскрыть и посадить на скамью подсудимыхъ настоящихъ виновныхъ, такъ какъ онъ очевидно не вѣрилъ въ виновность Бейлиса. Полковникъ Ивановъ, когда Бейлисъ былъ преданъ суду, вы изволили слышать, на нашъ вопросъ отвѣтить, что онъ велъ разслѣдованіе до іюня мѣсяца.

И когда они узнали, что полковникъ Ивановъ все это раскроетъ—началась скачка, кто кого обгонитъ, и въ этой безумной скачкѣ у нихъ не явилось мысли, какъ отзовется на этомъ человѣкѣ. Что это турецкая голова, на которой пробукуютъ крѣпость шапкинъ? Вѣдь это живой человѣкъ. И когда вы допускаете этотъ биржевой азартъ и хотите другъ друга опередить, вы можете возбудить въ глазахъ судей сомнѣніе и приходится намъ, какъ вы видите, долгое время отъ этого защищаться, отъ этого отбиваться.

Но надо быть справедливымъ. Бразуль-Брушковскій не такъ виноватъ въ своей репортерской самонадѣянности. Надо быть справедливымъ и сказать, кто-же больше виноватъ? Я долженъ отмѣтить, что представители власти съ полной откровенностью здѣсь на судѣ отвѣтили, что они сами бесѣдовали съ Бразуль-Брушковскимъ. Вы слышали: на квартирѣ судебного слѣдователя былъ прокуроръ окружнаго суда Запѣнинъ, товарищъ прокурора Лашкаревъ. Они сидѣли съ Бразуль-Брушковскимъ, съ газетнымъ репортеромъ съ 11 час. вечера до 4 часовъ утра. Вѣдь это же правда. Подумайте, о чемъ разговаривали они съ газетнымъ репортеромъ, съ этимъ Бразуль-Брушковскимъ въ продолженіи пяти ча-

совъ. Подумайте: прокуроръ суда, товарищъ прокурора—судебный надзиратель и судебный слѣдователь, очевидно они сами считали, что Бразуль—человѣкъ честный, производить хорошее впечатлѣніе и думали, что онъ обладаетъ хорошимъ матеріаломъ. Я не могу понять—на частной квартирѣ, что они могли съ нимъ работать, о чемъ могли говорить въ теченіе столь долгаго времени? Но мнѣ кажется было бы правильнѣе, если бы прокуроръ сразу сказалъ: „Г. Бразуль, мы производимъ разслѣдованіе, законное слѣдствіе, вы производите впечатлѣніе честнаго человѣка (такъ сказалъ Фененко), вѣдь мало быть честнымъ, надо имѣть умніе, нужно знать, нужно умѣть работать, мы годами готовимся къ этому, а вы такъ сразу беретесь за такое трудное дѣло“. Они этого не сказали. И когда я спросилъ Лашкарева: „что же, вы сочли нужнымъ сказать Бразуль-Брушковскому: какъ-же вы впутываетесь не въ свое дѣло?“ Онъ отвѣтилъ: „ни я, ни прокуроръ, ни судебный слѣдователь никто ни слова ему не сказалъ“. Значитъ, Бразуль-Брушковскій не только не былъ удержанъ, но получилъ благословеніе властей и прокурорскаго надзора. Почему же ему было останавливаться, онъ и пошелъ дальше. А насколько онъ былъ прямодушенъ, это доказываетъ его заявленіе отъ 18 января 1912 года, когда онъ прямо въ официальной бумагѣ пишетъ: „я имѣлъ съ вами разговоръ 22 или 23 декабря и я говорилъ то-то, и то-то. И г. товарищъ прокурора Лашкаревъ сказалъ—то-то и то-то“. Вы видите, онъ въ официальной бумагѣ пишетъ объ ихъ частной бесѣдѣ, значитъ если бы онъ написалъ докладъ, онъ бы ничѣмъ не рисковалъ. Онъ какъ-бы привлекаетъ къ отвѣтственности—что вы съ нами работали, вы съ нами выработывали планъ веденія дѣла? Значитъ это правда, значитъ былъ моментъ, когда всѣ искренно считали, что онъ обладаетъ этой истиной. И вотъ теперь, когда случилось, что Бразуль-Брушковскій можетъ быть слѣлалъ какія-то ошибки, но ничего безчестнаго не сдѣлалъ, сейчасъ всѣ набрасываются на подсудимаго и говорятъ: „вы отвѣтственны за Бразуля“. Тогда онъ можетъ сказать: „Я сидѣвшій на скамьѣ подсудимыхъ отвѣтственъ за Бразуля? А прокуратура, сидѣвшая ночи напролетъ, она не отвѣтственна? Это значитъ, предъявлять ко мнѣ обвиненіе, на ко-

торое я вправѣ сказать—предъявляйте къ другимъ, но не мнѣ, потому что я въ этомъ не виноватъ“.

Теперь попробуемъ безъ Бразуль-Брушковскаго подойти къ дѣлу. Мнѣ гг. судьи не представляется, чтобы здѣсь была поддѣлка подъ ритуаль, чтобы люди сговорились совершить такое преступленіе, чтобы взвести обвиненіе на евреевъ и произвести погромъ. Я этого не могу сказать. Дѣло представляется иначе, и я думаю, что я близокъ къ истинѣ. Вы знаете, что 9 числа нѣкоторые изъ воровъ, такъ называемые „докрора“, пошли въ баню, и тамъ они были арестованы полицейскими властями и это были друзья Чеберяковой, были ея гости. Далѣе на другой день приходитъ къ Чеберяковой полиція и дѣлаетъ у нея обыскъ. Понятно, вчера арестовали одну группу, сегодня ворвались къ ней въ домъ и она видитъ, что ея притонъ прорвался и члены этого притона раскрыты. Кто это сдѣлалъ? И вотъ гг., какъ не казалась прокурору и гражданскимъ истцамъ смѣшной версія относительно прутиковъ, но по моему это правда. Въдъ мнѣ интересно хвататься за прутики, за мелочи, неужели если бы я въ это не вѣрилъ, — я бы говорилъ. Но я вѣрю. И Шаховская и всѣ здѣсь говорили, что кромѣ Жени и Андрюши былъ еще третій мальчикъ, это безспорно его видѣли всѣ на углу Половецкой улицы. И вотъ вы слышите рассказъ, что этотъ третій мальчикъ съ Половецкой улицы слышалъ, какъ Женья и Андрюша заспорили насчетъ прутиковъ, и тотъ сказалъ Андрюшѣ, „я скажу твоей матери, что ты не ходишь въ классъ“, а онъ говоритъ въ отвѣтъ: „а я расскажу, что когда я приходилъ ночевать къ вамъ, я видѣлъ, что приносили ворованныя вещи и кассу“. И вотъ Женья прибѣгаетъ домой и объ этомъ рассказываетъ. Говорятъ это сыщики выдумали, нѣтъ, господа, говорить объ этомъ значитъ забывать числа. Этотъ рассказъ о прутикахъ возникъ задолго до Красовскаго. Тогда велъ дѣло Мипукъ и никакихъ разговоровъ не было ни о Бейлисѣ, ни о другихъ. Не забудьте это гг. присяжные засѣдатели. И вы слышали показанія дѣтей, мальчика, который показалъ, что не его научили, а человекъ къ нему подошелъ и спросилъ, „что вы слышали“, а онъ сказалъ, „я слышалъ про прутики“. А не то, что какъ здѣсь предполагали, что

сыщики распускали эти слухи. Нѣтъ, это неправда. Мальчикъ точно удостовѣрилъ, что онъ это сказалъ. Вы помните исторію съ Липецкой. Я не хочу васъ утомлять, вы устали отъ этой работы, но вы помните всю эту исторію. Когда окончательно они узнали, что 9-го арестовываются воры, 10-го проваливается ихъ притонъ, потому что является полиція съ обыскомъ къ Чеберяковой. А тутъ же мальчикъ Женья рассказываетъ про угрозы Андрюши, то, явилась мысль отъ него избавиться. Вы помните, какіе споры шли о томъ, былъ ли Андрюша 11-го на квартирѣ Чеберяковой. Говорили, что онъ ходилъ на Бессарабку за пистонами, что вернулся только въ три часа, а уроки окончились въ 12, стало быть онъ успѣлъ не могъ пойти туда. Это невѣрно. Почему? Потому, что вы помните, что Олимпиада Нѣжинская и Наталья Ющинская удостовѣрили вамъ, что у нихъ часовъ нѣтъ, что онѣ время гадаютъ, время говорятъ по приблизительному подсчету. И вы сами понимаете, что вспомнивъ это, развѣ можно сказать, что 11-го марта мальчикъ воротился домой въ 3, а не въ 4—5 ч. Это въ высшей степени сказать трудно. Такимъ способомъ можно время измѣрять „послѣ обѣда, засвѣтло, темно“. Вотъ, приблизительно, подсчетъ, какой можно было произвести счетъ этому времени. Но, господа, вы забываете, что были показанія, что Андрюша нерѣдко ѣздилъ на извозчикѣ, бывали случаи, когда ему дадутъ денегъ, въ данномъ случаѣ онъ получилъ деньги на покупку пистоновъ и онъ могъ поѣхать, но мнѣ не важно, былъ ли онъ 11-го, 10-го, 9-го у Чеберяковой, это совершенно безразлично, но что онъ былъ, и что такой разговоръ былъ, не представляется никакого сомнѣнія. И вотъ 12-го приходитъ Андрюша туда. Вы уже знаете, Федоръ Нѣжинскій уже говорилъ вамъ, точно также вы знаете со словъ Голубева, что ему Женья рассказывала, что Андрюша оттуда вышелъ безъ пальто, книги и пальто остались тамъ.

Они выходятъ на прогулку. Только что они воротились, въ это время являются Рудзинскій, Сингаевскій и Латышевъ по своимъ дѣламъ и застаютъ его. Его хватаютъ, ударяютъ его швайкой по головѣ, можетъ быть даже безъ намѣренія убить, просто со злости. „Ахъ, ты, байстрюкъ, ты

гасъ пришиваешь“. Ударили его по головѣ. Вспомните, что тутъ говорили доктора, проф. Кадыанъ, проф. Павловъ говорили, и въ началѣ говорилъ Оболонскій. Оболонскій скончался и мы не вправѣ сказать, что онъ отказался отъ своего мнѣнія, что первый ударъ нанесенъ въ темя, это былъ ударъ смертельный. Это говорилъ г. Оболонскій, но теперь г. Косоротовъ отказывается. Но тотъ человѣкъ, который производилъ вскрытіе ближе знаетъ дѣло, но Оболонскій сказалъ: одинъ изъ первыхъ ударовъ былъ нанесенъ въ темя и вызвалъ кровотеченіе, хотя и внутреннее. Онъ теряетъ сознание, онъ падаетъ, ему наносятся удары сначала въ голову, когда онъ стоялъ на порогѣ и не успѣлъ снять пашку. И когда онъ падаетъ на лѣвый бокъ, ему наносятся удары съ правой стороны въ шею. Когда они подбираются къ шеѣ, они срываютъ съ него куртку и начинаютъ наносить удары больше и больше. Мальчикъ теряетъ сознание, мальчикъ хрипитъ. Проходитъ 2—3 минуты. Вдругъ имъ кажется, что онъ скончался. (Хотя намъ считать не важно, но правильно сказалъ г. Кадыанъ, что можно считать часами, но когда рѣчь идетъ о минутахъ, такого счета быть не можетъ). Имъ кажется, что мальчикъ скончался. Въ это время онъ зашевелился вдругъ, вздрогнулъ. Они опять бросаются и опять наносятъ удары шваикой, опять они тычутъ во всѣ стороны, тычутъ злобно. Вы помните выраженіе „его расписала миг-терская голова Рудзинскаго“, который въ послѣднія минуты его истыкалъ. Что же имъ дѣлать съ этимъ трупомъ? Куда его дѣвать? Въ первую минуту онъ остается у Чеберяковой, для меня въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но не ночевалъ, какъ говорила Дьяконова. Она ошибается, это потому со страху ей стало казаться, что она нащупала ногой трупъ и, какъ только завечерѣло, какъ только начало темнѣть, все стихло кругомъ, они уносятъ трупъ, либо прямо въ погребъ, или даже сарайчикъ, потому что въ сарайчикѣ тоже полъ глиняный. Они вносятъ туда трупъ, оставляютъ его. Потомъ, уже глухой ночью, переносятъ въ пещеру и уже оставляютъ въ пещерѣ. Почему я такъ говорю, вы сейчасъ увидите.

Я прошу васъ убѣдительно вспомнить, отмѣтить важную подробность. Докторъ Туфановъ, производившій разслѣдованіе

одежды покойнаго мальчика и его исподняго бѣлья, т. е. подштанниковъ, онъ что говорить? Онъ говорить, что глина на подштанникахъ похожа на глину, которая находится въ пещерѣ. Значить, вся глина, о которой идетъ рѣчь, оказывается похожей на глину, которая въ пещерѣ. Такъ опредѣлили докторъ Туфановъ, такъ онъ отвѣтилъ здѣсь на нашъ вопросъ и это внѣ спора, внѣ сомнѣнія, что на глинѣ въ пещерѣ мальчикъ и лежалъ. Когда эти люди сдѣлали свое ужасное дѣло, когда истыкали всего мальчика и когда оказалось такое множество ранъ, тогда они рѣшили воспользоваться этимъ, какъ средствомъ для того, чтобы освободить себя отъ отвѣтственности, для того, чтобы не быть въ отвѣтѣ. Это для меня несомнѣнно. Затѣмъ вы спросите меня, почему убить онъ былъ шваикой. Конечно, если бы было убійство предумышленное, то такъ не убили бы, если бы было убійство съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, то достали бы топоръ, молотокъ или ножъ. Но надо помнить то, что говорилъ намъ Красовскій. Онъ сказалъ, что когда дѣлали обыскъ у Чеберяковой, то нашли полный наборъ инструментовъ, недоставало только колющаго орудія, а между тѣмъ у Жени былъ сдѣланъ аэропланъ, для котораго требовалась непременно шваика или колющее орудіе. Они на это обратили вниманіе тогда же. Какъ же могла быть сдѣлана такая вещь, для которой требовалось колющее орудіе непременно? А между тѣмъ у Чеберяковой были найдены всѣ инструменты, кромѣ этого колющаго орудія. Далѣе вы видите, что раны на вискѣхъ правильно расположены на одномъ и томъ же разстояніи. Покойный проф. Оболонскій говорилъ, что эти уколы могли быть сдѣланы даже вилкой, такъ какъ нарочито пригнать ихъ на такомъ равномъ разстояніи трудно. Вы знаете, что его душили. Я не сомнѣваюсь, что въ этой работѣ участвовала и Чеберякова и не потому, что хотѣла его смерти, но когда раздались его стоны, можетъ быть его крики, его стали душнить, и она боялась, чтобы эти звуки не дошли до Малицкой, или даже до Балавина, который могъ не уйти на службу. Затѣмъ, гг. прис. засѣдатели, не странно-ли то, что въ тотъ же день исчезаютъ дѣти. Вы помните, Адель Равичъ говорила, что нѣкоторые изъ нихъ были у бабушки, а Люд-

мила здѣсь намъ сказала, что на другой день ушли къ бабушкѣ. На другой день ушли. Странное совпаденіе. Почему на другой день послѣ убійства дѣтей отсылаютъ къ бабушкѣ. Очевидно, обставляютъ такъ, чтобы они не погубили, не выдали. Женя невольно видѣлъ, но и отъ него старались спрятаться, а другихъ дѣтей увели. Я думаю, что когда пришли вечеромъ выносить трупъ, Чеберякъ впопыхахъ схватила его тетради, собрала все со стола и я думаю, что при этомъ она захватила и эти листки съ проколами. Она не думала ихъ захватить, но когда сбегала, то съ тетрадями и они попались. Вотъ на это обратилъ вниманіе и суд. слѣд. Фененко, который допрашивалъ цѣлый рядъ гимназистовъ, товарищей покойнаго Андрюши, чтобы выяснитъ, откуда попали эти бумажки въ пещеру. Для меня несомнѣнно, что эти бумажки бросаютъ свѣтъ, поясняютъ. Убійцы хотѣли, чтобы нашли трупъ, чтобы нашли исколотаго мальчика и чтобы всякій сказалъ, какіе же это воры, это не воры, въ этомъ виноваты евреи, или какъ говорить здѣсь—жиды. Вотъ какъ по моему убѣжденію создавался этотъ планъ. Все не было поддѣлкой подъ ритуаль, но когда сдѣлали это страшное дѣло по мести, сторяча, по злобѣ, то старались убійство это свалить на другихъ. Мы старались вамъ показать, что убійство было случайное, что оно было совершено злыми людьми, а не евреями, которымъ нужна была христіанская кровь. Такое повѣрье живетъ, и оно настолько живуче, что, къ сожалѣнію, даже люди интеллигентные повторяютъ эту необоснованную зловредную сказку. Такъ случилось это убійство. Но припомните еще, что при мальчикѣ нашли кусокъ наволочки, и на этой наволочкѣ была найдена кровь и слѣдъ мужского сѣмени. Вы знаете, что и на обояхъ въ квартирѣ Чеберякъ, которые были исследованы, тоже было найдено мужское сѣмя. Вы знаете, г. судьи, что это былъ за домъ, вы знаете, какой это былъ притонъ. Вы знаете, какъ собирались туда люди, какъ они вели себя безнабашно, не обращали вниманія на мужа, у котораго была отдѣльная комната. Онъ не глядѣлъ на то, что дѣлалось тамъ, гдѣ принимала гостей его жена. То, что сѣмя найдено на наволочкѣ, это для меня чрезвычайно важно. Г. прис. засѣдатели, подумайте, если

бы исполнялся какой-нибудь ритуаль, какая-нибудь обрядовая сторона религіи, то неужели взяли бы грязную наволочку со слѣдами мужского сѣмени и съ этой грязью устраивали бы религіозный ритуаль. Вы слышали, вамъ читали, что для этого нужно по мнѣнію тѣхъ, которые утверждаютъ эту сказку, чтобы жертва была обмыта, нужно присутствіе раввиновъ, которые произносили бы молитвы. Тамъ это такъ сказано и это понять можно. А тутъ что было? Пришелъ ребенокъ въ пашкѣ, его бьютъ по пашкѣ, вѣдь въ это же время должны были сознавать, что кровь изъ головы не выдетъ, что она попадетъ въ волосы, а вѣдь волосы у дѣтишекъ въ этомъ возрастѣ, въ особенности въ бѣдныхъ семьяхъ, не чисты. Какъ же могли кровь изъ этихъ грязныхъ волосъ взять? А затѣмъ, вѣдь кровь пойдетъ въ пашку, ее нельзя будетъ получить. Затѣмъ далѣе, вѣдь мы знаемъ, что мальчикъ былъ въ курткѣ. А вѣдь будь это ритуальное убійство, религіозное преступленіе, то развѣ куртку не сняли бы. И вотъ въ самомъ началѣ дѣйствительно говорили, что куртка была снята что мальчикъ былъ оголенъ, что ему связали руки какъ овцѣ и стали истязать, колоть. Но вѣдь мы знаемъ теперь, что онъ былъ въ курткѣ и что руки у него не были связаны. Вѣдь это лучшее доказательство, г. прис. засѣд., того, что здѣсь не прикасались ни руки изувѣровъ, ни ничьи руки, кромѣ злыхъ людей, которые изъ мести убили мальчика.

Намъ скажутъ, неужели люди способны изъ-за такого пустяка убить? Но вѣдь о комъ вы говорите? О человѣкѣ, сосланномъ на каторгу за вооруженный грабежъ. Почему вы думаете, что у этихъ людей мстительныхъ, злобныхъ не хватитъ рѣшимости укокошить человѣка за то, что онъ ихъ можетъ выдать. Говорятъ, что намъ не правится Швачко. Я и самъ не вѣрилъ бы Швачко, если бы не одинъ непреложный фактъ. Желая провѣрить, его показаніе, мы взяли полицейскую справку, по которой оказывается, что одновременно съ Швачко въ полицейскомъ участкѣ, номеръ за номеромъ идетъ Рудзинскій, теперешній каторжанинъ, и Кривовскій, Швачко рассказалъ намъ, что онъ слышалъ, какъ Борисъ Рудзинскій лежа на нарахъ сказалъ прибавивъ ругательное слово. „мы его пришили, пусть не доносить“. Онъ могъ выдумать

разговоръ, но какъ онъ могъ выдумать полицейскую справку. Не забудьте, что онъ это разсказалъ черезъ годъ. Прокуроръ намъ говорить, неужели могли вестись такіе разговоры? Да какіе же разговоры? Да самые обыкновенные въ этомъ воровскомъ мірѣ. Онъ черезъ годъ показалъ и, какъ нельзя точнѣе, всѣ его слова оправдались.

Но вотъ, когда совершилось это злое дѣло, когда нашли трупъ, то Чеберякъ зашевелилась и, вы видите, она первая стала наводить обвиненіе и на Луку Приходько и на Федора Нѣжинскаго. Она говорила у самой пещеры, ссылаясь на какую то женщину, будто та ей сказала, что вѣроятно сдѣлали это мать и отчимъ, чтобы получить наслѣдство, будто бы оставшееся отъ отца несчастнаго мальчика. Вы понимаете, ей нужно было сразу отвести отъ себя подозрѣніе, она и покойнаго Женю научила сказать, что Федоръ Нѣжинскій 19-го марта, т. е. наканунѣ открытія трупа, будто бы сказалъ въ трактирѣ, увидѣвши Женю, „а ты знаешь, Андрюши нѣтъ, его жиды порѣзали“. Это вѣдь страшная улика противъ Федора, не открыли еще трупа, не извѣстно еще живъ мальчикъ или умеръ, а онъ уже говоритъ это. А все изъ-за кого? Изъ-за Чеберякъ, которая научила своего мальчика сказать о томъ, что Федоръ Нѣжинскій будто наканунѣ еще обнаруженія трупа сказалъ эти слова. Вотъ по этому ложному свидѣтельству этой хитрой, лукавой женщины, скорой на отвѣты и скорой на выдумки, и заподозрили Нѣжинскаго.

И вотъ, г. прис. засѣд., когда Чеберякова узнала, что Малицкая разсказала—опять повторяю, я не могу поручиться за то, что Малицкая не смѣшала какого-нибудь часа, какой-нибудь мелкой подробности, было бы даже неправдоподобно, если бы она все помнила—то ужасное, что ее поразило въ этотъ день, когда черезъ недѣлю Кириченкѣ она сказала, что она знаетъ что то важное, но что—боится сказать (а вы знаете почему Кириченко ее не допросилъ. Не допросилъ потому, что запретило его начальство, г. Вышинскій), когда узнала, что Малицкая была уже у полк. Иванова, когда узнала, что она пойдетъ и къ слѣдователю, когда узнала, что вниманіе слѣдователя Фененко обращено уже на это звѣрское дѣло, когда она увидѣла, что кругъ около нея все суживается и суживается,—она старается безумными усилія-

ми замести свои слѣды. Вотъ эта нелѣпая поѣздка въ Харьковъ. Вѣдь эта нелѣпая поѣздка создана ею и вы сейчасъ поймете почему. Она ихъ убѣдила, что ей нужно поѣхать въ Харьковъ, чтобы повидаться съ Лисуновымъ и переговорить съ нимъ. Она всѣхъ водитъ, она всѣхъ обманываетъ, обманываетъ до такой степени, что они забываютъ узнать, справлялась ли она у Лисунова или нѣтъ. Она создаетъ сказку о Павлѣ Мифле, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ поссорилась. И вотъ ей другъ, не будемъ называть его настоящимъ именемъ, онъ является свидѣтелемъ противъ Мифле. Они вмѣстѣ рѣшаются погубить его. Помните показанія полк. Иванова, который здѣсь сказалъ, что когда они пришли къ нему, онъ сразу увидѣлъ, что Чеберякъ и Петровъ питаютъ злобу противъ Мифле и стараются его погубить. Не Бразулю, безхитростному, было ее учить. Дальше, она же говорила, что у Мифле всегда бывають швайки. Я увѣренъ, что онъ же и подарилъ швайку Женѣ, не думая, конечно, что они употребятъ ее на убійство. И вотъ она по злобѣ, по ужасной злобѣ даетъ такія данныя, создаетъ эту версію и когда черезъ 16 мѣсяцевъ на допросѣ у суд. слѣдователя Машкевича, когда ее роль была уже обнаружена, и когда ее обвиняли уже въ убійствѣ, она впервые говорить: „Да, вспомнила, Женя мнѣ говорилъ про катанье на мялѣ“.—Однимъ словомъ, про всѣ тѣ басни, которыя вы много разъ здѣсь слышали, только черезъ 16 мѣсяцевъ вспомнила, когда Женя и Валя были уже въ могилѣ. А Люда? А Люду, какъ я уже вчера говорилъ, такъ научили, что она даетъ показанія только до извѣстныхъ границъ, для того, чтобы не навлечь обвиненія на мать въ подстрекательствѣ къ ложному показанію. Вотъ что она дѣлаетъ.

Вы спросите меня, вѣрю ли я въ частное разслѣдованіе. Безусловно вѣрю. Насколько я отношусь съ критикой къ Бразулю, настолько съ довѣріемъ къ Красовскому. Я не буду отрицать, что онъ оскорблялъ Приходько, что онъ отнесся къ нему нѣсколько сурово. Этого я отрицаю не могу, но я вѣрю въ его талантливость сыскаго полицейскаго агента. Г.г. присяжные засѣдатели, сыскаое дѣло есть грубое дѣло. Чѣмъ отличаются отъ сыщиковъ судебные слѣдователи. Въ то время, какъ судебный слѣ-

дователь дѣйствуетъ на почвѣ законной, сыщики всяческими путями собираютъ доказательства. Слѣдователь допрашиваетъ преступниковъ гуманно, какъ человѣкъ, уважающій то дѣло, которому онъ служитъ, онъ не можетъ сдѣлаться сыщикомъ. Вы же встрѣтите ни одного слѣдователя, который позволилъ бы себѣ загримироваться, переодѣться и пойти въ кабакъ для того, чтобы собрать улики. Наши слѣдователи на это не идутъ и совершенно основательно. А вотъ сыскная полиція, которая не такъ разборчива, которая не брезгаетъ средствами, идетъ на это.

Г.г. прис. засѣдат., вы слышали—здѣсь говорилось много о золотѣ, о драгоценномъ металлѣ. Какъ перевозятъ это золото, въ шелковыхъ мѣшкахъ? Нѣтъ, его перевозятъ въ грубыхъ кожаныхъ мѣшкахъ. Судебная истина, дорогая истина, она часто добывается грубыми, жесткими руками сыщиковъ, а судебный слѣдователь только довершаетъ его работу, заноситъ въ протоколъ. Я вѣрю Красовскому, я вѣрю въ его талантъ, вѣрю въ полицейскую точность его доклада. Вы помните нелѣпый разсказъ, который вы слышали здѣсь и который могъ вызвать только смѣхъ. Онъ говорилъ, что онъ имѣетъ точныя свѣдѣнія о томъ, что послѣ погрома Чеберякова, въ квартиру которой сносили краденое, тошила шелкомъ печь и пекала булочки. Вѣдь это онъ сказалъ правду. Онъ, какъ умный человѣкъ, долженъ былъ понять, что говорить о топкѣ печи шелкомъ безсмысленно. Но вѣдь онъ сказалъ правду, онъ объяснилъ почему. Въ это время прѣѣхала сенаторская ревизія Нейдгардта въ Кіевъ, она слышала, что дѣлались обыски въ подозрительныхъ мѣстахъ, могла опасаться, что и у нея будетъ обыскъ, куда же ей было все дѣвать, она вѣдь должна была уничтожить слѣды преступления, придуть агенты полиціи, захватятъ ее со всѣмъ этимъ, тогда провалится „малина“. Естественно, что она должна была все это сжечь. Красовскій до такой степени намъ это точно передалъ, онъ привыкъ, когда онъ дѣлаетъ доклады по начальству, все такъ точно докладывать. Какими средствами—это уже вопросъ другой. Несомнѣнно, сыскъ допускаетъ и хитрость и коварство и обманъ. Несомнѣнно, сыскное дѣло во всѣхъ странахъ, гдѣ оно есть, основано на неряшливыхъ способахъ, для ме-

ня въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вотъ Красовскій, какъ видите, приглашаетъ людей, приглашаетъ Махалина и Караева. Здѣсь говорятъ, простая была организація у Красовскаго, пригласилъ для того, чтобы они дали желательныя показанія. Но вѣдь нужно было Караева выписать съ Кавказа, заплатить ему деньги, а развѣ Красовскій не могъ найти подходящихъ себѣ людей среди арестантовъ, для того, чтобы они дали ложныя показанія. Но Красовскій выписываетъ Караева потому, что Караевъ въ этомъ мѣрѣ арестантовъ приобрѣлъ себѣ хорошую репутацію, приобрѣлъ славу, какъ человѣкъ дѣльный, человѣкъ любимый своими товарищами за свои дерзости, онъ всегда смѣло защищалъ товарищеское дѣло, если кого обидятъ. Караевъ являлся мстителемъ, всегда вставалъ за обиженнаго. Я вѣрю, что Махалинъ, человѣкъ въ высшей степени хладнокровный, какъ вы извоили видѣть, вель это дѣло такъ, какъ онъ вамъ здѣсь показывалъ.

Что же сдѣлала слѣдственная власть, когда открылось это убійство, развѣ она провѣрила послѣдніе дни Бориса Рудзинскаго и Сингаевскаго? Нѣтъ, она этого не сдѣлала. Вы помните, на мой вопросъ околочный Кириченко показалъ, что когда онъ явился къ матери и сестрѣ Сингаевскаго, то онѣ ему сказали, что накануне Сингаевскій просилъ выписать его заднимъ числомъ выбывшимъ изъ Кіева. Эта мать, конечно, не знала, для чего онъ проситъ отмѣтить его выбывшимъ изъ Кіева, въ г. Ковель. Когда пришли къ Борису Рудзинскому, то мать его тоже говоритъ, что онъ просилъ отмѣтить его выбывшимъ изъ Кіева, заднимъ числомъ. Дальше припомните, что отвѣтилъ мнѣ Борисъ Рудзинскій, когда я его спросилъ, поручилъ ли онъ выкупить свой костюмъ до кражи или послѣ кражи. Онъ отвѣтилъ, — „до кражи“. А вѣдь кража была совершена ночью, откуда же онъ могъ знать, что кража имъ удастся, откуда онъ зналъ, что поѣдетъ въ Москву. Вѣдь это невозможное дѣло, если кража не удалась бы, то въ Москву не пришлось бы ѣхать. А онъ до этого, не имѣя денегъ, поручалъ своей матери выкупить костюмъ для того, чтобы переодѣться. Конечно, у нихъ прежде всего рѣшено было, что они должны выѣхать изъ Кіева, для того, чтобы замести слѣды того страшнаго преступления, которое можетъ быть было

совершенно помимо их воли. Оно и повліяло на их рѣшеніе ѣхать въ Москву, такъ какъ не сегодня, то завтра, можно было думать, что преступленіе откроется. Вы слышали здѣсь, что имъ предлагался здѣсь вопросъ о томъ, нѣтъ ли у воровъ обычая, когда они совершили одно дѣло, то не берутся сейчасъ же за другое. Откуда извѣстно это обычное-воровское право — я не знаю. Вы слышали, здѣсь говорилось, что у воровъ есть такое правило, что когда они своруютъ, потомъ прокуятъ все, а потомъ уже идутъ на другое дѣло. Я этого не знаю. Я знаю, что воръ своруетъ сегодня, а если завтра есть возможность, если увидить, что плохо что лежитъ, то онъ и завтра сдѣлаетъ. А здѣсь его какимъ-то помѣщикомъ изображаютъ, который сниметъ одинъ урожай, потомъ посѣетъ и новаго урожая дожидается. Это, конечно, болѣе чѣмъ странно. Это обвинители великолѣпно понимали, когда перекидывали Сингаевскому мостикъ для того, чтобы перебраться на сторону для него безопасную. Они отлично понимали, что это помѣшаетъ нашей работѣ, нашему допросу. Вѣдь странно, что эти люди не имѣя денегъ на дорогу, ѣдутъ съ небольшимъ чемоданчикомъ, гдѣ лежатъ краденые бинокли, ѣдутъ все вътроемъ въ Москву. Объясните мнѣ. Денегъ нѣтъ, а они вдругъ собираются и все трое уѣзжаютъ. Здѣсь гражданскій истецъ идетъ имъ на помощь, говоря: „вѣроятно, вы потому вмѣстѣ уѣхали, что боялись одинъ другого“. Простите, если воруютъ 20 человѣкъ, то что же все эти двадцать человѣкъ краденое и сбываютъ? А если 30 человѣкъ, то все 30? Да, это не вѣрно. Кто же не знаетъ, что сбытъ у воровъ происходитъ иначе. Гг. присяжные засѣдатели, если вамъ приходилось читать отчеты по дѣламъ, то вы знаете, что у воровъ существуютъ „сбытчики“. Это особая категория людей, которая на судебномъ языкѣ называется той метлой, которая заметаетъ слѣды преступленія. Воры воруютъ, а сбытчики сбываютъ. Обыкновенно самъ воръ никогда не продаетъ. А тутъ вдругъ три человѣка снимаются съ мѣста и отправляются въ Москву. Спрашивается, почему судебный слѣдователь не провѣрялъ, гдѣ были Рудзинскій, Латышевъ и Сингаевскій 11-го и 12 числа. Почему не выяснено было, какъ провели они день наканунѣ своего отъѣзда. Мы знаемъ, что

была выкуплена одежда Рудзинскаго. За какія деньги это было сдѣлано и зачѣмъ понадобилось выкупать одежду раньше, чѣмъ совершена была кража? На этотъ вопросъ у насъ нѣтъ отвѣта.

Затѣмъ, гг. прис. засѣд., я хочу обратить ваше вниманіе на одну подробность въ показаніи Сингаевскаго. Когда Сингаевскаго спросили не говорили ли ему, чтобы Ющинскаго вещи подкинуть кадику, онъ сейчасъ же отвѣтилъ: мнѣ говорилъ объ этомъ Махалинъ. Но вѣдь подумайте надъ этимъ Махалинъ вѣдь ему могъ сказать это только послѣ его признанія. Какъ же я могу сказать человѣку, который говорить, что онъ не виновенъ, что есть у него одежда покойнаго и предлагать ее подбросить. Какъ же я могу спрашивать его про одежду, разъ онъ говоритъ, что онъ не убилъ. Ясное дѣло, что онъ сказалъ что убилъ. Вотъ Сингаевскій, сказавъ это, этой уловки самъ не видитъ, онъ не видитъ, что онъ расписался въ обвиненіи, которое въ сущности къ нему предъявлено. Намъ здѣсь говорятъ, почему вы не довели разслѣдованіе до конца? Какъ же мы можемъ это сдѣлать, развѣ у насъ есть на это власть, есть сила, развѣ мы можемъ ходить изъ дома въ домъ производить обыскъ, какъ производили ихъ эти люди. А дальше, развѣ васъ не удивляетъ, что въ февралѣ мѣсяцѣ полк. Иванову говорятъ, что Рудзинскій рѣшилъ придти къ нему и сознаться въ одномъ преступленіи. И дѣйствительно въ мартѣ мѣсяцѣ Рудзинскій является къ полк. Иванову и говорить: я совершилъ преступленіе, обокралъ магазинъ Адамовича. Полковникъ Ивановъ спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ это говоритъ. Онъ отвѣчаетъ: видите ли, ходятъ слухи, что я участвовалъ въ убійствѣ, я хочу съ себя снять это обвиненіе. Конечно, его можно спросить, какъ и мы здѣсь его спросили, почему онъ думаетъ, что если онъ въ ночь съ 12 на 13 совершилъ кражу, то это будетъ доказательство того, что утромъ 12-го онъ не могъ совершить убійства. На это не было дано отвѣта. И Рудзинскій, и Сингаевскій уперлись и отвѣта дать не могли. Вѣдь случай небывалый. По закону явка съ повинной есть основаніе для возбужденія слѣдствія. Здѣсь слѣдствіе возбуждается, но прекращается прокуратурой, и окружной судъ соглашается съ этимъ. Небывалый фактъ: человѣкъ говорить, что онъ совершилъ

вразу, а ему говорить: мы вамъ не вѣримъ. Если относительно Сингаевского возникалъ вопросъ о совокупности, то по отношенію къ другому никакой совокупности не было. а его просто отпускаютъ, потому что по совѣсти прокуроръ и окружный судъ пришли къ убѣжденію, что онъ не воровалъ. Да, онъ не воровалъ. Очевидно онъ возвелъ на себя поклепъ. Это небывалый случай въ судебной дѣлописи: прекращается дѣло по обвиненію въ большой кражѣ на нѣсколько тысячъ рублей, не смотря на полное сознание самого обвиняемаго. Этого факта не устранить никакое объясненіе прокурора, но прокуроръ въ своей рѣчи и не далъ никакого объясненія. Гражданскій истецъ можетъ быть теперь дать отвѣтъ, на все вѣдь можно отвѣтить, но вѣдь отвѣтъ отвѣту рознь. На вопросъ о такомъ вопіющемъ фактѣ, что при сознании людей дѣло прекращается, отвѣта объясняющаго, отвѣта примиряющаго никто рѣшительно не сумѣетъ дать. Вотъ какъ совершилось это преступленіе и вотъ какъ оно шло. Гг. прис. засѣдатели, то что я здѣсь нарисовалъ. вся эта картина убійства она отнюдь не расходится съ экспертизой, а наоборотъ, съ нею совпадаетъ.

Да, тутъ говорили объ экспертахъ защиты и объ экспертахъ обвиненія. Тяжело мнѣ говорить объ этомъ. Въ этомъ дѣлѣ всё заподозрѣны и все заподозрѣно. Вы видѣли этихъ людей науки, вы видѣли Павлова, видѣли проф. Кадьяна, видѣли, что послѣдній не скажетъ ни полслова больше, чѣмъ онъ думаетъ, буквально онъ каждый звукъ своего голоса взвѣшивалъ, потому что онъ отлично понималъ отвѣтственность, которую онъ на себя принимаетъ и по закону и по совѣсти. И что же? Эти люди науки прямо сказали, что нѣтъ сомнѣнія, что цѣлью было убійство мальчика, а не добываніе крови, не истязаніе. Несчастный проф. Павловъ. Я говорю несчастный проф. Павловъ потому, что мнѣ лейбъ-хирургъ,—мнѣ было больно передъ 70-лѣтнимъ старикомъ, заслуженнымъ русскимъ ученымъ, съ огромнымъ именемъ, котораго знаетъ вся Россія, человекѣмъ, занимающимъ извѣстное положеніе — онъ лейбъ-хирургъ,—мнѣ было больно передъ нимъ за то, что его здѣсь вдругъ подняли на смѣхъ, говорили колкости, говорили „онъ“, „его“, „ему“, обращались съ нимъ такъ, какъ онъ навѣрно не обрапа-

ется съ своей больничной прислугой. И когда я увидѣлъ, въ какую бѣду мы ввели старика, какое огорченіе ему причинили, то у меня не хватило смѣлости тревожить его, не хватило смѣлости беспокоить его. Г. прокуроръ говорилъ вамъ, что онъ, лейбъ-хирургъ, надѣлъ всѣ свои ордена, чтобы придти сюда...

Предс. Г. прокуроръ былъ мною остановленъ.

Груз. Если г. прокуроръ былъ остановленъ, то это не значитъ, что онъ этого не сказалъ, но я этого больше не буду касаться.

Предс. Нѣтъ, вы можете касаться, но въ другой формѣ.

Грузенбергъ. Вы видѣли, г.г. присяжные засѣдатели, какъ къ нему относились. И что же? Что онъ сказалъ. Вы подумайте,—онъ извѣстный полевой хирургъ, во время турецкой войны на полѣ военныхъ дѣйствій составилъ себѣ большое имя и его узналъ покойный Государь. И этотъ проф. Павловъ, который великолѣпно изучилъ раны, на вопросъ были-ли мучительны такіе удары, отвѣтилъ, немножко въ грубоватой формѣ человекъ, привыкшаго рѣзать и рубить, который не взвѣшиваетъ салонные отбѣнки выраженій,—развѣ такъ колятъ—это забава. И это несчастное слово повлекло за собою замѣчанія вродѣ того, что мальчику было забавно, когда его кололи, а между тѣмъ проф. Кадьянъ и проф. Косоротовъ сказали другими словами то же самое, что цѣли мучительства, специальной цѣли мучительства не было. Кто же не понимаетъ, что если колютъ человекъ и онъ не потерялъ сознания, къ счастью мальчикъ потерялъ сознание, это всѣ говорятъ кромѣ проф. Косоротова, то конечно ему больно. Но не это говорилъ проф. Павловъ, онъ хотѣлъ сказать, что съ точки зрѣнія наносившихъ удары не было цѣли мучительства, ибо для мучительства выбираютъ другія мѣста: ломаютъ ногти, загоняютъ иголку подъ ногти, тапуть за вѣки, вырываютъ рѣсницы, забиваютъ въ разныя части тѣла, о которыхъ неудобно говорить публично, гвозди, однимъ словомъ причиняютъ невѣроятныя боли. Но не будутъ наносить удары палкой. особенно въ голову, когда человекъ сразу теряетъ сознание. Всѣ эксперты сказали, что не было цѣли мучительства, а между тѣмъ несчаст-

ное выраженіе, которое вырвалось у проф. Павлова, „развѣ такъ колятъ—это забава“, перевели, что забавно было мальчику, когда его кололи. Развѣ можетъ какой-нибудь человѣкъ, а въ особенности докторъ сказать что-либо подобное. Представитель гражданского истца сказалъ болѣе осторожно, чѣмъ прокуроръ: какже хирурги могутъ быть экспертами по этому дѣлу? Гг. присяжные, нѣтъ другого дѣла, какъ настоящее, гдѣ хирурги важнѣе судебныхъ врачей. И вы поймете почему; да, судебные врачи специалисты намъ нужны когда есть сомнѣніе была-ли смерть случайная или насильственная. Вотъ, на примѣръ, нашли трупъ и неизвѣстно умеръ ли человѣкъ естественной смертью или насильственной, или, на примѣръ, лежитъ человѣкъ, около него неподалеку револьверъ и вы не знаете самъ онъ застрѣлился или его застрѣлили. Вотъ судебная медицина въ этихъ случаяхъ имѣетъ цѣлый рядъ навыковъ, она знаетъ, какъ револьверъ лежитъ въ томъ или въ другомъ случаѣ, нѣтъ ли ожоговъ на пальцахъ и т. д., и вотъ по этимъ признакамъ говорить было ли самоубійство или убійство. Въ этихъ случаяхъ судебная медицина стоитъ выше хирургіи, но когда идетъ рѣчь о нанесеніи ранъ, о потерѣ крови, когда идетъ рѣчь, въ какое время та или иная рана нанесена, позже или раньше, какимъ орудіемъ, то кому же лучше судить, какъ не хирургамъ? Я попрошу не пользоваться такъ же моимъ выраженіемъ, какъ выраженіемъ проф. Павлова, вѣдь хирургія есть законное нанесеніе ранъ. Что дѣлаетъ хирургъ? Вѣдь онъ во имя требованій медицины рѣжетъ человѣка для его же пользы и поэтому онъ невольно изучаетъ, какіе наносятся раны и уколы. Вѣдь профессору Кадьяну и профессору Павлову въ военно-медицинскую академію приносятъ больныхъ людей съ колотыми и рѣзаными ранами, имъ приходится возить-ся съ этими ранами, изучать ихъ и они знаютъ ихъ наизусть. Вотъ почему напрасно представители обвиненія говорили, что въ этомъ дѣлѣ судебные врачи стоятъ выше хирурговъ.—Они въ этомъ ошибаются. Если - бы шла рѣчь о томъ, были связаны руки по смерти или еще во время жизни, то судебный врачъ, дѣйствительно, могъ-бы это сказать, потому что изслѣдуетъ вопросы, какіе слѣды бываютъ при жизни и ка-

кіе по смерти. Но судебный врачъ уступаетъ хирургу, когда рѣчь идетъ о томъ, какимъ орудіемъ были нанесены раны, какія раны наносились раньше, какія позже, какая потеря крови могла быть, потому что хирурги дѣлаютъ операціи, они видятъ сотни людей съ различными ранами въ теченіи года, а за всю свою долгую жизнь, въ частности и проф. Павловъ и Кадьянъ, изучили хорошо этотъ вопросъ. Для меня совершенно не подлежитъ сомнѣнію все то что представили проф. Павловъ и проф. Кадьянъ. Далѣе вы слышали здѣсь, гг. присяжные засѣдатели, обстоятельный докладъ проф. Бехтерева. Сомнѣній нѣтъ, происходило такъ: нанесли первый ударъ въ голову, мальчика оглушили. нанесли ударъ въ високъ, разстегнули и сняли куртку, нанесли удары въ шею: они думали, что онъ умеръ, но мальчикъ зашевелился, тогда они быстро стали наносить удары въ азартѣ, какъ сказала проф. Кадьянъ, автоматически. Такъ оно было и иначе быть не могло. Намъ говорятъ, что проф. Косоротовъ высказался, что собирали кровь. Вспомните гг. присяжные засѣдатели, когда я обратился къ проф. Косоротову съ вопросомъ—вы знаете, гдѣ было совершено убійство?—Онъ отвѣтилъ „я не знаю“. Ну а то мѣсто, гдѣ былъ найденъ трупъ, есть мѣсто убійства? „Нѣтъ“.—Такъ можетъ быть кровь осталась на мѣстѣ? Онъ на это сказалъ „да, конечно, утверждать не могу, можетъ быть кровь осталась на мѣстѣ и тамъ была замыта“. Вотъ отвѣты, которые долженъ былъ дать главный экспертъ обвиненія. Затѣмъ есть еще экспертиза проф. Сикорскаго. Объ этой экспертизѣ говорилось уже вчера, мнѣ тяжело на ней останавливаться. Въ ней не было ничего медицинскаго. Когда врачъ вмѣсто медицины, вмѣсто расположенія ранъ, начинаетъ говорить о ритуальныхъ убійствахъ, о томъ, что онъ въ ритуальныя убійства вѣрить, о томъ какъ надо судить, о томъ какіе были процессы въ среднѣ вѣка, какъ судили въ г. Саратовѣ, то это уже все, что хотите, но не судебная экспертиза, все что хотите, но не наука. Когда я слушалъ профессора, то, уважая его сѣдины, я думалъ: какъ правъ тотъ мыслитель, который сказалъ, что каждый человѣкъ, даже самый образованный, если онъ увлеченъ какой нибудь мыслью, если онъ во что нибудь вѣрить, вѣрить слѣпо, настойчиво, то онъ невольно подбира-

еть доказательства въ подтвержденіе своей мысли, и этотъ мыслитель заканчиваетъ главу свою такими словами: „средній путешественникъ, который ѣдетъ за границу, возвращается обыкновенно съ тѣми же свѣдѣніями о заграничной жизни, съ какими уѣхалъ, потому что онъ имѣлъ уши, чтобы слышать то, что хотѣлъ слышать, потому что имѣлъ глаза, чтобы видѣть только то, что хотѣлъ видѣть“. Когда я слышалъ экспертизу относительно того, въ какое время года исчезаютъ христіанскіе мальчики, когда я слышалъ экспертизу о 14 и 21 пораненіяхъ, когда слышалъ рассказы о процессахъ, я думалъ, что правъ этотъ мыслитель: „тутъ имѣли уши, чтобы слышать то, что хотѣли слышать, имѣли глаза, чтобы видѣть то, что хотѣли видѣть“. Какое дѣло, говорить всѣмъ евреямъ до Бейлиса, почему они зашевелились, спрашиваетъ г. прокуроръ, спрашиваютъ гражданскіе истцы, и въ этомъ даже усматриваютъ улику противъ него. Господа присяжные, тамъ, гдѣ навѣтъ распространяется на всѣхъ, тамъ, гдѣ видны громовыя тучи, которыя нависаютъ надъ небомъ и никто не знаетъ заранее, надъ кѣмъ въ сущности разразится этотъ громъ, то тамъ быстро организуются коллективные нравственные личности, всѣ чувствуютъ, всѣ сознаютъ, что этотъ ударъ, который наносится одному, наносится въ сущности всѣмъ, и это не есть особенное пониманіе евреевъ, это не есть какая-то исключительная ихъ чувствительность. Вы слышали здѣсь проф. Троицкаго, профессора духовной академіи, чловѣка заслуженнаго, состоящаго при св. синодѣ, передъ которымъ прошли тысячи священниковъ, изъ аудиторіи котораго вышли тысячи его учениковъ священниковъ, и что же онъ вамъ говоритъ, что же говорить этотъ близкій къ религіи чловѣкъ? На вопросъ гражданскаго истца онъ отвѣтъ: „Я не понималъ-бы, если - бы еврей въ вопросахъ, которые касаются ихъ вѣры, если - бы еврей въ вопросахъ, которые касаются ихъ священныхъ книгъ, не заступились бы. Какъ же это такъ, я не пойму“. Такъ отвѣтилъ г. Троицкій, православный, чисто православный чловѣкъ. Да, господа, но онъ еще забылъ вамъ сказать, что съ этимъ обвиненіемъ для евреевъ связаны самыя мучительныя столѣтія. Восемь вѣковъ, начиная съ 12 вѣка, вѣдь они пла-

тили тысячами людей. Если сосчитать, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ гражданскихъ истцовъ Шмаковъ, который бралъ данныя изъ сочиненія нѣмецкаго писателя.

Предс. Г. защитникъ. Это не было на слѣдствіи.

Грузенб. Я хотѣлъ быть точнымъ, не красть чужого матеріала, я скажу, что если сосчитать всѣ жертвы, которыя приносили евреи, то можно было-бы буквально вести нѣсколько крупныхъ войнъ. А ихъ жгли и вы знаете, какъ шло дѣло? Дѣло шло такъ, что являлся кровавый навѣтъ, являлись католическіе монахи, хватали этихъ людей, обвиняли въ страшныхъ проповѣдяхъ, затѣмъ ихъ пытали, имущество сразу отбирали, ихъ жгли, а нѣкоторыхъ изъ нихъ казнили позорной казнью, вѣшали между двухъ собакъ, а потомъ? А потомъ приходили лѣтописцы, такіе же монахи и клеймили чело замученныхъ людей, клеймили чело ихъ дѣтей, клеймили ихъ внуковъ позоромъ отчужденія, позоромъ того, что они употребляютъ кровь чловѣческую. И отчужденіе создавалось вокругъ людей. Какъ же имъ не бояться этого клейма позора, клейма отчужденія? Въ эту минуту, что бы вамъ ни говорили: весь народъ, или часть его обвиняется, это все равно, но вѣдь каждый чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ самъ принадлежитъ къ семьѣ порочной, безчестной и позорной. Добро, если бы для этого были основанія, добро, если бы еврей сами вѣрили. Но нѣтъ. Вы слышали обвинителя и когда обвинитель сталъ поддерживать обвиненіе, онъ заявилъ,—я плохо знаю еврейскія книги, я плохо знаю весь этотъ вопросъ. Но онъ вѣрить въ ритуальныя убійства, вѣрить по тѣмъ тремъ книгамъ, которыя прочелъ по этому вопросу. Господа, вѣрить можно въ добро, вѣрить можно въ красоту, вѣрить можно въ небо, а тамъ, гдѣ должно знать, я вѣрить не могу, я обязанъ знать и я въ правѣ сказать,—вотъ уже 800 лѣтъ тяготеетъ обвиненіе и что же сдѣлали для проверки его? Слава Богу во всемъ мірѣ есть университеты, есть сотни ученыхъ, которые знаютъ еврейскій языкъ лучше, чѣмъ любой изъ евреевъ, возьмите для примѣра Коковцова, этого высохшаго надъ книгами стараго, не отъ міра сего чловѣка, который даже не умѣетъ публично разговаривать, онъ знаетъ этотъ языкъ лучше, чѣмъ Мазе и всѣ, пусть они меня извиняютъ, всѣ равнины,

вмѣстѣ взятыя. Онѣ считается не только первымъ гебраистомъ здѣсь, но и первымъ гебраистомъ въ Европѣ, и онѣ избранъ членомъ академіи наукъ въ Россіи. И эти люди все читали, все изслѣдовали. Отправляются ежегодно въ далекія экспедиціи въ разныя части свѣта, по обломкамъ, по обрывкамъ возстановляется исторія людей, жившихъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Мы знаемъ очень много, мы знаемъ какъ въ старину, нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ судили, какъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ жили, какъ любили, какъ умпрали, а мы не знаемъ того, что дѣлается около насъ, евреи живутъ подлѣ васъ, живутъ съ вами, хорошіе или плохіе, нравятся вамъ или нѣтъ, но вы ихъ каждый день видите, и вдругъ въ одну минуту ударяетъ громъ, падаетъ страшное обвиненіе, — кровавый навѣтъ и человѣкъ остается одинокій, совершенно отчужденный и совершенно растерянный и перестаетъ понимать, гдѣ же корни, гдѣ же связь съ прочими людьми, которые къ нему относились хорошо, если онѣ былъ хорошій, уважали, и если онѣ былъ плохой — относились къ нему дурно; человѣкъ теряется, не можетъ понять, что съ нимъ стряслось. И это не есть только желаніе евреевъ. Я бы назвалъ вамъ одного замѣчательнаго русскаго человѣка, причѣмъ самыхъ крайнихъ правыхъ убѣжденных, покойнаго оберъ прокурора Побѣдоносцева...

Предс. Г. защитникъ, о немъ мы не говоримъ.

Грузенб. Тогда позвольте мнѣ совершенно опустить этотъ текстъ и сказать вамъ, что въ дѣлахъ религіи всѣ рѣшительно люди близкіе, всѣ одинаково чувствительны, и высшая деликатность заключается въ томъ, что, когда вы входите въ чужой храмъ, вы подчиняетесь здѣшнимъ правиламъ, когда вы входите въ мусульманскій храмъ, вы снимаете сапоги, когда входите въ еврейскій храмъ, накрываете голову, а когда еврей входитъ въ вашу храмъ, онѣ снимаетъ шляпу и благоговѣнно слушаетъ ваши молитвы и пѣснопѣнія, потому что въ душѣ каждый чувствуетъ, что есть такая точка, есть такая святая святыхъ, которую задѣтъ нельзя, ни за что нельзя задѣтъ безъ послѣдствій. А въ этомъ дѣлѣ задѣваютъ все. Вамъ говорилъ здѣсь г. прокуроръ, что будто недавно въ Австріи былъ процессъ Гильзнера и въ

Европѣ было предъявлено такое же обвиненіе. Разъ онѣ объ этомъ говорилъ, я утверждаю, что это не такъ, я утверждаю, что обвиненій въ ритуальныхъ убійствахъ я не знаю, начиная съ конца 17 вѣка, въ такой формѣ, въ какой оно поставлено по дѣлу Бейлиса, нигдѣ въ мірѣ не ставилось, нигдѣ и никогда. И если г. прокуроръ эсылается на дѣло Гильзнера, онѣ совершенно ошибается, — было дѣло по обвиненію гъ убійствѣ дѣвушки, но словъ такихъ, которыя включены по этому дѣлу, словъ объ изувѣрствахъ, примѣняемыхъ для исполненія обряда религіи, такихъ словъ не было; я утверждаю, что за 200 лѣтъ нигдѣ на земномъ шарѣ такого процесса не было. Тутъ были ученые, ихъ допрашивали...

Предс. Вы даете свидѣтельскія показанія.

Груз. Но здѣсь допрашивали экспертовъ. Я утверждаю, никогда такихъ процессовъ не было и эксперты брали процессы откуда? Изъ среднихъ вѣковъ, и брали отсюда? Изъ этой тьмы, гдѣ были пытки, гдѣ были казни, гдѣ были процессы вѣдьмъ! Господа, какъ можно здѣсь, въ этомъ судѣ говорить о среднихъ вѣкахъ, о ихъ судилищахъ, развѣ вы не знаете, что въ средніе вѣка судили вѣдьмъ, что находились ученые врачи-эксперты, которые приходили и говорили, — позвольте осмотрѣть эту вѣдьму, — и, осмотрѣвъ, говорили: да, вотъ признаки несомнѣнные, это вѣдьма. И вѣдьму судили, и вѣдьму жгли и покрывали позоромъ все ея потомство. И все это были эксперты, все были ученые, врачи, которые находили признаки колдовства. А развѣ вы не знаете, что въ средніе вѣка, вѣдь тутъ показывали, когда допрашивали, что судили животныхъ и посылали повѣстки крысамъ и собакамъ..

Предс. Мы этого не касаемся, кто же говоритъ, что крысамъ повѣстки посылали. Вы сами хорошо знаете, вы опытный защитникъ, вы понимаете, что неудобно прерывать, когда говорятъ, но приходится васъ останавливать въ силу моей обязанности, въ силу закона.

Грузенб. Я подчиняюсь. Мнѣ очень жаль, но эксперты здѣсь были допрошены по вопросу о томъ: судили ли животныхъ и они отвѣтили, что животныхъ казнили, что животныхъ судили су-

домъ человѣческимъ. И люди занимались этимъ вздоромъ, и считали, что дѣлаютъ серьезное, настоящее дѣло, — это правда, было сказано безъ подробностей, но я въ правѣ это сказать и установить. И сюда приходятъ съ этими матеріалами, сюда вызываютъ экспертовъ и три дня разбираютъ еврейскую религію. Вы слышали, какъ говорили здѣсь о Библии, какъ прис. пов. Шмаковъ, допрашивая ксендза Пранайтиса, ставилъ дѣлѣй рядъ вопросовъ изъ Библии, избличая ее въ жестокости, избличая ее въ нелюбви къ человѣку, избличая ее въ пролитіи человѣческой крови. Вы это слышали — это было. И ксендзъ Пранайтисъ или давалъ отвѣты на такіе вопросы или уклонялся. Но не отказался отъ дачи отвѣтовъ. Это происходило. И я минутами думалъ — Боже, что же происходитъ, неужели библейскій Богъ, который одинаково святъ для всѣхъ религій, христіанской, еврейской, неужели библейскій Богъ обратился въ какого-то кіевскаго еврея, на котораго идутъ съ облавой, котораго ловятъ и говорятъ, что въ его книгахъ...

Пред. Г. защитникъ, это оскорбительное выраженіе. Вы можете говорить, но не дѣлайте такихъ сравненій.

Грузенб. Идутъ съ облавой на Библию, на священныя книги, изъ Библии выдергиваютъ отдѣльныя мѣста, отдѣльныя слова, которыя одинаково дороги вамъ, христіанамъ, и одинаково дороги евреямъ, которыя читаются одинаково во всѣхъ храмахъ—и въ христіанскихъ,—и въ православныхъ, и въ католическихъ, и въ лютеранскихъ и одинаково читаются въ еврейскихъ храмахъ—мошеляхъ и синагогахъ. Да и мы это слышали! И какое бы сравненіе я не употребилъ, вѣрите мнѣ, что я передаю еще спокойно то, что пережито мною и не только мною однимъ за эти тяжелые дни! Тутъ не есть какая-то чувствительность еврейская, тутъ чувствительность человѣка, который, хотя и чуждъ, можетъ быть, религіознымъ вопросамъ, но на котораго неожиданно наваливается эта тяжелая обида, это тяжелое горе. Господа присяжные, еврейская религія не нуждалась бы въ моей защитѣ, но вы слышали какъ ее здѣсь передъ вами обвинялъ ксендзъ Пранайтисъ и какія онъ давалъ показанія и объясненія.

И когда я, слыша это, испытывалъ му-

ки, я все-таки въ эту минуту говорилъ себѣ съ гордостью—какое счастье, что среди православныхъ священниковъ, среди православныхъ ученыхъ не было ни одного, по крайней мѣрѣ здѣсь на судѣ, который явился бы и своимъ именемъ священника или своимъ именемъ православнаго христіанина или русскаго ученаго, поддержалъ бы эти ужасныя, мучительныя сказки, этотъ кровавый навѣтъ: это счастье—ни одного не было. И только, какъ вы слышали изъ обвинительнаго акта, былъ спрошенъ одинъ священникъ о. Глаголевъ и тотъ сказалъ, что въ еврейскомъ вѣроученіи ничего нѣтъ, что бы давало малѣйшее указаніе на то, что дозволяется употребленіе христіанской крови. И въ эти дни, когда многіе испытываютъ тѣ же страданія, какъ и я, пускай они знаютъ, пускай они помнятъ, пускай они передадутъ своимъ дѣтямъ, что православная церковь относится къ евреямъ милостиво, что православная церковь знаетъ объ ихъ законахъ, и ничего дурного въ нихъ не нашла, ничѣмъ не оскорбилась, ничѣмъ не задѣла ихъ религіи. Это великое утѣшеніе гг. присяжные засѣдатели, и я гордъ, что могу высказать это христіанамъ, могу сказать, что среди всего, что пережито мною, это былъ единственный свѣтлый лучъ, единственная минута счастья.

Господа присяжные засѣдатели, что мнѣ защищать еврейскую религію, вѣдь еврейская религія это старая наковальня, о которую избивались всякіе молоты, тяжелые молоты враговъ, но она вышла чистой, честной, стойкой изъ этихъ испытаній, неужели же вы думаете, гг. присяжные засѣдатели...

Предс. Г. защитникъ, вы говорите объ еврейской религіи, никто ее не обвиняетъ. Вы опять забываете, какое обвиненіе предъявляется. Къ вашему подзащитному предъявляется обвиненіе въ изувѣрствѣ, въ неправильномъ толкованіи...

Грузенб. Г. предсѣдатель, я подчиняюсь.

Предс. А вы говорите, что кто-то позволилъ себѣ обвинять еврейскую религію. Это обвиненіе недопустимо и если бы это было, я первый остановилъ бы.

Грузенб. Г. предсѣдатель объяснилъ мнѣ, что еврейская религія и еврей-

скія богослужебныя книги ни въ чемъ не обвиняются, еврейскую религію никто не заподозриваетъ, а имѣютъ въ виду однихъ изувѣровъ. Значить мы три дня занимались ненужнымъ дѣломъ, вѣдь мы три дня спрашивали не объ изувѣрахъ, а мы разбирали Библию, Зогаръ, Талмудъ,—это еврейскія книги, это не книги изувѣровъ, а книги церковныя. Но мы это дѣлали и значить дѣлали напрасно. Вы видѣли какъ передъ нами стоялъ патерь Пранайтисъ и сыпалъ безпощадные удары, повторялъ Ролингъ, который давно не признается всѣми учеными и нѣмцами и нашими русскими Коковцовымъ и Троицкимъ. Вы видѣли—они знаютъ всѣ еврейскіе тексты, у нихъ все записано. Г. гражданскій истецъ сказалъ, откуда они знали, что будутъ нужны тексты, онъ забылъ, что предсѣдатель сказалъ, отпуская ихъ:—,господа, сдѣлайте себѣ замѣтки, я васъ прошу замѣтить относительно библейскихъ текстовъ на всѣ вопросы“. Это было распоряженіе г. предсѣдателя и большинствомъ экспертовъ кромѣ Пранайтиса исполнено это и сдѣлали письменныя замѣтки и надлежащія выписки, представили ихъ вамъ и здѣсь онѣ были провѣрены.

Да, когда Пранайтисъ сыпалъ удары, я чувствовалъ удовлетвореніе только въ одномъ, это когда Пранайтисъ на вопросъ о пыткахъ отвѣтилъ—да, дѣйствительно, на всѣхъ процессахъ, о которыхъ я говорю, въ средневѣковья, сознаніе добыто путемъ мучительныхъ пытокъ. Да, пытки конечно вещь нехорошая, но подъ пытками говорятъ правду.—Я смотрѣлъ на ксендза Пранайтиса и думалъ: какъ здѣсь, въ судѣ возобновляется вопросъ о пыткахъ, отмѣненныхъ давно съ высоты Престола, здѣсь въ судѣ, который дѣйствуетъ по уставамъ императора Александра II говорятъ, что истину можно добыть путемъ дыбы, ударовъ, шипковъ, смолы, путемъ жженія людей—и это говорилъ ксендзъ Пранайтисъ. Но это шло оттуда же, откуда идетъ обвиненіе противъ религіи. оттуда же изъ того же источника, откуда идетъ восхваленіе среднимъ вѣкамъ, откуда идутъ восторги по поводу печальнаго времени и я радъ, что въ одномъ лицѣ слилось и обвиненіе отдѣльныхъ положеній религіозныхъ книгъ и защита пытокъ средневѣковья. Я больше о религіи говорить не буду, я не буду говорить объ этой старой наковальнѣ, ибо предсѣдатель

говорить, что ей не грозятъ никакія удары, ибо я увѣренъ, что эти погребушки Ролингъ и Герца, которыми гремѣлъ патерь Пранайтисъ, признающій въ согласіи съ Ролингъ эти погребушки,—что онѣ не разобьютъ этой старой наковальни.

Да только изъ за этого сидитъ передъ вами Бейлисъ, потому что иначе, если бы вы провѣрили улики, вы бы сказали—неужели возможно, чтобы человѣкъ былъ посаженъ и сидѣлъ два съ половиной года на такимъ уликамъ? Мы разберемся въ нихъ шагъ за шагомъ, это займетъ немного времени, не больше четверти часа, потому что нѣтъ уликъ. Мы разберемся, за что этотъ человѣкъ два съ половиной года содержится по такому страшному обвиненію? Припомните. Шаховская сказала, что пьяная Волкивна,—я могу объ этомъ сказать, потому что намъ докладывали, что ее очень долго разыскивали,—что пьяная Волкивна, за полчаса ходьбы отъ того мѣста, гдѣ живетъ Шаховская, сказала: а вы ничего не знаете, что у васъ дѣлается, а я когда проходила видѣла какъ схватили мальчика и потащили въ печку. Была ли она на заводѣ Зайцева? Нѣтъ не была. И когда Шаховская сослалась на Волкивну, ее разыскали и спросили, и Волкивна сказала: никогда я этого не видѣла и никогда объ этомъ не говорила. Да она тамъ и не проходила, у нея не было для этого повода. Она торгуетъ зеленью и рыбой на Подольѣ. И когда мы были на осмотрѣ и вы спросили, гдѣ то мѣсто, гдѣ онѣ могли встрѣтиться, то вамъ сказали, что это, по крайней мѣрѣ, за полчаса ходьбы, внизъ отъ того мѣста. Тогда понятно, что она съ того мѣста ничего не могла видѣть, а тѣмъ болѣе слышать. Да она сразу сказала, что это неправда. Шаховская показывала, что сыщикъ Полищукъ ее сплавивалъ, три раза поилъ и потомъ ночью подъ заборомъ,—я это записалъ,—и потомъ женщина подъ его охраной пошла въ камеру къ судебному слѣдователю. Вы помните несчастнаго мальчика, работавшаго у сапожника, котораго тоже водили къ слѣдователю, который два раза входилъ и выходилъ, потому что, очевидно, въ корридорѣ сыщикъ Полищукъ наставлялъ его и, наконецъ, ставилъ на очную ставку съ Волкивной. И изъ-за этого пьянаго бреда, который сейчасъ разъясненъ, этотъ чело-

вѣкъ сидѣлъ подѣ стражей? Г. гражданскій истецъ говорилъ, что Наконечный могъ ему принести вредъ и объясняетъ этимъ показанія, данныя Наконечнымъ. Господа, мы забыли числа. Вспомните, я прошу судъ меня провѣрить. Наконечный давалъ показанія 9 іюля и 22 іюля, до ареста Бейлиса, — 22 іюля онъ былъ арестованъ. Первое большое показаніе онъ давалъ 9 іюля, когда послѣ того Бейлисъ былъ еще двѣ недѣли на свободѣ. Что же онъ сказалъ 9 іюля и что онъ повторилъ 22-го, — что когда онъ шелъ на допросъ, Шаховскій говорилъ ему — я приплю этого жида Менделя къ дѣлу, пускай на меня не болтаеть сыщикамъ, пускай не рассказываетъ, что я тащилъ дрова на заводѣ. Это показаніе было дано 9-го и 22-го іюля, а послѣднее въ ноябрѣ, но уже къ дѣлу, не относится. Гражданскій истецъ говорилъ вамъ, какой Наконечный былъ важный свидѣтель, онъ вамъ говорилъ о Дунѣ. Да, я говорю, этотъ свидѣтель вѣдь все показалъ до ареста, за что же Бейлисъ сталъ бы его отравлять. Цитирую, читаю передъ вами показанія Казаченко, гражданскій истецъ опустилъ мѣсто, гдѣ ясно видно, что Казаченко, — этотъ несомнѣнно подосланный человѣкъ, этотъ несомнѣнный сыщикъ, о которомъ Ивановъ сказалъ, что когда онъ у него работалъ, то давалъ ложныя свѣдѣнія и часто онъ имѣлъ изъ-за него непріятности, — что этотъ Казаченко показываетъ? Его слѣдователь спрашиваетъ, — зачѣмъ ему понадобилось отравить „Лягушку“, — (это тамъ описано и гражданскій истецъ не читаетъ), — а тотъ отвѣчаетъ, — „да онъ мнѣ самъ этого не сказалъ“. — Такъ вы и не знаете? Какъ же такъ, — онъ говоритъ, — вѣдь онъ съ вами откровенно разговаривалъ, просилъ отравить Лягушку и не сказалъ, для чего. Это мѣсто пропустили, когда цитировали показаніе Казаченко. Говорятъ, что письмо изобличаетъ Бейлиса. Когда это письмо было прочтено, когда о немъ говорили стороны, когда я просилъ запомнить его, мнѣ казалось, что больше къ нему не придется возвращаться. Но вотъ опять говорятъ о письмѣ. Что же онъ пишетъ? Онъ пишетъ своей женѣ: „Прошу тебя, дорогая жена, прими его, не бойся обо мнѣ. Ко мнѣ пріѣзжалъ присяжный помощникъ. Кто на меня показываетъ — лжетъ. Иди къ Дубовику, вѣдь никто не хлопочетъ

об мнѣ. Ко мнѣ пріѣзжалъ присяжный повѣренный Виленскій, онъ проживаетъ на такой то улицѣ, хочеть защищать меня бесплатно. Я его лично не видалъ, а передало начальство“. — Такъ что, это не подосланный евреями человѣкъ. а тюремное начальство сказало о немъ Бейлису. Онъ его не видалъ, а передало начальство. И дальше трогательныя слова. Вѣдь, когда онъ посылалъ онъ не зналъ, что это упадетъ въ руки тюремной администраціи, въ руки прокурора, онъ вѣрилъ этому человѣку, значитъ душа была нараспашку. Онъ пишетъ: „уже пятый мѣсяць я страдаю, видно никто не хлспочетъ за меня. Вѣдь извѣстно, что я совершенно безвинный, или я воръ, или убійца, каждый знаетъ, что я честный человѣкъ. Я чувствую, что я не выдержу въ тюрьмѣ, если мнѣ придется сидѣть. Если этотъ человѣкъ попросить, — дай ему на расходы, если нужно будетъ. Хлопочеть ли кто за меня, чтобы взяли на поруки или подѣ залогъ. Это враги мои, которые ложно показываютъ, отомщуютъ за то, что я не давалъ дровъ и не позволялъ черезъ заводъ ходить, городской тому свидѣтель“. Господа, онъ пишетъ секретное письмо и говоритъ — за что я мучаюсь, я не воръ, не убійца. Онъ передаетъ его черезъ довѣреннаго человѣка. И это письмо, проникнутое болью, муками, политое слезами, это письмо, гдѣ все ясно, хотя въ истолковать противъ него — дальше идти некуда. Замѣтите, — когда читаютъ письмо, то тутъ же прибавляютъ — а въ послѣдствіи онъ ему поручилъ отравить „Лягушку“, неизвѣстно за что. — Какъ же такъ? Разъ Казаченко это долженъ былъ сдѣлать, неужели онъ не зналъ, за что? Г. Крупскій, помощникъ начальника тюрьмы призналъ, что Казаченко заранѣе условился съ тюремнымъ надзирателемъ Омелянченко, что онъ будетъ передавать письма, и я не сомнѣваюсь, что Омелянченко, который дѣйствовалъ съ вѣдома начальства, дѣйствительно подговорилъ Казаченко на это дѣло. Вы здѣсь слышали рядъ свидѣтелей, между прочимъ старика, который очень осторожно показывалъ и сказалъ — этотъ самый человѣкъ лазилъ на заводъ. Потомъ другой говорилъ, что онъ подходитъ къ синагогѣ, выходитъ еврей, онъ его спрашиваетъ — „отчего вы не думаете о Бейлисѣ, отчего не заботитесь о немъ, надо помочь несчастному“. И

ему нѣкоторые давали деньги. Но вы видите, куда онъ шель, — онъ залѣзалъ въ карманъ — „отчего вы не собираете деньги?“ И это показаніе, показаніе Каза-ченко, которое надо было постараться забыть, конечно, оно добыто не предательствомъ частныхъ лицъ, а съ разрѣшенія властей, вы это знаете. Вы знаете, что надзиратель ходилъ и передавалъ письма женѣ и тамъ получалъ въ подачку 50 ко-пеекъ. Правда онъ передавалъ ихъ начальству и все это дѣлалось, какъ говорили, съ вѣдома товарища прокурора, наблюдаю-щего за тюрьмой. Вотъ, господа...

Предс. Прошу не касаться товарища прокурора.

Г р у з. Происходило съ вѣдома началь-ника тюрьмы и его помощника, они тоже должностныя лица. Все это ясно и оче-видно, неужели вы это сами не видите и мнѣ вамъ надо объяснять? Все это против-ныя стороны сейчасъ отвергають и хотять сказать, что онъ хотѣлъ злоупотребить На-вонечнымъ. Буквально ничего нельзя ска-зать. Галкинъ приходилъ, Галкинъ гово-рить, я съ 1910 года слѣдилъ за семей-ствомъ и производя розыски узналъ, что съ 1910 года, когда пріѣхала семья При-ходько въ Слободку за ними слѣдилъ чер-ный еврей. Я утверждаю, что онъ отвѣ-тилъ такъ, что слѣдилъ человѣкъ, не то шатенъ, не то брюнетъ, темноватый чело-вѣкъ. Тогда я говорю, вы показывали такъ. Я попросилъ (предсѣдателя) и огласилъ его показаніе у слѣдователя, а у слѣдова-теля онъ сказалъ—рыжий еврей. Когда его спросили на судѣ, кто это темный еврей, онъ сказалъ: „по описанію это Шнеер-сонъ, я его не видалъ, но мнѣ расска-зывалъ Полищукъ его примѣты, я со словъ Полищука думаю, что это онъ“. Вы пони-маете, можно ли смѣшать рыжаго съ чер-нымъ? Мало того, онъ говорилъ, что этотъ рыжий еврей носилъ фуражку съ краснымъ околышемъ, которую я называлъ „чинов-ничьей фуражкой“. Подумайте какая не-лѣпость, что „рыжий“ ходитъ въ формен-ной фуражкѣ и высѣживается за маль-чикомъ, мало того, онъ говорилъ, что этотъ еврей называлъ имена, которые, мо-гутъ показать, что будто бы они слышали, что Шнеерсонъ обѣщалъ Андрушѣ пока-зать его отца. Мы здѣсь 27 дней сидимъ, передъ нами прошло около 200 свидѣтелей и подтвердилъ ли хоть одинъ свидѣтель

этотъ рассказъ? Нѣтъ. Что же сказать гл-судьи? Я разбиралъ все дѣло, я можетъ быть многое упустилъ, потому что я самъ признаю, что я въ этомъ дѣлѣ чувствую самъ себя измученнымъ, потому что я не зналъ противъ чего мнѣ защищаться, 27 дней сыпались со всѣхъ сторонъ вещи, которыя мнѣ за 23 года моей работы не приходилось слышать. Тутъ не знаешь, что важно, гдѣ надо защищаться? Вы сами понимаете, какъ мнѣ было тяжело съ ва-ми говорить о мелочахъ. Изъ-за чего си-дять человѣкъ, изъ-за чего страдаетъ цѣ-лая семья? Оттого, что боишься, не дого-воришь, пропустишь что-нибудь, а потомъ будешь мучиться, что то, что кажется пу-стыжомъ, кому-нибудь изъ васъ кажется серьезнымъ. Словно ходишь по тонкому льду, можешь поскользнуться и онъ слома-ется, хватаешься безпомощно и думаешь, неужели же все это нужно, самъ говоришь то, что считаешь ненужной вещью, потому что съ такими пустяками нельзя считаться.

Всѣ улики я разобралъ, ни одной улики нѣтъ противъ Бейлиса, а между тѣмъ его ждетъ 20-лѣт. каторга, этого честнаго рабо-чаго человѣка, который 2½ года испытыва-етъ эти муки. Господа, вы знаете, вѣдь онъ живетъ на скамьѣ подсудимыхъ совсѣмъ другой жизнью, если вы за нимъ понаблю-даете, то вы замѣтите, что онъ плачетъ не тогда, когда приходится плакать, и онъ не плачетъ въ то время, когда говорятъ объ его бѣдѣ и его горѣ и сидитъ спокойно и равнодушно. За эти 2½ года онъ ушелъ въ себя, онъ сидитъ здѣсь какъ автоматъ какой-то. Вѣдь прокуроръ сказалъ, что ему стало дурно, когда Кадьянъ говорилъ объ ударахъ, но г. предсѣдатель разъяснилъ, что онъ больной человѣкъ, вѣдь съ нимъ были глубокіе припадки, онъ страдаетъ малокро-віемъ мозга, онъ измученный человѣкъ. Вотъ эти муки и страданія человѣка про-буютъ ставить ему въ улику. Я увѣренъ, когда я говорю передъ вами, мнѣ безраз-лично, какихъ вы партій и убѣ-жденій, передо мной сидятъ судьи, и судьи вынесутъ, я хочу на-дѣяться, вынесутъ судейскій приговоръ. Я такъ увѣренъ въ его невиновности, я такъ увѣренъ, что все это ясно, что я не допускаю мысли, чтобы были разногласія, чтобы здѣсь въ залѣ могъ бы найтись кто-нибудь, кто сказалъ бы, что Бейлисъ ви-новенъ, что осталась противъ него хотя бы

одна улыбка, хотя бы одно доказательство. Да, я вѣдь глубоко вѣрю, я спрашиваю себя, ну, а если ты не правъ, если случится другое, если тотъ, кого ты считаешь невиновнымъ—погибнетъ, то что же сдѣлать? Гг. судьи, мы сдѣлали все, что могли, мы старались и работали хорошо ли, плохо-ли,—не знаю, но каждый изъ насъ Богу служилъ. Мы много силъ на это потратили и если не удалось, то не наша вина.

Вы помните—какъ прокуроръ выразилъ свое неодобреніе русскому народу, упрекнулъ его въ недостатокъ мужества.

Не понимаю этихъ словъ. Для того, чтобы сказать виновному злодѣю, что онъ—злодѣй, не требуется мужества. Но если сказать о невиновномъ, вопреки очевидности, что онъ виновенъ—для этого требуется не мужество, а нарушеніе судейской присяги.

Избави Господь русскаго судью отъ такого мужества. Я кончаю. Измучился я самъ, истомились, надо думать, и вы, гг. присяжные.

Я твердо надѣюсь, что Бейлисъ не погибнетъ. Онъ не можетъ, онъ не долженъ погибнуть. Что, если я ошибаюсь; что, если вы, гг. присяжные, пойдете, вопреки очевидности, за кошмарнымъ обвиненіемъ. Чтожъ дѣлать!—Едва минуло двѣсти лѣтъ, какъ наши предки по такимъ-же обвиненіямъ гибли на кострахъ. Безропотно, съ молитвой на устахъ, шли они на неправую казнь. Чѣмъ вы, Бейлисъ, лучше ихъ? Такъ же должны пойти и вы. И въ дни каторжныхъ страданій, когда васъ охватываетъ отчаяніе и горе,—крѣпитесь, Бейлисъ.

Чаше повторяйте слова отходной молитвы: „Слушай, Израиль!—Я—Господь Богъ твой—единный для всѣхъ Богъ!“.

Страшна ваша гибель, но еще страшнѣе самая возможность появленія такихъ обвиненій здѣсь,—подъ сѣнью разума, совѣсти и закона.

Заявленіе Замысловскаго.

Послѣ окончанія рѣчи О. О. Грузенберга поднимается Г. Г. Замысловскій.

Замысловскій. Я имѣю заявленіе о занесеніи нѣкоторыхъ частей рѣчи въ протоколъ. Я боюсь, что буквально не сумѣю возстановить то, что говорилъ защитникъ. Онъ сказалъ: „Богъ, который одинаковъ для христіанъ и для евреевъ (это будто-бы по аргументаціи гражданскихъ истцовъ) обратился въ кievскаго еврея“. Это такъ было сказано, какъ будто это ут-

верждаютъ гражданскіе истцы. Затѣмъ, я прошу удостовѣрить протоколомъ то, что г. защитникъ началъ цитировать одного извѣстнаго писателя. Когда его остановилъ предсѣдатель, то онъ сказалъ: я это скажу отъ самого себя.

Предсѣд. Я его остановилъ.

Замысл. Да, но впечатлѣніе было уже произведено на присяжныхъ этимъ маневромъ. Потомъ, онъ сказалъ: „вотъ каково мнѣніе Побѣдоносцева“ и когда его остановили, прибавилъ: „тогда я скажу это отъ своего имени“. Выходило такъ, что неизвѣстно было, чье это мнѣніе — г. Побѣдоносцева, или г. защитника. Наконецъ, изъ вчерашней рѣчи г. защитника удостовѣрьте слѣдующее: онъ цитировалъ показанія Вѣры Чеберякъ (неоглашенную часть о листикахъ) и приписалъ Чеберякъ то, чего нигдѣ нѣтъ, что она говоря о листикахъ, сказала, что видѣла ихъ у Бейлиса и что будто бы извозчики играли въ почту этими листиками. Вотъ, что сказалъ г. защитникъ, держа протоколъ и цитируя изъ него.

Груз. Я увѣренъ, что судъ точно занесетъ все въ протоколъ — я не хочу отымать ни у суда, ни у присяжныхъ времени. Что касается того, что я цитировалъ, то г. предсѣдатель объяснилъ, что я вѣрно сказалъ.

Предс. Я сказалъ, что вы не вѣрно говорили...

Грузен. Такъ я теперь объясняю; если извозчики имѣли листки для игры въ почту, то что-же изъ этого? Господа, судите одного Бейлиса...

Предсѣд. останавливаетъ г. Грузенберга.

Грузен. Г. предсѣдатель, занесите въ протоколъ все, что хотите, я заранѣе увѣренъ, что вы занесете несомнѣнно точно. Но все это сдѣлано, чтобы испортить впечатлѣніе чужой работы.

Послѣ рѣчи О. О. Грузенберга былъ объявленъ перерывъ, послѣ котораго произнесъ рѣчь А. С. Зарудный.

Рѣчь А. С. Заруднаго.

Около часу дня началъ свою рѣчь прис. пов. А. С. Зарудный.

Зарудный. Всѣ мы говорящіе здѣсь передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, при всѣхъ нашихъ разныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ по настоящему дѣлу, безъ

сомнѣнія всѣ сойдемся въ трехъ общихъ чувствахъ.

Первое чувство, — чувство глубокаго сожалѣнія и состраданія къ судьбѣ несчастнаго Андрюши Ющинскаго, такого (по тѣмъ свѣдѣнiямъ, которыя мы имѣемъ и которыя мы вѣримъ), милаго хорошаго и симпатичнаго мальчика, съ такой несчастно сложившейся жизнью жалкаго сироты, такъ страшно окончившейся—чувство негодованiя къ тѣмъ преступникамъ, кто бы они ни были, которые совершили это страшное злодѣянiе. Ни въ комъ изъ насъ нѣтъ въ этомъ отношенiи различiя — всѣ мы ни жалостли, ни состраданiя къ этимъ злодѣямъ не чувствуемъ. Третье — наше общее чувство — это убѣжденiе въ правильности вашего суда, г.г. присяжные засѣдатели. При такихъ общихъ нашихъ чувствахъ казалось бы, что мы могли бы спокойно разсудить, безпристрастно столковать между собою, разобратъ улики по отношенiю къ подсудимому и выяснитъ вамъ, что эти улики не только недостаточны для обвиненiя подсудимаго, но что онѣ совершенно опровергнуты и что получены даже указанiя на, то, что преступленiе совершено другими лицами. Достаточно это выяснитъ, казалось-бы, чтобы быть спокойнымъ за судьбу этого дѣла.

Но въ этомъ дѣлѣ есть еще элементъ постороннiй, условный, съ которымъ мы можемъ бороться только со страшнымъ трудомъ и опасенiемъ за судьбу подсудимаго. Это не доказательства, это не улики—борьбы съ ними мы не боимся. Это предубѣжденiе. А предубѣжденiе, г.г. судьи, это страшная вещь. Какъ бы не были слабы улики, какъ бы они не были разбиты, но если у судьи есть предубѣжденiе, если у него сложилось извѣстное мнѣнiе, несочувствiе къ подсудимому раньше суда, если у него есть въ глубинѣ души можетъ быть безсознательно сохраняющееся желанiе во что бы то ни стало разрѣшить дѣло противъ подсудимаго — съ такимъ чувствомъ защитникамъ бороться очень трудно и иногда невозможно. Можно бороться, можно доказывать. Противъ разума можно бороться логикой, но съ предубѣжденiемъ, съ душевнымъ предубѣжденiемъ, которое заключается въ судѣ, бороться чрезвычайно трудно, независимо отъ обстоятельствъ настоящаго дѣла. И вотъ мы обращаемся къ вамъ, г.г. присяжные засѣда-

тели (въ этомъ отношенiи присоединяясь къ тому, что вамъ безъ сомнѣнiя скажетъ г. председатель) съ просьбой отстранить отъ себя все лишнее, ненужное, все не имѣющее отношенiя къ дѣлу, все то, что по закону, по нашей судебной практикѣ, по очевидному для каждаго человѣка чувству справедливости не можетъ быть въ сердцѣ судьи. Каждый долженъ устранить изъ своей души мысль о томъ, что подсудимый еврей, то-есть, мысль, что такъ какъ онъ еврей, то ему уже присущи всѣ тѣ недостатки, которые присущи еврейскому народу, о которыхъ здѣсь такъ много говорилось. Вы слышали отъ обвинителей о томъ, что евреи, принимаютъ какiя то намъ неизвѣстныя мѣры затемнитъ дѣло, что они не допускаютъ раскрытiя тайнъ сектъ, что они пользуются огромной силой, тѣмъ, что они держатъ въ своихъ рукахъ печать, и что своей такой непонятной силой захватили даже обвинителя, который находится подъ ихъ властью. Одинъ изъ гражданскихъ истцовъ сказалъ, что вообще всѣ евреи умѣютъ подкупать свидѣтелей. Г.г. присяжные засѣдатели вы не можете, вы не должны, вы не имѣете права основываться на такихъ чувствахъ, на такомъ предубѣжденiи противъ еврейскаго народа. Я не хочу этимъ сказать, что каждый изъ васъ, какъ честный человѣкъ, не можетъ имѣть своего опредѣленнаго убѣжденiя, своего отношенiя къ этому народу. Это полное право убѣжденiй каждаго человѣка, есть его святая святыхъ, передъ которой всякiй постороннiй долженъ преклоняться.

Мы, какъ я имѣлъ случай сказать, не являемся защитниками еврейства. То, что было сказано въ этомъ отношенiи по нашему адресу, это одно изъ тѣхъ несправедливыхъ положенiй, которыхъ мы не заслуживаемъ. Мы не защищаемъ еврейства, мы защищаемъ подсудимаго Бейлиса и по мѣрѣ нашихъ убѣжденiй, нашей совѣсти мы хотимъ сказать, что то преступленiе, въ которомъ Бейлисъ обвиняется, въ изуверскомъ убiйствѣ христiанина, для полученiя крови христiанской, въ которомъ Бейлисъ не виновенъ, — этихъ преступленiй въ наше время не бываетъ. Если мы хотимъ доказать только это, то мы отнюдь не хотимъ поколебать вашихъ убѣжденiй, направленныхъ противъ евреевъ. Если таковыя у васъ есть, пусть они при васъ и останутся. Не еврейскiй вопросъ въ этомъ дѣ-

лѣ рѣшается. У каждаго народа есть недостатки, быть можетъ у еврейскаго народа ихъ больше чѣмъ у другихъ. Въ общественной, политической, государственной жизни боритесь народы другъ съ другомъ, принимайте тѣ или другія мѣры, которыя вы признаете полезными, но эту борьбу между народами, между племенами не вносите сюда въ судъ. Судъ это нѣчто вродѣ храма. Какъ въ храмѣ молятся за враговъ своихъ, гдѣ всегда нужно относиться съ полнымъ безпристрастіемъ, съ чистымъ сердцемъ, безъ всякаго предубѣжденія, даже къ врагу своему. Если бы вамъ пришлось судить врага своего, человѣка, который сдѣлалъ вамъ зло, развѣ вы не направили бы всея ваши помыслы на то, чтобы не быть несправедливымъ, чтобы отнюдь не перевѣсить чашку вѣсовъ въ ту сторону, гдѣ лежитъ ваша вражда, ваша ненависть. Въ данномъ случаѣ нѣчто подобное. Если у кого-нибудь изъ васъ было когда либо враждебное чувство къ евреямъ, пусть это чувство не рѣшаетъ вашего приговора.

Второе обстоятельство, о которомъ сказалъ обвинитель и которое по моему мнѣнію ничего рѣшительно не доказываетъ, но способно составить то вредное предубѣжденіе судьи, о которомъ я говорилъ, — это проскочившее, какъ въ рѣчи прокурора, такъ и въ рѣчи гражданскаго истца, какое то сомнѣніе, опасеніе о возможности какихъ то безпорядковъ, повидимому погромовъ. Объ этомъ говорилъ прокуроръ, а г. гражданскій истецъ даже прямо намекалъ, что еще не извѣстно, при какомъ вашемъ приговорѣ скорѣе будетъ погромъ: при обвинительномъ или при оправдательномъ, быть можетъ при оправдательномъ будетъ скорѣе. Вотъ смыслъ того замѣчанія, которое бросилъ гражданскій истецъ. Г. председатель разъяснитъ вамъ, что я правъ, когда я говорю, что мысль объ этомъ вы должны откинуть, когда будете судить Бейлиса. Ставить вашъ приговоръ въ зависимость отъ другихъ условий, не имѣющихъ къ дѣлу никакого отношенія, это было бы низверженіе суда съ того высокаго мѣста, на которомъ онъ долженъ находиться. Какъ скала среди бушующаго моря, среди человѣческаго моря разногласій, разсужденій и мнѣній, судъ долженъ стоять высоко. Судъ долженъ стоять, какъ скала, чтобы

онъ не дрогнуть, не тронуться отъ этого волненія.

Третье обстоятельство, которое по моему мнѣнію не можетъ ничего доказать, не можетъ имѣть никакого отношенія къ рѣшенію вопроса о виновности подсудимаго, но въ то же время можетъ составить предубѣжденіе --- это тѣ разсужденія, которыя имѣли мѣсто во время судебного слѣдствія и въ заключительныхъ преніяхъ относительно тѣхъ или другихъ правилъ еврейской религіи. Съ облегченнымъ чувствомъ я могу заявить здѣсь, что я слышалъ отъ прокурора и отъ почтенныхъ гражданскихъ истцовъ, что вся еврейская религія къ суду не привлекается, что еврейская религія, признаваемая и допускаемая нашимъ русскимъ закономъ, отнюдь не обвиняется и отнюдь ей не приписываются такія преступныя правила. Слава Богу, что мы дождались въ гласномъ судѣ такого открытаго и прямого заявленія представителей обвинительной власти. Пусть же это слово въ этомъ отношеніи послужитъ на пользу тѣмъ, кто до сихъ поръ заблуждался и приписывалъ всему еврейству и всей еврейской религіи тѣ преступныя побужденія и правила, которыя, мнѣ кажется, теперь еврейству не приписываются. Но если все еврейство, если еврейская религія, вообще, здѣсь не обвиняется, то даже и Бейлисъ не обвиняется въ принадлежности къ какой-либо изуверской сектѣ, ибо прокуроръ сказалъ вамъ, что существованіе секты совершенно не доказано и что сказать, что Бейлисъ принадлежитъ къ сектѣ, совершенно невозможно. А новѣренннй гражданск. истца Шмаковъ--- большой знатокъ еврейской литературы, по крайней мѣрѣ литературы, враждебной еврейству, --- тоже сказалъ, что у евреевъ сектъ нѣтъ. Такимъ образомъ, если даже не обвиняется Бейлисъ въ принадлежности къ сектѣ и рѣчь идетъ только о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ изуверовъ, то тогда я спрашиваю, какое имѣютъ значеніе тѣ справки въ священныхъ еврейскихъ книгахъ, тѣ разсужденія, тѣ споры, которыя имѣли здѣсь мѣсто. Для чего все это дѣлалось? Если для того, чтобы доказать, что изъ этихъ мѣстъ, изъ этихъ книгъ, на которыхъ стоитъ нашъ священный крестъ, если изъ нихъ изуверы могутъ сдѣлать тотъ или другой неправильный выводъ, то развѣ это что-нибудь доказываетъ? Развѣ для то-

то, чтобы изувѣры такъ дѣйствовали, ну- жень какой-нибудь текстъ, развѣ для изувѣра законъ писанъ, развѣ, если бы въ этихъ книгахъ, по мнѣнію прокурора и г. гражданскихъ исповъ не заключалось ни- чего такого, изъ чего можно было бы сдѣ- лать выводъ, развѣ это доказываетъ, что изувѣровъ нѣтъ? Изувѣръ могъ бы сдѣлать выводъ изъ чего вы хотите, для изувѣра никакихъ книгъ и никакихъ писаній не нужно. Такъ, что съ этой точки зрѣнія я совершенно не понимаю цѣли всей той ра- боты, которую мы дѣлали. Но, г.г. присяж- ные засѣдатели, если вы вспомните, что здѣсь говорилось, то вы увидите, что тутъ рѣчь идетъ не только объ отдѣльныхъ изувѣрахъ. Можетъ быть тутъ есть нѣкоторыя противорѣчія, съ одной стороны мы не обвиняемъ ни евреевъ, вообще, ни доказывае- мь, что были секты, обвиняемъ только изувѣровъ, съ другой стороны выставленіе такихъ общихъ положеній, взятыхъ изъ древнихъ книгъ, которыя несомнѣнно ка- саются всѣхъ евреевъ, всей еврейской ре- лигіи.

Въ чемъ заключается сущность той теоріи, которую прочелъ передъ вами г. обвинитель, доказывающій, что среди евре- евъ существуетъ, хотя бы среди изувѣровъ, такое преступное и страшное суевѣріе, какъ необходимость убійства христіанъ для лобыванія крови. Г. прокуроръ выдвигаетъ такое основное положеніе и оно поддержи- вается г.г. гражданскими истцами. (Я ци- тирую точно). „Кровавыя жертвы красной нитью проходятъ черезъ всю Библию“. Прокуроръ говоритъ, что эти жертвы сна- чала человѣческія, на которыхъ заключа- ется много силы въ Библии, затѣмъ прев- ращаются въ жертвы животныхъ, что эти жертвы животныхъ прекращаются послѣ разрушенія храма, но есть указаніе на ту ссылку реби Иешуи о томъ, что они продолжались послѣ разрушенія храма и, на- конецъ, черезъ тысячу лѣтъ, послѣ Рож- дества Спасителя, появляется книжка „Зогара“, въ которой будто бы заключается указаніе на возможность убійства христіанъ и одновременно съ этимъ появляется процессъ по обвиненію евреевъ въ употребле- ніи христіанской крови.

Мнѣ кажется, мною правильно изложена сущность доводовъ г. прокурора о суще- ствованіи среди евреевъ ритуальнаго убій- ства. Что мы должны на это отвѣтить? Г.г.

присяжные засѣдатели, въдѣ Библия и Вет- хій Завѣтъ у евреевъ и христіанъ общіе. Мы должны, рассуждая о Библии, --- по крайней мѣрѣ мы, православные христіа- не, говоря передъ вами --- мы должны ис- ходить изъ тѣхъ началъ, изъ тѣхъ законовъ, изъ тѣхъ правилъ, которыя установлены нашей православной Церковью, а право- славная Церковь устанавливаетъ, что Вет- хій Завѣтъ данъ народу Богомъ, онъ данъ Моисею, евреямъ, данъ всѣмъ намъ. Ко- нечно, съ точки зрѣнія христіанской, послѣдніе изъ словъ, выражающихъ тѣ великія истины, которыя заключаются въ Вет- хомъ и Новомъ Завѣтѣ, послѣднее слово сказано въ Евангеліи --- Новомъ Завѣтѣ. Съ этой точки зрѣнія только тамъ эти исти- ны нашли свое полное развитіе, но тѣмъ не менѣе по ученію нашей церкви Новый Завѣтъ примыкаетъ къ Ветхому За- вѣту, онъ связанъ многими общими по- ложеніями — десятью заповѣдями и мно- гимъ другимъ. Христосъ пришелъ не раз- рушить законъ, а служить ему, то есть усо- вершенствовать его. Поэтому, развѣ можно признавать тѣ историческіе факты, которые имѣются въ Ветхомъ Завѣтѣ, ничего не значущими по отношенію къ еврейскому на- роду.

Вы слышали, что сказали эксперты, ко- гда ихъ спросили, есть ли въ Библии и въ Ветхомъ Завѣтѣ, указанія на существованіе человѣческой жертвы. Экспертъ, по крайней мѣрѣ русскій отвѣтилъ: указаній нѣтъ, но есть два мѣста — это попытка Авраама заклать въ жертву Бога Исаака, своего сына, попытка, удержанная рукой Господа, и другой случай, когда Іеффай, возвращаясь домой, обѣщалъ Богу прине- сти въ жертву перваго человѣка, котораго онъ встрѣтитъ по дорогѣ. Онъ встрѣтилъ свою дочь и долженъ былъ пожертвовать ею. Но по отношенію къ первому случаю экспертъ отвѣтилъ, что жертвы не было— Господь удержалъ руку Авраама. Что до- казываетъ этотъ случай? Этотъ вопросъ не- такъ просто можно рѣшать, какъ думатьъ обвинители. Что касается второй жертвы, объ, этомъ вамъ сказали ученые люди, что теперь наука и исторія разъясняютъ, что Іеффай не убилъ свою дочь, а пожертво- вать ее на служеніе Богу. Затѣмъ несом- нѣнно—и въ этомъ отношеніи заявленіе г. прокурора и гражданского истца было пра- вильно: — въ Библии имѣется указаніе на

то, что евреи за много тысяч лѣтъ до нашего времени, до Рождества Христова, иногда попадали подъ вліяніе сосѣднихъ языческихъ идолопоклонническихъ народовъ и подъ этимъ вліяніемъ сами отступали отъ завіта. дарованнаго Богомъ, сами начинали служить идоламъ и начинали приносить въ жертву своихъ дѣтей. Я признаю, что такіе акты были и такіа указанія въ Библии есть. Но что же это доказываетъ? Развѣ можно изъ этого сдѣлать выводъ, что именно среди еврейскаго народа, какъ объясняетъ г. прокуроръ, „красной нитью проходить жертвоприношенія“. А вы скажите, среди какаго народа не было человѣческаго жертвоприношенія? Они были у всѣхъ народовъ и у насъ русскихъ здѣсь въ Кіевѣ, онѣ приносились языческому богу Перуну. черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, послѣ Рождества Христова. Слѣдовательно существованіе жертвъ человѣческихъ въ раннюю допотопную эпоху, оно рѣшительно не доказываетъ, чтобы такой народъ, который въ доисторическое время имѣлъ такой вредный обычай, чтобы онъ сохранилъ этотъ обычай и въ настоящее время.

Если исторія знаетъ такой народъ, у котораго не было совершенно жертвъ или нѣтъ указаній, чтобы они вошли въ его правила.—то это только еврейскій народъ. Ибо въ Библии вы найдете указаніе, что по правиламъ еврейской вѣры, по правиламъ того, завіта, который былъ данъ евреямъ, нѣтъ требованія приносить человѣческія жертвы. Если были случаи, когда они отпадали отъ своего закона, то это было тогда, когда они попадали подъ вліяніе чужеземныхъ народовъ. И тогда только они совершали этотъ грѣхъ. Но, г. присяжные засѣдатели, не только жертвъ человѣческихъ не приносилось, но и жертвы животныхъ, которыя какъ вы знаете, возносились въ началѣ въ Новомъ Завѣтѣ, и эти жертвы прекратились со временъ разрушенія храма. Храмъ Иерусалимскій, былъ разрушенъ два раза. Первый разъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова, въ другой разъ въ семидесятомъ году послѣ Рождества Христова. По правиламъ вѣры израильской жертвы можно приносить только въ храмъ, только на жертвенникѣ и послѣ разрушенія храма жертвъ приносить больше нельзя. Г. прокуроръ говоритъ: „Это такъ, но вотъ есть рабѣн Іешуа, т. е. Иисусъ, который говоритъ о томъ, что онъ слышалъ,

будто жертвы приносились и послѣ разрушенія храма. Но, г. присяжные засѣдатели, тутъ маленькое недоразумѣніе. Ребе Іешуа, жилъ въ первомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, и онъ говорилъ о томъ, что происходило послѣ перваго разрушенія храма и до созданія втораго. Онъ говорилъ, что слышалъ, что послѣ разрушенія перваго храма, на томъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ храмъ и былъ поставленъ жертвенникъ, что на этомъ мѣстѣ приносились жертвы. И какъ сказалъ г. Мазе, есть мнѣніе, но не всѣми раздѣляемое, что жертвы могутъ приноситься тамъ, гдѣ стоялъ жертвенникъ, хотя больше его нѣтъ, но тотъ Іешуа, не говорилъ о томъ, что жертвы можно было приносить, но только на томъ мѣстѣ, а не на всѣхъ другихъ мѣстахъ. И такъ какъ вы знаете отъ эксперта, что въ настоящее время невозможно опредѣлить, гдѣ стоялъ древній жертвенникъ, вы видите, что теперь для евреевъ принесеніе жертвъ до построенія новаго храма является совершенно невозможнымъ.

Г. прокуроръ говоритъ, что черезъ тысячу лѣтъ послѣ Рождества Христова, явилось ученіе Каббалы, въ этомъ ученіи будто бы заключаются какія-то указанія, намеки на то, что можно убивать христіанъ. Какъ разъ одновременно съ появленіемъ этого ученія являются процессы о ритуальныхъ убійствахъ, т. е. дѣла по обвиненію евреевъ въ убійствѣ христіанъ. Но здѣсь можемъ ли мы вдаваться въ такіа историческія изысканія. Въ этомъ отношеніи я совершенно согласенъ съ первымъ защитникомъ, что не дѣло наме, не дѣло суда, разбирать такіе историческіе вопросы, которые для того, чтобы ихъ понять и правильно предрѣшить, требуютъ, чтобы много учиться, читать, много думать. Вотъ г. прокуроръ, хотя онъ предупреждалъ и предупреждалъ насъ всѣхъ съ той прямою и откровенностью, которыя свойственны всѣмъ большимъ талантамъ, что онъ мало знакомъ съ этой литературой и даже не знаетъ, что значить „Талмудъ Тора“. Между тѣмъ если бы онъ справился, посмотрѣлъ въ законъ объ евреяхъ и ихъ ученіяхъ въ уставѣ инославныхъ исповѣданій, то онъ увидѣлъ бы что законъ нашъ предусматриваетъ „Талмудъ Тору“, что это школа для обученія, школа, надъ которой всегда блюдеца контроль, наблюденіе правительства. Если даже такой

дѣятель, какимъ является талантливый обвинитель въ настоящемъ дѣлѣ, если онъ мало знаетъ это ученіе, такъ гдѣ же намъ съ вами это знать? Я по крайней мѣрѣ говорю за себя, но мои знанія въ значительной степени уступаютъ обвинителю. Но онъ сдѣлалъ еще ошибку. Онъ связалъ это обвиненіе съ крестовыми походами, но первый крестовый походъ былъ въ 11-омъ вѣкѣ, а „Зогаръ“ какъ и книга Каббалы появилась около 1300 года, ибо авторъ ихъ Даліонъ умеръ въ 1305 году. Оказывается, эти два факта, эти два событія вовсе не совпадаютъ во времени а раздѣляются нѣсколькими столѣтіями. Г. прокуроръ ошибся. Во всякомъ случаѣ такое случайное совпаденіе въ исторіи, такое совпаденіе обстоятельствъ, конечно, сами по себѣ не могутъ ничего доказывать въ дѣлѣ, гдѣ подсудимый сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ и обвиняется въ извѣстномъ преступленіи.

Г. прокуроръ ссылался на эксперта Тихомірова, который будто бы подтвердилъ, что въ книгахъ евреевъ въ Торѣ и Талмудѣ, гдѣ все можно найти, есть указанія на употребленіе евреями христіанской крови. Я рѣшительно возражаю противъ этого. Я взываю къ вашей памяти. Экспертъ Тихоміровъ вполнѣ присоединился къ экспертамъ Троицкаго и Коковцова о томъ, что въ еврейскихъ книгахъ и въ Торѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на употребленіе евреями христіанской крови. Г. прокуроръ приводитъ показаніе свидѣтеля Амвросія, которое читалось, и дѣлаетъ ссылку на монаха Автонома, который стоялъ передъ вами, и на книжку Неофита, также на Серафимовича и на какую-то книжку Пикульскаго. Я не знаю, говорили ли это здѣсь до меня. Во всякомъ случаѣ я не буду говорить объ этомъ, но скажу только одно, въ дѣлѣ Автономъ, когда его спросили, что онъ знаетъ, онъ сослался на двухъ монаховъ, изъ которыхъ одинъ умеръ, а другой стоялъ передъ вами. Показаніе Амвросія не можетъ считаться судебнымъ доказательствомъ. Монахъ Автономъ, вы его видѣли, сосчитайте сколько ему лѣтъ. Онъ намъ сказалъ, что ему 71, а когда онъ былъ обращенъ въ христіанство? Оказывается 13 лѣтъ. 13-лѣтній мальчишъ—это разсудительный, знающій и понимающій, что кругомъ происходитъ. Отецъ Автономъ намъ удостовѣрялъ, что пока онъ былъ еврей, никто ему не говорилъ о томъ, чтобы евреи употребляли

христіанскую кровь и впервые онъ услышалъ объ этомъ, когда его изъ кантонистовъ обратили въ христіанство. Тогда его стали пугать тѣмъ, чтобы онъ опасался евреевъ. Очевидно предупреждали его, чтобы онъ не имѣлъ сношенія съ евреями для того, чтобы опять его не совратили въ еврейство обратно. Они ему говорили, что его могутъ украсть. О Неофитѣ послѣ того, что сказалъ о немъ первый защитникъ, я ничего не буду говорить. А кто такой Серафимовичъ? Написалъ ли онъ какую-нибудь книгу? Никто не сказалъ. Серафимовичъ раввиномъ никогда не былъ и евреемъ никогда не былъ и единственно о немъ мы знаемъ изъ той книги, о которой уже говорилось, изъ книги поляка Пикульскаго, написанной чуть ли не двѣстилѣтъ тому назадъ. И государственный совѣтъ въ своемъ заключеніи по дѣлу Велижскому сказалъ, что эта книга не заслуживаетъ довѣрія. Вотъ всѣ тѣ книги и данныя, на которыя ссылался прокуроръ.

Еще прокуроръ ссылался на резолюціи Императора Николая I и Императора Александра II. Гг. присяжные засѣдатели мы должны съ такимъ благоговѣніемъ относиться къ резолюціи нашихъ царей и всѣ мѣры принять для того, чтобы изъ нихъ не сдѣлать ошибочнаго вывода. Да. Государь Императоръ Николай I, когда ему представили на его утвержденіе мнѣніе государственнаго совѣта по велижскому дѣлу о преданіи суду, подтверждавшемъ тѣлесному наказанію тѣхъ, которыхъ государственный совѣтъ признавалъ лжецами,—Государь Императоръ утвердилъ этотъ приговоръ. Онъ утвердилъ оправданіе евреевъ, онъ признавалъ невозможнымъ ихъ наказывать, онъ утвердилъ обвиненіе ложныхъ доносчиковъ. Но въ то время, когда его просили о томъ, чтобы онъ постановилъ вознаграждать евреевъ, онъ дѣйствительно повелѣлъ сказать, что у него нѣтъ полнаго убѣжденія въ невозможности существованія у евреевъ подобнаго рода преступленій, ибо возникло новое дѣло — житомірское,—въ которомъ есть указаніе на обвиненіе евреевъ въ ритуальномъ якомъ дѣлѣ. Вотъ что сказалъ Государь. Могъ-ли онъ иначе сказать, когда является новое дѣло? Конечно нѣтъ. Мы всѣ не только проникаемся, но и понимаемъ эту царскую резолюцію. Но когда послѣ этого прошли десятки лѣтъ, когда изъ тѣхъ и другихъ дѣлъ ничего не вы-

шло, когда по единственному въ Россіи дѣлу, по дѣлу саратовскому, Государь Императоръ повелѣлъ исключить вопросъ о томъ, не убивали-ли евреи по изувѣрскому побужденію, а судить евреевъ исключительно за убійство мальчика, а о томъ, что существуютъ ли у евреевъ ритуальные убійства—объ этомъ вопросѣ учредить особую комиссію, которая должна особо выяснить все дѣло. Но такихъ другихъ дѣлъ не было. И тогда уже очевидно та резолюція исторически утратила для позднѣйшаго времени свое значеніе. Это Высочайшее повелѣніе имѣло свое значеніе и силу только въ отношеніи того времени, только того дѣла, по поводу котораго оно было поставлено. А что же вышло дальше по саратовскому дѣлу? Отъ представителя обвиненія вы слышали, были разные приговоры, нижняя инстанція обвинила, а высшая оправдала. Вы слышали что въ то время былъ другой порядокъ суда, который Царь Освободитель Александръ II призналъ несоответствующимъ, который онъ отмѣнилъ, признавъ, что судъ долженъ быть устнымъ, гласнымъ, долженъ быть равнымъ для всѣхъ. Вѣдь тогда былъ порядокъ суда, въ которомъ пытокъ въ прямомъ смыслѣ не было, но когда судъ, тотъ самый, который судилъ по саратовскому дѣлу, имѣлъ право, признавъ, что свидѣтели показываютъ ложно, протонять ихъ сквозь строй. Вы знаете что это значить? Когда судъ имѣлъ такую власть такое право, когда этотъ судъ былъ бумажный, вы понимаете, что такого значенія этотъ судъ не долженъ имѣть для нашего времени, когда Царская власть признала этотъ судъ не соответствующимъ. Для насъ онъ долженъ имѣть совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ онъ имѣлъ тогда въ то время. Такимъ образомъ приговоръ по саратовскому дѣлу, разъ окружный судъ призналъ его не имѣющимъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, въ особенности, когда мы не могли узнать его во всей совокупности—онъ не можетъ быть законной уликой, которую справедливо приводить въ судъ, но онъ можетъ создать только одно предубѣжденіе, о которомъ я говорилъ. Что же сдѣлалось съ этой комиссіей, которая по Высочайшему повелѣнію разсматривала этотъ вопросъ? Во-первыхъ, она разбирала всѣ еврейскія книги, которыя были отобраны по саратовскому дѣлу и, во-вторыхъ, разсмотрѣла вопросъ

о томъ.—существуетъ или нѣтъ у евреевъ обычай убивать христіанъ. Г. прокуроръ вамъ сказалъ, что изъ этой комиссіи ничего не вышло. Почему? Потому что два члена этой комиссіи, одинъ отказался совсѣмъ давать объясненія—это отецъ Павскій, священникъ, ссылаясь на то, что онъ не знакомъ съ этимъ вопросомъ. другой остался при своемъ мнѣніи, а большинство были крещеные евреи, большіе знатоки литературы Хвольсонъ и Левинсонъ, знаменитые ученые, состоящіе на государствен. службѣ, которые высказались за то, что ритуальныхъ убійствъ у евреевъ нѣтъ. Но если большинство комиссіи было этого мнѣнія, то развѣ можно сказать, что изъ комиссіи ничего не вышло. Правда, большинство принадлежало къ еврейству, но вѣдь господа или у насъ есть законъ, и мы должны преклониться предъ закономъ и предъ волей Государя или его у насъ нѣтъ. Если онъ есть, то эти члены комиссіи бывшіе евреи были назначены Государемъ. Какъ мы смѣемъ отбрасывать ихъ мнѣніе только потому, что они прежде были евреи? Вы знаете изъ этого списка здѣсь дѣло затребовано окружнымъ судомъ, что это дѣло было предметомъ разсмотрѣнія въ еврейскомъ комитетѣ. Еврейскій комитетъ это было высшее государственное учрежденіе, и потому это дѣло о хасидахъ разсматривалось въ комитетѣ министровъ. Такимъ образомъ, вы видите дѣла этой комиссіи шли на разсмотрѣніе министровъ.

Предс. (Останавливая). Здѣсь не было оглашено дѣло комиссіи. Вы можете говорить въ предѣлахъ только того матеріала, который имѣется въ судебномъ слѣдствіи. З а р у д н. Если тутъ не было оглашено никакихъ результатовъ работы этой комиссіи, если не было сказано, что комиссія добавляла свѣдѣнія о томъ, что евреи употребляютъ христіанскую кровь, если прокуроръ этого не могъ представить, то, очевидно, этого и не было, потому что если бы было, то не могло же обвиненіе, ставя такіа дѣла, не спросить у высшей власти тѣхъ доказательствъ, которыя у нея имѣются и здѣсь намъ представить. Поэтому я вправѣ сказать, что если они не оглашены, значить ихъ не могло быть. Мнѣніе протоіерея Сидонскаго, это одинъ изъ членовъ комиссіи, г. прокуроръ сказалъ, что про него онъ не можетъ говорить, такъ какъ эти свѣдѣнія не огла-

палась, но тѣмъ не менѣе онъ заявилъ, что онъ съ этимъ мнѣніемъ вполне согласенъ,—такъ вотъ, это мнѣніе можно узнать изъ слѣдующаго указанія прис. пов. Шмакова, который намъ сказалъ, что Павскій ничего не знаетъ, а Сидонскій очень мало знаетъ. Вотъ, значить, то, съ чѣмъ...

Предс. Это говорилъ патеръ Пранайтисъ.

Зарудн. Слушаю-съ. Я заранѣе извиняюсь. Въ этомъ сложномъ дѣлѣ, гдѣ такая масса фактовъ, конечно, могутъ быть мелкія ошибки. Я буду благодаренъ за всѣ поправки, но прошу ихъ мнѣ не ставить въ вину. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ это было сказано прис. повѣр. Шмаковымъ, и я думаю, что врядъ ли онъ откажется отъ своихъ словъ. Прошу перерыва.

Предс. Объявляю перерывъ на 10 минутъ.

Зарудн. Г.г. прис. засѣдатели, во время судебного слѣдствія г. председатель какъ то сказалъ намъ, что тутъ есть нѣсколько экспертовъ, и дѣло судей повѣрить тому или другому изъ нихъ. Вотъ теперь настало время рѣшить, кому изъ нихъ въ больше вѣрите: ксендзу ли Пранайтису съ одной стороны или академику Кокковцу, проф. духовной петербургской академіи Троицкому, проф. Нѣжинскаго историко-филологическаго института Тихомирову и московскому раввину, лицу, находящемуся на государственной службѣ Мазе—съ другой. Кто такой ксендзъ Пранайтисъ? Какіе его ученые труды? Какъ, отчего, почему онъ изъ Ташкента появился экспертомъ въ настоящемъ дѣлѣ? Я этого всего не знаю и говорить про это не могу. Но мы знаемъ одно. Ксендзъ Пранайтисъ здѣсь на судѣ, когда мы его спрашивали о томъ, откуда онъ взялъ извѣстное мѣсто текста, — а въ данномъ дѣлѣ на текстахъ основывали тѣ изувѣрскія мысли, которыя приписывались тѣмъ или другимъ еврейскимъ сочиненіямъ—то онъ въ большинствѣ случаевъ отвѣчалъ: „не знаю“, „запамятовалъ“. Но вотъ одинъ случай былъ настолько для меня потрясающимъ, настолько ужаснымъ, — онъ записанъ въ протоколъ, онъ останется въ исторіи нашего суда,—что я не могу его не отмѣтить. Когда сначала прис. пов. Карабчевскій, а потомъ я спросили у ксендза Пранайтиса, чтобы онъ перевелъ названіе тѣхъ 7—8 еврейскихъ книгъ, на

которыя онъ ссылаясь на предварительномъ слѣдствіи, то онъ отвѣтилъ относительно книги Хулимъ, что онъ не знаетъ, а относительно другой отказался совсѣмъ мнѣ отвѣчать. Г.г. прис. зас., вспомните ту блестящую характеристику, которую далъ намъ прис. пов. Шмаковъ, говоря что такое экспертъ и чѣмъ онъ долженъ быть? Это было сказано въ нѣсколькихъ словахъ, и такъ хорошо сказано, что лучшаго опредѣленія эксперта на судѣ я себѣ представить не могъ. Прис. пов. Шмаковъ сказалъ, что экспертъ долженъ не только заставить насъ вѣрить, но долженъ убѣдить насъ, убѣдить извѣстными логическими соображеніями, извѣстными фактами. Онъ сказалъ, что экспертъ не можетъ уклоняться отъ отвѣтовъ. Рѣшайте сами г.г. прис. зас., соответствуетъ ли экспертъ ксендзъ Пранайтисъ всѣмъ этимъ требованіямъ, которыя такъ справедливо ставить прис. пов. Шмаковъ къ экспертамъ на судѣ? И рядомъ съ нимъ эксперты проф. Кокковецъ и проф. Троицкій. Пов. гражд. истпа заявилъ намъ здѣсь, что онъ и его товарищъ явились сюда не изъ личныхъ видовъ. Мы въ этомъ не сомнѣваемся и готовы это признать. Но мы выправъ также сказать, что эти эксперты тоже явились сюда не изъ личныхъ или какихъ-либо другихъ видовъ. Когда знаменитый академикъ, имя и біографію котораго вы найдете во всѣхъ словаряхъ, авторъ многочисленныхъ сочиненій, который въ теченіи десятковъ лѣтъ даетъ правительству справки и свѣдѣнія, въ томъ числѣ и святѣйшему правительствующему синоду, свѣдѣнія по вопросу о жизни и исторіи еврейства и другихъ семитическихъ древнихъ народовъ, когда этотъ человекъ бросаетъ свое дѣло, свой скромный ученый кабинетъ и пріѣзжаетъ сюда, человекъ съ нами не знакомый и дѣлаетъ свое тяжкое трудное дѣло, послѣ котораго онъ слышитъ намеки, которые тутъ ему бросались, то мнѣ становится больно за судъ.

Пред. Почему вы говорите за судъ. Это недопустимое выраженіе, вы сами это понимаете, г. присяжный повѣренный. Прошу этого больше не дѣлать!

Зарудн. Слушаю-съ. И вотъ, г.г. присяжные засѣдатели, если вы сопоставите съ одной стороны ксендза Пранайтиса, ученые труды котораго намъ неизвѣстны, который замѣтокъ своихъ не взялъ,

который книгу своих не взялъ, и который на вопросы наши отвѣчать отказался, если вы сопоставите его съ экспертами проф. Коковцовымъ и проф. Троицкимъ, то я не сомнѣваюсь въ вашемъ рѣшеніи. Я не сомнѣваюсь, что вы не поставите имъ въ вину того, что поставилъ одинъ изъ гражданскихъ истцовъ.

Прис. пов. Шмаковъ сказалъ вамъ, что проф. Коковцовъ будто заявилъ, что въ Талмудѣ нѣтъ ничего кощунственнаго, а между тѣмъ тамъ это есть. Я не буду говорить о содержаніи кощунственныхъ мѣстъ...

Пред. Пожалуйста, не говорите.

Заруд. Я не буду касаться, мнѣ этого не нужно, я только отвѣчу прис. пов. Шмакову. Гг. присяжные засѣдатели, вѣдь этого не было. Вспомните, какъ было дѣло! О кощунственныхъ мѣстахъ спрашивали при закрытыхъ дверяхъ, а до проф. Коковцова давалъ экспертизу проф. Троицкій. Эксперту былъ поставленъ 22-й вопросъ, гласящій о томъ, заключались ли въ Талмудѣ какія-либо противонаравственныхъ ученія. На это экспертъ Троицкій далъ очень подробныя объясненія, утверждая, что такихъ противонаравственныхъ ученій въ Талмудѣ нѣтъ. Что же касается того, есть ли тамъ въ Талмудѣ кощунственныя мѣста, но на этомъ г. предсѣдатель его остановилъ, сказавъ ему, что по этому вопросу онъ выскажется при закрытыхъ дверяхъ. Вотъ какъ было дѣло съ экспертомъ Троицкимъ. А экспертъ Коковцовъ давалъ заключеніе при открытыхъ дверяхъ, и, естественно о кощунственныхъ мѣстахъ, послѣ указаній, которыя были преподаны предсѣдателемъ проф. Троицкому, онъ не могъ говорить, и отвѣчалъ прис. пов. Шмакову только на 22 вопросъ, — есть или нѣтъ, что-нибудь безнаравственное въ Талмудѣ. И онъ отвѣтилъ на это, что ничего безнаравственного нѣтъ. Покончивъ съ этими кощунственными мѣстами, о которыхъ я говорить не буду, но кощунство которыхъ—нѣкоторыхъ изъ нихъ, я не отрицаю, я хочу указать на то, можетъ ли имѣть какое-нибудь значеніе для настоящаго дѣла, что еврей относится къ нашимъ святынямъ не такъ, какъ мы относимся. Если бы они относились къ нашимъ святынямъ такъ же, какъ и мы, они не были бы евреями, а были бы христианами. Очевидно, если еврей не раздѣляетъ нашего вѣроученія, то у нихъ другія понятія, другія воззрѣнія. Я

только обращаю вниманіе на то, что изъ тѣхъ мѣстъ, которыя привелъ экс. Пранайтисъ, г. Троицкій и Коковцовъ, если я не ошибаюсь, во всякомъ случаѣ проф. Троицкій нѣкоторыя мѣста отвергъ, сказавъ, что онѣ не имѣютъ отношенія къ нашимъ святынямъ. Слѣдовательно, надо сузить тѣ примѣры, которые приведены эксп. Пранайтисомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не обратить вашего вниманія на то, что въ самыхъ быть можетъ съ нашей точки зрѣнія кощунственныхъ мѣстахъ, говорится, что Христосъ Спаситель хорошо относился къ евреямъ, такъ что мнѣ кажется эти мѣста никакого отношенія къ настоящему вопросу, который въ настоящемъ дѣлѣ обсуждается, не имѣютъ. Вотъ покончивъ съ тѣмъ, что говорилъ прокуроръ по этому вопросу касающемуся вѣроученія, я обращаюсь къ моему противнику, прис. пов. Шмакову. Гг. присяжные засѣдатели, вы сами видѣли, насколько безусловно ученый человѣкъ мой товарищъ по адвокатурѣ, прис. пов. Шмаковъ, и я отнюдь не собираюсь съ нимъ состязаться. Я гораздо менѣ осведомленъ въ этихъ вопросахъ и слѣдовательно спорить съ нимъ не буду.

Но, т.г. присяжные засѣдатели, прис. пов. Шмаковъ является не только обвинителемъ по данному дѣлу, но въ своей рѣчи, онъ до извѣстной степени является самъ экспертомъ и свѣдущимъ лицомъ: онъ задаетъ эксперту Пранайтису цѣлый рядъ вопросовъ, на которые экспертъ Пранайтисъ не отвѣчаетъ, стоитъ и молчитъ, а прис. пов. Шмаковъ говоритъ объ этомъ въ своей рѣчи, какъ объ установленныхъ фактахъ. Я вправѣ сказать, что, когда онъ это дѣлаетъ, онъ является не адвокатомъ, а экспертомъ, и я прошу васъ, когда вы будете обсуждать содержаніе его рѣчи, вспомните то, что дѣйствительно имѣло мѣсто на судебномъ слѣдствіи и откиньте все то, что осталось недоказаннымъ. Но помимо этого, признавая ученый авторитетъ прис. пов. Шмакова, я долженъ сказать, что въ его рѣчи заключаются нѣкоторыя ошибки, естественныя при сложности дѣла и утомленія, которому мы всѣ были подвержены. Я не буду приводить всѣ эти невѣрныя мѣста, если это будетъ нужно, я скажу въ другой разъ, но для примѣра укажу на ошибку или на неправильныя разсужденія,

ничего не доказывающія. Прис. пов. Шмаковъ считаетъ установленнымъ то, что какой то Опеонъ, который жилъ до Рождества Христова рассказываетъ о случаѣ, что какой то грекъ былъ задержанъ евреемъ и арестованъ для того, чтобы его убить; убійства не было, но его задержали для того, чтобы убить, и вотъ, когда здѣсь экспертъ говорить: да позвольте, знаменитый писатель Иосифъ Флавій говоритъ, что Опеонъ шарлатанъ и ему нельзя вѣрить потому, что онъ дѣлалъ нечестныя вещи для того, чтобы получить выгоду, ему отвѣчаютъ:—а кто Иосифъ Флавій, вѣдь Иосифъ Флавій еврей! Но откуда мы узнали, что Опеонъ рассказываетъ объ этомъ грекѣ? Мы узнали только отъ Иосифа Флавія, только онъ одинъ рассказываетъ объ Опеонѣ, опровергаетъ его и говоритъ, что подобнаго быть не могло и что Опеону вѣрить нельзя. Если вы вѣрите Иосифу Флавію, что Опеонъ это рассказывалъ, то вы должны повѣрить Иосифу Флавію, что Опеонъ былъ шарлатанъ, а если не вѣрите, то какъ же можете вѣрить, что былъ Опеонъ? Какъ могутъ быть эти ссылки на такіе древніе факты, которые имѣли мѣсто тысячу лѣтъ назадъ и ничѣмъ не доказаны, быть приводимы въ качествѣ уликъ на подсудимаго? Кромѣ того, прис. пов. Шмаковъ сказалъ, что въ этомъ дѣлѣ было признано, что фигурировалъ прис. пов. Виленскій, а былъ Илія Виленскій, знаменитый гаонъ хасидовъ. Хотя на судебномъ слѣдствіи ничего не говорилось о гаонѣ Виленскомъ, но разъ это было сказано прис. пов. Шмаковымъ, то и я имѣю право отвѣтить, что былъ гаонъ Виленскій, но онъ былъ не основатель секты хасидовъ, а ихъ противникъ. Перейду теперь къ объясненію мѣста изъ Зога, гдѣ говорится о 13 уколахъ. 2 или 3 русскихъ ученыхъ, не считая еврея Мазе, сказали, что это не имѣетъ никакого отношенія къ иновѣрцамъ, къ иностранцамъ, потому, что въ этомъ текстѣ говорится о еврей-грѣшникѣ, что еврей не ученый, не еврей, затѣмъ объ убійствѣ говорится въ смыслѣ бѣдности, несчастья, которыя несутъ эти грѣшники-евреи, какъ они, затѣмъ, каются и умираютъ, покаявшись передъ Богомъ и произнося слова: „Господь Богъ нашъ, Богъ единый“. и это сравнивается съ жертвой животного. **Что же, кромѣ поэтического фигуральнаго**

сравненія въ этомъ мѣстѣ нѣтъ рѣшительно никакого намека на убійство человѣка. И, вотъ, экспертъ Пранайтисъ держится особаго мнѣнія.

Я опровергать о. Пранайтиса не буду, но я спрашиваю: откуда вы взяли 13 уколовъ? Вѣдь у Андриши было только на вискѣ 13 уколовъ, но рядомъ выше и ниже были другіе уколы и ихъ было гораздо больше. Если дѣйствительно по какому-нибудь ритуалу или по какимъ-нибудь правиламъ требовалось нанести 13 уколовъ, а вы знаете, что въ текстѣ сказано объ одномъ ударѣ ножа и 12 пробахъ, то говорилось бы не объ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ жертвы, а о всемъ тѣлѣ. А вѣдь на тѣлѣ Ющинскаго не 13 уколовъ было, а гораздо больше. Причемъ же тутъ 13 уколовъ? Но тѣмъ не менѣе на этомъ настаиваютъ и считаютъ главнымъ доказательствомъ, потому, что такъ истолковалъ нѣмецкій ученый Ролингъ. А вы слышали, что проф. Троицкій сказалъ, что Ролингъ перевелъ недобросовѣстно, а проф. Коковцовъ сказалъ, что онъ перевелъ невѣрно, но для того, чтобы привести этотъ текстъ въ связь съ этимъ дѣломъ говорили, ибо особый вопросъ былъ поставленъ, что цифра 13 имѣетъ особенное значеніе въ еврействѣ. Задается вопросъ эксперту Пранайтису и онъ отвѣчаетъ, что цифра 13 имѣетъ значеніе. Почему?—Потому, что было 13 свѣчей на подсвѣчникѣ въ храмѣ Иерусалимскомъ, было 13 колѣнъ Израилевыхъ, было 13 заповѣдей, 13 школъ въ Месопотаміи. Другіе два эксперта сказали, что число 13 никакого значенія въ жизни еврейства не имѣетъ; есть, дѣйствительно, другія числа: 7—10, а 13 никакого значенія не имѣетъ. Конечно, иногда попадаетъ въ Писаніи число 13, какъ вообще попадаютъ разныя числа въ многочисленной еврейской литературѣ, но особеннаго значенія число 13 не имѣетъ. Обратимся къ числу 13. Присяжный повѣренный Шмаковъ заявилъ, что было 13 свѣчей въ подсвѣчникѣ въ храмѣ Иерусалимскомъ и такъ говорилъ экспертъ Пранайтисъ. Г.г. присяжные засѣдатели. мнѣ разрѣшено ссылаться на Библию и я скажу, что 13 свѣчей въ подсвѣчникахъ въ храмѣ Иерусалимскомъ не могло быть, потому, что ни во времена Библии, ни во времена Талмуда свѣчей не было. Храмъ не могъ освѣщаться свѣчами, — онъ освѣщался лампадами какъ можно убѣ-

даться изъ Библии („Исходъ“, глава 37, стихъ 17—23), въ храмѣ стоялъ свѣтильникъ семивѣтвенный, т. е. у него было семь вѣтвей, посрединѣ одинъ столбъ, и на каждой вѣтви на столбикѣ была лампадка. Въ храмѣ былъ одинъ свѣтильникъ и было не 13 лампадъ, а семь. Тотъ, кто осматривалъ древній италіанскій городъ Римъ, видѣлъ красоту этого города, знаменитую арку Тита римскаго императора... (Предсѣдатель останавливается).

Такимъ образомъ, хотя я съ своей стороны полагаю бы, что объ устройствѣ Иерусалимскаго храма, о которомъ говорится въ св. Писаніи, мы учимся въ школахъ, даже въ низшей, я думалъ бы, что объ этомъ можно говорить, какъ объ общеизвѣстныхъ фактахъ. И если это ускользнуло отъ прис. повѣр. Шмакова, то его ввелъ въ заблужденіе, какъ и многихъ другихъ, экспертъ Пранайтисъ. Вѣдь это же все невѣрно. Гдѣ, напримѣръ, 13 заповѣдей, гдѣ онѣ? Мы знаемъ 7 заповѣдей Новыхъ, 10 заповѣдей общихъ у евреевъ съ нами. — какія же такія 13 заповѣдей? Гдѣ онѣ, въ какихъ книгахъ? Я долго думалъ, откуда взяли эти 13 заповѣдей и въ моей кропотливой работѣ, я, кажется, получила разъясненія. Дѣло въ томъ, что правила, постановленія, заключавшіяся въ Ветхомъ Заветѣ, были историкомъ и изслѣдователемъ завета подсчитаны и оказалось, что правилъ-заповѣдей положительныхъ 248, которыя устанавливаютъ извѣстные правила, а запретительныхъ 365, которыя устанавливаютъ запрещенія. Когда я подсчиталъ, то оказалось 613. Такъ вотъ, вѣроятно, экспертъ Пранайтисъ слышалъ что-то такое о цифрѣ 613, о 613 заповѣдяхъ. Цифра 6 отпала.—можетъ быть забылъ, а можетъ быть была ошибка или опечатка и осталась цифра только 13. Иначе я никакъ не могу объяснить происхожденіе этихъ 13 заповѣдей. Затѣмъ 13 школъ въ Месопотаміи (обращаясь къ предсѣдателю): смѣю я сослаться на исторію, которой учился въ школахъ?

Пр е д с. Это не проходило на судебномъ слѣдствіи.

З а р у д н ы й. Повѣренный гражданскихъ истцовъ Шмаковъ сказалъ, что въ Месопотаміи было 13 школъ, но я не могу доказать, что ихъ было не 13. Разъ предсѣдатель меня остановилъ и разъ это не проходило на судебномъ слѣдствіи, то

надо исключить. Повѣренный гражданскихъ истцовъ Шмаковъ сказалъ, что Талмудъ трудно изучить, потому, что еврейскій языкъ не имѣетъ гласныхъ, пишется безъ гласныхъ и въ нѣкоторыхъ книгахъ ставятся точки вмѣсто гласныхъ, а иногда даже точки не ставятся. Но г.г. присяжные засѣдатели, отсутствіе точекъ свойственно не только еврейскому языку, но и всѣмъ семитическимъ языкамъ: арабскому, египетскому, финикійскому и др. Но отсюда никто не можетъ сказать, чтобы нельзя было читать и толковать семитическіе языки. Конечно, человѣку незнающему, мало учившемуся, трудно прочесть безъ точекъ, слѣдовательно, когда мы говоримъ о томъ, содержитсяъ или нѣтъ въ древнихъ книгахъ извѣстные преступныя, развратныя мысли, мы должны призвать ученыхъ людей, которые хорошо читаютъ и безъ точекъ, для которыхъ нѣтъ препятствій. И они разъяснили, что это не есть препятствіе для понятія извѣстныхъ мѣстъ и что ученые читаютъ и отлично понимаютъ Талмудъ. Я сколько коснусь только нѣкоторыхъ ссылокъ прис. повѣр. Шмакова, съ которыми по моему пельзя считаться, ссылокъ на то, что у евреевъ Богъ Израилевъ не есть Богъ другихъ народовъ, на то, что они ожидаютъ пришествія Мессіи. Вѣдь это ссылки, на которыя вы найдете отвѣты въ нашей-же Библии. Вѣдь мы тоже ждемъ второго пришествія. Затѣмъ ссылка, на какую-то казанскую брошюру неизвѣстнаго ученаго Соколова о томъ, что обрѣзаніе является какимъ-то способомъ приносить какія-то жертвы. Прис. пов. Шмаковъ забылъ о нашемъ праздникѣ, о нашемъ православномъ праздникѣ 1 января Обрѣзаніи Господнемъ. Прис. повѣр. Шмаковъ говорилъ о томъ, что если христіанинъ и его мать перейдутъ въ еврейство, то они могутъ жениться и, съ торжественностью сказалъ прис. повѣр. Шмаковъ, — это я установилъ и никто меня не опровергъ. Мазе не опровергъ, значитъ это такъ. Но я утверждаю, что это не было установлено. Прис. повѣр. Шмаковъ задаль объ этомъ вопросъ о. Пранайтису и тотъ отвѣтилъ — нѣтъ, если вы и ваша мать перешли въ иудейство, то вы не можете жениться. Вотъ что онъ отвѣтилъ. Слѣдовательно это не было установлено и разъ прис. повѣренный Шмаковъ сказалъ, что это установлено, то я вправѣ сказать, что это не установлено,

что это не так и что это не может быть, я сошлюсь на сочинение самого же г. Шмакова.

Шмаковъ. Какое?

Зарудн. „Судебныя рѣчи и другія“, (дасть к н и г у Шмакову). Далѣе прис. повѣр. Шмаковъ указалъ обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ не имѣеть ровно никакого значенія.

Онъ указалъ на то, что у караимовъ запрещеніе крови есть библейское запрещеніе, а у евреевъ талмудическое. Что это значитъ? Вѣдь мы знаемъ, что караимы и евреи отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что караимы, отдавшись отъ евреевъ, признають только Библию, а евреи, кромѣ Библии, признають и Талмудъ. Естественно, если караимъ признаеть только Библию, то и запретъ крови находить только въ Библии, а еврей, который, кромѣ Библии, признаеть и Талмудъ, находить этотъ запретъ и тамъ. и тутъ, ибо Талмудъ еще съ большей силой и строгостью запретилъ употребленіе крови. Такъ, что сравненіе караимовъ и евреевъ никакого значенія не имѣеть.

Говорятъ, что хасидское ученіе изувѣрское. Г.г. присяжные засѣдатели, судя по обвинительному акту, судя по тому, какъ велось слѣдствіе, повидимому предполагалось изобразить вамъ г. Бейлиса мало благочестивымъ евреемъ, потому, что онъ работалъ даже въ субботу повидимому, предполагалось изобразить его принадлежащимъ къ изувѣрской сектѣ хасидовъ, или, какъ было указано, неохасидовъ, т. е. новохасидовъ. Я не знаю — новыхъ или старыхъ хасидовъ, но во всякомъ случаѣ Бейлиса хотѣли причислить къ хасидамъ и признать, что это изувѣрская секта. Вслѣдствіе этого — затребовали административное дѣло и читали записку изъ этого дѣла, а мы, защитники, такъ какъ не находили прямого отвѣта, что такое хасидизмъ, мы пригласили знатока этого дѣла, — конечно, еврея, потому, что русскихъ мало, которые знаютъ это дѣло, — и официальное лицо, которое, конечно, если бы сказало не вѣрно, должно было бы дать отвѣтъ передъ начальствомъ. И что же оказалось? Я не буду говорить объ интересной, красивой, поэтической характеристикѣ появленія этого ученія, которую далъ рѣдко талантливый ораторъ раввинъ Мазе, но вѣдь оказалось въ концѣ концовъ, что это ученіе

не имѣеть никакого отношенія къ употребленію христіанской крови. Что эта изувѣрская секта существуетъ, ровно ничѣмъ не доказано, настолько недоказано, что г. прокуроръ уже не обвиняеть Бейлиса въ принадлежности къ сектѣ, а представитель гражданского истада Шмаковъ прямо заявилъ, что у евреевъ сектъ нѣтъ. Такимъ образомъ это отпадаетъ. Здѣсь брошено было указаніе, что въ Австріи запретили ввозить книги. Совершенно вѣрно, былъ такой моментъ, но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло столько времени, хасидство такъ расширилось и распространилось, что, какъ мы знаемъ, въ Кіевѣ большинство синагогъ хасидскія. А вѣдь синагоги утверждаются и разрѣшаются правительствомъ, причемъ, когда правительство разрѣшаетъ этотъ вопросъ, то оно требуетъ, какъ значитъ въ нашемъ уставѣ духовно-инославныхъ исповѣданій, свѣдѣній о томъ, къ какому толку принадлежитъ синагога. Такимъ образомъ хасидская синагога можетъ существовать только съ разрѣшенія правительства, причемъ же тутъ изувѣрство?

Гораздо короче я остановлюсь на тѣхъ соображеніяхъ, которыя привелъ частный повѣренный Замысловскій. Г. Замысловскій вамъ изобразилъ, какъ у евреевъ появились будто бы изувѣрскія мнѣнія и ученіе объ употребленіи крови. Онъ сказалъ — вся суть еврейской религіи въ кровавыхъ жертвахъ, какъ показываетъ Ветхій Заветъ. На это я уже вамъ отвѣтилъ и повторяться не буду. Далѣе онъ сказалъ, что христіане-римляне, — это его точныя слова, — разрушили храмъ и разсѣяли евреевъ по многимъ народамъ и вотъ за это евреи питають злобу противъ христіанъ. Г. Замысловскій забылъ извѣстную намъ всѣмъ исторію. Вѣдь римляне, которые разрушили храмъ, не были христіанами, они приняли христіанство черезъ нѣсколько столѣтій послѣ этого, а это были язычники, тѣ язычники, представитель которыхъ, губернаторъ, приговорилъ Христа Спасителя къ смерти. Какое же это можетъ имѣть отношеніе къ ненависти евреевъ противъ христіанъ? Вѣдь въ то время римляне мучили христіанъ гораздо больше, чѣмъ евреевъ. Вѣдь христіанъ, они распинали, жгли, дѣлали изъ нихъ свѣтящіеся факелы, обмазывая смолой тѣла и зажигали: христіанъ они бросали въ циркъ, гдѣ ихъ, какъ святыхъ мучениковъ, пожирала дикія

животныя. Вотъ кто такіе были римляне! Слѣдовательно, если человѣкъ свои объясненія о происхожденіи извѣстнаго изувѣрства строитъ не на основаніяхъ исторіи, то съ мнѣніемъ такого человѣка нельзя считаться. Я могу вамъ подробно доказать, что у евреевъ нигдѣ не сказано, что душа выходитъ изъ шеи, а это нужно потому, что Андрюшѣ нанесли тяжелыя раны въ шею. „Лучшаго изъ гоевъ умертви“, ничего не доказываетъ, потому, что такія выраженія, какъ „умертви“, „убей“, соответствовали тому старому времени; тогда писали грубыми, яркими мазками, тогда не имѣли того литературнаго языка, на которомъ теперь пишутся сочиненія. Это ничего не доказываетъ, и даже въ Библии вы найдете подобныя слишкомъ сильныя, съ современной точки зрѣнія, выраженія. Напримѣръ, вы слышали, и это вы въ библейскихъ книгахъ найдете, что если у первосвященника было запачкано платье, то онъ подлежалъ смерти; вы слышали и такое выраженіе, что лучшая жена—вѣдма; слѣдовательно утверждать, что тутъ идетъ рѣчь объ убійствѣ гоевъ, невозможно. Затѣмъ тутъ приводится примѣръ, какъ фараонъ гнался за евреями,—я не буду напоминать въ подробностяхъ,—и у нѣкоторыхъ болѣе набожныхъ и благочестивыхъ евреевъ оказались лошади, потому что у остальныхъ Богъ истребилъ и на этихъ лошадяхъ фараонъ погнался за евреями. Изъ этого выводится, что когда вы на войнѣ, когда вы боретесь, то вы и лучшаго не пощадите. Но гг. присяжные засѣдатели, вспомните, какое это время было, это было время, когда самъ Господь Богъ посылалъ народъ на народъ. Развѣ можно судить о правилахъ, объ ученіяхъ древнихъ священныхъ книгъ, христіанскихъ или еврейскихъ—все равно, по всѣмъ тѣмъ историческимъ повѣствованіямъ, которыя тамъ встрѣчаются. Надо умѣть различать исторію и жизнь людей, которые были тогда, тысячи лѣтъ тому назадъ, когда люди были другіе, отъ тѣхъ высшихъ нравственныхъ началъ, которыя такъ блистаютъ въ этихъ священныхъ книгахъ. Кстати оговорюсь. Здѣсь защищали и доказывали, что въ еврейской религіи нѣтъ текста, изъ котораго можно было бы выводить столь тяжкое преступленіе, я опять таки отнюдь не защищая евреевъ и не желая вовсе сказать, что среди евреевъ нѣтъ и безнрав-

ственныхъ и преступныхъ, хочу замѣтить, что вѣдь религія есть тотъ идеаль, къ которому мы стремимся и который никогда вполне досягаемымъ не бываетъ, и поэтому, какъ бы вы ни относились къ народу, уважайте его религію!

Вотъ, господа присяжные засѣдатели, я закончу указаніемъ на то предубѣжденіе, которое, можетъ быть, у васъ усилено тѣмъ положеніемъ о религіи еврейской или объ отѣльныхъ мѣстахъ ихъ книгъ, которыя были вамъ высказаны и перехожу къ тому, о чемъ заявилъ въ самомъ началѣ судебнаго слѣдствія и что подтверждалъ неоднократно г. предсѣдатель: еврейскую религію здѣсь не судить. А если это такъ, то никакихъ доказательствъ къ обвиненію Бейлиса или къ установленію того, что убійство Ющинскаго было совершено какими бы то ни было другимъ евреемъ, никакихъ доказательствъ этому въ священныхъ книгахъ, въ книгахъ евреевъ, а тѣмъ паче въ святой Библии, вы не почерпнете. Затѣмъ я только въ двухъ словахъ укажу на одно обстоятельство, о которомъ вамъ говорили.

Обвиняютъ Бейлиса и приводятъ цѣлый рядъ свидѣтелей въ доказательство того, что другіе евреи засуетились, забѣгали, учили будто бы свидѣтелей, доставали будто бы деньги и т. д. и т. д. Пусть все это такъ! Что же изъ этого? Неужели то, что добровольно дѣйствоваль Брауль, что добровольно дѣйствоваль Марголинъ, неужели это можетъ отразиться на судьбѣ подсудимаго, который совершенно не зналъ о томъ, что происходитъ внѣ его дома, когда онъ былъ дома, или внѣ его тюрьмы когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ? Вамъ все время говорятъ о томъ, что евреи запутали, евреи добываютъ деньги, и т. д., но, господа, вы не забудьте одного не забудьте того, о чемъ вамъ говорилъ уже прокуроръ и другіе.

Они говорятъ, что на это дѣло будто бы обращено вниманіе всего міра. Даже здѣсь, въ залѣ суда, мы слышимъ отъ прокурора и повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ—предположеніе о томъ, что можетъ быть погромъ,—конечно, онъ можетъ быть, можетъ и не быть.. Но если теперь, когда правительство, очевидно, во всеоружіи, когда оно знаетъ, что можетъ быть и знаетъ, что надо сдѣлать, и если теперь надо бояться, что же было въ то время, когда

разнеслась вѣсть о томъ, что нашли заколотога мальчишка. Тѣмъ болѣе, если они были увѣрены, что евреи христіанской крови не употребляютъ, тѣмъ болѣе они должны были стремиться къ тому, чтобы не было на какого-либо еврея ложнаго обвиненія. Гг. присяжные засѣдатели, если здѣсь докажутъ, что Бейлисъ виновенъ, если приведутъ доказательство, тогда всякое пособничество Бейлису будетъ укрывательствомъ Бейлиса. Я скажу, что при всемъ моемъ почтеніи къ еврейскому народу, недостатка котораго я знаю, я скажу, если бы я допустилъ, что Бейлисъ убилъ Юпинскаго, и что евреи употребляютъ христіанскую кровь, я бы не только не защищалъ его, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, но я бы первый сказалъ, что евреи должны быть изгнаны изъ Россіи, что нельзя ихъ оставлять въ Россіи...

Предс. останавливаетъ оратора.

Зарудный. И вотъ гг. присяжные засѣдатели, когда вы подумаете о томъ, что происходитъ въ Кіевѣ, — изъ васъ нѣкоторые кіевскіе жители, и люди не молодые, — когда вы вспомните о томъ, что происходило 7-8 лѣтъ тому назадъ, когда вы подумаете о томъ естественномъ волненіи, которое не можетъ не испытывать еврей при возможности опаснаго этого страшнаго бѣдствія, называемаго погромомъ, которое, какъ правильно сказалъ г. прокуроръ, падаетъ главнымъ образомъ на несчастную еврейскую бѣдноту, если вы все это вспомните, то я спрашиваю, можно ли поставить въ упрекъ еврейству, что когда появилось это дѣло, когда появилось это ужасное обвиненіе, оно засуетилось? Я считаю вмѣстѣ съ говорившимъ ранѣе меня товарищемъ, что дѣйствительно дѣйствія тѣхъ русскихъ и евреевъ, которые принимали участіе, были въ высшей степени ошибочны, а главное, если можно такъ выразиться, безталантливости, это не были мастера сыска, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что крупныхъ суммъ, о которыхъ говорилось, евреями, собрано не было. Я считаю также, что не возможно считаться съ судебнымъ показаніемъ подд. Иванова, котораго отказывается сказать, откуда онъ знаетъ. Пусть онъ свидѣтель вполне добросовѣстный, пусть онъ не сомнѣвается, что его источники правильны, но мы то всегдѣ должны ихъ провѣрить, прежде чѣмъ сказать, не ошибается ли онъ. Онъ

можетъ вѣрить свидѣтелямъ, но мы, не провѣривъ, не можемъ; онъ можетъ ссылаться на письменные документы, которые не будутъ имѣть никакого значенія, или который можетъ потомъ оказаться фальшивымъ. Развѣ можно ссылаться на свидѣнія, негласнымъ путемъ собранныя жандармской властью? Когда представитель жандармской власти отказывается на судѣ указать возможный источникъ, — откуда онъ имѣетъ свидѣнія? Это господа доказано. А если вы вспомните Феофилактова, о которомъ говорилъ прокуроръ, — конечно, неправильно, потому, что это не можетъ быть доказано, — самъ Феофилактъ во всякомъ случаѣ говоритъ, что ему намекнули, — если онъ писалъ правильно, — что значить Каравевъ не получить пять тысячъ, кто-то ему намекнулъ. Я допускаю, что дѣйствительно, нѣкоторые изъ этихъ добровольныхъ агентовъ рассчитывали потомъ, послѣ ихъ работы получить отъ евреевъ вознагражденіе за свой трудъ. Но безусловно отрицая, что была собрана крупная сумма, я въ то же время охотно допускаю, что тотъ или другой еврей, могъ давать тому или другому лицу, которое шло на добровольный сыскъ, чтобы оно дѣйствовало правильно, чтобы правильно разъяснить это дѣло и отразить отъ евреевъ эту грозную опасность, которая имъ можетъ предстоять. Но что же изъ этого? Неужели, гг. присяжные, вы не поймете этого, неужели вы можете евреямъ поставить въ укоръ ихъ волненіе, ихъ заботы, ихъ старанія, которыя они при этомъ, быть можетъ чрезмерно, быть можетъ излишне, проявляли? Неужели для того, чтобы говорить то, что я говорю, нужно пережить то, что переживали мы, адвокаты, которымъ приходилось оказывать помощь людямъ, пострадавшимъ отъ погромовъ, которымъ приходилось...

Предс. Г. защитникъ, это свидѣтельское показаніе по другому дѣлу.

Зарудный. Я ссылаюсь на вашъ житейскій опытъ, ссылаюсь на то, что вы знаете, что вы видѣли и слышали изъ своей жизни въ Кіевѣ, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что вы не поставите евреямъ въ вину, — всѣ эти, — я повторяю можетъ быть излишнія, — заботы, хлопоты, и старанія, которыя они принимали для того, чтобы отградить себя и свой народъ отъ опасности.

Я кончаю, гг. присяжные засѣдатели, и въ заключеніе сдѣлаю то же, что сдѣлать

обвинитель, — я призываю вамъ въ помощь Бога — пусть онъ удержитъ вашу руку отъ припошенія невиннаго человѣка въ жертву суевѣрью, темнотѣ и предрассудкамъ.

Послѣ А. С. Заруднаго слово предоставляется Н. П. Карабчевскому.

Рѣчь Н. П. Карабчевскаго.

Пред. Возобновляю судебное слѣдствие.

К а р а б ч. Пора кончать, г.г. прис. засѣдатели, пора положить конецъ тѣмъ мучительнымъ переживаніямъ, которыя такъ дълго, такъ мучительно держали насъ въ своихъ когтяхъ въ теченіе этого долгаго мѣсяца. Пора подводить итоги! Пора очнуться, именно очнуться, я на этомъ настаиваю. Потому что несмотря на всю сложность настоящаго процесса, несмотря на всю нестроту и разнообразіе прошедшихъ передъ нами явленій, общій выводъ, общее впечатлѣніе изъ этого процесса можетъ быть сформулировано въ самыхъ простыхъ, ясныхъ и немногихъ словахъ—страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Милостивъ Богъ, и я вѣрю, что въ трудную минуту, когда вы въ послѣдній разъ удалитесь въ вашу совѣщательную комнату для того, чтобы поставить приговоръ о Бейлиси, — онъ васъ не оставитъ. Я говорю—въ трудную минуту не потому, чтобы я сколько-нибудь сомнѣвался въ его невинности, я думаю, что эта невинность для неослѣпленнаго страстью разума представляется даже исполнѣ очевидной, но та атмосфера, тѣ условія, въ которыхъ возникъ и продолжался этотъ процессъ менѣе всего благоприятствуютъ тому, чтобы спокойно, разумно и безъ увлеченія въ ту или другую сторону разрѣшить вопросъ, интересующій насъ съ тѣхъ поръ, господъ присяжные засѣдатели, какъ изъ правъ отдѣльныхъ личностей на кровавую мечь выдвинулось правосудіе, съ тѣхъ поръ, какъ мстительное чувство не стало достояніемъ потерпѣвшаго лица, его родственниковъ или его наслѣдниковъ, съ тѣхъ поръ, какъ государство властно и безраздѣльно взяло на себя—творить правосудіе, оно исключаетъ совершенно то мстительное чувство, призывъ къ тому мстительному чувству, которое прежде руководило такъ называемой кровавой ме-

стью. И вотъ почему, когда я вслушивался въ рѣчь г. прокурора, мнѣ становилось поистинѣ и жутко, и страшно! Уликъ было мало, доводовъ и доказательствъ по обвиненію Бейлиса немного, а между тѣмъ, сколько было выкриковъ, сколько было воплей, на тему одну—отмстите, отмстите убійцѣ Андрюши Ющинскаго! Господа присяжные засѣдатели, въ недобрую минуту возникъ, очевидно, этотъ процессъ, если онъ могъ собрать вокругъ себя столько страстнаго, столько возбуждающаго, столько вражды вокругъ себя. Правосудіе есть зеркало души народа, и когда душа эта ясна и свѣтла, то и отраженные въ ней образы являются ярко очерченными законченными контурами, никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній быть не можетъ, но когда смутная душа, заволоченная извѣстнымъ общественнымъ движеніемъ, общественными явленіями переживанія трудныхъ историческихъ моментовъ, тогда зеркало ея, правосудіе, отражаетъ въ себѣ чудовищные и фантастическіе образы, которые, однако, необходимо стереть для того, чтобы добиться истины и добиться правды. Господа, присяжные засѣдатели, думаю, что въ рѣчи г. прокурора были положенія, которыя и для меня юриста и для всякаго судебного дѣятеля едва ли отвѣчаютъ строгимъ нормамъ истины и справедливости. И вотъ почему. Г. прокуроръ говорилъ вамъ о мучительности убійства, говорилъ вамъ о жестокости этого убійства и конечно, кому же изъ насъ придетъ въ голову оснаживать то, что несчастный юноша, погибшій такъ жестоко заслуживаетъ нашего полнаго и безмѣрнаго состраданія. Но рядомъ съ этимъ прокуроръ умолчалъ передъ вами о томъ, что каждый день, на каждомъ шагѣ совершаются болѣе жестокія и болѣе страшныя убійства по мотивамъ ужаснаго свойства, непонятнымъ, тѣмъ мотивамъ съ такими же условіями, которые поставили въ туникъ здѣсь слѣдственную и прокурорскую власть. Прокуроръ цитировалъ здѣсь нѣкоторые процессы иностранные, онъ говорилъ о Г...., приговоренномъ къ смертной казни, а я вамъ скажу о процессѣ, который вамъ извѣстенъ, объ убійствѣ несчастнаго мальчика въ Варшавѣ, гдѣ обвиняемымъ былъ графъ Роникеръ. Мальчикъ былъ весь не истыканъ, а избѣденъ раненіями. Тамъ

мотивъ ясенъ (предсѣдатель прерыва-
еть). Я могъ бы назвать вамъ другое
убійство, гдѣ два джентельмена, воору-
жившись портативными орудіями, избилъ
женщину, чтобы похитить у ней нѣсколь-
ко сотъ рублей. Такимъ образомъ, не по
внѣшнимъ проявленіямъ и не по тому,
сколько ранъ на человѣкѣ, какого рода
слѣды остались, можно разгадывать слѣды
преступленія, его мотивы. Г. прокуроръ
ничего не говорилъ о томъ народившемся
страшномъ общественномъ явленіи, на
которое обратили вниманіе не только ад-
министрація, но и законодательство, я
говорю о хулиганствѣ. Развѣ не на каж-
домъ шагу мы присутствуемъ при са-
мыхъ отвратительныхъ преступленіяхъ, ко-
торыя сплошь и рядомъ кончаются смер-
тью. Это зло настолько велико, что въ
настоящее время законодательствомъ при-
нимаются всѣ мѣры, чтобы изслѣдовать
это ужасное явленіе, чтобы принять всѣ
рѣшительно мѣры, чтобы прекратить его.
Неужели же вы думаете, г. присяжные
засѣдатели, что если предполагать, что
если бы была твердая увѣренность въ
томъ, что въ еврейской средѣ совершаются
ритуальныя убійства, что это есть явленіе
периодическое, то наше правительство не
удосужилось бы выдѣлить въ особую ста-
тистику такого рода убійства. Г. проку-
роръ со словъ одного эксперта якобы
по психіатріи сказалъ: да, существуютъ
такія преступленія, возмутительная ихъ
ритуальность. Онъ перечислилъ ихъ
признаки. Я скажу: хорошо, г. прокуроръ,
что вы повѣрили этому эксперту, потому
что другихъ данныхъ у васъ нѣтъ и быть
не можетъ. Вѣдь въ наше время гласно-
сти, когда каждое происшествіе публику-
ется во всеобщее свѣдѣніе, когда под-
хватывается малѣйшій случай, — неужели
же этотъ случай объ обезкровленныхъ уби-
тыхъ не обнаруженъ и побужденія, по ко-
торымъ это убійство совершено не были
бы зарегистрированы. Когда у насъ проку-
роръ и гражданскіе истцы ссылались на
прежніе процессы, они должны были ухо-
дить въ даль время, на 60 лѣтъ назадъ,
ссылаться на саратовскій процессъ, на
велижскій процессъ (который кончился оп-
равданіемъ)—вотъ два факта, при чемъ
относительно саратовскаго процесса тотъ-
же патеръ Пранайтисъ сказалъ: „это
было основано на показаніяхъ пьяницы“.

Я васъ спрашиваю, г. присяжные засѣ-
датели, гдѣ же та ежедневность, та періо-
дичность такого рода явленій. противъ
которыхъ мы должны были бы бороться?
Такимъ образомъ, въ этомъ одномъ дѣлѣ
вы должны уже усмотрѣть, что нѣтъ этого
процесса вовсе, не потому, что не былъ
зарегистрированъ рядъ такихъ опасныхъ, не-
понятныхъ убійствъ а потому, что къ
этому должно было привести по данному
времени, по условіямъ, по настроеніямъ
слѣдственную власть.

Г. присяжные засѣдатели, вы не ду-
майте, что дѣло правосудія есть дѣло лег-
кое; нѣтъ, это дѣло очень трудное. Зато во
всѣ времена его сближали съ дѣломъ свя-
щеннымъ, съ дѣломъ Божескимъ и были
времена (я объ этомъ скажу нѣсколько
словъ, потому что здѣсь передъ вами ссы-
лались на прежніе процессы и приговоры,
и поэтому я обязанъ сказать вамъ нѣсколь-
ко словъ), были отдаленные періоды, ко-
гда люди считали, что они безсильны раз-
рѣшать такого рода спорныя и темныя дѣ-
ла, которыя не представляютъ явныхъ
доказательствъ, они устраивали судъ Божес-
кій, въ которомъ Господу Богу путемъ
испытанія преступника, предоставлялось
рѣшить этотъ вопросъ. Но скоро человѣче-
ство пришло къ заключенію, что Богъ не
подлежитъ испытанію, что Онъ далъ лю-
дямъ разумъ, совѣсть, что они сами долж-
ны себя испытывать и тогда они поняли,
что они кощунствовали, что они дѣлали
безбожное дѣло, предоставляя Господу Бо-
гу разрѣшать о томъ, кто виновенъ въ та-
комъ-то преступленіи, или нѣтъ. И тогда
принялись творить свое дѣло своимъ су-
домъ! Тутъ въ виду мучительной жажды
правды, которая преслѣдуетъ каждого
судью, въ виду необходимости успокоить
свою совѣсть, подъ влияніемъ католическаго
духовенства, подъ влияніемъ того духовен-
ства которое, въ отличіе отъ нашего, не яв-
лялось только пастыремъ, но овладѣвало
всѣми вѣрованіями и помыслами человѣка
и явились, такъ называемые, инквизиціон-
ные процессы съ пытками, съ мучитель-
ствами, съ вымогательствомъ сознанія во
что бы то ни стало. Тутъ не время и не мѣ-
сто, но если бы я развернулъ передъ вами
тотъ кровавый свитокъ, на которомъ запи-
саны всѣ такого рода дѣла, всѣ акты пра-
восудія, то вы ужаснулись бы не менѣе,
чѣмъ ужасались, когда развертывалась пе-

редь вами окровавленная сорочка несчастнаго мальчика. Но, наконецъ, разумъ и совѣсть взяли верхъ! Я замѣчу слѣдующее: ссылаются на процессы прошлыхъ временъ, на такого рода приговоры, гдѣ съ ними попутно шли приговоры о вѣдмахъ и еретикахъ, гдѣ ихъ сжигали на кострахъ, а благочестивые патеры въ то время стояли около и читали отходную молитву и находили, что это лучший способъ. Не забудьте, что относительно еврейскихъ дѣлъ было еще маленькое осложненіе. Всегда являлась послѣдствіемъ такого рода процессовъ компенсація или справедливая экспроприація, отнимали имущества у цѣлой общины еврейской. Вотъ при сопоставленіи той темноты, которая существовала въ то время, вы поймете какъ эти процессы усложнились пыткой съ одной стороны и жаждой обогащенія съ другой стороны, вы поймете,—на какой почвѣ состоялись тѣ процессы! И разъ вы поймете, то вы ихъ выкинете изъ вашей памяти! А предположеніе о томъ, существуетъ ли у евреевъ ритуальное убійство? Жажда правды никогда не оставляла ни общества, ни государства и они придумывали все возможное, какъ бы ея добиться. И вотъ долгое время, въ теченіи доброй половины 18 и 19 вѣка, мало по малу, оставлялась пытка, не вѣрили себѣ люди и пришли къ другому способу, остановились на такъ называемомъ формальномъ процессѣ, на теоріи формальныхъ уликъ, формальныхъ доказательствъ, взяли судей, это были коронные судьи, они должны были дѣлать математическій подсчетъ, немножко въ родѣ того подсчета, который сдѣлалъ гражданскій истецъ, первый изъ говорившихъ. Выходило дважды—два—четыре, выходило, что если два свидѣтеля (какое бы впечатлѣніе они ни производили), то этого было достаточно, если же были разногласія, то оставляли въ подозрѣніи. Однимъ словомъ, взвѣшивалось математически число уликъ и постановлялся приговоръ. Такимъ образомъ, были постановлены приговоры до 1864 г., до момента, когда, наконецъ, въ сферѣ правосудія не появился свѣтлый образъ Царя-Освободителя, который сказалъ: нѣтъ все это куда не годится, истина должна быть даваема не иными путями, здѣсь путь, по которому должны идти судьи. И былъ установленъ институтъ присяжныхъ засѣдателей. Казалось бы, присяжные засѣдатели, такъ какъ вы не даете отчета никому, кро-

мѣ Господу Богу, такъ какъ вы вольные казаки, что хотите, то и дѣлайте: посадили подсудимаго на скамью подсудимыхъ, не понравилась фізіономія—катайте въ каторгу, понравилась — освобожень. Нѣтъ, господа, не такъ, существуетъ кодексъ, уставъ уголовного судопроизводства. Что такое въ сущности этотъ уставъ? Это руководитель, это руководство, это вѣха, поставленная по дорогѣ для того, чтобы показывать, какъ долженъ идти судья, чтобы не сбиться съ правильнаго пути, чтобы не смела его метель, минувя эту вѣху, онъ собьется съ дороги, пойдетъ не туда, куда нужно. Въ этомъ отношеніи вашъ судъ поставленъ въ условія исключительныя, васъ несчастныхъ заперли здѣсь въ теченіи цѣлаго мѣсяца и ограждаютъ отъ посторонняго вліянія, бояться, чтобы вы не читали газетъ. Для чего же это? Значить есть устой, есть условія, которыя не должны васъ касаться, не должно быть ни грязи, ни пыли на томъ стеклянномъ колпакѣ, подъ которымъ вы должны творить ваше правосудіе, и вотъ законодательство разсуждаетъ такимъ образомъ. Я даю всѣ гарантіи, всѣ дѣла, разрѣшаемые присяжными засѣдателями, могутъ начинаться не иначе, какъ съ предварительнаго слѣдствія, оно должно ихъ собирать и должно ихъ установить. Затѣмъ является обвиненіе. Я бы сравнилъ обвиненіе, которое предъявляется противъ извѣстнаго лица съ хорошо оснащеннымъ кораблемъ. Проверено все: и руль и компасъ и поклада, все рассчитано именно на то, чтобы достигнуть правильнаго того пути, до котораго долженъ дойти этотъ корабль, этотъ корабль идетъ къ цѣли и не сбивается въ сторону, потому, что уставъ угол. суд. разставилъ вѣхи, разставилъ въ ночное время фонари, чтобы сказать: нѣтъ, влѣво ты не можешь сворачивать, иди прямо, иди къ цѣли. Что же мы видимъ въ настоящемъ дѣлѣ? Были моменты, когда мы чувствовали себя какъ-бы въ положеніи корабля безъ руля и безъ вѣтриль, цущеннаго по волѣ вѣтра, который шаталъ насъ то въ одну сторону, то въ другую.

Мы читали обвинительный актъ, который приходитъ къ выводу о виновности Бейлиса. На судебномъ слѣдствіи пошли мы осматривать заводъ. Пошли, осмотрѣли, — и вдругъ оказывается, что конюшня сгорѣла. Гг. но вѣдь это не обследо-

важное обстоятельство, вѣдь, если вы считаете, что въ конюшнѣ или около нея было совершенно преступленіе, что слѣды скрыты (потому, что въ октябрѣ мѣсяцѣ былъ пожаръ!), то, вѣдь, это такое капитальное обстоятельство, которое бросать, какъ какой-то комъ на пути къ справедливому приговору — нельзя. Надо остановиться, господа. Если вы не можете идти дальше, надо обследовать такое важное, новое доказательство, если оно есть. Вы не можете оставлять этого въ видѣ какого-то предположенія или схемы. Тутъ налицо было даже судебное опредѣленіе, не говоря уже о юридическомъ несоотвѣтствіи, о несообразности предположенія, что люди оставили до октября мѣсяца слѣды преступленія, совершеннаго въ мартѣ, не позаботившись скрыть ихъ. Вѣдь было для этого достаточно времени. Но, господа, тутъ просто сбиваютъ съ пути, обходятъ вѣхи, поставленная уставомъ уголъ судъ. Вѣдь у насъ есть опредѣленіе суда о томъ, что было разслѣдованіе

Пред. Не опредѣленіе суда, а прекращеніе прокуроромъ въ порядкѣ 153 ст.

Карабч. Прокуроръ прекратилъ и, такимъ образомъ, такая улика не подлежала никакому обсужденію. Мы присутствовали здѣсь при еще болѣе чудовищномъ положеніи, когда намъ приходилось считаться съ подозрѣніемъ, брошеннымъ относительно Красовскаго о томъ, что онъ отравилъ дѣтей Чеберякъ. Обронилъ, кажется, Мишукъ слово о томъ, что давали пирожныя, конфеты и еще что-то... Конечно. И вотъ, пошли мы писать по этому предмету цѣлыя разсужденія: пирожное, дизентерія, больница и т. д., и такъ безъ конца. Вѣдь это ужасъ. Какъ же вы, прокуроръ, обвиняли человѣка, который, во всякомъ случаѣ, не привлеченъ, не обвиненъ? Вѣдь, если это была улика, если это надо принять во вниманіе, то г. прокуроръ долженъ былъ это изслѣдовать, и сказать вамъ: да, Красовскій отравилъ, — это установлено слѣдствіемъ. Или сказать: нѣтъ, онъ не отравилъ, это не доказано, это пустяки. Но какъ же можно затемнять обстоятельства настоящаго дѣла только для того, чтобы положить лишнюю гирику на вѣсы правосудія, чтобы перетянуть ихъ въ ту или другую сторону.

Есть еще болѣе знаменательное явленіе, оно касается самаго центра обвиненія.

Тутъ обвиняютъ въ ритуальномъ убійствѣ и, значить, надо было найти какихъ-нибудь раввиновъ, ученыхъ и т. д. Явился вопросъ объ Этингерѣ и Ландау. Прокуроръ выписалъ ихъ, мы видѣли ихъ. Вотъ ужъ подлинно: „что имъ Гекуба, и что они Гекубъ?“ Что имъ до вѣрованія еврейскаго, до Талмуда, до Зогара? Эти современные образованные молодые люди совсѣмъ объ этомъ не думаютъ, но вѣдь все это слѣдовало установить на предварительномъ слѣдствіи, установить, кто такой этотъ Ландау, кто такой этотъ Этингеръ, но г. прокуроръ не хочетъ упускать этого аргумента, который можетъ очень сильно повліять на вѣсы правосудія. Этингеръ — конечно, не похожъ, но, вѣдь, есть его отецъ? Когда намъ доказываютъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ, то и тутъ онъ не успокаивается — есть еще какой-то Этингеръ. Наконецъ, судъ пришелъ на помощь правосудію и сказалъ: довольно намъ Этингеровъ, не можемъ же мы здѣсь исполнять роль розыскную, пересчитывать всѣхъ Этингеровъ. Ихъ, можетъ быть, сотни, тысячи. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи дѣлалось много такого, что совершенно затемняло вопросъ, отдаляло насъ отъ него.

Здѣсь захотѣли поставить задачу, по моему, неосуществимую для судебного процесса, захотѣли поставить вопросъ о ритуальныхъ убійствахъ. Г. прокуроръ въ этомъ отношеніи ссылался на три фактора: Какъ вы говорите, что у насъ нѣтъ доказательствъ, уликъ? Говорите, что мы могли не поставить этого процесса? Вы забыли то, что говорилъ экспертъ Сикорскій. Онъ говорилъ о ритуалѣ, объ обезкровленіи, объ ежедневности, однообразіи такихъ убійствъ. А вы забыли патера Пранайтиса, котораго мы выписали изъ Туркестана? Развѣ онъ не говорилъ, что это подходитъ подъ типъ такого рода убійствъ, установленныхъ его воображеніемъ, или знаніемъ. Наконецъ, г. прокуроръ дошелъ еще до одного момента: онъ упоминалъ о нарочной молвѣ — то, что я просилъ занести въ протоколъ. Вѣрите мнѣ. гг. присяжные засѣдатели, что теперь молва стала умнѣе, потому, что теперь народъ поумнѣлъ. Народъ самъ уже не вѣритъ въ возможность ритуальныхъ убійствъ. Но есть еще люди, фанатики, люди агавистическіе, которые живутъ историческими воспоминаніями,

которые не умѣютъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Вспомните свидѣтеля — юношу Голубева. Я вѣрю въ полную его искренность. Онъ говоритъ: по географіи я знаю, что есть хасиды, а также по книгѣ Люто-станскаго... Это привело его къ убійденію. что есть ритуальныя убійства. Я вѣрю, что когда Голубевъ подрастетъ, когда онъ дойдетъ до конца своего образованія, то онъ переживетъ непріятныя минуты, вспоминая объ этомъ. Затѣмъ, есть еще помѣщикъ Акадатовъ — онъ, положимъ, еще не помѣщикъ, а лишь собирается куштить имѣніе, — и бывший содержатель кассы ссудъ г. Розмитальскій — могутъ ли они прибавить къ этому дѣлу какой-нибудь плюсъ, или минусъ?

Г. прокуроръ говоритъ, однако: нѣтъ, позвольте, — молва, Сикорскій, Пранайтисъ — вѣдь мы, благодаря имъ только могли поставить этотъ процессъ, чтобы наконецъ разрѣшить этотъ міровой, мучающій такъ долго человѣчество вопросъ. Для моего уха судебного дѣателя прежнихъ временъ, какъ-то страшно звучать слова: „поставить процессъ“, вѣдь это не сложная феерія, не театральное представленіе. Еще менѣе меня удовлетворяютъ наши претензіи на разрѣшеніе мирового вопроса въ душной залѣ уголовного суда — это совсѣмъ не укладывается въ моемъ представленіи. Гдѣ намъ до рѣшенія мировыхъ вопросовъ? Дай Богъ, чтобы неліцепѣрно рѣшить вопросъ о томъ, виновенъ или не виновенъ человѣкъ. Что намъ сейчасъ до мирового вопроса. Повѣрьте мнѣ, гг. присяжные засѣдатели, что въ ту минуту, когда вы будете совѣщаться въ вашей комнатѣ о судьбѣ Бейлиса, то вопросъ о судьбѣ его долженъ быть для васъ важнѣе, чѣмъ всѣ міровые вопросы.

Г.г. присяжные засѣдатели, здѣсь, со стороны г. представителя обвинительной власти было указаніе на то, что вотъ взбунтовались сыщики, что какая то стачка сыщиковъ обнаружилась. Не хотятъ, да и только обнаружить виновность Бейлиса. Дѣйствительно, явленіе болѣе чѣмъ странное, взволновавшее всѣ умы. Принялись созывать сыщиковъ отовсюду, изъ Петербурга выписывали лучшихъ. Хотя здѣсь очень предосудительно относилась къ сысному дѣлу, но я долженъ сказать...

Предсѣд. Опять вы въ качествѣ свидѣтеля говорите...

Карабч. У насъ теперь дѣло сысское поставлено очень недурно. Припомните этотъ сложный процессъ, въ которомъ фигурировало имя Кунцевича. Мишукъ самъ (онъ былъ приговоренъ, это дѣло другое, мы преклоняемся передъ этимъ приговоромъ) осмѣлился громко говорить: какое это ритуальное убійство, забросьте вы это. Но г. прокуроръ твердитъ одно: еврейскія деньги.

Я васъ спрашиваю, могъ ли сыщикъ сдѣлать ту математическую выкладку — $2 \times 2 = 4$, — которую сдѣлалъ здѣсь г. гражданскій истецъ: живой къ заводу, трупъ отъ завода. Могли ли люди не заинтересованные, не возбужденны, не загнипозитированные прийти къ такому заключенію. Первое изъ этихъ моментовъ въ заключается въ слѣдующемъ: находятъ трупъ въ положеніи, которое нужно было устроить все таки болѣе или менѣе заботливо. Были разбросаны бумажки, которыя какъ-бы говорили: „стой, прохожій, остановись“. Когда остановился прохожій и зашелъ туда, онъ сразу увидѣлъ, что мальчикъ замученъ. Какъ же онъ можетъ быть замученъ, такой бездомный человѣкъ? Но, гг. присяжные засѣдатели забываютъ, что съ той заботливостью, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ трогательнымъ порядкомъ, которымъ сопровождалось его помѣщеніе въ пещерѣ, совершенно не мирится представленіе о жизни евреевъ. Намъ извѣстно, что они труповъ боятся, они считаютъ ихъ не чистыми, свсихъ собственныхъ покойниковъ они бѣгомъ ночью хоронятъ и бросаютъ какъ можно скорѣе. Г. прокуроръ записываетъ теперь, онъ скажетъ: „можетъ быть они наймутъ христіанъ на еврейскія деньги“. Г.г., да есть же предѣлъ оцѣнки еврейскихъ денегъ. Иди вы думаете, что все, что прошло передъ вами, наполнило свои карманы деньгами, вы думаете, что профессоръ Ковцовъ и другіе люди, имена которыхъ свѣтятся, какъ жемчужины и чисты какъ кристалль — что же все это подкуплено еврейскими деньгами? Да найдите мнѣ много такихъ православныхъ людей, которые, увидѣвъ замученнаго юношу хоронили бы за плату. Никакой платы за это они не возьмутъ. И только эти пять-шесть человѣкъ могли хоронить, а они такъ хоронить не могли.

Единственное подтверждение, которое мы слышали в процессѣ о саратовскомъ дѣлѣ заключалось въ томъ, что тамъ трупы были брошены. Не было рѣчи о подобнаго рода выставленіи замученнаго. А я говорю, что это было выставленіе. Наоборотъ г. Шамаковъ говорить, что они относятся къ христіанамъ, тѣмъ болѣе убитымъ, какъ къ падали, нечисти. У нихъ не могло быть желанія похоронить трупъ, чтобы не возиться съ нимъ. Но они его спустятъ куда-нибудь въ яму, въ колодезь, въ канаву, такъ это было якобы въ Саратовѣ — бросили въ полѣ. А здѣсь этого нѣтъ. Здѣсь иная картина. Здѣсь разложены тетради Ющинскаго, написано его имя на поясѣ. Какъ будто хотѣли громко сказать: „Приходите смотрѣть, объявился новый мученикъ“. Вотъ какое впечатлѣніе это производитъ. Для еврея это не мыслимо, это невозможно.

Второе самое боевое положеніе, — за недостаткомъ другого обвиненіе очень хватается за это, — это тринадцать раненій, которыя здѣсь были. А, говорятъ: знаемъ мы что это такое. Это символъ. Есть слово Божественное, слово „Эхадъ“, съ которымъ умираетъ правовѣрный еврей, безъ него онъ не умретъ, онъ не попадетъ въ рай, если не произнесетъ это священное слово „Эхадъ“. Синонимомъ его, прообразомъ его является цифра тринадцать. Такъ вотъ они запечатлѣли это Божественное священное слово, принадлежавшее только еврею, дающее ему примиреніе со смертью, съ разставаніемъ съ этимъ міромъ. Они на комъ же его изобразили? На мученикѣ, на христіанинѣ, на трупѣ, котораго они выбрасываютъ какъ негодную тряпку. Это съ чѣмъ нибудь сообразно или нѣтъ?

Затѣмъ, г.г. присяжные засѣдатели, идетъ третій моментъ, который могли и должны были имѣть въ виду г.г. сыщики, когда они шарахались, когда они не находили возможнымъ идти по этому пути, потому что знали, что къ этому пути не приведетъ никакой розыскъ. Мнѣ живо представляется фигура моего почтеннаго противника г. Шамакова, когда мы были на осмотрѣ пещеры. Когда мы отходили отъ пещеры, когда онъ сказалъ: „Вотъ господа отъ пещеры къ печкѣ — прямая линія“ и даже указавъ на то, что какой-то лоскутокъ, какая то тесем-

ка имѣется по пути. Да, конечно, кратчайшее растояніе между двумя точками есть прямая линія. Но уже Мишукъ, даже этотъ сравнительно не умный сыщикъ по этому поводу сказалъ: „Нѣтъ, господа, преступники стараются какъ можно дальше отъ себя отбросить слѣды преступленія. Это было бы слишкомъ хорошо, напрасно г. Шамаковъ такъ торжествовалъ. Именно эта прямолинейность, мысль, что именно бросили по прямой линіи — это и есть доказательство, что подложили, подсунули, подбросили, потому что ничего не стоило г.г. евреямъ, если они совершили преступленіе, куда-нибудь въ ровъ скатить. А тутъ имъ предъявляется слишкомъ прямолинейное обвиненіе. А это уже невольно наводитъ на очень странное размышленіе.

Затѣмъ, г.г. присяжные засѣдатели, здѣсь моими товарищами по защитѣ, особенно Грузенбергомъ было оставлено ваше серьезное вниманіе на одномъ моментѣ. Вѣдь все что удостовѣрено и что мы безспорно знаемъ о несчастномъ Ющинскомъ относительно 12 марта, мы знаемъ только то, что онъ былъ съ Женей Чеберякъ, онъ былъ на квартирѣ Чеберякъ и затѣмъ, что только тамъ онъ могъ оставить пальто. Мы готовы вопить и кричать. Я понимаю, что сыщики могли на этомъ остановиться. Позвольте вы спрашиваете насъ, гдѣ кровь, почему обезкровленъ трупъ, почему на немъ не найдено крови? Надѣюсь, что вы поняли то, что сказала медицинская экспертиза. Обезкровленіе трупа это не значитъ, что изъ него искусственно выточили кровь. Это въ рѣчахъ г.г. обвинителей имѣется тенденція такъ все истолковывать. Въ самомъ дѣлѣ, не было ничего подобнаго. Израненный, такъ какъ былъ раненъ Ющинскій, онъ все равно истекъ бы кровью, и эти пять или четыре стакана они бы вылились. Но я васъ спрашиваю: „куда они вылились?“. Невольно возникаютъ у меня такія соображенія. Это толстое урсовое пальто, о которомъ говорили, если оно было подстилкой при томъ убійствѣ, если на него стекла та кровь, то отвѣтите, гдѣ это пальто? Если онъ дѣйствительно былъ обезкровленъ, то пальто, конечно, очень берегли, пока не удалось его сжечь и уничтожить. Во всякомъ случаѣ для всякаго незаинтересованнаго, не загнипотизированнаго человѣка,

отойти от этого пальто невозможно. Правда там были панталоны, были еще ботинки несчастнаго Ющинскаго съ резиновымъ приспособленіемъ, они, конечно, едва ли могли быть обезкровлены,—но пальто, я не знаю, куда оно дѣлось. Г. прокуроръ въ очень мягкой формѣ обращался къ г. Чеберяковой: „Г. Чеберякова, вы не бойтесь, не стѣсняйтесь, скажите намъ, пожалуйста, куда дѣвалось это пальто, вамъ нечего болѣть?“ Нѣтъ, г.г., она шарахнулась отъ этого пальто. Она не скажетъ вамъ гдѣ это пальто на вашъ вопросъ. Потому что на вашъ вопросъ, гдѣ кровь, я отвѣчу вамъ: кровь тамъ, гдѣ и пальто.

Затѣмъ рядомъ съ этимъ сыщикъ не могли не обратить вниманія еще на одинъ моментъ, что 22-го или около этого времени, или позднѣе, но во время похоронъ Андрюши Ющинскаго, уже раздался кличъ: „бей жидовъ“. Правда не по народной молвѣ. Киевъ былъ спокоенъ, Лукьяновка, наиболѣе близкая къ этому происшествію, вся чуяла, вся знала, что жида здѣсь не при чемъ. Но вотъ мы знаемъ, что какой-то господинъ Пашенко,—правда буянь, не воръ, но братецъ у него воръ—уже разбрасывалъ прокламаціи съ призывомъ „бей жидовъ“. Этого не могли не учесть сыщики. Они мѣръ воровской, мѣръ тотъ, который для насъ недостаточенъ, къ которому мы относимся брезгливо, они, къ сожалѣнію, знаютъ лучше насъ. И это обстоятельство, по крайней мѣрѣ, въ посмертныхъ дѣйствіяхъ, въ томъ, что я вамъ сказалъ, не могло не навести на мысль сказать: „Нѣтъ, повольте, тутъ пахнетъ не жидомъ“.

Я сказалъ слово „пахнетъ“. Дѣйствительно на немъ слѣдуетъ остановиться, потому что несомнѣнный фактъ, который былъ констатированъ: это тотъ фактъ, что уже мертвымъ онъ былъ перенесенъ, что онъ убитъ не тамъ, гдѣ найденъ. Я спрашиваю, почему? Я васъ спрашиваю (здѣсь уже мой товарищъ Шмаковъ шутливо упоминалъ о томъ, что существуютъ собаки ищейки, и дѣйствительно, кто видѣлъ, какъ примѣняли ихъ на дѣлѣ, а онъ примѣнялись уже по многимъ уголовнымъ дѣламъ, тѣмъ представлялась чудодѣйственной ихъ дѣятельность), --- я васъ спрашиваю: Но почему въ данномъ случаѣ, чтобы знать откуда перенесенъ трупъ, не пустить собаку обнюхать жертву и предметы, которые на немъ были, --- а тамъ былъ такой

предметъ, мѣсто происхожденія котораго могло быть опредѣленно по одному общему признаку, по тѣмъ слѣдамъ, которые оказались въ квартирѣ г. Чеберяковой, гдѣ этотъ признакъ былъ. Я говорю объ орошеніи по стѣнамъ. Почему не пустили такую ищейку? А вдругъ бы скандалъ. Мировой то назрѣвающій вопросъ разрѣшило бы простое четвероногое. Но этого не случилось. Такимъ образомъ я прихожу къ заключенію г.г., что не жида виновны, что сыщики разбѣжались отъ этого дѣла и что къ несчастію имъ дана была директива, дана была прямая линія. И они понимали, что по этой прямой линіи дальше никуда не прійдешь, прійдешь только въ заколдованный кругъ, изъ котораго не выйдешь.

Объявляется небольшой перерывъ, послѣ котораго Н. П. Карабчевскій продолжаетъ свою рѣчь.

Само собою разумѣется, г.г. прис. засѣд., что если бы было обнаружено, откуда доставленъ трупъ, то не было бы и настоящаго дѣла, не было бы того мучительнаго исканія, которое затѣмъ нарастало на протяжении двухъ лѣтъ. Виновные были бы найдены и обнаружены, или во всякомъ случаѣ прикосновенные къ дѣлу ушли бы отъ него, но по волѣ судьбы этого не случилось, и осталось дѣло загадочное, окутанное извѣстнымъ туманомъ. Это обнаружилось уже на судебномъ слѣдствіи и первый изъ гражданскихъ истцовъ, который произнесъ прекрасную рѣчь, освѣтивъ дѣло въ мельчайшихъ деталяхъ, понимая трудность этого положенія. Противъ Бейлиса, собственно говоря, никакихъ уликъ нѣтъ. Здѣсь все строится только на предположеніяхъ. И вотъ, всю силу своего дарованія и своего аналитическаго ума г. повѣренный гражд. истца посвятилъ особаго рода очень большому искусству, сведенію всего дѣла къ нѣкоторымъ математическимъ положеніямъ, причемъ онъ больше всего оперировалъ съ отрицательными величинами. И когда ему удавалось эти отрицательныя величины сопоставить, тогда онъ говорилъ, что это безспорно доказано. Ну, а далѣе что выходило? А далѣе все таки не выходило, что дважды два четыре, какъ это слѣдовало бы. Но и помимо этого, я долженъ сказать, что такіе приемы по отношенію къ настоящему дѣлу, полному жизненныхъ, психологическихъ и бытовыхъ подробностей, совершенно не-

примѣнимы. Это только кажущіеся правильные приемы. Жизнь не механизмъ, который можно разложить на зубчатые колеса, цѣпляющіеся другъ за друга, жизнь не математическая величина, а менѣе всего аксіома.

Г. представитель гражданскаго иска исходилъ, въ данномъ случаѣ, изъ взгляда, что это маленькая легкая ариметическая задачка, что приводитъ его къ несомнѣннымъ заключеніямъ. Точность его выводовъ доходила до того, что онъ съ пунктуальностью математической стрѣлки установилъ въ какую минуту было совершенно убійство несчастливаго Ющинскаго, хотя по отзывамъ врачей, несомнѣнно, установить время убійства въ минутахъ нельзя. Я говорю, что когда вы подходите къ такому жизненному дѣлу, то недостаточно идти тѣмъ путемъ, которымъ шель пов. гражд. испра, т. е. путемъ отрицательной системы формальныхъ доказательствъ.

Берутся свидѣтели неблагоприятные и про нихъ говорится, что на предварительномъ слѣдствіи они показывали иначе. Но вспомните, гг. присяжные засѣдатели, что исканія по этому дѣлу продолжались въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и даже болѣе года, что смѣнилось два слѣдователя, двѣ системы. Здѣсь говорилось о судебномъ слѣдователѣ Фененко и о судебномъ слѣдователѣ Машкевичѣ. Говорили, что одинъ апатиченъ, не умѣетъ допрашивать дѣтей, другой умѣетъ особенно ловко допрашивать дѣтей. Все это прекрасно, но съ этимъ нужно считаться не математически, а жизненно. Если приходитъ свидѣтель, рассказываетъ объ известномъ фактѣ, то сбить его только тѣмъ, что онъ показалъ раньше, ничего не стоитъ. Теперь существуетъ дѣлая наука, есть ученые, которые посвятили себя специально изслѣдованію вопроса о правдѣ на судѣ, о лживости и правдивости свидѣтельскихъ показаній. Въ настоящее время уже имѣются весьма любопытные выводы по этому вопросу, напримѣръ, о дѣтяхъ. Ихъ безусловно ставить.

Предс. Этого въ дѣлѣ нѣтъ.

Карабч. Это научное положеніе. Хорошо, я подчиняюсь. Но во всякомъ случаѣ, выводъ одинъ: въ самой гущѣ лжи есть всегда кончикъ правды. И понятно почему. Мы вообще говоря не обладаемъ такимъ обширнымъ воображеніемъ, которое возносило бы насъ въ заоблачную высь,

гдѣ мы создавали бы себѣ извѣстные факты, извѣстныя понятія. Когда мы лжемъ, то лжемъ, будучи на цѣпи, у дѣйствительности. Мы вовсе не аэропланы, которые свободно летаютъ въ сферѣ воображенія. Мы привязанные шары, которые привязаны, такъ или иначе, къ дѣйствительности. Вотъ, когда проходить передъ нами извѣстное психологическое бытовое явленіе, то изъ-за того, что тамъ есть противорѣчіе, мы не можемъ совершенно ему не вѣрить. Нѣтъ, мы должны глубоко проникнуть въ совокупность момента и впечатлѣній, которыя воспринимаемъ отъ свидѣтеля, и только такимъ путемъ мы можемъ дойти до истины. Была бы легкой задача правосудія, если бы можно было все сводить къ простѣйшей формѣ. Впрочемъ, объ этомъ я выскажусь впоследствии. Во всякомъ случаѣ, ни къ одному жизненному явленію нельзя подходить, какъ къ математической аксіомѣ. Жизнь есть разнообразіе, есть различныя извилины жизни, которыя нужно уловить для того, чтобы сказать: это безспорно, это доказано, на этомъ мы можемъ успокоить свою совѣсть.

Но на чемъ въ этомъ дѣлѣ можно успокоить свою совѣсть? Версія защиты заключается въ томъ, что шайка, окружавшая г. Чеберякову, расправилась съ несчастнымъ юношей. Вотъ вамъ формула. Гдѣ же доказательства? Безцѣльность убійства, безпредметность его, безмотивность и цѣлый рядъ подобныхъ соображеній, которыя считаются аксіомой, положены въ основу настоящаго обвиненія и обвинительнаго акта. Вотъ при такихъ условіяхъ приходится не съ математическими приемами, не путемъ сопоставленія отрицательныхъ величинъ, а путемъ жизненныхъ явленій подойти къ вопросу о томъ, какъ несчастный Андрияша могъ попасть къ этимъ людямъ, при какихъ условіяхъ могла быть связь у него съ такими порочными и преступными людьми.

Не бойтесь гг. прис. зас., не трепещите, я не оскорблю памяти покойнаго, вмѣстѣ съ вами я чту ее какъ память о несомнѣнно невинно пострадавшемъ, упавшемъ подъ жестокими ударами убійцы. Я не оскорблю его памяти, я хочу правды, прежде всего правды. Здѣсь была обрисована личность Ющинскаго, и я не отрицаю ни одной изъ чертъ, въ высшей степени симпатичныхъ, которыя

были приписаны ему. Я хочу прибавить только къ этому, что этот 13-тилтнй юноша отличался особыми чертами своего характера, о чемъ свидѣтельствовалъ намъ здѣсь его учитель Мачуговскій. Я спросилъ этого свидѣтеля, былъ-ли Андрей Ющинскій старше своего возраста по развитію. Свидѣтель отвѣтилъ „былъ, безусловно“. — „Какой онъ былъ откровенный или замкнутый?“ — „Да, замкнутый“. Затѣмъ еще одна черта была въ его характерѣ, которую не знаю, отмѣтили ли вы. Онъ былъ очень любопытный мальчикъ. Вотъ тѣ черты, на которыя я обратилъ вниманіе. Затѣмъ, повидимому, онъ былъ безстрашенъ. Здѣсь возникалъ вопросъ о его прозвищѣ „домовой“. Чеберякова тутъ пришла намъ на помощь, встала и сейчасъ же пояснила, что звали его такъ потому, что онъ въ дѣтствѣ ходилъ въ красной шапочкѣ. И какая странная случайность: когда явился сюда Мандзелевскій и его спросили, почему его прозвали матросомъ, онъ сказалъ, что потому, что въ дѣтствѣ онъ носилъ матроскую шапку. А вотъ одна почтенная женщина пояснила намъ, почему его такъ называли. Да потому, сказала она, что онъ былъ безстрашенъ, онъ ничего не боялся, по ночамъ бывало ходить, бродить туда-сюда. Изъ обстановки его жизни, о которой здѣсь говорилось, вы видите, что мальчикъ росъ не въ нормальныхъ семейныхъ отношеніяхъ, онъ росъ безъ контроля. Была одна святая душа въ этой семьѣ, это покойная Наталія Ющинская, передъ памятью которой мы должны, прежде всего, преклониться. Она пригрѣла его, она обласкала, тяжелымъ трудомъ добывая средства, она платила за него въ школу, одѣвала, обувала его. Вотъ это была святая душа. Но сказать, что это былъ мальчикъ комнатный, за каждымъ шагомъ котораго слѣдять, мальчикъ, у котораго была пѣстунья, которая его охраняла, сказать, что въ такой то часъ онъ былъ здѣсь, а въ такой то тамъ — этого нельзя. Прежде всего несомнѣнно, что онъ росъ между квартирами матери и тетки, и вотъ на этомъ промежуткѣ онъ былъ совершенно свободенъ: тамъ думали, что онъ здѣсь; здѣсь думали, что онъ тамъ.

Въ связи съ этимъ вопросомъ о времени я остановлюсь на одномъ моментѣ. Дьяконова, на показаніи которой я не покою никакихъ доводовъ и соображеній, мелькомъ

здѣсь сказала, что 11 марта наканунѣ убійства она видѣла Ющинскаго около часу—двухъ. Занятія въ школѣ оканчивались около 12-ти, такъ что физическая возможность была, онъ могъ быть въ это время. Но вотъ г. прокуроръ и пов. гражд. истца сказали, что это недоказано, потому что и мать его и тетка говорили другое. Если бы я поступилъ по методѣ гражд. истца, я бы сказалъ, а что бабушка сказала раньше? Она сказала, что это было позже, около 6-ти часовъ. Такъ что точно время не определено. Затѣмъ, гг. прис. зас., отмѣтите еще одно обстоятельство. Мальчикъ жилъ на Лукьяновкѣ, жилъ тамъ долгое время. Стало быть съ Женей Чеберякъ онъ былъ связанъ большой дружбой и бывалъ у Чеберякъ, что не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію.

Г. Чеберякова, женщина чрезвычайно осторожная, лучшихъ своихъ друзей, а также Дьяконову и Чернякову, имѣла обыкновеніе принимать въ кухнѣ. Ну, положимъ, она говорила, что это ея „любимый уголокъ“. Можетъ быть такой обычай у нея былъ, чтобы не совались въ другія комнаты, можетъ быть она боялась, что тамъ могутъ кого-нибудь застать и т. п. Такъ что свою квартиру она охраняла, но когда она приглашала гостей, когда у нея играли въ почту, тогда она открывала двери. Такой ея порядокъ напоминаетъ немножко порядокъ ростовщиковъ: пріоткрывается дверь, смотрять въ щелку, кто пришелъ. Сначала въ кухню приглашаютъ, а тамъ посмотримъ, пойдешь въ комнаты или не пойдешь. Но вѣдь съ мальчикомъ такъ не поступишь, мальчикъ пролѣзетъ куда угодно. Былъ такой случай, я не отношу его къ этому Андриушѣ, но вотъ Гаевская намъ рассказывала, что какой-то Андриуша сунулся куда-то не во время, и Чеберячка сказала: „убрать его надо“. Я не приурочиваю этого къ данному случаю, но говорю, что при мальчикѣ, который такимъ образомъ проникалъ въ квартиру, проникалъ не спросясь, нужно было быть осторожнымъ. Вотъ я и спрашиваю, этотъ задумчивый, любопытный мальчикъ, вѣдь могъ подмѣтить что-нибудь, что вотъ и народъ здѣсь не совсемъ обычный и т. п. Припомните, въ какой обстановкѣ этотъ мальчикъ росъ. Если исключить то время, которое онъ проводилъ въ училищѣ, отъ 8 до 12 час., то гдѣ онъ находился? Кого онъ изъ мужчинъ видѣлъ?

Луку Приходько и Нѣжинскаго. Это люди, хотя и невинные въ этомъ дѣлѣ, но вѣдь нельзя сказать, что они идеаль какой-то особенной нравственности, за обоями числится кое-что. Во всякомъ случаѣ эти люди воспитательнаго значенія для мальчика не могли имѣть, пищи для ума ему не могли дать. Въ сущности, это былъ мальчикъ заброшенный, который ходилъ отъ одного къ другому.

Я упомяну здѣсь ужасное имя --- г. прокуроръ можетъ быть даже отмѣтить это --- я назову Арендара. Онъ былъ здѣсь. Я не знаю, какъ на васъ, но на меня и самъ Арендаръ и мальчикъ произвели впечатлѣніе самое лучшее. Они сказали, да, Андриюшу мы знали, любили, и тотъ старикъ, который жилъ у насъ, тоже его очень любилъ. Какъ Андриюша проводилъ время? Да вотъ когда придетъ, окончивъ уроки, если погода дурная, то онъ съ любопытствомъ, съ упорствомъ смотреть, какъ бѣжитъ токарный станокъ, смотреть, какъ изъ безформенной массы дерева выходитъ изящное произведеніе. Видите ли, онъ и здѣсь съ любопытствомъ смотреть, здѣсь у Арендара, но тутъ онъ можетъ быть любопытнымъ безнаказанно, потому что ничего кромѣ труда, честнаго труда онъ увидѣть не могъ. Не то у Чеберяковой. Что онъ тамъ видитъ? Подозрительныхъ людей, какіе то тюки. Воображеніе его могло работать, вы не забудьте, что ему шелъ 14 годъ, не забудьте, что это время, когда изъ ребенка вырабатывается юноша. Здѣсь г. прокуроръ и г. повѣренный гражд. истца удовольствовались шаблонной сантиментальной характеристикой покойнаго Андриюши, сказавъ, что онъ хотѣлъ посвятить себя священству. Можно ли говорить о серьезномъ рѣшеніи мальчика 13-лѣтн. возраста и на этомъ строить капитальную стѣну, заграждающую доступъ всякимъ сужденіямъ о томъ, какъ этотъ мальчикъ могъ быть около этихъ воровъ, взломщиковъ и т. п. Конечно, это совершенно не допустимо. Я хочу отмѣтить здѣсь маленькую подробность. Здѣсь ученики намъ говорили, что Андриюша раньше былъ у нихъ первымъ, а послѣднее время сплховалъ, и вмѣсто него сталъ первымъ другой мальчикъ. Затѣмъ говорили, что видѣли разъ или два Андриюшу на извозчикѣ. Не бойтесь, гг. прис. зас., до такого чудовищнаго вывода, до котораго дошелъ

сыпчакъ Красовскій, я не дойду, ибо его выводъ психологически невѣренъ. Складъ ума Красовскаго въ нѣкоторомъ отношеніи сближается съ методомъ изслѣдованія г. пов. гражд. истца...

Предс. Г. защитникъ, это неудобное сравненіе.

К а р а б ч. Отчего? Я говорю объ оцѣнкѣ фактовъ. Умъ аналитическій разлагаетъ предметы, а умъ синтетическій создаетъ цѣлыя законченныя версіи и ставитъ точки. Я знаю версію Красовскаго, которую совершенно опровергаю, что будто бы Андриюша былъ вовлеченъ, чтобы совершить преступленіе. Это вздоръ, и вотъ почему. Не потому, что нравственныя качества мальчика не позволили ему этого, а потому, что воры не посмѣли бы сказать ему, хочешь или не хочешь участвовать.

Для того, чтобы понять, гдѣ проходить демаркаціонная линія, на которой могли остановиться воры, мы должны охарактеризовать, что такое Загоровщина, что такое „малина“, гдѣ несомнѣнно пребывала эта шайка. Мы знаемъ, что до нея добрались страшно поздно, власть не знала, полиція не знала, и только путемъ многихъ обходныхъ движеній удалось установить, что Вѣра чиновница, затѣмъ Манзелевскій и Мосякъ, наконецъ, это тріо, которое насъ особенно интересуетъ, родной братъ Чеберякъ Синтаевскій, Латышевъ и Рудзинскій, они, которые отрицаютъ даже между собой знакомство—вы слышали, что Чеберякъ говорила, что никого кромѣ роднаго брата не знаетъ—они всѣ составляли одну шайку. Теперь это безспорно установлено, это теперь несомнѣнно, что это была не простая компанія лицъ, а была шайка. Г. прокуроръ здѣсь сказалъ, что они всѣ хорошо одѣты, только подворовывали немножко. Это не совѣмъ такъ. Конечно, они всѣ пріодѣлись, вотъ и Рудзинскій, отбывающій каторгу, не явился сюда къ намъ въ кандалахъ, каторжникомъ, а былъ въ штатскомъ костюмѣ. Обличье внѣшнее было прилично, но вѣдь не по одной внѣшности мы должны судить. Какова ихъ сущность, чѣмъ они были, чѣмъ занимались? Воровствомъ. Вѣдь когда нужно было установить свое отсутствіе 12-го марта, они сослались на кражу въ магазинѣ Адамовича. Я не вѣрю ей, и вотъ почему. Мы знаемъ, что это были воры, взломщики, громили, это не карманные воришки, которые вытаскива-

ютъ въ театрѣ или на улицѣ кошелекъ съ деньгами. Это были люди, которые забирались въ чужія хранилища, въ чужія помѣщенія.

Здѣсь мы на судѣ провели часъ или больше въ милой воровской идилліи. Мы Рудзинскаго спрашивали, за что онъ осужденъ. Ну, казалось бы, если осужденъ судомъ прис. зас. за вооруженную кражу и сосланы въ каторжныя работы, то о чемъ же тутъ разсуждать? Фактъ безспорный. Но здѣсь спрашивали, можетъ быть не вооруженная кража, какое орудіе было у васъ, ломъ? Ломикъ?—Жаль что его тутъ не спросили, а шваечка, такая долотообразная, съ отточеннымъ концомъ. Ломикъ нуженъ для того, чтобы взламывать большіе предметы, большія хранилища. Ну, а для шкатулочки, вѣдь ломикъ не подходитъ, не подойдетъ ли шваечка, ее удобно и въ карманъ положить, если васъ поймаютъ съ ней, можно сказать: помилуйте, какое это орудіе, развѣ это кража съ орудіемъ, вѣдь это не ломикъ, это маленькая шваечка, чуть ли не зубочистка. Однако, мы знаемъ, что такими зубочистками можно было совершить. Когда здѣсь оцѣниваютъ этихъ воровъ, когда говорить: „Нѣтъ, они не способны на „мокрое“ дѣло“; когда намъ Сингаевскій говорить, что онъ не знаетъ, что такое „министерская голова“—а вѣдь онъ житель Кіева, и теперь такое время, когда всякій знаетъ, что такое министръ, понимаетъ, что съ этимъ именемъ сочетается нѣчто серьезное, нѣчто умственное—можемъ ли мы этому вѣрить? Намъ скажутъ, что Сингаевскій кретинъ. Да, кретинъ, его физиономія произвела на меня впечатлѣніе настоящаго дегенерата, съ которымъ я, откровенно говоря, не пожелалъ бы встрѣтиться на узкой дорожкѣ. Но вѣдь это люди, которые по своей профессіи взломщиковъ, громилъ вѣчно невольно ходятъ на краю „мокраго“ дѣла, если они даже этого и не хотятъ. Вѣдь они проникаютъ въ жилища, въ магазины, проникаютъ всюду, не зная сплосъ и рядомъ, есть ли тамъ люди, или нѣтъ. Въ этотъ самый моментъ застигнутые, они должны обороняться, вотъ для этого у нихъ съ собой и есть что-нибудь про запасъ, долотцо, ломикъ, шваечка, легкая долотообразная шваечка, но которой можно совершить много отчаянныхъ дѣлъ.

Почему же такъ благопріятно была поставлена данная шайка, почему считалось

„малиной“ то мѣсто. Вспомните эту Загоровщину, которая идетъ отъ дома Захарченко. Вспомните твердо протоптанную дорожку, которая стала заростать только послѣ того, какъ возникло настоящее дѣло Ющинскаго. Это былъ цѣлый кладъ. Вы знаете, случился такой курьезный административно-полицейскій казусъ, что вся эта мѣстность была экстретериторіальна. Лукьяновскіе полицейскіе говорили, не нашъ участокъ, плоскіе—не нашъ. Это съ неба свалилось. Да, это было прямо чудо.

Мы теперь осматривали эту мѣстность, гг. присяжные засѣдатели, намъ сказали, что послѣдніе два года выросли тамъ два громадныхъ дома, съ которыхъ открывается широкое поле зрѣнія, теперь это стало мѣстностью не то для паломничества, не то для пикниковъ, теперь тамъ повырубили деревья. Ну, если и не костромскіе лѣса тамъ были, то все же это было мѣсто такое пріятное, которое для воровъ представляло „малину“ и большую „малину“.

Но причемъ здѣсь Андрей Юпинскій, какъ онъ могъ замѣшаться, запутаться въ это дѣло и попасть подъ руки этихъ преступниковъ? Гг. присяжные засѣдатели, несомнѣнно, какъ во всякомъ бытовомъ явленіи, какъ въ жизни всякаго общества, такъ и въ этой шайкѣ были свои солнечные дни, были и дни туманные, пасмурные. Вы знаете относительно курортовъ, куда ѣздятъ лечиться, говорить: „шелковый періодъ“ и „ситцевый періодъ“. „Шелковымъ періодомъ“ называется, когда прѣзжаютъ знатные богатые господа. Когда же прѣзжаетъ всякая мелочь, это будетъ „ситцевый періодъ“. Былъ свой „шелковый періодъ“ и у этой шайки, правда, недолговѣчный, но былъ. Здѣсь много смѣялись по поводу указанія сестеръ Дьяконовыхъ, или кого-то другого, что шелковыя матери совали въ печку и варили не то кофе, не то пирожки жарили. Казалось это смѣшнымъ, неправдоподобнымъ. Но вѣдь мы узнали, что прѣхала сенаторская ревізія. Куда было это все дѣвать? Вынести на базаръ? Опасно, поймаютъ. Вотъ и вышла воровская острота, маленькая воровская шутка о томъ, что кофе сварили или булки спекли на шелку. Но это фактъ былъ несомнѣнный, и никакими математическими приѣмами его не устранишь, фактъ этотъ не только бытовой, но психологически-жизненный.

Затѣмъ наступилъ „ситцевый періодъ“, погромовъ нѣтъ, положеніе становится шайки-мъ, хотя полиція ихъ еще не знаетъ. Единственный стражъ общественной безопасности, который стоитъ около этого мѣста, городской, дававшій намъ показанія уже въ отставкѣ, онъ, я думаю, козырялъ этимъ „паничамъ“, ходившимъ къ Чеберякъ, то въ одной, то въ другой фуражкѣ. Вѣдь это „паничи“ наши, „паничи“ Чеберячки! Конечно, у него не было свѣдѣній, кто это такая Вѣра-чиновница, что она уже популярная дама, знакомая со всѣмъ преступнымъ міромъ. Полиція точныхъ ясныхъ свѣдѣній о ней не имѣла. Такъ они переживали „ситцевый періодъ“, понемножку подворовывали, тамъ своруютъ, здѣсь своруютъ.

Тутъ говорилось о какой то желѣзной кассѣ, которую нашли у нея при обыскѣ. Она сказала, что по наслѣдству ей это досталось. На этомъ останавливаться я не буду. Но вотъ при такихъ то обстоятельствахъ почему же вы отрицаете, почему думаете, что у нихъ не могло возникнуть желанія поработать и надъ большимъ дѣломъ? Почему этого не могло быть? Почему это такъ оскорбляетъ, почему такъ всѣ насторожились при одномъ словѣ Софійскій соборъ? Вѣдь мы знаемъ, что за послѣдніе годы было много у насъ такихъ ограбленій церковей, и въ Петербургѣ и въ провинціи, это фактъ несомнѣнный. И какихъ иконъ? Иконъ, передъ которыми молились сотни и сотни лѣтъ православные христіане. Вѣдь совершались такія преступленія для того, чтобы унести драгоценные камни и т. п. Какая же связь можетъ быть установлена между Андреемъ Ющинскимъ и этой версіей? Единственная, заключающаяся въ психологіи этой шайки, этихъ воровъ, а не въ психологіи этого несчастнаго юноши. Мальчикъ Ющинскій учился въ софійскомъ духовномъ училищѣ, которое, — я самъ не провѣрялъ, но мнѣ говорили, — находится во дворѣ Софійскаго собора. Воры знали, что мальчикъ ходитъ туда каждый день. Для такой шайки, занимающейся кражами со взломами, важно знать, какъ проникнуть въ то или другое помѣщеніе, вѣдь взрослый человѣкъ не вездѣ можетъ пролѣзть, а мальчика легко просунуть подъ рѣшетку. Такъ, что идея о томъ, чтобы онъ былъ у нихъ въ распо-

ряженіи, могла быть у нихъ, могли быть отдѣльные разговоры, съ нимъ о томъ, какой тамъ створожь, гдѣ онъ находится, до какихъ часовъ открыта калитка. Однимъ словомъ могло быть легкое вышпытываніе. Конечно, Женя Чеберяка они не трогали, потому что если бы Женя Чеберякъ былъ замѣшанъ, то это легко могло навести на слѣды. Ну, а затѣмъ Чеберячка, какая она ни на есть жѣнщина, но вѣдь она мать, и какъ мать она, можетъ быть, охраняла Женю. Но этимъ несчастнымъ юношей, котораго называли позорнымъ именемъ, отчего имъ не воспользоваться? На какой стадіи это могло остановиться — я не знаю, но я безусловно отрицательно отношусь къ предположенію г. Красовскаго, который, какъ человѣкъ сыска, если у него блеснетъ мысль, идетъ до конца.

Затѣмъ здѣсь прокуроръ говорилъ, что онъ исторіи съ прутиками не вѣритъ. Ну, что-жъ, не вѣрьте этому. Но вѣдь если не изъ-за прутиковъ, то изъ-за чего-нибудь другого ссора могла быть. Вѣдь нельзя же отрицать возможность ссоры между дѣтьми. Могли поссориться изъ-за чего-нибудь и въ ссорѣ одинъ сказалъ: „я теткѣ твоей скажу, что ты въ школу не ходишь“, — а тотъ отвѣтилъ: „а я скажу, что у васъ ворованное складываютъ“. Вотъ этого и достаточно, Женя могъ сейчасъ побѣжать къ матери и сообщить, и этого вполне достаточно для того, чтобы къ Андрюшѣ укрѣпилось подозрительное отношеніе. Теперь, между прочимъ, я долженъ остановиться на одномъ моментѣ.

Г. г. прис. зас., мы охотно вѣримъ тому, чему хотимъ вѣрить. Вотъ прутикамъ прокуроръ не вѣритъ, а фонарику вѣритъ. Вотъ когда Сингаевскій сказалъ: „Помилуйте, да я не могъ совершить преступленія, потому, что въ это время я за Крещатику фонарикъ покупалъ“, — то этотъ фонарикъ для гражданскаго истца и г. прокурора сталъ безспорной истинной фонарику. покупалъ, поэтому не совершилъ преступленія.

Г. г. присяжные засѣдатели, описывать передъ вами ту ужасную картину, которая должна была разыгратъся и разыгралась, я не стану, но представьте хоть на минуту, что вотъ эти люди были у Чеберяковой, что мальчикъ туда явился, что же

туть удивительнаго, что мало интеллигентный Сингаевскій накинулся на него, и что произошла та бойня, о которой идегъ рѣчь. Здѣсь у насъ на судѣ прошли тако-го рода явленія, которыя показываютъ, насколько преступны и вмѣстѣ съ тѣмъ насколько трусливы, насколько недалеки и тупы преступники этого рода. Лучшимъ образцомъ служить исторія, которой вѣрится и г. прокуроръ, это эпизодъ съ Козаченко. Г. прокуроръ, громившій провокаторовъ, забылъ только одного—Козаченко, который по волѣ тюремнаго начальства сидѣлъ вмѣстѣ съ Бейлисмъ. Какъ сочиняетъ Козаченко? Будто бы пла-рѣчь о какихъ то не нужныхъ или нехорошихъ свидѣтеляхъ и будто Бейлисмъ и арестанты реагировали на это, и по вер-сiи Козаченко рѣшено было отравить ихъ. Когда же доходитъ дѣло до показаній Ка-раева и Махалина въ такой же точно вер-сiи, какъ отозвался на такого рода яв-леніе Сингаевскій? Какъ только ему раз-сказали — такіе то показываютъ про-тивъ тебя, онъ сейчасъ же сказать, — нельзя ли подколоть. Вѣдь у нихъ вся психологія въ этомъ, иначе они не были бы ворами; они люди жестокіе, если у нихъ стоитъ что либо на пути, они не стѣсняются устранить.

Я припоминаю по-истинѣ трогательный разговоръ, который имѣлъ г. Замысловскій съ Сингаевскимъ. Г. Замысловскій ему говорилъ:—,Послушайте, вы же не могли совершить преступленія, потому что вы же вечеромъ у Адамовича воровали, а днемъ должны были фонарикъ купить и потомъ вѣдь у васъ водится въ нравахъ, что спер-ва надо покончить одно дѣло, потомъ уже приниматься за другое, вѣдь у васъ систе-ма цѣлая?“ Сингаевскій тупо кивалъ голо-вой и отвѣчалъ:—,да, да, да“. Но если бы онъ хотѣлъ сказать искренно, онъ бы ска-залъ:—,Позвольте, когда у насъ на пути къ совершенію преступленія является пре-пятствіе и опасеніе, тогда мы не ждемъ окончанія дѣла, потому что самого дѣла не можемъ окончить, мы должны убрать съ до-роги и первый шагъ нашъ убрать съ дороги то, что намъ мѣшаетъ“.

Намъ говорятъ, гг. присяжные засѣдате-ли, позвольте, все это съ бытовой или ка-кой-нибудь психологической точки зрѣнія, можетъ быть и вѣроятно, можетъ быть и представляется вѣроятнымъ, но вотъ наука

пришла на помощь, все это опровергла, все это ваша фантазія, все это ни къ чему, у насъ вѣдь есть экспертиза. Да, есть экс-пертиза. Представитель гражданского ис-та установилъ, что швайка послужила ору-діемъ убійства. Экспертиза, даже самая для насъ неблагопріятная, установила только од-но, что отъ раненій, которыя получили юноша, онъ долженъ былъ истечь въ из-вѣстной мѣрѣ кровью и даже Косоротовъ не дошелъ до такого чудовищнаго заявле-нія, что эту кровь собирали. Если маль-чикъ лежалъ на ворсовомъ пальто, его мож-но было насытить пятью стаканами крови, и это было вполне возможно; конечно его не вынесли туда, потому что это изобли-чило бы характеръ, цѣль и причины пре-ступленія.

Единственный моментъ, на которомъ останавливаются и прокуроръ, и предста-вители гражданскихъ исцовъ, это на странной, по ихъ мнѣнію, передышкѣ, остановкѣ. Я скажу, остановка для меня болѣе чѣмъ понятная. Вѣдь здѣсь дѣйстви-вало три преступника. Мнѣ представляется, что Сингаевскій первый нанесъ удары. Латышевъ, какъ менѣе годный для „мокра-го“ дѣла, держалъ ротъ, другой удержи-валъ, чтобы не вырвался. Былъ же мо-ментъ, о которомъ свидѣтельствуетъ намъ г. Караевъ, — мы послѣ остановимся на томъ, насколько ему можно вѣрить, — что Латышева стошнило. Значить въ это время мальчика бросили, думали, что онъ умеръ, но онъ началъ подавать признаки жизни и его прикончили. Когда совершаетъ пре-ступленіе одинъ человекъ, онъ, конечно, преслѣдуетъ одну цѣль—скорѣе добыть. Это такъ. Но въ суматохѣ, когда дѣйстви-вало три человекъ, когда, можетъ быть, орудіе перешло изъ рукъ одного въ руки другого, сначала было у одного, а потомъ, чтобы окончательно „расписать“, его схва-тилъ другой,—тогда такой промежутокъ представляется естественнымъ и тогда, если бы на скамью подсудимыхъ посадили этихъ господъ, вы бы никакой экспертизой не опровергли возможность подобнаго рода обвиненія.

Гг. присяжные засѣдатели, конечно, все это можно было бы доказать совершен-но точно и внѣ всякаго сомнѣнія, если бы только во-время можно было подойти къ источникамъ истины по настоящему дѣлу. Но здѣсь объ этомъ уже говорилось очень

много. Все приводило къ Чеберяковой, но долгое время къ ней нельзя было подойти и былъ легкомысленнѣйшій Бразуль, который вообразилъ себѣ, что, идя прямо на нее, не идя обходными путями, не окружая ее, не выслѣживая, не затравливая, какъ затравливаютъ дикаго звѣря, можно было что-нибудь обнаружить. Это былъ пріемъ челоуѣка, который съ пустыми руками идетъ на медвѣдя, это былъ челоуѣкъ, который повѣрилъ баснѣ, что кускомъ сыра можно приманить лисицу, у которой и зубъ и хвостъ лисій, — это была коренная ошибка. Сразу все было испугано, сразу разсыпалось все, приняло свои мѣры и пошли лживые извороты и т. п. Представитель гражданскаго истца блестяще доказалъ, что Приходько не могъ убить, — очень благодарная тема, — ни Приходько, ни Мифле и т. д. Да, всю эту ложь кто же поддерживалъ. Да, наконецъ, чтобы добраться до истины, до всякой истины, которую вы крайне хотите, развѣ вы доберетесь даромъ? А при условіи, что въ распоряженіи гг., которые добивались истины, не было ни власти, ни силы, вы поймете, что только послѣ страшныхъ усилий можно было наконецъ установить одно, что эти господа знакомы между собою, что они составляютъ шайку, что несчастный Ющинскій попалъ туда, и что цѣль преступленія была въ томъ, чтобы убрать его, потому, что 9-го былъ произведенъ первый арестъ, 10-го былъ обыскъ и, хотя и мысли, вѣроятно, не было у этого мальчика донести, но тѣмъ не менѣе они, испуганные, дрожащіе, преступные, какъ звѣри, и трусливые, какъ заяцъ, боялись его; вдругъ мальчикъ Жена прибѣжалъ, разсказалъ, а тутъ еще арестъ, несомнѣнно, они могли съ нимъ расправиться.

Около 5 час. дня объявляется перерывъ на два часа. Около 7½ час. веч. судебное слѣдствіе возобновляется и Н. П. Карабчевскій продолжаетъ свою рѣчь.

Измучили мы васъ, гг. присяжные засѣдатели, въ особенности своими преніями. Я, старый судебный дѣятель, сѣдѣю въ процессахъ подобнаго рода, но долженъ вамъ откровенно признаться, что не считаю, чтобы вся сила, которая помогаетъ вамъ разобраться, заключалась въ преніяхъ. Наоборотъ, въ такихъ процессахъ, которые тянутся многіе дни, а тѣмъ болѣе многія недѣли, пренія едва ли то лучшее,

что можетъ способствовать внесенію для васъ истины. Я былъ бы счастливъ, если бы вы находились въ настоящее время только въ томъ душевномъ состояніи, въ которомъ вы находились, положимъ въ моментъ окончанія судебного слѣдствія. Мало по малу, капля за каплей, какъ пчела, собирающая медъ, изъ того, что прошло передъ вами, вы выбирали все, что могло говорить въ ту или другую сторону, и навѣрное у васъ составилось уже извѣстное убѣжденіе. И вдругъ, какъ вихрь среди успокоившейся совѣсти появляется страстное, одностороннее освѣщеніе предмета, цитируются показанія свидѣтелей, которые давно передъ вами прошли всѣ. Какой-то вихрь, какой-то ураганъ носится передъ вами, взбаламучиваетъ вашу разумъ и вашу совѣсть и при извѣстномъ пристрастномъ освѣщеніи дѣла можетъ привести васъ къ пагубной ошибкѣ. Вотъ почему, гг. присяжные засѣдатели, если я останавливаюсь на нѣкоторыхъ фактахъ, то вовсе не въ расчетъ, чтобы ихъ забыли. Наоборотъ, — помните вы ихъ сами и тщательно, и внимательно воскрешайте въ своей памяти каждое соображеніе, цѣнное только, какъ освѣщеніе того или другого предмета. И съ этой точки зрѣнія, когда я остановился на моментѣ изслѣдованія возможной виновности кого-нибудь другого, кромѣ подсудимаго по настоящему дѣлу Бейлиса, то, собственно говоря, я вышелъ изъ рамокъ своей задачи. Для меня было бы совершенно достаточно сказать, гг. присяжные засѣдатели, — доказана ли виновность Бейлиса? Вѣдь, по уставу уголовнаго судопроизводства, по разуму нашего закона, не такъ, какъ въ старину, когда, дѣйствительно, были извѣстныя стадіи — виновенъ, невиненъ, въ подозрѣніи, въ сильномъ подозрѣніи, — есть только, — да, виновенъ и — нѣтъ, невиненъ, и посрединѣ этого есть сомнѣніе, которое состоитъ для суда въ спорномъ: „нѣтъ, невиненъ“. Такъ что, и для суда коронаго, и для суда присяжныхъ, послѣ того, какъ они прошли мимо очень сложнаго и запутаннаго дѣла, остается открытымъ вопросъ, и остается уже актъ правосудія — сказать: „не знаю“ — и это уже есть актъ правосудія. Но это несчастное дѣло таково, что, если бы осталось пустое мѣсто, конечно, трудно было бы васъ склонить къ тому, чтобы сказать: „да, не рас-

крылась истина, но Бейлисъ не виноватъ“. Вы этимъ не удовлетворитесь, и вотъ почему мы должны заполнить пустоту, должны остановиться на тѣхъ проблескахъ изслѣдованія настоящаго дѣла, которые даютъ ивѣстные плоды.

Гг. присяжные засѣдатели, я желалъ бы, чтобы вы на минуту оцѣнили тѣ улики, и тѣ доказательства, которые проходили относительно Чеберяковой и ея компаніи съ точки зрѣнія Бейлиса, т. е., если бы сказали, — а что, если бы намъ относительно Бейлиса предъявили такія улики, какъ бы мы отнеслись къ этому. Въдъ по отношенію къ Бейлису предъявляется такое обвиненіе, такое доказательство, какъ показаніе арестанта Козаченко о томъ, что онъ будто бы ему говорилъ то-то и то-то, и г. прокуроръ не смущаясь поддерживаетъ это, несмотря на его очевидную несообразность и нецѣпность. Но когда мы выдвигаемъ передъ вами Махалина и Караева, тогда однимъ махомъ все разсѣивается, говорятъ — все, что идетъ въ защиту Бейлиса, есть „отъ жидовъ“, а стало быть, не заслуживаетъ довѣрія, все куплено, все поглощено этимъ всемогущимъ еврейскимъ вліяніемъ, о которомъ я впоследствии скажу нѣсколько словъ. И вотъ, съ точки зрѣнія того, если бы это была улика относительно Бейлиса, я бы попробовалъ васъ спросить о Дьяконовыхъ.

Про Дьяконовыхъ, я вообще долженъ сказать, что эти дѣвицы знаютъ гораздо больше, чѣмъ онѣ намъ говорили. Не объ убійствѣ, объ убійствѣ онѣ, можетъ быть, ничего не знаютъ, но несомнѣнно онѣ гораздо ближе къ этой компаніи, онѣ несомнѣнно гораздо чаще тамъ бывали, чѣмъ говорятъ теперь: „Да, разъ играли въ почту“. На это есть прямое указаніе. Г-жа Чернякова, любительница военнаго общества, она говорила, что преимущественно вращается въ военномъ обществѣ, говорила, что г-жа Чеберякова бывала часто у Дьяконовыхъ, и тамъ даже былъ магнитъ для любвеобильнаго сердца г-жи Чеберяковой — Иванъ Дьяконовъ, красивый молодой чловѣкъ, не желавшій посѣщать ее, но она ихъ посѣщала часто. По этому поводу Чернякова получила даже оскорбленіе дѣйствіемъ, пощечину отъ Чеберяковой. Связь этихъ домовъ — Дьяконовыхъ и Чеберяковой — была гораздо тѣснѣе въ дѣйствительности, чѣмъ онѣ говорили. И

вотъ почему я понимаю, что на этихъ Дьяконовыхъ со всѣхъ сторонъ накинудись, чтобы выпытать отъ нихъ что-нибудь по поводу Чеберяковой, наперебой всѣ свѣшили. Вы помните, гг. присяжные засѣдатели, что даже премія официальная въ шестьсотъ рублей была объявлена. Конечно, не Богъ знаетъ что, но все-таки губернаторская премія тому, кто откроетъ это преступленіе, кто нападетъ на настоящий слѣдъ. Конечно, такія вещи, какъ знать о томъ была ли тряпка, была ли наволочка, было ли то, было ли другое въ обстановкѣ г-жи Чеберяковой, конечно Дьяконовы объ этомъ знали превосходно. Былъ ли такой моментъ, когда онѣ со страхомъ бѣжали, конечно, онѣ знаютъ, и, напримѣръ, г-жа Чернякова, которая относить это къ дальнему времени, естественно изъ желанія отдалиться отъ этой компаніи, такую вещь относить какъ можно дальше отъ момента, когда могло совершиться это преступленіе.

Но я спрашиваю — если бы явился какой-нибудь свидѣтель и сказалъ бы, что былъ такой случай, что то-то и то-то слышалъ, зашелъ въ квартиру Бейлиса, увидѣлъ какой-то мѣшокъ, тронулъ и онъ былъ холодный. Ему бы повѣрили, повѣрили только потому, что идетъ не вразрѣзъ тому, чему хотѣли вѣрить. Здѣсь не вѣрили чи въ этотъ мѣшокъ, къ которому прикоснулись, ни во всѣ подробности. Не вѣрятъ въ тотъ страхъ, который былъ когда-то у Чеберяковой, не вѣрятъ указанію, что узнали наволочку, которое здѣсь не опровергнуто. Я говорю не опровергнуто и вы можете подтвердить это любымъ опытомъ.

Г. прокуроръ старался защищать приемы слѣдователя Машкевича въ смыслѣ ихъ цѣлесообразности. Я говорю — нѣтъ, это не цѣлесообразно, у каждаго изъ васъ есть что-нибудь въ карманѣ — носовой платокъ, портсигаръ или еще что-нибудь. Попробуйте сейчасъ нарисовать портсигаръ или вспомните узоръ мѣтки на вашемъ платкѣ. Возьмите, не глядя на часы, и скажите, что тамъ цифра шесть арабская, или римская. Я убѣжденъ, что девять десятыхъ изъ васъ ошибется, потому что и художникъ рисуетъ съ натуры, а попробуетъ по памяти и онъ нарисуетъ мнѣ такой носъ, такія уши и такіе глаза, что я самъ себя не узнаю. Этотъ приемъ бесполезенъ. Въдъ понятію, что никогда

два человѣка, видѣвшіе одну и ту же вещь, не воспроизведутъ вамъ ее одинаково. Слѣдовательно, это опроверженіе совершенно идетъ мимо той цѣли, ради которой оно примѣнялось. Но эти свидѣтельница здѣсь, на судѣ опознаютъ наволочку, и что же было? Г. прокуроръ говоритъ: — это, конечно, жесвидѣтельница. Имѣетъ ли онъ право говорить это, пока онъ не осужденъ, пока это не доказано? Нѣтъ. Если бы онъ сказалъ это на предварительномъ слѣдствіи, то онъ могли бы быть привлечены къ отвѣтственности, былъ бы приговоръ, признавшій ихъ жесвидѣтельницами, и тогда уже это былъ бы фактъ безспорный. Вотъ, господа, съ какой осторожностью приходится относиться къ такого рода отрицательнымъ уликамъ, т. е. къ опроверженію такого рода уликъ. Если бы какой-нибудь ключокъ бумаги или бѣлья, или тряпки опозналъ кто-нибудь и сказалъ — да, я видѣлъ это у Бейлиса — мы были бы гораздо болѣе легковѣрны, мы съ открытой душой повѣрили бы и сказали бы: — да, онъ уличенъ, и уличенъ безспорно.

Въ настоящемъ дѣлѣ, господа, есть одинъ моментъ въ высшей степени важный; объ этомъ говорили, вѣроятно, мои предшественники (вообще, какъ правильно призналъ одинъ изъ гг. гражданскихъ истцовъ, послѣднему очень трудно говорить, потому что все затрунто, все освѣщено съ той или другой точки зрѣнія). Это моментъ относительно Махалина и Караева. Вѣроятно вамъ было сказано, что для того, чтобы имѣть двухъ жесвидѣтелей, какъ ихъ третируетъ обвинительная власть и гражданскіе истцы, не нужно было бы выписывать такую прелесть съ Кавказа, это можно было бы найти подъ рукой. Ошибался г. прокуроръ, когда говорилъ, что арестантъ боится Караева. Нѣтъ, если бы они боялись, тогда никакого сознанія не было бы. Нѣтъ, они его уважали, скажу больше — они благоговѣли передъ нимъ, обожали его и это подтвердилъ самъ Сингаевскій, который сказалъ, что слава этого арестанта, который не боится начальства, который ругаетъ за пищу, защищаетъ своего брата арестанта, слава его была велика. При такихъ условіяхъ самая выписка его и возможность воздѣйствовать на довѣріе Сингаевского представляется блѣде, чѣмъ вѣроятной. Но здѣсь вопросы

разрѣшаются чѣмъ? Ну, сдѣлали очную ставку. Очная ставка есть тоже пережитокъ судебный. Это, когда-то очень практиковалось, какъ, напримѣръ, и присяга. Напримѣръ, прежде, въ самый моментъ дачи показанія снова повторялась присяга и проч. Но ужъ если считать это какимъ-нибудь испытаніемъ, если считать, что изъ этого можно заключить что-нибудь, такъ нужно подъ стекляннымъ колпакомъ дѣлать этотъ опытъ и ни звукомъ, ни порохомъ не нарушать стеченія двухъ совѣстей, битвы двухъ утверженій. Звукъ, помощь какая-нибудь, поданная тому или другому, нарушаютъ равновѣсіе. Это не есть актъ, который можно трогать, нарушать. Въ этомъ отношеніи уже было вѣроятно сказано относительно того, какъ реагировалъ Сингаевскій на присутствіе Махалина, когда тотъ обратился къ нему и сказалъ: „Петя, а развѣ не помнишь то-то и то-то“.

Но, со своей стороны, я утверждаю только одно, что я съ трепетомъ слушалъ, когда давалъ по этому поводу показанія Сингаевскій. Я боялся, смертельно боялся, что вдругъ Сингаевскій сознается, скажетъ, — да, я убилъ. Но, къ счастью, и натура Сингаевского не такова, чтобы эмоція какая-нибудь могла на него подѣйствовать и чувствовалъ онъ, что отвѣтственность велика. Да, если бы на его мѣстѣ стоялъ Латышевъ, тогда естественно, это могло бы случиться, но въ данномъ случаѣ я боялся, а вдругъ онъ скажетъ — виновенъ. Да что бы сказалъ прокуроръ? Онъ возликовалъ бы и сказалъ: „Новый подкупъ со стороны жидовъ“.

Вѣдь тутъ, что ни доводъ, что ни доказательство, — твердятъ одно слово, бросается одинъ камень въ лицо: „Молчи, я буду тебя судить. я буду спутывать тебѣ руки, я сошлю тебя въ Сибирь, но всѣ твои возраженія—все это подкупъ и больше ничего“. Такъ что въ этомъ отношеніи я счастливъ, что Сингаевскій со своей тупой фигурой, съ упрямымъ видомъ, малымъ развитіемъ остался вѣренъ себѣ и только покосился на того, кто его уличилъ въ томъ, что за дружеской бесѣдой среди арестантовъ съ довѣріемъ онъ дѣйствительно покался и сказалъ характерную вещь, сказалъ, относительно участія Латышева, — который почти покончилъ самоубійствомъ (потому, что броситься съ третьяго этажа, это значить покончить съ собой) —

„онъ слабовать въ „мокромъ“ дѣлѣ, его рвало въ то время“. И вотъ вамъ эти интервалы, которые тщетно старался объяснить г. гражданскій истецъ допросомъ гг. экспертовъ.

Относительно Швачки не хотѣлось бы мнѣ говорить. Но если бы шло о Бейлисъ, о, какъ бы подхватили эту улику, что бы тогда было сказано: сидѣли они вмѣстѣ, это не подлежитъ никакому сомнѣнью. Гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ двумя встрѣтившимся арестантамъ отвести свою душу, поговорить по душѣ? Да только въ камерѣ. И здѣсь Швачко нарисовалъ картину, которая вдругъ ударила меня по сердцу. По воспоминанію, что-то такое я какъ будто знаю, и я вспомнилъ записки изъ „Мертваго дома“ Достоевскаго и явственно услышалъ тотъ шепотъ, который именно раздается въ ночной тиши среди арестантовъ, когда имъ нужно отвести душу, когда они рассказываютъ о своихъ походахъ. Но я прохожу опять мимо. Если это въ пользу Бейлиса, это не годится, если бы это шло во вредъ Бейлису, это была бы великолѣпная и достовѣрная улика, это было бы то дважды два четыре. на которомъ такъ настаиваетъ гражданскій истецъ.

Господа присяжные засѣдатели, чтобы покончить съ вопросомъ, какъ и при какихъ условіяхъ это могло случиться, остается отвѣтить только на три вопроса. Это знаменитое глиняное пятно, которое нѣкоторые изъ экспертовъ толкуютъ такъ: на курткѣ сперва было глиняное пятно, а на немъ была кровь, маленькое пятнышко. Гражданскій истецъ Замысловскій говорить, —вы знаете, что кровь свертывается очень быстро. Да, кровь свертывается, но какъ свертывается? Онъ говоритъ,—къ нему не могла пристать глина. Однако, я бы сказалъ, что экспертъ Косоротовъ, когда я его спросилъ, кровь свертывается, но всетаки остается липкая и если размазать, придавить, потереть предметъ, то несомнѣнно помарка останется. Мы могли бы остановиться и на такой аргументаціи, чтобы не исключать возможности убійства въ квартирѣ, но г. прокуроръ намъ самъ помогъ и совершенно правильно, логически вѣрно и жизненно. Была весна, ранняя весна, когда снѣгъ не то таетъ, не то примерзаетъ; сапоги у всѣхъ были мокрые, естественно; у того же несчастнаго Андрюши ботинки съ резинками заморились, онъ бѣгалъ вмѣ-

стѣ съ Женей по Загоровщинѣ, по улицѣ и т. д. Естественно, что туда могли нанести достаточно глины, чтобы сказать, что въ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило убійство, слѣды глины могли появиться раньше, чѣмъ на немъ была кровь. Такъ что этотъ вопросъ остается совершенно вислящимъ въ воздухѣ, онъ ровно ничего не опредѣляетъ.

Но есть другой болѣе важный моментъ, —а гдѣ же были дѣти? Ну, не было Жени. Женя шустрый мальчишка, могъ гдѣ-нибудь бѣгать, а Валя и Люда, вы знаете, что это были дѣти улицы, онѣ постоянно были внѣ дома, когда только являлась возможность, а если бы даже онѣ вдумали забѣжать по лѣстницѣ, то одинъ простой подзатыльникъ матери Чеберяковой скovyрнулъ бы ихъ съ лѣстницы и они поплы бы обратно. Но мало того, есть въ высшей степени драгоцѣнное указаніе какой-то свидѣтельницы, впрочемъ, правда, тронутой недовѣріемъ г. прок.—Малицкой. Она говорила, что ей кто-то сказалъ: „странно, а вотъ дѣти только что пошли къ бабушкѣ, какъ разъ въ этотъ самый день“. Я у Люды спросилъ: скажите, вы у бабушки часто бываете?“ Нѣтъ не часто, рѣдко“. — „А когда ходите, вы долго остаетесь?“— „Два дня“.— „А когда вы ходили вскорѣ?“— „На другой день“. На другой послѣ чего? Почему ей такъ памятенъ этотъ фактъ? Несомнѣнно очень близко къ убійству были два дня, когда дѣти не были въ квартирѣ, т. е. не ночевали и не были въ квартирѣ Чеберяковой. Тогда вскочила Чеберякова и на вопросъ, не помню чей, сказала: „Да, да, они положимъ ходятъ, но никогда не бываетъ такъ, чтобы Женя и всѣ уходили, если Валя и Люда уходять, остается Женя“ и т. п.

Если мы будемъ основывать всю мѣру и доказательства на основаніи показаній Чеберяковой, тогда все кончено, потому что чувство самосохраненія у Чеберяковой такъ велико, что она естественно должна защищаться всѣми способами.

Затѣмъ остается, господа, одинъ моментъ, моментъ, повидимому, здѣсь уже использованный блестяще и ярко, потому что онъ самъ за себя говорить. Въ немъ столько внутренней трагедіи и столько внутренняго ужаса, что встають дыбомъ волосы, когда о немъ вспоминаешь,—это моментъ смерти Жени Чеберяка. Но я не буду больше тревожить ваши нервы и воображеніе съ той

точки зрѣнія, съ которой оцѣнили этотъ эпизодъ и моментъ прис. пов. Маклаковъ. Я не стану больше ихъ трогать. Но на минуту только я хочу остановиться на внутреннемъ истолкованіи для самого себя тѣхъ ощущеній, тѣхъ переживаній, которыя прошли передъ несчастнымъ мальчикомъ раньше, чѣмъ онъ навсегда закрылъ глаза. Припомните, при какой обстановкѣ, вспомните о Полипукѣ, который сторожилъ его слова, вспомните, что мать закрывала ему ротъ поцѣлуями. Я объ этомъ не говорю, но былъ одинъ торжественный моментъ и это близко подходило къ тому моменту, когда Чеберякова не прочь была свалить вину на Бейлиса. И вотъ какъ тутъ хитро и тонко было все обдуманно, если это только было обдуманно, моментъ исповѣди и свиданіе съ батюшкой. Призывается батюшка Синькевичъ, почтенный отецъ, но членъ „Двуглаваго орла“,—я говорю это для того, что значить это человѣкъ, который съ другими членами этого общества могъ совершенно искренно думать, что это дѣло евреевъ и что естественно ему хотѣлось бы узнать, хотѣлось бы имѣть доказательства болѣе прочныя по этому поводу. Вотъ приглашается этотъ батюшка. Г-жа Чеберякова и раньше, чѣмъ ввести его къ больному, говоритъ,—„Батюшка, вотъ о смерти Юшинскаго тутъ говорятъ, что евреи виноваты, но я этому не вѣрю“ и т. д. Превосходный маневръ на тотъ конецъ, если бы вдругъ послѣ этого Женья сказалъ батюшкѣ послѣ этихъ словъ: „Батюшка, во всемъ виноваты евреи“, тогда дѣйствительно получается потрясающая улика. Мать его не подучала,—это ясно, потому что она только что говорила, что это не евреи убили, а между тѣмъ, мальчика передъ смертью мучила совѣсть и онъ вдругъ это говорить. Но этого не произошло, произошло слѣдующее: во всѣхъ вскрикахъ ребенка, во всемъ бредѣ ребенка мы не слышали объ еврейяхъ, которые его напугали, никакіе страшные раввины съ пейсами или безъ пейсовъ ему не мерещились, нѣтъ, ему видится Андриша, онъ играетъ съ нимъ, слышитъ его крики, онъ говорить „зачѣмъ кричишь, Андриша“. И въ эту минуту, когда онъ дважды призываетъ этого священника и говорить ему: „батюшка, батюшка“—очевидно, онъ хочетъ что-то ему сказать и не можетъ, что же это? Онъ остановился для того, чтобы не изобличить Бейлиса?

Нѣтъ, онъ обличилъ бы его, онъ крикнулъ бы: „Батюшка, виноваты евреи“. Но его душило сознание, что онъ долженъ выпустить свою мать, а если бы были евреи, онъ облегчилъ бы посмертную исповѣдью свою душу. И ему, умирающему сыну, можно простить, что онъ пощадилъ свою мать. Вотъ гг. присяжные засѣдатели, все, что я имѣлъ сказать вамъ по поводу того обстоятельства, той картины, которая по моему мнѣнію, исключаетъ возможность вопроса о виновности Бейлиса. Завѣса, насколько возможно передъ вами поднята. Со смертью Жени Чеберякъ утратилась возможность идти дальше по этому слѣду и этотъ вопросъ долженъ считаться окончательнымъ и то, что могли дать мы вамъ, мы вамъ дали.

На ряду съ этимъ прокуроръ восклицалъ: „это дѣло называютъ дѣломъ Бейлиса. Кто же назвалъ это дѣло дѣломъ Бейлиса, кто они.—Это евреи? Да помило-сердствуйте, г. прокуроръ. Кто же назвалъ это дѣло дѣломъ Бейлиса, какъ не власть, которая привлекла по этому поводу именно этого подсудимаго, а не другого. Вотъ съ этой точки зрѣнія виновности Бейлиса я васъ спрошу, какія улики у васъ есть? Господинъ прокуроръ за все хватается: корова у Бейлиса ногу сломала, была ли корова... Въ какомъ отношеніи могла явиться улика при томъ разъясненіи, что не по поводу молока приходилъ Андриша? Слѣдовательно, причѣмъ тутъ корова. Затѣмъ говорятъ вамъ: швайка. Я торжествую, какъ защитникъ Бейлиса, что эти швайки нашлись, ихъ нашли въ августѣ, во всякомъ случаѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, завернутыми и въ порядкѣ. Подумайте только, если бы Бейлисъ подозрѣвался, что имѣются какія-то швайки, то уже по отдаленному разсказу онъ бы ихъ убралъ, скрылъ и боялся бы оставить такого рода улику. А они лежатъ къ великому счастью и когда ихъ распаковываютъ, оказывается, что ни одна не была орудіемъ этого убійства, а между тѣмъ говорятъ о швайкахъ. Да, швайки, да не тѣ швайки, которыя могли быть двадцать разъ скрыты, а онѣ же остались, какъ вещественное доказательство въ невиновности Бейлиса.

Еще есть одинъ моментъ, г. прокуроръ воскликнулъ: „Отчего онъ не говоритъ, что онъ гналъ дѣтей съ мяла. боится сознаться?.. Можетъ быть, когда-нибудь и гналъ? Но я вамъ докажу, что въ кругъ его обя-

занностей и въ его интересы не входило гнать дѣтей съ мяла, не говоря уже о томъ, что онъ жилъ далеко отъ этого мяла, а мяло, которое теперь у этого дома, сдѣлано недавно. Но кромѣ того, ни малѣйшаго интереса гнать дѣтей не было, потому что былъ подрядчикъ который дѣлалъ кирпичи, которые сдавались по счету. Не заводъ былъ хозяиномъ сдѣланныхъ кирпичей, пока ему не сдавали ихъ, а когда сдавали, тогда шелъ расчетъ подрядчика съ заводомъ, а пока былъ не обработанный кирпичъ его охраняли работники, Заславскій и самъ работникъ, который дѣлалъ кирпичъ. Вотъ кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не ломали на половинки кирпичъ, и поэтому былъ правъ тотъ, кто говорилъ: гнать ребенка сторожъ, можетъ быть старый, а можетъ быть и молодой, ни старый и не молодой. Такимъ образомъ съ какой стороны вы не пойдете, въ этомъ заключается сущность косвенныхъ уликъ, а прямыхъ уликъ нѣтъ. Какъ цѣпь, — одно звено хватается за другое и ведетъ васъ къ виновному человѣку, а тутъ, что вы не возьмете, разсыпается прахомъ потому, что тутъ не улики, а попутно схваченные намеки. Скуйте хоть одну цѣпь, хотя бы ненадежную, которая бы приводила къ виновности Бейлиса.

Г. прокуроръ повидимому, какъ опытный юристъ и судебный дѣятель, не можетъ не чувствовать, что улики слабы. Онъ говоритъ: ну, осудили бы Бейлиса, можетъ быть его оправдали бы, почему же тутъ все еврейство всколыхнулось? Зачѣмъ они бросились, вступились въ это дѣло? Не знаю, можетъ быть съ точки зрѣнія интересовъ Бейлиса было бы цѣлесообразнымъ если бы его первый разъ судили, когда былъ составленъ первый обвинительный актъ безъ Чеберякъ, безъ Дьяконовыхъ, просто такъ. Не утомленные присяжные засѣдатели сосредоточили бы все вниманіе на Бейлисѣ и сказали бы, невозможно его обвинить. Но когда выросло все это, когда вышло огромное дѣло, кто же въ этомъ повиненъ. Вы говорите, — еврейство, оно повинно, потому что въ этомъ дѣлѣ былъ затронутъ вопросъ о ритуалѣ. Мы хотѣли въ этомъ процессѣ разрѣшить тѣ сомнѣнія, которыя мучили небольшую часть людей, въ томъ смыслѣ: не существуютъ ли ритуальные процессы. Но разъ былъ затронутъ этотъ вопросъ, еврейство обяза-

но, какъ одинъ, встать на защиту этого. Здѣсь упоминались слова покойнаго Кремье, еврея, министра Франціи, онъ сказалъ то, да не то, что здѣсь цитировалъ патерь Пранайтисъ, онъ говорилъ, что въ этомъ еврейство заинтересовано, какъ одинъ человѣкъ: „Если бы въ нашей средѣ нашелся такой изувѣръ, то мы должны были бы изобличить его потому, что этого требуетъ нашъ ужасъ передъ такого рода преступленіемъ“. Евреи убѣждены въ томъ, что Бейлисъ не виновенъ, идетъ какой-то наѣвъ, который грозитъ разариться надъ головами евреевъ, и они схватились за всѣ средства. Сплотилось не одно еврейство, здѣсь не только евреи заинтересованныя лица. Когда получаетъ такую широкую огласку процессъ, когда возникаютъ такіе сложные темные вопросы о томъ, какъ творится у насъ на Руси правосудіе, то не одни евреи смѣло бросаются на защиту въ собственныхъ интересахъ.

Здѣсь одинъ изъ представителей гражданскаго истца бросилъ намъ, я не скажу упрекъ, а слово, что мы прислужники еврейскіе, что мы служимъ евреямъ. Да, я съ гордостью говорю, что въ этомъ дѣлѣ я служу интересамъ евреевъ, потому что на ихъ сторонѣ правда, и что всегда и въ будущемъ пока хватитъ моихъ силъ я всегда откликнусь на защиту всѣхъ интересовъ, которые я считаю несправедливо поруганными.

Я, присяжные засѣдатели, могъ бы кончить, но есть еще вопросъ, на которомъ можно было остановиться, этотъ вопросъ соприкасается съ этимъ дѣломъ и непосредственно связалъ съ нимъ до того момента, пока одинъ изъ гражданскихъ истцовъ г. Шмаковъ не сказалъ, что онъ не знаетъ виновенъ ли Бейлисъ или нѣтъ и потому предложилъ на ваше разрѣшеніе два вопроса: 1) совершенно ли это убійство съ религіозной цѣлью евреями, и 2) не виновенъ ли Бейлисъ? Отвѣйте намъ, что Бейлисъ не виновенъ, но признайте, что ритуальные убійства совершаются. Но вѣдь такое рѣшеніе вопроса представляло бы общественную опасность. Когда г. гражданскій истецъ допрашивалъ г. Бехтерева, психіатра, онъ отвѣтилъ, я не вижу ни ритуала ни поддѣлки на ритуаль, такъ какъ я не знаю, что такое ритуаль и о какой поддѣлкѣ можетъ быть

рѣчь. Когда говорятъ о поддѣлкѣ, даютъ нѣчто подлинное и даютъ нѣчто фальшивое и тогда экспертъ можетъ сказать: да, это поддѣлка, а когда является необычное количество ранъ, тогда ни одинъ экспертъ въ мірѣ не отвѣтитъ вамъ, что это такое, ритуальъ это, или поддѣлка.

Г.г. присяжные засѣдатели, остается одинъ вопросъ. Г. прокуроръ съ нѣкоторой неохотой оставался на этихъ книгахъ, на Зогарѣ, Талмудѣ и т. д. У него даже было такое выраженіе — да, какое мнѣ дѣло до всего этого. Когда привели одинъ текстъ о томъ, какъ одѣвается еврей, когда молится Богу, и было сказано, что есть бѣлыя и синія нити въ бахрамахъ, то господинъ прокуроръ съ нѣкоторымъ чувствомъ недоумѣнія сказалъ: какія тамъ нити?... Г.г., когда рѣшается мировой вопросъ, надо изучать его, нѣтъ мелочей, которыя не надо было бы изучать. Когда хочешь доказать изувѣрство, то надо знать, что есть изувѣрство и что нѣтъ. Кто не видѣлъ какъ молится набожный правовѣрный еврей: онъ облачается въ полосатую хламиду, онъ обвязываетъ себѣ руку ремнемъ и т. д. Судя по тому, какъ г. прокуроръ изумлялся нитямъ, видно, какъ мало онъ по этому вопросу знаетъ. Но вѣдь нельзя же подходить къ вопросу, который хочешь разрѣшить, съ такой брезгливостью, съ такимъ нежеланіемъ проникнуть его сущность, нежеланіемъ знать его основу.

Далѣе, идетъ вопросъ, зачѣмъ понадобилась кровь? — Для чего-нибудь да понадобилась, не все ли равно — зачѣмъ И вотъ, опять: когда вы говорите о ритуальѣ, когда вы говорите, что все вѣрованіе еврейское заключается въ жаждѣ крови, въ жертвоприношеніи, то по крайней мѣрѣ опредѣлите, что это такое... Говорятъ Бейлисъ пекъ мацу. Или, все равно — не пекъ, такъ присутствовалъ при этомъ. Говорили — не въ мацу ли примѣшивали кровь? Вспомните, господа, честную, простую и убѣдительную экспертизу проф. Коковцова, который говорилъ: я повѣрю скорѣй, что еврей будетъ ѣсть обезкровленный трупъ, человѣческое мясо, чѣмъ повѣрю, что онъ будетъ пить человѣческую кровь, потому что употребленіе крови строго запрещено ему закономъ. Г. прокуроръ и г.г. гражданскіе ист-

цы все время говорили, что культъ жертвоприношеній такъ близокъ евреямъ, что они отъ него откажутся не могутъ. Да, храмъ разрушенъ, но они мечтаютъ о возстановленіи храма, о возстановленіи жертвоприношеній. Боже сохрани. Всѣ отлично понимаютъ, что мы всѣ славяне (г. прокуроръ сказалъ, что онъ германецъ), по своимъ атаквистическимъ воспоминаніямъ гораздо ближе къ людской человѣческой крови, чѣмъ еврей, потому что не прошло еще 1000 лѣтъ, какъ мы приняли христіанство, а ранѣе мы приносили жертвы богу Перуну. Евреямъ же Авраамъ еще указалъ, чѣмъ они должны замѣнить жертвоприношеніе. Г. представитель обвиненія помирился съ тѣмъ, что кровь не для употребленія въ пищу нужна, а такъ, для чегонибудь — моельню покропить. Во-первыхъ, моельня заложена была 7-го марта и слѣдовательно это предположеніе должно быть отброшено какъ неосновательное, могущее только затемнить вашу судейскую совѣсть.

Большую роль играли здѣсь слова: падикъ и хасидъ. Я даже былъ остановленъ г. председателемъ, когда сказалъ, что Шнеерсонъ фигурировалъ здѣсь въ качествѣ вещественнаго доказательства. Слова — падикъ и хасидъ — постоянно повторялись, и когда говорили о человѣческихъ жертвахъ, тогда говорили намъ — падикъ и хасидъ. Къ счастью прошли передъ нами эксперты и теперь съ трудомъ мы начинаемъ догадываться о томъ, что это такое. Мы знаемъ теперь, что это была отдѣлившаяся часть еврейства, которая говорила остальному еврейству: „покайтесь, вы предались дѣламъ мірскимъ, вы заняты торговлей, вы забыли о Богѣ. Вы не ходите ни въ синагоги, ни въ моельни, вы сдѣлались какими то идолопоклонниками“. На первыхъ порахъ это была страстная молитва. Молились съ полнымъ общеніемъ съ Богомъ. Можетъ быть были нѣкоторыя нелѣпости, абсурды, но вамъ въ своей прекрасной экспертизѣ экспертъ Мазе разъяснилъ самыя основы хасидизма, разъяснилъ, что основы эти нашли пищу въ еврействѣ. Всѣ поняли, что Израиль долженъ думать о Богѣ и вотъ чѣмъ были замѣнены жертвоприношенія: молитвой и общеніемъ съ Богомъ, не лицемернымъ, а всей душой. Дѣйствительно, если бы вы

видѣли, какъ молится правовѣрный еврей, тогда вы поняли бы, что онъ чувствуетъ надъ собою каждую минуту тѣ слова, которыя онъ произноситъ. Но говорятъ, что всѣ евреи, или почти всѣ, занимаются жертвоприношеніями—развѣ не ясно, что обвиняется все еврейство, развѣ у нихъ нѣтъ сектъ. Г.г. присяжные засѣдатели, здѣсь правильно указавъ вамъ экспертъ Мазе, что въ еврейской исторіи, въ еврейской жизни, создаться сектамъ было трудно. Были попытки, но секты эти тотчасъ же отсѣкались отъ еврейства. Когда же возникли новыя теченія въ еврействѣ, то все, что было лучшаго воспринималось всѣмъ еврействомъ. И это понятно, господа, у насъ есть родина, у насъ есть почва, на которой мы живемъ, мы можемъ фантазировать на счетъ Господа Бога: у насъ есть бѣгунъ, скопцы и друг. Но этотъ народъ, у котораго нѣтъ почвы, у котораго нѣтъ родины у котораго надъ головой шатеръ—звѣздное небо, а наверху одно ихъ спасеніе—оберегающій ихъ Господь Богъ. Они только тѣмъ сильны, что вѣрятъ въ единого Бога, молятся ему и исключаютъ изъ своего общества всѣхъ тѣхъ, которые явились бы съ новыми затѣями. Г.г. эксперты разъяснили вамъ, и я надѣюсь, что вы повѣрили тому, что они говорили правду о томъ, что это были не наемные клеветы. Они говорили вамъ, что жертвоприношеніе человѣческое исключено изъ того культа Бога живого, въ котораго вѣритъ Израиль.

Но когда обвинители отчаялись бороться съ текстами и указаниями они бросаютъ вамъ другое, то, чего нельзя вводить въ судебное дѣло, гдѣ разборъ доказательствъ, гдѣ идетъ критическая оцѣнка. Вамъ говорятъ: а святые? На Западѣ, въ католической церкви есть святые, замученные евреями. По счастью, большинство этихъ святыхъ не признается нашей церковью. Есть святые, которые чтутся и у насъ, и въ католической церкви, но не изъ этихъ. Я могъ бы сказать: позволите, это дѣло вѣры католиковъ, но я вообще думаю, что когда сходятся два борца, или нѣсколько борцовъ между собою въ тѣсномъ пространствѣ и когда они хотятъ бороться по всѣмъ правиламъ, то всѣ хрупкіе предметы, все священное они отставляютъ въ сторону, чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ не

оскорбить ихъ. Среди васъ можетъ быть сидитъ лютеранинъ, который не признаетъ святыхъ. Въ глубинѣ души каждый можетъ чтить того, или другого святого, но выводить изъ этого доказательства относительно виновности подсудимаго вы не имѣете ни малѣйшаго права.

Я почти кончилъ. Мы конечно гораздо счастливѣе евреевъ, но г. прокуроръ говорить о какомъ то ихъ необычайномъ засиліи. Г. прокуроръ даже обмолвился, бросилъ какую то фразу о томъ, что онъ самъ чувствуетъ какую то тяготу, что онъ самъ ощущаетъ этотъ гнетъ. Я думаю, что не всегда люди по собственному самочувствію судятъ правильно.

Какой гнетъ еврейскій можетъ тяготѣть надъ г. прокуроромъ? Я вѣрю, что онъ въ этомъ процессѣ могъ чувствовать извѣстный гнетъ и можетъ быть, когда онъ успокоится, онъ пойметъ, какъ тягостно и трудно шагнуть черезъ невиннаго, чтобы разрѣшить мировую загадку.

Я, господа присяжные засѣдатели, почти кончаю, но мнѣ хочется сказать вамъ одно. Засилія еврейскаго я не боюсь и вы его не бойтесь. Есть оно, или нѣтъ, для меня это безразлично и если оно есть,—это моментъ переходящій. Чего не вынесла наша Русь: и татарское иго, и крѣпостное право. Все разсѣялось, жить можно. Мы счастливѣе чѣмъ евреи: они ждутъ своего спасителя, а у насъ Онъ есть и Онъ далъ намъ свой завѣтъ: „любите ближняго, какъ самого себя. Не дѣлайте различія ни между Эллиномъ, ни Иудеемъ“. Вся наша задача заключается въ томъ, чтобы наше человѣческое достоинство, нашу личность поднять такъ высоко, чтобы евреи смотрѣли на насъ, какъ на нѣчто совершенное. Г. прокуроръ сказалъ, что мы пережили ужасную смуту. Я, господа, не политикъ и сознаюсь, что ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ, политическихъ организаціяхъ и партіяхъ сознательно не принимаю участія. Я есть, былъ и умру судебнымъ дѣятелемъ.

Предъ Я не могу этого позволить—это свидѣтельское показаніе...

К а р а б. Вы сомнѣваетесь въ этомъ? Я молчу.

Я хотѣлъ сказать, кто бы вы не были—правые или лѣвые — это безразлично, лишь бы вы были людьми. Ищите человѣка, старайтесь быть человѣкомъ и вы ис-

полните вашъ долгъ на всякомъ попрѣщѣ. Этотъ процессъ меня глубоко трогаетъ и волнуетъ. До сихъ поръ, если у насъ было чистое, святое учрежденіе, не поддающееся никакимъ вліяніямъ постороннимъ, то это былъ нашъ судъ присяжныхъ, который мы чтили, гордились имъ и берегли его, какъ святыню. Гг. присяжные засѣдатели, я прошу васъ, сохраните его и этимъ вашимъ приговоромъ. И да поможетъ вамъ Богъ.

Возраженіе прокурора.

Послѣ рѣчи Н. П. Карабчевскаго возражаетъ тов. прокурора О. Ю. Випперъ.

Прокуроръ. Гг. присяжные засѣдатели. Пора кончать,—такъ началъ свою рѣчь послѣдній защитникъ, прис. пов. Карабчевскій. Да, дѣйствительно, пора кончать, потому что есть предѣлъ всякой человѣческой энергии, всякому вниманію, и вы уже всѣ достаточно измучены. Когда я кончилъ первую свою рѣчь, я думалъ, что я исчерпалъ всѣ доводы, привелъ всѣ соображенія, полагалъ, что и представители гражданскаго иска исчерпали весь матеріалъ, но, оказывается, ошибся. Г. Карабчевскій главнымъ образомъ удѣлил мнѣ свое вниманіе и подвергъ мою рѣчь извѣстной критикѣ, извѣстнымъ нападкамъ. Но я въ полемическимъ приемамъ прибѣгать не буду, въ этомъ отношеніи я совершенно спокоенъ и никакой страстности, думаю, на этотъ разъ въ свою рѣчь не введу. Гг. присяжные засѣдатели, мнѣ казалось, что положеніе защиты—положеніе тяжелое. И когда говорилъ прис. пов. г. Грузенбергъ, то мнѣ казался онъ утопающимъ, который хватается за соломинку. Г. Грузенбергъ хватался, какъ за соломинку, за легенду о прутикахъ, въ которую онъ продолжалъ вѣрить, несмотря на то, что эта легенда мнѣ казалась смѣхотворной и несостоятельной. Вѣдь эта легенда была изобрѣтена начальникомъ сыскной полиціи Мишукотъ, затѣмъ она поддерживалась Красовскимъ. Эту легенду о прутикахъ вѣдь выдвинула какая-то неизвѣстная пьяная женщина и какой-то неизвѣстный мальчикъ, такъ и оставшіяся необнаруженными. Несмотря на несостоятельность этой легенды, за нее ухватился г. Грузенбергъ. Мало того, прис. пов. Карабчевскій также вѣритъ этой легендѣ, хотя онъ совершенно не напоминалъ утопающаго, потому что въ его тонѣ, въ его голосѣ было твердое убѣжденіе, чув-

ствовала торжественность, побѣдоносность, увѣренность, что онъ насъ сокрушилъ, что онъ не оставилъ камня на камнѣ отъ нашихъ обвинительныхъ положеній, съ чѣмъ мнѣ, конечно, не приходится соглашаться.

Гг. присяжные засѣдатели, насколько я понимаю, прис. пов. Карабчевскій отличается рѣдкой довѣрчивостью. Онъ довѣряетъ этой послѣдней версіи о Сингаевскомъ, Рудзинскомъ и Латышевѣ. Онъ не находитъ нужнымъ останавливаться на показаніяхъ, которые были такъ подробно разобраны представителемъ гражданскаго иска, показаніяхъ Махалина, Караева, Малицкой и Дьяконовыхъ, онъ даже упрекаетъ представителя гражданскаго иска за то, что онъ слишкомъ математиченъ, слишкомъ логиченъ, что онъ представилъ всѣ данныя, всѣ соображенія. Вы помните, гг. присяжные засѣдатели, эту рѣчь представителя гражд. иска. Она была произнесена глубоко проникновеннымъ тономъ, въ ней были разботаны всѣ мельчайшія детали. Съ точки зрѣнія г. Карабчевскаго, такой методъ является недостаткомъ рѣчи, ну а мы какъ разъ видимъ въ этомъ ея достоинство. Но вотъ, прис. пов. Карабчевскій никакихъ данныхъ не привелъ, онъ прямо говорилъ: вѣрю и вѣрю. Онъ вѣритъ въ это, несмотря на то, что эта версія—г. Красовскаго, созданная на деньги ужъ, конечно, не Бейлиса, а другихъ. Мало того, онъ вѣритъ Махалину, Бразулю—сотрудникамъ г. Красовскаго, являющимся въ роли свидѣтелей, и прямо намъ рассказываетъ, какъ все произошло, но по отношенію къ Рудзинскому, Сингаевскому и Латышеву онъ поступаетъ иначе, хотя они тоже являются свидѣтелями по дѣлу. Съ ними г. Карабчевскій обращается весьма рѣшительно. Что же стѣсняется съ какими-то ворами, съ ворами стѣсняется нечего, тѣмъ болѣе, что Грузенбергъ называлъ ихъ разбойниками, хотя они обвиняются не въ разбоѣ, а въ вооруженной кражѣ посредствомъ взлома. Какіе то ломки, ломки! Г. Карабчевскій ярко рисуетъ намъ картину убійства. Вотъ пришелъ мальчикъ, и внезапно у этихъ воровъ явилось побужденіе убить. По мнѣнію г. Карабчевскаго, который вѣроятно уже давно не защищаетъ мелкихъ ворюшекъ, по мнѣнію г. Карабчевскаго у ~~кажд~~аго вора въ кар-

манѣ имѣется ломикъ, отвертка, какъ швачка, но надо полагать, что онъ ошибается, что у воровъ такого орудія какъ швайка не бываетъ, во-первыхъ, потому что въ карманѣ ее носить неудобно, а во-вторыхъ, потому, что швайкой рѣшительно ничего не сдѣлаешь. Отвертка, отмычки, подобранный ключъ—я это понимаю, но не знаю, врядъ-ли такое орудіе какъ швайка удобно. Какъ шорный инструментъ она имѣетъ смыслъ, но у воровъ ея обыкновенно не бываетъ. Итакъ, съ точки зрѣнія Карабчевскаго, вполнѣ возможно, что заходить мальчикъ, котораго воры рѣшили использовать для кражи собора—объ этомъ рѣчь впереди. Они, недовольные тѣмъ, что Ющинскій будто-бы ихъ выдалъ, рѣшили убить его, въ чемъ, правда, г. Карабчевскій не соглашается съ Грузенбергомъ, потому что, по мнѣнію Грузенберга, Рудзинскій даже выкупилъ накануне свой костюмъ, такъ какъ онъ зналъ, что на слѣдующій день ему надо будетъ убить и перемѣнить окровавленный костюмъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Грузенбергъ расходится съ прис. пов. Карабчевскимъ. Итакъ, оказывается, по словамъ г. Карабчевскаго, который не видѣлъ этого собственными глазами (можетъ быть, онъ это видѣлъ во снѣ), они начинаютъ наносить удары въ голову. Латышевъ, который къ „мокрому“ дѣлу былъ неспособенъ, держитъ ротъ, а Рудзинскій, который учился въ фельдшерской школѣ, правда, онъ до анатоміи не дошелъ, онъ учился только географіи, исторіи, славянскому языку, можетъ быть еще какимъ-нибудь предметамъ, можетъ быть зоологіи, о чемъ такъ успокоился г. Карабчевскій, вотъ эта „министерская голова“ расписываетъ и убиваетъ. Какъ это все просто, понятно, какъ это все естественно! А Чеберякъ? Чеберякъ, вѣроятно, тутъ стоитъ. А дѣти? Дѣтей отправили накануне еще къ бабушкѣ, а, можетъ быть, и тутъ стоять, присутствуютъ. Затѣмъ, Грузенбергъ идетъ далѣе. Онъ говоритъ, что по его мнѣнію дѣло происходило приблизительно такъ. Правда, онъ не расписываетъ подробности, онъ свидѣтелемъ не былъ,—что послѣ того, какъ нанесли удары въ голову, начали, будто-бы, колоть и бить, и даже, будто-бы, сняли куртку. Когда же все это окончилось, тогда вздумали „подъ жи-

довъ“ это сдѣлать и потомъ бросить въ пещеру. Но мы знаемъ, что они въ тотъ же вечеръ уѣхали въ Москву, но этимъ обстоятельствомъ не стѣняется г. Грузенбергъ. Куда же вынесли трупъ? Въ погребъ. Но онъ вспомнилъ, что въ то время никакого погреба у Чеберякъ не было, потому что онъ былъ переданъ Балавину, но это обстоятельство не стѣняется г. Грузенберга, онъ идетъ далѣе и говоритъ, что если не въ погребъ, то въ сарай. Но вѣдь въ сараѣ не было глинянаго пола, тамъ полъ былъ деревянный, но и этимъ не стѣняются. И вотъ они вечеромъ несутъ трупъ по тому самому двору, гдѣ и Наконечный, и дѣти, гдѣ всѣ могутъ видѣть, слышать, знать. Но что тутъ стѣняться, вѣдь воры все могутъ сдѣлать, перенесли трупъ въ погребъ, а ночью перенесли въ пещеру. А когда же кража? Да кражи вѣроятно они и не совершали. Но мы этого предположить не можемъ. Какъ же такъ? Вѣдь Рудзинскій привлекался въ качествѣ обвиняемаго въ кражѣ у Адамовича какъ разъ въ эту субботу. Правда, прокурорскимъ надзоромъ было написано заключеніе о превращеніи этого дѣла. Но мы не знаемъ какими соображеніями руководствовался прокурорскій надзоръ. При этомъ, я обратилъ вниманіе на то, что Рудзинскій уже былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ и, слѣдовательно, это высшее наказаніе покрывало то, къ которому онъ могъ бы быть приговоренъ за эту кражу. Какія соображенія были приведены въ заключеніе относительно Сингаевскаго—я сказать не могу, но укажу на то обстоятельство, что разъ Рудзинскаго не привлекали, то и Сингаевскій не былъ привлеченъ. Мы знаемъ, что на слѣдующее утро они уѣзжаютъ въ Москву, слѣдовательно переносить трупъ они не могли. Но какъ же, не въ квартирѣ же Чеберякъ держала трупъ. Это даже Грузенбергъ понимаетъ. А кто же перенесъ въ пещеру ночью, когда воры кражу совершали—это неизвѣстно.

Вотъ, гг. прис. засѣдатели, такимъ образомъ, гг. прис. повѣренные явились здѣсь въ роли свидѣтелей. Тогда, почему же мы не будемъ въ роли свидѣтелей? Я совсѣмъ не хотѣлъ изображать изъ себя свидѣтеля, но когда я говорилъ, что кромѣ Бейлиса здѣсь участвовали другія лица, я сказалъ

на тѣхъ, кто жилъ на территоріи завода и не находилъ возможнымъ прямо избочичать тѣхъ лицъ, которыя фигурировали здѣсь въ качествѣ свидѣтелей. Я не находилъ-бы возможнымъ печатать портреты, какъ это дѣлалось по отношенію къ другимъ лицамъ, портреты Шнеерсона и Дубовика и говорить: вотъ вамъ возможные убійцы, я не находилъ этого возможнымъ. потому что они не были привлечены къ дѣлу. Но теперь, послѣ того, какъ защита позволила себѣ это сдѣлать, теперь я нахожу возможнымъ выступить въ роли свидѣтеля. А я вамъ нарисую такую картину. Мендель Бейлисъ схватилъ Андриюшу и потащилъ его въ помѣщеніе рядомъ съ конюшней, или даже въ конюшню,—я этого не знаю, это только мое предположеніе.—И тамъ уже стоитъ старикъ Чернобыльскій, или какіе-нибудь другіе евреи и ждуть,—они тамъ ждали, потому что я считаю, что преступленіе было совершено съ заранѣе обдуманной цѣлью,—тамъ стоялъ Шнеерсонъ, о которомъ я вамъ говорилъ, и который, какъ мы видѣли, блѣднѣлъ здѣсь на очной ставкѣ съ Олимпіадой Нѣжинской, тотъ самый, одинъ видъ котораго, если хотите, внушаетъ мнѣ гораздо больше сомнѣнія, чѣмъ видъ Сингаевского и Рудзинскаго. Вы посмотрите только на его характерное лицо, и кто знаетъ, возможно, что не Сингаевскій наносилъ эти удары въ голову, а именно Шнеерсонъ, потому что вѣдь Шнеерсонъ сынъ духовнаго лица, рѣзника, который занимается исключительно убоемъ животныхъ (и этотъ рѣзникъ пріѣзжалъ сюда въ февраль мѣсяцъ, вѣдь его видѣли незадолго до убійства въ томъ самомъ мѣстѣ), а этотъ г. Шнеерсонъ, этотъ интеллигентный на видъ еврей, вѣроятно знаетъ это искусство. Такъ почему-же я не имѣю права сказать, разъ Мендель Бейлисъ схватилъ и потащилъ несчастнаго мальчика—вѣдь у него соучастники были,—почему я не могу сказать, что, можетъ быть, именно Дубовикъ, управляющій завода Зайцева, и этотъ Шнеерсонъ и наносили удары. Вѣдь это все евреи, послѣдователи этого толка, евреи, которые уважаютъ Зайцева, евреи, которые постройку молебни признаютъ очень важной, можетъ быть, и для послѣдней кровь была нужна. Я имѣю право все это говорить, разъ позволила себѣ говорить защита. Я бы не стала этого дѣлать, но разъ защита позволила себѣ, то и я дѣлаю

свидѣтелемъ. Да, г.г. прис. засѣдат., защита предъявила удивительныя претензіи къ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ Машкевичу. Защита ужасно недовольна его разслѣдованіемъ. Я-же доволенъ. Доволенъ не потому, что онъ далъ мнѣ весь обвинительный матеріалъ, собралъ все важныя доказательства, ибо иначе я не стоялъ бы, если бы я не былъ увѣренъ въ виновности Бейлиса, въ виновности евреевъ, которые совершили это, но потому, что при первомъ разсмотрѣніи дѣла, когда я знакомился съ актами этого слѣдствія, когда суд. слѣд. Машкевичъ еще не приступалъ къ производству дополнительнаго слѣдствія, я замѣтилъ много слабыхъ мѣстъ въ этомъ дѣлѣ, на которыя и было обращено вниманіе г. Машкевича, проявившаго дѣйствительно, страшную, колоссальную энергію. Имъ не нравятся дѣятельность его! Прежде всего, ему ставится въ упрекъ вотъ что. У мальчика Ющинскаго былъ найденъ волосъ чернаго цвѣта, который сравнивался съ волосами изъ бороды Бейлиса. Вообще говоря, этотъ волосъ особаго значенія не имѣетъ, трудно предположить, какое онъ имѣетъ отношеніе, тѣмъ болѣе, что даже трудно сказать, какъ онъ очутился у мальчика въ калсонахъ. Его сравнивали съ бородою Бейлиса, оказалось, что онъ не подходитъ. Такъ вотъ, суд. слѣдоват. Машкевичу ставятъ въ упрекъ, почему онъ не сравнилъ его съ волосами Рудзинскаго, Сингаевского и Латышева, хотя, какъ мы знаемъ, послѣдній былъ рыжій, („Ванька Рыжій“) а другіе были бритыми, бородъ у нихъ не было. Но развѣ суд. слѣдов. былъ обязанъ сравнивать этотъ волосъ съ волосами лицъ, которыхъ угодно было защитить заподозривъ? А я скажу: почему-же не сравнили съ волосами Шнеерсона и другихъ евреевъ, которые живутъ на территоріи завода. Судебный слѣд. этого не сдѣлалъ и претензіи, предъявляемыя къ нему, представляются мнѣ совершенно несостоятельными. Далѣе, суд. слѣд. отобралъ глину съ разныхъ мѣстъ завода, и сдѣлалъ это совершенно правильно. Онъ предполагалъ, что разъ глина оказалась на курткѣ мальчика, то нужно взять глину съ разныхъ мѣстъ для сравненія. Вотъ и было взято шесть пробъ. Одна изъ пробъ чрезвычайно непріятная для защиты, проба № 3, оказалась съ легкой примѣсью извести, оказалась чрезвычайно сходной съ

той, которая была на курточкѣ. Улика страшная. Известь эта получилась отъ того, что тамъ бѣлили помѣщеніе. Защита не можетъ никакъ простить суд. слѣдователю такого замѣчательнаго дѣйствія, этотъ актъ вызываетъ въ ней ненависть. Какъ-же,—говоритъ она,—тамъ глину брали, а вотъ у Чеберякъ не взяли. Но гдѣ-же было ее взять? въ квартирѣ? тамъ полъ. Въ погребѣ? Но въ то время у Чеберякъ погреба не было. Претензія эта явно несостоятельная. Намъ говорить, что мы все стараемся объяснить въ нашу пользу, но вѣдь эта-то улика точно установлена на судѣ помимо насъ. А вотъ защитѣ она неприятна въ высшей степени. Гг. прис. засѣд., защита здѣсь еще указывала на то, что между нами разногласіе. Она очень довольна, когда происходитъ разногласіе между мной и представителями гражданскаго иска. Но въ чемъ-же наше разногласіе? Я высказалъ въ видѣ предположенія, что убійство совершено въ помѣщеніи рядомъ съ конюшней. Насколько я помню, г. Замысловскій держался того-же взгляда, или онъ уклонялся отъ рѣшенія этого вопроса. Но вѣдь это все область предположеній, можетъ быть, мальчикъ былъ заколотъ передъ конюшней, а потомъ его втокнули туда. Мы не можемъ знать, гдѣ именно это все происходило. По моимъ соображеніямъ, первый ударъ былъ нанесенъ не въ закрытомъ помѣщеніи, но послѣ того, какъ нанесенъ былъ первый ударъ, втокнули въ это помѣщеніе, сняли куртку, и дальнѣйшіе акты этого преступленія происходили уже въ закрытомъ помѣщеніи. Г. повѣренный пражд. истца Шмаковъ находить, что все происходило на открытомъ воздухѣ, въ виду того заключенія, которое далъ проф. Косоротовъ. Особого разногласія нѣтъ, особенно если допустить, что дверь была открыта. Вѣдь они не стѣснялись, рабочихъ не было, или рабочихъ отослали внизъ, естественно, что первый ударъ могъ быть нанесенъ на открытомъ воздухѣ, а потомъ уже все происходило въ конюшнѣ, либо въ помѣщеніи рядомъ съ конюшней. Такъ что никакого разногласія я не усматриваю. Затѣмъ Грузенбергъ находить, что мы расходимся относительно участія Чеберякъ и другихъ. Я долженъ сказать, что въ этомъ отношеніи дѣйствительно есть разногласіе, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что каждый изъ насъ говоритъ

по собственному убѣжденію. Одинъ вѣдь такъ можетъ смотрѣть, другой иначе, вѣдь мы не имѣемъ точныхъ доказательствъ. Затѣмъ я говорилъ относительно Чеберякъ, какую роль она играла. Я сказалъ, что одна изъ дѣвочекъ Волощенковыхъ показала, что всѣ на Лукьяновкѣ говорили, что Чеберякъ продала Андриюшу жидамъ. Я сказалъ по поводу этихъ словъ: слова не выкинешь, если оно было сказано. Причемъ, я добавилъ, что хотя гласъ народа есть гласъ Божій, какъ говорить русская пословица, но, можетъ быть, это и не такъ. Я сказалъ, что какая-то цѣль у нея можетъ быть и была, и что разъ эти слова были сказаны, то роль ея мнѣ представляется странной, загадочной, непонятной. Она знаетъ и, можетъ быть, до нѣкоторой степени причастна, но это только мое предположеніе, предположеніе, основанное на томъ, что когда я ее спросилъ, куда дѣвалось пальто, такъ какъ 12 марта видѣли Андриюшу около ея квартиры безъ пальто,—это обстоятельство, которое меня смущало,—Чеберякъ отвѣтила, что ничего не знаетъ. Представьте себѣ, гг. прис. засѣдатели, такое положеніе: мальчикъ зашелъ къ ней и оставилъ пальто у нея. А самъ ушелъ съ дѣтьми. Черезъ нѣсколько времени прибѣгаютъ дѣти Женья и Люда и говорятъ: вотъ что случилось, за нами погнались и т. д. Что ей было дѣлать? Представьте себѣ, что она узнала про убійство въ тотъ же самый день. Представьте себѣ, что она идетъ на заводъ къ тому же самому Бейлису, съ которымъ была знакома. Можетъ быть ей говорить: ты воровка, а вѣдь пальто у тебя, мальчикъ былъ у тебя, ты и будешь въ отвѣтѣ. И вотъ въ силу ея лживости.—я вѣдь отнюдь не утверждаю, что она женщина высокихъ нравственныхъ качествъ.—въ силу того, что она была замѣшана въ другомъ, она стала путаться, сбиваться. Однако, гг. евреи ее не выдвигаютъ, они ее держатъ на самый конецъ. Они говорятъ ей: ты замѣшана, пальто осталось у тебя, такъ вотъ прими вину на себя, но ты не бойся, тебя освободятъ, тебя оправдаютъ, потому что противъ тебя мало уликъ, и все будетъ хорошо. Но она на эту удочку не поддалась. Я не знаю, какія у нея были отношенія съ Бейлисомъ, но она чего то боится; мы знаемъ, что Чеберякова волнуется, боится. Вотъ когда умираетъ

Женя, несомненно она боялась, что о ней что-то расскажет лишнее и впутает ее въ это дѣло, теперь она спокойнѣе, потому что она является въ роли свидѣтельницы. Вотъ какъ—мнѣ представляется, почему Чеберякова путается, но я совершенно не знаю, можетъ быть пальто у нея и не было, можетъ быть ее запутали какими-нибудь другими путями, только потому, что она имѣетъ знакомство съ лицами, занимающимися темными дѣлами. Но я совершенно не согласенъ съ г. Шмаковымъ, что нужно осудить Бейлиса и можетъ быть, послѣ этого посадить Чеберякову на скамью подсудимыхъ. Нѣтъ и нѣтъ! Дѣло въ томъ, что надо было это сдѣлать съ самаго начала. Я былъ-бы далеко отъ истины, если-бы сказалъ, что мы раскрыли это дѣло во всей полнотѣ. Нѣтъ, намъ удалось взять только одного человѣка, а совершили это дѣло человѣкъ 5—6, а трупъ уносили тоже нѣсколько человѣкъ. По собственному признанію гг. защитниковъ, трупъ уносится христіанами, а не евреями (двигеніе среди защиты). Намъ не дали здѣсь огласить саратовскаго дѣла, тамъ есть указанія по этому поводу. Защита протестовала, возражала противъ оглашенія, я не буду теперь объ этомъ говорить, но долженъ сказать только одно, что христіанинъ долженъ уносить трупъ. Защита здѣсь возмущалась тѣмъ, какъ это христіанинъ будетъ уносить трупъ. Но разъ она допускаетъ, что христіане совершили это звѣрское убійство, то почему не допустить, что за деньги христіане могутъ унести, куда угодно трупъ. Мы знаемъ, что есть люди, недостаточно брезгливые, которые за извѣстное вознагражденіе, можетъ быть, за 10—5 руб., на все пойдутъ. Мы не знаемъ, кто выносилъ трупъ, во всякомъ случаѣ наше положеніе не опровергнуто... Гг. прис. засѣдатели, я перейду теперь къ одному обстоятельству, котораго защита коснулась поверхностно, обстоятельству, касающемуся ритуальныхъ признаковъ. Вотъ эти знаменитые 13 уколовъ, противъ которыхъ такъ горячо возражала защита, такъ возмущалась и не хотѣла, чтобы была предъявлена фотографическая карточка. Почему было такъ волноваться, если это такое пустячное обстоятельство? Г. Карабчевскій, если не ошибаюсь, спуталъ эхадъ съ хахада. Хахада это трактатъ Талмуда, а эхадъ значить

единъ Богъ. Каждый расклавшійся грѣшникъ, умирая, произноситъ это слово, что соответствуетъ 13. Такимъ образомъ, 13 является сакраментальнымъ числомъ: мы знаемъ, что умирающій человѣкъ сопоставляется съ животнымъ, которое при замкнутомъ ртѣ и т. д., затѣмъ, здѣсь говорили о 13 подсвѣчникахъ, противъ чего защита возражала, говорила, что это не 13 подсвѣчниковъ, а 13 лампадъ. Можетъ быть, это и такъ, но во всякомъ случаѣ, я долженъ сказать, что 13 имѣетъ большое значеніе, число это каббалистическое, на этомъ, можетъ быть, основано и наше сужденіе о 13. Но въ настоящую минуту для меня важно число этихъ уколовъ, которые всѣ эксперты единогласно, и даже г. Павловъ, со всѣми не соглашавшійся, признали загадочными и непонятными. Всѣ остальные раненія имѣютъ цѣлю или убійство, или источеніе крови, а тутъ эти 13 уколовъ, для чего? Даже проф. Кадьянтъ, научный авторитетъ, сказалъ относительно 8 ранъ въ сердце, что онѣ могли быть сдѣланы въ припадкѣ извѣстнаго раздраженія. Но вотъ эти-то 13 уколовъ, они довольно странны! Такъ вотъ почему эти 13 уколовъ, съ моей точки зрѣнія, имѣютъ огромное значеніе. На этомъ нужно остановиться, призадуматься. Намъ говорить, что все это изъ священныхъ книгъ, которыхъ мы не могли усвоить, говорить, что мы судимъ священную религію. Такъ сказалъ Грузенбергъ. На это ему отвѣтилъ г. предсѣдатель, что, конечно, религіи мы не судимъ. Но затѣмъ-же тогда мы занимаемся священными книгами? Позвольте замѣтить, что книга Зогаръ. — сама каббалистика, относительно которой раввинъ Мазе, котораго ужъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи, сказалъ, что эта книга считалась злоредной, въ особенности для юношества, и что до 30 лѣтъ ее никто не могъ читать, что въ ней много каббалистики, много мистики. Книга эта была написана въ 13 вѣкѣ и совпала со многими загадочными убійствами. Позвольте васъ спросить, какъ-же съ этой священной книгой намъ было хоть немного не ознакомиться? Несомненно, это было нужно. А вотъ г. Грузенбергъ находить, что это было не нужно. Затѣмъ, относительно значенія крови. Защита совершенно не касалась значенія крови, а вотъ самъ раввинъ призналъ, что кровь въ еврейской религіи имѣетъ

огромное значеніе. Вѣдь никто не предполагаетъ, что ее пьютъ. Нѣтъ, этого не было сказано. Въ Талмудѣ или въ Зогарѣ говорится, что если вы хотите получить кровь для цѣлебныхъ цѣлей, то ее можно видѣть, но тогда нужно проколоть сосудъ. Это значитъ, непокрытая кровь. А вотъ когда рѣзникъ рѣжетъ животныхъ, то онъ покрываетъ, такъ какъ не можетъ смотрѣть на это. Вотъ это обстоятельство чрезвычайно важно, и оно вполне совпадаетъ съ показаніемъ полк. Иванова, который сообщилъ, что къ нему явился г. Брейтманъ, издатель „Послѣднихъ Новостей“, и сказалъ, что у него есть данныя противъ цыганъ, что цыганамъ нужна кровь для цѣлебныхъ цѣлей. Разъ это говорить выкрестъ изъ евреевъ относительно цыганъ, то почему мы не можемъ допустить, что такое цѣлебное свойство крови, признается и у другихъ изувѣровъ. Гг. прис. засѣдатели, я, конечно, не свѣдущъ въ этомъ еврейскомъ вѣроученіи, но мнѣ этого и въ упрекъ не могутъ поставить, потому что я готовясь къ этому дѣлу, потративъ на него колоссальныя усилія—это я говорю не изъ хвастовства, — долженъ былъ съ нимъ познакомиться только вкратцѣ. Но думаю, что и мои почтенные противники не болѣе меня свѣдущи въ этомъ вопросѣ, хотя и потрясали здѣсь Талмудами амстердамскаго и другихъ изданій. Но прис. пов. Зарудный хорошо знаетъ Библию и въ совершенствѣ ознакомился съ этимъ вопросомъ. Онъ представилъ намъ рядъ очень интересныхъ, въ высокой степени добросовѣстныхъ и проникнутыхъ уваженіемъ къ суду и ко всѣмъ лицамъ положеній. Противъ него я возраженій не намѣренъ представлять. Каждый высказываетъ свое убѣжденіе. Но когда высказываютъ не убѣжденія, а прибѣгаютъ только къ полемикѣ, къ критикѣ, когда люди придираются къ голосу противника... Мало ли что, можетъ быть у меня манера особенная, которая не нравится г. Карабчевскому, но вѣдь и мнѣ его манера не нравится. Если мы станемъ пикироваться и пойдемъ дальше въ этомъ направленіи, то мы уже превратимъ судъ не въ храмъ правосудія, а во что-то другое. Но я къ полемическимъ приемамъ прибѣгать не буду. Остановлюсь теперь на слѣдующемъ. Г. Грузен-

бергъ, разбирая показанія свидѣтелей, остановился на Малицкой, и сказалъ: что же, это женщина, которой можно вѣрить, а мужъ ея? О, мужъ ея пчеловодъ, такой прекрасный труженикъ, которому безусловно можно вѣрить. Однимъ словомъ это труженикъ, достойный полнаго уваженія. А Дьяконова? Дьяконова это достовѣрная свидѣтельница.

Да, Дьяконова тоже совершенно достовѣрная свидѣтельница, ну, она, дѣйствительно, кое-что тамъ подвираетъ относительно трупа въ мѣшкѣ, иногда говорить неправду, но въ остальной части ей надо вѣрить. Вѣдь я уже обратилъ ваше вниманіе насколько достовѣрны свидѣтели Малицкая, Дьяконовы, Махалинъ, Швечко, вѣдь это, простите за выраженіе, хламъ, а не свидѣтели...

Предс. останавливаетъ тов. прокурора.

Прокур. ...Я позволилъ себѣ такое выраженіе, потому что другого наименованія не нахожу и находилъ бы правильнымъ возбудить обвиненіе въ лжесвидѣтельствѣ...

Предс. снова останавливаетъ прокурора.

Прокур. ...Затѣмъ, я кончаю, гг. присяжные засѣдатели. Вы вѣроятно помните, что прис. пов. Грузенбергъ въ своемъ заключительномъ словѣ клялся, что онъ отрекся бы отъ своей религіи, если бы подобныя преступленія дѣйствительно совершались. Гг. присяжные засѣдатели, клятва—великое слово, клятва производитъ вѣдь всегда огромное впечатлѣніе. Я бы не клялся. Если бы среди лицъ одного со мной вѣроученія существовали какіе-нибудь изувѣры, то я бы не сдѣлался изъза этого ренегатомъ. Можетъ быть по другимъ соображеніямъ, если бы я дѣйствительно пересталъ вѣрить въ того Бога, въ Котораго вѣрилъ со времени крещенія; но оттого, что существуютъ уклоняющіеся отъ истины, я не стану клясться, что отрекусь. Если среди православныхъ есть изувѣрскія секты, правда, не выгачивающія кровь, но совершающія до нѣкоторой степени кровавыя жертвоприношенія, то отъ этого челоуѣкъ не переходитъ въ другую вѣру. Другой защитникъ дошелъ до того,—правда, онъ русскій, православный,—что сказалъ, если бы это было совершенно евреемъ, если бы онъ это узналъ, то онъ изгналъ бы ихъ изъ Россіи. Онъ былъ совершенно правиль-

по остановленъ г. председателемъ. Зачѣмъ же изгонять евреевъ, можетъ быть среди нихъ и очень порядочные люди есть, если среди нихъ существуютъ изувѣры, зачѣмъ же всѣхъ изгонять.

А третій защитникъ, г. Карабчевскій, пѣлъ дифирамбы евреямъ. Онъ говорилъ, что защищать и будетъ защищать интересы еврейства, оно ему близко, дорого и поэтому, сказалъ,—было татарское иго, что же Россія пережила это иго. А кто знаетъ, кто можетъ вспомнить, сколько слезъ и крови это стоило русскому человѣку. Легко говорить — Россія пережила революцію, а сколько крови пролито въ городахъ Россіи и вездѣ. Пережито много, переживемъ еще, можетъ быть, переживемъ и еврейское плѣненіе, отчего же не пережить? Я напомино пророчество всѣмъ извѣстнаго Достоевскаго. —не потому, что я хочу противъ евреевъ говорить, но разъ поются дифирамбы, то нужно сказать противъ нихъ,—онъ сказалъ: „Евреи погубятъ Россію“. Я не стану возбуждать противъ евреевъ, но я хочу возразить на то, когда говорятъ, что всякое иго переживемъ и когда существуютъ такія мнѣнія, мимо которыхъ нельзя пройти. Я не желаю возбуждать противъ еврейства, отнюдь нѣтъ, я это говорю не съ цѣлью, но я вызванъ на это страстнымъ тономъ моихъ противниковъ, которые хотятъ доказать, что еврей чудный, благородный во всѣхъ отношеніяхъ народъ, не способный даже на такія изувѣрскія преступленія. Нѣтъ, они способны, даже русскіе способны, и среди русскихъ есть хулиганы, способные источить кровь... (Шумъ, негодование защиты, Зарудный съ мѣста: „Нѣтъ, нѣтъ“). ...Защитникъ говоритъ, что мы не можемъ успокоить совѣсть. А я скажу, что мы можемъ

успокоить совѣсть. Нѣтъ совѣсти у такихъ людей, будьте спокойны. Когда защитникъ говоритъ намъ, что Андриюшу Ющинскаго, этого погубленнаго, замученнаго мальчика, хотѣли использовать для ограбленія Софійскаго собора, и въ этой части онъ вѣрить этому, хотя въ остальномъ не довѣрять Красовскому, когда соединяютъ имя Андриюши съ ворами, это значить, опорачивать его память, и до этого доходить, чтобы защищать еврейство, это немыслимо.

Чѣмъ бы ни кончился вашъ приговоръ, гг. присяжные засѣдатели, мнѣ бы только хотѣлось, чтобы этотъ приговоръ, какъ колокольный звонъ, какъ благовѣсть раздался, и не въ томъ смыслѣ, чтобы вызвать гоненіе на евреевъ, нѣтъ, только какъ призывъ къ правдѣ. И второй разъ я повторяю—да поможетъ вамъ Богъ. Я увѣренъ, какъ бы вы ни отнеслись къ этому дѣлу, какой бы приговоръ ни вынесли, но на этотъ путь, на который хочетъ поставить защита, никто не пойдетъ и народная тропа къ могилѣ Ющинскаго, замученнаго кѣмъ-то отрока-страдальца, никогда не зарастетъ въ Россіи.

К а р а б ч. Г. председатель, я прошу занести въ протоколъ всю рѣчь г. прокурора.

П р е д с. Объявляю перерывъ до завтра, 1 часъ дня.

К а р а б ч. Почему до часу? Въ законѣ указано на непрерывность засѣданій.

П р е д с. Они и идутъ непрерывно, но завтра праздникъ. Я бы просилъ васъ, г. защитникъ, быть корректнѣе и не критиковать моихъ распоряженій.

К а р а б ч. Я не критикую, я только указываю, что въ законѣ предусматривается непрерывность.

Тридцать третій день.

27 октября 1913 г.

Засѣданіе 27 октября открывається въ 1 ч. 40 м. дня. Слово предоставляется повѣренному гражданскаго истца Г. Г. Замысловскому.

Рѣчь Г. Г. Замысловскаго.

Гг. судья и гг. прис. засѣдатели, мнѣ прежде всего приходится упомянуть объ одномъ обстоятельстве, имѣющемъ личное отношеніе ко мнѣ и А. С. Шмакову, какъ къ гражданскимъ истцамъ. Защита здѣсь ссылалась на ту часть показаній свидѣтеля студента Голубева, гдѣ Голубевъ говоритъ, что общество „Двуглаваго Орла“ пригласило на этотъ процессъ меня и А. С. Шмакова. По этому поводу я конечно не могу вдаваться въ объясненія, какъ и при какихъ обстоятельствахъ это произошло, потому что это было бы уже свидѣтельскимъ показаніемъ, но я имѣю право сказать:— Да, все, что говорить свидѣтель Голубевъ, мы считаемъ правдой до послѣдняго слова. И къ этому я обязуюсь прибавить, что наше участіе въ гражданскомъ искѣ мы считаемъ исполненіемъ нашего долга передъ родиной...

Предс. Г. повѣренный гражданскаго истца, это уже собственно свидѣтельскія показанія.

Замысл. Сидя здѣсь второй мѣсяцъ, мы ни отъ какихъ мѣстъ и лицъ ни единой копѣйки не получали и не собираемся получать...

Предс. Вы можете дѣлать только возраженія, которыя находите необходимыми и я прошу васъ держаться только въ предѣлахъ этихъ возраженій.

Замысл. Переходя къ дѣловой сторонѣ, я долженъ отмѣтить дѣльный рядъ отступленій отъ фактовъ, отъ подлинныхъ об-

стоятельствъ дѣла, которыя были допущены со стороны представителей защиты. Все это будетъ касаться преимущественно чисто фактической стороны, ритуала это почти не касается и о немъ я позволю себѣ только одно замѣчаніе.

Г. защитникъ Грузенбергъ утверждалъ намъ, что будто бы экспертъ о. Пранайтисъ здѣсь на судѣ восхвалялъ пытки. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, никакихъ пытокъ ксендзь Пранайтисъ не восхвалялъ. Ксендзь Пранайтисъ ссылался на средне-вѣковые процессы, какъ на доказательство ритуальныхъ убійствъ. Тогда ему со стороны защиты былъ предложенъ вопросъ—да, но эти средне-вѣковые процессы шли подъ пытками, какую же они могутъ имѣть доказательную силу? И возражая, или правильнѣе, отвѣчая на предложенный вопросъ, ксендзь Пранайтисъ сказалъ—то, что пытали, это было очень нехорошо. Гдѣ же тутъ восхваленіе пытокъ? Но если люди, хотя бы и подъ пыткой, указываютъ, гдѣ находятся добытые преступленіемъ предметы, указываютъ, гдѣ находятся орудія преступленія, то хотя они это говорятъ и подъ пыткой, но я долженъ признать, что она открываетъ истину. Вотъ что сказалъ экспертъ Пранайтисъ по вопросу о доказательности средне-вѣковыхъ процессовъ, начавъ съ заявленія, что пытокъ не одобряетъ, что то, что пытали, это нехорошо. А ему приписываютъ восхваленіе пытокъ и говорятъ—вотъ какой служитель алтаря, восхваляетъ пытки, и этимъ стараются подорвать значеніе его показаній. Вотъ то, что я имѣлъ возразить въ области ритуала.

Теперь переходя къ фактамъ, я долженъ остановиться прежде всего на слѣдующемъ.

Насъ упрекали, съ одной стороны прокуро-
ра, а съ другой меня и моего товарища по
гражданскому иску А. С. Шмакова, въ раз-
норѣчїи, говорили, что мы сами между со-
бой разнорѣчимъ. Какое же это обвиненіе,
когда лица, настаивающія на немъ, между
собою не согласны. Въ чемъ же усматри-
вается наше разнорѣчіе? А вотъ въ чемъ.
Я вамъ все время говорилъ: или Чеберяко-
ва или Бейлисъ, а другой представитель
гражданскаго иска сказалъ въ одномъ мѣ-
стѣ: и Чеберякова, и Бейлисъ. Вотъ въ этомъ
усматриваютъ противорѣчіе. Да, если вы-
дернуть изъ всего того, что мы говорили,
только эту отдѣльную фразу, то противорѣ-
чіе какъ будто и оказывается. Но вѣдь
это противорѣчіе въ дѣйствительности не
существующее, если вы припомните при
какихъ обстоятельствахъ и по поводу чего
я произносилъ свою фразу и произносилъ
фразу мой товарищъ по гражданскому ис-
ку. Я вамъ доказывалъ, что у Чеберяко-
вой этого преступленія быть не могло, что
оно было не у Чеберяковой, а на
заводѣ, я говорилъ о мѣстѣ совершенія
преступленія и о тѣхъ лицахъ, которыя
его непосредственно совершали и поста-
вилъ положеніе—или Чеберякова или
Бейлисъ, придя къ выводу, что это Бей-
лисъ. Но форма участія въ преступленіи
очень различна, законъ знаетъ много ви-
довъ участія, онъ знаетъ подстрекатель-
ство, онъ знаетъ рядовыхъ участниковъ,
онъ знаетъ прикосновенныхъ къ дѣлу
лицъ, укрывателей, попустителей, недоно-
сителей. И вотъ въ отношеніи этихъ дру-
гихъ формъ соучастія, въ отношеніи этой
прикосновенности, о которой я ничего не
говорилъ, и была сказана фраза другимъ
повѣреннымъ гражданскаго истца: можетъ
быть и Чеберякова и Бейлисъ. Да, воз-
можны такія предположенія, возможно до-
пущеніе догадокъ, что нѣкоторая доля
прикосновенности была и за Чеберяко-
вой.

Я шель все время передъ вами въ от-
крытыи, старался ничего отъ васъ не
скрывать, а дѣлиться съ вами всѣмъ, что
я знаю, но если меня вызываютъ на то,
какого я мнѣнія о степени причастности
Чеберяковой, то я и это расскажу съ той
же откровенностью, съ какой говорилъ
раньше. Раньше я не говорилъ, потому
что говорилъ только на основаніи фактовъ.
здѣсь же меня вызываютъ на то, чтобы

я говорилъ уже о своихъ догадкахъ. Хо-
рошо, если надо, то я скажу и о своихъ
догадкахъ. Какія же формы этой прикосно-
венности могли проявиться у Чеберяко-
вой? Вотъ ухватились за фразу г. про-
курора, почерпнутую изъ свідѣтельскихъ
показаній, что на Лукьяновѣ всѣ гово-
рятъ будто Чеберякова продала Андриюшу
жидамъ. Такъ это или не такъ, данныхъ,
фактовъ, повѣренныхъ обстоятельствъ
для такого утвержденія въ дѣлѣ нѣтъ. А
есть ли факты, доказательства строго про-
вѣренныя и несомнѣнныя, что этого не
могло быть? Нѣтъ. Такихъ фактовъ и до-
казательствъ нѣтъ. Вотъ что въ квартирѣ
у Чеберяковой не могло быть убійства, на
это есть доказательства. А насчетъ того,
была она или не была вотъ этой замани-
тельница, какъ говорили прежде, челове-
комъ, который заманивалъ Андриюшу, на
это никакихъ доказательствъ, чтобы это
никакъ не могло быть, въ дѣлѣ нѣтъ. Но
и нѣтъ доказательствъ въ дѣлѣ, чтобы
это было. Пришлось говорить о предполо-
женіяхъ, о догадкахъ. Если меня вызы-
ваютъ на догадки, вызываютъ на то, чтобы
я сказалъ свое личное мнѣніе, я скажу.
По моему этого не было, и вотъ почему.
Вѣдь если-бы Чеберякова продавала Ан-
дриюшу жидамъ, то продавала за деньги
и я полагаю за крупныя деньги. Гдѣ же
эти деньги? Предполагать, что онѣ до сихъ
поръ спрятаны у Чеберяковой гдѣ-нибудь
въ кубышкѣ, невѣроятно. Самъ г. Грузен-
бергъ указывалъ, и въ этомъ отношеніи
довольно вѣрно, что у людей такого по-
шиба, какъ Чеберякова, насколько быстро
деньги прихлѣять, настолько быстро и ухо-
дятъ, начинается широкая жизнь, кутежи
и т. д. Да гдѣ же слѣды этихъ истрачен-
ныхъ крупныхъ денегъ, которыя она по-
лучила за Андриюшу, гдѣ цѣнныя вещи,
которыя она покупала, гдѣ эти наряды,
широкіе кутежи? Вѣдь эти же деньги уш-
ли, такъ покажите же по крайней мѣрѣ
слѣдъ ихъ. Его нѣтъ. Вотъ почему я и
гворю, что въ качествѣ догадокъ все можно
говорить, но догадки эти въ обстоятель-
ствахъ дѣла подтвержденія не имѣютъ.
Другой видъ соучастія, или правильнѣе
прикосновенности, что у Чеберяковой ос-
талось пальто Юпинскаго. Доказано ли
это, твердо ли доказано обстоятельствами
дѣла? Я говорю нѣтъ. Сказать, что это
твердо доказано фактами и обстоятельствомъ

ми дѣла, я не могу. Доказано ли, что это не было? Тоже нѣтъ, и это не доказано. Ну, а какъ же я самъ думаю относительно этого? Въ качествѣ догадокъ могу сказать—очень возможно, что пальто и осталось. Но вѣдь это ни на одну юту, ни на волосъ, не мѣняеть тѣхъ выводовъ, которые я сдѣлалъ относительно Бейлиса, это не мѣняеть моего убѣжденія въ его виновности, это не измѣняетъ тѣхъ данныхъ, которыя въ подтвержденіе этой виновности его я приводилъ. А что касается данныхъ относительно поведенія Чеберяковой, если у нея осталось пальто, то это вполне согласуется съ тѣми объясненіями поведенія Чеберяковой, которыя я приводилъ. Я прямо сказалъ, что считаю ее порочной женщиной, женщиной настолько низкаго нравственнаго уровня, что она не можетъ руководиться велѣніями своей совѣсти и велѣніями гражданскаго долга, а она руководится соображеніями выгоды, соображеніями личного интереса, соображеніями личной безопасности. И вотъ, если у нея осталось пальто и если она, что несомнѣнно по моему, располагала рассказомъ Жени и Люды какъ пропалъ Андриуша, то что же долженъ подсказывать ей ея интересъ, ея выгода, ея соображенія о собственной сохранности? Конечно они должны были подсказывать, чтобы это пальто скрыть, потому что, если-бы она, когда приближали испуганные родственники и сказали—Андриуша пропалъ, если-бы она показала пальто, то несомнѣнно ее сейчасъ бы схватили и арестовали. Если-бы она начинала говорить—это не я, а дѣти утверждаютъ, что это на заводѣ, ни одинъ человекъ ей бы не повѣрилъ и борьба съ заводскими жидами была бы борьба неравная. Тамъ цитадель юдаизма, тамъ заводъ, который въ одинъ изъ годовъ, по удостовѣренію Зайцева, далъ 25 тысячъ годового дохода, а это несчастное жулье, которому борьба не по силамъ. Это отлично учитывала Чеберякова и если у нея дѣйствительно было пальто, что возможно, хотя по дѣлу это не доказано, то естественно, что руководствуясь своими выгодами, руководствуясь инстинктомъ самосохраненія, она его не предъявила, поэтому то вѣроятно такъ и запуталось и такъ упорно все скрывала. Вотъ гдѣ область разнорѣчія. Вы видите сами, что

никакого разнорѣчія между нами нѣтъ, что и прокуроръ, и мой товарищъ по гражданскому иску и я совершенно согласны между собою въ томъ, какъ все это происходило и какова была роль въ этомъ дѣлѣ Чеберяковой.

Переходя дальше къ фактамъ, указаннымъ г.г. защитниками, я остановлюсь, хотя и въ очень краткихъ чертахъ, прежде всего на первомъ изъ г. защитниковъ, на прис. пов. Маклаковѣ, по поводу тѣхъ упрековъ, которые онъ бросалъ слѣдователю. Упрековъ этихъ имъ было брошено три. Слѣдователь не взялъ волосъ у Латышева, у Рудзинскаго, у Сингаевского и не сличилъ ихъ съ тѣми тремя волосами, несомнѣнно волосами убійцы, которые имѣются въ дѣлѣ. Это первое. Второй упрекъ, что слѣдователь не взялъ глины изъ погреба Чеберяковой и третій упрекъ — не изслѣдовалъ ковра, такъ, какъ это было бы нужно. По поводу перваго упрека долженъ замѣтить, что изъ этихъ трехъ заподозрѣнныхъ защитой лицъ, прежде всего Латышевъ по прозвищу Ванька „Рыжий“. А волосы то черные. Г. Грузенбергъ сказалъ въ другомъ случаѣ, по поводу розыска на Предместной Слободкѣ, что нельзя смѣшивать рыжаго съ чернымъ. Совершенно вѣрно, рыжаго съ чернымъ нельзя смѣшивать. Но тогда зачѣмъ же товарищъ Грузенберга по защитѣ упрекаетъ слѣдователя, что онъ не сличалъ рыжихъ волосъ съ черными. Скажете, что остается Сингаевскій и Рудзинскій. Но они тоже не брюнеты, у нихъ волосы тоже не черные, они шатены, у нихъ каштановые волосы, а тѣ волосы черные изъ бороды. Вамъ извѣстно, что ни Рудзинскій, ни Латышевъ, ни Сингаевскій бородъ не носили, вѣдь на фотографическихъ карточкахъ они изображены бритыми, въ Бразулевскомъ разслѣдованіи изображены бритыми, предьявлялись они Дьяконовымъ въ то время, которое соответствовало этимъ карточкамъ, и Дьяконовы ничего не говорили, чтобы они раньше были съ бородой; ихъ спросили, — какъ вы ходили раньше? Они говорятъ — ходили бритыми. Ни малѣйшаго указанія на то, что они носили бороду, нѣтъ. Зачѣмъ же слѣдователь будетъ примѣрять волосы отъ бороды къ людямъ, которые бородъ не носили. Если говорить о томъ, что убивали Сингаевскій, Рудзинскій и Латышевъ,

то это обстоятельство, что у убийцы въ бородѣ были черные волосы, указываетъ скорѣе на то, что они, Сингаевскій, Рудзинскій и Латышевъ, не могли убить. Второй упрекъ относительно погребѣ. Да у Чеберяковой не было погребѣ, это же погребѣ Балавина. Про то, что будто бы это погребѣ Чеберяковой, начались рассказы послѣ того, какъ кончилось предварительное слѣдствіе. Слѣдовательно, какую же глину сравнивать. Затѣмъ относительно ковра. Онъ былъ данъ на изслѣдованіе опытному эксперту, который дѣлалъ всѣ препараты по дѣлу, и сдѣлалъ превосходно. Даже проф. Павловъ, который все критикуетъ, и тотъ не нашелъ упрека по поводу тѣхъ препаратовъ, которые были сдѣланы прозекторомъ Туфановымъ. Прозекторъ Туфановъ знаетъ, какъ надо изслѣдовать, и если онъ изслѣдовалъ такимъ образомъ, то вѣроятно, онъ знаетъ какъ нужно и знаетъ лучше, чѣмъ это знаютъ защитники. Онъ остригъ ворсѣ въ подозрительныхъ мѣстахъ, тщательно изслѣдовалъ его подъ микроскопъ и крови не оказалось. Это неприятно защитѣ, но тѣмъ не менѣе съ этимъ фактомъ, какъ бы онъ ей ни былъ неприятенъ, мнѣ кажется, защита должна согласиться.

Затѣмъ я остановлюсь на описаніи защитникомъ смерти Жени Чеберякова. Изъ описанія этой смерти, онъ даже сдѣлалъ улику. Какъ эту картину смерти, эту тяжелую картину, бьющую по нервамъ, изображать въ видѣ улики противъ Вѣры Чеберяковой, я не понимаю. Положимъ, душевное переживаніе, душевное настроеніе каждый можетъ толковать и такъ и сякъ, но то толкованіе, которое даетъ прис. пов. Маклаковъ, оно совершенно неестественно. Въдъ умираніе Жени Чеберякова происходить такъ. Умираетъ мальчикъ. Тутъ мать, тутъ сыщики. Мать говорить — „Женя, скажи имъ, что я не виновата“, и не препятствуетъ сыну отвѣчать. Сынъ отвѣчаетъ — „мама, не говори, мнѣ тяжело, я не могу рассказать“. Какъ же это можно повернуть противъ Чеберяковой, въ томъ смыслѣ, что она убійца, въдъ она въ присутствіи свидѣтелей просить его, — „скажи имъ, что я не виновата“. Если она, дѣйствительно, виновата, если она и есть та самая злодѣйка, убившая Андрюшу, и Женя это видѣлъ, то неужели она обратилась бы къ мальчику съ такими слова-

ми. Если говорить о томъ, какъ понимать движеніе души, — это вопросъ очень тонкій и зыбкій, — то все таки скажу, что оборачивать эту фразу противъ Чеберяковой едва-ли возможно, ее скорѣе можно повернуть за Чеберякову. А что мальчикъ въ агоніи, не можетъ уже рассказать и говорить, — „мама, оставь“, это едва-ли можетъ бытъ истолковано въ томъ смыслѣ, что мальчикъ считалъ мать виноватой. Дальше говорится о какихъ-то іудиныхъ поцѣлуняхъ, которыми замыкала ему уста мать. Мать цѣлуетъ умирающаго ребенка, и это поворачивается противъ матери. Ну, а если бы она его совсѣмъ не цѣловала? И уже могу себѣ представить, съ какимъ удвоеннымъ пафосомъ защитникъ, членъ госуд. думы Маклаковъ...

Предс. Г. повѣренный гражданскаго пѣтца, тутъ членовъ думы нѣтъ и относительно пафоса я бы просилъ воздержаться.

Замысл. Такъ вотъ г. Маклаковъ тоже говорилъ бы — помилуйте, какая злодѣйка мать, сынъ умираетъ и ни одного поцѣлуня, да въдъ это явная преступница, она ни разу не осмѣлилась поцѣловать сына. Такъ что: цѣловала сына, это іудины поцѣлуи, не цѣловала — тоже улики, сказали бы: мать не смѣетъ лобызать сына. Эти душевныя переживанія всячески можно повернуть, но поворачивать такъ, какъ поворачиваетъ членъ гос. думы Маклаковъ...

(Въ публикѣ смѣхъ, предсѣдатель останавливается).

Замысл. Извиняюсь, я обмолвился. Слѣдовательно, едва ли можно такъ поворачивать. Наконецъ, приходитъ священникъ исповѣдывать Женю. Оказывается и тутъ улика. Батюшка подошелъ къ Женѣ послѣ исповѣди и Женя сказала — „батюшка, батюшка“, — „Что тебѣ, дитя мое?“. И въ этомъ видятъ улику противъ Чеберяковой. Да позвольте, г.г. прис. засѣдатели, если Чеберякова такая злодѣйка и убила Андрюшу, если она такая злодѣйка, что—ну не отравила Женю, — желала, чтобы онъ умеръ, не выздоровѣлъ, что она беретъ его для этого изъ больницы, чтобы ускорить его смерть, потому, что Женя все видѣлъ, видѣлъ, какъ убивали, такъ неужели эта злодѣйка рѣшится пригласить къ себѣ духовника. Въдъ это можетъ создать страшную улику про-

тивъ нея. А что если мальчикъ передъ смертью придетъ въ сознание и подъ влияниемъ исповѣди, причастія, просвѣтленія этого, если онъ скажетъ, умирая, что вѣдь убивала то моя мать и я все это видѣлъ, тогда уже больше разговаривать ни о чемъ не придется, обвиненіе, отъ котораго не отвергнись. И, если Чеберякова убивала Андрюшу, если Чеберякова способствовала Женниной смерти, то конечно, она пошла бы до конца въ своихъ злодѣяніяхъ и сказала бы — пусть мальчикъ умираетъ безъ исповѣди, я не буду приглашать духовника, потому что просить духовника, — это подвергнуться страшному нефронтному риску, это подвергнуться тому, что однимъ словомъ мальчика я буду совершенно погублена. Да, правда, существуетъ исповѣдная тайна, священникъ не можетъ на судѣ показать того, что онъ узналъ изъ исповѣди, но прежде всего, какъ ни свѣдуща Чеберякова, какъ ни оборотиста, едва ли она знаетъ уставъ уголовного судопроизводства настолько, чтобы имѣть свѣдѣнія объ этой исповѣдной тайнѣ, а затѣмъ это могло быть и до исповѣди и послѣ исповѣди. Тутъ все подчеркиваютъ, что Синькевичъ, это членъ общества „Двуглаваго Орла“. Да, онъ членъ общества „Двуглаваго Орла“, но члены общества „Двуглаваго Орла“ и до исповѣди Жени и послѣ его смерти не измѣнили своего убѣжденія, что убилъ Мендель Вейлисъ.

Перехожу теперь къ фактамъ, о которыхъ говорилъ другой защитникъ, къ фактамъ, о которыхъ говорилъ г. защитникъ Грузенбергъ. Онъ приводилъ ихъ цѣлый рядъ и какъ я нахожу, приводилъ ихъ все время съ фактическими извращеніями...

Предс. останавливаетъ оратора.

З а м ы с л. Это мое мнѣніе. О томъ, что факты извращены, я это имѣю право говорить и, что онъ во всякомъ случаѣ сопоставлялъ ихъ такъ, какъ ихъ сопоставлять нельзя было. Но, если бы я пошелъ шагъ за шагомъ въ этой фактической части, о которой говорилъ Грузенбергъ, такъ я долженъ былъ-бы много говорить—2—3 часа и вызвалъ бы г. Грузенберга на возраженія, которыя тоже длились бы часа два. Поэтому я въ такой подробности и послѣдовательности идти не могу, я ограничусь только нѣсколькими общими замѣчаніями. Здѣсь старались возстановить ваше довѣ-

ріе къ свидѣтелямъ—Дьяконовымъ, Караеву, Махалину и другимъ, все время говорить, что если въ чемъ нибудь они и погрѣшили, то это потому, что я свидѣтелей сбивалъ, что свидѣтель не можетъ всего помнить, что свидѣтель забываетъ, что нѣкоторое противорѣчіе между двумя свидѣтелями даже болѣе свидѣтельствуесть объ истинѣ, чѣмъ полное совпаденіе и что у Дьяконовыхъ не ложь, а неправда, свидѣтельствующая объ ихъ сугубой искренности и правдивости. Да развѣ я опорочиваю показанія Дьяконовыхъ, Караева и Махалина, ссылаясь на то, что они объ этомъ забыли, ссылаясь на то, что тамъ есть какое нибудь маленькое противорѣчіе или запамятованіе? Нѣтъ, если я говорилъ о нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ, то въ видѣ предположенія, въ видѣ общей картины. А главное, чѣмъ я доказывалъ полную измышленность этихъ свидѣтельскихъ показаній, это именно то, что они очень точно помнятъ и знаютъ обстоятельства, которыхъ въ дѣйствительности не было. И вотъ все мое доказательство того, что этимъ свидѣтелямъ нельзя вѣрить, что ихъ показанія вымышлены. И именно это защита совершенно обошла, она говорить, что не опорочиваютъ свидѣтелей нѣкоторое запамятованіе и мелкія противорѣчія. Да, это не опорочиваетъ, но когда свидѣтель съ необычайной точностью измышляетъ то, чего не было, то это его порочить и опровергаетъ. А такихъ обстоятельствъ въ показаніяхъ Дьяконовыхъ, Караева и Махалина сколько угодно и защита объ этомъ ничего не говорила.

Хотя бы на примѣръ, въ показаніяхъ Екатерины Дьяконовой, которая точнѣйшимъ образомъ говорить, что 12 марта была у Чеберяковой Лисуновъ и все повторяетъ Лисуновъ, Лисуновъ,—всѣ четыре. Мало того, за нѣсколько дней до 12 марта Дьяконова будто бы была у Чеберяковой и тоже, говорить, былъ и Лисуновъ. Лисуновъ пришелъ, Лисуновъ ушелъ,—опять четыре раза упоминаетъ о Лисуновѣ. Вѣдь это обстоятельство—это не запамятованіе, а это, напротивъ, очень точное изображеніе обстоятельствъ, которыхъ не было, ибо, вы видѣли,—Лисуновъ сидѣлъ подъ стражей. И вы посмотрите, въ какихъ выраженіяхъ она говорить.—я могу огласить это потому, что въ этой части показанія Дьяконовой были прочитаны: „Все то, что я вамъ до сихъ поръ показывала, я рассказала и Красов-

скому и подп. Иванову, причѣмъ и тому и другому говорила, что 12 марта я видѣла въ большой комнатѣ у Чеберяковой четырехъ человекъ, а не трехъ. Мнѣ показывалъ Ивановъ карточки и я узнала на карточкѣ всѣхъ четырехъ: Латышева, Рудзинскаго, Сингаевского и Лисунова, я фамиліи эти помню и когда рассказывала объ этомъ Красовскому, то всѣхъ четырехъ называла по фамиліямъ. Послѣ вашего сообщенія о томъ, что Красовскій съ моихъ словъ не называетъ Лисунова (а Красовскій уже въ то время сообразилъ, что Лисуновъ подѣ стражей и не называетъ его), такъ послѣ вашего сообщенія о томъ, что Красовскій съ моихъ словъ не называетъ Лисунова въ числѣ бывшихъ у Чеберяковой 12 марта, я могу лишь сказать, что Красовскій забылъ о Лисуновѣ“. Нѣтъ, онъ не забылъ, а зналъ, что Лисуновъ былъ подѣ стражей. Вотъ данныя изъ показаній, на основаніи которыхъ я говорю, что эти показанія измышлены, но вовсе не то, что свидѣтельница забыла и въ чемъ то, въ какихъ то мелочахъ разошлись другъ съ другомъ, какъ вамъ говорили, что вы не запомните, какой у васъ рисунокъ на сорочкѣ и какъ двѣ недѣли тому назадъ вы провели время. Это все было моимъ основаніемъ для вывода, что показаніе недостоверно. Опять напримѣръ Караевъ и Махалинъ, опять-таки я указалъ основной недостатокъ ихъ показаній. Они приводятъ къ сознанию Сингаевского. Сингаевскій въ порывѣ откровенности, задумчивости имъ признается, рассказываетъ все по правдѣ и, сознаваясь, приводитъ такія обстоятельства, которыхъ явно не было, ибо говорить, что когда тамъ убивали, то пришли двѣ „шмары“, а трупъ лежалъ прикрытъ и они сказали, что тамъ „барахло“. А этого обстоятельства не было: если не вѣрить Дьяконовой не было, и если вѣрить Дьяконовой тоже не было, потому что, какъ Дьяконова рассказывала, была одна шмара, а не двѣ. Такъ что вотъ что оказывается,—человѣкъ въ порывѣ откровенности сознается и говоритъ то, чего не было. Вотъ гдѣ основанія, порочащія показанія, а не въ томъ, что онѣ что-то забыли.

Что касается, наконецъ, третьяго защитника г. Карабчевскаго, то тутъ уже

я, конечно, съ большимъ интересомъ выслушивалъ его рѣчь, съ большимъ восхищеніемъ въ виду чрезвычайной красоты построенія фразъ, чрезвычайной широты мысли, которую была нарисована эта картина. Но я только долженъ сказать, что картина, нарисованная г. Карабчевскимъ,—это одно, а обстоятельство дѣла и факты—совершенно другое, имѣющее съ этой картиной очень мало общаго, представляющее лишь очень и очень отдаленное сходство. И уже тутъ съ фактами не церемонились, напримѣръ было сказано такъ, что вотъ Андрюша, повидимому, былъ у Чеберяковой 11 марта, прямого утвержденія не было сдѣлано, а такъ было пушено нѣчто вродѣ подозрѣнія, причѣмъ было добавлено: „Я на Дьяконовыхъ не ссылаюсь, но это могло быть, это бабушка показала, что онъ пришелъ подѣ вечеръ“, а за 10 минутъ передъ этимъ тотъ же г. защитникъ говорилъ, что вотъ „Наталя Юшинская, это святая женщина“. Святая, хорошо, что-же намъ показываетъ бабушка? Бабушка показываетъ, что 11 марта Андрюша вернулся,—она не помнить точно когда, не помнить часа,—подѣ вечеръ, а когда тотъ же г. Карабчевскій спросилъ какъ было, свѣтло или темно, она буквально отвѣтила: „нѣтъ, Боже сохрани, было свѣтло“... А что же показываетъ Наталя Юшинская, которую пять минутъ тому назадъ г. защитникъ называлъ святой женщиной. Она показываетъ вотъ что: около 3-хъ часовъ дня (разговоръ идетъ про пятницу 11 марта) къ ней пришелъ Андрюша, причѣмъ сказалъ, что прийдя домой, заигрался съ братьями и забылъ отдать кушленные пистоны. Заигрался и потому зашелъ къ Натальѣ Юшинской въ 3 часа. Другими словами изъ показанія Наталіи Юшинской совершенно ясно видно, что Андрюша 11 марта не могъ быть у Чеберяковой, а защитникъ называетъ Наталью Юшинскую святой женщиной, а черезъ пять минутъ ея показаніе отбрасываетъ и бросаетъ подозрѣніе о томъ, что Андрюша былъ у Чеберяковой. Или дальше, по поводу этого слуха,—надо бы его назвать не слухомъ, а иначе, но буду держаться дѣловаго изложенія,—по поводу слуха, что Андрюша могъ обкрадывать Софійскій соборъ, защитникъ г. Карабчевскій говоритъ: „Что же, Андрюша былъ до извѣстной степени уличный маль-

чикъ и возможно, что было легкое выпытываніе не пойдет ли онъ въ соборъ“. Онъ учился въ Софійскомъ училищѣ, такъ не пойдет ли онъ въ соборъ. Да, г.г. присяжные заседатели, надо говорить все-таки по обстоятельствамъ дѣла. Если говорить, что было легкое выпытываніе, то нужно сказать, какія были къ этому данныя, какія обстоятельства даютъ защитнику право такъ говорить. Но ихъ не приводятъ. А вотъ пять минутъ тому назадъ ссылались на показаніе Олимпіады Нѣжинской,—оно тогда было нужно и на него ссылались, значитъ, какъ будто вѣрать Олимпіадѣ Нѣжинской,—а Олимпіада Нѣжинская говоритъ буквально слѣдующее: Андрюша нпкогда безъ позволенія на пять минутъ не выходилъ,—вотъ, что говоритъ Олимпіада Нѣжинская. Такъ что и выходить, что построеніе г. Карабчевскаго, очень красивое, сказанное въ блестящей формѣ—это одно, а обстоятельства дѣла это совершенно другое.

Или, напримѣръ, какъ г. Карабчевскій рисуетъ намъ самую картину этого убійства. Что вотъ Андрюша,—такъ-же приблизительно рисуетъ и г. Грузенбергъ,—что Андрюша входитъ на порогъ и не успѣлъ еще снять шапки, какъ ему наносятъ ударъ, не желая его убить, а желая его только проучить, но ударъ наносится слишкомъ тяжелый, и тогда уже начинаютъ удары сыпаться. Хорошо. При этомъ оказывается, что Латышева вдругъ рветъ. Я не знаю, если на мальчика набрасываются, начинаютъ его бить, убивать, то у присутствующихъ, могутъ быть, конечно, разныя чувства,—если они озлоблены, то тоже могутъ на мальчика броситься, или могутъ въ ужасѣ убѣжать или, можетъ быть, бросятся защищать этого мальчика, я не знаю,—ну, могутъ даже съ ума при этомъ сойти,—но того, чтобы одного изъ этихъ лицъ при этомъ начало рвать—это я, признаться, слышу въ первый разъ такое предположеніе. Да еще какъ это описывается—будто Сингаевскій не сказалъ „рвать“, а сказалъ „поѣхалъ въ Ригу“, а оказывается, что его рвало и это нужно было для того, чтобы затѣмъ вывести естественный промежутокъ времени. Г. защитникъ говоритъ, что промежутокъ былъ, этого нельзя отрицать, объ этомъ говорятъ эксперты, но это естественный промежутокъ, потому что Латышева

рвало, а одинъ изъ убійць могъ передавать въ это время другому пилю (вы видите, что дололо превратилось въ пилю), и при этомъ былъ промежутокъ въ пять—восемь минутъ. Это совершенно невѣроятная картина. А затѣмъ подстелили пальто, пальто, которое еще раньше осталось у Чеберяковой во время перваго посѣщенія Андрюши и это пальто подстелили. Убійцы бросаются, раздражены, не помнятъ себя, но все-таки у нихъ хватаетъ хладнокровія и сообразительности настолько, чтобы подстелить пальто и вотъ вся кровь, пять стакановъ,—надо-же объяснить ея исчезновеніе,—уходитъ въ пальто. И спрашивается—если пальто было подостлано, было залито кровью, если въ него ушла кровь, то спрашивается,—отчего-же убійцы, выбрасывая трупъ въ пещеру, не выбросили вмѣстѣ съ трупомъ и пальто—это совершенно непонятно. Но это стремленіе объяснить куда дѣвалась кровь, оно вѣдь проходитъ еще съ самаго начала, еще съ Красовскаго. Еще Красовскій понималъ, что надо-же дать какое-нибудь объясненіе этому и вотъ еще тогда появился этотъ коверъ. Ну, съ ковромъ дѣло провалилось совершенно. Тогда появился рассказъ Дьяконовыхъ о ваннѣ. И изъ этого рассказа тоже ничего не вышло, но эти рассказы были несомнѣнно введены для того, чтобы дать объясненіе—какъ-же нѣтъ пятенъ на полу—замывали что-то. Вотъ о ваннѣ и рассказали. А свидѣтель Вышинскій, на котораго не рѣшается ссылаться и защита, объяснилъ такъ, что соединилъ и коверъ, и ванну—что трупъ былъ завернуть въ коверъ и положенъ въ ванну. Такъ что попытки объяснить куда дѣвалась кровь, почему нѣтъ кровавыхъ пятенъ на полу и на обояхъ—были съ самаго начала. И когда провалился коверъ и провалилась ванна—теперь выдвигается новое—было подостлано пальто и на пальто вся кровь и утекла. Но вотъ что тогда. Значить, убійцы думали какъ бы все-таки не надѣлать пятенъ, какъ бы эту кровь не разбрызгать и подстелили пальто, а между тѣмъ, эксперты категорически говорятъ, что Андрюшу раздѣвали, что его начали колоть, когда онъ былъ въ курткѣ, а потомъ куртку сняли. Какъ-же это—заботятся о томъ, чтобы кровью не брызгать, подстилаютъ пальто, а куртку, которая является отличнымъ предохранителемъ для того, чтобы кровь

особенно не текла, чтобы задержать кровь, чтобы кровь не текла на полъ и не брызгала на обои, не оставляла слѣды въ квартирѣ,—они эту куртку снимаютъ и подстилаютъ одновременно пальто. Нѣчто совершенно непримиримое и мнѣ кажется ни съ чѣмъ несообразное.

И наконецъ послѣднее, я сейчасъ кончаю. Защита не скупится на хвалебные отзывы объ Андрюшѣ и его родственникахъ. Про Андрюшу все время говорятъ: милый, добрый, симпатичный мальчикъ. Про родственниковъ, вотъ про Наталью Ющинскую г. Карабчевскій говоритъ— святая женщина и г. Грузенбергъ ему вторить, онъ про Александра Ющинскую тоже говоритъ „святая женщина“. Хорошо — прекрасный мальчикъ и святая женщины — и говоря объ этомъ вамъ въ началѣ своей рѣчи, вы посмотрите, какой приговоръ они хотятъ отъ васъ исторгнуть. Вѣдь они хотятъ исторгнуть отъ васъ такой приговоръ, которымъ вы объявите Андрюшу воромъ и предателемъ. Вѣдь такъ. Вѣдь если вы пойдете по тому пути, по которому ведеть васъ защита, если вы отвергнете всякую ритуальность, отвергнете, что убійство это было на заводѣ, отвергнете, что убивалъ . Бейлисъ,—послѣ того, что говорила вамъ защита окажется что же? Что убивали въ квартирѣ Чеберяковой, убивала Чеберякова и тѣ воры, которые съ ней были, убивали его какъ вора. Да, положимъ онъ кражъ не совершалъ, защита такъ далеко не идетъ, она понимаетъ, что вамъ, русскимъ присяжнымъ засѣдателямъ, нельзя этого сказать про Андрюшу. Да, кражъ онъ не совершалъ, но насчетъ кражи въ Софійскомъ соборѣ его вопытывали и въ этой средѣ воровской онъ врапался. Онъ не былъ предателемъ, да предателемъ онъ прямо не былъ, но его считали предателемъ и очевидно имѣли основанія считать, разъ за это предательство даже убили. Вотъ что вы скажете вашимъ приговоромъ. Усыпляютъ ваше вниманіе, усыпляютъ тотъ выводъ, къ которому хотятъ васъ привести вотъ этими заявлениями „святая женщина“. „чудный мальчикъ“. Да Александра Ющинская святая, но не вамъ, г. Грузенбергъ, это говорить...

Предс. Г. повѣренный гражданскаго истца...

З а м ы с л. Подумайте, г.г. присяжные засѣдатели, какой приговоръ хотятъ отъ васъ вырвать. Этотъ приговоръ уда-

рить въ сердце этой матери не менѣе больно, чѣмъ ударила та швайка, которая пронзила сердце ея сына.

Предс. Объявляю перерывъ на 10 минутъ.

Послѣ перерыва слово предоставляется А. С. Шмакову.

Рѣчь А. С. Шмакова.

Гг. присяжные засѣдатели, изъ четырехъ защитниковъ, вами выслупанныхъ, гг. Грузенбергъ и Зарудный по крайней мѣрѣ старались, хотя, полагаю, неудачно, опровергнуть обвиненіе; что же касается гг. Маклакова и Карабчевскаго, то они дали вамъ много общихъ мѣстъ, нѣсколько красивыхъ фразъ, а по существу дѣла, по отношенію къ самому его содержанию, почти что ничего вамъ не представили. Между тѣмъ, не разсужденіе о призваніи гг. присяжныхъ засѣдателей, не доброе намѣреніе защиты идти на помощь, а работа и дѣйствительное служеніе вамъ по разъясненію, по крайней мѣрѣ, главныхъ вопросовъ дѣла, изслѣдованіе важнѣйшихъ его обстоятельствъ,—такова, конечно, должна была быть задача защитниковъ. Этого, въ дѣйствительности, не произошло. Какъ я имѣлъ честь докладывать вамъ въ первой своей рѣчи, вся защита представляетъ, собственно, обвиненіе противъ Вѣры Чеберякъ, съ той только разницей, что если бы Вѣра была предана суду, то за нее говорилъ бы ея защитникъ послѣдній, а теперь послѣднимъ будетъ говорить ея обвинитель. Для того, чтобы оцѣнить это обстоятельство, вы припомните, что на судебномъ слѣдствіи защита требовала себѣ на судѣ послѣднее слово. Это послѣднее слово, оставляя послѣднее впечатлѣніе, чрезвычайно важно, это, можетъ быть, одно изъ самыхъ священныхъ правъ защиты. Такъ вотъ послѣднимъ словомъ будетъ обвиненіе противъ Чеберякъ. Объ этомъ уже говорилось. Но я кое-что добавлю. Я, со своей стороны, не взирая на ваше утомленіе и на мою собственную усталость, постараюсь, сколько моихъ силъ хватить (такъ какъ это моя лебединая пѣснь), изложить то, что не успѣлъ представить раньше.

Первымъ вопросомъ въ этомъ дѣлѣ, конечно, является такой: приносились ли человѣческія жертвы по закону моисееву? Такъ какъ этотъ вопросъ затрогивался, такъ какъ

но ему были и эксперты и рѣчи, вамъ представленныя, то я долженъ, наконецъ, этого вопроса коснуться. Кромѣ нѣсколькихъ вопросовъ по этому поводу, поставленныхъ о. Пранайтису, я рѣшительно уклонялся отъ этого, но я вижу, что мой долгъ не былъ бы исполненъ, если бы я на этотъ путь самъ не вступилъ, ибо нельзя отстаивать это дѣло односторонне. Твореніе правосудія есть служеніе Господу Богу, и такое служеніе можетъ происходить не иначе, какъ въ духѣ истины, истина же рождается отъ мнѣнія обѣихъ сторонъ. Въ самыхъ сжатыхъ чертахъ я напомину вамъ заявленіе раввина Мазе о томъ, что, подъ вліяніемъ грѣховности іудейской, и въ виду того, что они, проживая среди другихъ ханаанскихъ племенъ, идолопоклонниковъ и язычниковъ, заражались отъ нихъ идолопоклонствомъ, Богъ Израіля, вопреки своей воли (Мазе ссылался на текстъ пророка Іереміа), допустилъ жертвы. Но Мазе, говоря объ этомъ, не довелъ своей мысли до конца и не представилъ вамъ текста изъ пророка Іезекііля, гдѣ сказано...

Предс. Это заведетъ насъ слишкомъ далеко.

Шмак. Объ этомъ такъ много говорилось, что единственный человѣкъ, который можетъ представить въ этомъ случаѣ возраженіе, это я. „За то, что постановленія Мои не исполняли и заповѣди Мои отвергли, и глаза ихъ обращались къ идоламъ, Я допустилъ имъ учрежденіе недоброе... Я допустилъ имъ оскверниться жертвоприношеніемъ“. Это пророкъ Іезекііль гл. XX ст. 24—27. Цитируя далѣе книги Моисеевы, равнинъ Мазе умолчалъ о XXII главѣ книги Левитъ. Что касается только что изложеннаго мною содержанія текста пророка Іезекііля, то онъ говоритъ въ частности о первенцахъ іудейскихъ и достаточно опровергаетъ заявленія, представленныя здѣсь экспертомъ Троицкимъ о томъ, что будто бы первенцы несомнѣнно и исключительно отдавались на служеніе въ храмъ. Сверхъ того, этотъ текстъ подтверждаетъ ту часть разъясненій проф. Соколова, гдѣ сказано, что новорожденные израильскіе, и въ настоящее время разсматриваются, какъ приносимые въ жертву. Но независимо отъ первенства, есть законъ въ 5-й книгѣ Моисеевой, изложенный въ главѣ XXVII книги Левитъ. Затѣмъ имѣются два стиха, на которые и обра-

щаю ваше вниманіе. Это стихъ XXVIII и XXIX главы 27 книги Левитъ. „Только подъ заклятіемъ отдаетъ Господь Свою собственность — человѣка, скотину, поле, владѣнія... Все заклятое отъ людей не выкупается, а должно быть предано смерти“. Такъ записано въ книгѣ Левитъ. Вотъ теперь вы и сопоставьте это показаніе, передъ вами представленное, съ ссылками только на Авраама, Исаака и Исаію. А что это было въ дѣйствительности такъ, а не иначе, что кровавымъ заревомъ проходить это явленіе черезъ іудейскую исторію,— это явствуетъ изъ посланія къ евреямъ, глава IX ст. 22: „Все почти по закону очищается кровью, и безъ пролитія крови не бываетъ прошенія“. Въ виду этого, и принимая во вниманіе указаніе о. Пранайтиса, неопровергнутое другими экспертами въ частности самимъ Троицкимъ о томъ, что жертвы за грѣхъ, очевидно, по разрушеніи храма, какъ бы ничѣмъ замѣнены не были, ибо въ Талмудѣ такихъ постановленій опредѣленныхъ не содержится.— вы тогда сами уже рѣшите вопросъ: возможно ли это? Возможно ли, чтобы главная часть іудейскаго ритуала осталась безъ всякой замѣны въ Талмудѣ. Но для того, чтобы окончательно въ этомъ утвердиться, я имѣю привести вамъ еще два текста. Одинъ — изъ Дѣяній Апостольскихъ глава XXIII, ст. 14. „Они, пришедши къ первосвященникамъ и старѣйшинамъ, сказали: мы клятвою заклались не ѣсть ничего пока не убьемъ Павла. И такъ нынѣ же вы съ Синадріономъ дайте знать тысячи начальникамъ, чтобы онъ завтра вывелъ его къ вамъ, какъ-будто вы хотите точнѣе разсмотрѣть дѣло о немъ; мы же, прежде, нежели онъ приблизится, готовы убить его“. Евангеліе Іоанна...

Пред. (перебиваетъ). Прошу Евангелія не касаться.

Шмак. Я вамъ сдѣлалъ заявленіе.

Пред. Вы Евангеліе оставьте. (Обращаясь къ секретарю). Занесите въ протоколъ. (Обращаясь къ Шмакову). Я вамъ не разрѣшаю, такъ какъ по обстоятельству дѣла, я не считаю надобностью.

Шмак. Такимъ образомъ, съ несомнѣнностью можно утверждать, что кровавый ритуалъ евреевъ сохранился. Но намъ на это отвѣчаютъ, что вѣдь у другихъ народовъ человѣческія жертвоприношенія бывали повсюду. Во-первыхъ, это не вѣр-

но потому, что отецъ исторіи Геродотъ за 600 лѣтъ до Рождества Христова говорить...

Пред. Геродотъ у насъ здѣсь не трагивался, онъ не былъ предметомъ разслѣдованія, слѣдовательно, я не считаю возможнымъ вамъ разрѣшить сослаться на него.

Шмак. Тогда я попрошу разрѣшенія указать, хотя бы на то, что здѣсь было указываемо.

Пред. Что было указано на то вы имѣете право сослаться.

Шмак. Было сказано, что кіевляне поклонялись Перуну, но кіевляне Перуна давнымъ давно забросили въ Днѣпръ, а Талмудъ не только остается у евреевъ, но, какъ вы изволили слышать здѣсь, почитается святымъ, почитается такой книгой, которая является руководящимъ кодексомъ для всего іудейскаго міра, который стоитъ наравнѣ съ Библіей, по мнѣнію самихъ евреевъ. Отсюда сравненіе съ Перуномъ и съ нами представляется совершенно неумѣстнымъ. Для того, чтобы мнѣ перейти къ обстоятельствамъ дѣла, я считаю нужнымъ остановиться только еще на одномъ моментѣ, — на вопросѣ о числѣ тринадцать. Здѣсь мнѣ былъ брошенъ укоръ, что я ошибочно сказалъ не то, что есть, а именно, что въ Скинии Завѣта было только семь лампадъ, между тѣмъ, тамъ сказано въ 25 главѣ ст. 6, что на свѣтильникѣ было тринадцать чашъ и кринокъ. Затѣмъ, въ третьей книгѣ Царствъ въ главѣ 7, въ 44 стихѣ сказано между прочимъ: „одно море и двѣнадцать воловъ подъ моремъ“, что Соломонъ строилъ свой домъ тринадцать лѣтъ. Въ книгѣ Чисель 29 гл., 13 стихъ сказано: „что въ жертву приносили тринадцать тельцовъ“. Я уже раньше указывалъ на цѣлый рядъ предметовъ входящихъ къ числу тринадцать. Здѣсь обратили вниманіе на то, что не тринадцать заповѣдей, а только десять. Но я говорилъ не о заповѣдяхъ Синайскихъ, я говорилъ о заповѣдяхъ Маймонида. Такимъ образомъ ссылка на 613, которая была сдѣлана прис. пов. Зарудного, ко мнѣ не относится. Но что самое главное это то, что защита такъ усердно, такъ энергически отстаивала невозможность принятія 13 уколовъ на правомъ вискѣ Андрюши. Если бы это число не имѣло значенія, то было бы не понятно,

зачѣмъ они такъ много времени на это потеряли и съ энергіей достойной лучшей участи оспаривали несомнѣнный фактъ. Онъ мало того, что несомнѣнный, онъ теперь является безспорнымъ, потому что прис. пов. Зарудный призналъ, что уколъ было 13. И вотъ это число 13, которое является въ нашихъ глазахъ чрезвычайно важнымъ не можетъ быть объяснено тѣмъ, о комъ прис. пов. Махлаковъ сказалъ: „наши эксперты“. Наши эксперты—эксперты защиты — никакъ не могли объяснить, что значатъ эти 13 уколовъ? Мы же отвѣчаемъ: это есть признакъ ритуала. Далѣе указывалось на то, что прокуроръ съ искренностью, доступной только большимъ талантамъ, говорить о ритуалѣ. Это заявленіе защиты чрезвычайно цѣнно. Ибо оно показываетъ, что не только талантливо и совершенно искренніе люди могутъ вѣрить въ существованіе ритуальныхъ преступленій. А если вамъ говорить, зачѣмъ вы обращаетесь къ тому, что было 3000 лѣтъ тому назадъ, то во-первыхъ, это не вѣрно, ибо вамъ было указано на пути исторіи до 200 примѣровъ дѣяній, подобныхъ тому, которое вы судите сегодня. А съ другой стороны, я вамъ напомню дѣло, которое разбиралось въ 1899 году въ Ботеміи, о которомъ уже шла рѣчь, именно о дѣлѣ Гюльзнера, который два раза судомъ присяжныхъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Точно такъ-же не могу я оставить безъ отвѣта и указанія прис. пов. Заруднаго на мою безпочвенность при утвержденіи, что если я и моя мать перешли въ іудейство, то я могу на ней жениться. Такъ какъ прис. пов. Зарудный сослался на мою книгу, то мнѣ будетъ позволено добавить, что тамъ сказано, что это значитъ въ талмудическомъ трактатѣ 22 абзацъ и сдѣлана ссылка еще изъ Шулханъ-Аруха на 3 часть.

Пред. Это къ дѣлу прямого касательства не имѣетъ, здѣсь не литературные труды разбираютъ, а это такого рода вещь, которая прямого отношенія къ дѣлу не имѣетъ. Тѣмъ болѣе это ваша вторая рѣчь, и она должна касаться только тѣхъ серьезныхъ возраженій, которыя вы находите необходимымъ сдѣлать.

Шмак. Я говорю передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей въ надеждѣ и съ правомъ встрѣтить въ нихъ довѣріе. а

когда меня публично упрекаютъ въ томъ, что я говорю неправду, то по меньшей мѣрѣ, я имѣю право возражать.

Пред. Возражайте по существу, безъ всякихъ ссылокъ.

Шмак. Какъ вы знаете, нельзя было огласить дѣло саратовское. Защита сначала преклоняется предъ тѣми повелѣніями, которыми разрѣшенъ этотъ вопросъ дважды, но затѣмъ начинаются разсужденія о томъ, что все-таки это былъ старый судъ, это не былъ судъ присяжныхъ засѣдателей, а съ другой стороны, что, будто бы тамъ были пьяные свидѣтели, т. е. иначе говоря, обнаруживается намѣреніе какъ-нибудь этотъ приговоръ поколебать. Вы, конечно, гг. присяжные засѣдатели, оцѣните по достоинству такого рода усилія защиты. Но я дальше пойду, я вамъ укажу на заявленіе Карабчевскаго, что Козаченко арестантъ. Нѣтъ, Козаченко не арестантъ, онъ оправданъ судомъ присяжныхъ засѣдателей. Говорятъ отъ имени Бейлиса, который еще не оправданъ, о человѣкѣ, который уже оправданъ приговоромъ, вступившимъ въ законную силу. На какомъ основаніи Карабчевскій именуетъ Козаченко арестантомъ? Если онъ такъ уважаетъ приговоръ присяжныхъ засѣдателей, онъ обязанъ признавать, что Козаченко былъ судимъ невинно, и что кличка арестанта къ нему не относится.

Я перехожу къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла по вопросу о ритуалѣ. Прежде всего, я останавливаю ваше вниманіе передъ пещерой, гдѣ найденъ Андрюша. Вы помните, что здѣсь оказались не только сравнительно крупныя, но и такія мелкія вещи, какъ, напримѣръ, наволочка, поясокъ, газета и календарь и т. д. Если вы себя спросите, что это похоже на русскаго убійцу?—то вы, конечно, скажете—нѣтъ. Русскій человѣкъ, прежде всего, безалаберенъ, русскіе люди не стали бы этимъ заниматься, это нуженъ умыселъ другихъ людей, не русскихъ, и нужно намѣреніе особаго рода. Если бы эти убійцы были изъ шайки В. Чеберякъ, то съ какой стати показывать, гдѣ лежитъ Ющинскій. Имъ не было въ этомъ никакой надобности. А если вы поставите вопросъ иначе и припомните указаніе здѣсь о. Пранайтиса о томъ, что погребеніе есть завершеніе ритуала, что только съ погребеніемъ тѣла наступаетъ дѣйствіе его крови, выточенной изъ этого

праха, тогда вы поймете, что если это убійство совершено во имя религіознаго изувѣрства еврейскаго, тогда евреи были заинтересованы въ томъ, чтобы онъ былъ скорѣе погребенъ, т. е., чтобы его скорѣе нашли. Далѣе указывалось вамъ на то, что здѣсь были участники не іудеи, и говорили: ищите кровь тамъ, гдѣ урсовое пальто. Я полагаю, потому что здѣсь урсовое пальто не оказалось въ этой пещерѣ, поэтому участвовали не Сингаевскій, Латышевъ и Рудзинскій, а другіе, ибо уже, какъ объяснилъ мой предшественникъ, оставлять пальто залитое сплошь кровью, а, вѣдь, 5 стакановъ вылилось на пальто,—вы понимаете, есть вещь страшная, въ смыслѣ улики, оставлять пальто хотя бы у Чеберяковой на квартирѣ надобности не было никакой. Этого мало. Они говорятъ, что эта самая „малина“ была уничтожена. Они боялись уничтоженія малины, но, вѣдь, она была провалена, уже 9 числа сдѣланъ былъ арестъ нѣсколькихъ лицъ, а 10-го обыскъ у Чеберякъ. Можно ли себѣ представить, чтобы въ этой же проваленной „малинѣ“ было совершаемо убійство, въ особенности, чтобы тамъ, гдѣ обыскъ производили и могутъ произвестъ каждую минуту, чтобы тамъ было оставлено пальто, залитое кровью. Я вамъ въ прошлый разъ докладывалъ и вновь повторяю, что только тогда можно вѣрять и слушать человѣка, когда онъ вамъ въ состояніи объяснить явленіе и факты, а если онъ говоритъ вокругъ да около, а о самыхъ важныхъ моментахъ сказать не хочетъ, отъ нихъ уходитъ, жмется, дѣлаетъ видъ, что онъ не замѣчаетъ, и полагаетъ, что вы не видите, въ свою очередь,—такого человѣка слушать не надо. Далѣе говорятъ, что никто бы изъ евреевъ такъ близко не совершилъ перенесеніе трупа въ пещеру, какъ въ данномъ случаѣ. Да, но, вѣдь, этотъ аргументъ годится и для Вѣры Чеберякъ и ея соучастниковъ, она тоже близко живетъ. Если не могъ сдѣлать Бейлисъ и его товарищи, то не могла сдѣлать и Вѣра Чеберякъ. Говорятъ, засимъ, что къ чему было обращаться къ Вѣрѣ Чеберякъ, когда Файвель Шнеерсонъ заманилъ Андрюшу и могъ принести на заводъ. Да, совершенно вѣрно, но дѣло въ томъ, что у евреевъ...

Пред. останавливаетъ оратора.

Шмак. У изувѣровъ евреевъ скажемъ... Засимъ было бы чрезвычайно важно въ данномъ случаѣ, чтобы это, говорю чтобы

эта роль была дана не своему единомышленнику, не Файвелю Шнеерсону, а Вѣрѣ Чеберякъ, или кому-нибудь изъ членовъ ея шайки. Такимъ образомъ, этотъ аргументъ защиты отпадаетъ. Затѣмъ, указанія, что будто бы Бейлису не было надобности, или, что онъ никогда не гонялъ съ мяла, что объ этомъ долженъ былъ позаботиться Заславскій. Хотя Заславскій былъ арендаторомъ, но заводъ принадлежалъ Зайцеву, а приказникомъ былъ Бейлисъ. Мяло принадлежало Зайцеву. Вы знаете, что это есть извѣстнаго рода снарядъ, который можно поломать. Заславскій имѣлъ право требовать, чтобы Бейлисъ, или кто-нибудь не пускалъ дѣтей портить тотъ механизмъ, то приспособленіе, которое необходимо для изготовленія кирпича. А сверхъ того, до сихъ поръ передъ нами проходилъ рядъ свидѣтелей, которые говорили, что Бейлисъ ихъ гонялъ. Правда, говорили, что онъ ихъ не трогалъ, даже не препятствовалъ кататься, во, чтобы совсѣмъ къ дѣлу отношенія не имѣлъ, этого самъ Бейлисъ никогда не утверждалъ. Затѣмъ гг. Маклаковъ и Карабчевскій сошлись на указаніи о полицейской собацѣ. „Дескать, почему собацъ сюда не прислали?“ Съ этимъ требованіемъ они могли обратиться не къ намъ, а къ Ш. Баршевскому. Зачѣмъ онъ заявилъ, что виновата А. Приходько, что послалъ на Слободку. Вотъ кто долженъ за эту собаку отвѣчать, а вовсе не мы. Такимъ образомъ, ссылка на то, что собака эта разрѣшила бы мировую проблему, если бы ее во-время сюда прислали, повторяю, относится къ Ш. Баршевскому. Далѣе говорили, что сыскная часть у насъ построена все-таки довольно удовлетворительно, но мы видѣли какъ. Въ данномъ случаѣ, все, что въ этомъ направленіи не предпринималось, все оказалось на службѣ у евреевъ.

Пред. останавливаетъ оратора.

Шмак. Въ частности указываютъ на Кириченко какъ на человѣка, отъ котораго можно ждать только правды. Мы знаемъ, что Кириченко оставался на службѣ и имѣлъ сношеніе съ Красовскимъ, въ то время, когда онъ на службѣ не состоялъ, когда онъ работалъ по порученію Бразуля. Красовскій мѣшалъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ раньше приобрѣлъ на службѣ и продолжалъ получать новыя свѣдѣнія черезъ Кириченко, который оставался на

службѣ. Далѣе мы знаемъ, что самъ Красовскій заявилъ, что убійство должно было случиться на заводѣ и что это убійство должно было произойти въ печи, такъ какъ только тамъ есть подходящая глина, затѣмъ когда онъ побывалъ на заводѣ онъ сталъ вести дѣло въ противоположномъ направленіи. На ряду со всѣмъ изложеннымъ забываютъ, что Файвелъ Шнеерсонъ въ то время, какъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ и хотя бы студентъ Голубевъ старался раскрыть истину, въ это время Файвелъ Шнеерсонъ въ пивной Добжанскаго направлялъ раскрытіе въ противоположную сторону. Разсуждая, по обстоятельствамъ дѣла якобы, а въ дѣйствительности имъ вопреки, указываютъ на то, что полиція не знала о существованіи шайки. Да, полиція и сейчасъ не знаетъ, потому, что шайки не было, вѣдь шайка выдуманна защитой ни откуда, ни изъ какихъ свѣдѣній, развѣ только отъ Красовскаго. Для того, чтобы установить шайку, нужна цѣлая совокупность данныхъ, а такъ произвольно безъ основанія утверждать по меньшей мѣрѣ странно. Съ другой стороны, если въ самомъ дѣлѣ у Чеберяковой собирались воры, въ теченіе значительнаго промежутка времени, если тамъ совершали кражи и таскали цѣлыя кассы, какъ могло случиться, что полиція этого не знала. Вотъ это обстоятельство, ссылки на то, что полиція не знала, что шайка тамъ была, что все это разсказывалъ Василій Чеберякъ,—чрезвычайно поразительно. А акцизный надзоръ? Вѣдь тамъ находится торговля винной монополіи, тамъ деньги бьются. Какимъ образомъ могли терпѣть эту шайку, этотъ притонъ, эту „малину“? Вѣдь тамъ насчитывались сотни. Почему акцизный надзоръ не обращалъ на это вниманія? Все это защитой оставляется безъ вниманія, надѣюсь теперь будетъ подысканъ какой-нибудь аргументъ. Далѣе указываютъ на трогательную будто бы бесѣду г. Замысловскаго съ Сингаевскимъ. Прис. пов. Карабчевскій говорилъ, что онъ смертельно боялся, что вотъ, вотъ Сингаевскій скажетъ гдѣ убилъ. Онъ находитъ, что трогательнымъ разговоромъ напрасно занимался и мой товарищъ. А что дѣлалъ самъ г. Карабчевскій? Вотъ что. Онъ предлагаетъ Сингаевскому вопросъ, съ невѣрнымъ изложевіемъ

обстоятельство дѣла. Предсѣдатель его останавливается, тогда онъ встаетъ и говорить: „какъ же вы не хотите понять г. предсѣдатель, что я можетъ быть ему умышленно предлагаю невѣрный вопросъ, невѣрныя свѣдѣнія, для того чтобы получить отъ него инныя“. Вотъ съ какой трогательностью относился г. Карабчевскій къ Сингаевскому. Правда, онъ добавилъ, что не было слышно звона кандаловъ, но дѣло въ томъ, что Сингаевскій не осужденъ, ни на каторгу, ни въ арестантскія роты, а судился онъ за какую-то простую кражу.

Указываютъ далѣе, и, дѣйствительно, для защиты чрезвычайно трудное обстоятельство — это единогласное удостовѣреніе экспертовъ о необходимости интервала, то-есть, о томъ, что между первымъ періодомъ ударовъ и вторымъ періодомъ былъ промежутокъ пять-семь минутъ. Такъ какъ съ этимъ дѣваться некуда, такъ какъ самыя обстоятельства трупа объ этомъ свидѣтельствуютъ воочію, то молчать объ этомъ нѣтъ возможности. И вотъ, г. Карабчевскій съ чрезвычайной легкостью говоритъ: „да вотъ Латышева рвало“. Вотъ вамъ интервалъ. Хорошо, а остальные двое, что дѣлали въ это время? Этого мало. Если нужно было мальчика душить, то вѣдь можно было схватить за глотку и задушить его. Это гораздо проще, но мы знаемъ почему они его такъ душили. Потому что замыканія усть требуетъ ритуаль, а вздутіе венъ обнаруживаетъ, куда дальше бить шваикой. Такимъ образомъ, тотъ отдыхъ, о которомъ повѣствоваль одинъ изъ экспертовъ защиты, является совершенно неприемлемымъ. А дабы не сомнѣваться въ томъ, насколько стараются убѣдить васъ, я приведу нѣсколько фактовъ. Напримѣръ, говорятъ: „коверъ не точно здѣсь изслѣдованъ“. Почему? Очевидно, потому, что не довѣряютъ Туфанову. Вѣдь, Туфановъ заявилъ, что онъ взялъ этотъ коверъ, выстригъ его, и подвергъ всевозможнымъ изысканіямъ, но крови не нашель. Говорятъ: „этого недостаточно, принесите коверъ“. А когда тотъ же Туфановъ говоритъ, что глина не подходитъ, кромѣ № 3, тогда для защиты это фактъ несомнѣнный. Далѣе, Дьяконовъ попался на рисункѣ наволоки и на почтѣ. Дѣлать нечего. Попались. Это ничего не значить, т. е., иначе говоря, если бы онъ признались, если бы

онѣ не попались, — то это было бы уликой противъ Вѣры Чеберякъ, т. е., служило бы доказательствомъ въ пользу Бейлиса, а такъ какъ онѣ попались, то это служить доказательствомъ противъ Бейлиса. Затѣмъ, Сингаевскій здѣсь не сознавался — это доказательство противъ Вѣры Чеберякъ, и въ частности, не въ пользу Бейлиса, а если бы онъ сознался, то конечно, было бы иначе. Далѣе они полагаютъ, что сжигать конюшню не было надобности. Помилуйте, черезъ сколько времени, а вотъ ботинки Андруши Вѣра Чеберякъ могла дать какой-то дѣвочкѣ, чуть ли не черезъ годъ — это ничего, а что слѣды могли оставаться въ конюшнѣ, или въ конторѣ — это, разумѣется, не похоже на правду, по ихъ увѣренію.

Затѣмъ, что касается этой картины умиранія Жени, то хотятъ сдѣлать выводъ, что будто бы Женя зналъ объ убійствѣ Андруши въ квартирѣ его матери. Но, вѣдь Женя могъ и другое знать, Женя могъ знать, что пальто Андруши осталось здѣсь, такъ какъ ему мать вѣроятно объяснила (если допустить такой случай, что пальто тамъ оставалось), къ какимъ бѣдамъ, къ какимъ несчастьямъ можетъ это повести, то въ предсмертную минуту онъ колебался, онъ, можетъ быть, хотѣлъ сказать священнику: „Батюшка, пальто у насъ осталось“, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялся подвергнуть отвѣтственности свою мать, которая могла быть въ этомъ отношеніи совѣмъ не виновна, потому что матери дома не было, и когда Андруша оставилъ тамъ пальто (если только оставилъ). Значить, съ этой точки зрѣнія, вся картина умиранія Жени, хотя и парированная здѣсь талантливой кистью является для обвиненія безвредной, а для защиты въ свою очередь бесполезной.

Наконецъ вамъ сказали, что если вы осудите Бейлиса, то всѣ послѣдующія убійства будутъ съ уколами, будутъ подъ жидовъ. Но вѣдь это соображеніе имѣетъ и обратную сторону. Если вы оправдаете Бейлиса потому только, что вы не въ состояніи себя представить, чтобы такія преступленія могли быть, то вы тѣмъ самымъ предоставите возможность совершать евреямъ такія изувѣрства и въ будущемъ. Я гордъ, — говорить, г. Карабчевскій, — что я стою на защитѣ еврейства, ибо на его сторонѣ лежитъ, въ данномъ случаѣ, справед-

ливость. Это хорошее сознание, и я поздравляю г. Карабчевскаго съ этой гордостью.

Не касаясь многих фактовъ, на которыхъ останавливались г.г. защитники, я не могу умолчать о томъ, какъ разсуждали здѣсь о христіанскихъ святыхъ. Г. Карабчевскій, говоря о святыхъ католической церкви для того, чтобы это обстоятельство чрезвычайной важности устранить отъ себя, позабылъ о томъ, что имѣются замученные евреями святые и въ православной церкви. Говоря о томъ, что будто мы можемъ фантазировать о Господѣ Богѣ—это его буквальные слова, — онъ сказалъ, что евреи не могутъ этого дѣлать, потому что надъ ними одинъ звѣздный сводъ. Онъ позабылъ, вѣроятно, что у евреевъ имѣются даже дворцы въ Липкахъ...

Предс. Г. повѣр. гражданскаго исца прошу васъ этого не касаться.

Шмаковъ. Усматривая противорѣчіе между мною и прокуроромъ, защита обратила вниманіе ваше на то, что я будто говорилъ, что преступленіе содѣяно на открытомъ воздухѣ. Я говорилъ не въ жилищѣ помѣщеніи. Это вовсе не одно и то же, и въ этомъ отношеніи я основывался на единогласномъ удостовѣреніи экспертовъ. Противъ этого единогласнаго удостовѣренія защита ничего не возражала. Правда, она что-то пыталась сказать о глинѣ, но чрезвычайно слабо, туманно и шатко. Но разбить такое единогласное заключеніе экспертизы, причемъ, чрезвычайно подтвержденное обстоятельствами дѣла со всѣхъ сторонъ, это не значитъ представить вамъ всѣ данныя, которыя надлежитъ.

Вы слышали затѣмъ здѣсь печалованіе объ Александрѣ Приходько, а почему не было ни одной слезинки пролито надъ ея судьбой раньше, когда она страдала, когда она была совершенно безпомощна, когда ее травили, когда въ нее камнями и полѣвнями кидали, когда отдавали ее на поруганіе и растерзаніе толпы? Почему тогда никто не сталъ на ея защиту. Теперь, когда она доказала свою невиновность, теперь, когда она не нуждается въ состраданіи добрыхъ людей, теперь плачутъ надъ ея судьбою. Раньше нужно было плакать, господа. Въ настоящую минуту г. Карабчевскій предпослалъ заявленіе, что онъ, Боже сохрани, не думаетъ покушаться на Андриюшу, на его доброе имя. А потомъ начинается: „Федоръ Нѣжинскій и

Лука Приходько“, „байстрюкъ идетъ-къ Нѣжинской, тетѣ Наталіи“, „11-е марта и Дьяконова“. Затѣмъ идутъ какія-то невозможныя ссылки на бабушку Олимпиаду. Затѣмъ указывается на то, какія теперь творятся злодѣянія, говорится о похищеніи самыхъ чтимыхъ иконъ, наконецъ, ссылка дѣлается на соглядатайство относительно Софійскаго собора, благо мальчикъ учился въ Софійскомъ училищѣ. Все это, видите ли, не значитъ трогать память Андриюши. Вотъ это соглядатайство, которое приписывается несчастному мальчику, это соглядатайство носить на себѣ, несомнѣнно, печать еврейства. Это несомнѣнно дѣлается подъ редакціей тѣхъ же самыхъ изувѣровъ кагала, о которомъ мы имѣемъ столько времени здѣсь бесѣдовать, подъ ихъ редакціей это издано.

Но, вмѣсто того, чтобы утомлять ваше вниманіе важнѣйшими по дѣлу вопросами, — какъ я докладывалъ вамъ, они это оставили внѣ своего разслѣдованія,—я еще разъ скажу, почему всѣ три эксперта сопадаютъ, почему то, что удостовѣрилъ проф. Сикорскій, подтверждается проф. Косороговымъ и Туфановымъ, подтверждается о. Пранайтисомъ и подтверждается данными. Всякій безпристрастный судья, когда захочетъ разсмотрѣть матеріалъ всѣхъ трехъ экспертизъ, скажетъ, что этотъ матеріалъ согласуется, что они другъ друга удостовѣряютъ. Если это убійство было совершено Рудзинскимъ, Латышевымъ и Сингаевскимъ, то затѣмъ же оно совершено именно швайкой. Да, мы имѣемъ свидѣтельство чуть ли не того же самаго Красовскаго, который является одновременно и сыщикомъ и свидѣтелемъ, по мѣрѣ надобности, когда не хватаетъ свидѣтелей, то онъ самъ является свидѣтелемъ; по его свидѣтельству оказалось, что Женя дѣлалъ аэропланъ, и для этого нужна была ему швайка, а швайки при обыскѣ не оказалось. Это сказка, конечно, объ аэропланѣ мы здѣсь первый разъ слышимъ. Но если бы и такъ было, то почему же убійцы взяли именно за швайку, почему? Какъ вы знаете, у Василія Чеберякова былъ цѣлый ящикъ съ разными инструментами, и, вообще, для чего нужна была швайка, когда достаточно было схватить за горло несчастнаго Андриюшу—и дѣлу конецъ. Потому, къ чему его раздѣвали? Повторяю еще разъ, что всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта.

Много вамъ говорили здѣсь, чрезвычайно много красивыхъ фразъ, а вотъ эти вопросы замалчиваются. Для чего Андрюшу мучили? Чѣмъ онъ провинился? Вѣдь, онъ никому ни на кого не доносилъ. Допустимъ, что онъ пригрозилъ, и что его рѣшили казнить смертью. Ну, хорошо, но зачѣмъ же его мучить? А далѣе, зачѣмъ убійцы отдыхали, если это были члены шайки Вѣры Чеберякъ? Потомъ, къ чему было тратить время для нанесенія 47 ранъ, когда одного удара въ високъ насквозь въ черепъ было бы достаточно? Нѣтъ отвѣта ни на одинъ изъ вопросовъ! Таковы обстоятельства, въ которыхъ мы находимся, такова защита, представляемая со стороны Бейлиса. Къ какимъ же выводамъ окончательнымъ мы должны придти? А вотъ къ какимъ. Защита сама установила, что здѣсь либо Бейлисъ, либо Вѣра Чеберякъ, третьяго случая нѣтъ. (Движеніе среди защиты). Нѣтъ третьяго случая. Это, вѣдь, не я говорю, это говорятъ они. Но разъ они это говорятъ, то они обязаны нести всѣ послѣдствія этого своего утвержденія. Стало быть, когда они вамъ говорятъ: „Оправдайте Бейлиса“, то они говорятъ: „Осудите Андрюшу“. И когда г. Зарудный призывалъ вамъ Бога на помощь, а когда у г. Карабчевскаго слезы слышались въ голосъ, тогда они просили васъ о томъ, чтобы вы Андрюшу осудили, чтобы вы этого несчастнаго страдальца, беззащитнаго, единственно сохранившаго доброе имя и незапятнанную честь, чтобы вы его опозорили вашимъ приговоромъ. Я не смѣя настаивать передъ вами, что я глубочайшимъ образомъ убѣжденъ въ виновности Бейлиса.—въ чемъ, я думаю, вы не сомнѣваетесь,—не смѣя завязывать вамъ своего убѣжденія, обратился къ вамъ съ просьбою установить фактъ, а вопросъ о виновности рѣшить по вашей совѣсти. Но когда мы бросаютъ вопросъ о томъ, что я будто бы самъ не знаю, виновенъ или не виновенъ Бейлисъ, то я свидѣтельствую передъ вами, что я глубочайшимъ образомъ, по совѣсти и чести, не могу думать иначе, что убійца Бейлисъ...

Пред. Это уже будетъ ваше свидѣтельство.

Шмаковъ. Но, господа, пускай это дѣло изувѣровъ, они всетаки еврей, а у евреевъ основная черта неизреченная гордыня. Мало того, что они хотятъ достигнуть

оправданія Бейлиса, но они триумфа хотятъ. Въ то время, когда Россія трепещетъ въ ожиданіи вашего приговора, они хотятъ, чтобы вы своимъ приговоромъ запятнали се. Но, г.г. прис. засѣд., всему есть мѣра и всякому глумленію есть предѣлъ. Настанетъ моментъ вашего сужденія въ совѣщательной комнатѣ, и вы установите обвинительный приговоръ о Менделѣ Бейлисѣ, а не иной, памятуя, что сама защита поставила вопросъ такъ, когда выхода иного быть не можетъ. Одно изъ двухъ: либо осудить Андрюшу и довести тѣмъ самымъ до послѣдней степени безумія его многострадальную мать, либо осудить Бейлиса. И пусть они не увѣряютъ васъ въ томъ, что нѣтъ данныхъ для обвиненія. Еще разъ скажу вамъ, что какъ бы вы ни углублялись, какъ бы вы ни вдумывались, вы объяснить ходъ событій по этому дѣлу иначе, какъ виновностью Менделя Бейлиса, не можете. О виновности, о признаніи этой виновности я почтительнѣйше передъ вами ходатайствую.

Послѣ А. С. Шмакова слово представляется защитнику прис. пов. Д. Н. Григоровичъ-Барскому.

Рѣчь Д. Н. Григоровичъ-Барскаго.

Гг. присяжные засѣдатели, я долженъ начать свое слово съ возраженія, самаго горячаго возраженія послѣднему оратору относительно того, что защита будто бы ставитъ вопросъ такимъ образомъ: либо Бейлисъ, либо Чеберякъ? Защита никогда такъ вопросъ не ставила. Это приѣмъ, которымъ пытаются васъ привести въ заблужденіе. Это положеніе выдвигалось исключительно гражданскими истцами. Г. Шмаковъ, который впервые выдвинулъ это положеніе, между прочимъ, при этомъ же положеніи выдвинулъ и другое положеніе. Онъ говорилъ, что это положеніе—или или не исключаетъ положенія и Бейлиса и Чеберяка. По поводу положенія—и Бейлисъ и Чеберякъ говорили вамъ оба гражданскихъ истца. Гг. присяжные засѣдатели, и отъ этого положенія обвиненію уйти никакъ невозможно. Здѣсь все время раздавались упреки, и, главнымъ образомъ, со стороны г. Шмакова, въ томъ, что мы говоримъ о Чеберяковой. Чеберя-

кова стала центральной фигурой этого дѣла, и все наше вниманіе сосредоточено на ней. Но я привлекалъ ваше вниманіе, если вы вспомните, еще во время судебного слѣдствія къ Бейлису.

Наше несчастье, гг. присяжные засѣдатели, въ этомъ дѣлѣ и заключается въ томъ, что приняты все мѣры къ тому, чтобы утопить въ массѣ ненужныхъ мелочей несчастнаго Менделя Бейлиса, который, сидя на процессѣ много дней, совершенно не понималъ. при чемъ онъ здѣсь, какое онъ имѣетъ отношеніе къ тому, что происходитъ передъ вашими глазами? Проходили дѣльные дни, недѣли, когда имя его не упоминалось.

Г. прокуроръ, гг. присяжные засѣдатели, начиная свое возраженіе, указывалъ на вашу усталость, на то, что вы работаете долгое время, и что пора кончать. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ мы могли ожидать, что возраженіе будетъ по существу, что будетъ сдѣлано указаніе на главнаго виновника въ настоящемъ дѣлѣ, именно на Менделя Бейлиса. Слышали ли вы, гг. присяжные засѣдатели, что-нибудь о Менделѣ Бейлисѣ, за исключеніемъ клятвенныхъ увѣреній г. Шамова, что онъ увѣжденъ въ его виновности! Кромѣ увѣреній, ни одного слова о Менделѣ Бейлисѣ. Объ уликахъ, относящихся къ Менделю Бейлису, вы, гг. присяжные засѣдатели, здѣсь не слышали. И немудрено, что вы объ этомъ не слышали, такъ какъ улики имѣть совершенно, о нихъ нельзя и говорить. Наше положеніе тѣмъ и трудно, что все, что можно сказать о Менделѣ Бейлисѣ, можно было сказать въ теченіе четверти часа.

Припомните, и въ обвинительномъ актѣ, и здѣсь, что выставлялось противъ Бейлиса? Показанія супруговъ Шаховскихъ. Эти показанія настолько ярки, что я не буду на нихъ останавливаться, а только напомину, что и защита и представители гражданского иска сходились на томъ, что вполне можно довѣрить показанію Шаховскаго только въ той части, гдѣ говорится о встрѣчѣ Шаховскаго съ Анрюшей Юшинскимъ. Далѣе идетъ такой сумбуръ, они столько разъ мѣняютъ свои показанія, и Шаховскій и Шаховская, что даже обвинитель не рѣшается брать изъ этихъ показаній улики противъ Бейлиса. Вторая улика, это показанія бывшаго арестанта,—я говорю бывшаго, такъ какъ г. Ша-

ковъ очень обидѣлся, когда защита назвала его арестантомъ,—бывшаго арестанта г. Козаченко. Этотъ бывшій арестантъ г. Козаченко, какъ вы помните, сидѣлъ въ одной камерѣ съ Бейлисомъ. Его посадили туда потому, что онъ былъ арестантомъ, выдававшимъ своихъ товарищей. Какъ вы знаете, онъ первый явился къ надзирателю, а затѣмъ къ помощнику начальника тюрьмы Крупскому и заявилъ, что Бейлисъ желаетъ переписываться съ женой, а что онъ желаетъ выдавать эти письма, чтобы такимъ образомъ обнаружить виновность Бейлиса. Объ этомъ Крупскій доложилъ товарищу прокурора. Такимъ образомъ, съ вѣдома прокурорскаго надзора было установлено особое наблюденіе за перепиской Бейлиса, который вызывался къ этой перепискѣ и всячески поощрялся къ тому, чтобы передавать письма. Козаченко заявилъ, что будто бы Бейлисъ просилъ отравить какихъ-то свидѣтелей. Вотъ вы видѣли, при какихъ обстоятельствахъ происходила переписка, вы помните содержаніе писемъ, и ясно представляете, что въ этихъ письмахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на причастность Бейлиса къ этому дѣлу. Козаченко со словъ будто бы Бейлиса передалъ, что Бейлисъ просилъ его отравить двухъ свидѣтелей, Шаховскаго-фонарника и Наконечнаго, прозваннаго лягушкой. Но вѣдь вы знаете, что показаніе Наконечнаго, данное еще до этого письма, было въ пользу Бейлиса. Это вызвало очень сложное указаніе представителя гражданского иска на то, что, отравляя Наконечнаго, Бейлисъ будто бы хотѣлъ избавиться отъ Дуни Наконечной. Но это указаніе совершенно не выдерживаетъ критики. Если бы Бейлисъ хотѣлъ избавиться отъ Дуни, то онъ и отравилъ бы Дуню, а затѣмъ же ему было травить отца ея? Наоборотъ, онъ скорѣе могъ повліять на него, и черезъ него на дочь, а если бы не было его, то на дочь было бы повліять труднѣе. Такъ что, это указаніе совершенно несостоятельно. Козаченко еще указалъ третьяго свидѣтеля, котораго не нашли. Здѣсь спрашивали представители гражданского иска, откуда Козаченко могъ знать свидѣтелей? Да очень просто. Онъ былъ въ день освобожденія своего въ тюрьмѣ и сказалъ Бейлису, что онъ изъ газетъ, затѣмъ отъ арестантовъ и другихъ лицъ слышалъ, что

свидѣтелями являются „Ягушка“ и фонарщикъ. Но что Козаченко далъ намъ въ отношеніи виновности Бейлиса? Указывали здѣсь только на то, что Бейлисъ хотѣлъ отравить свидѣтелей. Но вѣдь это такой вздоръ, о которомъ и говорить не приходится. Это вторая улика. Третья же, и самая главная улика — это показаніе семьи Чеберякъ. Я долженъ здѣсь обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое, можетъ быть, не вполне было подчеркнуто защитниками, говорившими по данному дѣлу. Вы помните, какъ передаетъ всю эту картину Чеберякъ. Катались дѣти на мялѣ, пошли они кататься на мяло съ усадьбы Захарченко черезъ дыры въ заборѣ. Люда особенно настаиваетъ на томъ, что они шли кататься, пролѣзая черезъ дыры въ заборѣ, такъ какъ, когда они возвратились, она стояла и въ это отверстіе, въ эту дыру, наблюдала за тѣмъ, какъ ловили Андрюшу. Когда дѣти катались на мялѣ, вдругъ появился Бейлисъ, съ нимъ Файвель Шнеерсонъ, торговецъ сѣномъ, и два падика, раввина, которыхъ раньше видѣли въ квартирѣ Бейлиса Женья и Люда. Они погнались за дѣтьми, схватили Женю и Андрюшу, но Женья увернулся и побѣжалъ, а Андрюша осталась. Вотъ картина, которую рисуютъ намъ эти свидѣтели. Я не буду говорить о полной абсурдности этой картины. По крайней мѣрѣ, когда я читалъ это показаніе, мнѣ неловко стало за то, что оно изложено въ такой бумагѣ, какъ обвинительный актъ, въ качествѣ улики противъ Бейлиса. Гг. присяжные засѣдатели, вѣдь это только въ курятникѣ можно ловить цыпленка на глазахъ у всей публики. Но чтобы словить мальчика въ присутствіи дѣтей—это настолько невѣроятно, что невозможно останавливать вниманія на подобнаго рода положеніяхъ. А дальше что? Дальше два падика пріѣзжаютъ специально изъ-за границы для этого сложнаго ритуальнаго обряда. Эти падики въ своихъ длинныхъ одѣяніяхъ и странныхъ шапкахъ будутъ гонять и ловить дѣтей... Это комическій элементъ въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, и это тоже входитъ въ обрядъ закланія жертвы, можетъ быть, нужно, чтобы важные пожилые падики гонялись за дѣтьми? Вы видѣли ихъ здѣсь, гг. присяжные засѣдатели, соответствуютъ ли они тому представленію, которое можно было составить

себѣ по показаніямъ Жени и Люды? Затѣмъ, что, по моему мнѣнію самое главное, это то, что словенъ былъ и Женья, но онъ только успѣлъ увернуться и убѣжать. Такимъ образомъ, оказывается, что Бейлисъ, который хорошо зналъ семью Чеберякъ, жившую недалеко отъ завода, ловить на глазахъ у сестеръ брата ихъ и тащить. Что должно было произойти? Неужели сестры Жени, Люда и Валя, не побѣжали бы къ родителямъ, не привели бы ихъ къ мѣсту преступленія, гдѣ они должны были застичь Бейлиса и другихъ, которые совершали жертвоприношеніе?

Гг. представители гражданскаго иска прекрасно понимаютъ это послѣднее положеніе, которое ихъ и заставляетъ искать выхода и говорить: „можетъ быть, и Чеберякъ“. Они стараются не опровергать этого обстоятельства съ одной стороны, а, съ другой стороны, дѣлѣй рядъ данныхъ, безконечное количество данныхъ ведетъ насъ къ квартирѣ Чеберякъ. Вы слышали здѣсь показанія свидѣтелей, вы видѣли массу такихъ данныхъ, которыя, какъ ни повернешь, все приводятъ къ квартирѣ Чеберякъ. Вотъ здѣсь говорятъ намъ, что Чеберякъ — женщина порочная, живая. Если она порочная, живая женщина, то почему же вѣрять ея показанію, показанію, создавшемуся при такихъ исключительныхъ условіяхъ, показанію, данному черезъ полтора года послѣ того, какъ возникло это дѣло. Но я на этомъ останавливаться не буду, этотъ вопросъ уже разработанъ защитой. Я хочу только указать, что оставалось дѣлать запитѣ, какъ не нарисовать возможную картину убійства. Защита это и сдѣлала, конечно, не рѣшая вопроса категорично и не настаивая на томъ, что дѣло произошло именно такъ, а не иначе. Это было только ея предположеніе, предположеніе болѣе или менѣе вѣроятное, какъ всякое предположеніе.

Теперь я перейду къ нѣкоторымъ возраженіямъ по поводу рѣчей обвинителей. Прежде всего я долженъ сказать, что когда я сталъ слушать эти возраженія, я думалъ, что послѣ такой значительной усталости, послѣ всего потраченнаго времени, я услышу серьезные возраженія, возраженія по существу, за улики, выставляемые противъ Бейлиса. Но оказалось, что здѣсь былъ приведенъ безконечный рядъ мелочей, неимѣющихъ прямого от-

ношенія къ Бейлису, которыя были затро-
нуты защитой лишь попутно. Если бы
даже во всѣхъ этихъ мелочахъ были нѣ-
которыя неточности, неясности, даже не-
соотвѣтствіе, то они абсолютно никакого
значенія не имѣли. Я придаю особое зна-
ченіе двумъ положеніямъ, выдвинутымъ об-
винителемъ. Это прежде всего указанію на
замѣчаніе защиты относительно неправ-
ильности дѣйствій судебного слѣдовате-
ля Машкевича. Здѣсь это было представ-
лено въ такомъ видѣ, что какъ будто бы
защита умышленно старалась превратить
дѣйствія г. слѣдователя во что-то пре-
ступное, между тѣмъ какъ они всѣ на-
столько прекрасны, что вызвали возгласъ
г. прокурора: „я чрезвычайно доволенъ
судебнымъ слѣдователемъ г. Машкеви-
чемъ“. Конечно, здѣсь не мѣсто ни восх-
валать, ни порицать судебного слѣдова-
теля, производившаго слѣдственные дѣй-
ствія, съ другой стороны нельзя не ска-
зать, что когда раздается похвала по
адресу человѣка, совершившаго извѣ-
стное дѣло, то мысль невольно переѣсать
эту похвалу на самое дѣло, кажется, что
оно хорошо сдѣлано.

Но мы доказываемъ, что оно нехоро-
шо сдѣлано, и выдвигаемъ цѣлый рядъ
такихъ данныхъ, которыя подтверждаютъ
наше положеніе. Я и хочу указать на
нѣкоторыя мѣста въ этомъ слѣдствіи. Г.
прокуроръ и оба гражданскіе истца на-
чали свои рѣчи съ указанія на извраще-
нія, будто бы допущенныя защитой. Ука-
занія ихъ въ этихъ рѣчахъ, если помни-
те, сводились къ неправильной — я не
скажу къ извращенію — передачѣ обсто-
ятельствъ настоящаго дѣла. Прокуроръ и
г. Замысловскій указали вамъ на первую
неправильность судебного слѣдователя, о
которой отмѣчено защитой, это относитель-
но волоса. Они сказали, что какой-то во-
лосъ былъ чернаго цвѣта. Прежде всего
это не такъ. Не какой то волосъ, а какіе-
то волосы, такъ какъ волосъ было 4, во-
вторыхъ, не черные, а темно-русые. Вы
помните это изъ протокола, что волосы
были темно-русые. Это обстоятельство
чрезвычайно важное. Г. прокуроръ ска-
залъ здѣсь, что зачѣмъ было производить
сравненіе этихъ волосъ съ волосами Ла-
тышева, который рыжій, а тѣ двое, Син-
гаевскій и Рудзинскій, были безъ бороды.
Г. же Замысловскій еще болѣе опредѣ-

ленно сказалъ, что они были несомнѣнно
безъ бороды, и что поэтому надобности въ
ислѣдованіи не было никакой. Но вы
помните, во-первыхъ, изъ акта предвари-
тельнаго слѣдствія, что вопросъ — быть
ли волосъ изъ бороды или изъ головы, не
рѣшенъ категорически и безусловно. Экспер-
ты высказались, что по всей вѣроят-
ности изъ бороды, но не отрицалась воз-
можность, что изъ головы. А затѣмъ, во-
вторыхъ, г. присяжные засѣдатели откуда
знали на предварительномъ слѣдствіи, что
Латышевъ былъ рыжій? А затѣмъ, откуда
извѣстно, что Латышевъ былъ прозванъ
рыжимъ, потому, что у него было борода
рыжая? А можетъ быть онъ былъ такъ на-
званъ потому, что носилъ похищенный гдѣ-
нибудь рыжій костюмъ или пальто? Въ
клички даются по самымъ случайнымъ об-
стоятельствамъ. Наконецъ, цвѣтъ волосъ
на головѣ и на бородѣ часто соответству-
етъ, но не всегда. Затѣмъ на указаніе
прокурора, что Сингаевскій и Рудзинскій
были безъ бороды, мы можемъ сказать,
что мы этого не знаемъ. Мы знаемъ толь-
ко, что Сингаевскій и Рудзинскій яви-
лись сюда съ бородами. Что касается
того, что они на карточкахъ сняты безъ
бороды, то въдъ вы знаете, что эти кар-
точки были сняты въ сыскомъ отдѣленіи
года за два или за три, такъ что это ни-
чего не доказываетъ. Такимъ образомъ,
сказать, что у нихъ бороды не было мы
не имѣемъ основанія. Вотъ если бы мы
въ настоящую минуту имѣли актъ изслѣдо-
ванія волосъ судебного слѣдователя, то
мы могли бы отвергнуть данныя и не
останавливаться на этомъ такъ долго. Г.г.
прис. засѣд., пойдемъ далѣе. Намъ гово-
рять, почему защита не ставитъ вопроса
о томъ, что не изслѣдованы волосы Шне-
ерсона, хотя онъ безъ бороды, но въдъ
на головѣ волосы были. Значитъ, не-
смотря на то, что Шнеерсонъ безъ боро-
ды, прокуроръ находитъ возможнымъ из-
слѣдовать волосы, имѣющіеся у него на
головѣ, и сравнить ихъ съ тѣми, которые
были найдены при трупѣ. Г.г. прис.
засѣд., я вамъ отвѣчу на этотъ вопросъ
такъ: мы не ставили этого вопроса по-
тому, что вопросъ этотъ для защиты ясенъ.
Не изслѣдовали волосъ Шнеерсона по-
тому, что судебный слѣдователь ни одной ми-
нуты не сомнѣвался въ томъ, что Шнеер-
сонъ не причастенъ къ настоящему дѣлу.

Здѣсь было сказано о томъ, что Шнеерсонъ — это такая фигура, которая можетъ навести на какія угодно догадки, на какія угодно подозрѣнія.

Г.г. прис. засѣдатели, вы помните, что Люда Чеберякова прямо указывала, что за Андрюшей и Женей гнались Бейлисъ и Шнеерсонъ. Если этому показанію довѣряли, то почему же не привлеченъ Шнеерсонъ на скамью подсудимыхъ, онъ долженъ былъ бы сидѣть вмѣстѣ съ Бейлисомъ! Если бы придавали значеніе, то надо было бы изслѣдовать волосы, это не было бы новымъ доказательствомъ противъ Шнеерсона, а между тѣмъ, теперь возможно высказывать догадки, такъ какъ у Шнеерсона волосы тоже темные и можетъ быть, схожи съ волосами, найденными на трупѣ. Вотъ первый на нашъ взглядъ существенный недосмотръ въ производствѣ слѣдствія. Второе, это вопросъ о глинѣ. Вопросъ о глинѣ представляется чрезвычайно существеннымъ, г.г. прис. засѣдатели. Почему изслѣдована была глина только на заводѣ Зайцева, почему не изслѣдована была глина тамъ, гдѣ по даннымъ предварительнаго слѣдствія могло быть совершено убійство? Вѣдь, прямыя же указанія были на квартиру Чеберяковой, на ея погребъ, на ея сарай. Почему этого не надо было изслѣдовать? Вы слышали здѣсь указаніе г. прокурора на то, какъ могло совершиться преступленіе, какъ могла упасть на тужурку глина, которая подвергалась изслѣдованію? Г. прокуроръ говорить, что могли слѣдами нанести эту глину, но вѣдь такими же слѣдами могли нанести глину и въ комнату Чеберяковой. Вы помните, г.г. прис. засѣдатели, что у Чеберяковой былъ дворъ съ глинянымъ поломъ, затѣмъ глиняный полъ былъ также въ ея погребѣ, слѣдовательно была полная возможность получить и изслѣдовать глину. Но этого не было сдѣлано. Квартира, домъ, однимъ словомъ помѣщеніе, гдѣ жила Чеберякова не были достаточно осмотрѣны. Вы сами знаете, г.г. присяжные засѣдатели, изъ жизни, что на чердакѣ, такъ называемая боровая труба всегда мажется глиной. Естественная вещь, что трупъ могъ быть перенесенъ на чердакъ, а вѣдь вы знаете, что и отверстіе было и лѣстница стояла возлѣ самой квартиры Чеберяковой и трупъ было не трудно перенести на чердакъ, если почему либо было трудно дер-

жать дома, тамъ была глина и она могла упасть. Почему это не было изслѣдовано, — на этотъ счетъ мы указаній не имѣемъ. Я укажу еще, если вы припомните, — къ сожалѣнію мы не обратили должнаго вниманія на это обстоятельство, — что въ той глинѣ, которая была найдена на тужуркѣ и подвергалось изслѣдованію, между другими частями обнаружены маленькія частички угля. Не указываетъ ли это обстоятельство на правильность моего предположенія, что глина эта могла упасть съ того борова на чердакѣ, который обмазанъ глиной. Вотъ, г.г. присяжные засѣдатели, чрезвычайно важное обстоятельство — неизслѣдованіе глины.

Дальше — коверъ. О коврѣ мы уже говорили. Вы также помните, вѣроятно, изъ акта его осмотра, что г. Туфановъ, экспертъ, срѣзалъ небольшое количество ворса въ шести мѣстахъ, только въ шести мѣстахъ, гдѣ ему казалось, что есть подозрительныя пятна. Но вѣдь для того и производится химико-микроскопическое, да еще спектральное изслѣдованіе, чтобы выяснить то, чего мы простымъ глазомъ не видимъ, изслѣдовать то, что на глаза могло казаться не подозрительнымъ, а на самомъ дѣлѣ могло быть весьма и весьма подозрительнымъ. Мало того, коверъ могъ подвергаться сверху чисткѣ, мойкѣ, настолько, что пятна не были видны. Для изслѣдованія надо было бы намочить весь коверъ, извлечь жидкость и по этой жидкости путемъ научно спектральнаго анализа, который производился у насъ нѣсколько разъ, можно было детально установить самое незначительное количество человѣческой крови. Слѣдовательно, это можно было сдѣлать. И въ такомъ дѣлѣ, которое г. прокуроръ называетъ мировымъ дѣломъ, надо было сдѣлать все. Нельзя же было бросать такъ себѣ такіе предметы, которые подлежали изслѣдованію.

Дальше о бумажкахъ. Вамъ говорилъ одинъ изъ защитниковъ, что проще всего было бы взять разнаго рода бумажки, чѣмъ требовать чертежи отъ Дьяконовыхъ, и предъявить имъ бумажки. Впрочемъ, обстоятельство съ бумажками не представляется въ такомъ видѣ, чтобы придавать ему большое значеніе.

Но зато съ наволочками, г.г. присяжные засѣдатели, получилось нѣчто невѣроятное. Дьяконовы были подробно спрошены о ри-

сункахъ на наволочкѣ, показанія ихъ записаны, что же еще оставалось? Надо было послѣ этого, такъ какъ, что написано перомъ—не вырубилъ топоромъ—развернуть и показать Дьяконовой эту наволочку. Но она тогда показана не была. Не говоря о томъ, какъ правильно замѣтилъ прис. повѣренный Грузенбергъ, что не было необходимости даже заставлять рисовать, а предъявить въ числѣ десятка другихъ рисунковъ клочки холста, полотно, маделолама и просить указать, что это — Чеберяковой или не Чеберяковой? Я допускаю все то, что сдѣлалъ судебный слѣдователь, но когда онъ поймалъ все то, что было живаго въ ея показаніи, тогда онъ могъ предъявить наволочку. Въдѣ больше ничего не могло произойти. Но почему онъ не предъявилъ? Г.г. прис. засѣдатели, для меня этотъ вопросъ ясенъ: онъ не предъявлялъ потому что она могла сказать—да, это кусочки отъ наволочки съ подушки Чеберяковой. Что же ему оставалось дѣлать? Тогда надо было произвести обыскъ у Чеберяковой, и если бы такой обыскъ былъ произведенъ, мы имѣли бы, если не остальную часть той наволочки, отъ которой оторванъ этотъ кусочекъ, то быть можетъ имѣли бы наволочку, на которой былъ бы точно такой же, тождественный рисунокъ.

Это обстоятельство не имѣло мѣста, потому что оно могло колебать тѣ ничтожныя улики, которыя имѣлись противъ Бейлиса. Въ такомъ же приблизительно положеніи находится вопросъ по дѣлу о знаменитой харьковской побѣдкѣ. Вы помните, Чеберякова рассказывая о томъ, какъ ей предлагали деньги говорила, что Марголинъ занималъ 2 комнаты и что изъ второй комнаты вышли тѣ три человѣка, которые будто бы говорили о 40 тысячахъ. Мнѣ совершенно ясно какъ въ представленіи Чеберяковой создается эта ложная картина: Чеберякова изобрѣла вопросъ о 40 тысячахъ, значитъ надо было обставить это предложеніе о 40 тысячахъ такъ, чтобы ему всѣ повѣрили, чтобы оно имѣло больше вѣроятности. Вотъ она и говоритъ: вышло 3 человѣка, какъ будто создается новая картина. Но откуда они вышли? Естественно, что спрятавшіеся за кусочкомъ занавѣски 3 человѣка стоять не могутъ, значитъ надо сказать, что была вторая комната. Но вы

знаете изъ показаній, что второй комнаты не было. Въдѣ это не трудно было провѣрить судебному слѣдователю Машкевичу; ему не надо было ѣхать для этого въ Харьковъ, ему надо было только поручить, въ порядкѣ отдѣльнаго требованія, осмотрѣть тотъ номеръ, который занималъ Марголинъ. Это было не трудно, и тогда не занимались бы этимъ эпизодомъ, онъ не вошелъ бы въ обвинительный актъ, тогда стала бы ясною лживость показаній Чеберяковой. Тогда не получилось бы того положенія, что бывший защитникъ Бейлиса Марголинъ явился здѣсь лицомъ чуть ли не подсудимымъ по настоящему дѣлу. Я уже указалъ, гг. присяжные засѣдатели, что по этому эпизоду судебный слѣдователь составилъ протоколъ, въ которомъ говорится только объ одномъ мѣстѣ заявки. Заявка Марголина записана не въ хронологическомъ порядкѣ и только во второмъ протоколѣ, послѣ того, какъ свидѣтель, допрошенный по этому дѣлу, ему указалъ цѣлый рядъ другихъ мѣстъ, только послѣ этого, онъ составилъ второй протоколъ, куда внесъ эти мѣста. И вотъ когда читаетъ первый протоколъ, то создается невыгодное впечатлѣніе, которое дальше разсѣять бываетъ не такъ легко. Наконецъ, особенно важное упущеніе судебного слѣдователя, которое съ моей точки зрѣнія можетъ являться роковымъ для дѣла. Г.г. присяжные засѣдатели, вы поймете его значеніе, когда я скажу вамъ, что судебный слѣдователь послѣ возвращенія дѣла къ дослѣдованію по заявленію Бразуль-Брушковскаго о томъ, что преступленіе совершено шайкой воровъ....

Предс. Вы не являетесь судьей упущеній судебного слѣдователя, и вамъ, какъ защитнику не предоставляется право на это указывать. Поэтому я прошу васъ употребить другія выраженія, напримѣръ, недостатокъ и т. д.

Григорьевскій. Я извиняюсь, я не имѣлъ въ виду упрекать судебного слѣдователя, но я обращаю вниманіе на то, что намъ помѣшало придти къ истинѣ. Г.г. присяжные засѣдатели, я обращаю ваше вниманіе на то, что было подано заявленіе, въ которомъ указывалась опредѣленная совершенно группа виновныхъ и говорилось, что убійство совершено Сингаевскимъ, Рудзинскимъ и Латышевымъ, и для провѣрки этого заявленія возвращено было предварительное слѣдствіе, возвращено было дѣло

къ слѣдователю. Казалось бы, судебный слѣдователь долженъ былъ съ перваго шага приняться за изслѣдованіе виновности этихъ лицъ. Нѣтъ, гг. присяжные засѣдатели, этого не было! Судебный слѣдователь провѣрялъ дѣйствія Марголина и т. д., а что касается того, какъ же проводили время эти преступники, что они дѣлали въ тотъ моментъ, когда они совершали преступленіе, по этому поводу ничего не было сдѣлано. Вы знаете, что околоточный надзиратель Кириченко, околоточный надзиратель, а не судебный слѣдователь, понялъ, что необходимо немедленно приступить къ разслѣдованію тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ пролить яркій свѣтъ на это дѣло. Онъ составилъ дознаніе и онъ показалъ судебному слѣдователю въ этомъ дознаніи, что Рудзинскій уходилъ изъ дому 12-го числа въ 8 час. утра и возвратился въ 12 ч. дня. Въ промежутокъ времени отъ 8 ч. утра до 12 дня онъ отсутствовалъ. Онъ явился послѣ 12 ч. и заявилъ матери, чтобы она выявила его въ г. Ковель,—послѣ 12 часовъ явился. Мало того, онъ заявилъ матери, чтобы она выкупила его костюмъ. Тутъ, между прочимъ, я вношу поправку въ указаніе кого-то изъ гг. обвинителей, я запомнилъ, кажется, г. прокурора, о томъ, что будто бы однимъ изъ защитниковъ было указано неправильно, т. е. было сдѣлано указаніе, которое противорѣчитъ его выводамъ о томъ, что онъ наканунѣ, до убійства, просилъ о выкупѣ костюма. Нѣтъ, то было уже въ то время, когда убійство было совершено. На слѣдующій день утромъ, вы знаете, онъ переодѣлся въ новый костюмъ и уѣхалъ. Гг. присяжные засѣдатели, но гдѣ же старый его костюмъ и гдѣ вообще, костюмы всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ подозреваютъ въ этомъ дѣлѣ? Вѣдь, вы знаете, крови было много, какъ бы осторожно они ни обращались съ этой кровью, она могла попасть на ихъ платье. Если бы костюмъ хоть одного изъ нихъ нашли,—а, въ частности, было указаніе о какомъ-то странномъ переодѣваніи, Рудзинскому почему-то надо было сбросить съ себя скорѣе костюмъ,—если бы это было провѣрено, мы бы, можетъ быть, стояли бы теперь на правильномъ пути и намъ не пришлось бы такое количество времени посвящать совершенно не нужному разсмотрѣнію безконечнаго количества всякаго, какъ выразился

г. прокуроръ, хлама, въ полномъ смыслѣ слова хлама.

Затѣмъ далѣе. Вы помните, гг. присяжные засѣдатели, что по ничтожному эпизодическому обстоятельству, не имѣющему существеннаго значенія для дѣла, по поводу побѣдки въ Харьковѣ Бразула и Марголина, состоялась очная ставка Чеберяковой. А очная ставка Сингаевского и Рудзинскаго съ Караевымъ и Махалинымъ была сдѣлана? Она не была сдѣлана. Вы понимаете прекрасно, гг. присяжные засѣдатели, какое значеніе имѣлъ въ глазахъ арестантовъ этотъ Караевъ. Если здѣсь, на судѣ, когда Махалинъ задалъ вопросъ Сингаевскому, онъ задумался и потупился,—что у него происходило въ душѣ, я гадать не буду,—но если на него произвело такое впечатлѣніе это обстоятельство, то вы подумайте, если бы Караевъ, котораго арестанты считали героемъ, передъ которымъ преклонялись, если бы онъ сказалъ въ лицо: „ты же мнѣ говорилъ“, что же, Сингаевскій могъ бы возражать противъ. Я думаю, едва ли онъ могъ возражать.

Конечно, я передаю вкратцѣ, всего на память привести не могу, но вкратцѣ указываю на то, что было упущено и благодаря чему произошло предписаніе, и Бейлисъ оказался на скамьѣ подсудимыхъ. И въ этой области никакой помѣхи слѣдственной власти оказано не было, въ этой области частное разслѣдованіе никакого участія не принимало, такъ что говорить о томъ, что здѣсь были препятствія, которыя судебный слѣдователь преодолѣть не могъ, никакъ нельзя.

Теперь я хочу отмѣтить еще одно мѣсто, по моему мнѣнію существенное изъ показаній г. прокурора. Въ своемъ возраженіи г. прокуроръ между прочимъ говоритъ, что, хотя дѣйствительнымъ мѣстомъ преступленія онъ считаетъ ту квартиру, которая находится при конюшнѣ, но онъ на этомъ не настаиваетъ и считаетъ, что не очень существенно расходится съ повѣреннымъ Замысловскимъ, который сказалъ,—я передаю это со словъ г. прокурора,—что убійство могло быть совершено и возлѣ конюшни на чистомъ воздухѣ, что притащилъ туда Бейлисъ Андриюшу, кто-то нанесъ нѣсколько ударовъ въ голову, затѣмъ толкнули въ конюшню и тамъ уже продолжалось дальнѣйшее. Ко-

нечно, отказаться отъ перваго соображенія г. прокурору было необходимо, ему совершенно не оставалось никакого другаго выхода, некуда было идти, потому что, разъ въ квартирѣ произошло убійство, то всё тѣ возраженія, которыя приводятъ обвиненіе зашитѣ, они падаютъ сами собой; все то, что могло быть въ квартирѣ при конюшнѣ, все могло быть и въ квартирѣ Чеберяковой. Слѣдовательно, тутъ надо было найти новый выходъ, и онъ былъ найденъ. Но мнѣ кажется, что этотъ новый выходъ показывать полное бесиліе, полную безнадежность обвиненія, которое чувствуетъ, что бѣдетъ въ послѣднихъ судорогахъ и никакого выхода въ сущности найти не можетъ.

Вы только подумайте, г. присяжные засѣдатели, если бы это убійство было ритуальнаго характера, такъ долженъ же былъ быть ритуаль, долженъ же былъ быть обрядъ. Тогда надо прежде всего найти признаки этого обряда. Посмотрите, какой обрядъ тутъ совершается? Тамъ мальчика по дорогѣ, на ходу, какъ попало начинаютъ тыкать въ голову, затѣмъ вталкиваютъ въ конюшню и тамъ начинаютъ собирать и вытаскивать кровь. Если они совершаютъ убійство для полученія этой цѣнной жидкости — крови, какъ же они начинаютъ бить въ то время, когда собирать кровь нельзя, когда нѣтъ никакихъ приспособленій, когда нѣтъ возможности собрать эту кровь! А затѣмъ, и кто знаетъ, сколько времени пройдетъ въ сопротивленіи, какія могутъ быть случайности, можетъ быть, при вталкиваніи онъ запнется ногой, а вѣдь вы слышали: кровь бьетъ, бьетъ изъ виска большой струей. Что же, они потеряютъ большую часть той жидкости, изъ-за которой навлекаютъ на себя не только опасность, но навлекаютъ громы на весь еврейскій народъ? Развѣ вы, г. присяжные засѣдатели, хоть на минуту можете допустить, чтобы нѣчто подобное могло быть совершенно при томъ условіи, что это ритуаль и ритуаль, при коемъ надо нанести опредѣленное количество ранъ, нанести ихъ въ опредѣленные мѣста, опредѣленной силой, опредѣленнымъ орудіемъ и т. д. Это является совершенно невѣроятнымъ и недопустимымъ.

Дальше припомните, г. присяжные засѣдатели, осмотръ завода. Вѣдь оказыва-

ется, что то мѣсто возлѣ конюшни, гдѣ по предположенію г. прокурора могли быть нанесены первые удары, оно видно сверху съ того мѣста, гдѣ приблизительно находится контора Бейлиса. И вотъ, слѣдовательно, на глазахъ у народа онъ совершаетъ это убійство. Что же это такое? Какъ бы ни велика была въ представленіи г. прокурора и частныхъ обвинителей наглость еврейства, но вѣдь нельзя же допустить, чтобы они никого не боялись, чтобы каждаго частнаго человѣка, который случайно зайдетъ въ контору для покупки кирпичей и увидитъ преступленіе, можно было бы застрашать, подкупить. Дс чего же мы въ такомъ случаѣ дойдемъ? Вѣдь такое предположеніе, что каждаго можно купить или тѣмъ или инымъ способомъ устранить отъ свидѣтельства, есть опорочиваніе христіанина!

Наконецъ, и глина абсолютно никакого сходства не имѣетъ съ глиной, взятой въ мѣстѣ около конюшни. Если о первомъ мѣстѣ можно говорить о маленькомъ сходствѣ, то вы поймете, что тамъ есть известъ и она исключаетъ всякую возможность сходства. Но почему-то обвинители рады, что хоть маленькое сходство есть. Но тутъ никакого сходства нѣтъ, и слѣдовательно, эта версія падаетъ.

Относительно того, какъ было совершенно убійство, вамъ сказалъ г. прокуроръ, онъ пытался сдѣлать нѣсколько предположеній, было такое предположеніе, что толкалъ Бейлисъ, держалъ Шнеерсонъ, затыкалъ ротъ Чернобыльскій; дѣлалъ онъ и другія предположенія, но въ этихъ своихъ предположеніяхъ на руководящую роль Бейлиса, на роль лица, наносившаго удары, онъ не указываетъ, онъ самъ этого не знаетъ. А если онъ не знаетъ, какъ совершенно было преступленіе, гдѣ совершенно было преступленіе, какъ же можно, г. присяжные засѣдатели, садить на скамью подсудимыхъ Бейлиса? Вѣдь для того, чтобы онъ могъ защищаться, онъ долженъ знать, отъ чего защищаться. Если вы мнѣ скажете, что я обвиняюсь въ совершеніи кражи, я не въ состояніи буду ничего отвѣтить, я кражами не занимаюсь. Бейлисъ говорить, — позвольте, я убійствами не занимаюсь, это противно моей натурѣ. я не могъ этого сдѣлать! Что же дальше онъ можетъ сказать, если вы ему не сказали

ни о мѣстѣ, ни о формѣ, въ которой совершено убійство. Эти обстоятельства должны быть даны обвиненіемъ. Они не даны, потому, что обвиненіе ихъ не имѣетъ и не будетъ имѣть, оно безсильно создать, а новаго матеріала нѣтъ.

Я хочу еще коснуться только фактической стороны двухъ положеній, которыя кажутся мнѣ наиболѣе существенными. Мнѣ важно отмѣтить вамъ, почему появились слѣдующія реплики. Вы могли замѣтить, что рѣчи обвинителей начинались и оканчивались указаніемъ на несчастнаго замученнаго мальчика Андрюшу, на тяжкія страданія его матери Александры Приходько, подчасъ, и тетки Наталіи Приходько, и бабушки Олимпіады Нѣжинской, указывалось даже, — не знаю, откуда взяты эти свѣдѣнія г. Замысловскимъ, — что несчастная Александра Приходько скоро тоже можетъ быть будетъ тамъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ; это почти во всѣхъ рѣчахъ проходить красной нитью. Кромѣ этого, васъ все время пугали еврейскихъ всевластіемъ. Ни одна рѣчь не обходилась безъ этого, какъ и во время репликъ, и я думаю, что рѣчь прокурора, который возражалъ вамъ на рѣчи защитниковъ, главнымъ образомъ имѣла цѣлью сказать вамъ фразу одного изъ писателей русскихъ, которая, къ сожалѣнію, была уже произнесена, когда г. предсѣдатель остановилъ, что фраза о томъ „что Россія погибнетъ отъ евреевъ“...

Предсѣдатель. Я остановилъ г. прокурора, прошу и васъ этого не касаться. Мною все будетъ разъяснено гг. присяжнымъ засѣдателямъ. Подобные вопросы входить изъ круга судебного слѣдствія.

Григорьевскій. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, эти рѣчи сводились къ тому, чтобы вы ушли въ совѣщательную комнату подъ впечатлѣніемъ кроваваго призрака, тяжкаго горя, еврейскаго давленія, еврейскаго всесія. Думая, что и это уже, можетъ быть, не произведетъ того впечатлѣнія, которое раньше могло бы произвести на нервы свѣжихъ людей, вамъ выводятъ новое обстоятельство: если произнесете приговоръ оправдательный, то тѣмъ самымъ Андрюшу Ющинскаго сдѣлаете воромъ и предателемъ. Это приемъ, который съ точки зрѣнія правосудія совершенно недопустимъ. Гг. присяжные засѣдатели, вы помните, что Андрюшу Ющинскаго мы никогда не порочили и дурного о немъ не го-

ворили. Впрочемъ, и это обстоятельство ставится въ вину. Говорятъ, что, не браня Ющинскаго, мы хотимъ обойти васъ, зачаровать васъ, чтобы вы внимательнѣе слушали рѣчи защиты. Если бы мы бранили, намъ бы сказали: „это варварство, кощунство, мальчижъ замучень, а вы его браните“! Вотъ какое положеніе создалось: не похвали, не скажи ничего дурного. Но я думаю, что вамъ совершенно ясно, г.г. присяжные засѣдатели, что то, чего требуютъ отъ васъ обвинители, осужденія невиннаго Бейлиса, оно ни въ коемъ случаѣ не успокоитъ души покойнаго Ющинскаго, оно не успокоитъ горя измученной матери Александры Приходько, но оно поставитъ преграду для успокоенія общественной совѣсти, оно поставитъ преграду къ тому, чтобы дѣйствительные виновники сѣли на эту скамью подсудимыхъ и, чтобы они понесли должное наказаніе по закону!..

Что касается еврейскаго всесія, то я думаю, здѣсь не мѣсто распространяться. Все это разсыпется въ пухъ и прахъ, если вы въ своей совѣщательной комнатѣ вспомните, что это еврейское всесіе споткнулось и разсыпалось само по себѣ въ пухъ и прахъ передъ благородствомъ, твердостью и безукоризненностью такихъ лицъ, какъ супруги Шаховскіе, арестантъ Козаченко, сыщикъ Полищукъ и семья Чеберяковой. Вотъ кто собственно вынесъ на своихъ плечахъ гнетъ евреевъ, вотъ кто не подчинился имъ, кто не могъ быть подкупленъ и вотъ кто посадилъ на скамью подсудимыхъ Бейлиса. Г.г. присяжные засѣдатели, обвиненіе чувствуетъ, что оно провалилось съ установленіемъ человѣческаго жертвоприношенія. Если же вы осудите Бейлиса, то тѣмъ самымъ, г.г. присяжные засѣдатели, вы дѣйствительно совершите жертвоприношеніе человѣка!..

Прок. Я прошу завести это въ протоколъ.

Предс. Занесите въ протоколъ.

Послѣ Д. Н. Григоровичъ-Барскаго слово предоставляется прис. нов. А. С. Зарудному.

Рѣчь А. С. Заруднаго.

Нѣсколько очень краткихъ возраженій прис. нов. Шакову по вопросу о ритуальной экспертизѣ. Повѣренный гражданскаго истца сказалъ, что первый, слѣдовательно,

самый важный. вопрос по этому поводу, это вопрос о томъ,—я привожу буквально его слова,—приносились ли человѣческія жертвы по закону моисееву? На это я, прежде всего, сдѣлаю слѣдующее общее замѣчаніе,—чтобы согласиться съ тѣмъ, что по закону моисееву приносятся человѣческія жертвы, т. е. совершаются такія безнравственныя, преступныя дѣянія. надо было бы отказаться отъ вѣры православной. Затѣмъ, возраженіе частное,—прис. пов. Шмаковъ ссылается на стихъ 31 книги пророка Іезикиіа, въ которомъ говорится о томъ, что евреи, между прочимъ, проводили своихъ дѣтей черезъ огонь, что означало принесеніе въ жертву Богу своихъ дѣтей. Но, гг. присяжные засѣдатели, я уже вамъ говорилъ, я считаю, что эти ученые споры не могутъ подлежать вашему рѣшенію и даже вашему обсужденію, но, такъ какъ обвиненіе ихъ выставило, то защита обязана возражать. А если мы обсуждаемъ, то невозможно же выхватывать отдѣльныя строки, отдѣльныя фразы, нѣсколько строкъ, и на этомъ строить что-нибудь, надо прочесть все мѣсто, что было раньше и что было позже. И что же оказывается въ этой главѣ пророка Іезикиіа? Пророкъ Іезекиль описываетъ видѣніе, которое ему явилось и въ этомъ видѣніи Господь Богъ рассказываетъ ему о томъ, какъ израильтяне были наказаны во время странствованія по пустынѣ. Въ это время, я не отрицаю, я признаю, были нѣкоторыя отступленія, въ особенности, въ тѣ древнія и старыя времена, подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ идолопоклонниковъ, и нѣкоторые изъ израильтянъ отвергались, такимъ образомъ, изъ вѣры Божьей въ вѣру идолопоклонническую. Но за то они были наказаны. И что-же говорится далѣе объ этомъ видѣніи? Оказывается, что Господь Богъ тѣхъ, которые приносили эти самыя жертвы, извергъ изъ лона народа израильскаго и не допустилъ ихъ войти въ землю, которая была обѣтована израильтянамъ. Въ стихъ 38, который привелъ повѣренный гражданскаго истца Шмаковъ, говорится: „И выдѣлю изъ васъ мятежниковъ и невѣрныхъ мнѣ, изъ земли пребыванія выведу, но въ землю Израилеву они не войдутъ“. А въ землю Израилеву вошли только тѣ, кто не приносилъ жертвъ человѣческихъ. И, говорится въ 42 стихѣ: „И узнай, что Я Господь, когда

войду въ землю, которую клядся отдать отцамъ вашимъ, подыавъ руку Мою“. Такимъ образомъ, вы видите, что эта книга пророка Іезекиіа не только не доказываетъ, что были человѣческія жертвы, но доказываетъ, что не было человѣческихъ жертвъ у народа Израилева. Далѣе, приводится стихъ 28 книги Левита о томъ, что такое зачатіе? Тамъ говорится, что зачатіе не подлежитъ выкупу, а подлежитъ смерти. Прис. пов. Шмаковъ, очевидно, смѣшиваетъ жертвоприношеніе съ зачатіемъ. Зачатіе не есть жертвоприношеніе. Въ этомъ же самомъ стихѣ говорится, что зачатіе не подлежитъ выкупу, а вы знаете, вы слышали здѣсь, что жертва подлежитъ выкупу. Зачатіе—это есть то дурное, что извергается, что въ тѣ времена даже подвергалось смертной казни. И что это такъ, что мое пониманіе слова „зачатіе“ правильно это доказываетъ ссылка подъ этимъ стихомъ. Въ библии подъ каждымъ стихомъ, подъ каждой страницей приведены ссылки на стихъ въ другой книгѣ, гдѣ излагается то же самое. И вотъ подъ стихомъ 31, который привелъ г. Шмаковъ есть ссылка на „Книгу Чисель“, на главу 6, стихъ 16. Что же говорится въ этой главѣ 6 „Книги Чисель“? Тамъ говорится о паденіи Іерихона. Вы знаете изъ Священнаго Писанія, что Господь Богъ семь народовъ подвергъ уничтоженію и изгнанію изъ земли израильской, потому что ихъ землю Онъ отдалъ народу израильскому. Такимъ зачатіемъ городомъ былъ Іерихонъ, стѣны котораго пали отъ трубныхъ звуковъ и, когда онъ пали, то весь народъ этого зачатятаго города былъ уничтоженъ. Такимъ образомъ, зачатіе не есть принесеніе въ жертву,—это заблужденіе со стороны повѣреннаго гражданскаго истца. Ссылаются на дѣянія Апостоловъ, на то, что какіе-то евреи сказали Апостолу Павлу, что онъ подлежитъ убіенію. Опять-таки, развѣ можно выхватывать отдѣльныя мѣста изъ исторіи и этимъ доказывать. Ну и что же—Апостола Павла убили? Ничуть не бывало. Его арестовали, обвинили въ ереси, затѣмъ онъ былъ освобожденъ, его совершенно освободили, но онъ самъ, по своему желанію, хотѣлъ предстать передъ судомъ Кесаревымъ. Въ этомъ не было надобности, но онъ самъ пожелалъ этого. Отправили его въ Римъ и въ Римѣ его суду не предавали. Тогда онъ самъ созвалъ старѣйшихъ и зналъ

Ѣйшихъ іудеевъ и спросилъ — за что вы меня обвиняете? Они отвѣчаютъ—мы ничего не знаемъ, намъ ничего не пишутъ. Ну, давайте разсуждать. Нѣкоторые іудеи согласились съ нимъ, другіе не согласились. Но какъ кончаютъ „Дѣянія Апостольскія?“— Апостолъ Павелъ остался безъ всякой для себя опасности и продолжалъ учить своимъ мыслямъ. Такимъ образомъ, вы видите, что это мѣсто, которое привелъ гражданскій истецъ не имѣеть къ дѣлу рѣшительно никакого отношенія. Что касается 13 свѣтильниковъ, то мѣсто, о которомъ упоминалъ гражданскій истецъ изъ Исхода гл. 25 стихъ 36, тамъ говорится о семи свѣтильникахъ. Но можетъ быть я какого-нибудь мѣста или ссылки не разслышалъ, я не хотѣлъ утрудять вашего вниманія, спрашивать и наводить справки, можетъ быть, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ это говорится. Въ главѣ, гдѣ говорится о постройкѣ Соломонова храма, говорится о свѣтильникахъ, о 10 свѣтильникахъ, которые стояли не въ самомъ храмѣ, а передъ задней частью храма. но во всякомъ случаѣ, тутъ 10 свѣтильниковъ, а не подсвѣчниковъ, и 10, а не 13. Что касается второго храма, то въ немъ безусловно былъ только одинъ семивѣтвенный свѣтильникъ. Прис. пов. Шмаковъ ссылался, чтобы доказать значеніе для евреевъ числа 13 на гл. 29 кн. Чисель, ст. 13 что тамъ говорится о 13 тельцахъ, но онъ умалчалъ о томъ, что тамъ кромѣ того говорится—2 овна, 14 агнцевъ и т. д. Конечно есть разныя числа жертвъ и въ разныхъ случаяхъ вы можете найти разныя числа въ Библии и навѣрно даже всѣ числа можете найти, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ числа, которыя приводятся въ Библии, имѣють какое-то особенное, чудодѣйственное, священное значеніе. Затѣмъ онъ говорилъ о заповѣдяхъ Маймонида. О Маймонидѣ онъ кажется не упоминалъ, но если упоминалъ, то ошибается, потому что никакихъ заповѣдей Маймонида нѣтъ. Заповѣдью называется правило, исходящее отъ Бога и выражающее словами тѣ правила, которымъ народы должны подчиняться. Такія правила вы знаете: 10 заповѣдей общихъ у христіанъ съ евреями, 7 заповѣдей Ноевыхъ и т. д. Но кромѣ того, многіе ученые, и во времена Библии многіе пророки и патриархи, и послѣ въ новѣйшія вре-

мена подводили всѣ эти, какъ я говорю, 613 правилъ, которыя можно насчитать изъ Библии, подъ нѣсколько общихъ положеній. Между тѣмъ, Маймонидъ уже въ гораздо позднѣйшее время въ 12 вѣкѣ подвелъ подъ 13 положеній, но это не заповѣди, а основы еврейской религіи, какъ раздѣляя эти правила Маймонидъ. Но Маймонидъ не есть овященная книга, это заблужденіе. Это есть литературное произведеніе, очень много читаемое и много уважаемое евреями, но это не есть священная книга, а такое подведеніе подъ основы и раздѣленіе правилъ церковныхъ на нѣсколько отдѣловъ вы найдете еще въ Библии. Такъ пророкъ Даниилъ знаетъ 11 основъ, пророкъ Исая 6 основъ, пророкъ Михѣй — 3 основы, пророкъ Аввакумъ— одну основу. А одинъ изъ наиболее уважаемыхъ евреями мудрецовъ Гилель, какъ вы знаете, когда язычникъ спросилъ его, въ чемъ заключается израильская вѣра, какъ я могу въ короткое время ей повѣрить?—онъ отвѣтилъ.—вѣра еврейская заключается въ томъ: не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ,— все остальное есть поясненіе этого. Такимъ образомъ Гилель подвелъ подъ одну основу все ученіе израильское, но это не значить, что есть ученіе Гилеля. Такимъ образомъ, эта ссылка на 13 заповѣдей Маймонида не имѣеть никакого отношенія къ дѣлу. Затѣмъ прис. пов. Шмаковъ сказалъ, что я призналъ 13 уколовъ. Я этого не признавалъ и не говорилъ, а если хотите знать мое мнѣніе, я считаю, что уколовъ было собственно на вискѣ 14, потому что на мой глазъ два укола слились въ одинъ, они были очень близко сдѣланы и слились въ одинъ, но по очертанію видно, что было два. Такъ что, во-первыхъ, 14, а во-вторыхъ, только на вискѣ 14, а на всей сторонѣ лица больше, а на всемъ тѣлѣ 47. Поэтому говорить о 13 уколахъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія. И наконецъ послѣдняя поправка фактическая: г. Шмаковъ сказалъ, упоминающая о правѣ, существующемъ у евреевъ, что иновѣрецъ перешедшій въ еврейство, можетъ жениться на своей матери, тоже перешедшей въ еврейство и онъ говорить, что моя ссылка на его книгу не-правильна, такъ какъ тамъ приведено это правило, но, прибавляетъ онъ, приведены и возраженія и дополненія талмудистовъ,

Изъ этого вы видите, г.г. присяжные свидатели, что чтобы сказать, такъ это или нѣтъ, надо все это разобрать, надо прочесть всѣ дополненія талмудистовъ. Мы же этого сдѣлать не можемъ потому что не провѣряли. Вотъ тѣ немногія замѣчанія, которыя, мнѣ кажется, вамъ докажутъ безусловно до какой степени невозможно въ судѣ разрѣшать такіе религіозные, богословскіе, философскіе вопросы, которые здѣсь обвиненіе поставило на вашъ судъ для того, чтобы обвинить Бейлиса.

Послѣ А. С. Заруднаго слово предоставляется В. А. Маклакову.

Рѣчь В. А. Маклакова.

Я, г.г. присяжные, не войду въ разборъ мелочей. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы ими слишкомъ не увлекались, чтобы вы не забыли мудрой пословицы о томъ, что изъ за деревьевъ лѣса не видно. И вотъ, я хотѣлъ отмѣтить передъ вами нѣсколько крупныхъ безспорныхъ фактовъ, нѣсколько вопросовъ, на которые обвинители, обвиняющіе Бейлиса, никакого отвѣта вамъ не дадутъ.

Это первый вопросъ—обвинители думаютъ, что здѣсь было ритуальное убійство. Пусть, г.г., эти убійства даже существуютъ (мы въ это не вѣримъ, но пусть они существуютъ), пусть нашлись въ Кіевѣ изувѣры, которые совершили ритуальное убійство, но пусть обвиненіе намъ объяснить, почему эти изувѣры выбрали такой негѣпный способъ своего изувѣрства. Пусть они способны пролить человѣческую кровь, но вѣдь они должны бояться—они евреи. Вѣдь въ Кіевѣ евреи знаютъ, что такое погромъ, что такое народное негодованіе. Они знаютъ, что они тутъ не хозяева, не господа. Пусть евреи хитрые—у нихъ есть возможность заманить, тайно увлечь, спрятать, это главное. Но далѣе, обвинители не упоминаютъ, почему они выбрали неудачное время, неудачный способъ, неудачное мѣсто. Въ этомъ дѣлѣ что? Выбирается время какое? День, утро, когда свѣтло, когда не спрячешься, когда все видно. Почему они не выбрали черезъ одного изъ тѣхъ евреевъ, которыхъ не вызываютъ, но на которыхъ намекали, другого времени? Почему они въ ночное время не заманили Андриюшу, почему они рѣшились сдѣлать это при дневномъ свѣтѣ, когда хотя и было мало рабочихъ, но все-таки они были тамъ, гдѣ

было мѣсто открытое, съ котораго видно даже на кладбище и куда всегда можетъ явиться посторонній глазъ. Почему же они, какъ будто бы съ особымъ желаніемъ себя выдать выбрали моментъ, когда Андрияша не одинъ, когда онъ съ дѣтворой пришелъ туда играть? Пусть есть злодѣи, пусть есть изувѣры... Но вѣдь еврей не о двухъ головахъ, у нихъ есть чувство страха и боязни за себя. Обвиненіе намъ говорить, что они рѣшили дѣлать это дѣло такъ, чтобы всѣ это поняли, чтобы только случай могъ ихъ спасти,—но ваша совѣсть на этотъ вопросъ отвѣта пока не дала.

Когда вы посмотрите, кто же создалъ такое обвиненіе, кто выдумалъ эту главную улику противъ Бейлиса, кто стусилъ всѣ эти краски такимъ образомъ, то вы увидите, откуда это вышло. Объ этомъ говорить Чеберякова, объ этомъ говорить дѣвочка Люда, объ этомъ говорить пріятель Чеберяковой—Петровъ. Вотъ откуда вышли этотъ невѣроятный, невозможный рассказъ и на немъ стоитъ штемпель:—Чеберякова. Пойдемъ дальше.—пусть это нелѣпная мысль, которая не могла придти въ голову никакому изувѣру. Но какъ она могла осуществиться? И вотъ васъ хотятъ увѣрить, что пришли нѣсколько дѣтей, у которыхъ есть отцы и матери, что на глазахъ у этихъ дѣтей схватили Андриюшу, утащили въ печь и послѣ его нашли только трупомъ. И васъ хотятъ увѣрить, что послѣ этого не двинулась Лукьяновка, что всѣ молчали и только черезъ два года вспомнили, какъ это произошло. Васъ хотятъ увѣрить, что это могло такъ обойтись. Г. прокуроръ говорилъ: вы скорбляете русскій народъ, изображаете его преступнымъ, способнымъ даже продать евреямъ ихъ жертву. Мы знаемъ, что среди русскаго народа есть преступники, есть убійцы и предатели-злодѣи, есть во всякомъ народѣ. Но, что совершенно невозможно это, чтобы на Лукьяновкѣ нашлось нѣсколько матерей и отцовъ, которые изъ страха молчали. Намъ говорилъ прокуроръ, что Чеберякъ побоялась это сдѣлать, что она рѣшила смолчать о пальто, только, чтобы ее не заподозрили. Я уже говорилъ: страшная мысль, невѣроятная мысль. Если она знала, что Андриюшу затащилъ, то какъ она могла изъ-за какого-то пальто не отозваться на разспросы родныхъ, чтобы она изъ-за какого-то страха промолчала про пальто? Если бы воз-

можно было, что Чеберякъ изъ страха молчала два года, то въ такомъ случаѣ, она такая женщина, на показаніяхъ которой, ничего строить нельзя.

Если вы теперь своимъ приговоромъ скажете, что убилъ Бейлиса въ такой обстановкѣ—у васъ просятъ такого приговора—то вамъ прямо говорятъ, этимъ приговоромъ вы жителямъ Лукьяновки скажете: „отцы и матери христіанскихъ дѣтей, вы всѣ побоялись открыть это злодѣйство, вы такъ запуганы, что у васъ на глазахъ терзаютъ дѣтей, а вы молчите?“ Вотъ, г.г., тотъ приговоръ, который вынесетъ приговоръ Бейлиса. Пойдемъ дальше, это невѣроятная, невозможная вещь—кому она пришла въ голову? Кто утверждаетъ, что ритуальные убійства совершаются не тайно, не въ темнотѣ ночной, но явно, гласно при всѣхъ? Что отцы и матери побоятся выдать злодѣевъ? Кто выдумалъ на русскій народъ такой поклепъ? Кто? Только Чеберякъ. Вѣдь это она такъ представляетъ дѣло. Намъ говорилъ прокуроръ, что наши свидѣтельницами это лже-свидѣтельницами, что противъ нихъ нужно возбудить дѣло. Противъ Малицкой и Дьяконовыхъ. Но мы не разъ говорили, что мы на нихъ не опираемся. Я не считаю ихъ лже-свидѣтельницами, но я имъ не вѣрю. Малицкая въ какой-то моментъ слышала что-то такое—кто-то кричалъ, что-то тащили: можетъ быть это были дѣти Чеберяковой, только много поздне, когда она узнала, что это было, она стала вспоминать. Заднимъ умомъ мы всѣ крѣпки, а женщины съ „бзикомъ“ особенно. Она стала вспоминать, ей стала представляться картина, она приходитъ и добросовѣстно говорить. Но вѣдь вѣрить такому показанію нельзя, на это опираться нельзя. То же и Дьяконовы: онѣ можетъ быть знали, можетъ быть не знали—догадывались—я на нихъ не опираюсь. Но когда я вижу, что показанія Чеберяковой лежатъ въ основѣ обвиненія, что это она привела дѣтей, что это она пополнила показанія мертвѣго Жени своими словами, когда я вижу, что этотъ нелѣпый рассказъ исходитъ отъ нея, то я спрашиваю: какъ же прокуроръ не видитъ, не чувствуетъ, что если можно назвать хламомъ то, что исходитъ изъ устъ Дьяконовыхъ и Малицкой, то вѣдь то, что исходитъ отъ Чеберяковой гораздо хуже. Говорятъ, что она не правдива,—но есть нѣчто худшее. Эти пока-

занія явились отъ Чеберяковой тогда только, когда подозрѣніе на нее упало и покуда этого не было, она такъ не показывала. Только когда ее прижали къ стѣнѣ, когда газеты напечатали ея портретъ, какъ убійцы Ющинскаго,—только тогда она пришла. Г.г., вы видите, что эти показанія исходятъ не только отъ живой женщины и отъ женщины заподозрѣнной, что она лжетъ для спасенія собственной шкуры. Когда вы это видите, то вы не можете не сказать г. прокурору: это уже не хламъ и на этихъ показаніяхъ ничего основывать невозможно. И вотъ, тутъ, тутъ намъ возражаютъ, говорить: вы-то ни на что не отвѣтили.

Скажу два слова на возраженіе г. Шмакова. (У меня все записано, но боюсь занять слишкомъ много времени). Говорятъ—но зачѣмъ пауза, зачѣмъ швайка, зачѣмъ они раздѣвали его, зачѣмъ они его мучили? Но кто же можетъ на это отвѣтить, когда рѣчь идетъ объ убійствѣ нѣсколькими лицами, кто можетъ войти въ ихъ души? Задавать такіе вопросы, это заранее знать, что всякая попытка отвѣтить на это—фантазія. Мы убѣждены въ томъ, что самое преступленіе было довольно внезапно сдѣлано. Быть можетъ, былъ гнѣвъ на человѣка, который ихъ выдавалъ, было раздраженіе противъ него, — и началось это истязаніе. Истязали швайкой, потому что лучшаго орудія подъ рукой не было. Почему были мученія? Потому что однимъ ударомъ не убьешь такимъ орудіемъ. Когда спрашивали, почему была пауза, то эксперты сказали: наступилъ моментъ, когда Андрюша потерялъ сознаніе, когда онъ, быть можетъ, не дышалъ, или лежалъ истекая кровью. Ну, злодѣи и остановились: говорятъ о томъ, умеръ-ли онъ, или нѣтъ, какъ теперь быть, куда его дѣвать. Быть можетъ, обратились другъ къ другу съ вопросомъ? Онъ еще не стихъ,—ну вотъ, они и докалываютъ его и убиваютъ. Насъ спрашивали: почему они такъ поступили, почему они остановились? На это мы отвѣтить не можемъ и вы тоже. Вотъ первое и главное соображеніе, которое я выставляю на защиту Бейлиса: картина невѣроятная, источники сомнительные, пристрастные.

Второе, главное и послѣднее возраженіе: я спрашиваю обвинителей, тѣхъ, которые винятъ Бейлиса,—почему же вы, обвинители, допускаете виновность Чеберякъ? по-

чему она не арестована? почему она не привлечена? почему у нас совершается это удивительное дѣло? Пусть люди, которые старше меня, скажутъ, было это когда-нибудь въ судебномъ процессѣ и можно ли было думать, что это когда-нибудь будетъ.

Предс. Такого рода обсужденія судебныхъ процессовъ недопустимы.

Махлаковъ. Обвиняютъ здѣсь Бейлиса, а прокуроръ говоритъ, что, можетъ быть, виноватъ Шнеерсонъ (ему даже лицо Шнеерсона не нравится). Потомъ указываютъ на Чеберякову. Потомъ называютъ трехъ лже-свидѣтельницъ, которыхъ надо бы было притянуть. Превращать свидѣтелей въ обвиняемыхъ—это фактъ очень рѣдкій. Я спрашиваю, почему въ тотъ моментъ, когда было ясно, что Чеберякова не чужда этому дѣлу, почему ее не взяли? Скажутъ, что нѣтъ доказательствъ, что она чиста.

И вотъ здѣсь, оба гражданскихъ истца, коснулись сцены смерти Жени Чеберякова, которую я вамъ напоминать не стану. Они коснулись ея, чтобы сказать: что-же здѣсь удивительнаго? Все происходило, какъ слѣдуетъ и ничего страннаго здѣсь нѣтъ. Тотъ, кто слышалъ описаніе этой сцены, кто глазами ощущалъ, какъ это было, если онъ въ этомъ ничего особеннаго не видѣлъ, то, значитъ, онъ имѣетъ очи не затѣмъ, чтобы видѣть, и уши не затѣмъ, чтобы слышать. Гражданскій истецъ Шмаковъ говорилъ, что если Женья мучился и волновался, если онъ хотѣлъ признаться, то это потому, что у нихъ было пальто, а мать ему объяснила, что пальто—это улика. И вотъ меня хотятъ увѣрить, что Женья въ предсмертныхъ мукахъ кричалъ и бредилъ, то это потому, что пальто было у нихъ. Кто можетъ этому повѣрить? Намъ говорятъ, что, если это было бы такъ, то она не привела бы священника-духовника. Я на это отвѣчу, что я, все-таки, лучшаго мнѣнія о сердцѣ матери, Чеберяковой, чѣмъ тѣ, которые ее защищаютъ. Одно дѣло быть прикосновенной къ Сингаевскому и компаніи, къ убійству чужого ребенка,—и другое, отказать своему умирающему ребенку въ томъ, чего онъ проситъ. И я убѣжденъ, что она знала, что тайна исповѣди останется тайной, что бы онъ ни сказалъ. Чеберякъ въ этотъ моментъ боялась Полищука и другихъ, боялась, чтобы Женья не сказалъ лишняго, цѣловала

его, когда онъ начиналъ говорить, цѣловала не какъ мать, а какъ Иуда, чтобы мнѣнать ему дѣлать то, что онъ хотѣлъ. Если вы это видите и слышите, и говорите, что Чеберякъ внѣ подозрѣнія то скажу вамъ, что мы говоримъ съ вами на разныхъ языкахъ.

Я спрошу обвиненіе: почему вы Чеберякъ не взяли? Берите ее. И если вы вѣрите въ ритуальныя убійства, тѣмъ болѣе берите ее. Она скажетъ вамъ, кому она продала Юпинскаго, кто платилъ деньги. Возьмите ее и она раскроетъ вамъ все, но ее не берутъ—почему? Здѣсь какъ-будто инстинктивно боятся, что ихъ увлекутъ въ сторону, куда они не хотятъ идти. А вдругъ Чеберякъ начнетъ показывать не на евреевъ, а на воровъ? Тогда обвинителямъ придется разстаться съ этимъ дѣломъ. Дальше, посмотримъ, ее не взяли и что изъ этого вышло. Если бы ее только оставили на свободѣ... но нѣтъ, Чеберякъ выпустили, и на ея показаніяхъ построили обвиненіе Бейлиса. Прокуратура сама ужаснулась бы, если бы она дала себѣ отчетъ въ томъ, что здѣсь произошло. Чеберякъ не можетъ не быть благодарной лицамъ прокурорскаго надзора за то, что къ ней такъ снисходительны, снисходительны до того, что вчера прокуроръ говорилъ: „Сингаевскаго не приклеили къ отвѣтственности потому, что—что-же его одного привлекать когда Рудзинскаго нѣтъ“. Вдругъ, къ Сингаевскому такая удивительная благосклонность: онъ признается въ преступленіи, но его не берутъ, не привлекаютъ...

Гг. Вѣра Чеберякъ это поняла. И когда она поняла, что люди, которые ее выпустили, вѣрятъ ей во всемъ (ее допрашивали такъ, какъ здѣсь всѣхъ допрашиваютъ),—тогда и она стала служить имъ посильно, приносить имъ доказательства противъ Бейлиса: „Женья мнѣ признался... „Разспросите Люду — она вамъ то же расскажетъ“... „Тамъ еще Петровъ есть, который знаетъ“... и т. д.

Если бы прокурорскій надзоръ понялъ, что происходитъ, онъ понялъ бы, что эти показанія Чеберякъ, это не только попытка спасти себя, а это уплата за снисхожденіе, съ которымъ къ ней относились. Здѣсь намъ, вѣроятно, чтобы насъ обидѣть, бросили упрекъ, что мы слуги еврейства. Но прокурорскій надзоръ—цудъ онъ только пойметъ въ какомъ онъ поло-

женіи. Когда онъ вѣрилъ Чеберякъ и шелъ туда, куда наводила ударъ Чеберякъ, онъ сталъ самъ какъ-бы орудіемъ въ рукахъ чеберяковской компаніи. Это положеніе ужасное для прокуратуры. Въ августѣ мѣсяцѣ 1911 года въ исторіи правосудія свершилось большое несчастье...

Предс. останавливаетъ оратора.

Махлаковъ. Я указываю на тѣ ошибки, которыя могло сдѣлать правосудіе... Я это же скажу, но только мягче, скажу совѣтъ мягко. Въ августѣ мѣсяцѣ 1911 года впервые былъ привлеченъ къ слѣдствію Бейлисъ, какъ обвиняемый. Съ этого момента правосудіе думало, что міровая тайна раскрыта. Прокурорскій надзоръ думалъ, что онъ наложилъ руку на эту тайну, что то преступленіе, которое скрывалось вѣками, до котораго и дойти невозможно—онъ его раскрылъ. Чѣмъ болѣе тайна исключительна, чѣмъ грандіознѣе преступленіе, тѣмъ больше чести и славы тому, кому удастся его раскрыть. Эта горделивая мысль, что вѣковая тайна открыта, она отвлекла правосудіе отъ его прямой задачи, обратила все его вниманіе на разрѣшеніе міровыхъ вопросовъ.

Гг. присяжные засѣдатели, когда такъ искренно и горячо говорятъ вамъ, что нельзя оставить Андришу Юпинскаго не отмщеннымъ, когда съ негодваніемъ отклоняютъ малѣйшую попытку сказать дурное слово про Андришу, когда прокуратура такъ негодуеетъ на смерть Андриши, такъ возмущается,—тогда мнѣ хочется сказать: значить, не такъ велика эта скорбь объ его смерти, если такъ мало желанія дать виновнаго. Если Чеберякъ останется свободной, если отъ виновныхъ отвернулись, если за ними не пошли, то это потому, что слѣпила глаза горделивая мысль, что раскрыто міровое дѣло, раскрыто вѣковое преступленіе.

Имъ не хотѣлось идти обыкновенной дорогой. Имъ было скучно искать обыкновенныхъ воровъ, и они рѣшили изъ суетной мысли создать громкое дѣло.

Гг. судьи, за немѣнѣемъ уликъ противъ Бейлиса, васъ наводятъ на почву несправедливости, на почву, которой на судѣ надо бояться, чувства злости, чувства негодованія всячески надо здѣсь избѣгать, когда здѣсь вамъ говорятъ о еврейскомъ заисильи, когда вамъ повторяютъ имя того великаго художника, который по себѣ узнавалъ, что такое судебная ошибка... я ска-

жу вамъ, гг. присяжные засѣдатели, если такимъ приѣмомъ смутить вашу совѣсть, если благодаря такимъ приѣмамъ, вмѣсто справедливости—гнѣвъ продиктуетъ вамъ приговоръ противъ какого-то неизвѣстнаго виноватаго, то, конечно, не Россія погибнетъ, но тяжкій уронъ будетъ нанесенъ нашему русскому правосудію.,

Предс. дѣлаетъ замѣчаніе оратору.

Махлаковъ. Но это, вѣдь, будетъ!

Послѣ рѣчи В. А. Махлакова былъ объявленъ перерывъ до 7½ час. веч.

Засѣданіе возобновляется въ 7½ час. веч. Слово предоставляется О. О. Грузенбергу.

Рѣчь О. О. Грузенберга.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели, тѣ немногія минуты вниманія, на которыя я въ правѣ рассчитывать, я бы не хотѣлъ удѣлять какому-нибудь личному спору и поэтому я оставляю совершенно безъ отвѣта, какъ тѣ мѣста рѣчи г. прокурора, которыя касались колкостей по адресу защиты, такъ равно и колкости г. гражданскаго истца Замысловскаго, потому, что здѣсь, есть болѣе важное лицо, и болѣе важные интересы, чѣмъ интересы наши — защиты — это подсудимый, его участь, его судьба. Я отвѣчу лишь на то, что касается дѣла.

Г. Замысловскій сказалъ, — г. прокуроръ его не поддержалъ въ этомъ отношеніи, — что будто бы я, въ своей рѣчи допустилъ извращеніе фактовъ, то-есть говорилъ просто неправду, ложь, что онъ могъ бы это доказать, но что на это надо было очень много времени. Онъ не проверилъ фактовъ, а упомянулъ только о Екаторинѣ Дьяконовой, Махалинѣ и Караевѣ — больше ничего. Но вы слышали, что прокуроръ, потребовавши слово, не указалъ не только на извращеніе фактовъ, но какъ вы помните, не говорилъ даже объ ошибкахъ. Г. повѣренный гражданскаго истца Шмаковъ поставилъ дѣло нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что одни говорили по дѣлу, такіе-то, онъ не имѣетъ возраженія, а другіе говорили только красиво, а по дѣлу не говорили. Значить, выходить такъ, что всѣ защитники не исполнили своего долга: одни говорили красивыя рѣчи, а другіе говорили дѣло, — да не вѣрно. Но къ счастью вы слѣдили, вы успѣли себѣ составить мнѣніе о каждомъ изъ

насъ, вы видѣли, кто изъ насъ какъ работаетъ, можетъ быть, ошибается, можетъ быть, бываютъ обмолвки, но вы видѣли, есть ли недобросовѣстность, а равно вы замѣчаете, кто изъ насъ ткеть паутину, а кто, дѣйствительно, по мѣрѣ силъ представляетъ факты, хорошо или плохо — это зависитъ отъ способностей и дарованія. Относительно Е. Дьяконовой онъ говорить:— г. защитникъ не сказалъ вамъ про то, что она невѣрно назвала Лисунова.—Такъ это развѣ извращеніе фактовъ? Это вѣдь говорили и прокуроръ, и гражданскіе истцы. Но, господа, показанія Дьяконовой я разбираю и говорю и говорю — она намъ не нужна для защиты. Но никогда мы ее не назовемъ ложной свидѣтельницей, то, что называется лжесвидѣтельницей. Онъ обѣ говорили правду, но по разнымъ частямъ дѣла, а по даннымъ вопросамъ онъ искренно ошиблись. И вотъ искренней ошибкой у Дьяконовой было, когда она назвала Лисунова. Припомните сами, гг. присяжные засѣдатели, что Красовскій ихъ допрашивалъ. Неужели вы думаете, что этотъ опытный сыщикъ не узналъ, живетъ ли здѣсь Лисуновъ, и гдѣ онъ сейчасъ находится? Вѣдь въ сыскной полици для него всѣ двери открыты, онъ могъ туда пойти и отлично обо всемъ разузнать. Стало быть, никакой ошибки не было бы. Значитъ, Красовскій въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ добросовѣстно и она добросовѣстно ошибалась, ибо въ этой воровской компаніи, которая собиралась (а это установлено) на квартирѣ Чеберяковой, рѣшительно нельзя было разобраться съ точностью, въ какой это именно день было.

Дальше, мнѣ говорятъ, что я былъ неправъ въ отношеніи Махалина и Караева, ибо они говорятъ, что рѣчь шла о двухъ „шмарахъ“. Одна Екатерина Дьяконова, гдѣ же вторая? Гг. присяжные засѣдатели, вы забыли. Вѣдь Адель Равичъ, о которой говорилъ здѣсь Вышемирскій была въ тотъ самый день. И вотъ у нихъ, Караева, Махалина и Сингаевского, когда они вели разговоръ осталось въ памяти, что были тогда „шмары“ (какъ они называютъ ихъ), — одна Екатерина Дьяконова, а другая — Адель Равичъ, которая была въ тотъ же день. Видали онъ трупъ или не видали — это ваше дѣло, какъ вы повѣрите, но вотъ, вторая женщина, которая

пришла вскорѣ послѣ убійства. Вотъ все, что онъ нашель у меня ошибочнаго.

О Чеберяковой говорятъ, что защита поставила дѣло такъ: либо Чеберякова, либо Бейлисъ. Никогда защита такъ не ставила дѣла. Вы помните, гг. присяжные засѣдатели, что вчера, давая вамъ свое объясненіе, я говорилъ: мы не отгадчики того, какъ совершилось преступленіе. Если бы кто-нибудь изъ насъ позволилъ сказать передъ вами, что онъ искренно убѣжденъ, и можетъ сказать, что именно такъ-то и такъ-то произошло, — онъ сказалъ бы больше, чѣмъ совѣсть ему позволяетъ сказать. Какъ, именно, произошло — я не знаю, я этого не видалъ, какъ могло произойти — я догадываюсь, и какъ я догадываюсь, какъ я понимаю, такъ равно и мои товарищи, — мы вамъ объ этомъ говоримъ по своему убѣжденію. Какъ же можно сказать (если вы, на минуту, допустимъ, не согласились бы), что тутъ невиновна Чеберякова и ея компанія, что значить виноватъ Бейлисъ, потому, что защита такъ поставила свои объясненія. Никогда мы такъ ихъ не ставили и прошу васъ не дѣлать подсудимаго отвѣтственнымъ за разгадку загадокъ. На судѣ не разгадываются загадки, и меньше всего подсудимый обязанъ быть отгадчикомъ. И напрасно говорилъ гражданскій истецъ, что мы, привыкшіе къ судебной работѣ, позволили себѣ такую неправильную, такую фальшивую постановку дѣла. Этого не было и не могло быть.

Но, господа, работа нашей защиты увѣнчалась успѣхомъ. Она увѣнчалась успѣхомъ вотъ въ какомъ отношеніи, и тутъ мнѣ кажется, отрицать ее нельзя, — что г. прокуроръ, который все слѣдствіе велъ къ тому, чтобы доказать, что около конюшни, въ помещеніи, гдѣ были шайки, произошло убійство, вы слышали въ своей первой рѣчи онъ отказался уже отъ этого, и говорилъ (какъ ему указывали защитники), что преступники были въ комнатахъ (вначалѣ онъ это говорилъ), а глину принесли на сапогахъ. Тогда лишь послѣ нашихъ рѣчей, г. прокуроръ понялъ, что разъ онъ призналъ, что убійство было въ комнатѣ, какъ онъ можетъ отрицать, что убійство было у Чеберяковой, потому что всѣ эти соображенія говорятъ за то, что это было у Чеберяковой. И вчера послѣ нашихъ объясненій, г. прокуроръ сталъ на

другую позицію и говорилъ: убійство было не въ помѣщеніи. Стало быть, всѣ разговоры о томъ, что тамъ побѣдили и разговоръ о томъ, что тамъ подожгли — отпадаютъ.

Убійство, говорятъ, началось на дворѣ около конюшни, а потомъ, говорятъ, перенесли въ конюшню. Г. гражданскій истецъ Замысловскій, вы помните, въ первой своей рѣчи говорилъ, что оно произошло на заводѣ, на плацу, гдѣ-нибудь, но не называлъ мѣста. Сегодня послѣ моихъ показаній онъ отвѣчаетъ такъ же, какъ и прокуроръ что оно произошло около конюшни и закончилось тамъ. Вы знаете, что тамъ жили рабочіе Заславскаго, вы знаете, что въ 3 часа дня, уже непременно, пріѣхали Калитенко Іовъ, въ 3—4 часа 12 марта въ субботу. Какъ же это могло быть? Куда же они могли дѣвать трупъ, если это было утромъ, и рабочіе всѣ съѣхались? Убивали въ конюшнѣ, гдѣ стояли лошади, гдѣ были постоянно и свои люди, и которые служатъ у Заславскаго, и которые возятъ на его лошадяхъ и повозкахъ? Значить, этого не могло никоимъ образомъ быть. И они переходятъ теперь только къ мѣсту около конюшни. для того, чтобы какъ-нибудь выйти изъ этого помѣщенія, на которомъ они во все время судебного слѣдствія настаивали. Мы пугались около этого помѣщенія.

Но, господа, подумайте, если это такъ, если на мигуту допустить, а вы видите, что это невозможно, какъ же они объясняютъ, что несчастный мальчикъ (я называю потому несчастнымъ, что я такъ смотрю, и указанія г. Замысловскаго, колкости, что я неискренень, и не имѣю права называть несчастнымъ, я искренно считаю, что онъ несчастный и говорю, такъ, какъ думаю), я говорю, какъ попала къ нему эта самая тряпочка — кусокъ наволочки въ крови и сѣмени; вотъ вы на это отвѣтите? Вотъ здѣсь говорили и бранились, а отвѣта на дѣло, на главное не дается. Вѣдь это несомнѣнно, что въ курткѣ въ глубинѣ найденъ этотъ кусокъ наволочки въ крови и въ мужскомъ сѣмени, и они отвѣта вамъ не даютъ, не даютъ послѣ того, какъ я вамъ доказывалъ, и вы сами слышали, что на предварительномъ слѣдствіи Дьяконова Ксенія говорила, что, когда шила, три подушки были съ наволочками, а одна безъ наволочекъ. Но на это отвѣта не даютъ. Они вамъ не отвѣти-

ли? Выходитъ такъ. Подумайте, совершается страшное дѣло, люди съѣзжаются изъ разныхъ странъ, евреи идутъ на гибель свою, имъ нужно достать драгоценную влагу — христіанскую кровь. Ведутъ мальчика, не вымытого, безъ того, чтобы очистить голову, ведутъ въ сарай, въ конюшню, въ навозъ, и въ грязи совершаютъ торжественный и религіозный обрядъ вмѣстѣ со своими раввинами.

Есть вещи, которыя смѣшны, но, если мы не позволили себѣ шутить во все время производства дѣла, быть можетъ, это наша вина, быть можетъ, мы (я, по крайней мѣрѣ, говорю о себѣ), были слишкомъ серьезны для такого не серьезнаго, въ смыслѣ доказательства обвиненія, дѣла быть можетъ, мы шли съ тяжелымъ орудіемъ сломать, разбить, стереть, побѣдить то, что не нуждалось въ серьезномъ сраженіи. Достаточно было замахнуться, толкнуть рукой, чтобы все это свалилось. Можетъ быть, наша вина есть. Но, когда совершается страшное дѣло, рѣшается участь человѣка и многихъ людей, тогда не до шутокъ. Если есть какая вина въ томъ, что мы не выпучивали, она должна быть прощена, ибо дѣло это далеко не шуточное, ибо дѣло это состоитъ изъ слезъ и горя. и мы шутить себѣ не позволяемъ.

Сингаевскій, когда его допрашивали, дѣйствительно, показалъ, что былъ разговоръ о подбрасываніи вещей покойнаго Андруши Юцинскаго съ Махалинымъ или Караевымъ, которые предложили ему, чтобы онъ досталъ вещи Юцинскаго, чтобы подбросить какому-нибудь цадіку. И вотъ, я васъ спрашиваю: какъ-же можно было такъ въ разговорѣ перешагнуть? Я говорю, надрим., Сингаевскому: тебѣ грозитъ опасность, открыли твою вину, а онъ мнѣ говоритъ: моей вины нѣтъ, вѣдь, я не говорилъ, что мальчика убилъ, я другимъ дѣломъ былъ занятъ и знать не знаю, — а я отвѣчаю: ты мнѣ достань вещи покойнаго мальчика и мы подбросимъ ихъ цадіку. Какъ могъ онъ сказать: достань вещи, если бы Сингаевскій ему отвѣтилъ, я мальчика не видѣлъ, я мальчика не убивалъ. И только послѣ того, какъ онъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, ихъ грѣхъ былъ, что плохо это дѣло сдѣлали, только послѣ этого Махалинъ и Караевъ могли идти дальше и сказать: достань вещи и мы подбросимъ ихъ цадіку, тогда евреевъ поймаютъ. Я гово-

рилъ, но, можетъ быть, не совсѣмъ ясно, и отвѣта не получилъ на это: если Махалинъ и Караевъ говорятъ неправду, то все же остается открытымъ вопросъ, почему Караевъ въ письменномъ показаніи (къ сожалѣнію, онъ не явился, хотя мы и просили его доставить, и судъ призналъ его неявку правильной), почему ни Караевъ, ни Махалинъ нигдѣ не говорятъ лишняго. Забудьте его показанія. Онъ говоритъ, что Сингаевскій сказалъ: „Да, наше дѣло, мы пришли, провалились двѣ малины“. А за что пришли, онъ не сказалъ. Если бы Махалинъ или Караевъ выдумывали, если они идутъ на ложныя показанія, то что стоило имъ сказать: да, Сингаевскій сознался и сказалъ, что они убили потому, что мальчикъ сталъ выдавать. Но они этого не говорятъ. Вы скажете, что это отъ страха ответственности, но какой же страхъ, когда они уже сказали, что онъ сознался. Они не говорятъ больше того, что они знаютъ, они не прибавляютъ ни одного слова. И вотъ, я говорю, обвиненіе глубоко неправо, какъ неправо и по отношенію къ Рудзинскому. Вы слышали, г. прокуроръ вчера указалъ, что защитникъ ошибается, что вещи были выкуплены для того, чтобы замѣнить окровавленную одежду чистой. А я говорю, что ошибается г. прокуроръ, и утверждаю его показаніе, что онъ своей матери сказалъ о выкупѣ его одежды изъ ломбарда въ субботу днемъ, а убійство было совершено въ субботу утромъ, приблизительно между 10½ и 12 часами, врядъ ли позже,—конечно, это догадки, но, приблизительно, въ это время. Значитъ, вы видите, что Рудзинскій говорилъ своей матери о выкупѣ платья въ субботу, т. е. послѣ совершенія убійства. Мать ему выкупила платье, и когда на другой день утромъ, въ воскресенье, онъ пришелъ послѣ кражи, то надѣлъ выкупленное платье, надѣлъ уворованные изъ вещей Адамовича очки и уѣхалъ въ Москву. Если онъ выкупалъ платье, чтобы ѣхать въ Москву, то, вѣдь, въ субботу, въ то время, когда онъ говорилъ матери о выкупѣ, откуда же онъ могъ знать, что вещи эти ему понадобятся для Москвы. Вѣдь, онъ кражу еще не совершилъ, кража была ночью. Неужели, предполагая идти ночью на Крещатику воровать, онъ могъ думать, что кража непременно удастся. Этого онъ не могъ знать, зачѣмъ же онъ заранѣе будетъ запасаться платьемъ. А послѣ убійства,

тогда другое дѣло, послѣ убійства онъ зналъ, что ему надо смѣнить платье. Вотъ на это я отвѣта не слыхалъ. Хорошо или плохо я работаю, но въ теченіи 5 час. я хотѣлъ рассказать дѣло, какъ я его знаю какъ я его понимаю, но на это отвѣта я не получилъ. Вотъ почему для меня совершенно ясно, что сѣдствие, которое не прослѣдило совершенно ни Сингаевского, ни Рудзинскаго, ни третье лицо, оно сдѣлало, конечно, серьезную ошибку, которая отзывается на всемъ дѣлѣ. Надо ли повторять то, что вамъ говорилъ сѣдователь Фененко, какъ Латышевъ рвалъ протоколъ, какъ кинулся на него, вы все это хорошо помните. Вотъ почему я говорю, что на серьезные указанія защиты, защита получала только рѣзкій отвѣтъ, что это невѣрно, что это извращеніе, безъ указанія, въ чемъ эти ошибки. Махнуть такъ просто на чужую пятчасовую работу я нахожу недопустимымъ. Г. повѣренный гражданскаго исца успѣлъ изучить насъ за этотъ мѣсяцъ и онъ отлично знаетъ, что я не позволю себѣ рѣзкостью отвѣтить на его рѣзкость, это дѣло его совѣсти, я отвѣчать не хочу.

Вы слышали изъ объясненій г. Шамова, что онъ допускаетъ, какъ онъ говоритъ, что вы по совѣсти отвѣтите, что Бейлисъ невиновенъ, но онъ надѣется (вамъ будетъ поставленъ вопросъ, доказано ли, что такой-то мальчикъ былъ убитъ тамъ-то съ изувѣрской цѣлью,—возможно такъ ставить вопросъ или нѣтъ, это дѣло суда, мы объ этомъ съ вами говорить не можемъ, да и безцѣльно), онъ надѣется на то, что вы, оправдавъ Бейлиса, докажете, что мальчикъ былъ убитъ съ изувѣрской цѣлью и, такимъ образомъ, вмѣсто Бейлиса, осудите множество людей, которые вѣрятъ въ свои богослужебныя книги, которые вѣрятъ въ святыхъ, для нихъ обязательныя. Вы ихъ осудите и вмѣсто одного Бейлиса будетъ осуждено множество людей не на каторгу, но такъ, что имъ тяжело и трудно будетъ поднять голову. Вотъ ихъ мысли и желанія, они очень просты и вы безъ мнихъ объясненій это поняли.

Гг. присяжные засѣдатели, какъ вы, вѣроятно, видѣли въ теченіе мѣсяца, принято говорить пріятное своимъ судьямъ, принято говорить, что они все понимаютъ, хотя они и люди трудовые и деревенскіе. Я ни разу не говорю этого, потому что, когда я предстою передъ судомъ, будь онъ ко-

ронный или судъ присяжныхъ засѣдателей, мнѣ кажется, мое уваженіе должно заключаться въ моей работѣ, въ стремленіи познать дѣло, стараться добросовѣстно излагать его и избѣгать, насколько возможно, ошибокъ. Въ этомъ заключается уваженіе къ суду и никакого другого уваженія быть не можетъ. Исполняй свой долгъ добросовѣстно и судъ будетъ всегда чувствовать, что ты его уважаешь, что доказывается тѣмъ, что стараешься не вводить въ заблужденіе. И ничего не хочу говорить пріятнаго, и сейчасъ не скажу, ибо это означало бы отойти отъ взгляда на защиту, котораго я держусь, и я не стану отступать отъ этого.

Скажите, гг. присяжные засѣдатели, мыслимое ли дѣло, чтобы вы стали отвѣчать на вопросы о томъ, каково еврейское вѣроученіе, каковы еврейскія книги, допускаетъ ли Зогаръ, таблица такая то, страница такая то, употребленіе христіанской крови или итъ? Вы же слышали тутъ, что ученые всего міра, какъ говорить о. Пранайтисъ, спорятъ между собою и не могутъ разрѣшить, и вдругъ вы, люди, исполняющіе хорошо свои обязанности, будто бы станете рѣшать высоко-ученый споръ, не зная ни одной буквы изъ еврейскаго языка, не прочтавъ въ жизни ни одного слова по-еврейски. Это невозможно, немислимо и, само собою разумѣется, недопустимо. И, мнѣ кажется, вы такъ же отнесетесь. Откуда вы можете знать? Но есть другой путь, это путь, который подскажетъ каждому человѣку—его разумъ и совѣсть.

Передъ вами стояли здѣсь люди, знающіе еврейскій языкъ, это были не-евреи,—кромя Мазе, котораго вы можете отбросить, такъ какъ, въ желаніи защитить свою вѣру, онъ могъ сказать лишнее слово. Защища это хорошо понимала и поэтому настаивала на вызовѣ выдающихся христіанъ-церковниковъ, которые хорошо знаютъ, какъ древне-еврейскій языкъ и еврейскую религію, такъ и вашу православную религію. Вы слышали этихъ людей и видѣли, что ни прокуроръ, ни повѣренный гражданскихъ истцовъ не рѣшились сказать противъ нихъ ни одного слова, они ничего не могли сказать противъ проф. Троицкаго и проф. Коковцова. Да и что же можно сказать, когда передъ вами стоитъ проф. Коковцевъ, краса русской науки, старикъ, работавшій всю жизнь надъ этимъ вопросомъ и который

прямо и открыто, не боясь ни колкостей, ни насмѣшекъ, говорить, что это невозможно: я изучалъ еврейское вѣроученіе, я знаю каждое слово на древне-еврейскомъ языкѣ, и я говорю, что это невозможно. Какъ правильно говорить г. прокуроръ, сидящіе здѣсь защитники въ подметки ему не годятся. Дѣйствительно, что же мы знаемъ по сравненію съ нимъ? Да, по сравненію съ нимъ и самъ раввинъ Мазе мало знаетъ. Затѣмъ, проф. Троицкій, состоящій проф. духовной академіи, который работаетъ съ духовенствомъ. Какъ же онъ говоритъ? Онъ говоритъ—евреи должны защищать свой народъ, обвиненіе, подобное настоящему, оскорбляетъ ихъ вѣру, ихъ науку, ихъ знаніе. Вотъ, что отвѣтилъ вамъ проф. Троицкій. Вы видите, что при такомъ отвѣтѣ не можетъ быть выбора, кому вѣрить—ксендзу Пранайтису, Коковцову или Троицкому. Профессора Коковцовъ и Троицкій стоятъ передъ вами, они не-евреи, но хорошо знаютъ еврейскій языкъ, и они удостовѣряютъ, что ничего подобнаго нѣтъ. Какъ же вы скажете—нѣтъ, проф. Коковцовъ, все, что вы сказали подъ присягой, приведу тексты и раскрывая книги, это не такъ? Какъ же вы скажете проф. Троицкому, который пришелъ въ судъ послѣ двадцатипятилѣтней трудовой жизни въ академіи и въ школахъ, гдѣ онъ преподавалъ христіанамъ и священникамъ, какъ же вы скажете, что онъ говоритъ неправду. Никогда, ни г. прокуроръ ни гг. повѣренные гражданскихъ истцовъ не скажутъ такихъ словъ ни проф. Коковцову, ни проф. Троицкому. Что же вамъ останется сказать? Вамъ остается повѣрить или тому, что сказали люди науки, или повѣрить тому, что сказалъ ксендзъ Пранайтисъ. Но что же мы знаемъ объ этомъ ксендзѣ Пранайтисѣ? Мы знаемъ только, что онъ состоитъ ксендзомъ въ Ташкентѣ, въ Азіи, больше ничего, больше ни о какихъ его ученыхъ заслугахъ мы не знаемъ. А что такое Коковцовъ и Троицкій—мы знаемъ. Вы этого не сдѣлаете. гг. присяжные засѣдатели потому, что нельзя: какъ говорилъ г. повѣренный гражданского истца, здѣсь, въ судѣ, смирать гордыню евреевъ. Это дѣло неподходящее.

Тотъ, кто чтитъ свои алтари, всегда уважаетъ и чужой храмъ и чужой алтарь; кому дорога его религія, тотъ всегда бережно относится и къ чужой вѣрѣ. Евреи, вы

знаете, на долгомъ историческомъ пути,—почему, я разбирать не стану,—много растеряли и надо съ горечью сказать, не только растеряли, но даже сами растрагали кое-что по своей винѣ изъ тѣхъ святынь, которымъ они вѣрили; у нихъ осталась одна большая святыня, это ихъ книги, ихъ вѣра и это сознание, что въ этомъ углу, въ этомъ мѣстѣ у нихъ и чисто и свято, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ положеніяхъ—передъ Богомъ и людьми. За что же вы будете говорить, что эта святыня, что то, что осталось единственное у людей, должно быть отобрано, чтобы эти люди не торжествовали. По поводу чего можно тутъ торжествовать? Подумайте, если вы скажете, а я надѣюсь, что вы скажете, что Бейлисъ невиновенъ и что изуверство не доказано, потому что вы не знаете для чего и кто убилъ, какое же тутъ торжество? Люди выйдутъ и скажутъ: въ Кіевѣ въ 1913 году признано, что мы не людодѣды. Подумайте, какая гордость для евреевъ. Чего же тутъ добиваться, къ чему стремиться? Я понимаю, если бы шелъ вопросъ о полученіи правъ политическихъ, тутъ могъ бы быть споръ, или если бы шелъ вопросъ о какихъ-либо денежныхъ выгодахъ, а здѣсь только вопросъ въ томъ, чтобы люди сказали, что мы не людодѣды. Неужели, чтобъ человекъ послѣ 3000-лѣтней исторіи имѣлъ право придти и сказать, что мы не людодѣды, это повѣренные гражданскаго иска называютъ торжествомъ надъ христианствомъ? Что скажутъ, что я не дикарь, который ходитъ нагишомъ въ лѣсахъ, это будетъ наше торжество?

Вы дѣти великаго народа—это не комплиментъ, потому что я учился среди васъ, многому научился и многимъ вамъ обязанъ,—вы дѣти великаго народа, вамъ принадлежить одно пѣть первыхъ мѣстъ въ міровой исторіи, пожалуйте тѣхъ, которые могутъ вамъ нравиться или не нравиться, но которые есть народъ, имѣющій свой свѣтлый уголь. Оставьте имъ этотъ свѣтлый уголь во имя правды и справедливости и вѣрьте, что тутъ не будетъ торжества евреевъ, а тутъ будетъ только неудача нѣсколькихъ человекъ, которые задумали на этомъ крикъ несчастья и горя построить посрамленіе іудейства. Господа, если іудеи чѣмъ-либо виноваты, вы можете посрамить ихъ и въ наукѣ и въ парламентѣ и мало ли

гдѣ можно вести споръ, но не здѣсь, не въ судѣ.

Снова перебирать факты было бы грѣшно и утомительно, надо вернуться къ тому, кто вотъ уже болѣе 2½ лѣтъ ждетъ въ ужасѣ разрѣшенія своей участи, да и здѣсь уже 33 день сидитъ и ждетъ, что будетъ. И у него одна мысль, одна дума—за что, за что? Онъ не можетъ понять, не можетъ постигнуть, за что. Онъ жадно прислушивается въ тѣ минуты, когда онъ немного приходить въ себя, что вокругъ него говорятъ, и не можетъ никакъ понять, за что же съ нимъ это несчастье, за что это горе? Говорятъ намъ вчера и сегодня—святая могила, не подходите къ ней. Говорятъ это съ выкрикомъ, съ раздраженіемъ.

Господа, да кто же смѣлъ посягать на могилу несчастнаго отрока, кто же посягаетъ? Вѣдь и для христианъ, и для евреевъ смерть есть великая тайна. Могила это есть мѣсто, которое всѣ уважаютъ и почитаютъ. Вы христиане, знаете, что могила не мѣсто для шума, на кладбищѣ не допустимы митинговья рѣчи, на кладбищѣ не спорять, а туда приходятъ съ молитвою въ тишинѣ и благоговѣніи. И если бы дѣйствительно была такъ дорога могила, какъ объ этомъ разъ 20 заявлялось съ разныхъ сторонъ, я бы сказалъ—тише, тише, вы на кладбищѣ. Зачѣмъ трогаете могилу бѣднаго мальчика, зачѣмъ кричите—не подходите? Кто же посягаетъ на эту могилу? Отдайте ей должную молитву и благоговѣніе, сдайте слезу, а дѣлу суда дайте то, что законъ требуетъ, т. е. знаніе дѣла, изученіе дѣла, пониманіе дѣла, честный и добросовѣстный отвѣтъ,—въ чемъ никто не сомнѣвается,—на поставленный трудный вопросъ.

Я кончаю мое объясненіе съ полной вѣрой, что то, что ясно и справедливо, не можетъ стать неяснымъ и несправедливымъ только потому, что нѣсколько человекъ раздраженно, иногда съ ожесточеніемъ, иногда съ выкриками, даже съ оскорбленіемъ отдѣльныхъ лицъ кричатъ—виновенъ, виновенъ, если оправдаете Бейлиса, тѣмъ самымъ осудите Андрюшу. Помилуй Богъ, чѣмъ вы осудите Андрюшу? Кто же говорилъ, что онъ преступникъ? Г.г. присяжные засѣдатели, вы можете не любить того или иного адвоката, онъ можетъ вамъ не нравиться, но вы справедливы. Вотъ я передъ вами, ну слышали ли вы, чтобы я когда-

либо намекнулъ по поводу Андриши, что-нибудь дурное, или товарищи мои. Почему же ставится такъ вопросъ: либо тотъ, либо другой. Г. повѣренный гражданскаго иска сказалъ, что мать Александра Приходько имѣть право рассчитывать, что вы за раннюю безвременную могилу ея сына воздадите. Я говорилъ въ первый разъ и теперь, почему, давъ довѣренность присяжному пов. Замысломскому и прис. пов. Шмакову, ни Александра Приходько, ни Олимпиада Нѣжинская не говорятъ вамъ, что считаютъ евреевъ виновниками смерти сына. Сколько Александру Приходько не спрашивали, сколько слѣдователь ее не допрашивали, нигдѣ никто не могъ вырвать отъ нея слово, что она подозрѣваетъ несчастнаго Бейлиса во всемъ этомъ дѣлѣ. Вотъ справедливость, вотъ осторожность къ чужой жизни, вотъ бережное къ ней отношеніе. И я приглашалъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ къ такому же бережному отношенію къ человѣческой участи. Я прошу васъ, г.г. судьи, я надѣюсь, что вы обережете участь Бейлиса, человѣка, который никогда никого не обидѣлъ и который имѣть вамъ право сказать—не обижайте меня, когда моя участь въ вашихъ рукахъ.

Послѣ О. О. Грузенберга слово представляется Н. П. Карабчевскому.

Рѣчь Н. П. Карабчевскаго.

Защитѣ принадлежитъ послѣднее слово. По заявленію представителей гражданскихъ истцовъ этимъ правомъ долженъ пользоваться защитникъ, и я имъ пользуюсь только потому, ибо я далеко не поклонникъ повторныхъ рѣчей, такъ какъ думаю, что защита и прокуроръ исполнили уже свой долгъ передъ вами, когда твердо и опредѣленно высказали свой взглядъ на дѣло. Ваше дѣло, г.г. присяжные засѣдатель, рѣшитъ кто правъ, одинъ или другой, потому, что все послѣдующія соображенія и доводы являются либо повтореніемъ, либо чисто личнымъ счетомъ, которые васъ могутъ только утомить и затруднить ваше вниманіе. Г. прокуроръ заявилъ, что ему не нравится моя манера говорить. Да какому же прокурору нравится манера защиты, если доводы и соображенія ея идутъ противъ тѣхъ соображеній, которыя онъ развиваетъ; точно также и защитѣ многіе приемы прокурорской власти и повѣренныхъ гра-

жданскихъ истцовъ могутъ казаться неприятными и несоответствующими тому значенію, которому они должны служить. Но все же это личные счеты, совершенно для васъ не интересные и которые должны быть устранены.

Одинъ выводъ я сдѣлалъ изъ рѣчей моихъ противниковъ; уликъ противъ Бейлиса нѣтъ и приходится оперировать все однимъ и тѣми же аргументами—евреи вредны, евреи злодѣи, евреи всеильны, евреи губяты Россію и какой-то писатель сказалъ объ евреяхъ такъ-то; на этомъ основаніи обвиняютъ Бейлиса. Я уже старался доказать, что этотъ вопросъ идетъ по разнымъ путямъ, несомвѣстнымъ между собою. Когда вы слышали здѣсь упоминаніе объ одномъ мужественномъ государственномъ дѣятелѣ, то я невольно вспомнилъ его слова. Не пугайте воображеніе честныхъ и мирныхъ людей, которые должны разрѣшать задачи правосудія, такими призраками и ужасами. Не бойтесь, Россія не погибнетъ, она не отъ такихъ золъ воображаемыхъ, но и отъ дѣйствительныхъ бѣдъ не погибла. Мнѣ хочется въ отвѣтъ на тирады г. прокурора и г.г. повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ вспомнить слова этого знаменитаго мужа: „не запугаете“. Неумѣстно это запугиваніе, не къ дѣлу оно здѣсь. Мнѣ въ повторной рѣчи приходится поправляться въ нѣкоторыхъ ошибкахъ и говорить о тѣхъ лишніхъ словахъ, которыя были брошены и которыя я охотно беру назадъ. Такъ, напримѣръ, Сингаевскаго я имѣлъ несчастье по разсѣянности назвать каторжникомъ. Это я относилъ къ Рудзинскому и думаю, что эту обмолвку каждый изъ васъ понялъ, это несознательная ошибка съ моей стороны. Хотя г. прокуроръ не возражалъ мнѣ ни въ какомъ отношеніи, но онъ говорилъ, что я привелъ вамъ какое-то слово „Эхадъ“, и поставилъ съ цифрою 13, указавъ на то, что на вискѣ у покойнаго Андриши было это число, и далъ объясненіе, что „Агада“—какая-то книга и т. д. Я уже имѣлъ случай отмѣтить, насколько г. прокуроръ мало знакомъ съ еврейскимъ вопросомъ, и съ вопросомъ еврейской религіи. Но я былъ совершенно правъ, мысли мои были совершенно ясны. На такомъ предметѣ, который считаешь нечистымъ, который считается, по выраженію повѣреннаго гражданскаго истца чуть ли не предметомъ, къ

которому прикоснуться нельзя, не станешь ставить эмблему того великаго слова, которымъ заканчивается молитва каждаго еврея, когда онъ отходить въ лоно Авраама и Исаака и т. д. Этимъ словомъ „эхадъ“ заканчивается та молитва, которой дорожитъ еврей именно въ моментъ смерти, считая такъ: если успѣлъ произнести ее передъ тѣмъ, какъ испустить дыханіе, я праведникъ, я покаялся, я предстану съ открытымъ лицомъ къ Господу Богу. Путемъ обмолвки, это слово уподобляется цифрѣ 13. И вотъ я говорю, какой ужасъ какой непримиримый логическій ужасъ заключается въ томъ, что на томъ, что вы считаете нечистымъ, вы ставите знакъ Великаго Бога „Эхадъ“ — Единый. Ни г. Замысловскій, ни въ особенности специалистъ по вопросамъ ритуальнымъ г. Шмаковъ, цитируя намъ всевозможныя соображенія относительно цифры 13, противъ этого аргумента не возразили ни единымъ словомъ.

Онъ сказалъ, между прочимъ, въ связи съ находеніемъ трупа въ пещерѣ и съ моментомъ его находенія, что, если это воры убили, то зачѣмъ же они его помѣстили въ пещеру. Значитъ, онъ не захотѣлъ слушать добрую половину моей рѣчи, ибо я доказывалъ, что мѣсто находенія и положеніе трупа, и всѣ аксесуары заключались въ томъ, чтобы каждый обратилъ вниманіе. Для чего это дѣлали, я не знаю, но какія послѣдствія изъ этого вышли, это я знаю. Я знаю фактъ, что помѣстили его на прямой линіи къ заводу, и, первый взглянувшій и склонный взвалить вину на евреевъ, сказалъ, что это дѣло евреевъ. Поэтому помѣщеніе въ пещеру трупа было желаніемъ подбросить трупъ подъ евреевъ возможно ближе. Но что же вышло? Идеально прямую линію черезъ рвы и потоки провести можно. Этотъ вопросъ мы могли бы выяснитъ, если бы мы дальше остановились на этомъ моментѣ и захотѣли его реально изслѣдовать, когда были на осмотрѣ п осматривали заборъ, который намъ показывалъ Голубевъ. Но ни время, ни погода не дали возможности пойти дальше, изслѣдовать, есть ли возможность этой прямой идеальной линіей, о которой говоритъ г. Шмаковъ, пройти туда. Вѣдь мѣстность по дорогѣ къ усадьбѣ Мара мы не изслѣдовали и когда было предложено, не поѣхать ли второй разъ для изслѣдованія, никто не

изъявилъ желанія; судебный слѣдователь, равнымъ образомъ, этого пути не прокладывалъ и не смотрѣлъ, можно ли съ той или другой легкостью провести ее. Слѣдовательно, какое же мы имѣемъ право реально выводить эту прямую линію въ смыслѣ того пути, по которому будто бы выносили трупъ. Фактовъ и аргументовъ для этого мы никакихъ не имѣемъ.

Затѣмъ, по адресу прис. пов. Замысловскаго я долженъ сказать нѣсколько словъ. Онъ остановился на, якобы, противорѣчіи, которое я допустилъ съ приемами, на которыхъ я настаивалъ въ своей рѣчи. Онъ указывалъ такого рода положенія, изъ которыхъ будто бы выйти невозможно, а, именно, онъ говорилъ такъ — какимъ образомъ г. защитникъ утверждалъ, что Андриуша могъ быть и 11-го марта у Чеберяковой, — когда по моимъ же словамъ, — святая женщина Наталія Ющинская утверждала, что онъ былъ дома, или у нея около трехъ часовъ дня. Какъ показала эта святая женщина? Сопоставьте ее показаніе съ показаніемъ, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи бабушкой о томъ, что онъ пришелъ только въ шесть часовъ. А онъ говоритъ, что я считаю ее святой женщиной. Да, господа, развѣ святость женщины заключается въ томъ, что она въ ту или иную минуту посмотреть на часы, что она въ ту или иную минуту запомнить время? Я уважаю ее, я считаю ее святой по нравственному достоинству, которое она проявила въ воспитаніи ребенка, въ трудѣ, который положила на него, въ деньгахъ, которыя она тратила на него, но совершенно не могу вывести изъ этого умозаключеніе, что я долженъ ей вѣрить абсолютно во всемъ. Она говоритъ — въ три часа, но въ ту же минуту сказала, — на часы я не смотрѣла, не могу опредѣленно сказать. — И, слѣдовательно, нисколько не подрывая ее святости, я могу въ этомъ отношеніи сдѣлать сопоставленіе...

Пред. Это вы объ умершей Наталіи Ющинской говорите.

К а р а б. Я обмолвился. Я говорю объ умершей теткѣ, которую я назвалъ святой женщиной, я назвалъ святой женщиной, именно покойную Наталію Ющинскую. Вотъ то противорѣчіе, на которомъ настаиваетъ г. гражданскій истецъ. Затѣмъ, рисуя вамъ, по мѣрѣ силъ и возможности, правдиво, на основаніи реальныхъ указа-

ний образъ жизни покойнаго Андрюши, который не имѣлъ за собой ни воспитателей, ни людей, ни слугъ, которые бы ходили за нимъ постоянно, я говорю, что это былъ сравнительно свободный человѣкъ, онъ имѣлъ возможность бывать и тамъ, и здѣсь, что постояннаго контроля надъ нимъ не было. На это мнѣ возражаютъ. — вы противоречите даннымъ слѣдствіямъ. бабушка утверждала, что и на пять минутъ онъ нигде не уходилъ безъ того, чтобы не сказать. Но вѣдь факты на-лицо, говорилъ цѣлый рядъ свидѣтелей, и Арендарь, и другіе и тотъ фактъ, что онъ былъ у г-жи Чеберяковой указываетъ на то, что онъ безъ вѣдома бабушки бывалъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. И это было ему тѣмъ легче, что онъ могъ находиться въ одномъ мѣстѣ, мать могла думать, что онъ у бабушки и у тетки, а бабушка могла думать, что онъ у матери.

Затѣмъ, я совершенно не принимаю на свою отвѣтственность укора г. гражданскаго истца въ лицемѣрїи, въ томъ, что будто бы, признавая несчастнаго мальчика чуждъ ли не воромъ, и едва ли не предателемъ, мы въ то же время жалѣли о судьбѣ мальчика. Ни воромъ, ни предателемъ я его не только никогда не называлъ, но даже никогда этого не думалъ. Погибъ, умученъ несчастный именно потому, что онъ не былъ ни воромъ, ни предателемъ. Если бы онъ былъ въ этой шайкѣ воровъ, то онъ не былъ бы умученъ, а предательство его предполагалось со стороны этихъ господъ, я на этомъ настаивалъ и доказывалъ. Здѣсь говорилось, что только обвиненіемъ Бейлиса вы можете успокоить истерзанное сердце несчастной матери, что оправданіемъ Бейлиса вы вонзите ей ножъ въ самое сердце. Мой товарищъ по запитѣ уже говорилъ, что, если бы это было такъ, если бы эта мать сердцемъ своимъ чувствовала, что повинны евреи въ его смерти, господа гражданскіе истцы были бы правы, но здѣсь нѣтъ этого, здѣсь совершенно противоположное. Я совершенно вѣрю въ безкорыстность гражданскихъ истцовъ, которые для торжества своей идеи, своего направленья вполне безкорыстно явились и преслѣдуютъ тѣ или другія цѣли здѣсь. Но вспомните, при какихъ условіяхъ они явились повѣренными матери покойнаго Юшинскаго. Она рвалась, не она хотѣла быть представительницей на судѣ, не она

хотѣла обвинять еврея Бейлиса, а студентъ Голубевъ разсказалъ намъ, какимъ образомъ она появилась на этомъ судѣ въ качествѣ гражданской истицы. У нея въ мысляхъ этого не было, а можетъ быть совсѣмъ другое было въ мысляхъ о томъ, кто виновенъ. Студентъ Голубевъ говорилъ: я пошелъ къ ней, я сталъ убѣждать, чтобы она дала довѣренность господамъ Шмакову и Замысловскому въ интересахъ правильнаго освѣщенія этого дѣла, я пошелъ къ нотариусу, звалъ и ее къ нотариусу, она не захотѣла, заплакала, всячески отбивалась, но въ концѣ концовъ я уговорилъ ее и она пошла и дала довѣренность. И этому акту только мы обязаны тѣмъ, что господа Шмаковъ и Замысловскій явились для разъясненія настоящаго дѣла. Такимъ образомъ ни о какомъ оскорбленіи матери покойнаго не можетъ быть рѣчи въ случаѣ вашего оправданія. Наоборотъ — можетъ быть, это совпадетъ съ ея истиннымъ чувствомъ, съ ея истиннымъ настроеніемъ, ибо никакая мать для того, чтобы освятить память своего сына, не рѣшится, не захочетъ гибели невиннаго и, можетъ быть, именно въ настоящую минуту ей сердце скорбитъ о томъ, что виновнаго никогда достать не удастся, потому что она чувствуетъ своимъ сердцемъ, что тотъ человѣкъ, который у меня за спиной сидитъ — невиновенъ.

Господа присяжные засѣдатели, пора же когда-нибудь кончать и надо кончать. Я аргументовъ вамъ не хочу больше приводить—если вы до сихъ поръ не убѣдились въ невинности Бейлиса, вы его осудите, —если вы убѣдились, что нѣтъ уликъ въ отношеніи къ нему, нѣтъ доказательствъ—вы его оправдаете. Но я васъ прошу только объ одномъ,—дайте наименьшее, что можно требовать отъ всякаго суда, отъ всякаго правдиваго и искренняго судьи.—100 лѣтъ тому назадъ въ 1817 году, былъ изданъ тотъ указъ Государя Императора Александра I, на который ссылались здѣсь въ подтвержденіе того, что въ принципѣ онъ не отвергалъ совершенія іудеями-изувѣрами преступленій. Но въ этомъ же указѣ твердо, чернымъ по бѣлому, написано и печатью скрѣплено: „Обвиняйте не иначе, какъ по уликамъ и доказательствамъ“. И я бросаю смѣло мой вызовъ передъ всѣми—скажите, есть ли улики и доказательства въ томъ, что Бейлисъ виновенъ?

Послѣ рѣчи Н. П. Карабчевскаго слово предоставляется подсудимому М. Бейлису.

Послѣднее слово подсудимаго.

Предс. Подсудимый Бейлисъ, что вы можете сказать въ вашемъ послѣднемъ словѣ гг. присяжнымъ засѣдателямъ?

Бейлисъ. Гг. судьи, въ свое оправданіе я бы могъ много сказать, но я усталъ, нѣтъ у меня силъ, говорить не могу. Вы сами видите, гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели, что я не виновенъ. Я прошу васъ, чтобы вы меня оправдали, чтобы я могъ

еще увидѣть своихъ несчастныхъ дѣтей, которые меня ждутъ 2½ года.

Предс. Объявляю судебныя пренія законченными Гг. присяжные засѣдатели, надо еще поставить вопросы и это займетъ, по крайней мѣрѣ, времени до 1 часа ночи. Съ 1 часа вамъ совѣщаться по такому сложному дѣлу нельзя, и поэтому вамъ придется еще одну ночь здѣсь переночевать.

Объявляется перерывъ до 10 час. утра 28 октября.

Тридцать четвертый день.

28 октября 1913 г.

Засѣданіе открывается въ 11 час. утра.

Предс. Судъ предполагаетъ на обсужденіе присяжныхъ засѣдателей поставить вопросы въ слѣдующей редакціи:

„Виновенъ-ли подсудимый, мѣщанинъ гор. Василькова, кievской губ. Менахиль Мендель Тевіевъ Бейлисъ, 39 лѣтъ, въ томъ, что заранѣе задумавъ и согласившись съ другими, не обнаруженными слѣдствиемъ лицами изъ обвиненій религіознаго изувѣрства лишить жизни мальчика Андрея Ющинскаго 13 лѣтъ, —12-го марта 1911 г., въ гор. Кіевѣ на Лукьяновкѣ, по Верхне-Юрковской улицѣ, на кирпичномъ заводѣ, принадлежащемъ еврейской хирургической больницѣ и находящейся въ завѣдываніи купца Марка Юнова Зайцева, онъ, подсудимый, для осуществленія этого своего намѣренія, схватилъ находившагося тамъ Ющинскаго и увлекъ его въ одно изъ помѣщеній завода, гдѣ затѣмъ, сговорившись заранѣе съ нимъ, на лишеніе жизни Ющинскаго, необнаруженными слѣдствиемъ лица, съ вѣдома его, Бейлиса, и согласія зажали Ющинскому ротъ и нанесли колющимъ оружіемъ въ теменную, затылочную и височную областей, а также на шею раны, сопровождавшіяся пораненіемъ мозговой вены, артерій лѣваго виска, шейныхъ венъ и давшія вслѣдствіе этого обильное крово-

теченіе, а затѣмъ, когда у Ющинскаго вытекла кровь въ количествѣ до 5-ти стакановъ, ему вновь были причинены такимъ же орудіемъ раны на туловищѣ, сопровождавшіяся пораненіемъ легкихъ, печени, правой почки и сердца, въ область котораго были направлены послѣдніе удары, каковыя раненія по своей совокупности числомъ 47, вызвавъ мучительныя страданія у Ющинскаго повлекли за собою почти полное обезкровленіе тѣла и смерть его“.

Предс. Г. прокуроръ, имѣете ли какія-либо возраженія?

Прок. Не имѣю никакихъ.

Замысл. Противъ редакціи вопроса о виновности мы неимѣемъ возраженія, но мы просимъ выдѣлить вопросъ о событіи, —о фактѣ преступленія, въ дѣляхъ интересовъ гражданскаго иска. Въ этомъ вопросѣ для насъ имѣло бы значеніе включеніе тѣхъ обвиненій, которыми руководились бы преступники, но такъ какъ вопросъ о томъ, можно ли включать въ описаніе событій преступленія и обвиненія, которыми преступникъ руководился, представляется спорнымъ, а мы по возможности, въ этомъ процессѣ спорныхъ вопросовъ старались избѣгать, то мы не настаиваемъ на томъ, чтобы въ этотъ вопросъ

о фактахъ, о событіи, были прибавлены, включены побужденія.

Возраженіе Грузенберга.

Грузенб. Оглашенная редакція вопроса не соответствуетъ требованіямъ закона и сенатской практикѣ. Въ постановленномъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросъ должны быть существенные признаки преступленія, отличающіе его отъ другихъ однородныхъ. Между тѣмъ, въ оглашенный вопросъ включена ссылка на изувѣрскія побужденія подсудимаго. Наше законодательство до 1906 г. знало три случая убійства, въ которыхъ личное побужденіе преступниковъ принималось во вниманіе для опредѣленія наказанія. Случаи эти: 1) стыдъ и муки матери при дѣтубійствѣ; 2) особо корыстная цѣль при убійствѣ и 3) изувѣрское убійство, совершенное членами вредной секты. Но въ мартѣ 1906 г. послѣднее условіе, а именно — изувѣрское убійство было отмѣнено закономъ, остались только первые два преступленія, которые содержатъ указанія на особія побужденія. Такимъ образомъ, сдѣланная ссылка въ вопросѣ на изувѣрское побужденіе теперь закономъ не предусмотрѣна. То возраженіе, которое можетъ быть представлено, а именно, что судъ повторяетъ обвинительный актъ, представляется неправильнымъ. Вопросъ ставится по выводамъ обвинительнаго акта, но это отнюдь не значитъ, что по словамъ его. Между тѣмъ, въ выводахъ обвинительнаго акта важно указаніе на мученіе, нанесенное жертвѣ (2 ч. 1453 ст.). Но совершенно лишена всякаго значенія ссылка на религиозное изувѣрство. Что же касается ходатайства гражданскаго истца о раздѣленіи вопроса, то въ этомъ отношеніи защита не видитъ оснований для такого раздѣленія, потому что для интересовъ гражданскаго иска оно не имѣетъ значенія. Сенатъ по дѣламъ Сергѣева и Линевица разъяснилъ, что въ вопросѣ о событіи преступленія необходимо избѣгать малѣйшаго указанія на субъективные признаки. Чѣмъ же другимъ, какъ не субъективнымъ признакомъ, который имѣетъ отношеніе къ автору преступленія, но не къ преступному дѣланію, можно назвать ссылку на религиозныя побужденія.

Судъ удаляется для совѣщанія.

Опредѣленіе суда.

Затѣмъ судъ объявляетъ слѣдующее опредѣленіе суда:

1) Окружной судъ, выслушавъ ходатайство защиты объ измѣненіи редакціи перваго вопроса и принимая во вниманіе, что въ этотъ вопросъ не включены признаки, указывающіе на виновность тѣхъ или другихъ лицъ, а равно мотивы преступленія, что первый вопросъ поставленъ по выводамъ обвинительнаго акта и даннымъ судебного слѣдствія, опредѣляетъ: ходатайство защиты объ измѣненіи редакціи перваго вопроса оставить безъ послѣдствій и утвердить вопросъ въ прочитанной редакціи.

2) Окружной судъ, имѣя въ виду, что повѣренный гражданской истицы ходатайствуетъ о выдѣленіи изъ вопроса о виновности подсудимаго Бейлиса — вопроса о событіи преступленія, что такое ходатайство, согласно рѣшенію упол. касс. деп. сената за 1877 г. №—18, 1884 г. №—13, 1887 г. №—32, подлежитъ удовлетворенію, что ходатайство защиты объ исключеніи изъ вопроса о виновности подсудимаго Бейлиса, выраженія „изъ побужденій религиознаго изувѣрства“, не подлежитъ удовлетворенію, такъ какъ указанное выраженіе согласно съ выводами обвинительнаго акта и данными судебного слѣдствія — опредѣляетъ: удовлетворить ходатайство повѣреннаго гражданской истицы о постановкѣ вопроса о событіи преступленія и отказать защитѣ въ исключеніи изъ вопроса о виновности выраженія „изъ побужденій религиознаго изувѣрства“.

Судъ предполагаетъ поставить вопросъ съ слѣдующей редакціи.

„Доказано ли, что 12-го марта 1911 года, въ Кіевѣ, на Лукьяновкѣ, по Верхне-Юрковской улицѣ, въ одномъ изъ помѣщенныхъ кирпичнаго завода, принадлежащаго еврейской хирургической больницѣ, и находящагося въ завѣдываніи купца Марка Юнова Зайцева тринадцатилѣтнему мальчику Андрею Ющинскому при зажатомъ ртѣ были нанесены колющимъ орудіемъ на теменной, затылочной, височной областяхъ, а также на шеѣ раны, сопровождавшіяся пораненіями мозговой вены, артерій, лѣваго виска, шейныхъ венъ, давшія вслѣдствіе этого обильное кровотеченіе, а затѣмъ, когда у Ющинскаго вы-

текла кровь въ количествѣ до 5-ти стакановъ, ему вновь были причинены такимъ же орудіемъ раны въ туловище, сопровождавшіяся пораненіями легкихъ, печени, правой почки сердца, въ область котораго были направлены послѣдніе удары, каковыя раненія въ своей совокупности числомъ 47, вызвавъ мучительныя страданія у Ющинскаго, повлекли за собою почти полное обезкровленіе тѣла и смерть его“.

Предсѣдатель разъясняетъ, что этотъ вопросъ будетъ поставленъ первымъ, а вторымъ прочитанный раньше, причѣмъ ко второму будутъ прибавлены слова: „Если событіе, описанное въ первомъ вопросѣ доказано, то виновенъ ли и т. д.“.

Пред. Стороны имѣютъ возраженія?

Прок. Я не имѣю возраженія.

Возраженіе Заруднаго.

Зарудн. Я имѣю. Мы полагаемъ, что въ вопросъ о событіи преступленія могутъ быть включены только такіе признаки, которые касаются самаго остова преступнаго дѣянія, объективной стороны самаго дѣянія, и не могутъ быть включены признаки, указывающіе на какихъ-либо лицъ, на какихъ-либо субъектовъ. Разъ эти признаки указываютъ на опредѣленное лицо, или на неопредѣленныхъ лицъ, группу лицъ, то включать эти признаки въ вопросъ о событіи преступленія нельзя. Позвольте поставить такой примѣръ: могли ли бы вы включить въ вопросъ о событіи преступленія указаніе, что преступленіе совершено кѣмъ-либо изъ евреевъ, проживающихъ на заводѣ Зайцева? Вѣдь этого вы сдѣлать не могли, хотя бы и не называя имени. Но если вы это говорите въ другой формѣ, описательно, то отъ этого суть дѣла не измѣняется. Вы включаете такой признакъ, котораго включить нельзя. Вы говорите, что преступленіе совершено на заводѣ Зайцева, вы спрашиваете объ этомъ г.г. прис. засѣдателей. Но для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, что должны сдѣлать прис. засѣдатели? Какую судебскую работу они должны произвести? Имъ мало будетъ опредѣлить, что было совершено преступленіе, что мальчикъ былъ убитъ, въ чемъ никто изъ насъ не сомнѣвается и противъ чего никто не споритъ. Присяжнымъ засѣдателямъ для того, чтобы признать, что преступленіе совершено на за-

водѣ Зайцева, надо обсудить тѣ улики, которыя касаются извѣстныхъ опредѣленныхъ лицъ, тѣхъ евреевъ, которые жили на заводѣ и имѣли отношеніе съ заводомъ. Словомъ, тутъ нужно войти въ обсужденіе виновности, хотя бы и не Бейлиса, но другихъ опредѣленныхъ лицъ. Это первое мое положеніе, которое сводится къ тому, что нельзя въ вопросъ о событіи преступленія включать такіе признаки, которые указываютъ на виновность кого-бы то ни было, на совершеніе преступленія кѣмъ бы те ни было. Второе: вопросъ ставится не только по выводамъ обвинительнаго акта, но и по обстоятельству, выяснившимся на судебномъ слѣдствіи въ преніяхъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи я долженъ сказать, что мѣсто совершенія преступленія было спорнымъ. Г. прокуроръ, доказывая, что было преступленіе совершено на заводѣ, въ то же самое время вызвалъ такихъ свидѣтелей, которые говорятъ о томъ...

Замысловскій что-то кричить.

Предс. (къ Зарудному). Пожалуйста говорите не по существу, а по редакціи вопроса.

Зарудн. Я прошу васъ, г. предсѣдатель, указать г. Замысловскому, чтобы онъ меня не перебивалъ.

Предс. Это я васъ перебилъ.

Зарудн. Но я изъ-за его словъ не слышу вашихъ.

Предс. Я васъ прошу говорить не по существу, а только по редакціи вопроса.

Зарудн. Г. предсѣдатель, вѣдь вопросы ставятся не только по выводамъ обвинительнаго акта, но и по обстоятельству, выяснившимся на судебномъ слѣдствіи и въ преніяхъ сторонъ, и стороны вправѣ, представляя свои замѣчанія по редакціи вопросовъ, указать на такія фактическія обстоятельства, которыя выяснились на судебномъ слѣдствіи. Это ихъ право, а ваше право принять или не принять. Пользуясь этимъ законнымъ правомъ, мы и докладываемъ, что разъ самъ прокуроръ вызвалъ свидѣтелей, которые говорятъ, что преступленіе было совершено не на заводѣ Зайцева, а въ другомъ мѣстѣ, то ясно, что по этому предмету есть споръ, одна сторона доказываетъ одно, другая другое... Я покорнѣйше прошу вниманія со стороны суда къ моимъ словамъ.

Предс. Мы васъ слушаемъ.

З а р у д н. Въ этомъ отношеніи присяжные засѣдатели не могутъ быть лишены права и возможности отвѣтить такъ или иначе. Что же оказывается? Присяжные засѣдатели будутъ поставлены въ такое положеніе, что имъ придется или признать, что преступленіе было совершено на заводѣ Зайцева, или, что преступленія не было. Но вѣдь преступленіе было, мальчикъ былъ убитъ, мы все это признаемъ, и въ этомъ спора нѣтъ. Слѣдовательно присяжнымъ засѣдателямъ нужно дать возможность выхода, нужно дать возможность признать событіе преступленія даже въ томъ случаѣ, если они признаютъ, что убійство было совершено не на заводѣ Зайцева, а въ другомъ мѣстѣ. Вотъ по этимъ двумъ основаніямъ, во-первыхъ, что вы включили въ проектъ вопроса такой признакъ, который указываетъ не только на фактъ преступленія, но и на виновность определенной категоріи лицъ, и потому, что на судѣ былъ споръ относительно мѣста совершенія преступленія, а этотъ споръ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ г.г. присяжными засѣдателями, вотъ по этимъ двумъ основаніямъ мы и просимъ оставить въ первомъ вопросѣ о событіи преступленія лишь такіе факты, такіе обстоятельства, которые нужны для признанія событія преступленія и поставить этотъ вопросъ хотя бы въ такомъ видѣ: „было ли совершено 12 марта въ г. Кіевѣ такое то убійство мальчика съ нанесеніемъ такихъ то ударовъ, отъ которыхъ мальчикъ умеръ“. Вотъ, когда вы такой вопросъ зададите прис. засѣдателямъ, они на это дадутъ отвѣтъ, вѣроятно, тотъ, относительно котораго спора нѣтъ между сторонами. Въ этомъ вопросѣ не будетъ содержаться указанія на совершеніе этого преступленія кѣмъ бы то ни было. Но если вы включите въ вопросъ о событіи преступленія признакъ, указывающій, хотя и объективно, на совершеніе преступленія другими лицами, вы, г.г. судьи, сдѣлаете то, что нашъ законъ отмѣнилъ, вы оставите людей въ подозрѣніи, а по закону этого нельзя дѣлать. Вотъ почему мы и ходатайствуемъ объ исключеніи изъ перваго вопроса тѣхъ субъективныхъ признаковъ, которые указываютъ на мѣсто совершенія преступленія, и которые совершенно не нужны для признанія факта преступленія.

Прок. Такъ какъ въ вопросѣ есть признакъ, указывающій лишь на мѣсто, а о виновности лицъ совершенно не говорится, равно, какъ и о мотивахъ, побудившихъ къ совершенію этого преступленія, то я нахожу редакцію вопроса совершенно отвѣчающей обстоятельствамъ дѣла и полагаю, что вы утвердите его въ той редакціи, которая выработана окружнымъ судомъ.

З а м. Я тоже полагаю, что вопросъ долженъ быть утверждёнъ въ той формѣ, въ которой онъ утверждёнъ судомъ, и полагаю, что въ ходатайствѣ защиты должно быть отказано. Мы именно для того, чтобы избѣжать всякихъ споровъ, отказались отъ включенія субъективныхъ признаковъ, хотя мы могли объ этомъ просить. Теперь, когда включены только объективные признаки, оказывается, что и это нехорошо, оказывается, что надо исключить слова „на заводѣ“, потому что это есть какой-то объективный признакъ, который указываетъ на субъектъ. Затѣмъ указываютъ, что это спорный вопросъ, а гдѣ же сказано, что въ вопросы не могутъ быть включены спорные факты, спорныя обстоятельства? Этого нигдѣ не сказано. Поэтому мы и считаемъ, что ходатайство защиты не подлежитъ удовлетворенію, какъ совершенно неосновательное.

З а р у д н. По этому вопросу.

Предс. Вѣдь вы уже говорили.

З а р у д н. Я хочу сказать еще нѣсколько словъ, если вы мнѣ позволите. Въ вопросѣ о фактѣ могутъ быть включены и спорные признаки, но при этомъ надо дать возможность присяжнымъ засѣдателямъ эти спорные факты такъ или иначе разрѣшить, отвергнуть или признать. Вотъ почему мы и ходатайствуемъ о предоставленіи присяжнымъ засѣдателямъ въ этомъ отношеніи фактической возможности.

Пред. Судъ, выслушавъ заявленія сторонъ, защиты и обвиненія, опредѣляетъ: принимая во вниманіе, что въ первый вопросъ не включены признаки, указывающіе на виновность тѣхъ или иныхъ лицъ, а равно и мотивы преступленія, и что первый вопросъ поставленъ по даннымъ обвинительнаго акта и судебного сѣдствія, судъ опредѣляетъ ходатайство защиты объ измѣненіи редакціи перваго вопроса оставить безъ послѣдствій и утвердить вопросъ въ прочитанной редакціи.

Затѣмъ судъ утверждаетъ вопросы своею подписью.

Резюмэ предсѣдателя.

Пред. Г.г. прис. засѣдателя, подсудимый Бейлисъ обвиняется въ насильственномъ лишеніи жизни Андруши Юшинскаго по словору и соглашенію съ другими лицами, причѣмъ это лишеніе жизни сопровождалось мучительнымъ и продолжительнымъ страданіемъ мальчика. Это преступленіе по опредѣленію нашего уложенія считается однимъ изъ самыхъ важныхъ посягательствъ на тѣлесную неприкосновенность другого лица. Для васъ конечно ясно, что отнять жизнь у другого, да еще предумышленно, есть такое преступленіе, которое несомнѣнно является важнѣйшимъ въ тѣхъ правонарушеніяхъ, которыя можетъ проявить одно лицо по отношенію къ другому. Такимъ образомъ, для наличности этого преступленія нужно, чтобы былъ сговоръ, т. е. предварительное соглашеніе подсудимаго съ нѣсколькими другими лицами, принимавшими то или другое участіе въ совершеніи этого преступленія, и чтобы этотъ сговоръ былъ именно направленъ къ лишенію жизни человѣка. Слѣдовательно, нужно было, чтобы эти лица сначала согласились между собою убить такого-то человѣка, изъ тѣхъ или иныхъ побужденій, обдумали планъ своихъ дѣйствій и до извѣстной степени намѣтили время и мѣсто. Хотя, собственно говоря, эти два послѣднихъ признака являются привходящими и сговоръ, какъ понятіе опредѣленное, рѣшающее, можетъ сюда и не входить. Затѣмъ другой признакъ и это очень существенный, что въ планъ убійцы входило намѣреніе принести мучительныя и продолжительныя страданія своей жертвѣ. Можетъ быть вамъ, или нѣкоторымъ изъ васъ, можетъ показаться страннымъ, почему въ то время, когда экспертами и сторонами говорилось, что это убійство должно быть, совершено нѣсколькими лицами, на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ только одинъ Бейлисъ.

Долженъ вамъ сказать, что это не можетъ вызывать какихъ-либо сомнѣній въ смыслѣ рѣшенія дѣла судомъ, и вотъ почему. Прежде чѣмъ дѣло переходитъ на судъ, оно разслѣдуется слѣдственной вла-

стью, оно проходитъ черезъ руки прокурорскаго надзора, прокурорскій надзоръ разсматриваетъ все это дѣло, причѣмъ, какъ слѣдственная власть, такъ и власть прокурорскаго надзора, передаетъ суду только то лицо, противъ котораго собраны достаточно вѣскія улики, которыя съ точки зрѣнія прокурорскаго надзора считаются настолько достоверными и настолько достаточными, чтобы поставить на судъ. Поэтому, разъ совершается преступленіе не однимъ лицомъ, можетъ случиться такъ, что въ отношеніи одного опредѣленнаго лица судебный слѣдователь и прокурорскій надзоръ, а затѣмъ и судебная палата, которая утверждаетъ обвинительный актъ, признаютъ, что это лицо въ достаточной степени изобличается для того, чтобы предать его суду присяжныхъ засѣдателей; въ отношеніи же другихъ лицъ есть указанія, но эти указанія представляются не настолько достоверными, не настолько достаточными, чтобы привлечь ихъ и поставить на вашъ судъ. Вотъ почему бываютъ случаи, что при преступленіи, совершенномъ нѣсколькими лицами, всетаки на скамьѣ подсудимыхъ является одно лицо. Но это, я говорю, не исключаетъ всетаки обязанности судей разсмотрѣть внимательно тѣ улики, которыя предстали передъ его глазами, и которыя прошли въ судебныхъ засѣданіяхъ и на основаніи этихъ уликъ такъ или иначе разрѣшить это дѣло. Вамъ здѣсь во время судебного слѣдствія и въ своихъ преніяхъ стороны указывали еще на другихъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ томъ или иномъ соучастіи въ преступленіи. Мы ихъ не судимъ, и я вамъ совѣтую не останавливаться на обсужденіи ихъ виновности въ томъ или иномъ смыслѣ, этого вы можете касаться только постолько, поскольку это необходимо для освѣщенія и для обезудженія тѣхъ уликъ, которыя представлены въ отношеніи Бейлиса и въ отношеніи его виновности. Если же вы будете обсуждать детально дѣйствія тѣхъ лицъ, которыя не привлечены здѣсь, то это конечно задастъ вамъ, какъ судьямъ, лишнюю обременительную работу и только отвлечетъ отъ прямой и священной обязанности рѣшить то, что представлено вашему суду въ отношеніи Бейлиса.

Наказаніе за это преступленіе — предумышленное убійство законъ налагаетъ строгое. Наказаніе колеблется въ такихъ

предѣлахъ: каторга безъ срока — это высшее наказаніе, которое можетъ быть назначено, и самое низшее наказаніе — 10 лѣтъ каторги. Вотъ въ этихъ предѣлахъ колеблется отвѣтственность. Но вы сами понимаете, что за такое очень важное и серьезное преступленіе, какъ убійство съ заранее обдуманнѣмъ намѣреніемъ, наказаніе должно быть строгое. Ни законъ, ни общество не могутъ отнестись мягко къ такому человѣку, къ такому подсудимому, разъ его вина представляется доказанной.

Переходя затѣмъ къ указанію вамъ фактическаго матеріала, къ обсужденію этого матеріала, я долженъ вамъ сказать слѣдующее: матеріалъ этотъ очень великъ. Онъ прошелъ передъ вами, вы очень внимательно вслушивались и очень зорко слѣдили за всѣмъ, но все-таки законъ, въ виду такого большого количества матеріала и, вообще, на меня, какъ на предсѣдателя, возлагаетъ обязанность сдѣлать вамъ указанія по поводу этого фактическаго матеріала и въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя особенно нужно обратить вниманіе. Эти указанія мои по закону не считаются для насъ обязательными. Законъ предписываетъ мнѣ сдѣлать вамъ извѣстныя разъясненія, но не ставитъ вамъ въ обязанность въ этихъ фактическихъ обстоятельствахъ слѣдовать за мною. Законъ вамъ вѣритъ, какъ судьямъ общественной совѣсти, и требуетъ отъ васъ разрѣшенія дѣла только по внутреннему убѣжденію и по вашей совѣсти, взвѣся всѣ обстоятельства дѣла, которыя прошли передъ вами.

Переходя къ этимъ указаніямъ, которыя я считаю нужнымъ сдѣлать вамъ, я долженъ вамъ разъяснить редакцію вопросовъ, потому что она до извѣстной степени необычна, она не въ той формѣ предлагается, какъ всегда: обыкновенно предлагается на разрѣшеніе только одинъ вопросъ — о виновности; здѣсь же предлагаются вамъ два вопроса — о доказанности событія преступления и затѣмъ о виновности. Происходитъ это вслѣдствіе того, что по этому дѣлу предъявлены, какъ вы слышали, гражданскіе иски и гражданскимъ истцамъ важно, чтобы вы признали событіе преступления, помимо обвиненія виновности, потому что это даетъ имъ извѣстныя права въ смыслѣ предъявленія гражданскихъ исковъ. Вотъ почему законъ при наличіи такого ходатайства со стороны граждан-

скихъ истцовъ обязываетъ выдѣлать этотъ вопросъ о доказанности преступления въ отдѣльный вопросъ. Поэтому первый вопросъ спрашиваетъ васъ, доказано ли, что 12-го марта 1911 г., въ Кіевѣ, на Лукьяновкѣ, въ помѣщеніи кирпичнаго завода, принадлежащаго еврейской хирургической больницѣ, находящейся въ завѣдываніи Марка Іонова Зайцева, 13-лѣтнему мальчику причинены были такіа-то поврежденія, причѣмъ описывается внѣшняя сторона поврежденій, способъ причиненія поврежденій, а также послѣдовательность ихъ, все въ томъ видѣ, въ какомъ прошла передъ вами экспертиза. Въ этомъ вопросѣ не указано, кто виноватъ, а спрашивается только, совершилось ли такое то преступленіе? Доказано-ли, что оно совершилось и доказано-ли, что оно совершилось на заводѣ Зайцева? Такимъ образомъ, разрѣшая этотъ вопросъ, вы виновности не касаетесь, а только обсуждаете внѣшніе факты. Затѣмъ, разрѣшивъ этотъ вопросъ, вы перейдете къ рѣшенію вопроса о виновности. Вотъ здѣсь имѣются указанія на то, что васъ спрашиваютъ, доказано ли, что это преступленіе было совершено въ помѣщеніи, принадлежащемъ хирургической больницѣ, находящейся въ завѣдываніи Марка Іоновича Зайцева, т. е. въ заводѣ, принадлежащемъ хирургической больницѣ. Собственно говоря это обстоятельство вамъ представляется несомнѣнно нужнымъ обсудить, потому, что только тогда, когда вы придете къ убѣжденію, что дѣйствительно да, доказано, но не на кирпичномъ заводѣ, Зайцева, вы отвѣтите: да, доказано. Если же вы признаете, что это представляется недоказаннымъ или сомнительнымъ, тогда эти признаки вы отбросите, т. е. скажете: да, доказано, но не на кирпичномъ заводѣ, принадлежащемъ хирургической больницѣ, находящейся въ завѣдываніи Марка Іоновича Зайцева.

Останавливая ваше вниманіе на обсужденіи событія преступления, я укажу вамъ, какимъ путемъ по моему мнѣнію было бы планомѣрнѣе и цѣлесообразнѣе идти вамъ при обсужденіи этого событія преступления. Здѣсь мнѣ представлялось бы для васъ весьма важнымъ обсудить всѣ тѣ версіи, которыя здѣсь проходили передъ нами. Дѣло, какъ вы сами знаете, особенное, въ немъ есть масса, какъ говорили стороны, наноснаго матеріала и вамъ, какъ судьямъ, преж-

де всего надо разобраться въ этомъ наносномъ матеріалѣ, обсудить его въ томъ смыслѣ, имѣются ли въ немъ указанія на то, что тѣми лицами, на которыхъ ссылались, могло-ли быть совершенно преступленіе или этими лицами не могло быть совершенно преступленіе, и тогда, какъ судьи, вы отбросите этотъ матеріалъ и перейдете къ дальнѣйшему обсужденію матеріала.

Для того, чтобы обсуждать этотъ матеріалъ, мнѣ представляется, вамъ необходимо будетъ, прежде всего, установить самимъ, гдѣ-же было совершено это убійство? Нѣкоторые говорили, въ особенности вначалѣ являлось это предположеніе, что убійство могло быть совершено въ Приднѣпровской Слободкѣ, нѣкоторые говорили, что на Лукьяновкѣ. Вамъ придется поискать въ фактическихъ обстоятельствахъ дѣла такіа данныя, которыя несомнѣнно должны будутъ васъ, какъ судей, привести къ выводамъ, гдѣ именно было совершено это преступленіе? Въ этомъ отношеніи вамъ придется вспомнить, что 13-тилѣтній мальчикъ Андрей Ющинскій 12-го марта, какъ показываютъ свидѣтели Пушка, сестра и братъ, около 6 час. утра ушелъ изъ Приднѣпровской Слободки и отправился, видимо, въ училище, гдѣ учился, такъ какъ имѣлъ при себѣ въ ремешкахъ книги. Но въ училище, какъ вы слышали здѣсь отъ свидѣтеля Богданова, смотрителя училища, онъ не пришелъ. Затѣмъ вы слышали показанія свидѣтелей Шаховскихъ, показаніе свидѣтеля Голубева. Главнымъ образомъ, вамъ придется остановиться на показаніяхъ свидѣтелей Шаховскихъ. Они удостовѣряютъ, что около 8 час. утра, 12 марта, — а это представляется точно установленнымъ, если вы вспомните показаніе Балашова, того свидѣтеля, у котораго служить фонаришникомъ Шаховской, который намъ удостовѣрилъ, что именно 12-го марта, утромъ, Шаховской занялъ у Балашова рубль. — Шаховская пошла изъ своей квартиры въ лавочку и увидѣла Андриюшу вмѣстѣ съ Женей Чеберякомъ, затѣмъ она повернула домой и тутъ опять встрѣтила ихъ; затѣмъ вышелъ Шаховской около 8 час. утра, какъ онъ намъ это точно удостовѣряетъ, т. е. была открыта винная лавка. И, вотъ этотъ Шаховской, проходя по Верхне-Юрковской улицѣ и направляясь левить щеголовъ, видѣлъ тутъ Андриюшу и Женю и еще какого-то третьяго мальчика,

стоящаго на дорогѣ. Шаховской, затѣмъ, ушелъ и больше Андриюшу не видѣлъ, а 20 марта была найдена трупъ Андриюши. Вспомните здѣсь показаніе Шаховскаго, что черезъ 2—3 дня послѣ этого онъ, встрѣтивъ Женю, спросилъ—что же, удалось погулять, на что Женя отвѣтилъ, что на заводѣ погулять не удалось, потому что ихъ прогнали, какъ здѣсь намъ заявилъ Шаховской, мужчина съ черной бородой. Вотъ вы звѣрьете это обстоятельство и звѣрьете то очень существенное показаніе матери покойнаго, что сынъ ея, уходя въ училище, ѣлъ постный борщъ съ картофелемъ и бураками, а при вскрытіи трупа Ющинскаго у него въ желудкѣ была найдена еще не вполне переваренная кашлица, въ которой находились остатки бураковъ и картофеля, при чемъ врачи эксперты — покойный проф. Оболонскій, вскрывавшій трупу, проф. Косоротовъ, прозекторъ Туфановъ и проф. Кадьянъ высказали вамъ мнѣніе, что, судя по состоянію этой пищевой кашлицы со времени ѣды прошло около 4 час. Если вы вспомните, что, какъ показываетъ проф. Косоротовъ, самое убійство происходило въ теченіе минутъ 15 минимумъ, если вы вспомните, что было около 8 часовъ, какъ говоритъ Шаховской, то въ данномъ случаѣ вы можете почти точно установить, когда именно покойный былъ убитъ. Въ этомъ отношеніи вамъ детально разрабаталъ этотъ вопросъ повѣренный гражданскаго истца и если вы придете къ тому же выводу, что это убійство могло быть совершено въ 9 час. утра, или сейчасъ-же послѣ 9 час., то вы остановитесь на томъ вопросѣ, гдѣ-же это убійство могло быть совершено и могло-ли быть совершено гдѣ-нибудь внѣ Лукьяновки. Вы вспомните, что Андриюша очень аккуратный, онъ посѣщалъ, какъ говорили учителя, очень исправно училище, но тѣмъ не менѣе встрѣча Шаховскаго съ Андриюшей указываетъ на то, что въ этотъ день Андриюша видимо рѣшилъ не пойти въ училище. и вотъ почему можно это заключить. Это было время послѣ 8 час., а, какъ вы слышали, здѣсь урокъ начинался въ половинѣ девятаго утра, разстояніе отъ Лукьяновки до Софійскаго училища вы знаете, и, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ сообразите, что попасть на урокъ послѣ встрѣчи съ Шаховскимъ Андриюшѣ не представлялось

возможности, затѣмъ и швейцаръ Софійскаго училища Калевскій говорилъ здѣсь, что не бывало случая, чтобы ученики приходили на второй урокъ, — если они не приходили, то не приходили совсѣмъ, но не бывало случая, чтобы на первый урокъ ученикъ не приходилъ, а приходилъ на второй; если вы все это взвѣсите и обсудите, то тогда вы по этимъ основаніямъ можете придти къ тому выводу, что убійство было совершено на Лукьяновкѣ. Конечно, для такого вывода вамъ важно остановиться и обсудить достовѣрность показаній свидѣтелей Шаховскихъ, въ особенности Шаховскаго. Вы видѣли этого свидѣтеля. Онъ былъ нѣсколько разъ допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи, 6 или 7 разъ, но въ теченіе этихъ допросовъ онъ только разъ сказалъ, что Женя ему сказалъ, что ихъ прогнали, но не указывалъ на мужчину съ черной бородой. На третьемъ допросѣ онъ указалъ, судебному слѣдователю, что Женя ему рассказывалъ, что съ завода ихъ прогналъ мужчина съ черной бородой.

Шаховской все время стоялъ на этомъ, причѣмъ иногда прибавлялъ, что этотъ мужчина былъ Мендель Бейлисъ. Затѣмъ онъ отъ этого отказался, но и здѣсь подъ присягой онъ вамъ категорически достовѣрилъ то обстоятельство, что мальчиковъ прогнали съ завода Зайцева, что мужчина, прогнавъ ихъ, былъ съ черной бородой. Вотъ если вы этому свидѣтелю повѣрите, если вы его показаніе признаете достовѣрнымъ, если взвѣсите всѣ обстоятельства, сопровождавшія его показаніе, то несомнѣнно, показаніе этого свидѣтеля въ данномъ случаѣ, какъ цѣнное по дѣлу, вы примете къ свѣдѣнію. Конечно, часто свидѣтель можетъ говорить неправду, утаивать тѣ или другія обстоятельства и суду приходится разобратся въ этомъ, потому что судъ можетъ брать для обсужденія и для обоснованія своихъ выводовъ только показаніе того свидѣтеля, провѣривъ котораго, вы придете къ безусловному заключенію, что это показаніе, въ смыслѣ справедливости, безспорное и вѣрное. Здѣсь Шаховской произвѣдилъ впечатлѣніе какого-то забитаго человека, стѣсняшагося, волновашагося, но вы примите во вниманіе обстановку, при которой приходилось ему показывать, затѣмъ кромѣ того примите во вниманіе тѣ указанія, которыя онъ дѣлалъ вамъ здѣсь,

когда давалъ свои показанія. Вспомните, все, что онъ здѣсь говорилъ, вспомните, что онъ рассказывалъ намъ, что его перетѣмъ побили и это заявленіе не является голословнымъ, а если вы возьмете показанія Голубева и Позднякова о томъ, что имъ передавалъ Добжанскій о томъ, что побили Шаховскаго, то конечно вы въ правѣ, если вы признаете эти показанія Голубева и Позднякова достовѣрными, придти къ тому выводу, что, если Шаховской и волновался, когда давалъ вамъ показаніе, то это волненіе имѣло у него свои основанія. Если вы установите съ несомнѣнностью, что убійство было совершено на Лукьяновкѣ и совершено именно въ то время, какъ говорилъ повѣренный гражданскаго истца, детально разобравъ это и на чемъ я не буду уже останавливаться, — т. е. послѣ девяти часовъ или въ девять съ половиной, — то вы, конечно, отбросите всѣ версіи о томъ, что это убійство могло быть совершено на Придѣпровской Слободкѣ. Но вамъ, какъ судьямъ, придется всетаки и на этихъ версіяхъ остановиться, придется остановиться, я думаю, такъ, слегка, потому что на этихъ версіяхъ и защита въ настоящее время уже не настаиваетъ, она признаетъ доказаннымъ, что эти версіи не выдерживаютъ до извѣстной степени никакого разумнаго основанія, онѣ детально были разобраны прокуроромъ и повѣренными гражданскаго истца. Но останавливаясь на этихъ версіяхъ, вы всетаки остановитесь и на томъ вопросѣ, который здѣсь много разъ возбуждался, который обсуждался со всѣхъ сторонъ — это вопросъ о дѣятельности чиновъ сыскной полиціи и другихъ полицейскихъ лицъ, въ томъ смыслѣ, что, какъ говорили прокуроръ и повѣренные гражданскаго истца, эти лица все какъ-бы искусственно оттягивали мѣсто преступленія на Придѣпровскую Слободку и указывали и лицъ, которыя являются какъ бы подозрѣваемыми, тоже на Придѣпровской Слободкѣ. Такимъ образомъ они какъ-бы затемняли дѣло, заматали слѣды. На этомъ вы остановитесь и обдумайте всѣ эти положенія. Они вамъ съ разныхъ сторонъ освѣщались, освѣщались и прокуроромъ очень детально, освѣщались и повѣренными гражданскаго истца въ очень талантливыхъ рѣчахъ, освѣщались и защитой въ довольно талантливыхъ рѣчахъ и здѣсь вамъ придется заняться только вопросомъ

и подумать надъ нимъ—что дѣятельность этихъ должностныхъ лицъ, этихъ частныхъ разслѣдователей, которые принимали участие, чѣмъ она вызывалась въ смыслѣ побуждений. Было-ли это, такъ сказать, извѣстное недоумѣніе у должностныхъ лицъ, завѣдующихъ сыскомъ извѣстнаго рода неприспособленность къ сыску, извѣстнаго рода близорукость, непониманіе, произвольное непониманіе того, что они дѣлаютъ и ищутъ тамъ, гдѣ ненужно, или-же это были предумышленные, сознательныя дѣйствія съ тѣмъ, чтобы затемнить дѣло, съ тѣмъ, чтобы придать ему совершенно другую окраску, чтобы оттянуть тѣ улики, которыя имѣлись на Лукьяновкѣ, оттянуть время и загладить слѣды. Конечно, если вы признаете, что здѣсь было недоумѣніе, если вы признаете, что здѣсь была неспособность, неумѣніе вести сыскъ тѣми лицами, которыя стояли во главѣ, какъ Мишукъ, Красовскій, то это фактъ, конечно, очень печальный, но такой фактъ является безразличнымъ для дѣла. Но если вы признаете и согласитесь съ тѣми доводами, которые вамъ приводилъ прокуроръ, которые вамъ приводили повѣренные гражданскаго истца, что здѣсь были сознательныя, умышленные дѣйствія со стороны должностныхъ лицъ, то вы должны призадуматься и надъ этимъ положеніемъ, надъ тѣмъ, что эти лица, дѣйствуя такъ сознательно, затемняя слѣды и прибѣгая даже къ подлогу, какъ напримѣръ Мишукъ, дѣйствовали ли они за свой страхъ и по своей инициативѣ или здѣсь было извѣстнаго рода воздѣйствіе, со стороны ли Бейлиса, со стороны ли его сообщниковъ, или вообще лицъ заинтересованныхъ, съ вѣдома ихъ и изъ желанія затемнить дѣло, оттянуть его туда подальше и такимъ образомъ изгладить слѣды. Это все вы обсудите и конечно, по внутреннему голосу совѣсти, на основаніи того всего, что прошло, вы разрѣшите такъ или иначе этотъ вопросъ. Если вы разрѣшите этотъ вопросъ отрицательно, то это въ смыслѣ обсужденія вопроса о виновности Бейлиса никакого рѣшительно значенія имѣть не можетъ. Но если вы разрѣшите этотъ вопросъ положительно, причемъ признаете, что въ данномъ случаѣ эти умышленные дѣйствія со стороны должностныхъ лицъ были съ вѣдома и согласія или по крайней мѣрѣ съ вѣдома Бейлиса и его

сообщниковъ и лицъ, которыя имѣли непосредственное касательство къ лицамъ, совершившимъ преступленіе, то ясно тогда, что вамъ придется съ этимъ считаться при обсужденіи вопроса о виновности Бейлиса. Затѣмъ вы перейдете къ обсужденію версіи, выдвинутой Бразулемъ-Брушковскимъ. Опять таки и на этой версіи вамъ едва ли представится возможность долго останавливаться и вотъ почему. Вы сами помните изъ показаній свидѣтеля Бразуля-Брушковскаго, изъ той части показаній, которая была прочитана и дана имъ на предварительномъ слѣдствіи, что видимо Бразуль-Брушковскій, подавая это заявленіе, самъ ему не вѣрилъ, или по крайней мѣрѣ скоро разуверился въ немъ, вы помните на предварительномъ слѣдствіи эта часть была оглашена. Поэтому, вы должны имѣть въ виду это, Бразуль-Брушковскій прямо заявилъ, что подавалъ это заявленіе въ видѣ извѣстнаго тактическаго приема, чтобы вызвать неудовольствіе среди воровской шайки и, воспользовавшись этимъ, выяснитъ настоящее дѣло. Кромѣ того, если вы вспомните лицъ, на которыя тамъ указывается: — Мифле, Приходько, Назаренко, Нѣжинскаго, то всѣ изъ нихъ, напримѣръ, Нѣжинскій уже обследовался чинами полиціи и было доказано, что онъ въ данномъ дѣлѣ не принималъ никакого участія, Мифле слѣпой, а относительно Назаренко вамъ представилъ удостовѣреніе прокуроръ, что Назаренко въ то время содержался подъ стражей. И эти лица были набраны изъ разныхъ концовъ, у нихъ не было главной цѣли, которая бы ихъ соединяла: единства побуждений. А ясно, что если нѣсколькими лицами совершается извѣстное преступное дѣяніе, то важно установить, что у нихъ былъ единый двигатель, безъ этого преступленія только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ совершаются. Затѣмъ я думаю, въ виду того, что и защита на этой версіи не настаиваетъ, эта версія не отниметъ много времени у васъ при обсужденіи и вы ее отклоните и тогда у васъ останется, собственно говоря, версія относительно убійства въ квартирѣ Вѣры Чеберяковой. И здѣсь у васъ первый вопросъ является совершенно-ли убійство на заводѣ и затѣмъ вамъ придется обсуждать въ смыслѣ, такъ сказать, обстоятельствъ, которыя исклю-

чають возможность убійства на заводъ— эту версию объ убійствѣ въ квартирѣ Вѣры Чеберяковой. Здѣсь г.г. присяжные засѣдатели, вы должны обратить вниманіе, что, собственно говоря, ставится нѣсколько своеобразный вопросъ. Прокуроръ ставить такъ, что убійство не могло быть совершено въ квартирѣ Вѣры Чеберяковой, оно должно было быть совершено на заводѣ Зайцева. То-же самое вамъ доказывали здѣсь и гражданскіе истцы; защита же, наоборотъ, вамъ доказывала, что убійство на заводѣ Зайцева не могло быть совершено, а могло быть совершено только на квартирѣ у Вѣры Чеберяковой. Такъ что ставятся, собственно говоря, извѣстнаго рода рамки:—или тамъ, или тамъ. Но для судьи, хотя бы на это указывала и защита, и прокуроръ, — этого мало. Судья во всякомъ случаѣ долженъ пойти дальше. Онъ долженъ обсудить, а не могло ли быть убійство совершено еще въ другомъ мѣстѣ. Эти рамки, если вы обратили вниманіе, онѣ ставились, собственно говоря всѣми: и тѣми разслѣдователями частными и чинами полиціи. Когда они убѣдились, что всѣ такіа предположенія о томъ, что убійство совершено на Лукьяновкѣ, немислимо, недопустимо, что это собственно воздушный замокъ, который совершенно рухнулъ,—то они ставили такъ: или въ квартирѣ Вѣры Чеберяковой, или на заводѣ Зайцева. Все это версии частныхъ разслѣдованій. Но я вамъ говорю — для того, чтобы быть совершенно объективнымъ, нужно обсудить, не могло-ли это быть совершено еще въ другомъ мѣстѣ и нужно задаться вопросомъ, — почему это ставятъ такое ограниченіе, что именно въ этихъ двухъ мѣстахъ могло быть совершено преступленіе—или тамъ, или тамъ. Въ данномъ случаѣ, г.г. присяжные засѣдатели для разрѣшенія этого вопроса вамъ придется по моему обратиться къ личности покойнаго Андрюши Ющинскаго, ко времени, когда было совершено убійство, а затѣмъ и къ тому внѣшнему виду убійства самого, къ той особенноти убійства, къ тому особому звѣрству, особому разраженію, — если это было убійство изъ-за мести, — которыя проявились на трупѣ, къ той картинѣ, которую представлялъ трупъ. Въ самомъ дѣлѣ вы слышали, что Андрюша

Ющинскій былъ бѣдный мальчикъ, что этотъ мальчикъ былъ тихій, хорошій, что всѣ, которые встрѣчались съ нимъ, относились къ нему очень хорошо и ни въ какихъ продѣлкахъ учебное начальство его не замѣчало. Тутъ прошла масса категорій лицъ и всѣ подтвердили, что это былъ очень хорошій мальчикъ и ни въ какихъ даже мелкихъ кражахъ онъ не замѣчался. Затѣмъ по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя прошли передъ вами главнымъ образомъ въ экспертизѣ, почти точно доказывается, что это убійство было совершено двумя, на Лукьяновкѣ. Вотъ вы все это взвѣсьте. Кто же могъ совершить убійство—тотъ-ли, къ кому приходилъ Андрюша, или на заводѣ Зайцева, въ виду того предположенія, которое строилъ прокуроръ и гражданскіе истцы. Но тамъ, на Лукьяновкѣ, Андрюша —у кого бывалъ, кромѣ Чеберяковой? — Ни у кого не бывалъ. Тамъ были еще Майстренки съ мальчиками, которыхъ онъ дружилъ. Но, какъ вы слышали, Майстренки переѣхали и въ данномъ случаѣ, въ виду того, что Женя Чеберякъ встрѣтился съ Андрюшей, въ данномъ случаѣ въ виду показаній Шаховскаго, что онъ его видѣлъ послѣ 8 часовъ, въ началѣ 9-го, до половины 9-го, затѣмъ далѣе въ виду того разсказа, о которомъ говорилъ Шаховской, слышавшій отъ Жени Чеберяка, что послѣ этого мальчики попли на заводъ и, что тамъ ихъ прогналъ какой-то мужчина съ черной бородой—въ данномъ случаѣ надо было употребить извѣстный промежутокъ времени для того, чтобы пройти на заводъ, чтобы, когда его прогоняли, убѣжать или остаться тамъ, вамъ ясно должна представиться картина, что — или въ квартирѣ Чеберяковой, куда онъ могъ зайти послѣ этого, или на заводѣ Зайцева, гдѣ онъ могъ остаться. Если вы обдумаете все это положеніе, принявши во вниманіе фигуру самого мальчика, принявши во вниманіе то особое звѣрство, съ которымъ преступленіе совершено, принявши во вниманіе то, что здѣсь эксперты категорически отвергли, что это убійство было совершено сумасшедшимъ или, вообще, человекомъ больнымъ, то вы сами увидите, что такого рода построеніе прокурора и гражданскихъ истцовъ, а затѣмъ и возраженіе защиты въ этомъ направленіи, что или убійство совершено въ квартирѣ Чеберяковой или на заводѣ, оно имѣетъ извѣстное

основаніе, но во всякомъ случаѣ, вамъ, какъ судьямъ, нужно надъ этимъ задумать-ся. Если вы придете по фактическому матеріалу къ такому соображенію, что убійство могло быть совершенно еще въ другомъ вмѣстѣ, то вы должны это строго взвѣсить, строго надъ этимъ подумать, — тогда это обстоятельство будетъ имѣть огромное значеніе для разрѣшенія того вопроса, гдѣ совершено убійство. Разъ вы еще предположите — гдѣ-нибудь, то несомнѣнно такіе факты, казалось бы установленные, могутъ рунуться. Затѣмъ вы перейдите къ обсужденію вопроса о томъ, могло ли это убійство быть совершенно на квартирѣ Чеберяковой. По этому поводу передъ вами этотъ вопросъ былъ разработанъ детально и прокуроромъ, и повѣренными гражданскаго истца; былъ онъ разработанъ детально и защитой. Вы все это взвѣсите, все обдумайте и придите къ тому или другому выводу. Въ данномъ случаѣ все будетъ зависѣть отъ внутренняго убѣжденія вашей совѣсти, но я долженъ всетаки вамъ указать на такія обстоятельства, на которыя по моему мнѣнію, при разрѣшеніи этого вопроса должно быть обращено вниманіе. Если прямо предлагать, что преступленіе могло быть совершено на квартирѣ Чеберяковой, то какая побудительная причина была для совершенія преступленія, какой мотивъ преступленія? Вы сами хорошо понимаете, что для того, чтобы сдѣлать какое-нибудь преступное дѣло, нужно было, чтобы у человѣка была какая-нибудь побудительная причина, нужно было, чтобы была внутренняя сила, которая двигаетъ человѣка на преступное дѣло, чтобы была дѣйствительно сила, которая бы затемнила его разумъ, затемнила его совѣсть, чтобы человѣкъ рѣшился преступить предписанія, велѣнія закона, закона такого, который не только гражданскимъ закономъ предусматривается, но и законами божескими — совершить убійство. Вамъ здѣсь выдвигался мотивъ мести со стороны воровской шайки. Вотъ вы и обсудите, поскольку этотъ мотивъ можетъ быть принять въ первое доказательство, а затѣмъ соотвѣтствуетъ-ли этотъ мотивъ картинѣ преступленія, которое было совершено. Конечно, господа присяжные засѣдатели, вы ни Сингаевского, ни Рудзинскаго, ни Чеберякову

не судите. Конечно, здѣсь такого безспорнаго доказательства, что этотъ мотивъ существовать, нельзя требовать, но во всякомъ случаѣ, для того, чтобы судья поставилъ себѣ или составилъ себѣ известное убѣжденіе или предположеніе, что этотъ мотивъ могъ быть выдвинутъ преступниками, нужно, чтобы у судьи сложились такой взглядъ: да, это могло быть, да, этотъ мотивъ могъ существовать, онъ могъ охватить всѣхъ этихъ лицъ и могъ довести ихъ до такого ужаснаго преступленія. Вамъ выставлялся такимъ образомъ мотивъ мести, мотивъ, который вызывалъ со стороны лицъ, на которыхъ вамъ указывали, сильное раздраженіе и въ состояніи этого сильнаго раздраженія они такъ расправились съ Андрюшей. И вы задайтесь вопросомъ: какія-же основанія были у лицъ, которыя вамъ указывали, прийти къ выводу, что мечь, это раздраженное состояніе могло появиться у Сингаевского, Рудзинскаго, Чеберяковой и Лагышева. Здѣсь говорилось, что могло явиться предположеніе, лишь предположеніе у Рудзинскаго, Сингаевского и Чеберяковой, что мальчишк Андрюша выдалъ шайку, провалилъ „малину“ и какъ на фактическое обстоятельство, подтверждающее этотъ доводъ, указывалось на то, что 4 марта были арестованы четыре лица, бывавшихъ въ квартирѣ Чеберяковой,—это Лисуновъ, Михалькевичъ, Мосякъ и Мандзелевскій и затѣмъ 10 марта былъ произведенъ обыскъ у Чеберяковой, и все это вмѣстѣ, дало этимъ лицамъ, Сингаевскому и Рудзинскому, основаніе предполагать, что ихъ выдалъ Андрюша Ющинскій. Вотъ вамъ на этомъ обстоятельствѣ, выставленномъ со стороны фактическаго слѣдствія, придется остановиться. посмотрѣть, поискать фактическихъ обстоятельствъ дѣла, насколько это все подтверждается фактическими обстоятельствами дѣла, поскольку это подтверждается и обстановкой и тѣмъ соотношеніемъ, которое было между Андрюшей Ющинскимъ, съ одной стороны, и этой воровской компаніей, съ другой. Вы слышали, что Андрюша еще въ маѣ 1910 г. переѣхалъ съ Лукьяновки въ Придѣлновскую Слободку и, собственно говоря, показывался на Лукьяновкѣ рѣдко. Видимо, онъ очень дружилъ съ Женей и Женя его привлекалъ туда и вотъ онъ тогда сюда приходилъ. Приходилъ онъ, видимо, обыкновенно днемъ, потому что, по пока-

занію матери и бабушки, Андрюша по вечерамъ никогда не отлучался изъ дому и всегда ночевалъ дома. Затѣмъ вы вдумайтесь въ то, не могъ-ли этотъ мальчикъ имѣть сношенія съ этой воровской шайкой въ то время, когда онъ рѣдко посѣщалъ Лукьяновку, такъ какъ, если принять во вниманіе, что эти посѣщенія были рѣдки, что они были случайны, возможно ли допустить, что во время этихъ рѣдкихъ случайныхъ посѣщеній онъ, такъ сказать, встрѣчался съ этими членами шайки и имѣлъ съ ними какое-нибудь общеніе и могъ-ли онъ играть тамъ какую-нибудь, даже ничтожную роль, въ смыслѣ участія въ дѣятельности этой шайки. Здѣсь Красовскій указывалъ вамъ, что ему сказалъ Швачко, что даже члены этой шайки хотѣли воспользоваться Андрюшей для того, чтобы совершить кражу въ Софійскомъ соборѣ. Но, какъ вы слышали изъ показаній другихъ свидѣтелей и самого Швачки, а затѣмъ и Бразуля-Брушковскаго, которому якобы Швачко передалъ этотъ рассказъ, собственно ничего не выяснилось, это были какія-то неопредѣленные слухи, ни на чемъ не основанные. Да я думаю, что и сама защита на этихъ неопредѣленныхъ свѣдѣніяхъ, неопредѣленныхъ слухахъ не настаиваетъ, и она выбросила ихъ какъ ненужный балластъ. Вамъ очень горячо говорилъ по этому поводу г. прокуроръ и на этомъ я останавливать вашего вниманія не буду. Значить, такихъ соотношеній, такой связи, какая часто бываетъ у мальчиковъ, которые для извѣстныхъ посылокъ, для извѣстныхъ порученій служатъ у воровъ, у Андрюши Юшинскаго не было и не могло быть. Здѣсь говорилось о прутикахъ и эти прутики ставили, такъ сказать, въ возможность этого мѣста. Здѣсь говорилось о прутикахъ и изъ этихъ прутиковъ дѣлали выводъ, что мальчикъ могъ во время ссоры съ Женей сказать, что тамъ онъ видѣлъ, какъ приносили краденое къ его матери и что, такимъ образомъ, Желя могъ побѣжать къ матери и сказать объ этомъ, и это ставилось въ связь съ тѣми данными, о которыхъ говорилось, именно что Андрюша выдалъ властямъ этихъ арестованныхъ лицъ. Господа присяжные заседатели, вы обратитесь къ обсужденію

этихъ прутиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вы прежде вдумайтесь и въ то положеніе, что собственно говоря, о томъ, что воры бывали у Чеберяковыхъ, что у нихъ сбывались и краденныя вещи, что объ этомъ зналъ не одинъ Андрюша, если даже онъ зналъ, объ этомъ знали и Дьяконовы и Малицкая, и Равичъ. Такъ что, собственно говоря, воры эти, а главнымъ образомъ Чеберякова, предлагавшая покупать краденое, они этого не скрывали. Это не то, что была какая-то конспиративная квартира, опутанная тайной, гдѣ, собственно говоря, то, что дѣлалось, никому не было извѣстно. Это не было такое мѣсто, куда случайно проникъ Андрюша, увидѣлъ и рассказалъ и потому на него могло пасть такое подозрѣніе. Это было не такое мѣсто, куда никто изъ постороннихъ не проникалъ. Вы вспомните, какъ раздѣлалась Чеберякова съ Малицкой послѣ того, какъ у нея былъ второй обыскъ, когда она заподозрила Малицкую, что она сдѣлала, — она ее оскорбила дѣйствіемъ. Такъ, что вотъ такое предположеніе, что воры могли думать, что Андрюша выдалъ, — вы задумайтесь, — могло-ли оно давать такую мечь съ одной стороны, а съ другой стороны. — могли ли они допустить Андрюшу Юшинскаго, только одного Андрюшу, какъ исключительное лицо, которое могло выдать этихъ Рудзинскаго, Сингаевскаго и Чеберякову? Если, конечно, вы допустите, что только одинъ Андрюша могъ выдать и знать, тогда, конечно, и такая мечь могла появиться, тогда, конечно, у судьбы это будетъ очень важнымъ аргументомъ. Но если все это вы отвергнете, если вы вспомните, что самый рассказъ о прутикахъ является крайне проблематичнымъ, крайне неустановленнымъ, рассказъ, который, собственно говоря, дальше неизвѣстно откуда исходящихъ слуховъ и молвы не является ничѣмъ, потому, что вы помните, когда мы стали разбираться, мы дошли только до пьяной женщины, которая сказала это Ренецкой, но, кто была эта женщина, это не установлено, причѣмъ, эта женщина говорила, что Андрюша былъ вечеромъ дома и ночевалъ, т. е. что не соответствуетъ фактическимъ обстоятельствамъ дѣла, то я думаю, если вы все это обсудите, вы остановитесь на томъ: можно - ли эти прутики связать съ тѣмъ чувствомъ мести, которое могло появиться у Рудзинскаго и

Сингаевского, или эти прутики связывать съ этимъ невозможно? Но у васъ есть показаніе Екатерины Дьяконовой, которое тоже до извѣстной степени освѣщаетъ этотъ инцидентъ съ прутиками. Вы и на немъ остановитесь... Если вы признаете, что это показаніе въ данномъ случаѣ является достовѣрнымъ, что ея разсказъ дѣйствительно подтверждается обстоятельствами дѣла, то, конечно, этотъ разсказъ о прутикахъ, который, собственно говоря, едлин имѣетъ установленное точное начало, откуда онъ происходитъ,—онъ всетаки у васъ у судей долженъ быть принятъ во вниманіе. Но что намъ говорила Дьяконова? Она здѣсь говорила, что около 12 часовъ, а раньше на предварительномъ слѣдствіи она говорила, что между 12-ю и часомъ (ея показаніе оглашалось),—что она была 11 марта въ квартирѣ Чеберяковыхъ, и въ то время туда пришелъ Андрюша—, „домовой“, какъ всѣ называли его на Лукьяновкѣ, онъ тамъ извѣстенъ былъ подъ этимъ прозваніемъ „домовой“, и этого Андрюшу „домового“ Екатерина въ первый разъ увидѣла, когда они съ Женей собирались идти на Загоровщину. Екатерина Дьяконова попросила Женю вырѣзать ей прутикъ. Вы это показаніе Дьяконовой провѣрите показаніями другихъ и фактическими обстоятельствами дѣла, которыя установлены, сопоставьте ихъ съ этими показаніями и во всякомъ случаѣ, если вы признаете, что эти фактическія обстоятельства не соответствуютъ показаніямъ Екатерины Дьяконовой, что тѣ фактическія обстоятельства, которыя установлены, являются болѣе достовѣрными свидѣніями,—то вы тогда въ этой части отвергнете показанія Дьяконовой. Если же вы придете къ другому выводу, то въ связи съ нимъ вы можете это принять. По дѣлу было показаніе свидѣтеля Пушки. Онъ намъ говорилъ, что, какъ онъ слышалъ, 11 марта Андрюша былъ въ школѣ и въ 12 часовъ, послѣ окончанія уроковъ, направился по Владимирской улицѣ по направленію къ городскому театру. Затѣмъ вы вспомните показаніе свидѣтельницы Наталіи Юшинской, покойной, и затѣмъ бабушки Олимпіады Юшинской. Вы вспомните показаніе Наталіи Юшинской, она говоритъ, что наканунѣ 10 марта, когда Андрюша шелъ въ школу, она ему дала 25 копеекъ и просила послѣ окончанія уроковъ зайти на Бессарабку и

тамъ купить кнопокъ въ магазинѣ и принести ихъ, такъ какъ ей эти кнопки нужны были для работы. По показанію той-же Наталіи Юшинской, около 3-хъ часовъ, (но предположимъ даже, что часовъ у Юшинской не было), значить засвѣтло, мальчикъ пришелъ къ Наталіи и принесъ кнопки, затѣмъ по показанію Александры Приходько, онъ еще пообѣдалъ дома. Когда Наталія спросила Андрюшу, отчего ты опоздалъ? — то онъ сказалъ, что онъ заигрался съ мальчиками... Вотъ вы и сопоставьте это съ показаніемъ Екатерины Дьяконовой и обдумайте: могъ-ли 11 марта Андрюша быть на Лукьяновкѣ, какъ говорить Дьяконова, (вамъ разстояніе, какъ мѣстнымъ жителямъ, хорошо извѣстно). Имѣйте въ виду, что здѣсь допускалось предположеніе, что онъ могъ поѣхать на извозчикѣ. Но, какъ вы помните, Наталія Юшинская сказала, что дала ему 20 копеекъ, значить, если онъ за кнопки заплатилъ извѣстную сумму, то осталось ли у него столько денегъ, чтобы поѣхать на извозчикѣ до Лукьяновки и возвратиться обратно въ Слободку, успѣвши все это сдѣлать въ тому времени, которое Наталія Юшинская и Александра Приходько опредѣляютъ. Если вы признаете, что 11 марта онъ не могъ, этого сдѣлать, то поэтому показаніе Екатерины Дьяконовой въ этомъ отношеніи является едва-ли достовѣрнымъ. Когда вы вспомните, что въ теченіе марта Юшинскаго не было на Лукьяновкѣ — у насъ есть журналъ Софійскаго училища,—надзиратель намъ по журналу удостовѣрилъ, что только въ концѣ февраля Юшинскій пропустилъ уроки, но тогда Юшинскій былъ боленъ, но въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ намъ удостовѣрилъ, что Юшинскій все время посѣщалъ училище и, такимъ образомъ, если этотъ инцидентъ въ отношеніи прутиковъ имѣлъ мѣсто, то слѣдовательно, онъ могъ имѣть мѣсто въ концѣ февраля и только въ концѣ февраля мѣсяца объ этомъ могъ передать Женя своей матери. Если все это такъ, то вы разсудите, можетъ-ли эта вещь, сказанная задолго, привести въ такое состояніе раздраженія. Могла-ли такая вещь, что Юшинскій сказалъ, что у матери Жени есть краденныя вещи, могла ли эта вещь, сказанная задолго, за нѣсколько дней, привести въ раздраженіе до чувства страшной ме-

сти, привести въ то волненіе, которое привело Чеберякову, Рудзинскаго, Сингаевскаго и Латышева къ предполагаемому убійству. Все это вы взвѣсьте и если вы на основаніи этихъ всѣхъ данныхъ найдете, что здѣсь мести не могло быть, что здѣсь не было основанія даже ее предполагать, то конечно вы откинете это обстоятельство. Но конечно, если вы придете къ другому выводу, въ отношеніи Чеберяковой по фактическимъ обстоятельствамъ, если вы опять таки не согласитесь съ разборомъ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя дѣлалъ вамъ прокуроръ и гражданскій истецъ, а согласитесь съ защитой, то вы можете посмотреть иначе. Это, такъ сказать, фактическія обстоятельства дѣла, разбора уликъ я не буду касаться, т. е. показанія каждаго изъ свидѣтелей, а только остановлюсь на одномъ показаніи, которое подтверждаетъ версію убійства въ квартирѣ Чеберяковой. И вотъ если вы показаніе это обсудите, въ связи съ тѣми детально разобранными показаніями, которыя выведены прокуроромъ и защитой, то если вы признаете недоказанными мотивы мести, то вы къ этимъ показаніямъ отнесетесь такъ или иначе.

Объявляется перерывъ на 10 минутъ.

И такъ, гг. присяжные засѣдатели, я вамъ указалъ, какъ вы должны будете обсудить, имѣется ли наличность основанія думать, что это преступленіе было совершено здѣсь. Если предположить, что преступленіе совершено Сингаевскимъ, Рудзинскимъ, Латышевымъ и Чеберяковой. Раньше вамъ придется еще задаться вопросомъ, если это совершили воры изъ мести, почему они трупъ перенесли въ пещеру и оставили тамъ вещи, съ такимъ указаніемъ, что сразу-же обнаружится, кто эта личность. Подумайте, могутъ-ли воры такъ неосторожно дѣйствовать? Не прощали было, какъ указывалъ здѣсь повѣренный гражданскаго истца, потомъ, когда воры должны были прійти въ состояніе равновѣсія, когда они поняли страшное дѣло, которое они совершили,—не прощали имъ было бросить этотъ трупъ въ Днѣпръ, или въ одинъ изъ колодезевъ, на которые здѣсь указывалъ свидѣтель Красовскій? Кромѣ того, здѣсь возбужденъ защитой вопросъ, спрашивали профессора Бехтерева о томъ, не было такъ, что сначала воры нанесли поврежденія въ состояніи раздраженія, изъ

мести, а затѣмъ дальнѣйшіе уколы они сдѣлали для того, чтобы придать трупу видъ, будто это сдѣлали евреи,—,поддѣлать его подъ евреевъ". На это, если вы помните, профессоръ Бехтеревъ отвѣтилъ, что—такое предположеніе невозможно. Вы обсудите, что можетъ быть самый мотивъ убійства былъ именно тотъ, чтобы поддѣлать подъ евреевъ, чтобы потомъ создать погромъ. На этомъ мотивѣ защита даже не останавливалась, но вы, какъ судья, ожидая весторонне, должны на этомъ остановиться. Вы вспомните, насколько долженъ быть жестокъ, насколько долженъ низмененъ пасть человѣкъ, чтобы изъ такихъ корыстныхъ и низменныхъ мотивовъ онъ совершилъ убійство. Но затѣмъ вы вспомните и то, что 13 марта, т. е. на другой день предполагаемые защитой убійцы—Рудзинскій, Сингаевскій и Латышевъ—уѣхали въ Москву и вы обсудите, могли-ли такіе корыстные и низменные побужденія, которыя трудно допустить даже, могли-ли они руководить этими лицами, если эти люди совершили оное низменное преступленіе, оставивши такъ, чтобы трупъ былъ обнаруженъ и уѣхали въ Москву. Вѣдь трупъ могъ быть обнаруженъ безъ нихъ и тѣ преступленія, которыя они предполагали они могли имъ не воспользоваться. Затѣмъ, обсудивши мотивы, вы перейдете къ обсужденію тѣхъ показаній свидѣтелей, которые выдвигаются въ доказательство этого. Я говорю, что показанія этихъ свидѣтелей были очень подробно разобраны прокуроромъ и повѣреннымъ гражданскаго истца и затѣмъ защитой. Стороны освѣщали эти показанія съ той и другой стороны. Предоставляю и вамъ, вспомнивши эти показанія, провѣрить эти впечатлѣнія, эти доводы прокурора, повѣреннаго гражданскаго истца и защиты и затѣмъ вынести тотъ или другой выводъ. Я не буду разбирать, но я укажу вамъ для примѣра два показанія свидѣтелей: это Дьяконовъ и Малицкая. Я долженъ вамъ сказать, гг., что, конечно, судья нельзя не довѣрять свидѣтелю, если онъ забываетъ, если онъ стѣсняясь, путаясь, иногда, вслѣдствіе необычной обстановки, допускаетъ какое-нибудь ошибочное изложеніе фактовъ. Поэтому судья долженъ взвѣсить показаніе свидѣтелей, и, продумавши его, если онъ вѣритъ и видитъ, что это показаніе достоверно, онъ можетъ его взять, а если онъ видитъ, что это по-

казаніе не достовѣрно, онъ долженъ отбросить. Въ этомъ показаніи Екатерины Дьяконовой я вамъ считаю нужнымъ указать на то, на что вы должны обратить вниманіе, кромѣ того, на что обращать вниманіе прокуроръ, гражданскіе истцы и защита, именно на показанія полковника Иванова. По поводу этого, полковникъ Ивановъ говорилъ, что Екатерина Дьяконова (и она сама не отрицала этого) была у него агентомъ, и она говорила, что она получала по пять рублей на трамвай и то, что она стала говорить Красовскому и Выгранову и затѣмъ, что она говорила здѣсь, состоя агентомъ у Иванова, она имъ не говорила,—вы заданитесь мыслью, какъ человекъ, получая извѣстное вознагражденіе, служа агентомъ не даетъ извѣстному должностному лицу свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ другимъ лицамъ свѣдѣнія одно другого сенсационнѣе. Вы можете прийти къ выводу, что эти лица могли, какъ говоритъ Красовскій, ее больше расположить, такъ сказать, возбудить въ ней довѣріе. Вы можете предположить то-же самое, какъ судья, что эти лица дали большее вознагражденіе, что Красовскій отвергаетъ. Но если вы придете къ тому выводу, что, несмотря на то, что расположеніе, или вознагражденіе, которое было дано позже, во всякомъ случаѣ дало возможность Е. Дьяконовой разсказать такія вещи, которыя она не разсказывала полк. Иванову, то вы сопоставивши, можете усомниться въ этомъ показаніи и достовѣрности его. Кромѣ того, вы должны принять во вниманіе отчасти и показаніе полк. Иванова о томъ, что послѣ того, когда производилось частное разслѣдованіе Выграновымъ и Красовскимъ, Дьяконова являлась къ полк. Иванову и разсказывала ему очень важныя свѣдѣнія. На его вопросы, неожиданныя для Дьяконовой, она не отвѣчала, когда на слѣдующій день она являлась, то она на эти вопросы отвѣчала обстоятельно? Но на новые вопросы она опять не отвѣчала. Затѣмъ вы перейдете къ обвиненію показаній свидѣтельницы Малицкой. Намъ здѣсь указывалось, что Малицкая не показала этихъ свѣдѣній, очень важныхъ для того, чтобы подозрѣвать Рудзинскаго, Сингаевскаго и Латышева. Это то, что она слышала, находясь внизу, что происходило на-верху, именно потому, что она боялась Чеберяковой. Судья, еслибы только на

этомъ фактѣ остановился, то обсудивши всю обстановку, обсудивши, что Чеберякова была женщина энергичная, могъ прийти къ убѣжденію — да, это объясненіе очень правдоподобное. Затѣмъ, когда Чеберякова уѣхала, Малицкая уже стала ему показывать и если бы судья провѣрилъ-бы, онъ бы сказалъ: да, все ея показанія все-таки не внушаютъ довѣрія и онъ могъ бы ихъ взять, какъ показанія, которыя имѣли извѣстное очень цѣнное значеніе. Но вы вспомните эти показанія, вспомните, какъ Малицкая разсказывала намъ детально, что она слышала и какъ она слышала, она разсказывала, сколько было человекъ, затѣмъ разсказывала, что она слышала, когда переносили крѣпъ, различая шаги Чеберяковой. Вспомните то впечатлѣніе, которое вы получили отъ осмотра этого зданія. Если вы сопоставите, если придете къ тому убѣжденію, что свидѣтельница эта не могла слышать такъ далеко, какъ она говоритъ. Въ данномъ случаѣ есть подходящее обстоятельство. Вамъ указывали, что производилась проба и судебный слѣдователь отмѣтилъ въ своемъ протоколѣ, что во время разговора слышны голоса и слышны шаги. Вы, конечно, съ этимъ должны считаться, но вы должны въ данномъ случаѣ, считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что когда мы находились тамъ, то мы знали, что наверху будетъ шумъ, мы напряженно ждали, мы напрягали все наше вниманіе на то, чтобы услышать, что тамъ будетъ происходить наверху. Вотъ вы и вдумайтесь въ это. Можетъ ли человекъ не предупреденный, не находящійся въ такомъ напряженномъ состояніи, можетъ ли онъ услышать. Затѣмъ вспомните и то, что какъ видно изъ протокола осмотра, тогда квартира Чеберякъ была пуста, тамъ не было мебели, тамъ не жили. Вотъ если вы все это сопоставите и вдумаетесь, то вы рѣшите, если были слышны шаги и отдѣльные отзвуки, то могли ли они быть такими явственными, такими характерными, что даже можно было опредѣлить дѣйствія опредѣленныхъ лицъ, какъ утверждаетъ это Малицкая, или же она могла слышать отдѣльные звуки, а того, что она намъ говорила, не могла слышать. Вотъ если вы все это взвѣсите, обследуете показанія каждаго свидѣтеля, касающіяся этой версии, обследуете ихъ и съ точки зрѣнія прокурора и гражданскихъ

истцовъ и съ точки зрѣнія защиты, и если вы, продумавъ все это, придете къ убѣжденію, что это показаніе можетъ заслуживать довѣрія, то вы ихъ оставите, если же придете къ убѣжденію, что нѣкоторые изъ показаній довѣрія не заслуживаютъ, то вы ихъ отбросите. Но тогда подумайте о томъ, не получится ли тотъ механизмъ безъ колесиковъ, который дѣйствовать не можетъ и о которомъ вамъ такъ образно говорилъ здѣсь повѣренный гражданскаго истца. Тогда вы въ концѣ концовъ можете придти къ убѣжденію, что вся эта теорія, вся эта версія не представляется вѣроятной. Если же вы придете къ другому выводу, то значить этой версії придадите извѣстное вѣроятіе и тогда примете другое рѣшеніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы перейдете къ главному—къ экспертизѣ, когда будете рѣшать вопросъ о версії убійства на квартирѣ Чеберякъ или на заводѣ Зайцева. Экспертиза, собственно говоря, альфа, отъ которой долженъ отправляться судья въ каждомъ дѣлѣ. Гг. присяжные засѣдатели, эксперты приглашаются въ судъ потому, что мы, судьи, не имѣемъ специальныхъ свѣдѣній по извѣстнаго рода вопросамъ. Вотъ тогда законъ и говоритъ: пригласить людей свѣдущихъ и выслушать ихъ показанія, и на основаніи тѣхъ доводовъ, которые ими приведены, разрѣшить дѣло. Собственно говоря, экспертъ—это увеличительное стекло, черезъ которое судья разсматриваетъ извѣстныя спеціальныя свойства вопроса и на основаніи этого разрѣшаетъ дѣло. Но для того, чтобы экспертъ убѣдилъ насъ, нужно вдуматься, является ли его мнѣніе достовернымъ, является ли настолько убѣдительнымъ, что иного вывода какъ того, которое сдѣлалъ экспертъ, сдѣлать нельзя. Или же его мнѣніе не является убѣдительнымъ и съ нимъ нужно спорить. Въ этомъ отношеніи законъ всецѣло предоставляет такое право судья. Законъ говоритъ такъ: „выслушай эксперта, обсуди правильно ли онъ говоритъ, взвѣсь все“. Понятно, мы какъ люди не имѣющие специальныхъ знаній. не можемъ сказать: этому эксперту не вѣрю, потому что, сказавъ это, нужно представить и противовѣсь. Этотъ противовѣсь заключается въ обдумываніи судьбою тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя надлежитъ ему поставить при разрѣшеніи тѣхъ специальныхъ вопросовъ, для которыхъ вызванъ экспертъ. Если вызвано нѣсколько

экспертотъ, то судья долженъ взвѣсить показанія ихъ всѣхъ, и затѣмъ въ зависимости отъ того, кому изъ экспертовъ онъ повѣритъ, онъ и поставитъ заключеніе того или иного эксперта въ основаніе для разрѣшенія всѣхъ обстоятельствъ, касающихся дѣла. Опять-таки вы должны сопоставить ихъ съ фактическими обстоятельствами дѣла. Здѣсь были вызваны, какъ вы знаете, эксперты по судебной медицинѣ по поводу вскрытія трупа. Здѣсь были экспертъ проф. Косоротовъ, прозекторъ Туфановъ, лейбъ-хирургъ Павловъ и проф. Кадьянъ. Кромѣ того, какъ вы слышали, вскрытіе трупа было сдѣлано уѣзднымъ врачомъ Каринскимъ, а затѣмъ черезъ 4 дня вторично проф. Оболонскимъ и прозекторомъ Туфановымъ. Собственно говоря, проф. Оболонскій, вскрывавшій трупъ, проз. Туфановъ, проф. Кадьянъ и проф. Косоротовъ во многихъ частяхъ сошлись, остался въ отдѣльности только лейбъ-хирургъ Павловъ. Вамъ придется взвѣсить все эти объясненія экспертовъ и признать, кто изъ нихъ такъ сказать, болѣе васъ убѣдилъ въ освѣщеніи тѣхъ фактическихъ данныхъ, для чего они и были сюда призваны. Вы проверите все по собственному убѣжденію. Если придете къ тому заключенію, что и по количеству экспертовъ, по извѣстному положенію, по обстоятельности отвѣтовъ эти три эксперта, бывшихъ здѣсь, и четвертый, умершій имѣютъ силу большей достоверности, то вы въ данномъ случаѣ съ ними согласитесь, если же вы повѣрите болѣе проф. Павлову, то, конечно, вы этихъ экспертовъ поставите на второй планъ. Но вы вспомните показанія проф. Павлова и вспомните то, что онъ, — хотя можетъ быть и очень знающій человѣкъ по своей спеціальности, по производству операцій, — но на все наши вопросы отвѣчалъ крайне неопредѣленно, онъ не далъ ничего такого обстоятельнаго, опредѣленнаго, тогда, какъ все остальные профессора дали намъ опредѣленные, ясные отвѣты, хотя иногда между собою и разнорѣчивые, но разнорѣчивые потому, что эти мужи науки различно смотрятъ на одиѣ и тѣ же вещи. Вспомните еще, что лейбъ-хирургъ Павловъ затруднился сказать, почему умеръ Андруша. Вотъ все это взвѣсьте. Затѣмъ, если повѣрите показанію согласнымъ между собой профессо-

ровъ, по количеству этихъ экспертовъ и по опредѣленности ихъ отвѣтовъ, то вы останетесь на ихъ экспертизѣ. Они говорятъ, что всѣ почти раненія были прижизненны, а что послѣднее, нанесенное въ сердце, и было непосредственной причиною смерти, но что смерть послѣдовала отъ всѣхъ поврежденій, отъ всѣхъ мученій, которыя были нанесены. Причемъ эксперты раздѣляютъ всѣ эти поврежденія на двѣ категории. Одни поврежденія были сдѣланы еще тогда, когда сердце функционировало и надлежаще руководило кровообращеніемъ Андриуши, другія же раненія были нанесены при самой смерти, при самой агоніи, когда крови въ организмъ было мало, и когда сердце почти не функционировало. При этомъ всѣ говорятъ, что существовалъ извѣстный перерывъ между первыми поврежденіями и вторыми, перерывъ, который проф. Кадьяномъ былъ опредѣленъ въ 5—7 минутъ. Это былъ такой промежутокъ, когда убійцы ничего не дѣлали надъ своей жертвой. Вамъ они доказали научно, почему они приходятъ къ такому заключенію и указали, что тѣ органы, которые были поранены потому, не дали того обильнаго кровоизліянія, которое должны были дать, если-бы во время этихъ поврежденій было надлежащее количество крови въ организмѣ. Вамъ здѣсь также опредѣлили профессоръ Косоротовъ, также какъ и Туфановъ и покойный профессоръ Оболенскій, что изъ Андриуши вытекло крови около 5 стакановъ. Проф. Кадьянъ и проф. Бехтеревъ, хотя послѣдній по этому дѣлу не специалистъ, онъ вызванъ сюда въ качествѣ эксперта-психіатра, говорятъ, что кровотеченіе было обильное, но опредѣлить точно количество крови они не могутъ. Проф.-же Косоротовъ удостовѣрилъ, что существуетъ извѣстная табличка, точно изслѣдованная наукой, по которой можно съ точностью опредѣлить, какое количество крови вытекло, и онъ опредѣляетъ это количество въ 5 стакановъ. Всѣ эти эксперты вообще, соглашаясь съ картиною убійства, расходятся на одномъ роковомъ вопросѣ, именно на томъ, что было цѣлью нанесеніе этихъ поврежденій. Проф. Кадьянъ и проф. Бехтеревъ говорили, что лица, наносившія удары покойному Андриушѣ въ голову, преслѣдовали цѣль убить Андриуру. Проф.-же Косоротовъ и проз. Туфановъ говорили, что нѣтъ этой

цѣли, судя по тѣмъ пораненіямъ, которыя были нанесены въ голову, у нихъ не было. Тамъ настолько раненія слабы, что нельзя заключить по нимъ, что цѣлью было желаніе убить жертву. Всѣ эксперты пришли къ единогласному выводу, что была жестокость, но что не жестокость руководила главнымъ образомъ убійцами Андриуши, жестокость была только сопровождающимъ обстоятельствомъ. Конечно, 47 ранъ, нанесенныя въ различныя части тѣла, даже съ вѣншей стороны жестоки, но эта жестокость въ планъ убійцъ не входила, потому что наиболѣе чувствительныя мѣста на тѣлѣ Юшинскаго оставались нетронутыми. Вотъ на этомъ основаніи проф. Косоротовъ и проф. Туфановъ предполагаютъ, что цѣлью убійства было, главнымъ образомъ, нанесеніе ранъ въ тѣ мѣста, которыя даютъ наибольшее количество крови. Это очень серьезный вопросъ, и вы должны при разрѣшеніи этого разногласія между гг. экспертами на немъ сосредоточить все вниманіе, нужно рѣшить, было-ли, съ момента нанесенія удара въ голову, желаніе у убійцъ убить Андриушу, какъ говорятъ проф. Кадьянъ и проф. Бехтеревъ, или-же была та цѣль, о которой говоритъ проф. Косоротовъ и проф. Туфановъ, указывающіе, что усматривать только эту цѣль нельзя, и что цѣлью было именно причиненіе мученій и, главнымъ образомъ, нанесеніе уколовъ въ такія мѣста, которыя даютъ наибольшее количество крови. Вы должны обратиться къ фактическимъ обстоятельствамъ дѣла для разрѣшенія этого вопроса и, главнымъ образомъ, къ тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ экспертизѣ. Вы слышали отъ всѣхъ экспертовъ, что, собственно говоря, поврежденіе головы зависить отъ одного удара, который сопровождался бы пробитіемъ черепа. Удары-же въ голову были сами по себѣ незначительны, и только ударъ, который сопровождался поврежденіемъ пазухи черепа, являлся поврежденіемъ серьезнымъ и тяжкимъ. Проф. Оболенскій,—я хочу здѣсь поправить защитника, который заявлялъ, что будто бы проф. Оболенскій призналъ этотъ ударъ смертельнымъ, этого проф. Оболенскій не говорилъ; онъ говорилъ, что вся совокупность причиненныхъ раненій вызвала малокровіе тѣла, что и вызвало смерть, но чтобы этотъ ударъ былъ смертельнымъ, этого проф. Оболенскій не гово-

рилъ. Проф. Косоротовъ, признавъ также это поврежденіе тяжкимъ, сказалъ, что смерти Андриюши этотъ ударъ вызвать не могъ. Вотъ вы и должны остановиться на томъ, что если убійцы Андриюши желали его только убить, то такъ-ли они дѣйствовали нанеся удары въ голову, употребили ли они особую энергію для того, чтобы съ нимъ покончить раньше, и чѣмъ ихъ дѣйствія при такомъ положеніи нужно объяснить? Вамъ указывалось, что въ области головы имѣется много такихъ мѣстъ, гдѣ достаточно одного укола, и жизнь человѣка кончена. Вотъ надъ этимъ вопросомъ задумайтесь. Сопоставьте тѣ поврежденія, которые были сдѣланы въ голову и тогда придете къ выводу, даютъ ли они основаніе заключить, что энергіи было проявлено настолько, что убійца, нанося ихъ сознавалъ, что долженъ убить Андриюшу, а была проявлена при послѣдующихъ, убойныхъ, такъ сказать, ударахъ въ сердце, легкія и печень. Если вы это разрѣшите отрицательно, т. е., признаете, что поврежденія, нанесенныя въ голову и шею, сами по себѣ не указываютъ на цѣль, проявленную со стороны убійцы, не указываютъ, что убійцы хотѣли его убить; если признаете, что слѣдующіе удары, которые были нанесены послѣ перерыва, и которые болѣе тяжелы, нанесены болѣе сильной рукой, что эти именно удары показываютъ на желаніе покончить съ жертвой, то въ послѣднемъ случаѣ вы согласитесь съ заключеніемъ Косоротова, именно, что здѣсь была цѣль заколотъ ребенка и сдѣлать уколы въ тѣ мѣста, которые даютъ больше крови. Если же вы придете къ тому заключенію, что ударомъ въ голову было желаніе причинить убійство, то тогда должны будете согласиться съ проф. Кадьяномъ. Здѣсь очень много спорили о томъ, нанесена ли рана эта въ голову съ прободеніемъ пазухи черепной, въ послѣдующее время, когда, по мнѣнію Косоротова были наносимы убойные удары или она была изъ первыхъ. Но это уже деталь, надъ которой едва ли представляется надобность вамъ останавливаться. Несомнѣнно, эта рана была серьезная, тяжкая, но она не вызвала сейчасъ же смерти. Если же вы остановитесь на этомъ вопросѣ, то вотъ на чемъ, главнымъ образомъ, должны остановиться. Проф. Кадьянъ говорилъ, что отъ этой раны мальчикъ потерялъ сознание и обезпамятѣлъ, при

этомъ онъ прибавилъ, что въ такомъ состояніи онъ долженъ былъ упасть. Если это такъ, то зачѣмъ же убійцы послѣ этого наносили такую массу ранъ? Собственно говоря, вы задайтесь такимъ вопросомъ: если внѣшній видъ жертвы указывалъ на то, что она безъ памяти, находится въ обморочномъ состояніи, голова разможжена, то при такихъ условіяхъ не специалистъ долженъ былъ придти къ такому убѣжденію, что жертва мертва. Зачѣмъ же послѣ того, какъ жертва упала, понадобилось еще колоть ее и наносить раненія? И такъ: или они преслѣдовали особую цѣль, или же отъ этого удара не было потеряно сознание, и это раненіе въ голову было нанесено впоследствии. Вотъ это вы обсудите, освѣтите себѣ всѣ стороны вопроса, затѣмъ вы остановитесь на этомъ моментѣ, очень важномъ, почему убійцы дѣлали перерывъ, а то, что перерывъ былъ, это точно установлено. На этомъ согласились всѣ эксперты судебной медицины. Я не знаю, понятно ли вамъ, почему эксперты дѣлаютъ такой выводъ, что былъ перерывъ. Вы знаете, что трупъ былъ обезкровленъ. Для того, чтобы изъ раненій вытекала кровь, нужно извѣстное время, и черезъ извѣстное время уже были нанесены тѣ пораненія, которыя отличались отъ первыхъ пораненій и не дали никакихъ слѣдовъ въ смыслѣ кровоподтековъ. Почему эксперты приходятъ къ выводу, что эти раненія были нанесены послѣ перерыва. Вотъ и вы задайтесь вопросомъ, почему убійцы дѣлали перерывъ. Вамъ здѣсь защита пыталась объяснить это тѣмъ, что въ это время по ихъ предположенію одного изъ предполагаемыхъ убійць, Латышева, стошнило. Но для этого прежде всего нужно признать, что онъ былъ тамъ. Затѣмъ, если бы вы признали версію, которая говоритъ, что убійство было совершено въ квартирѣ Чеберякъ, то задумайтесь, возможно ли допустить, чтобы убійцы, заглявши такое злое дѣло, видѣвши передъ собой лежащую жертву, съ которой нужно такъ или иначе раздѣлаться, бросили бы эту жертву и стали бы ухаживать за тѣмъ, котораго рвало. Вдумайтесь хорошенько, могло ли это быть. Вѣдь мы знаемъ, что былъ перерывъ. Значить, былъ перерывъ и текла кровь. Зачѣмъ убійцамъ было допускать, чтобы вытекала кровь? Не проще ли было раздѣлаться однимъ ударомъ съ жертвой и покончить съ ней? Какой

смыслъ былъ у убійцы смотрѣть на слою жертву, мучимую ими, смотрѣть, какъ вытекаетъ кровь. Вы вспомните затѣмъ, что убійцы, нанесшіе эти шейныя поврежденія, вмѣстѣ съ тѣмъ нанесли еще 13 или 14 поврежденій на правую високъ, о которыхъ здѣсь такъ много спорили. Одни говорили, что было 13 уколовъ на високъ, а другіе— что 14. Собственно говоря, разница происходитъ только потому, что одно поврежденіе имѣетъ такой видъ, что его можно принять за одно и за два. Я говорю, что эксперты намъ не дали объясненій, почему убійцы, нанесшіе такія поврежденія Андрюшѣ, потомъ стали дѣлать ему уколы на високъ, въ количествѣ 13 или 14. Какой былъ смыслъ? Но эксперты не дали намъ на это объясненія, и вы должны надъ этимъ задуматься и разрѣшить этотъ вопросъ. Вамъ этотъ вопросъ освѣтили г. прокуроръ и г-г. пов. гражд. истцовъ, они вамъ указывали на эту надпись „Эхадъ“. Вы все это взвѣсьте и придите къ тому или другому выводу, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспомните указаніе, сдѣланное повѣреннымъ гражданскаго истца о томъ, что не проще ли было, вмѣсто того, чтобы наносить 13 уколовъ въ високъ, нанести прямо одинъ ударъ въ такое нѣжное мѣсто, какъ високъ, и сразу покончить съ Ющинскимъ. Если вы придете къ убѣжденію, что въ кругъ желаній убійцы не входило въ самомъ началѣ намѣреніе лишить жизни или причинить жестока, мучительныя страданія мальчику, то вы должны будете согласиться съ заключеніемъ проф. Косоротова о томъ, что дѣломъ была исколотъ ребенокъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда можно было взять больше крови. Если-же вы придете къ противоположному выводу, то вы согласитесь съ выводомъ проф. Кадьяна и проф. Бехтерева, хотя говорю опять, что надо принять во вниманіе, что проф. Бехтеревъ былъ здѣсь въ качествѣ эксперта психико-психологическаго. Затѣмъ, вы должны остановиться на той фактической подробности, которую указалъ вамъ проф. Косоротовъ, это относительно раненія въ шею. Эти раненія, по мнѣнію проф. Косоротова и проф. Кадьяна, дали обильное кровотеченіе, но не выпачкали рубахи съ правой стороны. Проф. Косоротовъ объясняетъ это тѣмъ, что воротъ рубахи въ это время былъ оттянутъ, иначе рубаха должна была быть неспремѣнно запачкана. Вы это взвѣсьте съ

бытовой, жизненной стороны и подумайте, является-ли такое объясненіе эксперта правдоподобнымъ? Если вы признаете это объясненіе понятнымъ,—все эксперты признали, что рубаха не была выпачкана кровью—то опять задайтесь вопросомъ, зачѣмъ-же убійцамъ, находящимся въ состояніи сильнаго раздраженія, нужно было оттягивать воротъ рубахи въ то время, когда наносились пораненія въ шею. Вы остановитесь также на разрѣшеніи вопроса о томъ, зачѣмъ убійцамъ нужно было снимать куртку съ покойнаго Андрюши? Вспомните, что все эксперты признали, что раненія на головѣ были нанесены, когда мальчикъ былъ въ курткѣ, когда-же дошли до остальныхъ раненій на тѣлѣ, тогда сняли куртку. Вы сопоставьте это съ такимъ положеніемъ: можетъ ли человекъ, находясь внѣ себя, снимать со своей жертвы одежду, нанося удары подъ влияніемъ мести, раздраженія, снимаютъ ли куртку? Зачѣмъ это дѣлать? Вамъ указалъ пов. гражд. истца, что находящее куртки, казалось бы, было выгоднымъ для убійцы, такъ какъ куртка была фланелевая или суконная, такъ какъ разъ куртка была снята и оттянута была рубаха, то кровь должна была течь на полъ. Все это взвѣсьте и придите къ тому или другому выводу. Обсудите также, почему убійцы, прождавъ извѣстное время, стали наносить, какъ выразился проф. Косоротовъ, такъ называемые убійныя своей жертвѣ удары, именно, выждавъ то время, когда вытекло изъ мальчика значительное количество крови, причемъ, по объясненію проф. Косоротова, убійцы въ это время поднимали рубаху, такъ какъ только 3 или 4 удара были нанесены черезъ рубаху и слѣды этихъ ударовъ остались на рубахѣ. Остальныхъ дыръ на рубахѣ нѣтъ, слѣдовательно удары наносились по заключенію экспертовъ въ то время, когда рубаха была поднята. Проф. Бехтеревъ въ этомъ отношеніи даетъ объясненія, что до того могли наноситься эти удары, пока Андрюша не показался имъ убитымъ. Потомъ, когда у него появились рефлекторныя движенія, то убійцы, думая, что живъ, начали тыкать въ разныя части тѣла. Причемъ по мнѣнію проф. Бехтерева, рубаха могла и сама подняться отъ движеній.

Вы зададите себѣ съ точки зрѣнія жизни вопросъ, возможно-ли допустить, если

убійство было совершено изъ мести, чтобы первые удары были сравнительно болѣе слабые, чѣмъ вторые,—вѣдь собственно говоря, вторые были уколы. И могъ-ли человекъ, желая мстить, сначала легко ранить жертву, а когда жертва впаала въ обморочное состояніе, и когда явились судороги передъ смертію, и когда наносить удары убойные, сильные, причемъ не одинъ ударъ, а 16? Возможно-ли допустить, чтобы, каково бы ни было положеніе покойнаго Андриуши, лежащее или полустоящее, сама рубаха отъ этихъ подергиваній поднималась и облегчала, такъ сказать, убійцамъ наносить удары. Все это, гг. присяжные засѣдатели, вы взвѣсите и придете къ тому или другому выводу. Если вы придете къ тому выводу, что цѣли въ данномъ случаѣ нанесенія раненій у убійцы не было, не было цѣли съ самаго момента нанесенія раненій лишить сейчасъ-же жизни Андриушу, а что цѣль была исколоть его въ тѣхъ мѣстахъ, которыя даютъ больше крови, а затѣмъ, когда онъ былъ исколотъ и кровь вытекла, были нанесены болѣе тяжкія раненія, которыя вызвали смерть. то вы тогда рѣшите, могли-ли дѣйствовать такъ Сингаевскій, Рудзинскій и другія лица въ квартирѣ Чеберяковой, руководствуясь местию. Сопоставивъ экспертизу съ этими фактически данными и признавъ, что это невозможно, вы должны тогда эту версію откинуть. Если же вы признаете, что это возможно было со стороны Сингаевского, Рудзинскаго и Чеберяковой изъ мести нанести эти поврежденія, то конечно, рѣшивъ такимъ образомъ, вы должны признать, что это убійство могло быть совершенно въ квартирѣ Чеберяковой. Но я говорю, при первомъ положеніи, если вы признаете, что это невозможно, и если признаете, что предположить другое мѣсто, гдѣ могло быть совершенно убійство, по самой фигурѣ Андрея Юпинскаго невозможно, если признаете затѣмъ, что показаніе свидѣтеля Шаховскаго даетъ вамъ полное основаніе заключить, что Андрей былъ въ это время на заводѣ, и сопоставивъ съ показаніями другихъ свидѣтелей, то придете къ несомнѣнному выводу, что это могло быть совершенно только на заводѣ Зайцева. И тогда вы отвѣтите на первый вопросъ: „Да, доказано“. Если же у васъ явится сомнѣніе въ тѣхъ положеніяхъ, которыя развили вамъ прокуроръ и гражданскіе истцы, въ связи съ пояснені-

ями защиты, то на первый вопросъ отвѣтите такъ: „Да, доказано—потому что собственно поврежденій никто не опровергаетъ.—но не на заводѣ, принадлежащемъ хирургической больницѣ и находящейся въ вѣдѣніи Зайцева“. Такъ что вы понимаете, на что вамъ нужно обратить вниманіе въ этомъ вопросѣ. Когда вы разрѣшите первый вопросъ, вы перейдете къ обсужденію виновности Бейлиса, изложенной во второмъ вопросѣ. При обсужденіи виновности его вы примете во вниманіе всѣ тѣ доказательства, которыя вамъ приводилъ г. прокуроръ и повѣренный гражданскаго истца и приводила защита, ихъ всесторонне продумаете, всесторонне взвѣсите и только послѣ глубокаго убѣжденія въ томъ, что это дѣйствительно Бейлисъ, и что именно онъ участвовалъ въ убійствѣ, вы признаете его виновнымъ. Если же у васъ такой увѣренности не явится или явится сомнѣніе, то вы тогда отвѣтите на вопросъ отрицательно. Эти улики противъ Бейлиса сводятся, собственно говоря, къ показаніямъ Людѣ Чеберяковой, затѣмъ Козаченко, Дуни Наконечной, затѣмъ Шаховскихъ, Познякова, Акацатова, Голубева и др. лицъ. Эти улики очень подробно обсуждали вамъ г. прокуроръ и повѣренные гражданскихъ истцовъ. Конечно, самое главное показаніе даетъ Людѣ Чеберякова, дѣвочка, которая каталась на мячѣ вмѣстѣ съ покойнымъ Андриушей передъ тѣмъ, какъ по ея удостовѣренію, его схватилъ Мендель Бейлисъ и потащилъ куда-то. Остальные показанія являются собственно говоря косвенными уликами. Онѣ прямо не указываютъ на Менделя Бейлиса, но такъ или иначе толкуемая, при сопоставленіи, доказываютъ виновность Менделя Бейлиса. Эти улики вамъ подробно разобралъ г. прокуроръ и г. повѣренный гражданскаго истца г. Замысловскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если вы признаете, что это убійство было совершенно на заводѣ Зайцева, то вы должны будете обсудить и то положеніе, могло ли быть это убійство совершенно безъ участія Бейлиса. Обсудивъ всѣ эти улики, взвѣсивъ ихъ, вы по вашему глубокому убѣжденію придете къ тому или другому выводу. Здѣсь вамъ представляются главнымъ образомъ косвенныя улики. Конечно, для судьи гораздо легче разбираться въ прямыхъ уликахъ. Законъ нашъ прямыми уликами считаетъ сознаніе подсудимаго, поличное, показаніе

свидѣтелей очевидцевъ. Въ данномъ случаѣ такимъ показаніемъ является до извѣстной степени показаніе только Луды Чеберяковой. Отъ того, признаете ли вы это показаніе достовѣрнымъ или нѣтъ, будетъ зависѣть ваше рѣшеніе по настоящему дѣлу. Но у васъ въ распоряженіи есть много косвенныхъ уликъ, которыя разобралъ вамъ г. прокуроръ и повѣренный гражданскаго истца. Каждый судья, разрѣшая дѣло, не можетъ остановиться только на прямыхъ уликахъ. Ясно, что всякая прямая улика гораздо больше убѣждаетъ судью въ виновности подсудимаго, чѣмъ косвенная. Косвенныя улики главнымъ образомъ и бывають въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя совершаются по предвѣстительному соглашенію, потому что, разъ лицо совершаетъ преступленіе по обоюдному соглашенію, то оно больше обдумываетъ планъ своихъ дѣйствій, болѣе предусмотрительно къ тому, чтобы устранить отъ себя тѣ или другія доказательства. Но разъ существуютъ только косвенныя улики, судья не можетъ уклониться отъ обсужденія ихъ. Косвенныя улики, какъ сказалъ одинъ изъ блестящихъ юристовъ, есть камешки, которые судья долженъ кропотливо и старательно прикладывать другъ къ другу. Если изъ этого составленія выйдетъ извѣстная фигура, которая убѣждаетъ въ виновности подсудимаго, преданнаго суду, то судья можетъ его осудить. Но если, складывая эти камешки, изъ нихъ ничего не выходитъ, если не выходитъ полнаго контура, судья долженъ сказать—этихъ косвенныхъ уликъ недостаточно и моя совѣсть не можетъ сказать, что онъ виновенъ. Гг. присяжные засѣдатели, приступите и вы такъ по настоящему дѣлу: вы обсудите все и въ виду серьезности дѣла особенно вдумчиво и внимательно, отбросивъ все то, что не считаете возможнымъ признать, за чѣмъ не можете признать доказательной силы. Если, отбросивъ это и сопоставивъ все, вы придете къ убѣжденію, что Бейлисъ виновенъ, вы осудите его. Если же придете къ убѣжденію, что то, что произошло, не даетъ права вашей совѣсти сказать съ полной увѣренностью, что Бейлисъ виновенъ, вы его оправдаете. При этомъ, обсуждая, вамъ придется остановиться на показаніяхъ свидѣтелей и попутно обсуждать показанія каждого свидѣтеля, на которомъ вы такъ или иначе

будете останавливать свое вниманіе. Долгъ судьи обсудить каждаго свидѣтеля всесторонне и взвѣсить, насколько этотъ свидѣтель говоритъ правду, насколько онъ достовѣренъ. Часто извѣстное противорѣчіе свидѣтеля объясняется его невольностью, конфузливостью, его ненаходчивостью, растерянностью, но этого не можетъ ставить свидѣтелю въ вину судья, ибо онъ долженъ взвѣсить все это и по внутреннему содержанію показаній свидѣтеля оцѣнить его. Гг. присяжные засѣдатели, въ письмѣ Феофилактова и въ показаніяхъ под. Иванова есть указанія, касающія извѣстную тѣнь на нѣкоторую категорию свидѣтелей. Это то, что они получали деньги, стараясь такъ или иначе. Подолж. Ивановъ намъ заявилъ, что въ жандармскомъ управленіи есть отдѣленіе, гдѣ находятся опредѣленные секретныя свѣдѣнія, за достовѣрность которыхъ онъ ручается, о томъ, что Бразуль-Брушковскій, Красовскій, Махалинъ и Караевъ получали извѣстное вознагражденіе за свои дѣйствія. Подп. Ивановъ намъ сказалъ, что по долгу службы онъ не можетъ сказать, откуда эти свѣдѣнія и какъ совершенно правильно замѣтила защита, намъ важно все-таки знать источникъ происхожденія этихъ свѣдѣній. Но хотя и было это сказано, но судья недостаточно еще знаетъ, что свидѣтель былъ подкупленъ, судья долженъ взвѣсить всю обстановку, при которой показывалъ свидѣтель, долженъ взвѣсить всю его дѣятельность, все его дѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Если онъ покажется подозрительнымъ и если это показаніе подп. Иванова на васъ произвело впечатлѣніе, то свой выводъ въ данномъ случаѣ судья въ правѣ подкрѣпить тѣмъ показаніемъ, которое далъ подп. Ивановъ въ смыслѣ полученія свидѣтелемъ денежнаго вознагражденія. Но если самое показаніе свидѣтеля на судью производитъ впечатлѣніе достовѣрности, въ которомъ онъ усомниться не можетъ, то, конечно, такое заявленіе подп. Иванова должно вызывать большую осторожность къ показаніямъ этого свидѣтеля и вызвать извѣстное сомнѣніе въ правильности его показаній, но не можетъ окончательно рѣшить вопроса о полной недостовѣрности свидѣтеля. Здѣсь оглашалось вамъ письмо Феофилактова, въ которомъ точно указано, что за трудъ Караевъ долженъ полу-

чить 5000 руб. Какъ обвинить его пись-
мо, это дѣло внутренняго убѣжденія. Об-
суждая виновность Бейлиса, вы должны
всѣ эти частные вопросы обсудить въ томъ
смыслѣ, доказано или не доказано и при
недоказанности ихъ отклонить. Законъ обя-
зываетъ меня сдѣлать вамъ эти указанія.

Здѣсь указывается въ такой формѣ:
Бейлисъ обвиняется въ томъ, что заранѣе
задумалъ совершить убійство по согла-
шенію съ другими лицами---обвиняется въ
убійствѣ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣре-
ніемъ. Если вы, признавъ виновность Бей-
лиса, пришли къ заключенію, что да, убій-
ство было, но не доказано, что оно было
заранѣе обдумано, тогда этотъ признакъ
вы можете отвергнуть и тогда получится
простое умышленное убійство, за которое
полагается наказаніе, смотря по тому,
отвергнете ли вы еще другой признакъ
или нѣтъ, отъ 10 до 20 лѣтъ каторги.
Затѣмъ, если бы вы остановились на во-
просѣ, вызвано ли преступленіе желаніемъ
причинить мучительныя страданія и если-
бы вы пришли къ заключенію, что въ
планѣ преступленія не входило это му-
чительство, а что это мучительство поя-
вилось, какъ послѣдствіе нанесенія пора-
женій, то и этотъ признакъ вы должны
отклонить, потому что только то, что мо-
жетъ входить въ планъ дѣйствій преступ-
ника, только то и должно быть принято.
Если вы отвергнете и это обстоятельство,
а признаете его виновнымъ въ простомъ
убійствѣ, то по закону это преступленіе
наказывается каторгой отъ 8 до 15 лѣтъ.

Кромѣ того, вы, конечно, обратите вни-
маніе и на мотивы, о которыхъ спрашива-
ется второй вопросъ, т. е. были-ли здѣсь
побужденія религіознаго изувѣрства. Если
вы признаете, что дѣлю убійства маль-
чика было, чтобы изъ него вытекала кровь,
если вы признаете обстоятельство, о кото-
ромъ говорил г. прокуроръ и гражданскій
истецъ. — что эта кровь собиралась, и
если вы придете къ тому выводу, что,
разъ убійцѣ нужно было, чтобы у жертвы
вытекла кровь,—а въ этомъ удовольствія,
конечно, убійцы не могли видѣть, потому,
что это совершили не сумасшедшій, не безу-
мецъ. если вы придете къ тому выводу, то
согласитесь съ доводами и г. прокурора и
гражданскихъ истцовъ о томъ, что это
былъ фанатикъ еврей, къ которымъ при-
надлежитъ Бейлисъ, по тѣмъ соображе-

ніямъ, которыя выставляли г. прокуроръ
и гражданскій истецъ, что Бейлисъ могъ
быть въ томъ состояніи фанатизма и они
могли придти къ этому на основаніи тѣхъ
послѣдованій, которыя здѣсь происходи-
ли; если вы придете къ этимъ же выво-
дамъ, что именно эти мотивы религіозна-
го изувѣрства вызвали это преступле-
ніе, то вы должны признать его виновнымъ.
Если вы придете къ выводу, что другой
мотивъ не могъ руководить Бейлисомъ, кро-
мѣ мотива религіознаго изувѣрства, но
если признаете, что мотивы эти не доказа-
ны, то по закону можете также ихъ от-
вергнуть. При этомъ долженъ объяснить,
что мотивы побужденія не входятъ, какъ
законный признакъ, въ составъ преступ-
ленія, они только объясняютъ преступле-
ніе и входятъ въ фактическую сторону
дѣянія. Такимъ образомъ, въ смыслѣ от-
вѣтственности, это не играетъ роли. Но
если картина преступленія такова, что
здѣсь другого мотива нельзя предпо-
ложить, какъ тотъ, о которомъ вамъ гово-
рилъ здѣсь и г. прокуроръ и повѣренные
гражданскихъ истцовъ, и вы согласитесь
съ ними, то вы признаете наличность его.
Если же, наоборотъ, вы придете къ тѣмъ
выводамъ, которые представляла защита,
то вы отвергнете его, и въ такомъ слу-
чаѣ, если признаете, что улики, приве-
денныя противъ Бейлиса, недостаточны,
признаете его оправданнымъ.

Еще долженъ сказать вамъ о нѣкото-
рыхъ чисто фактическихъ обстоятель-
ствахъ и поправкахъ, которыя несомнѣнно
вами будутъ приняты во вниманіе при
обсужденіи дѣла. Здѣсь, во-первыхъ, мно-
го говорилось о наволочкѣ, которая яв-
лялась какъ-бы доказательствомъ того, что
убійство совершено въ квартирѣ Чебе-
рякъ. Мы слышали отъ экспертовъ, что эта
наволочка никакой непосредственной ро-
ли въ убійствѣ не принимала. Ею не за-
жимали ротъ, но на ней остались кро-
вяныя помарки, такъ что можетъ быть,
какъ эксперты говорятъ, ею вытирали.
Вамъ защита говорила, что эта наволочка
играетъ роль въ томъ смыслѣ, что яв-
ляется доказательствомъ, что убійство бы-
ло совершено въ квартирѣ Чеберякъ ея
компаніей. Это вамъ придется обсудить.
Собственно говоря, эта доказательная сила
главнымъ образомъ зиждется на показа-
ніяхъ свидѣтельницы Дьяконовой. Все это

зависитъ отъ того, какъ вы оцѣните эти показанія, признаете ихъ достовѣрность или не признаете. вмѣстѣ съ тѣмъ вы должны вдуматься и въ то, возможно ли по такому куску признать, что эта вещь принадлежитъ опредѣленному лицу и признать еще черезъ два года съ лишнимъ, послѣ того, какъ было совершено преступленіе. Выводъ въ этомъ отношеніи опять-таки вамъ покажетъ вашъ житейскій опытъ. Защита ставила въ укоръ судебному слѣдователю, что эта наволочка не была предъявлена на предварительномъ слѣдствіи. Вамъ подробно объ этомъ говорилъ г. прокуроръ и этого касались гражданскіе истцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ вамъ напомнить и то обстоятельство, что на предварительномъ слѣдствіи онѣ обѣ заявили, что вензеля на наволочкахъ у Чеберяковой были вышиты красной ниткой, что тамъ не было ни черныхъ, ни синихъ нитокъ; поэтому, г. прокуроръ дѣлаетъ выводъ, что слѣдователь и не считалъ нужнымъ предъявлять эту наволочку. Вѣдь вы помните, что это были швейки, это были специалистки своего дѣла, это не то, что если-бы вамъ сказали—посмотрите на мѣтки и узнайте. Далѣе вспомните и показаніе Гаевской, которая категорически удостовѣряла, что проживъ въ квартирѣ Чеберяковой до конца февраля, она у нея никакихъ наволочекъ на подушкахъ не видѣла. Вы сопоставьте ея показаніе съ этимъ кускомъ наволочки, затѣмъ сдѣлайте тотъ или другой выводъ и, кромѣ того, вспомните заключеніе экспертовъ, что этой наволочкой не зажимался ротъ покойнаго. Но въ такомъ случаѣ, если эта наволочка непосредственнаго участія въ дѣлѣ не принимала, то зачѣмъ же было Чеберяковой въ такомъ случаѣ рвать наволочку съ подушки и отрывать отъ нея кусокъ. Затѣмъ здѣсь говорилось о ботинкахъ. Говорилось, что ботинки, яко бы, Андрюши носила какая-то дѣвочка, родственница Чеберяковой, и это видѣли на Лукьяновкѣ. Мы это проверили. Собственно говоря, я припоминаю вамъ, какъ это вышло въ концѣ концовъ. Оказалось такъ, что послѣ убійства Екатерина Дьяконова видѣла ботинки у Равичъ. Ботинки недомѣрокъ, мужской, а затѣмъ она увидѣла на дѣвчкѣ, родственницѣ Чеберяковой тотъ же недомѣрокъ и спросила дѣвочку — зачѣмъ это мужскія

ботинки, чьи это ботинки? И та отвѣтила, что это Женины, но Екатерина Дьяконова сказала, — а не Андрюшины ли это ботинки? Тогда Чеберякова ей отвѣтила — „какія ты глупости говоришь!“ Вотъ, собственно говоря, всѣ фактическія данныя объ этихъ ботинкахъ, которыя здѣсь приводились. Затѣмъ вамъ говорилось о волосахъ, четырехъ волосахъ, которые были найдены на кальсонахъ покойнаго Андрюши. Здѣсь тоже эксперты вамъ сказали, что собственно по ихъ мнѣнію эти волосы не имѣютъ значенія, что они могли найтись и въ глинтѣ, когда потомъ мальчика Андрюшу втаскивали въ пещеру, такъ тамъ вмѣстѣ съ глиной они могли примѣшаться и остаться на подштаникахъ Андрюши. Но такое мнѣніе экспертовъ не можетъ для васъ имѣть рѣшающаго значенія — можетъ быть такъ, а можетъ быть и не такъ. Защита указывала, что въ данномъ случаѣ былъ промахъ — почему не изслѣдовали волосъ Сингаевского, Рудзинскаго и Латышева, но экспертъ Туфановъ вамъ сказалъ, что эти волосы по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ даже почти увѣренно сказалъ, что они изъ бороды. Вы слышали здѣсь показаніе Екатерины Дьяконовой, когда ей предъявили фотографическія карточки Сингаевского, Рудзинскаго и Латышева, то она узнала, назвала фамиліи и сказала, что это именно оны. А на вопросъ, не знаю кѣмъ предложенный, сторонами или мною, что эти лица находились въ томъ же видѣ, были безъ бородъ или съ бородами, когда она съ ними встрѣтилась — она отвѣтила, что они были безъ бороды. Такимъ образомъ предъявлять на изслѣдованіе волосы слѣдователю едва ли представлялось возможнымъ. Затѣмъ я долженъ сдѣлать поправку неточности, допущенной со стороны защиты. Собственно говоря, волосы эти были не темно-русые, а какъ сказано въ протоколѣ, „темные“, почти черные. Затѣмъ вамъ указывали относительно ковра. По нѣкоторымъ версіямъ коверъ этотъ тотъ самый, въ который Чеберякова завернула трупъ покойнаго Ющинскаго, и защита спрашивала, почему этотъ коверъ не приведенъ въ качествѣ вещественнаго доказательства. Вамъ здѣсь очень обстоятельно объяснялъ прозекторъ Туфановъ, какъ онъ изслѣдовалъ этотъ коверъ, онъ говорилъ вамъ здѣсь, что онъ разсматривалъ его черезъ

ду, и все, что было сомнительного, онъ вырѣзалъ и изслѣдовалъ микроскопическимъ способомъ, но тамъ крови не оказалось. Затѣмъ здѣсь вамъ говорили о томъ, что не была изслѣдована глина въ сараѣ, принадлежащемъ Чеберяковой. Слѣдователь видимо не призналъ надобности въ изслѣдованіи этой глины. Вдумайтесь, представлялась ли надобность въ изслѣдованіи этой глины? Въдь по той версии, если убійство было совершено въ квартирѣ Чеберяковой, какъ полагаетъ по крайней мѣрѣ защита, если на квартирѣ, то при чемъ же тутъ глина. Вамъ здѣсь экспертъ Косороговъ говорилъ, что тамъ осталась глина.

Послѣ перерыва.

Предсѣдатель. Господа присяжные засѣдатели, я долженъ остановить ваше вниманіе дальше, относительно глины, о которой говорилось здѣсь, и указывалось на то, почему не была изслѣдована глина изъ сарая Чеберяковой. Вы вспомните этотъ сарай, вы его видѣли. Вспомните показанія Балавина, квартиранта, который намъ категорически удостовѣрилъ, что еще до убійства сарай съ погребомъ уже не находился во владѣніи Чеберяковой, а у нея былъ именно тотъ, на который намъ указывалось. Вы вспомните его размѣры, вы вспомните заключеніе экспертовъ Косорогова и Кадьяна. Экспертъ Косороговъ признавалъ, что убійство это было совершено въ нежиломъ помѣщеніи, потому, что глина пропиталась кровью, т. е. на сорочкѣ, на фуфайкѣ и на курткѣ были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была глина, помарки. Въ этомъ отношеніи вы вспомните и заключеніе проф. Кадьяна. Проф. Кадьянъ намъ говорилъ, что такого рода помарки или пропитываніе глины могло получиться и потомъ, именно, если трупъ былъ до 12 часовъ перенесенъ въ мѣсто, гдѣ находилась глина. И, такъ какъ кровь въ теченіе 12 часовъ не высыхаетъ, то здѣсь кровь смѣшалась съ глиной. Вы сопоставьте это и припомните, что, если даже пойти по пути проф. Кадьяна, то выйдетъ такъ: значитъ, трупъ былъ вынесенъ до 12 часовъ послѣ убійства, причѣмъ такъ какъ помарки были на рубашкѣ, то вы обсудите, и если кровь не высохла, то вы можете придти къ выводу, что трупъ выносился открытымъ. Только при такомъ положеніи, вы, обсудивши это, можете

придти къ тому или иному выводу, и обсудите, возможно ли убійцамъ, не закрывши трупа, выносить его, могъ ли быть мѣстомъ совершенія убійства сарай? Затѣмъ, я сдѣлаю двѣ поправки къ неточностямъ, допущеннымъ въ рѣчахъ защитниковъ, именно, присяжнымъ повѣреннымъ Грузенбергомъ, на которую я указывалъ еще во время судебного засѣданія, именно относительно бумажекъ съ проколами. Г. защитникъ указывалъ вамъ, что объ этихъ бумажкахъ Чеберякова говорила, что этими бумажками играли возчики въ почту, это не совсѣмъ точно. Собственно говоря, это было въ показаніи на предварительномъ слѣдствіи, но, такъ какъ оно оглашено, то я считаю нужнымъ установить, что Чеберякова говорила не то, что возчики играли въ почту, а что такія бумажки она видѣла у возчиковъ при расчетѣ у рабочихъ, когда они уходили съ завода. Затѣмъ, одно неточное заявленіе присяжнаго повѣреннаго Карабчевскаго. Карабчевскій вчера вамъ, въ своей защитительной рѣчи заявилъ, что мать покойнаго, Приходько, отказывалась отъ гражданскаго иска. Не хотѣла выдавать довѣренности, и что Голубеву она отказала. Это, — по заявленію Голубева. Вы вспомните показаніе свидѣтеля Голубева. Голубевъ говорилъ, что въ первый разъ она поѣхала съ нимъ, чтобы выдать довѣренность, но тамъ не хватило бумагъ и довѣренность не была выдана, а во второй разъ, когда онъ пріѣхалъ, Приходько не хотѣла ѣхать, говорила, что у нее былъ какой-то господинъ, который грозилъ ей, что, если она выдастъ довѣренность, то ей будетъ плохо. И это произвело на нее такое впечатлѣніе, что она раздумала выдавать довѣренность. Это такого рода фактическое обстоятельство, которое я счелъ нужнымъ поправить. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, вы остановитесь и на экспертизѣ духовной. Здѣсь защита говорила, что эта экспертиза, какъ будто совершенно ненужна и излишня. Долженъ вамъ сказать, что на судѣ ничего лишняго не допускается, а допускается только все то, что необходимо для разъясненія дѣла и здѣсь была допущена эта экспертиза для того, чтобы выяснитъ, нужна ли фанатику при извѣстномъ соображеніи, при извѣстномъ фанатизмѣ, при извѣстной страстности, для какаго рода изувѣрскаго преступленія, живая жертва,

въ видѣ лица, въ видѣ живого существа, въ видѣ ребенка. Вамъ здѣсь говорили, что вы разрѣшаете въ этомъ случаѣ мировой вопросъ. Господа присяжные засѣдатели, это совершенно невѣрно. Никакихъ мировыхъ вопросовъ въ судѣ не разрѣшается, судья не можетъ разрѣшать мирового вопроса, онъ разрѣшаетъ вопросъ даннаго дѣла. Вотъ, собственно говоря, тотъ пунктъ, который вамъ предложенъ во второмъ вопросѣ, и вамъ нужно его разрѣшить только съ точки зрѣнія даннаго дѣла, исключительно даннаго дѣла... Если вы согласитесь съ тѣми выводами, которые вамъ вывели прокуроръ и гражданскій истецъ Шмаковъ, то вы тогда признаете, что такіе фанатики могутъ быть, что такіа изуверскія преступленія бывають. Если же вы согласитесь съ доводами защиты, то, конечно, вы это отвергните. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, все то, что я считалъ нужнымъ сказать по фактическимъ обстоятельствамъ дѣла. Опять повторяю, что такіа указанія о фактическихъ обстоятельствахъ дѣла законъ обязываетъ меня дать, но они для васъ никакого значенія, въ смыслѣ руководства безспорнаго, обязательнаго не имѣютъ. Вы съ этимъ можете считаться или нѣтъ, вы рѣшаете все по собственному убѣжденію, по внутренней совѣсти. Принявши всѣ обстоятельства дѣла во вниманіе, вы разрѣшите вопросъ такъ или иначе. Еще здѣсь много говорилось о слухахъ, о молвѣ... Это вы, гг. присяжные засѣдатели, совершенно отбросьте — это никуда негодное обстоятельство и законъ съ ними не считается. Говорилось о томъ впечатлѣніи, которое производило на подсудимаго Бейлиса то или другое обстоятельство дѣла, о впечатлѣніи, которое производили здѣсь свидѣтели своей внѣшностью. Это тоже не доказательство, это тоже нужно отбросить, такъ какъ, если судья съ этимъ будетъ считаться, то онъ можетъ впасть въ ошибку, а судья долженъ, прежде всего, заботиться о томъ, чтобы въ ошибку не впасть и принимать во вниманіе только доказательства. Итакъ, гг. присяжные засѣдатели, вы меня поняли. Если сведя все воедино, вы признаете, что это убійство было совершено при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя изложены въ первыхъ вопросахъ, то вы отвѣтите — да, доказано. Если вы признаете, что это убійство было соверше-

но въ заводѣ, то вы скажите: да, доказано, но не на заводѣ, находящемся въ заводчаніи Зайцева. Второй вопросъ, — если вы признаете всѣ признаки, которые здѣсь имѣются и признаете вину Бейлиса, то вы отвѣтите: да, виновенъ. Если вы нѣкоторые признаки — объ обдуманности — откинете, то отвѣтите: да, виновенъ, но не заранѣе обдумавъ и согласившись съ другими лицами. Если вы признаете, что эти поврежденія, хотя и мучительны, но не вызывали мучительныхъ страданій, то вы отвѣтите: да, но не вызвали мучительныхъ страданій. Если вы признаете мотивъ другой, то-есть, побужденіе другое, а не религиозное изуверство, то вы отвѣтите: да, виновенъ, но безъ религиознаго изуверства. Долженъ вамъ сказать, что отвѣчая на первый вопросъ, вы еще дѣло не разрѣшаете по существу. Вы признаете только самое событіе преступленія. Только при разрѣшеніи второго вопроса, вы разрѣшаете виновность Бейлиса. Сказавъ на первый вопросъ — да, доказано, вы все-таки не разрѣшили виновность Бейлиса. Затѣмъ, если вы признаете Бейлиса виновнымъ, то вы должны обсудить еще вопросъ о снисхожденіи, обсудить данныя, которыя имѣются въ этомъ дѣлѣ — вызывающія снисхожденіе. Если тѣ обстоятельства, которыя прошли передъ вами не приводятъ васъ къ заключенію о виновности Бейлиса, то вы отвѣтите—нѣтъ.

Порядокъ совѣщанія таковъ: законъ стремится къ тому, чтобы каждое дѣло было рѣшено единогласно, но законъ не можетъ этого достигъ, такъ какъ трудно рассчитывать, чтобы всѣ были одного и того же убѣжденія. Поэтому, каждый вопросъ рѣшается по закону большинствомъ голосовъ. Значить, въ данномъ случаѣ, если семь противъ пяти будутъ за виновность, то вы скажете: да, виновенъ, а если семь противъ пяти будутъ противъ виновности, то скажете: нѣтъ, не виновенъ. Затѣмъ, если поровну голоса раздѣляются -- значить нѣтъ, не виновенъ. Всякая недомолвка, всякое сомнѣніе — въ пользу подсудимаго. Старшина руководитель въ вашемъ совѣщаніи, но его голосъ не имѣетъ перевѣса, его голосъ считается наравнѣ съ другими. Я долженъ вамъ сказать, что удаляясь въ совѣщательную комнату, вы должны быть безстрастными, забыть ту страстность, которая иногда проявлялась

въ процессѣ. Для судьи эта страстность невозможна. Онъ долженъ быть покоенъ, и обсудивши все долженъ придти къ такому-то убѣжденію. Здѣсь много говорилось объ еврействѣ — это вы все забудьте. Вы рѣшаете судьбу Бейлиса. Говорятъ, что это дѣло имѣетъ мировое значеніе — это все равно для судьи. Для судьи всякое дѣло важно потому, что всякое дѣло, какъ бы оно ни было ничтожно по наказанію, оно всегда для подсудимаго очень важно. Судья долженъ сосредоточиться. Важность той обязанности, которую вы призваны исполнять, должна быть руководящимъ стимуломъ вашей дѣятельности. Забудьте то, что вы слышали объ этомъ дѣлѣ, то, что вы читали объ этомъ, пока не были въ судѣ. Забудьте тѣ разговоры, которые были за или противъ. Вы должны судить только по тому, что здѣсь было передъ вашими глазами, по тому матеріалу, который вамъ здѣсь предоставлялся и только подъ влияніемъ его вы должны разрѣшить это дѣло. Будьте справедливы, безпристрастны и совершенно спокойны. Повторяю, никакого возбужденія, никакой страстности въ дѣло не вносите. Вы разрѣшаете дѣло объ убійствѣ, и вамъ нужно руководиться данными именно по отношенію къ этому дѣлу. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

Предсѣдатель, передавъ листъ съ вопросами, приглашаетъ присяжныхъ удалиться съ совѣщательную комнату для обсужденія вердикта.

Присяжные удаляются.

Возраженіе Грузенберга.

Груз. Защита ходатайствуетъ передъ судомъ о дополненіи къ предсѣдательскому резюме, по слѣдующимъ вопросамъ: 1) Говоря о промежуткѣ въ 5—7 минутъ, когда стекала кровь, предсѣдатель указалъ, что никто изъ экспертовъ не возражалъ Косоротову. Я докладываю суду, что въ этомъ отношеніи Кадьянъ отвѣтилъ, что за эти 5—7 минутъ, вѣроятно, можно было наносить промежуточные раны. Затѣмъ, можетъ быть, въ это время снимали куртку, платье, штаны. Эти два обстоятельства: нанесеніе промежуточныхъ ранъ и снятіе одежды, требовали этихъ самыхъ 5—7 минутъ 2) Опровергая показанія защиты, въ данномъ случаѣ, что въ протоколѣ проф. Оболенскаго, подписаномъ док-

торомъ Туфановымъ, относительно головныхъ ранъ, имѣются несогласія съ тѣмъ, что было на судебномъ слѣдствіи, предсѣдатель изволилъ указать, что защита ошиблась, говоря, что это удары были смертельные. Защита имѣетъ доложить, что въ дѣлѣ имѣется написанное заключеніе Оболенскаго. Засимъ, одинъ изъ ударовъ, касавшихся теменной части, гдѣ синусъ располагается, т. е. тотъ ударъ, который могъ бы вызвать потерю памяти, по мнѣнію покойнаго проф. Оболенскаго, былъ въ числѣ первыхъ ударовъ, а Косоротовъ сказалъ, что онъ отказывается отъ своего прежняго заключенія, и такимъ образомъ, расходится съ тѣмъ, что говорилъ Оболенскій, и говорить, что этотъ ударъ, который долженъ былъ вызвать потерю сознания, вѣроятно, былъ нанесенъ впоследствии, когда, послѣ нѣсколькихъ уколовъ въ голову, были нанесены уколы въ високъ, шею и въ разныя мѣста головы. Я тогда указывалъ, что Оболенскій призналъ, что это были первые удары, вслѣдствіе которыхъ была потеря памяти. Кто же наносилъ удары: убійцы, которые хотѣли покончить, или они наносили ихъ съ другой цѣлью? 3) Говоря о значеніи 13 легкихъ уколовъ на високѣ, предсѣдатель сказалъ дословно слѣдующее: вы сопоставьте это съ заявленіемъ гражданскаго истца о значеніи числа 13 въ связи со словомъ: „эхаль“. Но предсѣдатель ни слова не сказалъ о томъ, что объ этихъ 13 уколахъ были спрошены всѣ 5 экспертовъ, съ одной стороны, Пранайтисъ, а съ другой стороны, проф. Коконцевъ, Троицкій, Тихомировъ и равнинъ Мазе. Они давали заключенія по вопросу о значеніи 13 уколовъ и о значеніи слова „эхаль“. Объ этомъ предсѣдатель ничего не упомянулъ, и мало того, говоря о духовной экспертизѣ, предсѣдатель сказалъ, „что ничего лишняго не бываетъ на судѣ“, но не противопоставилъ соображенія экспертовъ одного противъ четырехъ. Слѣдовательно, когда онъ описывалъ 13 уколовъ, когда онъ ссылался на заявленіе гражданскаго истца, онъ не упомянулъ объ экспертахъ въ числѣ 5 лицъ. Относительно наволочки г. предсѣдатель сказалъ, что экспертъ (Косоротовъ) отвѣтилъ, что этой наволочкой не затыкался ротъ, и прибавлено было въ резюме: затыкъ было, тогда Чеберяковой рвать наволочку съ подушки. Прошу дополнить ре-

этомъ слѣдующимъ: экспертъ Косоротовъ, на мой вопросъ, отвѣтилъ, что наволочка эта могла понадобиться для того, чтобы вытереть окровавленные руки, и даже прибавилъ, что, когда переносили трупъ въ пещеру, то могли быть помарки отъ ступки крови, которая стала свертываться, имъ надо было гнуть же въ пещерѣ вытереть руки. Объ этомъ въ резюме ни слова нѣтъ. Затѣмъ, относительно волосъ: сказано было, что волосы почти черные, но, какъ видно изъ заключительнаго слова протокола, съ изложеніемъ заключенія Туфанова тамъ сказано, что „волоса темно-русые“, а у подсудимаго черные. Вотъ конецъ послѣдней строчки (читаетъ), подтверждаетъ эти слова, или, можетъ быть, мы получили невѣрные копій. Говоря о сараѣ, предсѣдатель указалъ: „вы обсудите, долженъ ли былъ слѣдователь осматривать сарай, если сама защита полагаетъ, что убійство совершено въ квартирѣ“. Защита проситъ дополнить резюме въ слѣдующемъ направленіи: что защита объясняла, что до наступленія ночи, спустя 10 часовъ, они могли вынести, какъ онъ былъ, и положить въ сарайчикъ, гдѣ не было пола, а была почва глинистая. Затѣмъ, о письмѣ Феофилактова. Говоря о подкупѣ, или о выдачѣ денегъ нѣкоторымъ свидѣтелямъ, согласно показанію Иванова, было указано, что въ письмѣ Феофилактова показано, что 5,000 были обѣщаны Караеву. Защита проситъ дополнить указаніемъ на то, что въ письмѣ Феофилактова высказывается только предположеніе, и Караевъ пишетъ: „Объясните, я не хочу, не могу этому вѣрить“. Затѣмъ, сопоставьте это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ письма, которое самъ прокуроръ называлъ замаскированнымъ, непонятнымъ, неяснымъ, которое приходится расшифровывать, что авторъ этого письма на предварительное слѣдствіе не вызывался, всѣ находили письмо загадочнымъ, и въ судѣ автора его не вызывали. Вотъ мы просимъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дополнить резюме предсѣдателя.

Шмаковъ. Во-первыхъ, нѣтъ возможности исчерпать всѣхъ обстоятельствъ въ резюме предсѣдателя. Во-вторыхъ, г. Грузенбергъ слушаетъ и смѣшиваетъ. И, наконецъ, г. предсѣдатель не имѣлъ возможности коснуться всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ имѣть значеніе

въ судебной практикѣ. Въ частности, не было отмѣчено того, что эта тряпочка не извѣстно откуда происходитъ, и прокуроръ указываетъ, что она могла находиться въ пещерѣ.

Предс. Судъ удаляется на совѣщаніе для обсужденія ходатайства защиты.

Проходитъ 10—15 минутъ. Выходитъ судъ.

Предс. (къ судебному разсыльному). Приглашайте присяжныхъ. (Движеніе среди гражданскихъ истцовъ).

Шмаковъ проситъ слова.

Предс. приказываетъ задержать присяжныхъ въ совѣщательной комнатѣ.

Шмаковъ. Мнѣ думается, что настоящій вопросъ не можетъ имѣть другого значенія, ибо дополненіе по существу совершенно невозможно. Если защита будетъ ходатайствовать, то и мы съ своей стороны будемъ ходатайствовать. Въдѣ резюме г. предсѣдателя не можетъ исчерпывать всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и если г. предсѣдатель позволилъ упустить какое-нибудь формальное требованіе закона,—я понимаю, но въ данномъ случаѣ этого нѣтъ. Кромѣ того, мы не знаемъ, въ какомъ положеніи находится совѣщаніе присяжныхъ засѣдателей, можетъ быть вопросъ уже рѣшенъ? Какъ же его теперь дополнять?

Замысл. Я не понялъ о чемъ шла рѣчь. Я понялъ заявленіе защиты въ томъ смыслѣ, что защита проситъ о занесеніи въ протоколъ нѣкоторыхъ данныхъ судебного слѣдствія, дабы сопоставить ихъ съ резюме и потомъ дѣлать разные выводы въ кассационномъ порядкѣ. Вотъ какъ я понялъ. Но чтобы по указанію защиты дополнять резюме предсѣдателя извѣстными фактическими обстоятельствами,—это заявленіе прямо не слыханное. Я никогда ничего подобнаго не слыхалъ. Это значитъ, что защита будетъ указывать г. предсѣдателю, какія фактическія обстоятельства включать въ резюме. Тогда позволяте, дайте и намъ время мы возьмемъ все дѣло и потомъ укажемъ вамъ сотни фактическихъ обстоятельствъ, скажемъ: г. предсѣдатель, потрудитесь говорить объ этомъ-то въ вашемъ резюме, будьте добры говорить о сотнѣ фактическихъ обстоятельствъ, которыя интересны намъ. Это совершенно невозможное положеніе вещей, это совершенно не-

слышанная вещь, это полное искаженіе уголовнаго процесса! Какъ можно навязывать председателю, что ему говорить, что докладывать? Я понимаю, если председатель упустилъ какую-нибудь формальную подробность, упустилъ сказать то, что можетъ дать сведѣніе, упустилъ извѣстные юридическіе признаки, вотъ объ этихъ юридическихъ признакахъ можно просить. Председатель полный хозяинъ того, въ какой подробности излагать фактическія обстоятельства и никто его контролировать не можетъ. Судъ не можетъ контролировать председателя въ этомъ отношеніи. Это чисто единоличное отношеніе председателя, хочеть—онъ разбираеть всѣхъ свидѣтелей, хочеть—половину, хочеть—совсѣмъ не касается свидѣтелей. Онъ въ своемъ резюме полный хозяинъ и разъ судъ становится на такую точку, то я прошу сдѣлать перерывъ и дать намъ возможность представить свои факты. Тогда мы укажемъ сотни обстоятельствъ, по которымъ мы желаемъ дополнить резюме. Это неслышанно; я понимаю, что защита просить занести въ протоколъ извѣстные данныя судебнаго сдѣдствія, которыя до этого не интересовали защиту въ смыслѣ занесенія въ протоколъ, потому что не было резюме председателя. Но первый разъ я слышу, чтобы такъ истолковывались заявленія защиты, что надо присяжныхъ засѣдателей возвращать изъ совѣщательной комнаты. Вотъ это будетъ законный поводъ...

Прок. Я также имѣю право сдѣлать заявленіе. Я тоже предполагалъ, что защита ходатайствуетъ занести въ протоколъ неточности, или неправильности, допущенныя въ резюме г. председателя. Оказывается нѣтъ. Защита ходатайствовала о томъ, чтобы резюме было дополнено тѣми обстоятельствами, которыя она считаетъ важными. Резюме председателя критикѣ защиты не подлежитъ. Если ходатайство защиты будетъ удовлетворено, то мы съ своей стороны будемъ ходатайствовать, чтобы были дополнены такія то и такія то обстоятельства, напримѣръ, изъ экспертизы ригуальной, чтобы они были подробно занесены. Это неслышанное ходатайство. Если защита указываетъ на какую-нибудь неточность, которую нужно установить—это дѣло другое, но такихъ неточностей защита не указываетъ. Я полагаю, что въ тотъ важный моментъ, котрый насталъ для присяжныхъ

засѣдателей въ настоящее время, отвлекать ихъ для того, чтобы добавить указаніе защиты, совершенно нежелательно.

Грузенб. Позвольте послѣднее слово защитѣ.

Замысл. Я тоже хочу потомъ сдѣлать заявленіе.

Грузенб. Я не буду отвѣчать на вопросъ,—слыхано-ли это или не слыхано, потому что одинъ слышитъ то, что другой не слышитъ, я буду отвѣчать, что говорить законъ и сенатская практика. Законъ и сенатская практика даютъ право сторонамъ ходатайствовать послѣ резюме председателя, либо о занесеніи въ протоколъ тѣхъ или другихъ мѣстъ резюме, либо объ исправленіи и дополненіи такового и такимъ образомъ мнѣ безразлично,—слыхалъ ли г. прокуроръ и гражданскіе истцы, но законъ и сенатъ это допускаеть, это для меня достаточно. Второе---говорять, что будутъ безконечныя ходатайства о всякихъ мелочахъ. Это зависить отъ суда признать то, о чемъ ходатайствуетъ защита, есть-ли это пустячекъ, мелочь, незначительность, или признать, что это есть серьезное обстоятельство въ оцѣнкѣ доказательствъ и въ оцѣнкѣ уликъ противъ подсудимаго. Значить, и это возраженіе совершенно неправильно. Третье---можетъ быть присяжные засѣдатели что-то и дѣлають—это возраженіе опять съ законной точки зрѣнія никакого значенія не имѣеть. Я сдѣлалъ свое заявленіе своевременно, едва только вышелъ послѣдній присяжный засѣдатель, я это сдѣлалъ изъ уваженія къ суду, чтобы они не слышали мое заявленіе, и это рекомендуетъ сенатъ, поэтому я тутъ былъ совершенно правъ. Въ виду того, что ни прокуроръ, ни гражданскіе истцы не представили ни одного законнаго возраженія, кромѣ того, что можетъ быть присяжные рѣшили уже дѣло, а мы знаемъ, что до облашенія вердикта онъ для насъ не существуетъ. Поэтому я прошу войти въ оцѣнку нашихъ указаній и рѣшить съ точки зрѣнія закона и сенатской практики, и выполнить то, о чемъ мы просили, то есть дать разъясненіе, ибо вы сами видите, что они касаются самыхъ серьезныхъ обстоятельствъ, а не мелочей.

Судъ ходатайство Грузенберга отклоняеть.

Грузенб. Я прошу всё эти части и всё эти десять пунктов занести в протоколъ.

Послѣ 1 час. 20 мин. совѣщанія, присяжные возвращаются въ залъ засѣданія.

Старшина присяжныхъ возвращаетъ председателю листъ съ отвѣтами на поставленные вопросы.

Предсѣдатель просматриваетъ и скрѣпляетъ листъ своей подписью.

ПЕРВЫЙ ВОПРОСЪ:

Старшина присяжныхъ читаетъ:

„Доказано-ли, что 12-го марта 1911 года въ Кіевѣ, на Лукьяновкѣ, по Верхне-Юрковской улицѣ, въ одномъ изъ помѣщений кирпичнаго завода, принадлежащаго еврейской хирургической больницѣ и находящагося въ завѣдываніи купца Марка Іонова Зайцева, тринадцатилѣтнему мальчику Андрею Ющинскому при зажатомъ ртѣ были нанесены колющимъ орудіемъ на теменной, затылочной, височной областяхъ, а также на шеѣ раны, сопровождавшіяся пораненіями мозговой вены, артерій, лѣваго виска, шейныхъ венъ, давшія вслѣдствіе этого обильное кровотеченіе, а затѣмъ, когда у Ющинскаго вытекла кровь въ количествѣ до 5-ти стакановъ, ему вновь были причинены такимъ-же орудіемъ раны въ туловище, сопровождавшіяся пораненіями легкихъ, печени, правой почки, сердца, въ область котораго были направлены послѣдніе удары, каковыя раненія въ своей совокупности числомъ 47, вызвавъ мучительныя страданія у Ющинскаго, повлекли за собой почти полное обезкровленіе тѣла и смерть его“. Отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей:

— Да, доказано.

ВТОРОЙ ВОПРОСЪ:

„Если событіе, описанное въ первомъ вопросѣ, доказано, то виновенъ-ли подсудимый, мѣщанинъ гор. Василькова, кievской губ., Менахиль-Мендель Тевіевъ Бей-

лисъ, 39 лѣтъ, въ томъ, что зарыяфе заду-мавъ и согласившись съ другими, не обна-руженными слѣдствіемъ лицами, изъ по-бужденій религіознаго изуверства лишить жизни мальчика Андрея Ющинскаго, 13 лѣтъ,—12-го марта, 1911 г., въ гор. Кіевѣ на Лукьяновкѣ, по Верхне-Юрковской ули-цѣ, на кирпичномъ заводѣ, принадлежа-щемъ еврейской хирургической больницѣ и находящейся въ завѣдываніи купца Мар-ка Іонова Зайцева, онъ, подсудимый, для осуществленія этого своего намѣренія, схватилъ находившагося тамъ Ющинскаго и увлекъ его въ одно изъ помѣщеній заво-да, гдѣ затѣмъ сговорившись азаряфе съ нимъ на лишеніе жизни Ющинскаго, необ-наруженныя слѣдствіемъ, лица, съ вѣдома его, Бейлиса, и согласія зажали Ющинско-му ротъ и нанесли колющимъ орудіемъ въ теменной, затылочной и височной обла-стяхъ, а также на шеѣ раны, сопровождав-шіяся пораненіемъ мозговой вены, артерій лѣваго виска, шейныхъ венъ и давшія вслѣдствіе этого обильное кровотеченіе, а затѣмъ, когда у Ющинскаго вытекла кровь въ количествѣ до 5-ти стакановъ, ему вновь были причинены такимъ-же орудіемъ раны на туловищѣ, сопровождавшіяся поранені-емъ легкихъ, печени, правой почки и серд-ца, въ область котораго были направлены послѣдніе удары, каковыя раненія по своей совокупности, числомъ 47, вызвавъ мучи-тельные страданія у Ющинскаго, повлекши за собою почти полное обезкровленіе тѣла и смерть его“.

Отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей:

— Нѣтъ, не виновенъ.

ПРИГОВОРЪ СУДА.

Предсѣдатель (объявляя Бейлиса по су-ду оправданнымъ). Вы свободны, можете занять мѣсто среди публики.

КОНЕЦЪ.

Составъ суда по дѣлу Бейлиса.

Предсѣдатель — предсѣдатель кievскаго окружнаго суда Ф. А. Болдыревъ, члены суда: К. А. Вигура, А. И. Юркевичъ, кн. Д. В. Жеваховъ.

Обвинитель—товарищъ прокурора с.-петербургской судебной палаты О. Ю. Вишперъ.

Повѣренные гражданской истиды Александры Приходько—прис. пов. А. С. Шмаковъ, частн. повѣр. Г. Г. Замысловскій и пом. прис. повѣр. С. Н. Дурасовичъ.

Защитники—присяжн. повѣренные—Д. Н. Григоровичъ-Барскій, О. О. Грузенбергъ, А. С. Зарудный, Н. П. Карабчевскій и В. А. Маклаковъ.

Присяжные засѣдатели:

М. Д. Мельниковъ (старшина), губернский секретарь, помощникъ ревизора контрольной палаты.

Г. А. Соколовскій, крестьянинъ, контролеръ городского трамвая.

И. Г. Перепелица, мѣщанинъ, домовладѣлецъ Вознесенскаго спуска.

Г. А. Оглоблинъ, чиновникъ почтово-телеграфной конторы.

Ю. С. Синьковскій, чиновникъ почтово-телеграфной конторы.

М. К. Кутовой, крест. села Хотово.

П. Л. Клименко, крест., служащій деміевскаго виннаго склада.

М. И. Тертычный, крест. села Борщановки.

П. Г. Калитенко, мѣщан., служащій на вокзалѣ.

Ф. Я. Савенко, крест. с. Кожуховки.

А. Г. Олейникъ, крест. села Гостомель.

С. Ф. Мостицкій, извозчикъ.

Въ число запасныхъ входили:

Г. И. Яковлевъ, служащій городской управы и.

Х. І. Штембергъ, служащій соединеннаго банка.

Поименный алфавитный указатель

III ТОМА:

Бейлисъ Мендель—272.

Григоровичъ-Барскій 249—257.

Грузенбергъ 155—193, 263—269, 273, 297, 299, 300.

Замысловскій 58—91, 193, 235—242, 272, 274, 275, 298—299.

Зарудный 193—207, 257—260, 274, 275.

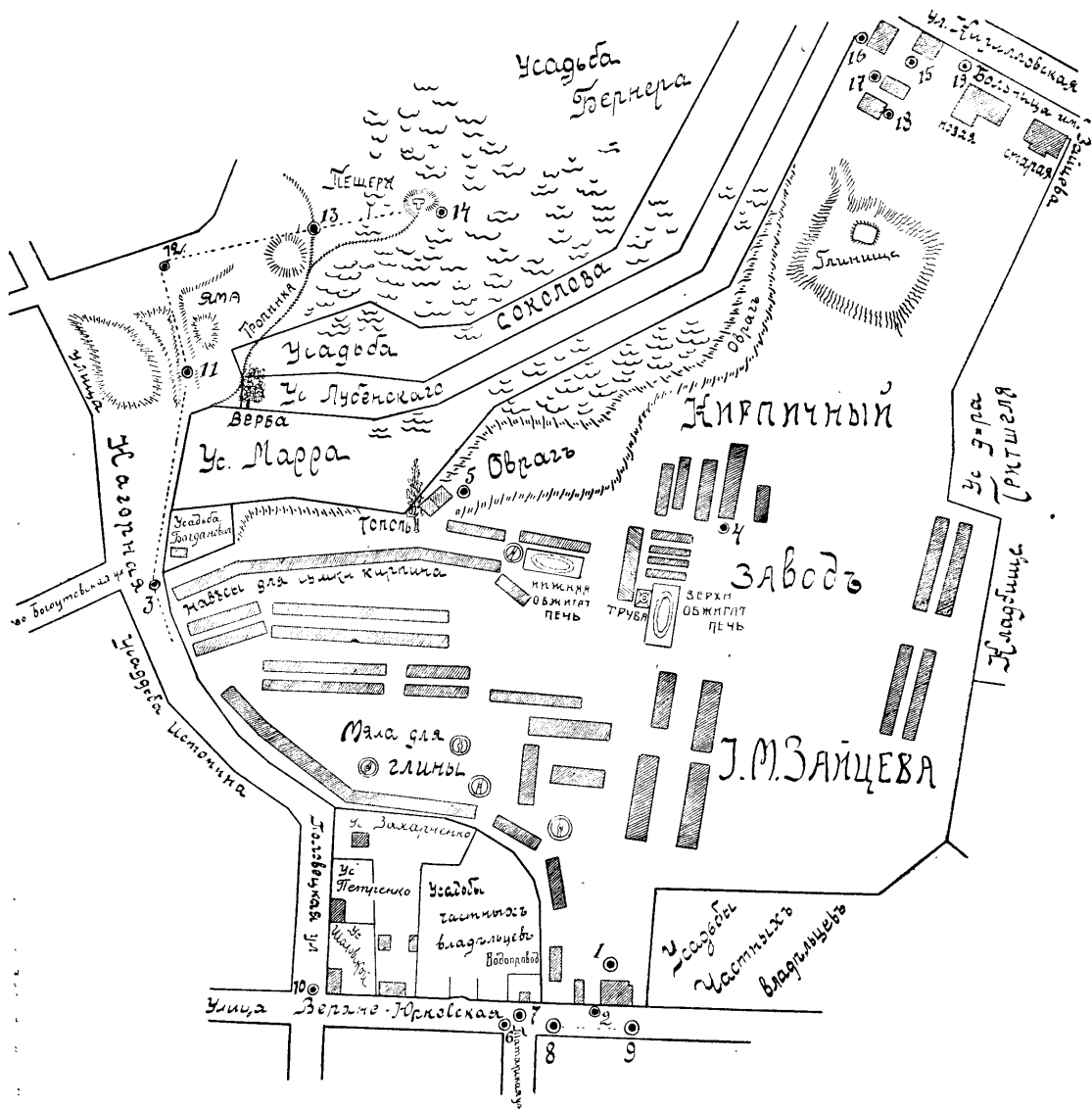
Карабчевскій 56, 58, 207—228, 234, 269—271.

Маклаковъ 123—155, 260—263.

Предсѣдатель 3, 24, 46, 56, 58, 99, 103, 104, 108, 109, 118, 119, 172, 185, 187, 188, 189, 193, 199, 200, 201, 203, 206, 211, 216, 227, 233, 235, 238, 239, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 249, 254, 257, 262, 263, 270, 272, 274, 275, 276—297, 298, 300.

Прокуроръ 3—58, 228—234, 272, 274, 275, 299.

ПЛАНЪ МѢСТНОСТИ, осмотрѣнной судомъ во время выѣзда 30 сентября

Объясненіе номеровъ.

1. Домъ, гдѣ жилъ обвиняемый Мендель Бейлисъ. 2. Ворота на Верхне-Юрковскую улицу. 3. Ворота на Нагорную улицу. 4. Сгорѣвшее помѣщеніе, гдѣ была шорная мастерская. 5. Изба, гдѣ жилъ свидѣтель Юхриковъ. 6. Мѣсто, гдѣ стоялъ свидѣтель Константинъ Добжанскій, когда увидѣлъ Андрея Ющинскаго. 7. Мѣсто, гдѣ находился Андрей Ющинскій, когда его видѣлъ Константинъ Добжанскій. 8—9. Путь, по которому шелъ Андрей Ющинскій, когда его видѣлъ Константинъ Добжанскій. 10. Мѣсто, на которомъ свидѣтельница Ульяна Шаховская, по ея словамъ, видѣла Андрея Ющинскаго. 11. Мѣсто, съ котораго свидѣтель Яценко увидѣлъ въ первый разъ неизвѣстнаго человѣка. 12. Мѣсто, съ котораго свидѣтель Яценко увидѣлъ во второй разъ того же человѣка. 13. Мѣсто, гдѣ остановился тотъ человѣкъ, когда замѣтилъ свидѣтеля Василя Яценко. 14. Пещера, гдѣ былъ обнаруженъ трупъ Андрея Ющинскаго. 15. Домъ, гдѣ живутъ Хаимъ и Борухъ Дубовики. 16. Неоконченный домъ. 17. Богадѣльня, построенная Зайцевымъ, гдѣ живутъ престарѣлые евреи, и гдѣ предполагалось устроить молельню. 18. Домъ, гдѣ живетъ мать управляющаго заводомъ Дубовика. 19. Ворота на Кирилловскую улицу.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ I, II и III ТОМЫ:

Дѣло Бейлиса.

Стенографическій отчетъ.

(1436 страницъ).

ТОМЪ I.

СУДЕБНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

Допросъ свидѣтелей (первые шестнадцать дней) съ приложеніемъ алфавитнаго поименнаго указателя. Цѣна I т. 2 руб.

ТОМЪ II.

СУДЕБНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

Окончаніе допроса свидѣтелей и заключенія экспертовъ, съ приложеніемъ алфавитнаго поименнаго указателя. Цѣна II т. 1 р. 50 к.

ТОМЪ III.

ПРЕНІЯ СТОРОНЪ.

Рѣчи прокурора, гражданскихъ истцовъ, защитниковъ и резюме предсѣдателя. Цѣна III т. 1 р. 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Кіевъ, Львовская № 45, кв. 4. Ф. П. Борисовъ.